

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CONTAINED TO THE LIBRARY.

VET. DK 4. S276.085.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Грецемъ

и

Оадеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ПЯТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1827.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа 22 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ и Кавалеръ
Иродіонъ Вятрискій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАПИСКИ О ФРАНЦІИ (*).

Книгопечатаніе, книжная торговля, свобода тисненія, Цензура.

До революціи книгопечатаніе и книжная торговля управлялись особою Палатою (chambre syndicale), состоявшею подъ вѣдѣніемъ Канцлера Франціи. Книгопечатниковъ было числомъ шринадцать шесть; имъ надлежало получить патентъ, дать присягу и выдержать дѣлаемое однимъ изъ членовъ Университета, по назначенію Ректора, испытаніе, какому подвергались и книгопродавцы. Число сихъ послѣднихъ не было опредѣлено; имъ также надлежало имѣть патентъ, умѣть переводить съ Латинскаго на Французскій и читать по Гречески. Почти всѣ книгопечатники были и книгопро-

---

(*) Изъ Vie publique et privée des Français. Paris, 1826.

давцы. Какъ сіи двѣ промышленности имѣли тѣсную связь съ Университетомъ, по мѣсто ихъ дѣйствія находилось въ шакъ называемомъ Латинскомъ краю (le pays latin), обширной части города.

Кромѣ книгопродавцевъ были также *букинисты* или продавцы старыхъ книгъ, которымъ запрещалось торговать новыми, и которые могли запасаться своимъ товаромъ только на публичныхъ торгахъ (аукціонахъ). Между нѣмъ, торгующимъ бумагою позволялось продавать тѣсенные альманахи и небольшія дѣтскія книжки.

Книгопродавцы-печашники получали за деньги привилегію печашать и продавать, въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ напечатанныя ими книги.

Королевская привилегія, на пергаментѣ, стоила 33 франка; она давалась не долѣе, какъ на десять лѣтъ. За простое позволеніе платили 7 ливровъ 10 су; оно продолжалось на три года. Послѣ сихъ сроковъ можно было возобновлять то и другое по волю автора и заплачивать же деньги.

Просимыя позволенія давались на мало-важныя сочиненія и особливо на романы.

Авторы сами считали себя въ правѣ продавать книги, ими сочиненныя и на ихъ счетъ напечатанныя. Люно-де-Буа-Жермень

вель по сему предмету съ Палашою книгопечатанія шяжбу, кошорую онъ выигралъ.

Печашники и книгопродавцы были вообще досшойны уваженія, какимъ они пользовались, какъ по образованности ихъ, такъ и по честности. Весьма рѣдко случалось, чшобъ кто-либо изъ нихъ былъ пошребованъ къ опвѣщу въ Парламентъ, и если сей. осуждаеь книгу на сожженіе рукою палача, шо навѣрное книга сія была напечатана въ чужихъ краяхъ.

Ни одна книга не могла быть издана безъ одобренія Королевскаго Цензора. Если она, по содержанію, относилась къ Религій, шо подвергалась Цензурѣ Докшора Сорбонны; относящіяся къ Юриспруденціи и Законамъ — Адвокашу. Каждый Цензоръ имѣлъ свои назначенные предметы. Между шѣмъ, какъ не легко было рѣшишь, какому Цензору надлежало отдавать книгу разнообразнаго содержанія; шо всякій усмошришь, сколь много шакая система Цензуры предосшавляла произволу.

За всѣмъ шѣмъ, Цензура была не строга; появлялись книги, писанныя противъ Религій, противъ нравственности, и даже Правительштво не препяшешвовало свободному ихъ обращенію. Книга *Разумъ*, была одобрена Цензоромъ; *Энциклопедія*, *Эпохи*

природы знаменишаго Бюфона, Велизарій Мармонтеля, соблазнительные романы, каковы: *Фелиція* и *Опасный союз* продавались всенародно и Парламентъ не возставалъ ни противъ книгопродавцевъ, ни противъ печатниковъ. Книги, которыхъ одно заглавіе заставляло краснѣть стыдливостію, пасквили на Правительство, были разбросаны вездѣ и никто не нарушалъ покоя разнощиковъ.

Всего болѣе доказываешься послабленіе Министерства и Парламента, относительно свободнаго обращенія сочиненій, о какихъ мы говоримъ, пѣмъ наводненіемъ, какое произошло въ книжной торговлѣ оныя книгъ анти-религіозныхъ, печатанныхъ въ чужихъ краяхъ. Главный Адвокатъ Сегье дѣлалъ противъ нихъ сильныя нападенія и Парламентъ осуждалъ нѣкоторыя на сожженіе; но кто вводилъ ихъ? гдѣ складочное ихъ мѣсто? до того никому не было нужды. Посему-то, вскорѣ появлялись оныя снова, даже на публичныхъ торгахъ, и пѣмъ съ болѣею охотою старались ихъ доставать, что въ кашадогахъ означались оныя только точками.

Революція дала печатанію и продажѣ книгъ такую свободу, которая вскорѣ обратилась въ безстыдное своеволюство. Кому

вздумалось, могъ сдѣлаться печатникомъ и продавцемъ книгъ; не было привилегій, ни Цензоровъ, ни запрещеній. Правительство, Религія, нравы, качества частныхъ людей, все подвергалось нападкамъ ошъ свободнаго обращенія старыхъ книгъ и изданія новыхъ, кошорыхъ цинизмъ превышалъ все, что только можно представить себѣ гнуснаго. И если въ кошорая часть книгъ издавалась для того, чтобы внушить Французамъ права ихъ, другая несравненно большая часть внушала имъ только презрѣніе ко всѣмъ обязанностямъ.

• Нечего было и спрашивать ошъ печатниковъ и продавцевъ книгъ шой образованности, какая прежде пребывалась ошъ нихъ Университетомъ. Совершенное невѣжество было удѣломъ ббльшаго числа. Намъ памятенъ одинъ книгопродавецъ, называвшій Цицерона M. Ciceronis; потому что читалъ на заглавіи книги: M. T. Ciceronis orera; другой, кошорый, объявляя на аукціонѣ о книгахъ, сказалъ: „Вошъ двѣнадцать Цезарей господина Свепонія; наконецъ еще одинъ, кошорый, говори о сочиненіи одного Лашинскаго автора, сказалъ les oreras, вмѣсто orera. Преніе книгопродавцы воспринимали ошъ сего изводненія въ области типографіи и

книжной продажи, и удалились, оставя ее исполнѣ во власпи сихъ невѣждъ.

Уже книжная торговля опличалась множествомъ предпріяшій, полезныхъ государству, и книгопечатаніе пріобрѣло не менѣ славы красошою литеръ и правильностию изданій, выходившихъ изъ подъ пресса; но шолпа новыхъ печатниковъ и книгопродавцевъ, жаждущая неперпѣливо обогатиться, принялась вдругъ размножать съ большею поспѣшностию кучу дурныхъ книгъ, печатающая ихъ на самой проспой бумагѣ, съ грубѣйшими ошибками. Книжная торговля, пользуясь свободою или лучше своеволевствомъ писненія, была приведена пѣмъ въ большую дѣяшельность, что много покупателей доставляль ей упадокъ бумажныхъ денегъ и господствовавшій тогда вкусъ.

Но шочно ли справедливо, что свобода книгопечатанія существовала во время Конвента и Директоріи? Была, безъ сомнѣнія, гибельная свобода писать все, прѣшивное Религій, нравственности, Королевской власпи, фамиліи Бурбоновъ и ихъ управленію; но никогда не было сомнѣшельнѣ свободы для пѣхъ, кто имѣль довольно мужества, чтобы защищать своими сочиненіями предмешы, споль уважшельные. Если бы вздумалось имъ воспользовашься правомъ, кошо-

рому не было поешановлено никакого ограничения, по надлежало ожидать непременно смертной казни. Лучше было бы ввести самую строгую Цензуру, нежели распавлять щакимъ образомъ съшь на пагубу писателямъ, осмьлившимся изьясниться свободно, въ защиту Вьры и законной Королевской власти.

Во время Консульскаго правительсва и посльдовавшаго за нимъ, печашаніе и продажа книгъ подвергались надзору и спьсненіямъ, которые не менше противны были правиламъ новыхъ конспишущій, опноспельно мнимой народной свободы. Печашники, которыхъ число было ограничено, обзывались брать нашеншь на опправление своей промышленности; того же пребовалось въ посльдствіи и опшь книгопродавцевъ.

Казна, не опшвергавшая никакого средства доспавать деньги, для удовлетворенія чрезмьрнымъ расходамъ Правительсва Наполеонова, и полагавшая обильный источникъ богатства въ перепечашаніи швореній сочинителей, умершихъ за десять льшь, подвергнула пошлинъ каждый печашный листъ, какъ собшвенность общеспвенную. Тогда книгопечашаніе служило шолько для изданія романовъ всякаго рода, подишическихъ сочиненій въ духъ Правительсва,

нѣсколько императорскихъ Журналовъ, давно забытыхъ поэмъ, стиховъ, дышущихъ ласкательствомъ, театральныхъ пьесъ и нѣкоторыхъ переводовъ Лапкинскихъ Авторовъ, которыхъ подлинникъ, помѣщаемый вмѣстѣ съ Французскимъ переводомъ, являлся также предметомъ финансовыхъ расчисловъ. Посему-то, хорошіе Авторы никогда не бывали такъ рѣдки. По сему-то, для библіотекъ оставалось выбирать, напримеръ, Мольера изъ двухъ только изданій въ осьмушку, 1773 и 1788 года. Буало нельзя было найти иного изданія, какъ 1747 года; Корнеля — 1764; Расина съ примѣчаніями Люно-де-Буа-Жермена, изданіе 1798 года. Но могло ли заботиться о потребностяхъ Литературы Правительство, которое безпрестанно озабочено было потребностію въ деньгахъ?

Цензура, возстановленной послѣ Консультскаго Правительства, поставлена въ обязанность смотрѣть со всею строгостію за печатаніемъ и продажей книгъ, во всемъ томъ, что касалось дѣлъ и правилъ бывшаго Императорскаго Правленія. Смотря ехвъозъ пальцы на всѣ сочиненія, относящіяся къ религіи и нравственности, она зорко наблюдала за предметами, касающимися полиціи и законодательства, не упу-

ская изъ виду ничего, что хоша нѣсколько могло бытъ примѣнено къ поступкамъ славы Государства. Кто бы подумалъ, что проспѣя извлеченія изъ сочиненій историческихъ и другихъ существовавшихъ прежде революціи, могли возбуждать подозрѣнія? Но это было точно. Вотъ при случаѣ, служащихъ тому доказательствомъ: одинъ либераторъ извѣстный сочиненіями, относящимися къ воспитанію дѣтей и весьма уважаемыми, опдалъ въ цензуру рукопись, въ кошорой помѣщенъ былъ знаменитый разговоръ Августа съ Агриппою и Меценатомъ, о его намѣреніи, дѣйствишельномъ или ложномъ, отказаться отъ престола. Сей разговоръ, подавшій Корнелю поводъ къ одной изъ предѣстнѣйшихъ сценъ, былъ перчерченъ Г. С**, рефендаріемъ сѣшной палаты. Разсерженный сдѣланными помарками авторъ, идешь жаловаться Г. Померелю, Директору книжной торговли. „Цензоръ сдѣлалъ очень хорошо“ отвѣчаетъ ему сей: „я не хочу, чшобъ эта сцена была напечатана.“

Другая рукопись того же Автора была опдана Г. Лемон**, Члену Французской Академіи. Въ ней заключалась славная тирада Соренна противъ завоевателей, кошорую Вольтеръ такъ восхищался; и Г. Лемон**

ее вычеркнулъ, говоря, что она можешь по-
дашь поводъ къ примѣненію.

Историческая рукопись того же авшо-
ра послана была къ Г. Бак** младшему.
Пришедши къ Цензору, Авшоръ спросилъ,
что думаешь онъ объ его сочиненіи? „Им-
ператору угодно“: сказалъ ему пошъ: „чтобъ
не говорили ничего, ни объ Испанской вой-
нѣ, ни о мяшежахъ.“

Людовикъ XVIII, возсѣвъ на пресполь-
предковъ своихъ, уничтожилъ Цензуру и
пошлину, наложенную на перепечашаніе со-
чиненій, причисленныхъ указомъ къ обще-
спвеннымъ имуществамъ; въ слѣдъ за симъ
книгопечашавіе, съ невѣроятною дѣяшельцо-
спію занялось размноженіемъ нашихъ книгъ,
признаваемыхъ во всей Европѣ классиче-
скими. Лашинскіе Авшоры, которыхъ луч-
шія заграничныя изданія доставались поль-
ко за самую высокую цѣну, и по немно-
гими богатыми любителями, обязаны были
дѣяшельному покровительству одного име-
нищаго банкира и пристрастію Монарха
къ Лашинской Литературѣ, двойкимъ пре-
имуществомъ: украшашъ библіотеки наши
и внушашъ учащемуся юношесству любовь
къ прекрасному, коего останушся они на-
всегда совершеннѣйшими образцами. Вліяні-
емъ свободы книгопечашанія появились опять

всѣ, такъ называемыя Философическія шворенія, съ такою шипографскою роскошью, которая превзошла ожиданіе и самыхъ взыскательныхъ любителей хорошихъ изданій. Книгопродавцы, ободренные быспрою распродажею сихъ книгъ, съ каждымъ днемъ болѣе подспрекали въ печатникахъ возгорѣвшееся усердіе, которое, казалось, никогда уже не могло потухнуть.

Какъ возшановленное Королевское Правительство держалось правилъ, прошивныхъ ложной Философіи, то возникла сильная оппозиція со стороны значительнаго числа Французовъ, прилѣпившихся къ революціи. Множество печатниковъ и продавцевъ книгъ, старались соопвѣшествовать вкусу сей оппозиціи умноженіемъ, въ разныхъ всевозможныхъ формахъ, швореній Вольшера, Ж. Ж. Руссо, Вольнея, Дюкюи, Рейналя, Дидероша и другихъ сочиненій, писанныхъ съ намѣреніемъ поколебашь догматы Евангелія и Капшолцизма.

Цензуры книгъ не существовало, но Журналы подвергались оной время отъ времени; почему появилось множество періодическихъ шешрадокъ, которыя, на ряду съ книгами избавляясь Цензуры, были наполняемы бранью противъ дѣйствій Правительшва и возобновляли, такъ сказашь,

языкъ революціонный, умоляющій было предъ полномочіемъ Бонапарша. Неизвѣстно, до чего бы сія пасквили довели Монарха, Министровъ и самую націю, если бы новый законъ не оспановилъ вовремя ихъ дерзости и необузданности.

Изъ сочиненій мнимо-Философскихъ, въ которыхъ оскорблялась Религія или нравственность, позволялось перепечатывать и продавать только тѣ, которыя подъ заглавіемъ *твореній* (*oeuvres*), составляли число часшей, болѣе или менѣе значительное; но не тѣ, которыя, состоя изъ одной или двухъ частей, могутъ быть приобретаемы многими. Судилища, вспооществуя Правительству, осуждали на исправительныя пени печатниковъ и книгопродавцевъ, которыя покушались выпускать въ свѣтъ пакія книги. Къ присуждаемымъ наказаніямъ присовокуплялось и опяніе у нихъ пациентовъ.

Опъ сего произошло, что куча забытыхъ сочиненій возбудила живое любопытство въ публикѣ; усердіе, съ какимъ ихъ искали, было также велико, какъ прежде равнодушіе къ нимъ, въ печеніе болѣе двадцати лѣтъ. *Общественная система* (*Système social*), произведеніе мечтателя, неизвѣстное весьма многимъ и нечитанное тѣ-

ми, кто знает его, ежедневно требовалось у книгопродавцев, и за него плащили втрое прошивъ настоящей цѣны. Известно, что самая дурная книга, сожженная некогда рукою падача, доставляла единственно по причинѣ сего сожженія, богатство книгопродавцу, продававшему ее тайно.

Эпоха *возстановленія*, въ книжномъ отношеніи, отличаетъ отъ предшествовавшихъ ей наиболѣе перепечатаніемъ самыхъ многошомныхъ швореній и большихъ сборниковъ, все въ осьмую долю листа. Біографіи брашъевъ Мишо и современниковъ, Побѣды и завоеванія Французовъ, репертуаръ театральныхъ пьесъ перваго и втораго разряда, подвѣя шворенія Роллена и Кретье, Библія Ванса, шворенія Боссюэша, проповѣди Бурдалу и Массильона, Литературный курсъ Дагарца, сокращеніе общей Исторіи путешественій, шворенія Вольтера, Руссо, Мармонтеля, Бюффона, репертуаръ правовѣдствія, многіе другіе сборники сего рода, собраніе древнихъ записокъ, относящихся къ Французской Исторіи, записки объ Англійской революціи, сборникъ Французскихъ прозаисцовъ, такой же Латинскихъ авторовъ въ маленькомъ форматѣ и множество другихъ сочиненій во всѣхъ родахъ, перепечатанныхъ, или изданныхъ вновь, до-

спавляли печашанію и шорговлѣ Французскихъ книгъ дѣяшельность, какой никогда она не имѣла, и кошорой не мѣшали даже шпрогія шаможенныя сисшемы, усшановленныя на всѣхъ границахъ нашихъ. Какой причинѣ должно приписать сей типографскій и литерашурный феномень, если не жаждѣ образованія, кошорая уже болѣе двадцати пяти лѣтъ овладѣла всѣми классами общешства?

Библіотеки, продажа книгъ съ публичнаго торго, ревизія.

Французы образованные, или желавшіе образовашься, всегда любили собирать библіошеки, болѣе или менѣе значительныя, сообразно вкусу каждаго изъ нихъ. Передѣ революціей, кромѣ библіошекъ, ошкрытыхъ для публики, было чрезвычайно много другихъ, собираемыхъ монашешствующими, бѣлымъ духовеншвомъ, судилищами, Принцами, вельможами, Академіями, Литерашорами и великимъ числомъ особъ разнаго званія. Большая часть оныхъ, особливо же монашшйрскія библіошеки, заключали въ себѣ драгоцѣнныя книги, какъ печашныя, шакъ и рукописныя. Бенедикшины и Каршезіанцы обладали истинными сокровищами въ рукописяхъ на пергаменѣ и въ произведеніяхъ

первыхъ времяхъ книгопечатанія. Между частными ошлчались, числомъ и выборомъ книгъ, библіюшеки Прэзидента Ламуаньона, Графа Доймъ (d'Hoym), Герцога де ла Вальеръ, Г. Генъа (Gaignat), Аббаша Рощеленя, Принца Субиза и пр.

Много образованныхъ книгопродавцевъ способствовали любителямъ въ хорошемъ выборѣ книгъ. Осмонъ, Маршенъ, старшій Дебюръ, Кальо и нѣкоторыя другіе, брались означать имъ лучшія изданія, съ цѣнами или безъ цѣнъ, и такимъ образомъ возродилась Библіографія, наука, для которой похребно имѣвъ большую память и не мало разсудительности. Тогда книгопродавцы увидѣли необходимость изучать ее, чтобы не обманывали покупателей и не выказали невѣжества въ своемъ промыслѣ.

Когда Конспишюціонное собраніе уничтожило монашество, кафедральныя и другіе капитулы, ограничило должностное духовенство весьма умереннымъ содержаніемъ, ошмѣнило Парламенты и Университеты; когда революціонныя смѣшенія и мятежи народные принудили самыхъ зажиточныхъ дворянъ выѣхать изъ ошечества, когда наконецъ кровавое правленіе Конвента взвело на плаху людей, самыхъ образованныхъ и доспойныхъ занимавъ важныя должности,

какія поручались имъ Правительствомъ, — тогда необъятное множество книгъ подверглось расхищенію, прятанью въ пещи, въ сырости, истлѣнію и испребленію отъ враждебныхъ живошныхъ. Неменьше враждующіе съ просвѣщеніемъ чиновники невѣжды, коимъ ввѣрена была управа надъ библіотеками и поручено описаніе ихъ, осуждали при своихъ посѣщеніяхъ, огню и разрушенію всѣ богословскія книги, какія только попадались имъ въ руки: Библіи, писанія Св. Отцевъ, соборныя уставы, шюлкованія, проповѣди, и проч.; или уносили къ себѣ на домъ тѣ изъ нихъ, коимъ были украшены каршинками и золотымъ и цвѣшными окладами. Этимъ варварскимъ невѣжествомъ истребилось великое число пергаментныхъ рукописей и превосходнѣйшихъ изданій Библіи. Къ этому постыдному и гибельному расхищенію надобно присовокупить кражу, которую позволяли себѣ республиканскіе любители чтенія въ сихъ несчастныхъ библіотекахъ, и употребленіе, дѣлаемое изъ книгъ солдатами на каршусы и папроны, или на раскуреніе пирубокъ ихъ. Казалось, что всѣ сіи расхищители или истребители посланы были въпорымъ Омаромъ, чтобы уничтожили всѣ хранилища человеческихъ

свѣдѣній, какъ не могущихъ согласоваться съ видами Конвента.

Когда наконецъ Конвентъ рѣшился собрать въ нѣсколько хранилищъ всю, избѣгши ошъ расхищенія книги, тогда оказалась вся мѣра опустошенія библиотекъ. Наряженная въ маломъ Люксембургѣ Коммиссія должна была заниматься почти только по вѣркою, исправленіемъ и приведеніемъ въ библиографическій порядокъ, присылаемыхъ изъ Департаментовъ реэспровъ о разрозненныхъ книгахъ. По порученію Комитета общеспвеннаго просвѣщенія, она соспавляла огромный кашадогъ всѣмъ конфискованнымъ книгамъ, кошорый послужилъ бы только къ спыду Правительспва, допусшившаго споль гибельные грабежи. По сему-шо сіе предположеніе и было опмѣнено, какъ скоро Директорія помѣспидась въ шомъ зданіи, гдѣ работала Коммиссія.

По распущеніи сей Коммиссіи, хранилища, соспавленные въ Паризѣ и въ Департаментсахъ, ввѣрены были людямъ, обязавшимся надзирашь за книгами и привеодити ихъ въ порядокъ. Какъ многіе изъ сихъ чиновниковъ были не библиографы, а припомы и не спрогой нравспвенности; шо ихъ шрудъ, не принеся пользы Правительспву, былъ полезенъ только для нихъ. Они, или

связывали книги разныхъ изданій, или клали себѣ въ карманъ шѣ изъ нихъ, какія нравились имъ, или кошорыя, по формашу, было удобно спряшашь. Мы знали одного изъ сихъ чеспныхъ хранишелей, ошъ кошораго не укрылся ни одинъ хорошенъкій Эльзе-вирь (*), и кошорый симъ воровствомъ умѣлъ дѣлалъ порядочную добавку къ своему жалованью.

Когда приведеніе въ порядокъ книгъ, худо или хорошо, было окончено; Правитель-ство распорядилось, чшобъ лучшія шворенія, признанныя полными, розданы были разнымъ Правительственнымъ мѣшпамъ для сосшавленія библіошекъ. Такимъ-шо образомъ, въ каждомъ главномъ городѣ Департа-мента сосшавилась публичная библіошeka; шакая же образовалась для двухъ Совѣшовъ, и сія принадлежала послѣ Государшвенному Совѣшу, а наконецъ Бонапаршу. Всѣ Ми-нистершва, даже инвалиды получили биб-ліошеки. Не было ни одной малѣйшей пре-

---

(*) Симъ именемъ називалось семейство книгопечашниковъ, кошорое приобрѣло себѣ славу хороши-ми изданіями книгъ въ Амстердамѣ и Лейденѣ, съ 1595 до 1680. Особенно уважашся ихъ изданіе клас-сиковъ въ 12 и 16 долю лисша, кошорое шеперь очень рѣдко. *Пр. Прѣ.*

фектуры, кошора не пожелаала бы жить своей.

Когда изъ книгохранилицъ выбраны были всѣ книги, какія шребовались, прочія за шѣмъ отдавались книгопродавцамъ по весьма низкимъ цѣнамъ; иногда же въ награжденіе людямъ, кошорые посылали ихъ ими на продажу съ публичнаго шорга, или къ продавцамъ старой бумаги.

Мы знали одного изъ послѣднихъ, по имени Бони, кошорый, плаша по два или по шри су за книгу, накупилъ сполько, что могъ нагрузишь нѣсколько кораблей. Особливо не нравились никому фоліаншы и чешвершныя книги; не было пощады ни Грекамъ, ни Римлянамъ, ни церковнымъ служебникамъ, ни старымъ сборникамъ законовъ.

Такая продажа дѣлалась въ Парижѣ въ зданіи Францисканскаго монастыря, по долларамъ въ 20, 30 и 40 тысячъ фуншовъ вѣсу.

Книгопродавцы, свѣдавъ, что шакой-то бумажный продавецъ накупилъ множешво книгъ, являлись для перекупки на вѣсь шѣхъ, какія имъ были нужны, и посылали ихъ пошомъ на продажу съ публичнаго шорга.

Эша продажа библиюшекъ съ публичнаго шорга предшавляетъ для наблюдашеля зрѣлище, весьма любопытное. Тушь являлись лица въ шрехъ видахъ: продавецъ,

книжничекъ; объявляющій о заглавіи книгъ и покупщики. Въ печеніе пятидесяти лѣтъ не произошло никакой существенной перемены въ семь отношеній; но обшоятельсшва сдѣлали различныя, значительныя опшкы.

Нзкогда продавцами были присяжные присшавы (des huissiers exploitans), кошорые присуждали дающему болше всѣхъ, книгу; объявленную книжничкомъ. Когда же революція дала свободу на всѣ промыслы, нерѣдко случалось, что одинъ и попь же человекъ исполнялъ двоякую должность книжника и присшавы; почно шакже и нынѣ мы видимъ, время опъ времени, комиссаровъ-цѣновщи-ковъ, кошорые берутъ на себя объявлять о заглавіи книгъ, принимашъ надбавку и присуждашъ. Но когда Бонапарть учредилъ цѣхъ сихъ комиссаровъ, шо они могли про-давать книги, однако не оцѣнивая ихъ и не объявляя заглавій. И шакъ, если они позво-ляющъ себѣ нерѣдко шо и другое, шо един-ственнo по злоупотребленію, кошорое над-лежитъ испребишъ. Мы расскажем о двухъ случаяхъ, происходившихъ, между сошнею подобныхъ, въ глазахъ нашихъ. Одинъ изъ сихъ комиссаровъ, объявляющій о книгахъ библіотеки изъ чешырехъ или пяти сошъ шомовъ, оцѣнилъ въ чешыре франка двад-

цать пять шожовъ, между коими находилось изданіе 1718 года *Дафниса и Хлоя*, съ фигурами. Уже продажа оканчивалась на семи или осьми франкахъ, какъ подоспѣли два образованные книгопродавца и подняли цѣну до сорока пяти франковъ. Въ другой разъ повѣренный одного комиссара, выѣшавшійся въ оцѣнку, пошребовалъ чешыре франка за два шема въ лиснѣ, спожившіе въ шорговѣ до сорока осьми франковъ, и ошданныя шогда же за шридцать два франка.

Для продажи библіошеки, прежде, нежели она пущена въ аукціонъ, шребовалось всегда, чшобъ какой нибудъ книгопродавецъ оцѣнить ее и повѣстцить о разныхъ находящихся въ ней швореніяхъ. Такая повѣстпка дѣлалась въ шо время, какъ и нынѣ, сперва посредшвомъ кашалоговъ, раздаваемыхъ книгопродавцамъ и любштелямъ чшенія, а потомъ объявленіемъ на мѣспѣ продажи, слѣдуя порядку кашалого. Вообще примѣчанія, дѣланныя о книгахъ, болѣе или менѣе пространныя, были сосшавляемы съ большимъ раченіемъ книгопродавцами, кошорые сшавили себѣ въ чеспѣ показаніе при шомѣ шполько же образованности, какъ и шочности. Подъ шочками, коими означались нѣ кошорые нумера въ кашалогохъ, разумѣлись шворенія запрещенныя.

Книгопродавецъ, составляющій кашалогъ библіотеки, какъ бы она ни была значительна, всегда наблюдалъ порядокъ библіографическій, начиная съ Θεологіи и продолжая Закономъденіемъ, Науками и Искусствами, Литературой и Исторіей. Сии опдѣленія, подраздѣлявшіяся еще и наблюдаемыя досель издашелями кашалоговъ, представляютъ большія затрудненія въ распределеніи книгъ. Нѣкошорые провинціальныя книгопродавцы откинули ихъ и раздѣляютъ книги по формашамъ, что переняли они у иносанныхъ книгопродавцевъ.

Какъ для выгоды владѣльца библіотеки, комиссара-цѣновщика и книгопродавца пребуется, чтобы собиралось сколь возможно больше покупателей, то книгопродавецъ, не слѣдуя по порядку нумеровъ кашалога, выбиралъ въ каждое собраніе по нѣсколькуншвореній въ каждомъ опдѣленіи и подраздѣленіи. Очень поняшно, что если бы онъ въ одинъ день продавалъ однѣ богословскія, въ другой законотдческія книги, и шакъ даље; то въ продолженіе продажи одного дня, собиралось бы у него шолько малое число книгопродавцевъ и любителей.

Книгопродавцы, кошорые, до революціи, брались объявляшь о книгахъ на аукціонахъ, были вообще люди образованные; они знали

почти всѣхъ Греческихъ и Лашинскихъ Авшоровъ, не по однимъ заглавіямъ ихъ сочиненій; хорошо разумѣли языки Гомера и Виргилія и очень осперегались произносить въ чтеніи, *долгій слогъ кратко* и на оборотъ. Многіе знали языки иносѣрпные, особливо же языкъ Тасса и Аріосша. Навсегда останешся въ уваженіи сборникъ Итальянскихъ Авшоровъ, изданный книгопродавцемъ Про (Prault).

Сіи книгопродавцы умѣли поддерживать достоинство своего промысла. Объявивъ о книгѣ и оцѣнивъ ее, они предоставляли крикунамъ и приславамъ заботу подспрекать перекупщиковъ. Ненавидя шарлапанство, если и старались они выказать достоинство книги, то не скрывали и недостатковъ ея; никогда не позволяли себѣ никакого разсужденія, могущаго ввести въ обманъ покупателя.

Преемники, какихъ дала имъ революція, ни мало не были ихъ достойны. Лишь только она вспыхнула, множество шакъ называемыхъ книгопродавцевъ, не обладая другими качествами, кромѣ надменности, взяли объявить книги на публичныхъ шоргахъ. Одинъ изъ нихъ, величайшій невѣжда, но съ большею передъ другими смѣлостію и счастьемъ, успроизъ для продажи особую залу,

сдѣлавшуюся совмѣстницею Зданію Bullion; и спалъ ежедневно нускалъ въ перекупъ книги, отдавая себя на посмѣшище безпрещаннѣйшѣ коверканьемъ, при объявленіи о нихъ, языковъ Лапінскаго и Французскаго. За всѣмъ тѣмъ, его дерзкое предпріятіе удалось; пошому что мнимымъ своимъ прямотушiemъ пріобрѣталъ онъ довѣренность собиращелей библіотекъ и книгопродавцевъ.

Покупщиками книгъ при публичномъ шоргѣ, бывающъ вообще книгопродавцы и нѣкоторыя частныя люди, привлекаемыя надеждою меньшей платы, нежели въ лавкахъ. Въ числѣ первыхъ, бывающъ всегда нѣскольکو добросовѣстныхъ, кошорые перекупающъ, совѣщуютъ шолько съ кошелькомъ своимъ и съ надобностями; но сколько другихъ условливающихся напередъ, чшобъ доставашъ книги за гораздо дешевѣйшую цѣну, нежели за какую могли бы получить ихъ при честной покупке! Сіе злоупотребленіе, ешоль вредное для вдовъ, сиротъ, для казны, словомъ для всѣхъ, кто имѣетъ законное учасніе въ продажѣ библіотеки, существовало задолго до революціи, и не безъ негодованія видали даже имѣющіхъ пашенныя книгопродавцевъ въ спачкѣ, для такого обмена, съ продавцами старыхъ книгъ, шерпыми Наманшою книгопечатанія.

Нарушивъ такимъ образомъ самыя священные права собственности, обманщики сходясь въ какомъ нибудь шинкѣ или кофейномъ домѣ, пускають снова въ перекупъ добытое воровскою спачкою, и раздѣляють его между собою. Это гнуемое ремесло называется *ревизією*. И такъ швореніе во сѣдѣ франковъ настоящей цѣны, доведенное на публичномъ торгѣ только до пятидесяти, перекупается въ сей воровской продажѣ за восемьдесятъ. Можно полагать, что въ обыкновенный годъ барыни ревизій книгопродавцевъ и букинистовъ проспирается до штридцати тысячъ франковъ; а прибыль другихъ купцовъ, посѣщающихъ публичные торги, болѣе, нежели на сто двадцать тысячъ франковъ.

Но еще законопреступнѣе то, что книгопродавцы, выбираемые для объявленія о книгахъ, владѣльцами ихъ или комиссарами-цѣновщиками, спакиваються съ обманщиками для покупки оныхъ за самую дешевую цѣну. Мы знаемъ такихъ, которые не могутъ извиняться невѣжесвомъ, а между тѣмъ дославали, по милости молчаливыхъ своихъ сообщниковъ, за двѣдцать франковъ швореніе, которое при малѣйшемъ торгѣ легко бы могло бытъ поднято до штридцати шести. Если крикутъ

вздумаешь поднимать цѣну, ему суляшь награду, и онъ приглашаешь комиссара оканчивашь шоргъ.

Л и т е р а т у р а.

Сначала царствованія Людовика до революціи, Французская Литература не обогатилась почти никакимъ достопримѣчательнымъ сочиненіемъ, если исключишь *путешествіе младаго Анахарсиса въ Грецію*, *Аббата Бартелеми*, *Польскую Исторію* Рюльера, *Сады Демля*, переводы *Лукреція* и *Сенеки Лагранжа*, и *Тита-Ливія* Гереня; также *ученіе о природѣ* Бернардень-де-Сен-Пьера. Тогда были въ модѣ романы и сочиненія политическія или судныя; но какіе романы, какія сочиненія! *Опасныя связи*, *Фоблазъ* и *Фелиція*, самые любимые между первыми, не во гнѣвъ автору *Адели* и *Теодора*, дающъ справедливое понятіе о тогдашнихъ нравахъ. Изъ вшорыхъ, восхищались *Политическими льтопислами* Ленгеша, *Записками* Бомарше, *Мильніями* Президента Дюпаша, по дѣлу о *дѣвкѣ* Сальмонъ и о шрехъ преступникахъ, осужденныхъ на колесованіе и проч.

Тогда было время анекдотовъ, сказочекъ, басенокъ и пѣсенокъ, сочиняемыхъ на министровъ и другихъ должностныхъ людей.

не всегда съ наблюденіемъ благоприсойности. Каждая книжка *Меркурія*, на копорый Мармонтель долго имѣлъ привиллегію, и *Альманаха Музъ* ожидалась съ величайшимъ нешерпнѣемъ, и при выходѣ, чишалась съ шакою жадносцію, какъ будцо въ ней заключались наилучшія произведенія челоѳческаго разума. Правда, что полииическая часшь Меркурія, сосшавленная въ послѣднее время Малле-Дюпаномъ, служила большимъ вознагражденіемъ чищашелямъ за *Новыя правоучительныя сказки Мармонтеля*, копорыя имъ надобли.

Въ легкой и эрошической Поэзіи, опличались Парни, Бершень, Леонаръ, Жаншиль-Бернаръ и другіе. Небольшіе сборники ихъ произведеній расхвашывались на перерывъ, и эша жадность показывала общее легкомысліе, весьма противоположное появившейся въ послѣдствіи времени, суровости и спрогости вкуса. Могла ли нація, восхищавшаяся *Тайными записками Баццо-мона*, надѣяшсья на появленіе какого нибудь геніальнаго шворенія? И какой пріемъ гошовила она ему сдѣлать?

Но Бюффонъ не обогащаль ли нашей Липерашуры своею *Естественною Исторіею*, Французкая Академія — произведеніями, увѣнчиваемыми ею; Аббашъ Башше, сво-

ими *Правилами Литературы*, и Мармонтель своею *Смѣсью*? Бюффонъ, безъ сомнѣнія, блистательнѣе и живостію своего слога; но вкусъ поршился слогомъ Томаса; увѣнчанныя Академіею произведенія, почти при самомъ своемъ приумѣхъ ушопали въ рѣкъ забвенія. Батше издавалъ только уроки, преподаваемые имъ съ профессорской кафедрѣ, а пупой Мармонтель заставлялъ, тяжелымъ и холоднымъ своимъ слогомъ, думать, что не онъ былъ авторъ шарыхъ его нравоучительныхъ сказокъ.

Революція дала новый видъ Французской Литературы. Все, что съ 1789 года появилось, прозою или стихами, приняло ея цвѣтъ; иной писатель, разсыпавшійся въ низкомъ ласкательствѣ передъ дворянствомъ, сдѣлался всепокорнѣйшимъ слугою равночинцевъ (*tiers-état*), и всеусерднѣйшимъ защитникомъ ложно понимаемыхъ *Правъ человека*. Между поэтическими произведеніями сей эпохи, надобно оплечить въ Литературномъ отношеніи, извѣстную оду Лагарпа, и гимнъ, или лучше оду Руже-де-Лия на свободу. Партія, противная революціи, противопоставила тому свои Поэтическія жалобы въ *Дѣляняхъ Апостольскихъ*; собраніе рѣдкое и дорого цѣнимое нынѣ, когда оно полно.

По уничтоженіи Французской Академіи, она не была удѣлена въ семь горь никакихъ примѣчательнымъ произведеніемъ какого-либо изъ своихъ членовъ.

Ле-Брюнь не былъ ея Членомъ. Только сей новшъ и Шенье блистали на революціонномъ позорищѣ. Гимны Себастьянпронія поставили заставу для Прозы сего времени.

Между романами въ прозѣ, мы не знаемъ ни одного, который бы пережилъ несчастную эпоху, въ какую родился, исключая развѣ романы Пиго-ле-Брюня, которые слишкомъ отъываются своеволіемъ нравовъ республиканскихъ.

Воспріятіе Бонапартомъ Консульскаго, а потомъ Императорскаго достоинства возвратило Французскимъ Музамъ часть свободы, которой были онѣ лишены во время тиранической свободы Конвента и Директоріи. Многіе поэты, оживленные побѣдами сего великаго генерала, дали полетъ своему генію, и породили нѣсколько стиховъ, разбросанныхъ въ разныхъ книжкахъ Альманаха Музы и читаемыхъ еще понынѣ съ большимъ участіемъ, независимымъ отъ общоипельствъ, ихъ произведшихъ. Тогда Фонтанъ, уже прославленный нѣсколькими предешними пѣсами, возчувствовалъ пробуж-

деніе своей Музы, оживившей во времена ужаса; тогда Лагарпъ, покинувшій свои заблужденія, издалъ подъ заглавіемъ *Курса Литературы*, наблюденія, собранныя имъ въ Аоеневъ искусствъ; тогда Аббашъ Делиль спалъ поспешенно знакомиць публику съ поэмами своими: *Сельскій житель*, *Состраданіе*, съ переводами Энеиды и Мильшонова *Потеряннаго рая* и съ поэмою: *Воображеніе*; тогда наконецъ, Исменаръ издалъ поэму: *Мореплаваніе*, Тренель и г-жа Дюфренуа — *Гробницы Сен-Денискія*, и Легуве — *Достоинство женщины*.

Въ то же время снова появился родъ поэзіи, возрожденія котораго, казалось, нельзя было ожидать. Многіе Поэты, разлученные пиранствомъ Правителей Французской республики, спали собирались на веселыхъ пирахъ, и счастливые соперники Колле и Панара, они воспѣвали достойныя ихъ пѣсни.

Французская Академія также возродилась изъ своего пепла; она приняла въ свои нѣдра Андрие, Кампенона, Пикара и многихъ другихъ отличныхъ писателей; она покровительствовала развишію умовъ, и, какъ бы припоминая прежнюю свою независимость; она лишила посредственность всей надежды на приобрѣшеніе одобреній.

Послѣ *возстановленія*, *Полишика* снова овладеваа областью *Липерашуры*, кошорой обрабошываніе не мало ноощряемо было прежде разными наградами, и кошорой новья произведенія такъ хорошо описалъ *Шеиье*. Когда же ввелись въ *Липерашуру* новѣйшія ученія, пораженные ими умы разбредлись и въ хорошихъ спихахъ спали описывать предметы, согласные только съ меланхолическимъ ихъ расположеніемъ. Новые поэшы, начишавшіесъ сшарыхъ и проникнувъ образъ ихъ изложенія, вздумали проложись себѣ новыи пушь: они стали давать вещественныя формы опвлеченностямъ или ошносишь еспешвенный видъ одного предмета къ другому, вовсе неспособному приняшь его на себя. Изображаяшь вещи собшвенными ихъ красками, показалось сей новой школѣ недостпойнымъ ея заняшіемъ; ей нужны болѣе шяжкія усилія; ей нужны краски чуждыя, изумляющія и небольшія каршины, кошорыя, слѣдуя непрерывно одна за другою, все вновь поражали бы воображеніе чипашеля.

Въ правленіе *Имперашорское*, и попомъ *Королевское*, *Липерашура* обогатилашь многими весьма важными сочиненіями въ прозѣ, каковы: *Геній Христіанства* *Шамобріана*, шворенія де *Жерандо*, г-жи *Спаль*, гг. *Гизо*,

Сисмон-де-Сисмонди, и пр.; романы г-жи Кошпень, переводъ Тацита — Дюро-де-ла-Малля; Тита-Ливія — его же и Нозля; Марциала — Симон-де-Труа; переводы, въ стихахъ, Горація — Дарю; Ювенала и Персія — Ро (Rauch); Георгикъ Виргиліевыхъ — Тиссоца; Лукреція — Понжервиля.

Языкъ придворный и городской.

Передъ революціей, въ языкъ было три замѣтныхъ различія: языкъ придворный, городской и проспонародный или площадной.

Языкъ особъ, посѣщавшихъ дворъ, былъ вообще очень проспъ и безъ всякой принужденности. Выговаривашъ г, на концъ слова, связывашъ согласную, которою оканчивается одно слово съ гласною, которою начинается другое, чибъ избѣгнушь неблагозвучія, показалось бы самымъ смѣшнымъ педантизмомъ. Такъ, вмѣсто blanchisseur, придворный говорилъ blanchisseur; вмѣсто ceux ou celle съ произнесеніемъ х, онъ говорилъ seu ou celles; въ рѣчи il n'est pas ici, онъ выкидывалъ s. Сей выговоръ, привычный въ знасныхъ Версальскихъ и Парижскихъ обществахъ, имѣлъ что-то пріятное и неприужденное, и не смотря на неправильность свою, нравился наконецъ и шому, кто любилъ чистоту языка. Придворный

писалъ также, какъ и говорилъ, шо ешь, очень просто и съ небреженіемъ. Холоденъ и оспорожень съ равнымъ себѣ, онъ говорилъ, что было только нужно сказать, безъ выразительности, безъ жеста, безъ движенія душевнаго. Съ нисшими себя, принималъ онъ иной тонъ: крушь, насмѣшливъ, дерзокъ, однимъ словомъ, приводилъ его въ смущеніе, уничижалъ. Но пресмыкаясь предъ любимцами двора, онъ говорилъ медопочиво, и однимъ выговоромъ словъ давалъ понятіе о совершенномъ своемъ рабствѣ.

Придворный языкъ состоялъ, вообще, изъ нѣсколькихъ только привычныхъ словъ и истершихъ фразъ, часто не заключающихъ въ себѣ смысла. Всѣ выраженія Польшики, Наукъ и безчисленное множество другихъ, были опвергнушы имъ. Кпо желашъ сосшавишь себѣ понятіе объ языкѣ царствованій Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI, пусть прочтешъ письма и записки придворныхъ того времени; въ нихъ найдешъ онъ слогъ легкій, но почти всегда безцвѣтный и безъ всякой силы.

Въ городѣ, гдѣ пользовались большею развязностью, гдѣ классы людей были болѣе перемѣшаны, гдѣ Литераторы болѣе уважались и лучше принимались, языкъ былъ правильнѣе, разнообразнѣе и выразительнѣе,

*

хотя все отзывался педагогическимъ. Между пѣвцами въ обществахъ высшаго круга можно было найти смѣсь языковъ придворнаго съ городекимъ, и тамъ легко различали придворныхъ отъ пѣвцовъ, кшо не посѣщала Версальскаго Дворца. Въ сихъ-то обществахъ молодые люди пріучались къ числительному языку и къ хорошему разговорному тону. Тушь женщины, хотя вовсе не знавшія правилъ грамматики, были для нихъ, въ семь отношеніи, гораздо полезнѣе Гг. Ресто и Вальи.

Надобно признаться однако, что во многихъ обществахъ ввелся было такой родъ разговора, который могъ совершенно испорчить языкъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ были въ большой модѣ каламбуры, родъ игры словъ, которые ввелъ Маркизь де-Бьевръ, и изъ которыхъ сей остроумный придворный составилъ комедію, подъ названіемъ *Vercingetorix*. Мы приведемъ два каламбура, чшобъ дать понятіе объ этомъ забавномъ родѣ, съ успѣхомъ возобновленномъ въ наше время актеромъ Брюне на театрѣ des Variétés. Однажды Королева Марія-Аншванеша потребовала у Маркиза каламбура: въ эту минушу на ней были зеленые башмаки. Бьевръ, смотря на ея ноги, сказалъ: *Madame, je vois à vos pieds l'univers*

(*Qui vert*). Въ другой-разъ спросилъ онъ у кого-то, почему медяшь предшавленіемъ пьесы, кошорую ошдалъ онъ на *Французскій театръ*, и на сдѣланнѣй ошвѣщъ, что Моле, взявшій на себя главную ролю, бо-лѣвъ, онъ воскликнулъ: *c'est fatalité (fat alité)*. Къ счасшію каамбуры вышам изъ моды и упошребляюща шолько между шакими мо-лодыми людьми, кошорые, по собшвен-ной просшошъ, находящъ въ нихъ что-то умное.

Другаго рода спрасшъ владѣла умами — пословицы, и многія общесшва не могли обойнись безъ какого нибудь Санхо-Пансы. Кармоншель сосшавилъ изъ нихъ множесшво драмъ, кошорыя кѣмъ-то изданы вмѣстѣ и сосшавили часшей до осьмнадцати. Впро-чемъ, пословицы, забавныя не менѣе каам-буровъ, давали поводъ чему-нибудь нау-чишья и не поршили языка коверканьемъ словъ и упошребленіемъ ихъ въ превращномъ смыслѣ.

До революціи весьма жаловали шѣхъ людей, кошорые умѣли забавляшъ общесшво сказочками и оспрошамми. Мы знали мно-гихъ шакихъ и, между прочимъ, одного, именовъ Мюссона, человека очень не видна-го и, по лицу, совсѣмъ не обвѣщающаго шой *расположени*, какою умѣлъ онъ одушавляшъ

бесѣду. Въ головѣ его помѣщалось самое обильное собраніе побасенокъ, острошъ, шушокъ, двусмыслий, кадамбуровъ. Едва раскрывалъ онъ ротъ, какъ слушатели располагались уже хохотать. Но всего забавнѣе, что ни Шампанское, котораго любилъ онъ посягивать за десертомъ, ни всеобщая веселость, имъ возбуждаемая; ничто не могло поколебать важности его вида и равнодушія.

Языкъ площадный или простонародный былъ почти тотъ же, какъ и нынѣ — развѣ нѣсколько поплодовитѣе словами непристойными, и погрубѣе; отъ чего еще замѣшнѣе была величайшая разность между нимъ и языкомъ хорошей бесѣды. Хопя нравы были и не такъ-то чисты, но за всѣмъ тѣмъ, въ сихъ бесѣдахъ не перифли вольныхъ выраженій, ниже двусмыслий, которыя могли бы оскорбить слухъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Но если не позволялось того въ такъ называемой хорошей бесѣдѣ, то любители подобныхъ двусмыслий могли вознаграждать себя за то на пирахъ, къ копорымъ молодежь изъ знати и другихъ зажиточныхъ классовъ, любила приглашать записныхъ прелестницъ.

Революція, обрапя умы къ предметамъ совершенно другимъ, нежели какіе занимали

ихъ когда-либо, разлила нововведенія по всѣмъ классамъ народа. Легкомысленныя шушки уснупили мѣсто разсужденіямъ политическимъ; соспавились новыя выраженія для означенія новыхъ понятій; слова новыя заимствовались изъ языковъ иностранныхъ, или старыя получали значеніе, различное съ тѣмъ, какое упрочено имъ было *Словаремъ Академіи*. Такимъ-по образомъ слова: budget, motion, club и много другихъ перешли съ Англійскаго на Французскій; слова Французскія: constitution, aristocratie, convention и проч. получили смыслъ, имъ прежде не принадлежавшій. Вновь соспавлены: révolutionner, influencer, activer, organiser, lanterner, septembriser, septembriseur и безконечное множество другихъ, кошорыя можно найши въ журналахъ того времени и въ новѣйшихъ словаряхъ Французскаго языка.

Кто не слѣдовалъ за измѣненіями Французскаго языка съ 1789 по 1795, шопъ, безъ сомнѣнія, находилъ его непонятнымъ въ эту послѣднюю эпоху. Уже не спало различія между языками дворянъ, гражданъ и простаго народа. Всѣ спарались выражаться по-*Санкюлотски*. Кто употреблялъ, обращая къ кому-либо рѣчь, monsieur, вмѣсто citoyen, шопъ подвергался шюремному заключенію и даже бодѣ шажкимъ наказаніямъ. Женщину

надлежало называшь *citoyenne*, а не *madame*. Всѣ говорили другъ другу *ты*; пятнадцатилѣтній юноша осмидесятилѣтнему шарцу, какъ школьникъ своему Профессору, слуга своему господину; ни для кого не было опличія. Министра, на письмѣ и савесно, нельзя было называшь иначе, какъ *citoyen ministre* и говоришь ему *ты*. Надобно было думашь, будто всѣ Французы сдѣлались друзьями, самыми преданными одинъ другому.

Языкъ проспаго народа, образованный Марашомъ, Дюшенемъ, Гебертомъ, былъ преисполненъ грубѣйшихъ и самыхъ звѣрскихъ выраженій: по былъ языкъ разбойниковъ, свяшопашцевъ, палачей; ни одной рѣчи безъ богохульства, безъ нѣсколькихъ ругательствъ, безъ сквернословія или воззванія къ грабежу и убійству. Чѣлобъ не навлечь подозрѣній, люди, хорошо воспитанные, не забывали сообразовашься, въ публичкѣ, съ языкомъ проснолюднымъ, избѣгая впрочемъ самыхъ грубыхъ выраженій.

При такомъ искаженіи языка, не мудрено, что и сами люди спали переименовывающься. Множество революціонистовъ назвались Греческими и Римскими именами: *Аристидовъ*, *Анахарсисовъ*, *Брутосъ*, *Сцеволь*, *Публиколъ*, и проч. Нѣкоторые, вмѣ-

сто прежняго имени le Roi, назвались la Loi; другіе, носившіе названіе Бурбоновъ, поспѣшили отъ него отдѣлаться и приняли мѣнѣ опасное; дворяне кинули свои прозвища по землямъ и придумали себѣ другія, самыя просоноародныя.

Города и тѣ изъ улицъ, которыя названы были по Святымъ, Королямъ, Королевамъ, или чѣмъ-либо напоминали о правленіи монархическомъ, получили новыя наименованія, или въ ихъ прежнихъ ошкндывалось слово: Свяшой. Городъ Saint-Denis назвался Franciade, Lyon — Ville-Affranchie, Port royal — Port libre, Saint-Gengout въ Бургоніи — Jouvence, замокъ Saint-Cloud, просто Cloud, какъ и много другихъ мѣстъ, въ названіяхъ которыхъ играли большую роль слова: libre, montagne, républicain. Въ Парижѣ говорили: улица Antoine, вмѣсто Saint-Antoine, улица Roch, предместье Germain, и проч. Площадь Лудовика XV назвали Революціонною; такъ и другія. Мосты подверглись той же участи.

Во время правительсва, послѣдовавшаго за глухимъ управленіемъ Конвента, языкъ сшазь очищашься отъ выражений революціонныхъ. Люди добросовѣстные, пользуясь свободою сходились въ общесвахъ, возвращали ему, сколько было возможно,

шу благоприспособность, которая изгнана была въ печеніе двухъ лѣтъ. Проспой народъ удержалъ однако, большею частію, варварскія и грубыя рѣчи, къ копорымъ его приучили. Какъ языкъ весьма дѣйствуетъ на нравы, по можно себя представить, каковы были молодые люди, напишанные ежедневнымъ примѣромъ своихъ родителей.

Обыкновенно, изъ одной крайности бросающагося въ другую. Съ опимною конвенціоннаго правленія, многіе молодые люди стали говорить съ припорною нѣжностію, такъ что выговоръ ихъ сдѣлался очень смѣшнымъ. Едва распворяли они ротъ и разжидали зубы для произнесенія словъ, всегда невольнѣ выговоренныхъ. Въмѣсто *je*, произносили они *ze*; и вмѣсто *la porte est ouverte*, говорили *la pote est ouvète*. Вотъ образецъ этого новаго языка: *z'i'ai me pomené au bois de Boulogne; z'y mangeai des oeufs flais. C'est une pomenade et une patie chamante. Le potier du pac, qui est aussi taiteur, fait d'essélens agouts.* Люди, неслыхавшіе подобнаго нарвчія, не повѣряютъ, чтооь оно было въ модѣ между весьма многими молодыми людьми въ столицѣ, и даже въ главныхъ городахъ Королевства; однако это сущая правда, и можно въ помѣ удостовѣриться по нѣкопорымъ театральнымъ сочиненіямъ, копорыми въ

по время предавали шакихъ чудаковъ на носмѣянiе зришелямъ.

Въ правленiе Имперашорское все еще сохранилось въ языкъ, даже при Тюльерiйскомъ Дворѣ, множесшво формъ проспонародныхъ. Великая разница между языкомъ прежнихъ придворныхъ и новыхъ. Сиі послѣднiе, большею частію Генералы и другіе военные начальники, вышедъ изъ самыхъ нискихъ классовъ общесшва, болѣе спарались хорошо драшья, нежели хорошо говоришь. Нерѣдко изъ успѣ ихъ вырывались выраженiя, кошорымъ развѣ шолько воинскiй шонъ могъ служишь паспоршомъ. Женщины, даже самага высшаго разбора, выказывали, въ эшомъ опношенiи, свое низкое происхождение и совершенную необразованность. П у а gros, говорила одна Маршалша, вмѣспо: c'est vrai. — Куда прикажеше ѣхашь? спрашивалъ ее слуга при выходѣ изъ спектакля: cheux nous, опшвѣчала она. Впрочемъ при дворѣ Наполеона, наполненномъ выскачками (raguenus), очень мало обращали вниманiя на неправильность выговора и на самыя грубѣйшія ошибки въ языкѣ.

Журналы и періодическія изданiя.

Журналы и другія періодическія изданiя, ни полишическія, ни липерашурныя,

ни по наукамъ, совсѣмъ не были, до революціи, такъ многочисленны, какъ иныя. *Французскія Газета*, единственный оффиціальный журналъ, занималъ первое мѣсто. Содержаніе его состояло изъ новостей заграничныхъ, весьма оспорожно писанныхъ, изъ дворскихъ и нѣкопорохъ другихъ, очень незанимательныхъ. Сей журналъ болѣе всѣхъ расходился.

Парижскій журналъ, не менѣе оспорожный, ограничивался нѣсколькими незначительными сполчными новостями, и забавлялъ своихъ читателей получаемыми имъ письмами, спидками, мадригадами и доггрифами. Онъ начинался извѣстіемъ о хорошей или дурной погодѣ, копорую мы уже видѣли, о восхожденіи и захожденіи солнца и луны, а оканчивался извѣстіемъ о смерти знашнаго и сильнаго у двора барича, или знашной и сильной у Двора дамы. Ничего не было въ немъ о промышленности, ничего о шорговлѣ, ничего о всеобщихъ пользахъ согражданъ. Это былъ родной братецъ Французской газетны.

Литература имѣла свой Журналъ, издаваемый Аббашиами Ройу (Rouy) и Фоншене (Fontenay), преемниками Фрерона. Время отъ времени появлялись въ немъ довольно

хорошія крипическія спянші; но было много и приспращія.

По неуваженію сихъ Журналовъ, охотно брали *Европейскій вѣстникъ* и *Утрехтскую газету*, всѣ шѣ, копорыя хотѣли узнать что нибудь о полишкѣ иностранныхъ дворовъ, о военныхъ обшюпательствахъ и о *Лишерашурѣ* Англійской или Нѣмецкой.

Для духовенства издавался *Журналъ*, въ четвертку, Священниками-Янсенистами. Въ многопомной коллекціи онаго, всего занимательнѣе оглавление (*la table raisonnée*), короткое и прудно досташъ.

Мы уже говорили о *Меркуріѣ*. Онъ былъ всегдашнимъ наслажденіемъ праздныхъ людей въ столицѣ и въ провинціяхъ и каждый номеръ его прогуливался изъ деревни въ деревню, мила на чепыре въ окружности.

Журналъ ученыхъ, читаемый немногимъ числомъ людей образованныхъ, предлагалъ, время отъ времени, предметы важные по наукамъ и хорошо изслѣдованные, но сухой слогъ его не могъ нравиться людямъ свѣтскимъ и людямъ со вкусомъ.

Иностранный Журналъ и *Журналъ Вердюнскій* помѣщались въ томъ же разрядѣ. Однако полное собраніе перваго, сдѣлавшееся рѣдкимъ, уважается и понынѣ.

Революція, предослава полную свободу печашанію и мнѣніямъ всѣхъ родовъ, породила множество новыхъ Журналовъ, предъ которыми скрылись всѣ иносшранные листки, исключая Англійскихъ. *Парижскій журналъ* умолкъ предъ *Парижскою хрдникою*, сосшавлявшеюся Ноелемъ и другими Лишерапорами въ духъ шогдашняго времени, и предъ *Парижскою газетою*, служившею органомъ жалобъ дворяншва и духовеншва. *Другъ Короля*, котораго главный издашесль былъ Аббашъ Ройу, служилъ шакже подпорою сихъ двухъ классовъ. *Мониторъ* наконецъ появился и сшалъ совокуплять въ своемъ обширномъ объемѣ всѣ произшесствія, всѣ новосши, всѣ пренія, произносимыя съ шрибунала, всѣ часшныя возраженія, всѣ объявленія Лишерашурныя, коммерческія и драмашическія. Но какъ онъ не захвашилъ начала революціи, кошорой первыя произшесствія были для всѣхъ любопышны; шоспусти довольно времени сдѣлали къ нему дополненіе, въ кошоромъ всѣ сіи произшесствія расказаны, конечно уже не шакъ, какъ бы шосдѣлано было въ шу самую эпоху, когда мы были ихъ свидѣшелями.

Пренія различныхъ законодашельныхъ собраній породили много другихъ полишическихъ листковъ, какovy: *Скополисець*,

Сократитель письма, Журналь прений, Разсветь дня, Вѣстникъ Парижа и Департаментовъ и проч. къ тому присовокупились письма, которыми многіе депушаты, между прочими и Мирабо, давали избравшимъ ихъ опчешъ въ своихъ двѣсшвіяхъ.

Какъ подписка на Журналы была слишкомъ дорога для нисшаго класса народа, а между шѣмъ, ими наиболѣе можно было распроспранить между народомъ духъ революціонный; шо ежедневно, утромъ и вечеромъ, разносились крикунами по улицамъ листки, продаваемые за весьма низкую цѣну, даже не болѣе двухъ су. Таковъ былъ вечерній Журналь брашьевъ Шеньо (Chaigneau), и гуль эшого имени, нѣсколько лѣтъ сряду, раздавался по всѣмъ улицамъ и перекресткамъ столицы, какъ и во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ.

Пока существовало Законодательное Собраніе, Журналамъ предоставлялось еще нѣсколько ихъ первоначальной свободы. Но съ шѣхъ поръ, какъ Конвентъ присвоилъ себѣ всю власшь, надлежало и Журналамъ покориться влеченію обшпояшельствъ. Тогда кровавыя листки Мараша, подъ названіями: *Другъ народа, Журналь Якобинскаго общества, Старый Кордельеръ, Отецъ Дю-*

ишень, Журналы свободныхъ людей, овладѣли всѣми классами чиншателей, и родилоси не смѣли уже возвысити голосъ, а должны были предославити имъ обманывашъ народъ и раздражашъ его противъ почишателей Королевской власпи.

Къ симъ Анархическимъ Журналамъ надобно присовокупити еще возмущительныя пасквили, кошорые, каждое утро, прибывались къ домамъ на самыхъ многоядныхъ улицахъ и возбуждали вниманіе проходящихъ, изъ коихъ нѣкошорые брались шолоковать ихъ самымъ революціоннымъ образомъ.

Среди ужасной необузданности всего, что каждый день или каждую недѣлю порождалъ духъ анархіи, попомосиво оплечисъ *Парижскіе перевороты* (Révolutions de Paris), еженедѣльный сборникъ Прюдомма, Это самая подробная и вѣрная картина всѣхъ явленій, происходившихъ въ Парижѣ въ сіи плачевныя времена. Издашель не довольствовался тѣмъ, что описывалъ ихъ слогомъ самымъ приличнымъ всей ихъ гнусности, но еще предсавлялъ взорамъ чиншателя въ изображеніяхъ, кошорыхъ цинизмъ споль же возмущительень, какъ и варварство.

Вмѣстѣ съ владычествомъ звѣрства (le règne de la terreur) скрылись и преданные ему

Журналы, или переменили свое заглавіе и мнѣнія, *Парижскій Журналь*, *Журналь преній*, *Французская газета* и *Мониторъ* возвысили голосъ умѣренности; не боясь уже удилки и наказанія. *Журналь свободныхъ людей*, сохранившій еще якопорья опшѣнки Якобинства, вскорѣ подвергся участи пѣхъ, кому мечпалъ бытъ преемникомъ.

Вмѣсто приглашенія гражданъ къ грабительству, раздраженія ихъ другъ прошивъ друга, допосовъ, расказовъ о кровавыхъ подвигахъ якопорыхъ изъ представителей народа, и исчисленія несчастныхъ жертвъ, упранившихъ на эшафотъ свои головы, Журналамъ доставалось уже шолько бесѣдовать съ своими читателями о поржествѣ нашихъ армій, хошя время опъ времени, Директорія все еще подепрекала ихъ къ вопіанію прошивъ духовенства и эмиграншовъ. Послѣ долгаго молчанія, спала и Литература украшашъ цвѣтами своими *фельетонъ Журнала преній*, котораго Издашелемъ былъ Жофруа; а наконецъ и *Модный Журналь*, посвящаемый дамамъ, а не гражданкамъ, осмѣлился довершитъ упадокъ гнуснаго *санкюлотства*. Науки воспользовались шакже симъ движеніемъ перерожденія: въ *Журналь нормальныхъ школъ* спали по-

являясь ихъ новымъ открытіемъ и новымъ успѣхъ.

Умы, обращенные къ предметамъ, болѣе достойнымъ ихъ вниманія, уже слегка шолько преклоняли слухъ свой къ преміямъ шрибуновъ Законодательнаго корпуса, по завладѣніи власши Бонапартомъ. Съ той поры главнѣйшія спашья находили для себя Журналисты на поляхъ битвы, представляя на попеченіе *Вѣстника Законовъ* и *Монитера* увѣдомлять насъ о Консудьскихъ постановленіяхъ и Указахъ Императорскихъ. Сверхъ того, столбцы ихъ наполнились кришикою новыхъ счиченій и представляемыхъ шаапральныхъ пьесъ. Имъ дана была полная свобода, съ условіемъ, чшобъ не вздумали шолько высшавлять себя совѣшниками или судьями Правительшва. И шакъ, въ политическомъ опціошеніи, цвѣшя всѣхъ Журналовъ были одинаковы, дока *возстановленіе* не уничтожило Цензуры.

Подчиненные и послушные дошодъ Журналисты, вдругъ раздѣляющія и мешущъ другъ на друга своими грозными выходками. Вышшупающъ на подрище роялисны и вошшаштели консшищущи, объявляющъ между собою вражду непримиримую и начинающъ воевать необузданно. Сіи двѣ паршии образующъ шрешью, даже чешвертую, кошо-

рая усшремляется прошивъ Министерства. Сперва это бипва Гораціевъ и Куріяціевъ — прое на прое, а потомъ бипва чещирехъ прошивъ паша, и въ то же время одного съ однимъ и двухъ съ двумя.

Журналы, читавшіеся прежде только посѣщителями кофейныхъ домовъ и шѣми, кто имѣлъ средства на нихъ подписывашся, нынѣ въ рукахъ послѣднихъ классовъ народа, для кошораго ежедневное чтение ихъ сдѣлалось необходимостію. На улицахъ, на площадяхъ, въ рабочихъ, въ погребяхъ, въ шракирахъ, въ насмныхъ каретахъ, вездѣ читають, поглощаютъ дневные листки. Молочицы, продавицы масла, рыбы, овощей и фрукшовъ хотять знать происшествія стараго и новаго свѣта. Во время революціи, какая нибудь жена масшерового разговаривала съ своими сосѣдками о Ппшшѣ и Кобургѣ, объ осадѣ Ліона, о Вандейской войнѣ, о побѣдахъ нашихъ армій за Рейномъ и въ Италіи, о шоржествѣ Бонапарта; нынѣ она рассказываетъ имъ, что происходитъ въ Мексикѣ и въ Южной Америкѣ, въ Архипелагѣ и въ Моревъ. Правда, что большое число Журнальныхъ читателей не имѣють обширныхъ свѣдѣній въ Географіи, и что есть шакіе, кошорые принимаютъ Пирей за имя человека, или думаютъ, что Греція лежитъ

отъ Франціи также далеко, какъ и Америка.

Многочисленныя библіотеки для чтенія, разсыяныя въ споліць и департаментнахъ; возбуждають любопытство читателей и облегчаютъ имъ средство удовлетворять ему. За пять сантимовъ они могутъ покойно прочесть всю сполбцу одного Журнала, а за двадцать дозволяется войти въ комнату, съссть за зеленое сукно и насладиться всѣми, сколько ихъ есть.

Кромѣ печатныхъ Журналовъ, появлялись нѣкогда, время отъ времени, рукописныя новости, получившія названіе *Ручныхъ новостей*. Ихъ издавали люди, хорошо или худо знавшіе происшествія, и можешь бышь; за недоспашкомъ шаковыхъ, сочинявшіе ихъ сами. Эти бумаги, часомъ наполненыя саширами и разными злыми выходками, нравились публикѣ, а шайна, съ какой онѣ раздавались, возбуждала живѣйшее любопытство. Изъ сихъ-то матеріаловъ составлены Записки Башомона. Во время Директоріи вздумалъ нѣкто, Ліонскій уроженецъ, издавать такія *Ручныя новости*. Черезъ нѣсколько времени онъ исчезъ.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ САНСКРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Продолженіе.)

Вошь весь сославъ Науки, называемоѣ священной; вошь шворенія, спяжавшія названіе книгъ по превосходству: *Sāstra*. Но ешь другія двѣ Поэмы, копорыя пользуются у Индійцевъ высокимъ уваженіемъ, и да же великимъ чесповованіемъ. — Какъ при началъ Греческой Лищерауры, являюща два Поэша знаменишы: Гомеръ и Гезіодъ; шакъ и здѣсь, можешъ бышь да же въ эпохи современныя, — мы видимъ двухъ знамени шыхъ древностію мужей: *Vālmiki* и *Vyāsa*. Одинакая неизвѣстность, одинакія басно словныя преданія ушамваюшь сущеспво ваніе и подробности жизни, и Греческихъ По вшовъ и Поэшовъ Индійскихъ. Много пред спавляли сомнѣній въ подлинности сущеспво ванія Гомерова. Сущеспвовалъ ли дѣй спшительно и *Vyāsa*? Пѣснопѣнія его не сущъ ли *Rāgsodhi*, собранныя какимъ ни будь компиляторомъ? Вошь вопросы, копо-

рые рѣшишь весьма трудно; можешь быть даже и бесполезно глупому, чиню творенія существующь; а они всегда составляютъ важнѣйшую часть челоуѣка. — Эти два поэпическія созданія можно назвать исполинскими. Чтобы постигнуть возможность Поэмы въ двѣсти тысячъ стиховъ слишкомъ, надлежитъ припомнить и легкую небрежность Санскритскаго стихосложенія, столь же простаго, столь же свободнаго, какъ древняя Поэзія Грековъ, и, въ то же время, чрезвычайное терпѣніе слушателей, для котораго писаны эти длинныя повѣствованія. Сидя спокойно, Индѣецъ съ бешелевымъ листкомъ во рту, слушаетъ съ набѣжностію (*). Ему нѣтъ нужды до зна-

---

(*) Въ нѣкошорые извѣстные мѣсяцы, въ день, почитаемый счастливымъ, у кого-либо изъ людей богатыхъ собирается отъ четырехъ до пяти тысячъ челоуѣкъ подъ гангаромъ, покрытымъ соломой и отъ всѣхъ сторонъ отверстымъ. Въ одномъ концѣ находится мѣсто, предназначенное для чтеца; въ другомъ концѣ, который обыкновенно бываетъ воршикомъ дома, находится завѣсъ, изъ за коего сидятъ и слушаютъ женщины. Всѣ обыкновенно сидятъ на циновкахъ, отдѣляясь другъ отъ друга по каштамъ. Прежде начатія чтенія, совершается поклоненіе книгѣ слѣдующимъ воззваніемъ: О книга, будь богиней просвѣщенія, подай мнѣ науку. — По-

ній Поэты; только бы уже его поражаюсь звуками полными, а умъ былъ занятъ въ приятномъ помлени. Ему даже нельзя имѣть строгой възыскашельности. Всякое повѣшвованіе, рассказываемое Индійцу, имѣешь уже само по себѣ достоинство, ибо по его понятіямъ оно изглаживаешь прегрѣшенія. И если, сверхъ того, рассказъ эпопѣ пріятень, то слушаніе онаго, безъ сомнѣнія, для Индійца шѣмъ сладостнѣе. Но во всякомъ случаѣ, не долженъ ли бышь въ величайшей степени снисходительнымъ слушатель, который увѣренъ, что онъ получишь пользу ошь повѣшвованія!

Сии двѣ Поэмы называются, одна Rāmāyana, а другая: Mahābhārata. Въ первой (*)

шомъ жертвоприношеніемъ, — даромъ цвѣтовъ и риса, — чествують Автора и героя Поэмы. Наконецъ чтеніе начинается и въ мѣстахъ страсшымъ, живо расстроганине слушатели изъявляютъ чщену свою признашельноеш денежными подарками. Ввечеру всѣ расходяшя, и долго разговаривають о слушанномъ. На другой день и въ слѣдующіе потомъ снова всѣ сходяшя, продолжая такимъ образомъ до окончанія чтенія книги: шакъ чтеніе шворенія Mahābhārata, занимаешь чешыре мѣсяца, а Bhāgavata— шѣсяць.

(*) См. разборъ сей Поэмы у Варда кн. II, стр. 187.

Válmíki предсказываетъ похотденіе своего бога; Rāma, Царя земли (Ayodhya), который съ оружіемъ въ рукахъ отправился для возвращенія супруги своей, похищенной жестокимъ владыцею сираны Ladhā (Цейдонъ). Поэза не подчинилъ себя правилу эпического единства; ибо рассказываетъ рожденіе своего героя и подвиги его юности; Поэма не оканчивается и по освобожденіи супруги Рамы изъ рукъ ея похитителя, ибо шуть пробуждающа въ мнимомъ богъ ревнивыя подозрѣнія, онъ изгоняетъ супругу, за которую сражался; и хотя она возвращается съ двумя сынами, рожденными ею въ сирани изгнанія, но должна подвергнуться испытанію огня. Земля, разверзая нѣдра свои, избавляетъ ее отъ сего новаго оскорбленія. Rāma, супругъ и братъ несчастливый, съ опчаянія самъ полагаетъ конецъ своему существованію. — Досель переведены только двѣ первыя книги сего шворенія. А. В. Шлегель общаетъ намъ полное изданіе оной; и конечно для Поэза Индійскаго было бы большимъ счастіемъ найсти издашеля въ мужъ столь отличнаго вкуса и знаній, каковъ Г. Шлегель.

Поэма Mahābhārata еще менѣе извѣстна. Если исключимъ эпизодъ Nala, нѣсколько отрывковъ обнародованныхъ ученымъ и шру-

любимыи *Бопиомъ*, и пѣснь, называемую *Bhagavad-Gita*, и кою раж. сначала переведена была *Вилкинсомъ*, и въ недавнїя времена вновь обнародована въ прекрасномъ изданїи *В. Шлегеля*; можно мы велииче (можемъ судить) о семъ творенїи, какъ въ одномъ слухамъ. *Vuasa* говѣствуетъ въ восемнадцати пѣсняхъ (*) бѣдствїя Царскаго семейства, кою раж. будучи преслѣдуема самимъ шимъ, кому надлежало бы покровительствовати ему, — изгоняешся изъ славнаго города *Nastipurā*. Юные помощки Царя *Bharata*, не изнемогають подъ шимъ бѣдствїемъ, они вскорѣ възспають со славою и шоржествомъ, ибо имѣють друга — въ почищаемомъ ими богъ: въ *Vishnu*, принявшемъ видъ *Стишна*. Предъ самымъ началомъ рѣшишельной битвы, сей богъ ошзриваетъ себя своему любимцу *Ardjuna*, кою наспавляетъ о происхожденїи и существѣ всей вселенной. Вотъ предметъ эпизода *Bhagavad-Gita*, нами вышеупомянушаго, — творенїя чрезвычайно замѣчательнаго, — не какъ образецъ яснаго разсужденїя Философическаго; но какъ любопытный памятникъ древней Литературы шакой наци, кою раж. ужъ съ

(*) См. Разборъ этой Поэмы у Варда кн. I. стр. 542.

давнихъ времянь ничего болѣе! не производить на помрещъ искусствъ и знаній.

При этой Поэмѣ находились какъ бы въкопорого рода добавленіе, подъ названіемъ *Harivansa* (*), въ которой помѣщены нѣкоторыя подробности о семействѣ героевъ, дѣйствующихъ въ большой Поэмѣ, и другія повѣствованія, которыя не могли имѣть мѣста въ сей послѣдней. Это собраніе занимательно разнообразіемъ предметовъ, въ немъ заключающихся.

За симъ двумя писателями, Царями Эпической Певни у Индійцевъ, слѣдуютъ четыре другіе, творческому таланту коихъ принадлежалъ семь поэмъ, слѣжавшихъ у Индійцевъ названіе *великихъ* (*Magadāya*). Они составляютъ образцовыя творенія свѣтской Литературы Индійцевъ. Три изъ сихъ поэмъ приписываются тому изъ Пэшоу Индіи, котораго творенія и мнѣнїа наиболее прочіе остроумными и обработанными, я разумю пѣвца *Cāledāsa*. Эти три поэмы суть: 1, *Cumāra-Sambhava*, или рожденіе *Cār-*

(*) Слово *Harivansa* означаетъ семейство Гаріево. *Harī* есть имя бога *Vishnu* и бога *Śrīhna*, коего приключенія повѣствуются въ сей книгѣ. Въ ней говорится также и объ участіи его семейства.

tskeya бога войны (*); 2, Rāghu-Vansa (**), въ осьмнадцати пѣсняхъ, или Истерія пошомковъ Rāghu, предка того Rāma, котораго воспѣвается въ Rāmāyana; наконецъ 3) Meghaduta или облако-посланныкъ. Сіе послѣднее швореніе, переведенное ученымъ Валькиасомъ, можетъ бытъ, названо *сезимкъ*, по уваженію, конемъ оно у Индѣйцевъ пользуется; а не по своей обширности и числу стиховъ: ибо оно заключаешь въ себя только сто шестнадцать стиховъ. Это есть изъ котораго рода описательная Идиллія, въ коей мимолетному облаку поручаются вздохи супруга несчастнаго и изгнаннаго. Четвертая Поэма принадлежитъ Bhāgave, и называется *Kirātārdjuniya*; она содержишь въ себѣ повѣствованіе о войнѣ, которую Ardjuna велъ противъ дѣкихъ племенъ — предметъ незанимательный и самъ по себѣ, и преимущественно по шемности и сбивчивости изложенія. Пятая Поэма, болѣе богатая описаніями, нежели происшествіемъ и завязками счастливыми, есть Néchadiya ца-

---

(*) Это швореніе, по видимому не полное: ибо обанчивается бракосочетаніемъ матери Sārtskeya — говорящъ, что оно состояло изъ 22 пѣсней.

(**) См. Разборъ сего шворенія въ 10 томѣ стр. 426 *Asiatic Rev.*

ря *Svi-Naraha*. Предметъ ея заимствованъ изъ *Mahābhārata*: это есть не иное что, какъ распространенный въ двадцати двухъ дѣяніяхъ Эпизодъ о *Nala*, даръ сироты *Nichada*. Въ семь швореніи разсказывающа Исторія Государя, котораго, будучи одиначенъ замысломъ, проигрываетъ въ конюшнѣ свое царство, и становится причиною несчастія дочери царской, избравшей его супругою своимъ. Этого же предмета, послужившаго основаніемъ для другой Поэмы въ чешырехъ дѣсняхъ, называемой: *Nalodaya* и приписываемой стихотворцу *Calidāsa*. Но едва ли можно съ справедливостію украшивать именемъ сего превосходнаго Поэта швореніе, замѣчательное только по необыкновенному соединенію сиротныхъ и шрудныхъ речей и размѣровъ; или же должно признаваться, что оно есть только игрушка воображенія сего Поэта столь разсудительнаго, котораго, снѣжавъ себѣ знаменитость Поэмою о временахъ года и своими драмами, не нуждается для славы своей въ подобномъ произведеніи.

Mahābhārata же доставила предметъ и для шестой *Mahācārua*, произведенія, обязаннаго существованіемъ своимъ болѣе благородному покровительству наукамъ, нежели Поэтическому таланту Царя *Māgha*. Творе-

не сіе называється *Sisurāla Badha* (*), смерть *Sisurāla*; въ немъ разсказывается въ двадцати пѣсняхъ и нѣсколько съ излишнею подробностію война, возникшая между *Crichna* и царями, копорые, завидуя его побѣдамъ соединились съ *Sisurāla*.

Подобно Поэмамъ Греческимъ и Римскимъ, предпочтительно заимствовавшимъ предметы для своихъ пѣснопѣній изъ событий въ войнахъ Оивской и Троянской, писатели Индійскіе всегда возвращались къ Исторіи героя *Rāma* и ихъ бога *Crichna*, которая была неисчерпаемымъ источникомъ Поэтическихъ вымысловъ. Они не устращались идти по слѣдамъ соперниковъ, уже увѣнчанныхъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, послѣ *Valmiki*, многіе другіе прославляли героя страны *Ayodhya*. — Поэмъ *Ramāyana*, считалось нѣсколько, и самъ *Vyāsa* испыталъ свои силы на семь же предметовъ. — Иные писатели заимствовали изъ большихъ Поэмъ вводныя приключенія, копорые, подъ перомъ ихъ, сдѣлались драмами привлекательными, или прелестными стихотвореніями. Такъ *Bhavabhūte*, *Murāre-Misra*, *Pakchadhara-Misra* воспѣвали несчастія и войны ге-

---

(*) См. разборъ сей Поэмы. *Asiat. Res.* Том. X. р. 407.

роя Rāma; а Djīva-Goswāmī, Rupa-Goswāmī, Gorāṅga-Deva преподавали любовные подвиги бога Cricḥṇa.

Поэты Śālidāsa, одаренный талантомъ гибкимъ и разнообразнымъ, сочинилъ о правилахъ стихосложенія особое разсужденіе (śrūta-bodha), въ которомъ преподалъ вѣсть и правила и вримѣры. Bhaṭṭi-Naṅgi написалъ о Грамматикѣ Поэму въ двадцать двѣ пѣсни, которая называется *Bhaṭṭi-Cārya*. — Предметомъ этой Поэмы поны же Rāma; а цѣль Поэты показать правила и образцы всякаго рода рѣченій. — Всегда сохраняя гладкость и ясность, не взирая на трудности предначертаннаго плана, онъ умѣлъ совершить трудъ достохвальный. Но я не могу одобрить цѣли другаго творенія, называемаго Rāghava-Pāṇḍavīya, сочинитель коего самъ себя именуешь Caverādja (*). Эта Поэма есть плодъ усилій неимовѣрныхъ, — но бесполезныхъ; оно есть удивительное, но ничтожное произведеніе чловѣка съ отличнымъ дарованіемъ: каждое слово, приисканное съ трудомъ и искусствомъ величайшимъ, представляетъ такой смыслъ, что можешь по волю чинашея, быть примѣне-

---

(*) Слово сіе означаетъ *Царь-Поэтовъ* или *Царь-Поэтъ*.

но и къ Исторіи Râma, внука Raghu, и къ Исторіи сыновъ Pandu, покровительствуемыхъ богомъ Сішна. Появленіе подобныхъ твореній кочипаю я плачевнымъ знакомъ въ Литературѣ: они возвѣщаютъ время слабости и упадка, когда умъ, уже обезсилъ для новыхъ созданій, — не имѣетъ ни мощности, ни воображенія, а только память и шерстивіе. По словамъ самаго Савераджъ, ему подали эпичесъ гибельный примѣръ Subandhu и Vana-Bhatta, первый въ аллегорическомъ романѣ, въ которомъ прославляются любовныя подвиги Candaprakéti и Царевны Vāsavadattâ; второй въ твореніи описательнаго рода, не оконченномъ и называющемся: Cādambari. Книги эти, также какъ и Dasasputāga, сочиненная Dandi, заключають въ себѣ рядъ аллегорій двойкаго смысла. Аллегорія конечно есть фигура оспроумная; но она становится холодною, если бываешь слишкомъ продолжена. — Вошь недоснапокъ сихъ сочиненій, недоснапокъ, который однако же уступается въ справедности сочиненію: Bāghava-Rāndaviya, гдѣ двѣ различныя Исторіи рассказаны въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Сія послѣдняя произведенія называющся Поэмами, хотя и писаны прозою: но эта проза самая красивая, цвѣтущая, и кошо-

рую иногда возвышается размѣръ и періодичноэпическіе. Особый родъ сонимей, называемыхъ *ichatri*, представляешь разнообразное и искусное смѣшеніе стиховъ и прозы. Число ихъ весьма велико; но преимущественно кажется опличается Nala-Tchampu, въ кошоромъ сочинилъ, Trivikrama-Bhatta, излагаешь своимъ собственнымъ образомъ бѣдствія Царя Nala и его супруги Damayanti. Вошь оная предметъ, кошорый, какъ мы уже видѣли, былъ обработанъ въ другихъ формахъ.

Но преимущественно часпо Индійцы вводяшь это смѣшеніе прозы и стиховъ въ свои драмы.

У всѣхъ образованныхъ народовъ Писатели недовольствовались однимъ рассказомъ событій: они любили также представляшь ихъ предъ взорами зрителей внимательныхъ, и сообщашъ имъ, обманчивостію драматической игры, шо дѣйствительное существованіе, кошорое для нихъ было невозможно. Театральныя зрѣлища искони услаждали досуги Индійцевъ. Драматическія піесы ихъ называются *pâta*. Изъ прехъ единствъ Аристоделевыхъ, имъ извѣстно одно шолько единство предмеша. Они дѣляшь свои піесы на дѣйствія (акты), но число оныхъ не опредѣлено. Піеса, подъ названіемъ

Nāsyārnava (океанъ шушокъ) въ шрехъ дѣйствіяхъ; драма Sacuntalā — въ семи; Mālatī-Mādhava въ десяти.

Между писателями, упражнявшимися въ семь родъ, двое пользуются особеннымъ оплчиємъ: Bhavabhūte и Cālidāsa. Первый славится піэсою, подъ названіемъ: Mālatī-Mādhava (*), въ коей все вымышлено, и въ кошорой завязка основана на препятствіяхъ, вспрѣчаемыхъ любовью Mālatī и Mādhava. Опцы ихъ, занимающіе званіе Миниспровъ у двухъ могущественныхъ Царей, согласились соединить дѣшей своихъ, чшобы тѣмъ еще болѣе утвердить свою старинную дружбу. Но одинъ изъ Царей хочеть опдать юною Mālatī въ сѹпруги спарому любимцу своему: Миниспръ боишся прогнѣвить своего Государя; но и ужасаешся мысли принести собственную дочь на жершву. Послѣ долгихъ приключеній, въ коихъ дѣйствуютъ и колдуны и волшебницы, — успѣвають, посредствомъ комическаго преодѣванія, внушить любимцу Царскому опвращеніе къ сѹпругъ, назначаемой ему покровительствомъ Государя, — и піэса оканчивается свадьбою молодыхъ любовниковъ.

(Окончаніе впрѣдъ.)

(*) См. Разборъ сей піэсы въ томѣ X, стр. 453. Asiatic Res.

III.

К Р И Т И К А

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИЖКУ: КРАТКОЕ
ИЗЛОЖЕНІЕ ПРАВИЛЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ
РУЧНАГО СЛОВАРЯ НЫНѢШНЯГО ЯЗЫКА
РУССКАГО.

Въ 75 и 76 NNo Сѣверной Пчелы прошедшаго, и въ 12 No Московскаго Телеграфа нынѣшняго года помѣщены разборы моей книжки, подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ изданной (*). Благодаря усерднѣйше Г-дъ Кришиковъ за вниманіе къ шруду моему, обязанностію почишаю объявить предъ всѣми, въ чемъ, въ слѣдствіе ихъ убѣжденій, я соглашаюсь съ ними, и на что, по причинамъ, о коихъ упомяну, не могу съ ними согласиться. Начну, по порядку времени, съ Сѣверной Пчелы.

Почтеннѣйшій Рецензентъ мой Н. И. Гречъ, Филологъ, котораго мнѣнія по части языкознанія достойно уважаюшся, пола-

---

(*) Небольшая книжка сія будетъ напечатана вся въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Сло-весности, учрежденнаго при Московскомъ Универси-тетѣ.

гаешь *со-первыхъ*, что азбучный порядокъ, въ кошоремъ я думалъ расположить ручной Словарь свой, несомвѣстенъ съ качествами хорошаго Русскаго Словаря. Такъ, и д согласенъ, ежели дѣло идетъ о большомъ Словарѣ, о *подробномъ*; таковой Словарь, назначаемый для библіюшеки ученаго, необходимо долженъ бытъ производный; ибо главная цѣль занятій ученаго Филолога есть изслѣдываніе коренныхъ началъ языка, слѣд. и размашприваніе корней словъ. Но названіе *ручной* предполагаетъ иную цѣль — облегченіе упошребленія; и кто же не согласился, что легче прискривать слова по одному алфавиту расположенныхъ, нежели справляться съ индексомъ, рыться въ листахъ книги, и наконецъ просмашпривать множество производныхъ, хотя бы по и на одной указанной страницѣ? Кажется сего досмашпочно въ защиту азбучнаго порядка ручнаго Словаря Русскаго; но я прибавлю еще нѣсколько словъ на слѣдующія замѣчанія Г. Греча. Онъ говоритъ: „Всякій Русскій Словарь долженъ бытъ словопроизводный. Снмъ средствомъ, во первыхъ, облегчашся опредѣленія, ибо въ оныхъ нужно будешь показывать только уклоненіе въ смыслъ отъ главнаго или первообразнаго слова. Во-вторыхъ, Сочиняшеть избѣжишь непрерывныхъ повинно-

реній и ссылокъ...“ Не знаю, много ли облегчашся опредѣленія симъ средствомъ. Возьмемъ въ примѣръ слово *домъ*; производныя его *домовый, домовой, домашній, домовничать* и сложныя *домочадець, домоводець, домовладыка* и пр. не должны ли имѣть каждое свое особое опредѣленіе? Что же касаешся до уменьшительныхъ *домикъ, домишка*, то безъ сомнѣнія они должны быть помѣщены съ своимъ кореннымъ. Равнымъ образомъ существительныя, происходящія отъ прилагательныхъ, (означающія свойство), нарѣчія происходящія отъ прилагательныхъ, причасія и вообще всѣ тѣ слова, для объясненія которыхъ довольно указать на ихъ происхожденіе, могутъ находиться при своихъ ближайшихъ корняхъ. Алфавитный порядокъ чрезъ это не нарушится, ибо главные слова все будутъ расположены по оному; нужно только будетъ сперва створиться, какимъ образомъ отъ шаковыхъ производныхъ возвращаться къ ближайшимъ корнямъ ихъ.

Во-вторыхъ, Г. Гречъ думаетъ, что имена собственныя лучше помѣстить въ особомъ Словарѣ; это думаю и я (спран. 5). На замѣчаніе же его о словахъ искусственныхъ скажу, что я разумѣлъ подъ симъ названіемъ тѣ техническія шермины, кошо-

рые чисто въ литературномъ сочиненіи, шакъ какъ и не въ ученомъ разговорѣ, вѣроятно никогда не встрѣяшяся; какая напр. нужда въ *ручномъ*, слѣд. возможно-крапкомъ Словарѣ, объясняшь слѣдующіе математическіе термины: *конхонда*, *циссонда*, *логоридмика*, *квадратисса*, *циклоида*? Мнѣ кажется, это принадлежишь во-первыхъ Математическому Словарю, и во-вторыхъ Словарю языка подробному (*). Г. Гречь совѣщуетъ еще помѣщать ремесленныя слова; но они принадлежатъ къ проспонароднымъ, а что сіи должны бышь помѣщаемы, я говорилъ о томъ на спраш. 7. Впрочемъ мнѣ слѣдовало бы сказать о семь предметѣ болѣе.

Втретьихъ, Рецензеншу моему не нравился Словарь, *наполненный* изящными мыслями (думаю, что я понялъ его). Бышь шакъ, и я не прошивнаго миѣнія (спраш. 10); но какъ не пожелаешь, чтобы фразеологія Словарей нашихъ была исправнѣе, полнѣе, и еъ болѣшимъ вкусомъ опносительно выбо-

---

(*) Къ тому жъ надо бы то сказать, что ежели, *на первый случай*, помѣщать всѣ возможныя искусственныя слова, то недостанетъ жизни человеческой для сей работы. Буасшь, ииѣя уже многихъ предшественниковъ, аь лѣшь составлялъ Словарь свой.

ре; а вшаго достигнувшъ можно выписками изъ лучшихъ Писателей и даже переводами. Въ четвертый, замѣчаніе его относитъ ся до синонимовъ. Будто синонимы не нужны? И почему они особенно не нужны въ Словарь производномъ? Одно средство приобрятающъ идеи точныя — сравненіе; но сравнивая вещи, что мы усмащриваемъ? Что онѣ сходны или несходны, тождественны или противоположны. Такъ и въ языкѣ синонимы суть подобнозначащія слова; синонимы — слова противоположныя. И что можешь лучше ограничить пространство значенія слова и выславить оное въ большемъ свѣтѣ, какъ не такія противоположности? Живописцу швыи необходимы.

Кончивъ общія замѣчанія, Г. Грець приступаетъ къ частностямъ: „опредѣленія кажутся намъ не всегда достаточными“ — говоришь онъ, и я согласенъ, что опредѣленія словъ *сердце*, *архитекторъ*, *стратегія* можно исправить и дополнить; соглашаюсь также, что выраженіе *благорастворенный вѣтеръ* неправильно, хотя оно иногда и употребляется; но слово *любезный* двѣисшвительно значить *достойный любви*: это злоупотребленіе слова, когда мы называемъ *любезнымъ* челоуѣка, незаслуживающаго любви. Далѣе Г. Грець предлагаетъ со-

вѣшь подѣзоващяся *лскыми, рѣщенными, доказанными словопроизводствами*, и въ примѣръ *догадочнаго и сомнительнаго*, приводишь мое произвожденіе слова *сердца* ошь *среда* (средица). Конечно, это догадка; но едва ли она сомнительнѣе произвожденія сего слова ошь Греческаго *καρδία*, Латинскаго *cor* или Нѣмецкаго *Geiz*. На чемъ основано сіе произвожденіе? На сходствѣ одной или двухъ буквъ! Но и самъ Г. Гречь не рѣшилъ еще, ошь кошораго изъ сихъ прехъ словъ оно происходитъ; онъ говоришь шолько, что *сердце* имѣеть одинъ корень съ вышеприведенными словами. И пакъ, гдѣ же искашь сей корень? Не въ Санскрипскомъ ли языкѣ! А моя догадка основывается на слѣдующемъ: замѣчаю я, что слово *сердце* имѣеть одинакую форму съ словами *бердце, крыльце, кольцо* (*бердцо, крыльцо, кольцо* ошь *бедрца, крыла, кола*); вижу, что окончаніе онаго ешь явно Русское, откидываю наращеніе *це*, и получаю коренное *сердъ*, упошребляемое еще и нынѣ въ сложныхъ *милосердъ, сердоболіе*. Извѣстно, что древній языкъ нашъ любилъ иногда переспановку гласной чрезъ одну согласную (напр. *бревно* прежде писали *бервно*); перемѣщаю въ слѣдствіе сего букву *е* въ словѣ *сердъ*, и получаю наконецъ *средъ, средь, среда* (ко-

печная буква могла измѣниться). Повторяю, это догадка, но едва ли не болѣе основательная указаній Г. Греча; впрочемъ, я уступлю охотно, какъ скоро мнѣ покажутъ достовѣрнѣйшее мнѣніе. Но можно ли согласиться на происхожденіе слова *счастіе* отъ *часъ*? Если шакъ, то по правиламъ этимологии, слѣдовало бы говорить *счасіе*; откуда же взялась буква *т*? А что глаголь *рисовать*, происходитъ отъ Нѣмецкаго *reiben*, повѣршишь можно; равно какъ должно согласиться, что не худо бы было предсказать образцы словъ Ташарскаго происхожденія.

„Покажемъ нѣкоторыя отдѣльныя неисправности, продолжаетъ Г. Гречъ. Въ словѣ *душа* пропущено значеніе крестянина мужскаго пола, а просто приведенъ примѣръ *тысяча душъ*“ — замѣчаніе справедливое. „Также не упомянуто, что *душкою* называется внутренняя подкладка въ скрипкѣ“ — На сіе Г. Авшоръ Писемъ на Кавказѣ, уже сдѣлалъ основательное возраженіе, что названіе подставки въ скрипкѣ *дужка* происходитъ отъ слова *дуга* (*). Слово

(*) Сынъ Отечества 1827 г. No 9, стр. 74. Г. Сочинитель сей статьи согласенъ со мною въ расположеніи ручнаго Словаря по азбучному порядку.

горнида, дѣйствительно чаще употребляется въ Малороссіи. Замѣчаніе о словѣ *листья* справедливо наспѣю: *листами* называются жесткія деревья, или вообще растенія, отличающіяся различнымъ различіемъ въ употребленіи:

А только вътрѣхъ свистѣ, *листы* деревъ шепшали.
Держ.

Листы по дереву, шума, залепшадь. *Крыг.*

Но я не могу съ нимъ согласиться въ томъ, чтобы опредѣленія словъ *сердце*, *душа* и имъ подобныхъ, были излишни для Словаря ручнаго; не распространяясь много, укажу только на ручные словари другихъ языковъ. Опасеніе же его на счетъ огромности Словаря, содержащаго опредѣленія всѣхъ помѣщенныхъ въ немъ словъ, должно весьма уменьшиться, когда ему угодно будетъ сличить число строкъ въ моихъ пробныхъ листахъ и въ Словарѣ Академіи, при однихъ и тѣхъ же словахъ. Возьмемъ для примѣра первыя шесть словъ: у меня слово *душа* объясняется на 33 строкахъ — въ Сл. Ак. на 99; *сердце* у меня занимаетъ 17 строкъ — въ Сл. Ак. 90; *воля* у меня 8 — въ Сл. Ак. 16; *земля* у меня 27 — въ Сл. Ак. 42; *вода* у меня 30 — въ Сл. Ак. 23; *жаворонокъ* у меня 13 — въ Сл. Ак. 85; а число буквъ на одной строкѣ Сл. Ак. едва ли одною осью менѣе числа буквъ въ строкѣ моихъ пробныхъ листовъ. Припомъ же слѣдуетъ замѣнить, что мои опредѣленія и фразеологія полнѣе и подробнѣе; и что, для большей ясности перваго опына, я мало обращалъ вниманія на брѣшность.

„Въ отношеніи Грамматическомъ, скажемъ (говоришь Г. Гречъ), что Авторъ напрасно полагаетъ глаголы въ первомъ лицѣ настоящаго времени. По нашему мнѣнію они должны находиться въ Лексиконѣ въ неокончательномъ наклоненіи, ибо во-первыхъ: первое лице въ правильныхъ глаголахъ, происходитъ отъ неокончательнаго наклоненія, а не обратнаго; во-вторыхъ: всякій глаголъ имѣетъ неокончательное наклоненіе, но настоящее время и первое онаго лице, находишь не во всѣхъ: во многихъ оно не употребительно.“
 Общее мнѣніе, что началомъ Русскаго глагола должно быти неопредѣленное наклоненіе, подвержено великому сомнѣнію, и даже, рѣшительно скажу, ложно; не распространяясь здѣсь въ доказательстввахъ мнѣнія противнаго, которое подкрѣпляется впрочемъ Грамматиками языка Польскаго, единоплеменнаго, съ нашимъ, я буду отвѣчать только на возраженія Г. Греча. Онъ говоришь, что первое лице правильныхъ глаголовъ, происходитъ отъ неопредѣленнаго наклоненія — это несправедливо. Правильные глаголы сущь шь, кои въ первомъ лицѣ кончашся на аю, лю, тю, ую, юю, ну и на ю съ предъидущею согласною (съ многими исключеніями; также и нѣкоторыя на у съ предъидущею согласною же), ибо

они правильно производятъ все свои формы отъ одной какой-либо (см. мою статью: новая Теорія спряженій Русскихъ, въ VI части Сочин. въ прозѣ и стихахъ — Труды Общ. Люб. Росс. Слов.). Сравнимъ же теперь окончанія перваго лица ихъ съ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія: дѣлаю — дѣлаю, мнѣню — мнѣню; живю — живю, рисую — рисую, ливю — ливю; вѣнчу — вѣнчу; говорю — говорю; не должно ли согласиться въ большей сложности окончанія неопредѣленнаго наклоненія, и не легче ли перемѣнить одну конечную букву для произведенія прочихъ формъ глагола, нежели двѣ, три, даже четыре? Совѣтую любознательнымъ прочесть со вниманіемъ упомянутую статью мою; тамъ, въ приложенной таблицѣ, увидятъ они, какъ легко производятъ имъ формы глагола отъ перваго лица; тамъ же увидятъ они, въ прошивности общему мнѣнію, что Русское спряженіе (т. е. перемѣна окончаній глагола) несравненно правильнѣе спряженій всехъ прочихъ языковъ Европейскихъ, и что числа неправильныхъ глаголовъ нашихъ, менѣе числа оныхъ въ другихъ языкахъ. Послѣдующее возраженіе, еще легче опровергнушь. Первое лице неупотребляется, едва ли въ 30 глаголахъ; но что значатъ 30 глаголовъ

противъ 30,000 — полного чиза глаголовъ Русскихъ? Ясно, что сіи глаголы сосставляють небольшое исключеніе, а опшнюдь не общее правило.

Далѣе, Г. Гречъ выписываетъ изъ моихъ пробныхъ листовъ Грамматическія формы глагола *блещу*, въ доказательство *сбивчивости* моего способа означать ихъ — и, вѣроятно, имѣя худо оппечатанный экземпляръ, выписываетъ неправильно. Окончаніе *ѣшь* у меня нѣтъ; на стран. 24 надъ буквою *е* находишь знакъ крапкаго слога, (а не двѣ почки), означающій, что удареніе перенесено съ послѣдняго слога на предпослѣдній, и что слѣд. должно выговаривать не *блещѣшь* (какъ надлежало бы по произношенію перваго лица), но *блѣщешь*. Нельзя также подумать, чтобы согласныя, предшесивующія сему слогу были *ст*, ибо въ первомъ лицѣ, опъ котораго происходитъ второе, находишь буква *щ*; опспуленіе же опъ сего правила, показано у меня слогомъ *стишь*. Окончанія *щишь*, *щаль* конечно нами не употребляются, и ихъ не было бы нужды высказывать даже и въ скобкахъ, ежели бь они не употреблялись еще въ провинціяхъ; спбимъ только послушать Малороссіянъ. Вольношии Пшшическія у меня опшнюдь не въ числѣ правилъ, но замѣчены какъ особенності,

для уразумѣнія Писателей нужны; что же касается до прекраснаго глагола *чешуи́ть*ся, то неужели нельзя осмѣлиться принять его въ словарь только потому, что еще одинъ Державинъ употребилъ его, и по въ прѣпьемъ лицѣ? Впрочемъ, я согласенъ, что можно отбросить провинціализмы, и выставилъ ихъ самъ, болѣе для полноты перваго опыта.

„Въ отношеніи Орѳографіи, говоритъ Г. Гречъ, надлежало бы держаться какого-нибудь отличнаго Писателя, напр. Карамзина, а въ предисловіи упомянуть объ общихъ правилахъ и главнѣйшихъ варіантахъ или уклоненіяхъ.“ Точно такъ; но о какомъ предисловіи говоритъ Г. Крипикъ? О предисловіи къ Словарю, еще не существующему! А для перваго опыта, не должно ли было выставить всѣ различія въ правописаніи? „Держаться одного“ я такъ и поступалъ, заключая уклоненія въ скобки. Орѳографію словъ *душинька*, *листочикъ*, я не согласенъ признавать неправильною. Неужели правильнѣе писать *душенька*, *листочекъ*? Обращимъ вниманіе на произвожденіе перваго слова: коренное *душа*, отъ него приращашельное неупотребительное *душинъ*, (есть фамилія Душинъ), и, по подобію сего слова, уменьшительное *душинька*. Такимъ

же образомъ происходящъ *маминька*, ошь *мама*, *маминя*; *Петинька*, ошь *Петръ*, *Петя*, *Петиня* и проч. Окончаніе *чикъ* ешь шапарское, и означешъ уменьшеніе; и шакъ правильнѣе пишашъ *лестогикиъ*. *Черный*, *любезный* въ проспорѣчїи кончашся на *ой*, для шого я и посшавилъ сіе окончаніе въ скобкахъ. Въ разсужденіи окончаній *ый*, *ой* надлежишъ замѣнишъ слѣдующее: въ нашемъ языкѣ ешь высокія слова, кошорыя никогда иначе не упошребляющся, какъ съ окончаніемъ *ый*, шакovy напр. *именитый*, *блаженный*; ешь слова, упошребляемыя часно въ прошиворѣчїи, кошорыя всегда бы должно оканчивашъ на *ой*, шакovy *всякой*, *земляной*; наконецъ ешь слова, упошребляемыя равно и въ высокомъ и въ прошомъ слогѣ, а посему должешъ вующїи имѣшъ двѣ орѳографїи; шакovy *черный* и *чорной*, *любезный* и *любезной*. Въ подкрѣпленіе сего моего мнѣнїя, приведу слѣдующїй примѣръ: ошь высокаго слова *шелкъ* (произноса букву *е* за *е*) происходишъ прилагашельное *шелковый*, упошребляемое спихошворцами; ошь прѳсшаго слова *шолкъ*, происходишъ прилагашельное *шóлковой*, упошребляемое въ прѳспорѣчїи; не явное ли эшо доказашельство, чшо надлежишъ дѣлашъ различїе въ правописанїи словъ лзыка высока-

го и проспаго? А такихъ словъ много. Прибавлю еще: нѣкошорые совѣшуютъ послѣ буквы *ш* писашъ всегда букву *е*, вмѣсто *о*, кошорая слышна въ произношеніи; какъ же узнашъ иноспранцу, когда выговаривашъ букву *е* за *е*, и когда за *о*, наприм. въ помѣ же словъ *шелкъ*? И правильно ли онъ произнесешъ слово *горшокъ*, когда мы, въ свѣдшвіе помянушаго правила, напишемъ оное чрезъ *е* — *горшекъ*? Раздѣленіе правописанія словъ высокихъ и просныхъ необходимо; симъ весьма облегчашся правила Просодіи нашей (словопроизношенія) для иноспранцевъ, а съ шѣмъ вмѣстѣ и правила нашей Орфографіи для нихъ и для насъ самихъ. Последнее замѣчаніе Г. Греча относится къ обоюдному упошребленію слова *тяжелѣйшій*. Окончанія *тъйшій*, *айшій*, двѣсшвишельно имѣютъ обоюдное упошребленіе — въ сравнительной степени и въ превосходной (относительной). Примѣры того и другаго:

Сравн. ст. Гряди, краснѣйшая денница! Ломон.

Блѣжшею снѣговъ порфирю одѣша.

Хераск.

Прев. ст. Легчайшій въшорокъ, едва спрующій воду,
Ужасенъ для себя, какъ буря въ непогоду.

Джмтр.

Милостивѣйшій Государь!

Въ заключеніе ошвѣща моего Г. Гречу; повшорю искреннѣйшую мою благодарносшь за его замѣчанія кошорья я умѣю цѣнить. Теперь приступлю къ онѣвшу на Кришику. Г-на неизвѣстнаго, подписавшагося въ Московскомъ Телеграфѣ буквами Кс.

Г. Рецензентъ, выписывая слова мои, что мы пользуемся большимъ Словаремъ Академіи, но не имѣемъ еще ручнаго Слора языка Рускаго, и что всякому любителью Словесности, было бы пріятно появленіе шакой книги, и учащемуся юношесству даже необходимо, говоришь: „Эшо мнѣниѣ подлежащъ сильной Кришикѣ. Словарь Академическій усшарѣлъ во многихъ ошношеніяхъ; пошому что послѣ перваго изданія онаго, языкъ Россійскій далеко подвинулся впередъ. Да и какъ первый опытъ, онъ не могъ бытъ возможно - совершеннымъ сочиненіемъ.“ Но кто же называешь его совершеннымъ? Сказавши, что мы давно пользуемся онымъ, я сказалъ правду; пошому, что за немѣнѣемъ лучшаго, мы принуждены въ него заглядывать. „2, продолжаешь Рецензентъ, любителямъ Словесности должно бытъ не только пріятно, но необходимо (но и необходимо?) изданіе крашкаго и вмѣстѣ полнаго Словаря языка Рускаго, ибо шеперь

у насъ почти нѣгдѣ справишься въ сомнительныхъ случаяхъ..." Не знаю, почему Г. Рецензентъ называетъ *сильною критикою* такія свои замѣчанія; мнѣ кажется, ошъ недосыпка ручнаго Словаря все-таки переплять болѣе учащіяся, нежели просто любители Словесности. Далѣе: „последнихъ словъ Авшора: *юношеству необходима небольшая уютная книжка, гдѣ бы въ немногихъ строкахъ заключалось все нужное* — мы не понимаемъ. Если Авшоръ говоритъ о Словарѣ, то юношеству нуженъ Словарь подробный, ибо опытному Писателю не такъ часто и не такія обширныя справки нужны, какъ юношѣ.“ Что я говорю о Словарѣ, то легко понять изъ предшествующихъ словъ; но чтобы учащимся былъ нуженъ Словарь подробный, на это я не согласенъ. Осъывая уже неудобство употребленія большой книги, спрошу у Г. Рецензента, на что ученику подробности, нужныя для ученаго, когда онъ находитъ въ ручномъ Словарѣ все для себя необходимое? Ручной Словарь назначается именно для учащихся, и для шѣхъ Любителей Словесности, которые не посвящаютъ себя глубокому изслѣдованію языка. Выраженіе *на нашемъ отечественномъ языкѣ дѣй-*

спвишительно лишнее; а слова *все* *нужное*, справедливо, слѣдовало бы пояснить.

„Опредѣленіе Грамматики и Словаря, предсшавляемое Авшоромъ, говоришь Рецензентъ, кажешся намъ шакже недосшашочнымъ. Вопшь слова его, (шо е. мой): *Предметъ Грамматики есть аналитическое изслѣдованіе языка, изъясненіе механизма его и систематическое изложеніе правилъ составленія рѣчи.* Напрошивъ, предметъ Грамматики естъ синшешическое изслѣдованіе языка, (ибо во всѣхъ Грамматикахъ идущъ опъ общаго къ частному) и сисшешическое изложеніе законовъ построенія періодовъ.“ Грамматика каждаго языка должна бышь основана на общей философской; а въ сей упошребляешся и синшезисъ и анализъ. Законы нашей мыслишельной способности шакковы, что намъ легче идши синшешическимъ пушемъ, но это шогда шолько, когда общія основанія Машаматически шочны; въ прошивномъ случаѣ, какимъ способомъ можемъ мы скорѣе приблизиться къ истинѣ? Скажу еще шакъ: надобно сперва взойши на лѣшницу, чтобы умѣшь низойши съ оной. „Сисшешическое изложеніе построенія періодовъ“ говоришь Рецензентъ; но это шо же, что и *систематическое изложеніе правилъ составленія рѣчи*—

шолько другими словами. Далѣ Г. Рецензентъ продолжаетъ выписывать: *Предметъ Словаря, есть храненіе и изъясненіе словъ, яко матеріаловъ языка, и собраніе неподлежащихъ постояннымъ правиламъ примѣчаній, относительно каждаго слова. И пошомъ говоришь: „По опредѣленіямъ Автора нельзя оплечишь Грамматики ошъ Словаря, ибо и Грамматика шакже заключаешъ въ себѣ изъясненіе словъ, какъ Словарь аналитическое изслѣдованіе языка.“* Прощу Рецензента внимательнѣе сличить мои опредѣленія: развѣ изслѣдованіе языка и изъясненіе словъ одно и то же? Развѣ систематическое изложеніе правилъ и собраніе примѣчаній *неподлежащихъ правиламъ*, все равно?

„Далѣ вспрѣчаемъ, продолжаетъ Рецензентъ, очень смѣлое и не совсѣмъ справедливое мнѣніе, что *наша Грамматика еще младенчествуетъ*. Можно ли сказать это послѣ прозы Карамзина, Жуковского и нѣкошорыхъ другихъ Писателей, послѣ всѣхъ старыхъ и новыхъ изслѣдованій, совершенныхъ нашими и иностранными Филологами?“ *Не младенчествуетъ языкъ*, послѣ прозы Карамзина и Жуковского; но младенчествуешъ Грамматика, ш. е. наука языка. Покажише мнѣ писанную или печатную воз-

мужавшую Грамматику языка Русскаго, и я признаю себя неправымъ. Сказанное за пѣмъ Рецензеншомъ уничтожается, какъ слѣдствіе неправильнаго положенія.

Далѣ Г. Рецензеншъ говоритъ, что „для Словаря Русскаго языка единственнѣй порядокъ, есть этимологическій.“ Почему для *ручнаго* Русскаго Словаря нуженъ порядокъ азбучный, я говорилъ о томъ доспашочно въ отвѣтъ Г. Гречу.

Пошомъ Рецензеншъ выписываетъ изъ моей книжки правило 11-е. *Помѣститъ слова древняго языка нашего, слова единоплеменныхъ намъ народовъ и слова обласшныя, ежели только, при богатствѣ своего значенія, они близки къ нынѣшнему общеупотребительному нарѣчію.* И продолжаетъ: „Съ этимъ мы никакъ не согласны, пошому что Авшоръ въ 1-мъ правилѣ именно говоритъ: *собрать всѣ Русскія слова общеупотребительныя въ нынѣшнемъ чистомъ разговорномъ и книжномъ языкѣ нашемъ.* Если же помѣщать шупъ древнія, обласшныя и другихъ Славянскихъ народовъ слова; то многія слова будутъ при раза повшоряемы не шолько безъ пользы, но даже ко вреду нашего языка, и Словарь будетъ ни одного, а прехъ языковъ? „А зачѣмъ ему бытъ Словаремъ прехъ языковъ?

зачѣмъ повшоряшь при раза одни и тѣ же слова? Пусть Рецензентъ обратишь вниманіе на условіе помѣщенія: *ежели слова сіи близки къ нынѣшнему общеупотребительному нарѣчію*. Много ли же найдется такихъ словъ? „Ненужная роскошь“ говоришь онъ; нѣтъ, полезная, какъ скоро будутъ избираемы слова *богатыя значеніемъ*; ниже онъ и самъ совѣшуешь допустить обласшныя: *тундра, чаркі, хворосты, бурунъ, хивунъ* и пр. „И знаешь ли Авшоръ, продолжаетъ Рецензентъ, что ввело его въ это ошибочное положеніе? То, что онъ хочешь сосланишь Словарь не производный, а по азбучному порядку. Неудобства азбучнаго Словаря Русскаго очевидны, ибо въ нашемъ языкѣ большая часть словъ наши производныя, а если при каждомъ производномъ словѣ спавишь, ошь какого оно происходишь; по весь Словарь будешь испещренъ ссылками, и это сдѣлаешь его, можешь бышь, огромнѣе, нежели нѣсколько листовъ азбучныхъ респровъ въ концѣ производнаго Словаря.“ А для чего при каждомъ производномъ спавишь его корень? въ V правилѣ на спран. 7 я говорю именно сими словами: *Происхождение и сложность словъ Русскихъ, далеко уклонившихся отъ своего начала, означить* и пр. И шакъ, указываешь на кор-

ни, должно погда шолько, когда правила Грамматики недоспашочны для опысканія корня; а шакихъ случаетъ не много.

Рецензентъ продолжаетъ: „Авторъ упустилъ изъ виду важную отрасль языка: слова ремесленныя и употребляемыя промышленнымъ классомъ народа.“ На сіе я уже опвѣчалъ Г. Гречу. „Мы увѣрены, говоришь Рецензентъ, что десяный изъ насъ не съумѣетъ поддержать разговора съ ремесленникомъ“ и пр. На спран. 7 я говорю: *Простонародныя слова должны войти въ предполагаемое изданіе: часто они не имѣютъ равнозначащихъ; да и кому не случается обращаться съ простыми людьми, съ которыми должно говорить ихъ языкомъ.*

Далѣе онъ выписываетъ IV мое правило: *Грамматическое значеніе каждаго слова показать со всѣми необходимыми этимологическими переменными, неправильностями и особенностями, съ приложеніемъ замѣчаній для Синтаксиса, Просодіи и Орфографіи.* „Эшо шакъ шемно сказано, говоришь пошомъ Рецензентъ, что мы истинно не знаемъ, чего хочешь Авторъ. Каждое слово изъяснишь Грамматически? Для кого же эшо? Для знающихъ Грамматику довольно замѣчашь неправильности

въ измѣненіи словъ, ибо это бываетъ нужно, особенно въ словахъ малоупотребительныхъ. Еще темнѣе у Авшора изъясненіе этого положенія, особенно, когда онъ ссылается — на Г. Болдырева!“ Если это темно для Г. Рецензента, то я постараюсь ему изъяснить. Возьмемъ для примѣра два слова, находящіяся въ пробныхъ листахъ моихъ: *блещу* и *листъ*. Нужно ли сказать, что *блещу* есть глаголь средній и пр., а *листъ* существительное? — Вошь Грамматическое значеніе словъ. Нужно ли высказать окончаніе вшораго лица *стишь*, помянушаго глагола, и родительный падежъ существительнаго *листъ*, въ кошоромъ перенесено удареніе на *а*? — вошь этимологическая перемѣна, кошорую необходимо должно знать, и замѣчаніе для просодіи (словопроизношенія). Нужно ли замѣнить, что глаголь *блещу*, вшорое лице оканчивается также и на *щешъ*, а существительное *листъ* имѣетъ во множественномъ числѣ *листы* и *листыя*? — Вошь неправильность (въ глаголь) и особенность (въ существительномъ). Для синтаксиса замѣчено, что глаголь *блещу* можетъ пребывать и падежа; для орфографіи показано различіе въ способѣ писанья слово *счастіе*. И такъ, однѣ ли неправильности замѣчать должно? Совѣтую Г. Рецензенту,

прочитать спашью мою: Опытъ правилъ для составленія Русскаго производнаго Словаря, въ шрудахъ Общества Любителей Россійской Словесности напечатанную. Также прошу его взглянуть на 9 стран. моей книжки; шамь найдешь онъ, что я самъ говорю о возможномъ сокращеніи сего IV Правила. Что же касается до замѣчанія его при ссылкѣ моей на Г. Болдырева (всякой знаешь, чѣмъ мы обязаны сему ученому Филологу, въ отношеніи къ системѣ глаголовъ нашихъ), то рекомендую ему въ опѣшъ другую спашью мою въ шрудахъ того же Общества: новая Теорія спряженій Русскихъ.

„И Г. Калайдовичъ, говоришь далѣе Г. Рецензентъ, въ слѣдъ за другими, видишь сходство между *oculus*, око, и подобными имъ!“ Да эшо и всякой видишь; а что нтъ необходимости выславлять въ Ручномъ Словарѣ такіа подобозвучныа слова, я самъ замѣнилъ эшо на стран. 10.

„Едва ли было бы хорошо, продолжаешь Рецензентъ, выбирать опредѣленія важнѣйшихъ предметовъ изъ лучшихъ Писателей, какъ сдѣлалъ Буаспъ; пошому что и при богатствѣ Французской Литературы, у Буаспа въ примѣрахъ по большой части несносное пущословіе, а у насъ не изъ чего выбрать и краснаго выраженія для мно-

гихъ словъ.“ Не изъ чего выбрашь для *многихъ* словъ, но можно выбрашь для *нѣкоторыхъ*, а это лучше, нежели сочиняшь собственные, и оцнкую не значишь подражашъ пустословію.

„Синонимы, антонимы и примѣры могутъ чрезвычайно увеличившь Словарь“ говоришь онъ. Десятью листами на сго. На сшран. 10 я сказала: *Изящныя мысли знаменитыхъ Писателей и примѣры различнаго употребленія словъ прилагать тогда только, когда потребуетъ* необходимость. Впрочемъ, я бы согласенъ былъ оцдѣлишь синонимы и антонимы ошъ ручнаго Словаря, если бъ мы имѣли уже оцдѣльные Словари оныхъ.

„Мы также несогласны съ Авторомъ, продолжаешь Рецензентъ, что изъ Словаря надобно исключишь *слова искусственныя*, ш. е. принадлежащія особенно къ наукамъ и искусствамъ. По этому правилу надобно будетъ исключишь слова: *человѣкъ, орелъ, слонъ, рѣзецъ, свѣтотѣнь* и многія другія; ибо всѣ они ошносящя къ Естественной Исторіи и Изящнымъ Искусствамъ. Буасшъ, на котораго оцашъ ссылаешь Авторъ, несправедливо оцдѣлилъ ошъ насшоящаго Словаря номенклатуру Естественной Исторіи и Медицины; надобно исключишь только *собствен-*

ныя имена, и пошому имена Испорическія, Миеологическія, названія городовъ, рѣкъ и пр., еспешвенно не войдушъ въ Словарь, а слова, упошребляемыя въ Наукахъ и Искусствахъ, какъ нарицательныя, никакъ не могушь бышь исключены.“ Рецензенць мой самъ себя прошиворѣчишь: онъ говоришь, что слова искусственныя сушь тѣ, кои принадлежашъ *особенно* *Наукамъ* и *Искусствамъ*, и пошомъ приводишь для примѣра оныхъ слова: *человѣкъ, орелъ* и пр. Развѣ слова сіи упошребляюшя шолько въ Еспешвенной Испоріи? На стран. 6 у меня сказано: *слова искусственныя, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ собственно Литературныхъ, должны имѣть мѣсто въ предполагаемомъ изданіи.* Какія же изъ нихъ почишаю я лишними для Словаря *ручнаго*, о шомъ говоришь я выше, въ ошвѣщъ Г. Гречу.

„Напрасно Авшоръ полагаешъ, что Словарь должень бышь сосшавляемъ однимъ лицемъ, пишешъ Рецензеншь: въ именахъ наукъ и ремеслъ, ему необходимы сошрудники.“ Мысль моя кажешя просша: всякое предпріятіе производишя усѣшно шогда шолько, когда управляешя одною головою; помощники же безъ сомнѣнія необходимы, и что иное значишь мое выраженіе: *подъ надзоромъ одного лица* (стран. 10)?

„Касательно пробныхъ листовъ Словаря, приложенныхъ въ концѣ, говоришь Рецензентъ, замѣшимъ, что они, какъ свидѣствіе правилъ, съ которыми мы [во многомъ несогласны, и какъ первый опытъ, не могутъ подлежать нашей Кришикѣ.“ Жалью, что Г. Рецензентъ не разсудилъ сказать нѣсколько словъ и о пробныхъ листахъ моихъ; мнѣ пріятно бы было воспользоваться его дальними замѣчаніями, и, я не полѣнился бы возразить на оныя, если бы они показались мнѣ недальними. „Во всякомъ случаѣ, заключаешь Г. Незвѣстный, просимъ Автора принять замѣчанія наши, съ шѣмъ же радушіемъ, съ какимъ мы спарались изложить оныя.“ Благонамѣренная Кришика для меня всегда пріятна, пошому что, во первыхъ, всякому сочинителю пріятно, когда обращающъ вниманіе на его сочиненіе; и во вторыхъ, я вѣрю пословицъ: умъ — хорошо, а два — лучше. Доказательствомъ же, что я съ радушіемъ принялъ замѣчанія Г. Незвѣстнаго, есть оповѣщеніе мое. На бранчивую кришику я не оповѣчалъ бы.

Наконецъ, долженъ ли я упомянуть не о Кришикѣ, но о похвалѣ моихъ правилъ ручнаго Словаря, напечатанной въ Маршевской книжкѣ Revue Encyclopédique нынѣшня-

го года? Похвала конечно мною не заслуженная, но я все обязанъ благодарить неизвѣстнаго мнѣ Г. Корреспондента сего изданія.

Иванъ Калайдовичъ.

С.П.б.

IV.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПРОГУЛКА ВАТЕРТОНА ПО НѢКОТОРЫМЪ ОБЛАСТЯМЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

(Продолженіе.)

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я держалъ Тихохода въ своей комнашѣ, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Часпо я выносилъ его изъ дому и клалъ на землю, для наблюденія за его движеніями. Когда поверхность была бугриста, онъ ходилъ довольно швердо, всегда въ направленіи къ ближайшему дереву; но когда клалъ его на гладкой и боевой дорогѣ, то показывалъ онъ величайшее смященіе. Любимымъ его мѣспомъ была спинка стула, и какъ шолько бывало расположилъ на ней свои лапы, то и нач-

нешь слабымъ крикомъ привлекашь мое вниманіе. Онъ спарался, хошя нѣсколько объяснишь симъ способомъ, сколько можешь выражаешь Тихоходъ, какой образъ жизни болѣе ему свойственъ.

„Тихоходъ, въ состояніи дикомъ, проводишь почти всю жизнь свою на деревьяхъ и никогда ихъ не оставляешь, развѣ по принужденію, или по какому нибудь случаю. Провидѣніе опредѣлило, человѣку ходишь по земной поверхности; орлу парить въ воздушномъ пространствѣ; обезьянѣ и векшѣ обиташь между древесными вѣтвями; но сіи послѣдніе могушь сходишь безъ дальнихъ неудобствъ. Не шакъ бываешь съ Тихоходомъ, который не иначе можешь опуститься внизъ, какъ съ великимъ спраданіемъ. Удивленія достойно, что онъ ходишь по вѣтвямъ не прямо, какъ обезьяна и векша, а спиною внизъ. Онъ всегда висить на деревѣ, какъ двигаясь по оному, шакъ во время отдыха и сна. Это доказываетъ, что организація его во всемъ отличаетъ ошъ другихъ живошнихъ.

„Сія организація, кажущаяся споль не совершенною и спранною, не ешь какая либо казнь, но благодѣяніе Неба; Тихоходъ наслаждается бытіемъ въ шакой же мѣрѣ, какъ и прочія живошнія, и служишь по-

вымъ убѣжденіемъ Высочайшей Премудрости Творца вселенной.

„Замѣшимъ, что Тихоходъ не клонитъ головы внизъ, подобно нешопырю. Когда хочешь спать, онъ прицѣпляется къ суку, просшерштому надъ землею паралельно. Онъ хвашается за вѣшвъ сперва одною переднею лапою, попомъ другою, а послѣ задними, и кажешся совершенно покоенъ въ шакомъ положеніи. Длинный хвостъ, могъ бы во многомъ мѣшашъ ему; если бы онъ подогнулъ его подъ себя, шо препяшсшвовалъ бы движенію лапъ; если бы оставилъ висящимъ, предалъ бы его на волю вѣтра. И шакъ, онъ имѣешъ причину почишашъ себя счастливымъ, что хвостъ его длиною не болѣе полушора дюйма, и эшо ешъ новое благошвореніе Провидѣнія.

„Даже въ самой его шершши, ешъ нѣчто особенное, опшличающее его опъ прочихъ живопныхъ, и что, полагаю, не было еще замѣчено ни однимъ изъ ешсешсшвоиспытшшелей. Она груба и чрезвычайно гуща, между шѣмъ, какъ корень ея шонѣ самой паушины. Мѣхъ его имѣешъ цвѣшъ древеснаго моху, опъ кошораго шрудно распознашъ его въ спокойномъ положеніи.

„Спина самца покрыша полосою прекрасной черной шершши, кошорая оканчи-

ваешся нѣсколько ниже лопатки; по споронамъ оной, висяшь желшныя космы, также весьма тонкія и имѣющія видъ, какъ бы слегка опаленной шерсти. Если разсмотримъ переднія его лапы, то увидимъ, сколько онъ швердосшію мускуловъ своихъ могутъ поддерживать тяжесть его шѣла, когда онъ взлѣзаетъ на дерево, или на немъ опдыхаетъ; и вмѣсто того, чтобы повпорить порицаніе ихъ уродливости, какъ то сдѣлалъ одинъ знаменитый естествоиспытатель, мы должны, напрошивъ, удивляться, съ какою попечительностію природа приспособила ихъ для шакого необыкновеннаго употребленія.

„Хошя Тихоходъ живетъ въ первобытныхъ лѣсахъ, лежащихъ подъ шропиками, гдѣ безчисленныя деревья шѣсно сплешающъ вѣтви свои, при всемъ томъ шрудно объяснить, почему онъ пишается шолько на одномъ какомъ-либо изъ нихъ, и для чего объѣдаетъ на немъ дочисша всѣ листы; ибо наиболѣе бывающъ обнажены шѣ деревья, кои онъ избралъ своимъ жилищемъ. Я полагаю, чшо по мѣрѣ того, какъ онъ доѣдаетъ послѣдніе листы, первые, опущенныя имъ сучья, покрывающся новою зеленью: вопшъ какова сила расщипельности въ сихъ знойныхъ шранахъ!

„Индійцы утверждаютъ, что Тихоходъ пускается въ пушь шокмо во время въпра. Въ погоду шихую, оспаешся онъ покойнымъ, върояшно онъ робосши, чшобы несломались концы въшокъ, когда перелазитъ съ одной на другую. Но лишь шолько подуетъ въ-теръ, сучья ближайшихъ деревь сплешающ-ся между собою, и Тихоходъ переходитъ по нимъ и продолжаетъ путешеспвіе свое без-опасно. Рѣдко бываетъ совершенная шиши-на въ сихъ лѣсахъ. Въшерь подымаешся, обыкновенно, около десяти часовъ ушра; а пошому Тихоходъ можешъ опправитъся въ пушь шопчасъ послѣ завшрака и зайши далеко до обѣда. Вообще онъ идешъ провор-но, и если бы случилось видѣшь вамъ, какъ шо мнѣ удалось, когда онъ перелазитъ съ одного дерева на другое, шо конечно не рѣ-шились бы приписывашъ ему несправедли-вое названіе лѣнивца.

„Однажды, когда мы переправлялись чрезъ Эссеквебо, я увидѣлъ Тихохода на бе-регу. Никшо не могъ объяснитъ мнѣ, какъ онъ здѣсь очутился; Индійцы увѣряли, что никогда не видали шамъ ни одного Тихохо-да. Онъ пришелъ не для шого, чшобы пишь, ибо выше и ниже шого мѣста, въшви де-ревъ касались до самой воды и опкрывали ему возможносшь ушодитъ жажду легчай-

иными образомъ. Какъ бы по ни было, деревья находились отъ него почти въ двадцати шагахъ, и онъ не имѣлъ времени до нихъ добраться прежде нашего прибытія. Лишь только подошли мы, онъ легъ на спину и приготовился смѣло защищаться передними своими лапами. „Не пугайся, бѣдненькой!“ сказала я, „я не хочу пользоваться твоимъ несчастіемъ. Лѣсъ довольно прошираненъ для насъ обоимъ. Я пойду подъ деревьями, тогда, какъ ты будешь пробираешься по ихъ вершинамъ. Вѣроятно, тебѣ не удастся болѣе имѣть новое свиданіе съ человекомъ. И такъ, просни.“ Сказавъ это, взялъ я длинную палку и поднесъ къ нему; едва онъ за нее уцѣпился, я опнесъ его и посадилъ на прекрасное дерево *мору*. Онъ полѣзъ съ удивительною скоростію и въ минушу достигъ почти самой верхушки; потомъ, обратясь въ сторону, схватился за вѣтвь ближайшаго дерева и пустился въ среднюю лѣса. Я следовалъ за нимъ глазами, доколь позволяло зрѣніе, удивляясь быстротѣ и необыкновенному его бѣгу. Ни въ одномъ живописномъ не случилось мнѣ замѣтить такой проворной походки.“

По испиравъ, ничто нѣтъ занимательнѣе сего защитительнаго слова Тихоходу, Сперва онъ посщавленъ предъ нами въ положе-

нїа, возбуждающемъ наше участіе; Г. Ва-
нпершонъ представляеть его на землѣ, об-
щемъ поприщѣ страданій его и челоуька, и
его взглядъ выражаешь чувство мученія:
*покажитесь обо мнѣ, я достоинъ вашего
состраданія!* Для него споль же непрїятна
гладкая дорога, какъ для насъ двуногихъ на-
рышая. Находясь на ровной землѣ, онъ упо-
добляеться Ирландцу въ Лондонѣ; онъ не мо-
жешь ходишь, ибо не встрѣнаешь никакихъ
зврудностей къ предолѣнію. Природа не
такъ сошворила Тихохода, чшобы онъ во-
нималъ прїятности усовершеншвованія;
она назначила ему жишь въ непроходимыхъ
лѣсахъ и научила его ходишь съ одной вѣш-
ви на другую жишошомъ вверхъ. Такимъ об-
разомъ, онъ доказалъ, чшо мы приписы-
ваемъ Тихоходу наименованіе совершенно
ошибочное, ибо, привыкши судишь о мно-
гомъ поверхносно, размашривали его въ
свойственнаго ему круга. Для устраниенія
сего-шо неправильнаго поняшїа, Г. Ванпер-
шонъ изображаешь Тихохода въ мѣстахъ
его пребыванія, то ешь, въ лѣсахъ, и го-
варришь о быспрошїи, съ какою пробѣгаешь
онъ по деревьямъ, при качанїи ихъ вѣшромъ;
жшщаци, можно здѣсь употребишь одну по-
говорку нашихъ мадросевъ: чшо онъ споль-
же де двѣдечель, хоня гораздо невѣннѣе;

чѣвъ бѣсъ въ вихрь. Читай сіе описаніе, невольно увлекаешься чувствительнымъ уваженіемъ къ сподобившему предпринимчивому путешественнику. Слава Г. Вашершону, уившему защитити одно изъ произведеній Творца, поносимое человекомъ!

Съ такимъ же успѣхомъ онъ защищаетъ и *дьябла*: вопль сильное и краснорѣчивое воззваніе его къ нашей справедливости и разсудку въ пользу сей пички!

„Говорятъ, что ежели собакѣ дадутъ дурное прозвище, хоша бы даже того и не заслуживала, оно остаеися при ней навсегда. По оному она слышитъ повсюду злобу, ее часто бьютъ и никто за нее не вступается. Такова участь и несчастнаго *дьябла* (*charpentier*) (*). Владѣльцы лѣсовъ въ Европѣ видятъ его, чиня порчи ихъ деревья, продавливая щели, комки вода пробраются внутрь и производитъ гніеніе. Американскіе садовники жалуются на шожѣ

(* *Плотникъ*. Такъ прозвали сію пичку на западѣ. Г. Вашершонъ, примѣняя слово *Charpentier* къ дурному прозвищу собаки, напоминаетъ шѣмъ сію пословицу: *По мерстѣ собакѣ имя дано*. Въ Ливоніи называютъ дьябла *лѣсовикомъ*. Слово сіе часто употребляеися вмѣсто брани. Во многихъ мѣстахъ положена даже извѣстная плата за употребленіе *дьябла*. *Прим. Руск. Перев.*

Если бы дашель, подобно ящичамъ Овидіа, обладалъ даромъ слова, тогда безъ сомнѣнія легко могъ бы онъ оправдаться. „Могущесшвенный дашель льсовъ, сказалъ бы онъ чедовьку, зачѣмъ поносишь меня столь несправедливо? Для чего убиваешь меня за одно мнимое оскорбленіе? Я никогда не ѣмъ ни одного лишка, а шѣмъ менѣе: швой дедервья. Безжалостная рука швоя поражаетъ меня въ самое шое время, когда дѣлаю шебѣ добро. Слабое швое зрѣніе не позволяешь шебѣ видѣшь, или швое высокомеріе преняшшвуешь замѣшишь услугу, оказываемую шебѣ шакою маленькою пшичкою, какъ я. Если шы не совсѣмъ лишешь добршты, кошорую себя присвоиваешь; шо прошу шебя, пожеришуй. хошя однимъ днемъ на изслѣдованіе моихъ дѣйшвий. Никогда не касаюсь я дедервьевъ совершенно здоровыхъ; я пропаль бы, если бы на шо отважился. Твердая кора будешь прошивишьяся усиліямъ слабаго моего носа, и если даже пробью ее, шо не найду подъ нею никакой для себя пиши. Правда, я часшо посѣщаю льса швой, но сдѣлавъ одинъ, или два удара носомъ, я шошчасъ вижу, ешь ли шамъ чшо для меня годное; и когда бы шы прислушался внимащельнѣе къ промзводимому мною звуку, шо легко узнаалъ бы, въ хорошемъ или худомъ.

положеніи швом дерева. Кора и дерево не составляютъ моей пищи. Я кормлюсь одними насекомыми, кои вѣдяща въ дерево и ему вредны. По звуку узнаю я о скрывающейся добычѣ; употребляю дѣлае часы, чшобы доспашь ее и швмь сберегаю дерево отъ дальвйшей порчи. Такъ преслѣдую сокрытаго врага швоего, производящаго опустошенія въ такой шайнѣ, чшо ты не можешь имѣть о шомъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Проходя мимо дерева, шнѣ можешь увидѣть проклеванную мною щелочку, для изловленія опасныхъ червей. Я оставляю ее признакомъ, чшо дерево шо слишкомъ вешко. Безчисленные насекомыя, зародившіяся отъ гнилости, шочашь и истребляютъ его въ молчаніи. Поспѣши же срубить его и пощади добраго, но заполучнаго дядла!“

Можемъ ли мы послѣ сего сказашь, что на 138 страницѣ, мы видимъ нашего сочинителя изувѣчившагося, во время преслѣдованія красноголоваго дядла, коего хотѣлъ онъ *застрѣлить!* Безъ сомнѣнія, чшпашель легко замѣшншь такую несообразность. Но не должно забывашь, чшо Г. Вашершонъ ешть пламенный испышатель Природы и умерщвляетъ жившшихъ, для начинки, не

по вкусу Г. Глэссиса (Glasses) (*), но для лучшаго доставленія ихъ въ Британскій Музей. Ежели оны убивають изъ своего ружья какую-либо птицу, то оіе дѣлають для приведенія въ бѣдшую извѣстность ея города.

Тенерь выслушаемъ оправдательное слово *полунощника* (engoulevent):

„Оны времянь Аристотела дѣлаь, невнимный полунощникъ всегда находился въ немилости у челоуька. Оны оныа къ сыну, и оны одного естествоиспытателя къ другому, переходило по преданію, что это ночью хищникъ, пишавщійся молокомъ оны снадь. Бѣдное созданіе! какъ много оклеветала тебя невнимательность, съ каковою разсмаприваютъ предметы Естествоенной Меморіи, и сколько поспрадало ны оны ошибочныхъ заключеній! Но я посвящу къ тебѣ на помощь и докажу моржесивно, что ны никогда ничего не похипилъ у челоуька и не оныалъ у козы ни одной капли молока.

„При свѣтѣ луны можеше въ весьма удобно наблюдать за дѣйствіями полунощника. Вы увидише его, какъ оны увиваетея около коровъ, козъ, овецъ, прыгая по ихъ

(*) Сочиншель книги о *Поваренномъ искусствѣ*.

подживотью. Приближайтесь къ нему; онъ не пугливъ, ибо не сдѣлалъ никакого зла. Смотрише, какъ ючныя бабочки оеаждяють спядо, и съ какою ловкостію онъ вѣтплощаешъ ихъ, когда онъ усаживающа на подбрюшья, бедрахъ и зодцахъ бѣдныхъ шхъ живонныхъ. Замѣшше же шакже, какъ сіи послѣдніа бывають при шомъ поахойны, и какъ онъ чувонувуошь цѣну его услугъ; онъ не давшъ его своими ногами и не опгоняюшь хвосшами, какъ безпокояна то пошшшшшшш. Разсѣкише и разсмѣприше его желудокъ; вы въ немъ не найдеше моадока; онъ наполненъ насѣкомыми, безпокоащими спядо.“

Если бы мы были валуношниками, то вознаиоь бы чшспосердечно, чшо сей споесобъ убѣждашсь въ нашей невшнностш, поасредшвомъ разсѣченія шѣла; былъ бы для насъ не по вкусу. Онъ напоминаешъ слашшшомъ рѣзко о приговорѣ Баязеша. Известно, чшо когда одна бѣдная шешщина обвинала какоаго-шо его чшновника въ похшщешш моадока, шо сей Государъ вопросилъ обшннавмаго; *справедливо ли шакое показаніе?* Чшновникъ опровергалъ по рѣшшшшшшш и увѣрлялъ даже, чшо не пилъ моадока во весь шопъ дець. „Хорошо, сказала Баязешъ, мы узмаемъ шощащъ, правъ ли ты, или вино?

вель. Сстражи, распорите ему утробу! “
 Вскрытіе внутренностей подтвердило справедливость жалобы. Обстоятельством же неоспоримо доказываешь, что Баязетъ былъ обладатель необыкновенною способностію проникать и изслѣдовать зло; но, можешь быть, оно возбуждаешь болѣе любопытства, нежели довѣрія къ правосудію; ибо, если бы упомянутый чиновникъ оказался невиннымъ, подобно полупощникамъ Г. Вапертона, то сколь ни очевидно была бы доказана симъ опредѣленіемъ вся несправедливость его обвиненія, однако, едва ли бы это понравилось ему.

Мы уже говорили, что главною цѣлю путешествія нашего сочинителя по Гвіянь, было собраніе нѣкопорого количества яда, извѣснаго подъ именемъ *вурала* (*woorah*). Большая часть его книги наполнена любопытными подробностями о семъ необыкновенномъ ядѣ, приготавливаемомъ въ шамоунихъ пустыняхъ въ чрезвычайно жестокой сѣзени. Съ давняго уже времени оный извѣстенъ Естественнымъ Искусствамъ и описанъ въ Европѣ въ разныхъ системахъ *Toxicologii* (*toxicologie*), подъ названіемъ яда *Вурарскаго* (*Wourah*). Кажется, оный состоитъ изъ многихъ шравъ, но по уверенію Доктора Банкрофта (*Bancroft*), всю

оного силу, должно приписать некоторому расщепленію, вьющемуся около кустовъ. Сѣмьѣніе подкрѣпляеть и нашъ путешественникъ, утверждая сказанное различными Писателями о дѣйствіи сего страшнаго произведенія.

(*Окончаніе. впрѣдъ*).

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

36. *Переселы въ прозѣ В. А. Жуковскаго.*
Изданіе второе. С. П. б. въ типогр.
 И. Глазунова, 1827. — 3 тома, въ бол.
 8. (Въ 1 томѣ 330, во 2-мъ 411 и въ
 3-мъ 240 стр.)

(Многие, и даже некоторые Литераторы, ошибочно судя о дарованіяхъ, думаешь, что хорошій Поэтъ не можешь бытъ хорошимъ прозаикомъ; что языкъ и слогъ его, столь послушные въ стихахъ, не свободны въ прозѣ. Чтобы не распространять

ся въ примѣрахъ и доказательствахъ прошивнаго тому, мы укажемъ на сочиненія и переводы въ прозѣ В. А. Жуковскаго: онъ совокупилъ въ себѣ и Поэта и прозаика превосходнаго. Въ прозаическихъ его переводахъ, мы видимъ всю гибкость, всю свободу таланта истиннаго: каждый переводимый имъ Писатель, сохраняющъ на нашемъ языкѣ характеръ своего слога; опъ того повѣсти и другія сказы, имъ переведенныя, являшоя, кромѣ другихъ выполненныхъ имъ условий: образцоваго слога, своимъ разнообразіемъ. Новое изданіе сихъ переводовъ, соопвѣстствуетъ внушреннему ихъ достоинству: теперь мы имѣемъ полное собраніе всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочиненій и переводовъ Г. Жуковскаго, въ спискахъ и прозѣ, изданное въ одномъ форматѣ и со всѣми совершенствами хорошихъ изданій.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XVIII.

I.

И С Т О Р І Я.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНВОПИСАНІЯ
НАПОЛЕОНА.

Сот. Вальтера Скотта.

Корсика. — Семейство Бонапарша. — Наполеонъ родился 15 Августа 1769. — Его дѣтство. — Посланъ въ Бриенскую Военную школу. — Его успѣхи въ Математицѣ. — Мѣнѣе учился классической Литературѣ. — Анекдоты о его пребываніи въ Бриеннѣ. — Посланъ въ Парижскую Военную школу. — Произведенъ Подпоручникомъ артиллеріи въ 17 лѣтъ. — Его первыя политическія чувства. — Произведенъ въ Капитаны. — Паскаль Паоли. — Наполеонъ присоединяетъ къ партиі за Французское Правительство противъ Паоли. — Опъ изгнанъ изъ Корсики съ братомъ своимъ Людіаномъ. — Никогда пуда не возвращается, — и никогда память не любимъ.

Островъ Корсика замѣчашедень въ древнія времена шѣмъ, что служилъ мѣстомъ изгнанія Сенеки; а въ послѣднемъ вѣкѣ онъ опшмчаася достопамятными усиліями своихъ жишелей, вооружавшихся на зацишу вольности своей противъ Генуэзцевъ и

Французовъ, въ войнѣ, показавшей непоколебимое мужество оспровианъ, особливо при той запальчивости и испишельности, какія свойственны странѣ и климату ихъ.

На семь-то оспровѣ, наиболѣе опъ того и получившемъ свою значительность, родился Буонапарте или Бонапарть (*). Его семейство было изъ дворянъ, хотя не знатныхъ и не богатыхъ. Деть хошла въ послѣдствіи вознеси до древнѣйшей эпохи имя, имъ прославленное; для сего разрыши

(*) Объ орографическомъ описаніи его имени возникла смѣшная споръ, сдѣлавшійся, какъ и много другихъ ребячествъ, предметомъ возстанія паршій. Буонапарте переспала употреблять въ своемъ имени бесполезную букву *и*, писавшуюся опцемъ его, и принялъ въ семь случаевъ новѣйшую орографію. Спали утверждать, что это есть покушеніе приблизить имя свое къ Французскому выговору; и, какъ будшо въ томъ была хотя малѣйшая важность, гласную опять помѣстили въ его имя нѣкоторые Писатели, считавшіе большимъ политическимъ дѣломъ, не позволять счастливому Генералу опкладывать этошъ слабый признакъ его Испальнскаго происхождения, кошорое вовсе не было возможнымъ ни опвергать, ни скрывать, если бъ даже онъ и вздумалъ. Въ свидѣтельствѣ о его рожденіи поставлено Napoleone Bonaparte, хотя опецъ его подписывался Carlo Buonaparte. Кажешся, считали все равно, пишашъ пакъ или иначе.

были самые шаринные архивы и выкопаны: одинъ Бонапаршъ, написавшій книгу, другою, подписавшій пракшашъ; женщина того же имени, давшая бышіе Папъ, и множество другихъ прикрасъ, кошорыя Наполеонъ, по справедливости, считалъ вздорными и его недоспойными. Имперашору Авспрійскому, кошорый кошълъ произвеши родъ своего зяпя ошъ одного изъ небольшихъ Государей Тревизскихъ, данъ имъ былъ ошвѣщъ, что онъ Рудольфъ Гапсбургскій своей фамиліи; а какому-шо Генеалогу, кошорый ставиль себѣ въ достоинство, что ошрылъ его происхождение ошъ одного древняго поколѣнія Князей Гопскихъ, велѣлъ онъ сказащъ, что считаешъ свою родословную съ Моншенонскаго сраженія, шо ешъ съ первой побѣды своей.

Въ немногихъ словахъ можно сказащъ все, что съ достоверностію извѣстно о фамиліи Наполеона. Въ среднихъ вѣкахъ Бонапаршы считались въ числѣ людей значительныхъ; ихъ имя вписано было въ Тревизскую золотую книгу, и гербъ ихъ можно еще видѣщъ на многихъ зданіяхъ во Флоренціи; но преданные паршіи Джебелиновъ, во время междоусобныхъ войнъ, они были преслѣдуемы Гвельфами и выгнаны изъ Тосканы; одинъ изъ членовъ фамиліи скрылся въ

Корсику и остался шамъ на жишье. Попомки его поспоянно вписывались въ число дворянъ сего острова и пользовались шамъ всѣми правами дворянства.

Карль Бонапаршь, опецъ Наполеона, былъ главный преемникъ или глава сего изгнаннаго семейства. Онъ слушалъ въ Пизѣ полный курсъ Правовѣденія. Наружность его была, какъ сказывають, привлекательна; одаренный отличными краснорѣчіемъ и смѣшливостію, передалъ онъ сіи свойства и сыну своему. Хорошій гражданинъ и воинъ, онъ принималъ участіе въ мужественныхъ усиліяхъ, какія Паоли употреблялъ на сопрошивленіе Французамъ. Утверждають, что онъ хотѣлъ эмигрировать съ Паоли, копорый былъ другъ его и родственникъ, но ему воспрепятствовала братья его опца, Люціанъ Бонапаршь, Архидіаконъ кафедральной церкви въ Аяччіо и самый зашпичный человекъ изъ всего семейства.

Среди самыхъ междуособій и распрей, Карль Бонапаршь женился на Лещици Рамолини, одной изъ прекраснѣйшихъ Корсиканскихъ дѣвиць, одаренной большею швердосцію характера. Она раздѣляла опасности своего мужа во время междуособной войны и сошпичствовала ему, сказывають, верхомъ на лошади въ какой-то воинской

экспедиции, или можешь быть, въ какомъ нибудь внезапномъ бѣгствѣ, незадолго до произведенія на свѣтъ будущаго Императора Французовъ. Оставшись вдовою еще очень молода, имѣла она опть мужа принадлежавшій ей человекъ дѣшей, изъ кошорыхъ пятеро мальчиковъ и при дѣвочки пережили опца своего. Первый былъ Иосифъ, старшій, кошорый хотя и поставленъ былъ брашомъ своимъ въ затруднительное положеніе, какъ навязанный Испаніи Король, но шѣмъ не менѣе пріобрѣлъ имя человека добраго и умѣреннаго; второй, Наполеонъ самъ; третій, Люціанъ, кошорый не уступалъ брашу своему въ честолюбіи и въ дарованіяхъ; четвертый, Людовикъ, извѣстный своею кропосшію и желавшій лучше опказаться опть короны, нежели согласишься на ушѣсненіе своихъ подданныхъ; пятый Иеронимъ, кошорый былъ, сказывающъ, опмѣнно склоненъ къ разсѣянности. Дочери были: I. Марія-Анна, послѣ великая Герцогиня Тосканская подъ именемъ Элоизы; II. Марія-Анносіада, сдѣлавшаяся Маріей-Паулиной, Принцессой Боргезе; III. Шарлотта или Каролина, жена Мюраша и Королева Неаполитанская.

Послѣ эмиграціи Паоли, фамилія Бонапаршовъ прильпилась къ Французскому Правительству и была покровительствема

Графомъ Марбефомъ, Французскимъ Губернаторомъ въ Корсикѣ, по предшашельству кошораго Карль попалъ въ число Депушашовъ, посыланнхъ ошъ дворянства ошпрова къ Людовику XV, въ 1776. Слѣдствіемъ сего посольства, было назначеніе его Совѣшникомъ въ Аяччійское судилище, и доходы по сему мѣспу служили ему пособіемъ къ поддержанію безпрестанно приращашающаго семейства, съ кошорымъ не легко бы ему было, при маломъ досташкѣ и при сдѣланнхъ привычкахъ къ нѣкошорымъ расходамъ. Карль Бонапарть, онецъ Наполеона, умеръ, лѣшь сорока, ошъ ракообразной язвы (*) въ желудкѣ, 24 Февраля 1785. Сынъ его, споль знаменишій, погибъ жершвою шой же болѣзни. Во время величія Наполеона, градское правленіе въ Монпелье изъявило желаніе воздвигнушь памяшникъ Карлу Бонапаршу. Ошвѣшъ на сіе Наполеона замѣчашеленъ проспошою и здравомысліемъ. „Если бѣ я пошерялъ ошца вчера, сказаль онъ, шо ешсешвенно, что почшилъ бы памяшъ его сообразно шеперешнему моему положенію; но прошло уже двадцашъ лѣшь, какъ эшо случилось, и онъ изъ шѣхъ людей,

---

(*) Такой переводъ слова ulcéге сдѣланъ съ совѣша одного ученаго врача. *Пер.*

которыя не могутъ занимать собою Публику. Оставимъ въ покоѣ мершвыхъ.“

Наполеонъ Бонапарть родился, по самымъ вѣрнымъ докуменшамъ и по собственному его ошзыву, 15 Августа 1769, въ Аяччю, въ домѣ своего ошца, занимающемъ одну сторону двора, мимо котораго идешь улица Св. Карла (*). Не безъ участія чинаемъ, что мать его, по крѣпости своего сложенія и силѣ характера, слушала объдню еще въ самый день рожденія своего сына (въ день сей былъ праздникъ Успѣнїя), но должна была ворошиться изъ церкви домой; и какъ не было пригошовлено ни кровати, ни комнашы, она родила будущаго побѣдоносца на ложѣ, пригошовленномъ наскоро и покрышомъ шарыми обрими, на коихъ изображались герои Илліады. Дитя былъ окрещенъ именемъ Наполеона. Свяшаго, сего имени, не было въ калѣндарѣ, пока Папа не пошѣсшилъ его, опредѣливъ днемъ шоржешства для сего напрона 15 Августа, день рожденія Наполеона и подписи конкордаша.

Юный Наполеонъ получилъ воспитаніе простое и суровое, общее всѣмъ жипешамъ ошрова, на коемъ онъ родился. Дѣшество его не замѣчашельно ничѣмъ, кромѣ шой жи-

---

(*) Esquisse de la Corse par Benson. p. 4.

востри разума, шого своенравія и шой нешерпѣливости въ бѣдствіи, какія обыкновенно ошличають дѣшей ранней смѣшливости и чувствительности. Семейство ошца его проводило всегда зиму въ Аяччіо, гдѣ ебереглась еще и показывается понимѣ, какъ игрушка, воинскаго предзнаменованія, Наполеона-дѣшати, модель бронзовой пушки въ шридцать фуншовъ вѣсу (*). Предоставляемъ философамъ разсудить, случайнымъ ли шолько обладаніемъ сей игрушки возбуждлся въ немъ въ послѣдствіи шоль воиншвенный духъ, или врожденная склонность побудила его къ выбору оной; или наконецъ, сія дѣшская забава, какъ и природный вкусъ его, не имѣли взаимнаго дѣшвія и прошиводѣшвія, способствуя вмѣшѣ къ развѣшю характера воина.

Тошъ же пушешешвенникъ, кошорымъ расказанъ приведенный выше анекдотъ, дѣлаешь любопытное описаніе дѣшняго сельскаго жилища Бонапаршова семейства.

Вдоль по морскому берегу, на милю ошъ Аяччіо, прошивъ ошрова Сангвиньера, видны два каменные столба, ошшашокъ большихъ ворашъ, кошорые ведутъ къ *Вилль*, нынѣ въ развалинахъ, а прежде принадлежав-

---

(*) *Esquisses de la Corse*, p. 4.

шей родному брашу г-жи Бонапаршъ, того самага, кого Наполеонъ превратилъ попомъ въ Кардинала Феша (*).

Къ дому приближаешесь по дорогъ, обросшей смоковницею и другими тѣнистыми деревцами, споль обильными въ жаркомъ климатѣ. Тамъ находите садъ и поляну, кошорые, при всемъ запусѣннн, еще сохраняющъ часшъ прежней своей красы. Домъ окруженъ кустарникомъ, распуцимъ шамъ и сямъ въ безпорядкѣ. Здѣсь-то было лѣшнее пребываніе г-жи Бонапаршъ и ея семейства. Полусокрытая подъ масличными и миндальными деревьями, подъ смоковницею и ломоносомъ (распѣніе), уединенная гранишная скала, называемая гропомъ Наполеона, какъ будто вопрошивилась разрушенію и безпорядку, господствующимъ въ окрестности. Еще видны подъ сею скалою оспашки небольшой бесѣдки, кошорой входъ почти загражденъ фиговымъ деревомъ съ огромными вѣтвями: сюда часто приходилъ Наполеонъ, когда оппускали его изъ школы къ родителамъ, въ ваканціонное время. Какъ усиливаетесь воображеніе соспавившъ себѣ понятіе о шѣхъ

(*) Машъ Лешици Рамолини, жены Карла Бонапарша, послѣ смерти ошца Лешици, вышла за Швейцарскаго Офицера, находившагося во Французской службѣ, по имени Феша.

видахъ, какіе, въ семь уединенномъ и живописномъ мѣспѣ, должны были являться глазамъ будущаго героя спа бапалій!

Графъ Марбефъ, бывшій, какъ мы сказали, Губернашоромъ въ Корсикъ, принялъ участіе въ молодомъ Наполеонѣ и опредѣлилъ его въ Бриенскую Военную школу, въ кошорой воспишывались, на счешъ Короля, молодые люди, гошовившіеся къ инженерной и аршиллерійской службѣ. Такая благосклонность и покровительство казались современнымъ испорикамъ подозрительными; они приписывали ихъ особому нѣжному расположенію Графа къ г-жѣ Бонапаршѣ; но Графъ Марбефъ былъ уже въ шакихъ лѣпахъ, что подобныя отношенія не могутъ бышь предполагаемы, а при шомъ клеветы сей между жителями Аяччіо совсѣмъ не слышно.

Попритце ученія, шмоль счастливо ошкрывшееся юному Бонапаршу, было всего нужнѣе для его генія. Усердіе къ наукамъ ошвлеченнымъ обрашилось въ немъ въ присшрасшіе, а къ шому присоединилась необыкновенная способность приноравливать ихъ ко всему, что принадлежишь къ военному искусшву, между шѣмъ, какъ охоша его къ изысканіямъ любопытнымъ и глубокомысленнымъ подспрекаема въ немъ была еще болѣе врожденнымъ честполюбіемъ и же-

ланиемъ ошлщашься. Почти всѣ Бріенскіе Профессоры, привыкшіе изучать характеръ своихъ воспитанниковъ и обязанные по должности ашшесшовашь каждаго изъ нихъ, говорили съ удивленіемъ о дарованіяхъ Бонапарша и объ успѣхахъ его. Много преувеличено, много выдумано на счешъ юности чловѣка, сшоль досшопримвчашельнаго. Мы знаемъ изъ досшовѣрнаго испочника шо, чшо предлагаемъ чшашашелю (*).

Наполеонъ велъ себя между шоварищамш, какъ молодой чловѣкъ прилежный и шшепенный, швердо предпріавшій усовершенсшвовашь свое воспитаніе и сшарающійся избѣгашь случаевъ къ пусшой шрашѣ времени. У него мало было друзей, искренняго — ни одного; однако, когда хошѣлось ему, онъ сильно дѣйсшвовалъ на своихъ шоварищеш; а когда случалось исполняшъ какое-либо предпріашіе общими силами, его почти всегда избирали Дикшашоромъ сей маленькой республики.

(*) Сшш подробности сообщены были автору г-мш Іосифомъ и Людовикомъ Ло (Law), брашьями Генерала Барона Лорисшона, любимаго Адьюшанша Бонапаршова. Г-да Ло, покрайней шврѣ Іосифъ, воспитывалсь въ Бріеннѣ, но послѣ Наполеона; а брашь ихъ былъ его современникомъ.

Однажды зимою, Бонапарть уговориль своихъ товарищей поспроишь изъ снѣгу крѣпость со рвами и баспіонами, по всѣмъ правиламъ фортификаціи. Всѣ изумились шѣмъ необыкновеннымъ понятіямъ, какія развернулись въ юномъ инженерѣ для произведенія работъ его ремесла; и крѣпость была сильно ашпакowana и защищаема воспитанниками, раздѣлившимися на два ополченія; но наконецъ битва сія шакъ разгорячила ихъ, что начальники почли за нужное провозгласишь перемиріе.

Юный Бонапарть оказалъ свое искусство и предпримчивость еще при слѣдующемъ случаѣ. Въ окрестностяхъ Бриенны была ежегодно ярмарка, на которой питомцы Военной школы проводили обыкновенно одинъ день для своего удовольствія. Но по ссорѣ, произшедшей у нихъ съ жишелями, или по другой какой-либо причинѣ, начальники рѣшились не пускашь питомцевъ, въ день ярмарки, со двора школы, окруженнаго стѣною. Однако у нихъ, подь руководствомъ молодого Корсиканца, сдѣланъ уже былъ заговоръ, воспользовашься обыкновеннымъ днемъ отдыха. Они подкопали стѣну съ шакимъ искусствомъ и шакъ тайно, что работа ихъ не была никому извѣстна до самаго дня ярмарки, когда часъ стѣны

вдругъ обрушилась и образовала свободный проходъ для зашворниковъ, кошорые поначасъ воспользовались шѣмъ и убѣжали въ заповѣдное мѣсто.

Хотя въ семь обсподшельствѣ, а можешъ бышь и въ другихъ, Бонапаршъ, при обыкновенныхъ черпахъ юношескаго характера, оказалъ изобрѣшательность и даръ повелѣвашъ другими, чѣмъ въ послѣдствіи онъ сполько опличался; однако вообще велъ онъ себя въ школъ, какъ ученикъ степенный и несообщательный, пріобрѣшающій размышленіемъ и собирающій въ своей памяти шось удивительный рядъ обширныхъ соображеній, посредствомъ кошорыхъ умѣлъ онъ въ послѣдствіи приводишь къ простымъ началамъ предпріяшя самыя шрудныя и самыя сложныя. Его учитель Математики гордился юнымъ остроумианиномъ, соснивающимъ гордосшь и всей школы; по другимъ наукамъ Профессоры имѣли равныя причины бышь имъ довольными.

Бонапаршъ оказалъ менѣе успѣховъ въ изученіи языковъ. Онъ не выучился даже писаць безошибочно по-Французски; а еще менѣе на другихъ языкахъ. Бриенскіе монахи не могли похвалишья успѣхами своего воспитанника въ семь родѣ ученія; вся сила его разума усшремлена была на ученія язы-

сканія по военной наукѣ, ему оставалось мало времени или охоты для другихъ занятій.

Хоша Ипаліянець происхожденіемъ, Бонапарть не имѣлъ рѣшишельной склонности къ Изящнымъ искуствамъ, и писанное имъ показываешь, что онъ увлекался пристрастіемъ къ необыкновенному, и надушному. Онъ упопроблялъ всегда выраженія самыя преувеличенныя; и даже очень рѣдко бюллетени его представляющъ чершы возвышенныя, копорыя основывались бы на благородствѣ и простотѣ изложенія.

Не взирая на крошотъ наружную и степенность всѣхъ поступковъ, сей чловкъ, предопредѣленный на споль блистательныя дѣла, началъ уже и въ то время, когда былъ шолько пишомцемъ Бриенской школы, чувствовашъ въ себѣ спремленіе къ почестямъ и боязнь приспыженія, или другими словами, шу беспокойную и раздражительную любовь къ славъ, копорая бываешь пружиною необыкновенныхъ предпріятій. Искры шакого огненнаго характера проблескивали иногда. Однажды, на будущаго Императора, за какую-то легкую вину, наложено было спрогимъ надзирашелемъ наказаніе, одѣшся въ смурое плашье (*habit de pénitence*) обѣдашь за особымъ споломъ,

опдѣльно ошъ другихъ воспитанниковъ. Эшимъ шакъ сильно возмушилась его гордосшь, чшо онъ получилъ нервный припадокъ, болѣзнь, кошорой, не смошря на крѣпкое его сложеніе, былъ онъ подвержень, когда чшо-нибудь очень его раздражало. Опець Пешро (Pétrault), его Профессоръ Машемашики, посвѣшилъ освободитъ своего любимаго пшенца ошъ наказанія, шполь шяжко его пошрясаго.

Ушверждаюшъ шакже, чшо еще въ Бриеннѣ замѣчено въ Бонапаршѣ расположеніе къ республиканскому образу мыслей. Пишегрю, шполь прославившійся въ послѣдствіи и бывшій его репешиторомъ въ Военной школѣ (обстоятельство весьма замѣчательное), свидѣтельствоваль о первоначальныхъ его правилахъ, какъ и о стойкости, упрямствѣ его характера. Спусти долгое время, когда совѣшались съ Пишегрю о средствахъ склонитъ Генерала Италіанской арміи на сторону роялизма, онъ ошвѣчалъ: „значило бы шеряшъ шолько время на попышку; я зналь его въ молодосши, его характеръ неколебимъ; чшо началъ онъ, шого не перемѣнишъ.“

Въ 1783, Наполеонъ Бонапаршъ, шогда еще шолько четшырнадцатилѣтній, былъ назначень, г-номъ Келаріо, Инспекшоромъ двѣ-

надцаши Военныхъ школъ; къ переводу въ Парижскую Военную школу для окончанія шамъ воспитанія, хотя онъ не имѣлъ еще пошребныхъ къ тому льшь. Эпоку благосклонноспію былъ онъ обязанъ преждевременности успѣховъ своихъ въ Машемашикѣ и постоянному прилежанію. Въ Парижѣ апшествовали его споль же хорошо, какъ и въ Бриеннѣ. Изъ различныхъ общеспвъ, какія шамъ нашель, избралъ онъ для себя домъ знаменишаго Аббаша Рейналя, и былъ приняшь въ его лишературныхъ собраніяхъ. Вкусъ его не очісшилса швъ, но увеличился значительню жаръ къ ученію всякаго рода; и не смотря на большое число швореній, чішанныхъ имъ каждый день, памяши его досшавало на удержаніе всего; а разсудокъ его довольно уже созрѣлъ для приведенія въ порядокъ и распредѣленія пріобрѣшенныхъ знаній шакъ, чшобъ во все печеніе дѣяшельной его жизни имѣшь къ нимъ прибѣжище. Плушархъ былъ любимый его авшоръ, и онъ споль много сообразовалса съ его мивніями и видами, что Паоли сказаль однажды: „вошь молодой человекъ съ древнимъ характеромъ, похожій на героевъ Плушарковыхъ.“

Нѣкошорые изъ его біографовъ приписывали ему анекдотъ, случившійся, около

шого же времени, съ кѣмъ-то изъ воспитанниковъ Военной школы, кошорый просилъ, чшобъ воздухоплаватель Бланшаръ взялъ его съ собою на ладью, прицѣпленную къ шару, и кошорый шакъ огорчился опказомъ, чшо упошреблялъ всевозможныя усилія проколошь шаръ своею шпагою. Эшому обстоятельству даюшь мало вѣры; и дѣйствительно, оно не согласуется съ характеромъ героя, споль же глубокимъ и разсудительнымъ, какъ дерзкимъ и рѣшительнымъ; на похождение суешное и ребяческое онъ вѣрно не ошважилъ бы своего рзкаго мужества.

Изъ анекдота, болѣе достовѣрнаго, мы узнаемъ, чшо въ то же время, въ письмѣ къ семейству своему, выражался онъ весьма не почтительно къ особѣ Короля. По обычаю школы, ему надлежало ошдать письмо свое на просмотрѣніе г-ну Домерону, Профессору Словесности. Сей, замѣшя оскорбительное мѣсто, настоялъ, чшобы письмо сожгли и сдѣлалъ Бонапаршу спрогій выговоръ. Долгое время спустя, въ 1802, Домеронъ получилъ приказаніе явиться къ Наполеону, кошорый хотѣлъ поручить ему воспитаніе брата своего Иеронима Бонапарша. Первый Консулъ напомнилъ тогда, смѣючись, старому Профессору, чшо многое пе-

режилось съ шахъ поръ, какъ онъ сжегъ нисьмо его.

Семнадцати лѣтъ получивъ Наполеонъ патентъ на званіе Подпоручика въ одномъ артиллерійскомъ полку, и почти непосредственно за шѣмъ былъ онъ повышепъ въ Поручики съ опредѣленіемъ въ корпусъ, сославлявшій гарнизонъ въ Валенсъ. Являсь въ полкъ, онъ спалъ чаще, нежели когда либо, посѣщашъ общества; показывался въ публичныхъ собраніяхъ, и старался нравиться, на что имѣлъ обильныя средства, когда шолько хощѣлъ употребить ихъ въ дѣйство. Не мало способствовала тому и краса умнаго, выразительнаго лица его, гибкій станъ, хотя и не высокій, его обращеніе, кошорое, если не можешъ быть названо вкрадчивымъ, шо по крайней мѣрѣ своею живостію, измѣчивостію своихъ приемовъ и нерѣдко горделивою стойкостію, замѣняло шо, чего недоставало ему со споры прелести я привлекашельности.

Ему хощѣлось снискиватьъ и литературныя почести: онъ былъ изъ числа сошязашелей въ предложенной Ліонскою Академіею награды за разрѣшеніе Рейнгадева вопроса: „какими правилами и поспановленіями можно сдѣлатьъ наиболѣе счастливыми людей.“ Награда досталась молодому офи-

целу. Любопытство короля побуждает узнать, на какой сисстемѣ правительствѣ основанъ мелодій челоуѣкъ, которій вскорѣ возникъла власть привески въ дѣйство всѣ теоріи, какія бы только вздумала. Но вѣроятно его предвѣія понятія не очень согласовались съ опытносцію, болѣе зрѣлою: спустя нѣсколько лѣтъ, когда Талейранъ досталъ сей опытъ изъ Академическаго архива и подалъ его автору, Бонапарть, прочитавъ нѣсколько страницъ, разорвалъ шепрадь. Онъ покушался написать еще путешествіе на гору Цемисъ въ Сперновомъ родѣ, но, къ счастью усполя въ прошавъ искушенія. Жемаиство, означающее слогу Сперна и его особый родъ писанія, конечно не сдѣлались бы проще подъ перомъ Бонапарта.

Быстро приближались времена ирачпыя; нація была тогда совершенно раздѣлена паршіями, которыя породили революцію. Офицеры Бонапартова полка раздѣлились также на рожалишновъ и такъ называвшихся наприотновъ. Легко представивъ себѣ, что молодой офицеръ, иноземець и безъ покровителей, принялъ живнія, къ какимъ и прежде оказывалъ уже изкошорую склонность, и конерни обещали раскрыть обширное поприще для себя, что выирается на собственное помя-

же достоинством. „Ишверждаюшъ, что оны
сказавъ „если бы я былъ Генералъ, но
ещеся бы предать Королю; но въ званіи
подчиненномъ, присоединюсь къ патрио-
тамъ.“

Быль слухъ, что въ споръ съ полко-
выми офицерами о дѣлахъ того времени,
Бонапартъ употреблялъ слова оскорбитель-
ныя выраженія, что раздраженные шовари-
щи бросили его въ Рону, гдѣ онъ едва не
погибъ. Но это неспочившій только расказъ
бывшаго съ ними приключенія: купаясь въ
Ронѣ, онъ вдругъ получилъ спазмы, и шова-
рищи не безъ труда его вытащили; однако
опасность его была только случайная.

Наполеонъ сказывалъ самъ, что онъ
былъ пылкій республиканецъ во все время
Конспирющіоннаго собранія, но во время
Законодательнаго, мысли его поколебались.
Если шакъ, то первоначальныя чувства
его вновь пробудились; ибо вскорѣ послѣ
того, мы видимъ его въ связи съ людьми,
которыя занимали первыя революціонныя
мѣста.

Въ началѣ 1792, Бонапартъ произведенъ
былъ, по старшинству, въ Капитаны ар-
тиллеріи; и въ томъ же году, въ бытность
его въ Парижѣ, объявъ онъ свидѣтельство
возмущеній, 21 Юня и 10 Августа. Оно

обыкновенно говаривая о возмутителях, как о низких разбойниках, и утверждая, что какой-нибудь рванутый офицер легко бы мог обезановить весь этот тайн, по наружности грозная, но незнания подлинности и трусливая. Съ какими разнотными чувствами смотрел бы Наполеон на это разъяренную чернь, на этих Швейцаров, все претирившихся, копивших восторгамъ, и на сей восплащенный дворец, если бы какой-нибудь провидица, сказавъ ему: „иы, кощерому суждено бытъ Императоромъ, эта кровь и эти убійства приготовляютъ тебѣ путь къ будущей Имперіи!“ Не предвидя могущаго владія, какое сіи обожленчества должны были имѣть на судьбу его, Бонапартъ, въ безпокойствѣ о безопасности своей и семейства, желалъ иногда оставить Францію и отправиться въ Корсику, гдѣ подобныя явленія происходили на оеашрѣ, менѣе обширномъ.

Однимъ изъ удивительныхъ дѣйствій Французской революціи было то, что знаменитый Паскаль Паоли, давно изгнанный изъ Корсики, которой независимость защищалъ онъ сподру мужественно, возвратился изъ мѣста своего изгнанія въ десной надеждѣ бытъ еще свидѣтелемъ возрожденія

независимости съ родномъ своемъ краѣ. Прѣзжая чрезъ Парижъ, она была шамъ принята почтѣмъ съ восторгомъ, и какъ Национальнаго собраніе, такъ и Королевская палата, старались надерзреть оказывающъ ему знаки высшаго уваженія. Будучи назначенъ Президентомъ Департаментна и Начальникомъ національной гвардіи на островѣ, онъ употребилъ възрѣнную ему власть съ большимъ благоразуміемъ и преданностію своему краю.

Но мысли, какія Паоли соопавилъ себѣ о независимости, были очень различны отъ дѣлхъ, какія началъ, по несчастію, распространяющъ во Франціи. Ему хотѣлось усвоить эту независимость, которая не разрушаетъ ни ншей собственности, а докровоизливаніемъ ей, не спремился къ идеальному совершенству, а доставляетъ счастье на самомъ дѣлѣ, словомъ онъ старался освободить Корсику отъ господствовавшей въ ней заразы Якобинства, и въ награду за шо, его обещали предъ Собраніемъ. На призываніе явилъсь къ отвишу, Паоли заявился невозможностію предпринять душещесные въ его дѣла; но изъясилъ готовность удалильсь съ острова.

Большая часть жителей объявила себя за спорова давнѣшняго поборника ихъ не-

зависимости, когда Конвентъ прислалъ эк-
спедицію подъ предсѣдательствомъ комис-
саровъ, Лакомб-Сен-Мишеля и Салически, од-
ного изъ депушатовъ Корсики, съ обыкно-
венною инструкціею на устройство убійства
и грабительства.

Во время сихъ происшествій, Бонапарть
былъ въ Корсикѣ въ отпуску, и хотя съ
Паоли ссыздадо его дружество, а нѣсколь-
ко и родство, но молодой артиллерійскій
офицеръ не поколебался на счетъ того, ка-
кую принялъ партію. Съ жаромъ спалъ онъ
дѣйствовать за Конвентъ, и первыми воин-
скими подвигами отличился въ междуособ-
ной войнѣ на своей родинѣ. Въ 1793, онъ
посланъ былъ изъ Бастіи, находившейся пог-
да во власни Французской партіи, для на-
паденія на Аяччіо, мѣсто его рожденія, ко-
торое занималъ Паоли со своими привер-
женцами. Бонапарть былъ названъ времен-
но баталіоннымъ командиромъ національной
гвардіи. Онъ прибылъ въ Аяччійскій заливъ
съ командою человекъ въ пятьдесятъ, чшобъ
завладѣть укрѣпленіемъ, называемомъ Тогге-
ді Сарителло и лежащимъ съ противополож-
ной заливу стороны, почти предъ самымъ
городомъ. Ему удалось взять вшощъ постъ;
но какъ случился противный вѣтръ, мѣшав-
шій сообщенію его съ фрегатомъ, на кошо-

ромъ онъ прїѣхалъ, но въ собственномъ его завоеванїи былъ онъ осажденъ противниками и приведенъ въ такое бѣдствїе, что долженъ былъ, съ гарнизономъ своимъ, кормиться лошадинымъ мясомъ. Черезъ пять дней получилъ онъ пособіе отъ фрегата и оставилъ башню, послѣ тщетнаго покушенія взорвать ее. На Torre di Capricello, видны еще признаки сдѣланныхъ тогда поврежденій и наши развалины можно взирать съ любопытствомъ, какъ на первое позорище сраженій того, предъ кѣмъ:

„Temple and tower
Went to the ground (*).“

(*) Такъ повѣствуютъ Корсиканцы объ экспедиціи, предполагаемой первою, знаменишаго ихъ соотечественника (См. Esquisses de Venon, р. 4). Но, кажется, Бонапартъ былъ употребленъ еще въ Февралѣ 1790. Адмиралъ Трюге (Truguet) съ весьма значительнымъ флотомъ и многочисленнымъ высаднымъ войскомъ, оставался на якорѣ въ шеченіе нѣсколькихъ недѣль, въ Корсиканскихъ портахъ, провозглашая о высадкѣ въ Сардинію. Получивъ подкрѣпленія, онъ поднялъ паруса для совершенія экспедиціи. Полагающъ, что Бонапартъ соупотребовалъ Адмиралу, о кошоромъ ошзывается онъ съ презрѣніемъ въ *Mémorial de Sainte-Hélène*. Бонапарту удалось овладѣть нѣсколькими башарями въ проливѣ С. Бонифація. Но какъ экспедиція не имѣла никакаго успѣха, то ее скоро оставили.

Родственникъ Наполеона, по имени Массарио, защищалъ съ успѣхомъ Аяччо противъ упошребленныхъ на сію экспедицію войскоу.

Партія Паоли возрастала съ каждымъ днемъ и Англичане расположены были помогать ей, почему Корсика не могла уже быть надежнымъ убжищемъ для Бонапартовъ. И дѣйствительно Наполеонъ и бранъ его Люціанъ, какъ приверженцы Французовъ, осуждены были на изгнаніе. Подъ ихъ защию, г-жа Бонапартъ съ тремя дочерьми и Теронимомъ, еще ребенкомъ, съѣла на корабль и удалилась, сперва на нѣкоторое время въ Ницу, а потомъ въ Марсель, гдѣ все семейство жило, какъ сказываютъ, въ величайшей бѣдности, пока не возродилось счастье Наполеона и не доставило ему средствъ къ вспоможенію.

Послѣ сего происшествія, никогда уже Наполеонъ не видалъ Корсики и, кажется, не чувствовалъ къ ней никакого влеченія. Небольшой водометъ въ Аяччо былъ единственнымъ украшеніемъ, какое удѣлилъ онъ опъ щедростъ своихъ для своей родины. Можеть бытъ, считалъ онъ дѣломъ неподлическимъ, напомнить чѣмъ-либо странъ, въ кошорой онъ царствовалъ, свое чуждое происхожденіе. Дѣйствительно, немногаго недоспавало, чшобъ ему родиться вовсе чуж-

дмъ Франціи; ибо Корсика не прежде присоединилась къ ней или вошла въ составъ ея, какъ въ Іюнь 1769, за нѣсколько лѣтъ до рожденія Наполеона. Эпохъ родъ цѣпна былъ, часто напоминаемъ врагами его, и нѣкоторыя изъ нихъ упрекали Францію за то, что она упрочила вѣдѣднѣемъ своимъ челоука такой спрамы, откуда Римляне не захоули бы взяли и невольника. Наполеонъ, принимая, можешь бышь, къ сердцу такой упрекъ, не хоуль доказывашъ ни малѣйшаго присрасшїа къ мѣспу своего рожденія, чтоуь не возбудишь въ томъ слишкомъ живо вниманіе великой націи, съ кошороу казался онъ съ семействомъ своимъ, связаннымъ неразрывными узами. Но по словамъ путешественника, на кошораго уже мы ссылались, и кошорый болѣе, нежели кто нибудь, былъ въ сосподнїи узнашь свойства гордыхъ оспровишянъ: „Корсиканцы оспались еще настоящими патриотами и влюблены въ свой край. Никакое досноинство, по ихъ мнѣнїю, не можешь испуишь презрѣнїа къ землѣ, на кошорой мы родились.“ По сему-то Наполеонъ никогда не былъ любимъ въ Корсикѣ и памяшь его шамъ не уважешся (*).

(*) *Esquisses de Bonaparte sur la Corse*, p. 121.

Такия чувствва били естественни съ той и съ другой стороны. Наполеонъ едва малымъ чѣмъ привлекаемый къ своей родинѣ и вполне влекомый къ своему новому обществу, съ которымъ тѣсно было связано все, что онъ имѣлъ, все, что онъ шерилъ (*), наблюдалъ въ отношеніи Корсики, полицику, какой необходимъ требовало его положеніе; а гордые островитяне могли бытъ порицаемы за то, что видя одного изъ своихъ соотчичей на такой высотѣ и забывающимъ прежнія съ ними связи, они воздавали ему холодностію за презрѣніе.

(*) Однако не должно принимать это либерально; ибо достойно примѣчанія, что когда онъ былъ на верху своего величія, то въ наследство его семейству досталось житіе въ Аяччіо. Первый Консулъ или Императоръ получилъ на свою долю малый садъ (Sketches of Corsica).

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ САНСКРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Окончаніе.)

Приводятся при драмы Поэта *Calidasa*: въ первой онъ изображаетъ любовь *Mālavikā* и *Agnimitra*, въ другой любовь *Kirama sena*, сына *Indra*, и прекрасной *Urvasi*, въ прешней несчастія *Sacuntalā*, кои составляютъ также предметъ эпизода въ *Mahābhārata*. Сія послѣдняя пьеса, и пьеса Поэта *Crichna-Misra*, подъ названіемъ *Prabodha-Tchandrodaya* (*) (восходъ луны разумнія), которая есть драма метафизическая, гдѣ дѣйствуютъ пороки и добродѣтели, вопъ все, что досель переведено изъ театральныхъ пьесъ Индійскихъ. Кажется, что ученыхъ удерживала трудность особаго рода. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей сихъ сочиненій,

(*) Первая переведена Джонсомъ, вторая Докторомъ Тайлоромъ. Утверждаютъ что Г. Вильсонъ, вскорѣ издастъ переводъ или разборъ двѣнадцати пьесъ, въ числѣ коихъ будутъ многія, принадлежащія Поэту *Calidasa*.

есть та, что, въ нихъ различные классы дѣйствующихъ лицъ говорятъ различнымъ языкомъ. Брахманы, Цари и воины ихъ служители говорятъ по Санскритски; женщины же и люди низшихъ классовъ выражаются нарѣчіемъ, называемымъ *Prâcrif*, которое также измѣняется сообразно съ лицами говорящими (*), и нѣживе въ устахъ женщинъ, сильнѣе, грубѣе у мужчинъ, занимающихся работами пажкини и сельскими. Въ Греческой трагедіи діалектъ измѣняется въ хорахъ и въ частяхъ Лирическихъ: здѣсь же много есть не много что, какъ чрезвычайно любопытное соблюденіе самой природы, и можешь быть, также правилъ общественныхъ; ибо для чего женщинамъ, привыкшимъ къ сообществу мужчинъ, не говорить одинакимъ съ ними языкомъ? для чего это различіе, пеняшное только въ отношеніи къ низшимъ классамъ? Или право говорить по Санскритски было особое преимущество? Какъ бы что нибыло, это обыкновеніе вводитъ различные діалекты въ драмы Индійскія, довелъ преподать изученію оныхъ. Но прекрасное изданіе драмы: *Sacuntalâ*, кошорымъ мы скоро будемъ обязаны скромной учености и шерливнію

(*) Замѣчаніе Г. Шезъ.

необыкновенному Г. Шези, доставившия событыя разрѣшилъ много трудностей; а новый переводъ, который онъ намѣренъ присоединить къ оному изданію, подастъ намъ случай еще болѣе удивиться той легкой прелести, той пріятности подробностей, той умилительной занимательности, которая Cálidasa умѣлъ распространить по всѣмъ частямъ своего творенія, долженствующаго почитаться его образцовымъ произведеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, какая нѣжность, какая сладость въ описаніи игры прелестной Sacuntalá и ея подругъ; въ изображеніи ея перваго свиданія съ Duchmanta. Какое шайное очарованіе привлекаетъ насъ къ участи этой любовницы, которая, вскорѣ бывъ забыта своимъ супругомъ, сѣшаетъ покинутая. Какая сцена благородная и сердце-раздирающая, когда Sacuntalá непризнается и отвергается супругомъ своимъ Duchmanta, невольнымъ орудіемъ проклятія оскорбленнаго пустынника! Съ какимъ душевнымъ безпокойствомъ ожидаешь ты развязки, когда вѣнчальное кольцо — дивнымъ образомъ найденное, должно прояснить омраченные взоры Duchmanta и возвратитъ его супругу, счастливо его любящей! Безъ сомнѣнія пошребно глубокое познаніе человѣческаго сердца, пошребно искусство великое для

того, чтобы съ такою славою поддержи-
вать любопытство наше и въ продолженіе
семи дѣйствій занимать насъ несчастіями
вымышленными; нельзя не согласишься, что
эпимъ великимъ искусствомъ *Calidāsa* обла-
далъ. Конечно долженъ бытъ Писателемъ
необыкновеннымъ эпосъ *Calidāsa*, который,
покрытый пальмами эпосен, и срывающа
мириды Эротической Поэзіи или цвѣтны
Идилліи, захопѣвъ украсилъ чело свое въи-
цемъ драматическимъ.

Въ этой драмѣ можно найтти образцы
всѣхъ родовъ слога. Но невинныя картины
любви, изображеніе самое респешивное шѣхъ
безпокойствъ, шой шоски сердечной, кото-
рыя шолько немногіе изъ Писателей умѣ-
ютъ описывать, преимущественно надле-
житъ искать въ Лирическомъ твореніи
Поэта *Djaya-Deva*; оно называется *Gēta-Go-
vinda* (Пѣснь бога-пасшюра) и переведено
Джонсомъ (*). Это есть рядъ прелестнѣй-
шихъ картинъ, въ коихъ найдемъ все, что
воображеніе можешь имѣть радостнѣйшаго,
умъ — нѣжнѣйшаго; а сердце человѣческое —
прогашеднѣйшаго. Герой Поэмы есть *Crich-
pa*, богъ шюль же любезнѣй, какъ и люби-
мый. Говорятъ, что *Аюмаке*, по смерти

(*) См. *Asiat. Rev* т. III. стр. 183.

Софокла, ославляли ему почетное мѣсто въ театръ, и предъ намишемъ представле- ній, призывали пѣснь его для присуществія при ихъ играхъ. Въ другихъ мѣстахъ тор- жествовались празднества въ честь Гомера. Индійцы не менѣе признавательны къ вели- кимъ своимъ Поэтамъ. Въ Calinga (Cenduli) опечесствѣ Djaуа-Deva, ежегодно въ память его совершается ночное торжество, и Ин- дійцы не знаютъ лучшаго воздаянія поче- стей сему славному Поэту, какъ то, что гимны его поются и Поэма его читается съ пышностію, истинно театральною.

Другое сочиненіе сего же рода, но не столь важное, есть *Ghala-Carpagar*, переве- денное Г. Шези. Незвѣстный сочинитель сего шворенія, въ кошоромъ можно пори- цашь одну только крапкосшь, выражаешь въ ономъ съ удивительною прелестію сло- га и свѣжестію чувствованій сѣвованія супруги, удаленной ошь своего супруга (*).

(*) Нужнымъ почиаю замѣишь, что встрѣчая у Индійцевъ эшошь родъ Поэзи, всякой пѣмъ бо- лѣ изумишь, что законодательство сего народа, кажешя, совершенно прошивно оному. Какого рода любовь можетъ существовать въ странѣ, гдѣ су- жүта считаешся рабой? Въ семъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, природа восшоржествавала надъ законами человеческими,

Еще приводится небольшое стихотворение въ пятьдесятъ стиховъ (*Tchora-Panchásirâ*), въ которомъ Поэтъ, осужденный на смерть за любовь къ нему Царицы, вспоминаетъ о своемъ минувшемъ счастьи, и въ минулы казни торжествуетъ воспоминаніемъ (*). Образцы сего рода Поэзіи находяпся также въ собраніи разныхъ сочиненій Поэта *Djagannâtha*, подъ названіемъ: *Bhâmani-Vilâsa* и въ подобномъ же собраніи другаго стихотворца Govardhana, называющемся *Sapta-Satê*. Еще въ одномъ изъ таковыхъ собраній, состоящемъ изъ ста

(*) Это приключеніе приписывается Sundara, сыну Царя области Cantchiruga. Пылный красотою *Vidyâ*, дочери Бурдванскаго (Burdwan) Царя Vira-Singha, онъ проникнулъ во дворець посредствомъ подземнаго хода. Однажды ночью онъ былъ открытъ и, какъ хищникъ, осужденъ умереть на висѣлицѣ. Идучи на казнь, онъ сочинилъ стихотвореніе, о коемъ теперь говорится. Повѣствуютъ, что въ самое мгновеніе совершенія казни, веревки, коими онъ былъ привязанъ, разорвались и палачи упали безъ чувствъ. Его снова отвели въ шеницу; а на слѣдующую ночь нѣкая богиня явилась будто бы во снѣ Царю Vira-Singha и открыла ему, что Sundara, по происхожденію своему, достоинъ сдѣлаться его зятемъ. Бракосочетаніе вскорѣ потомъ было праздновано съ величайшею пышностію.

спансь, и приписываемомъ юнымъ ишпамъ великаго Sâncarâтчâruga, другой Поэтъ, подъ именемъ Апаги, изложилъ нѣкоторыя изъ подобныхъ же мыслей, входящихъ въ область Поэзиі Эроической. Но въ эпическомъ отношеніи должно опдаться справедливостъ вкусу Индійцевъ: они умѣли обуздаться своею воображеніемъ въ семь родъ лишерашуры: изображенія ихъ хоша и спрасшны, но не пересшаюшь бытъ благоприсшойными. Стихи ихъ не осквернены каршинами, какія Виргидій помѣстилъ въ своемъ *Алексистъ*, заплашивъ шакимъ образомъ позорную дань нравамъ Греціи. Эпо виновное чувство, прославляемое Гораціемъ и даже самими Философами Греческими, чуждо сочиненіямъ Индійскимъ: въ законодательствѣ сего народа, оно очернено названіемъ унизительнымъ, какъ порокъ чуждой націи (*Sankarî-Sarapat*). Въ Санскришскихъ сочиненіяхъ любовь бываешъ мисшическая или по крайней мѣрѣ добродѣшельная. — Сшъдливостъ можешъ иногда закрасѣться ошъ ихъ выраженій; но природа никогда не оскорбляешся.

Я обозначилъ почти всѣ замѣчательнѣйшія шворенія, предспавляемыя Индіею нашему любопытству; впрочемъ, я упоминалъ шолько о швореніяхъ, написанныхъ на

языкъ Санскритскомъ. Но и различные диалекты, имъ порожденные, имѣють каждый свою собственную Литературу. Если бы кто захотѣлъ судить о богатствѣ сихъ Литературъ по однимъ заглавіямъ книгъ; то швореніе Варда можешь убѣдить его въ обиліи сихъ произведеній (A view of the history, literature and mythology of the Indoos) не безъ основательности можно полагаешь также, что предубѣжденія лишаютъ насъ многихъ литературныхъ сокровищъ. По всему пространству областей Индійскихъ господствуютъ многочисленныя и другъ ошъ друга отличныя секты: у нихъ должны быть книги, столь же совершенно различныя другъ ошъ друга, какъ ихъ мнѣнія. Это раздробленіе можешь принести пользу наукъ и исшинъ, копорая явственнѣе обнаруживается ошъ противорѣчій. Время можешь намъ узнать короче и научить насъ оцѣнить лучше разныя собранія исторій, анекдотовъ и нравоучительныхъ басней, собранія, копорыя составлены для народа, и о копорыхъ умолчать я не долженъ: шаковы напр. *Vrihat-Cathá*, швореніе, принадлежащее Somadéva, сочинителю Поэмы о смерти Nanda и возшесшвіи на престолъ Tchandragupta; и *Vetála-Pantcharimsati*, коего авторъ есть Swadása; шаково также швореніе

Pantcha-Tantra (*), обильный источник или образец всѣхъ собраній апологовъ, кошорыя распространены были на воспокъ подъ именами Езона, Локмана, Пильпая; а между прочимъ и шворенія, называемаго *Hitopadesa*. Это есть сочиненіе нравоучительное, раздѣленное на чепыре главы: оно написано прозою, перемѣшанною со стихами, у лучшихъ Поэшовъ заимствованными. Сіе подражаніе шворенію *Pantcha-Tantra* приписывается Vichnu-Sarmâ, почитаемому сочинителемъ и самаго оригинала. Въ шестомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, въ одно время съ шахмашною игрою, оно было введено въ Персіи извѣстнымъ Nushrivan, кошорый не погнушался повелѣшь перевести его. На Англійскомъ языкѣ оно дважды было издано Джонсомъ и Вилькинсомъ — чешь, кошорой безъ сомнѣнія заслуживаетъ попростомъ, господствующей въ повѣшвованіяхъ онаго, и кошорая дѣлаетъ это швореніе оригинальнымъ.

Оканчивая сіе обзорніе, необходимымъ почитаю присовокупить нѣскольکو словъ

(*) Г. Вильсонъ напечаталъ нынѣ разборъ сего шворенія, коего переводъ изданъ Г. Аббатомъ Дюбоа; но этотъ переводъ сдѣланъ не съ Санскритскаго текста, а съ преложенія на партіе *telinga*.

во славу Индійскихъ Филологовъ. Филологія есть одна изъ тѣхъ наукъ, которыя сдѣлали весьма большія успѣхи въ сей странѣ. Съ честью именующіяся труды мужей, каковы Vagarutchi, Voradeva, и преимущественно Amara-Singha, который удостоился найши издавеля въ ученое Г. Кольбрукъ.

Представленное мною начертаніе богатствъ Литературы Индійцевъ необходимо влечетъ за собою вопросъ: Литература эта, каково впрочемъ ни было бы ея достоинство, не есть ли мать тѣхъ Литературъ, коихъ наши новѣйшія суть питомицы? Творенія, ее составляющія, суть ли одни только подражанія образцамъ чужеземнымъ, или же по своей древности они сами могли служить образцами? Наконецъ, къ какой эпохѣ можемъ мы отнести ихъ? Вотъ вопросы, которыя разрѣшить трудно. Судя по сдѣланному мною изображенію характера Индійца, можно было предвидѣть, что онъ мало заботился о численіи времени. У него нѣтъ хронологіи, а если есть, — то совершенно баснословная. Народъ Индійскій живетъ со временъ столь давнихъ, что смѣшиваетъ всѣ воспоминанія. Онъ подобенъ тѣмъ добрымъ шарикамъ, коихъ жизнь продолжалась далѣ обыкновенныхъ предѣловъ жизни человѣческой: они насмотрѣлись на

такое множество предметов, что все образы вдруг начертываются на невѣрной ихъ памяти, которая безъ всякой причины сближаетъ или удаляетъ эпохи. Для нихъ все воспоминанія жизни; такъ сказать, современны.

Мы не имѣемъ вѣрныхъ началъ, для того, чтобы съ основательностію опредѣлить хронологическій порядокъ въ Литературной Исторіи Индійцевъ. Однако же внимательное изученіе ихъ книгъ показываетъ намъ какъ бы три и даже четыре отличныхъ другъ отъ друга вѣка ихъ Писателей. Первый вѣкъ, который Джонсомъ полагается за тысячу пять сотъ и даже болѣе лѣтъ до Рождества Христова, — есть эпоха, въ которую сочинено первая три Veda; ибо послѣдняя Veda по слогу своему очевидно принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей. Языкъ этихъ Veda, есть изъкопорого рода устарѣлый языкъ Санскритскій: здѣсь не встрѣчается ни одного родъ риема, который приписывается Valmiki, называется *Sloka*, и служилъ обыкновеннымъ основаніемъ для швореній сльдующаго вѣка. И такъ эти Veda образуютъ основный періодъ въ Индійской Литературѣ; возможно даже, что онъ суть произведенія чужія. Но во всякомъ случаѣ, если вѣрны Джонсу, Моисей

и Сочинитель книгъ Veda были современниками.

Говорятъ, что около шести сотъ лѣтъ до Рождества Христова, Пифагоръ привлеченъ былъ въ Индію славой ея мудрецовъ. Слава ея, далеко распространившаяся на западъ, должеисшовада бытъ основана на полахъ многовѣчной, и это естественнымъ образомъ приводитъ насъ къ заключенію, что второй вѣкъ Индійской Липерашуры относится къ эпохѣ весьма древней, къ эпохѣ, въ коей многіе Государы именуются покровителями знаний, — какъ напр. Djanaka, Keकाया, Lomapaदा, Sopaka, Yuddhisthira, и братья его Sahadeva и Nasula. Изъ числа произведеній сего второго вѣка, назову сперва Поэму Пывца Vālmiki, изображавшая мепра Sloka; потомъ законы Мадхи и шворенія древнихъ Философовъ; наконецъ почти всѣ Purānāти обширную Поэму стихотворца Vyasa. Слогъ этихъ сочиненій носитъ на себѣ вообще характеръ одинаковости, который, кажется, показываетъ, что они принадлежатъ къ одной школѣ: что всюду ша же простота, ша же продолжительность, и — должно признаваться, часто ша же небрежность въ слогѣ. Это мнѣніе подкрѣпляется преданіемъ, повѣсивующимъ, что въ тайну ушраны священныя книгъ, Vyasa

(и это слово значить *собираатель*) собралъ все, что только могъ найти уцѣлѣвшаго ошь древнихъ твореній, и сдѣлавъ выборъ изъ древнихъ повѣствованій, составилъ книги *Pûrana. Bhâgavata*, твореніе, которое по своему слогу изысканному и своимъ фразамъ иногда оспроумнымъ, носитъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ нѣнечашиваніе иного вѣка, *Bhâgavata* представляешь его дѣящимъ между своими учениками трудъ возстановленія національной Литературы. Въспомо этого лица, которое можешь быть вымышленнымъ, предположимъ общество ученыхъ Брахмановъ, одушевленное покровительствомъ царя могущественнаго, каковъ *Djanamedjaya*, и тогда вамъ будетъ понятна огромность труда, для котораго силы одного человека кажутся недостаточными. *Djanamedjaya*, сынъ *Parikchit*, есть лицо, которому рассказывается *Mâhabhârata*. Многимъ казалось удивительно, что имя его встрѣчается въ *Veda*; безъ сомнѣнія оно включено туда въ это уже время признательности. Какъ Царь могущественный и другъ просвѣщенія, онъ заслужилъ эту почесть ошь Музы Индійскихъ и покровительствомъ, которое оказывалъ ученымъ, и величїемъ своего сана. Весьма понятно, что послѣ кровопролитныхъ бореній, раздравшихъ Ин-

дію при его предшественникахъ; послѣ такихъ ужасныхъ потрясеній, какія сохранены для памятованія въ *Māhabhārata*, мудрый Государь долженъ былъ почувствовать необходимость, снова возжечь пламенный цукунуть, погнхшій въ войны междоусобныи и чужеземныи. Подобно какъ въ *Ayodhya* (Oude) Государи династїи солнечной видѣли славу свою воспѣваю *Vālmiki*, пѣвцомъ могучаго *Rāma*, такъ въ столицѣ *Nasīnapura* нѣсколько позже *Vyāsa* прославилъ блестящую судьбу династїи лунной, въ лицѣ *Agājuna*. Если это предположеніе справедливо, то имя Государя *Djanamedjaya* можешь служить намъ указаніемъ одного изъ предъвошедшей Литературной эпохи, ибо онъ существовалъ около тысячи лѣтъ до Рождества Христова (*).

(*) Ученый Гамильтонъ приписываетъ собраніе книгъ *Veda* и *Purana* нѣкому *Vyāsa*, предшественнику *Sāncarātchāruya*, котораго онъ относитъ къ одиннадцатому вѣку, основывая свое мнѣніе на нѣкоторыхъ сообщеніяхъ, упоминаемыхъ въ сихъ книгахъ, и случившихся послѣ начала нашего лѣтосчисленія. Мнѣ кажется, что это обстоятельство можно объяснить обыкновеніемъ добавленій и вставокъ, обыкновеніемъ, общимъ вполнѣмъ воспомынымъ переписчикамъ.

Незадолго до вѣка Августа, царствова-
 вать въ Индіи Vicramāditeja, ко времени
 котораго можно отнести прешій вѣкъ
 славы Индійской. Такимъ образомъ,
 почти въ одно и то же время, духъ чело-
 вѣческій на двухъ концахъ міра, развивалъ
 самое яркое свое блескание. Это были вѣкъ
 Джау-Дева и Горация, Cālidāsa и Виргила.
 Подобно Августу, окружавшему себя пре-
 восходнѣйшими гениями своего времени,
 Vicramāditeja призывалъ ко двору своему лю-
 дей отличнѣйшихъ умомъ и знаніями, и
 древній городъ снраны Avanté, Udjdjayani
 (Ujjesis) узрѣлъ въ свѣтахъ своихъ новую
 славный союзъ десяти жемчужиць — счаст-
 ливое брашество талантовъ, которое нацо-
 лниваетъ. Литературную Падмау Алекса-
 дрійскую. Творенія, принадлежащія къ этой
 эпохѣ, отличаются изяществомъ и вкусомъ
 просвѣщеннымъ. Въ нихъ болѣе оцѣлки,
 чѣмъ въ древнихъ, ихъ слогъ разительнѣе,
 словопеченіе разнообразнѣе. Около того же
 времени Царь Māgha собиралъ окрестъ себя
 Поэтовъ, которыхъ поощрялъ приманкою
 славы и богатствъ; назначивъ опредѣлен-
 ную плату за каждый стихъ, онъ издер-
 жалъ пятьдесятъ двѣ тысячи восемь сотъ
 рупій на Поэму о смерти *Sisupāla*, кошо-

рую ишомешиво не безъ причины наимено-
вано. Поэмою Царя Магха...
... Слѣдя дагье, Липерашуру Индїйцевъ,
въ ея поспешномъ ходѣ, мы болѣе и болѣе
замѣшимъ въ ней обычный упадокъ знаній;
увидимъ, что обиліе заступаешь мѣсто си-
лы, что злоупотребленіе оспроумія приво-
дитъ къ изысканности и даже жеманству.
Таковъ характеръ нѣкоторыхъ твореній
Санскрипской Липерашуры, кои я счисляю
принадлежащими къ четвертому вѣку. Рече-
ма, которая упошреблялась уже и въ вѣкѣ
предыдущемъ, сдѣлалась украшеніемъ необ-
ходимымъ и до излишества упошребляемымъ;
простая красота речема благозвучнаго и
мѣрнаго уже была неудовлетворительна;
захопѣли обольщать слухъ повтореніемъ
одинакихъ звуковъ, искусно накопляемыхъ.
Такимъ образомъ весь умъ начали прилагать
къ словамъ, а не къ самымъ вещамъ; стали
вѣнше цѣнить составъ фразы, нежели суще-
ность самой мысли. Родная прелестъ древ-
няго стихосложенія не удовлетворяла вкусу
Индїйцевъ; они иногда заимствовали чуж-
дыя красоты у Арабовъ и Персовъ. Чшобъ
достигнушь по уваженіе, коимъ по види-
мому на нѣкоторое время пользовалась про-
за, надобно полагать, что здравый смыслъ
націй снова обратилъ заблуждшуюся Сао-

весность къ той просножъ и вешешвенности, ошъ кошорой Повзія спремидасъ удалился. Эпошъ переворощъ совершился въ десятомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, въ царешвованіе Bhodja, другаго Царя земай Udjdjayani (Ugecis). И при его дворѣ, были, какъ говоряшь, свои девашъ жемчужницъ; былъ и свой Cálidása, если вѣришь Вильсону; но эши перлы не сіяли уже блескомъ стоуль же чиспымъ, какъ прежія; но эпошъ Cálidasâ не имѣлъ изящнаго вкуса своего предшешвенника, и можешъ бышь ему-шо должно предоставишь славу сочиненія Поэмы *Nalodaya*. Въ это же время жили Subandhu и Vâna-Bhatta. Bhavabhute почишаешся современникомъ Cálidasâ, кошорый уважалъ его; но кошорого Cálidasâ, древняго или позднѣйшаго? Какъ бы шо нибыло, онъ по паланшу своему достоинъ жишь съ первымъ въ одно время.

Въ слѣдующіе вѣка Индійцы, воюемые оружіемъ чужеземнымъ, переходили ошъ одного властипшеля къ другому: эшо необходимымъ долженшовадо имѣшь послѣдшвіемъ почти конечное истребленіе Литпературы національной; и хошя въ наши дни Судшанъ древней Ауодхуа печашаешъ на свой счетъ Словарь многешмный, но эпошъ Словарь — Персидскій, и ученія въ немъ —

Магомешанскіа. Такъ гибнешь для обычайнаго разговора общественной жизни, ашошь языкъ древній, кошорый шеперь существуетъ еще подь кровомъ Индійскихъ капищъ. Но образцовыа въ Липературномъ отношеніи творенія его, и нынѣ еще изучаемыа малымъ числомъ Брахмановъ, болѣе просвѣщенныхъ, безъ сомнѣнія не заслуживають пренебреженія ученой Европы.

Предположимъ, что какой нибудь изъ нѣхъ шрудолюбивыхъ мужей, кошорые всю жизнь свою посвящають на шо, чтообъ изъ праха Палимпсестсовъ извлекають невѣдомыа сокровища Греческой и Римской древности, возвращая ихъ нашему удивленію; предположимъ, что вдругъ онъ восклицаетъ: вы долго съшовали объ ушратѣ Энопей Варрѣевыхъ, нѣкогда шполь восхваляемыхъ, Элегій Галла, шполь не искусно подложенныхъ; драматическихъ шпихотвореній знаменитаго Полліона; Философическихъ разсужденій Папешія или Эпикура, знакомыхъ вамъ по одной шолько молвѣ: мы ихъ ошскали; мы представляемъ ихъ вашему ученому любопытству. Какія восклицанія! какія восторги радости повсюду въ Липературныхъ общесивахъ! Сколько похвалъ счастливцу, ошкрывшему сѣа сокровища! Съ какою жадноштію кинулись бы все на ашошь

кладъ новообрѣтённый! За чѣмъ же Писателямъ Индійскіе, снова долгое время не-
 знаемые и внезапно возвыщенные, міру уче-
 ному, за чѣмъ они не достойны бытъ при-
 няты съ такимъ же энтузіазмомъ? За чѣмъ
 они не могутъ бытъ удостоены чести за-
 няты мѣсто въ многочисленномъ ряду именъ
 знаменитыхъ, копорыми славится духъ че-
 ловѣческой? Парнасъ, на копоромъ мы ви-
 димъ соединеннымъ все; что искусства про-
 извели отличнѣйшаго, пусть эпошъ Пар-
 насъ перешагнетъ бытъ исключительно
 Европейскимъ; и Музы нашего Запада да
 уступятъ подлѣ себя мѣсто и Минервѣ Ган-
 геса — Индійской Saraswatī! (*)

III.

Б И О Г Р А Ф И Я.

Justum et tenacem propositi virum

Horat.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ
 Графъ А. И. Васильевъ, изъ Можайскихъ
 дворянъ, родился въ С. Пешербургъ 27 Фев-

(*) Это Индійская Богиня наукъ и искусствъ.

раля 1742 года. Оставшись по смерти родителя своего двѣнадцать лѣтъ, воспитанъ подъ руководствомъ доброй и благоразумной родительницы Ирины Андреевны Васильевой, урожденной Володимеровой, которая сначала давъ ему домашнее воспитаніе, записала въ 1754 году въ Юнкерскую школу, бывшую при Сенатѣ.

По окончаніи наукъ и по испытаніи его въ знаніи законовъ и дѣлопроизводства, пожалованъ Пропоколистомъ въ Сенатѣ, откуда вскорѣ взявъ въ Секретари къ бывшему Генераль-Прокурору А. И. Глѣбову, а послѣ него къ бывшему Генераль-Прокурору Князю А. А. Вяземскому съ чиномъ Сенатскаго Секретаря. Пошомъ сдѣланъ Правитель Канцеляріи, а въ 1770 году пожалованъ въ Оберъ-Секретари въ Правительствующій Сенатъ въ бывшую по части казенной экспедицію. Въ теченіе сего времени занимался по Коммисіи Уложенія и составилъ по части казенной, сводъ изъ Законовъ отъ самаго начала до 1775 года.

Бывшая тогда Шпашъ - Контора не имѣла вѣрнаго свѣдѣнія о числѣ душъ и о Государственныхъ доходахъ и расходахъ; на него возложено было составленіе Государственной окладной книги. Книга сія и нынѣ служилъ по Министерству Финан-

совъ основаніемъ; она поднесена была на Высочайшее утверждение блаженной памяти Государыни Императрицы Екаторины II, за что получилъ онъ въ вѣчное и попомощвенное владѣніе триста душъ крестьянъ въ Могилевской Губерніи.

Вскорѣ занялся онъ учрежденіемъ Государственныхъ по казенному управленію четырехъ экспедицій; за приготовленное въ продолженіе сей работы Наславленіе Казеннымъ Палашамъ, пожалованъ въ 1778 году въ Спашскіе Совѣшники.

Въ 1781 году при открытіи Государственныхъ Экспедицій и уничтоженіи Шпашь-Коншоры, пожалованъ въ Двѣшвишельные Спашскіе Совѣшники и сдѣланъ управляющимъ Экспедиціею для ревизіи Государственныхъ счетовъ, къ которой попомъ присоединены особыя еще Экспедиціи Горная, Винная и Соляная. Въ сіе время установилъ онъ формы для Казенныхъ Палашъ, какимъ образомъ должны присылать годовые отчеты, а попомъ по Экспедиціямъ Горной, Винной и Соляной составилъ формы для присылки вѣдомостей и прочихъ свѣдѣній, и вполне участвовалъ въ открытіи и установленіи Экспедицій; за сіи труды въ 1784 году пожалованъ Кавалеромъ Св.

Равноапостольнаго Князя Владиміра большаго креста 2 степени.

По болѣзни Князя Вяземскаго докладывалъ Государынѣ Императрицѣ, по дѣламъ Государственнаго казначея, и въ 1791 году пожаловавъ въ Тайныя Совѣтники.

Когда Графъ Самойловъ поступилъ на мѣсто Князя Вяземскаго, Графъ Васильевъ сдѣланъ Главнымъ Директоромъ Государственной Медицинской Коллегіи, и въ томъ же году вѣдно ему присущствовашъ въ Сенатѣ.

Тогдашнее положеніе дѣлъ сей Коллегіи нашель онъ въ крайнемъ расстройствѣ. Она не въ силахъ была доставлять Правительству тѣ пособія, какія отъ нея требовались, какъ въ снабженіи войскъ медикаментами, такъ и въ приготовленіи нужнаго числа знающихъ врачей, и съ тѣмъ вмѣстѣ задолжала разнымъ мѣшамъ и лицамъ до 600,000 рублей.

Плюды десятилѣтняго его управленія сею Коллегіею заключались въ слѣдующемъ:

Уничтоживъ показанный долгъ, уменьшилъ выписку иностранныхъ аптечныхъ матеріаловъ ежегодно болѣе, нежели на половину прошивъ прежняго, замѣняя иностранныя внутренними произведеніями.

При хозяйственныхъ его распоряженіяхъ, съ первыхъ лѣтъ начали оказываться по Коллегіи значительные изъ опредѣленныхъ ежегодно суммъ ошпашки.

Чтобы сдѣлать вѣрное исчисленіе, до чего проспираться могли шаковыя сбереженія, нужно только принять прудъ, обозрѣвъ оныя въ самомъ ихъ употребленіи. Обширныя зданія: а) На Выборгской сторонѣ, Медико-Хирургической Академіи съ учебными театрами и кабинетами Минеральнымъ, Физическимъ, Химическимъ и Анатомическимъ; б) на Аптекаарскомъ оспрову, главнаго магазина аптечныхъ матеріаловъ; с) взглянувъ на заведеніе Хирургическихъ инструментовъ, до того въ его время усовершенствованное, что при немъ же прекращена выписка шѣхъ инструментовъ изъ чужихъ краевъ; д) на умноженіе Академической библіотеки, и е) на распространеніе и умноженіе новыми расшпеніями садовъ ботаническихъ. Все сіе безъ всякаго ошъ казны денежнаго пособія совершено изъ сохраненныхъ имъ ошпашковъ.

Сверхъ того: во время управленія его Медицинскою частію, учреждены по Губерніямъ Врачебныя Управы, и для самой Медицинской Коллегіи изданы новыя шпанцы.

Вновь составлены для полковъ и флюговъ шпашы и разряды, и самая Врачебная наука получила обширнѣйшій кругъ дѣйствія, прибавленіемъ въ новыхъ шпашахъ Физики, Математики, Фармаціи и Практической Клиники для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней.

По возшествіи на престолъ Государя Императора Павла Петровича, сдѣлавъ въ 1796 году Государственнымъ Казначеемъ и Членомъ Государственнаго Совѣща; получилъ Орденъ Св. Анны 1 класса. Въ 1797 году, при коронаціи, Всемилостивѣе пожаловано ему въ вѣчное и попомощвенное владѣніе 2000 душъ въ Сарашовской Губерніи, въ то же время Баронское достоинство и Орденъ Св. Александра Невскаго; 12 Декабря 1797 года, пожалованъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники; въ 1799 году получилъ Орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и пошомъ Командорскимъ Орденъ Св. Иоанна Иерусалимскаго.

Въ сіе время, онъ первый положилъ основаніе, какимъ образомъ подавашъ ежегодно смѣшны о доходахъ и расходахъ, и годовые отчеты; формы, для сего имъ составленныя, крапки и удобны, а до того времени, составлялись обширныя смѣшны, годовые жъ отчеты во все не были подаваемы.

мы; завелъ Бухгалтерію, сообразную съ ходомъ дѣлъ тогдашняго времени, учредилъ Придворныхъ Банкировъ и при нихъ Конпродера, снабдилъ ихъ Инструкціею и часпъ сію поставилъ въ такое положеніе, что казна, при вѣдѣніяхъ Государственныхъ переводахъ, вполне была обезпечена съ видимою при томъ для нея пользою.

Въ концѣ 1800 года ошъ всѣхъ должностей уволенъ.

При возшествіи на престолъ въ бозѣ опочившаго Государя Императора Александра Павловича, въ 1801 году введеть во всѣ должности, прежде имъ занимаемыя; а въ день коронаціи удостоился получить Графское достоинство.

Въ 1802 году, съ Учрежденіемъ Министерствъ, вѣлно бытъ ему Министеромъ Финансовъ.

Не участвуя въ предположеніяхъ сего Учрежденія, въ послѣдствіи, когда оно состоялось, нарочито способствовалъ въ починѣ распредѣленіи дѣлъ прежнихъ Государственныхъ управленій, назначеніемъ для оныхъ надлежащаго мѣста въ новыхъ Министерствахъ. Въ 1806 году, удостоился ошъ получить Орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра большаго креста 1 степени.

Съ Миниспершвомъ Финансовъ, принявъ въ свое вѣдѣніе Государственныя Банки, Заемный и Ассигнаціонный, распространилъ, по примѣру Санктпешербургской, Ученныя Коншоры, съ изданіемъ новаго для нихъ Устава по городамъ, гдѣ шорговля и промышленность преимущественно того шребовали. Въ сіе же время, части Винная, Горная и Лѣсная, снабжены имъ полезными постановленіями.

Сверхъ того, былъ Членомъ многихъ Комисіоновъ, кончившихъ съ пользою порученное. Въ важнѣйшемъ изъ нихъ, о разборѣ долговъ Короля и республики Польскихъ, съ 1797 года до закрытія онаго Комисіона, главнѣйше руководствовалъ его дѣйствіями. Удостоенный довѣренностію Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, призванъ былъ Ея Величешвомъ къ участию въ шрудахъ по Совѣшу Общешва благородныхъ двѣиць.

Скончался на 66 году жизни своей въ 15 день Августа 1807 года, скоропостижно отъ апоплексіи. (Въ концѣ прилагается копія съ Высочайшаго Указа, даннаго Правительствующему Сенату по его кончинѣ, какъ памятникъ, досшойный Государя правосуднаго и признательнаго къ заслугамъ и добродѣтелямъ подданнаго.)

Съ малолѣтства приобученный къ прудамъ, въ зрѣломъ возрастѣ умѣлъ онъ обратиться въ необходимую для души своей потребность. Самая старость, ослабивъ плѣсныя силы его, не могла ослабить привычки и, можно сказать, спроси его къ занятіямъ, коихъ первымъ предлогомъ было всегда исполненіе возложенныхъ на него обязанностей и первую цѣлю — польза службы; ошальное за шѣмъ, весьма не многое время, посвящалъ онъ чпенію. Въ семъ отношеніи, вся жизнь его до послѣдняго ея предѣла представляешь современному наблюдателю рѣдко встрѣчаемое единообразіе (*).

Одаренный умомъ пронцапельнымъ ошъ природы, правильнымъ ошъ непрерывнаго размышленія и упражненія, онъ приобрѣлъ ошличную способность скоро обнимашь

(*) Уволенный въ концѣ 1800 года ошъ всѣхъ дѣлъ, до Февраля слѣдующаго года, былъ еще онъ занятъ сочиненіемъ ошчеша въ 4 годичномъ управленіи его Государственными доходами; но по ошправленіи сего ошчеша, на другой день въ первые часы утра замѣтили въ немъ необыкновенное замѣшательство. Вскорѣ однако жъ увидѣли его пишущаго съ лицомъ спокойнымъ и веселымъ. Любопытство побудило узнать, чѣмъ онъ нашель заняшья? эшо былъ переписанный имъ на бѣло шщательною рукою Псаломъ: „Живей въ помощи Вышняго.“

разсмащриваемые даже новые для него предметы со всѣми къ нимъ прикосновенностями, и заключенія изъ шого извлекають ясныя, здравыя и къ желаемой цѣли ведущія.

Съ сими единственными способами, не опираясь на знаменитость происхожденія, не упошребляя собственаго своего исканія, едва ли для него самаго примѣшно, дошелъ на поприщѣ службы до первыхъ степеней въ Государствѣ.

Главнѣйшія черты характера его состоявали: шрудолубіе, духъ бережливости, безприсшрасшіе и скромность.

Вѣрное исчисленіе шрудовъ его до должностей, кои оншправлялъ онъ, почти неудобовозможно; Архивы мѣсяць, бывшихъ подъ его вѣдомствомъ, наполнены его рукописями; время присущствія его въ Сенатѣ не въ однихъ совѣщаніяхъ прошекало; важнѣйшія рѣшенія или собственноручно имъ излагались, или писаны по его дикшованію. Рѣшенія сіи оншличаются ясностью и опредѣлительностью, для исполнителей всегда удобными.

Онъ любилъ, и часто говаривалъ, что любилъ *видѣть конецъ въ дѣлѣ*, но конецъ въ досшодолжномъ значеніи его. Однажды продолжали слушать давно начатое дѣло; одинъ изъ Членовъ, обращясь къ нему, ска-

заль, что онъ желалъ бы дойти до началъ въ этомъ дѣлѣ, „а я,“ ошвѣчалъ онъ съ нѣжностью неперивнѣемъ: „хотѣлъ бы скорѣе довести его до пяти.“

Въ управленіи Государственными доходами, вмѣнялъ онъ себѣ въ обязанность руководствоваться болѣе правилами бережливости, нежели стремленіемъ возвышать ихъ; болѣе постояннымъ стараніемъ объ усовершенствованіи прежняго, нежели о введеніи новаго.

Неусыпное его наблюденіе за малѣйшими въ Финансахъ подробностями, приносило хотя поздніе и непримѣтные, но всегда вѣрные плоды.

Въ послѣднія девять лѣтъ дѣятельной его жизни, Россія имѣла съ 1805 до половины 1807 года съ Французами войну, требовавшую весьма значительныхъ чрезвычайныхъ издержекъ; съ удовлетвореніемъ ихъ однако же прибавка въ налогахъ и подашяхъ сопряжена не была; курсъ послѣ того остался почти въ томъ же положеніи, какъ былъ и въ мирное время, и важнѣйшіе предметы народнаго продовольствія, на попеченіи Правительства лежавшіе, соль и вино, ни сколько цѣною не возвышены (*).

(*) Соль продавалась по 40 к. пудъ; вино по 4 р. ведро.

Особенно достойны примѣчанія отношенія къ его подчиненнымъ. Прошедъ на самомъ опытѣ всѣ степени службы, зналъ онъ обязанности, присвоенныя каждой; способности и знанія для каждой потребныя; былъ сообразно съ нѣмъ взыскашелемъ, настойчивъ; но сурогъ былъ только къ самому себѣ. Не было въ вѣдомствѣ его штапанаго чиновника, котораго бы онъ не зналъ. Сіе-шо знаніе доставляло ему вѣрный способъ наименѣе ошибаться въ выборѣ людей, коихъ по временамъ употреблялъ онъ въ важныхъ случаяхъ, и всѣ они всегда находили въ немъ покровителя и вѣрнаго защитника. Едва ли можно привести болѣе одного случая, въ которомъ вынужденъ онъ нашелся удалити отъ должности подвѣдомственнаго ему чиновника.

Доступъ къ нему вообще для всѣхъ былъ свободенъ, особенно же для приходившихъ съ дѣлами чиновниковъ, безъ назначенія дней и часовъ, во всякое время. При спешеніи многихъ, начиналъ онъ работать преимущественно съ нѣмъ, у кого дѣла были важнѣе; упрощъ, въ скромномъ своемъ кабинетѣ, послѣ обѣда въ гостинной, въ присутствіи семейства и гостей; занимаясь и дѣломъ и гостями, не привлекая ни мало любопытства ихъ къ своему занятію. Между

дѣльцемъ и дѣломъ, послѣднее браго все его вниманіе; весьма часто случалось, что про- чишавъ, подписывалъ и возвращалъ бумаги производителю, не сказавъ ему ни одного слова; но отдавая дѣла, сопровождалъ ша- кимъ крошкимъ и непринужденнымъ въ чер- шахъ лица его добродушіемъ, что безмолвія его никшо не промѣнялъ бы на самую лест- ную похвалу.

Рѣдко видали его сердитымъ прошивъ подчиненнаго; одна явная неблагонамѣрен- ность послѣдняго, могла возбудить въ немъ полное негодованіе; впрочемъ при всей взы- скаштельности своей за упущеніе порядка въ дѣлѣ, замедленіе и проч. виновный не слы- халъ отъ него упрека чувствительнѣе шо- го, который обыкновенно заключался въ привычныхъ ему словахъ: „непрогнѣвайся и позволь себѣ сказать,“ и шолько въ крайней мѣрѣ прибавлялъ: „изъ рукъ вонъ.“

Къ прошивурчіяамъ по дѣламъ былъ онъ, можно сказать, болѣе, нежели великодушенъ; онъ любилъ слушать возраженія, основан- ныя на ясныхъ доказательствахъ и шощъ, кто убѣдилъ его въ истинѣ, могъ бытъ смѣло увѣренъ въ приращеніи начальниче- скаго къ себѣ вниманія и уваженія. каждо- му отдавалъ онъ должную справедливость и чуждъ былъ всякаго себѣ присвоенія.

Достойная вѣчной признательности черта въ немъ была: опеческое перрвѣе въ пригошоваеніи молодыхъ людей, малочисленную канцелярію его сославлявшихъ. — Онъ принималъ къ себѣ шѣхъ, кои шолько чшо оканчивали воспитаніе въ Училищахъ и Университешахъ съ шѣмъ, чшобы снова начашь ихъ воспитаніе для службы. Кшо вспомнишь переходъ изъ классовъ въ канцелярію, шощь не можешь не сознашья, чшо первое время, годъ и болѣе, все въ гражданской службѣ кажешья для новичка и маловажно, и дико, и неудобопоняшно, для самаго дѣла мало успѣшно, для начальника неудовлешворительшо. При всѣхъ однако же важныхъ его зашяшяхъ, никогда не обременялся онъ шощепенно исправлять неопышность; и зашощливостію, вразумленіями успѣвалъ образовашь молодаго челошѣка въ короткое время годнымъ къ опшправленію какой-либо должности.

Слогъ его былъ прощь, крашощь и ясень. Силу значенія слова предпочишалъ красивости, не всегда чуждой празднословія. Въ бумагѣ имъ написанной, сохранено все приличіе; не найдешь выраженія излишняго и едва ли замѣнишь имъ упошребленное другимъ равно сильнымъ. Слогъ его мо-

жешь служишь образцомъ для дѣловаго чело-
вѣка.

Двадцать лѣтъ въ семь году прошло,
какъ не спало сего опличнаго мужа, върою
и правдою, и всѣми силами своими послу-
жившаго Престолу и Ошечеству.

Нигдѣ однако же по сіе время для вос-
поминаія соошечественниковъ, не сообщено
публикѣ его жизнеописанія. Прочтя сіе, хо-
пя и слабое начерпаніе онаго, кто не ска-
жешь вмѣстѣ съ Г. Р. Державинымъ :

Я радъ ошечества блаженству;
Дай больше, Небо! — шаковыхъ.

К о п и я.

Указъ Его Императорскаго Вели-
чества Самодержца Всероссійскаго изъ Пра-
вительствующаго Сенаша Господину Тай-
ному Совѣшнику, Сенатору, Государствен-
ному Казначею и Кавалеру Федору Алексан-
дровичу Голубцову. По Имянному Его Им-
ператорскаго Величества Высочайшему
Указу, данному Правительствующему Сена-
шу сего Августа въ 18 день, за собственно-
ручнымъ Его Величества подписаніемъ,
въ кошоромъ изображено: „въ 15 день сего
мѣсяца, къ крайнему прискорбію Нашему
смершь прекрашила посвященую болѣе 50

лѣтъ службѣ опечесства, жизнь Нашего Двѣшвишельнаго Тайнаго Совѣтника и Министра Финансовъ Графа Васильева. Неупомимая дѣятельность, ревностнѣйшее усердіе къ пользамъ опечесства и особенныя способности и знаніе въ дѣлахъ Государственныя, доспойно возвели его съ начальныя степеней службы до управленія одною изъ важнѣйшихъ частей Государственнаго Хозяйства, и въ самомъ образованіи и устроеніи коей, имѣлъ онъ ближайшее участіе въ царствованіи блаженной памяти Бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины II. Со всшупленія на престоль въ Бозѣ почивающаго Родителя Нашего и въ царствованіе Наше, управляя всѣми отраслями Государственныхъ доходовъ и расходовъ, неунынными трудами своими, содержалъ онъ многосложную часть сію не только въ спрощайшемъ порядкѣ и цѣлости, но со времени образованія Министерствъ, вновь успроилъ ввѣренный управленію его Департаментъ, присовокупя къ оному новыя источники доходовъ: и въ самыя трудныя времена при чрезвычайныхъ Государственныхъ нуждахъ, благоразуміемъ и опытностію своею избирая наилучшіе способы къ исправленію всѣхъ оборотовъ, къ его части принадлежащихъ, содѣйствовавъ шѣмъ къ

облегченію важнѣйшихъ предпріятій, къ пользѣ и славѣ отечества обращенныхъ. Сверхъ шаковыхъ достоинствъ и заслугъ Государственнаго чловѣка, представляя оный собою въ домашней жизни примѣръ добродѣтельнаго гражданина; и по всѣмъ симъ отношеніямъ, пріобрѣтшимъ ему всеобщее уваженіе, и Наше особенное благоволеніе и довѣренность, заслуживаетъ оный пребыть въ памяти признательнаго отечества. Отдавая сей долгъ Нашей благодарности къ шаковымъ заслугамъ, желаемъ Мы, чшобъ имя его сохранилось въ попомствѣ, и сообразно прошенію покойнаго, Всемилоспивѣйше жалуемъ родному племяннику его, Кавалергардскаго полка Рошмиспру Владиміру Васильеву, Графское достоинство Всероссійской Имперіи, наследственна и вѣчно, на что Правительствующій Сенапъ заготовишь и поднесишь къ Нашему подписанію дипломъ. Супругъ же покойнаго, Графиня Варваръ Васильевой, Всемилоспивѣйше повелѣваемъ производишь по жизнь ея полное жалованье и споловые деньги мужа ея.“

Правительствующій Сенапъ Приказали: Сіе Всемилоспивѣйшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, Рошмиспру Графу Владиміру Васильеву объявишь въ Сенапъ; заготовленіе же на пожалованное

ему Графское достоинство диплома для поднесения къ Высочайшему Его Императорскаго Величества подписанію, предоставишь Герольдіи, и о томъ въ оную дашь съ опредѣленія копію; а произвожденіе супругъ покойнаго Господина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Министра Финансовъ и Кавалера, Графа Алексѣя Ивановича Васильева, Графиня Варвара, по жизнь ея полнаго жалованья и столовыхъ денегъ, предоставишь распоряженію вашему Господина Тайнаго Совѣтника и Кавалера, и о томъ къ вамъ послашь Указъ. Августа 28 дня 1807 года. — Подлинный подписалъ, Оберъ-Секретарь Іосифъ Коржевскій, скрѣпилъ, въ должноти Секретаря Федоръ Токаревъ, справиль, Типулярный Совѣтникъ Михайло Ильинъ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПРОГУЛКА ВАТЕРТОНА ПО НЕКОТОРЫМЪ ОБЛАСТЯМЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

(Окончаніе.)

Въ Естественной Исторіи, конечно, всего занимательнѣе и наиболѣ заслуживающъ любопытства, различныя дѣйствія ядовъ на составъ животнохъ, а пошому насъ весьма поразила ученая классификація сихъ дѣятельныхъ способовъ, начертанная Докторомъ Пари (Paris), въ послѣднемъ изданіи его *Фармакологіи*, сочиненіи, которое, по многимъ отношеніямъ, достойно великаго уваженія. Онъ раздѣляетъ всѣ яды на четыре разряда: къ первому отнесены тѣ, кои дѣйствуютъ чрезъ нервы, не всасываясь и не производя мѣстнаго воспаленія. Сей разрядъ дѣлится еще на двѣ части, изъ коихъ одна заключаетъ въ себѣ яды, подавляющіе нервную систему ослабленіемъ дыхательныхъ мышцъ и удушеніемъ; а другая содержитъ дѣйствующіе на сердце и умерщвляющіе обмороками. Во второмъ раз-

рядъ Доктора Пари, опасаны яды, дѣйствующіе путемъ кровообращенія, и очевидно сюда принадлежишь ядъ *вурара* или *вурали*; онъ, кажется, входитъ въ систему кровообращенія посредствомъ венъ, а не чрезъ всасывающіе сосуды, какъ по предполагають. Это весьма убѣдительно доказано опытами Г. Броди (Brodie), въ Философическихъ запискахъ Лондонскаго ученаго Общества 1811 года. Онъ перевязалъ грудной протокъ собакъ, нѣсколько выше соединенія его съ кровеносными жилами; и ядъ *вурара*, приложенный потомъ къ ранѣ, на рѣзанной на заднемъ проходѣ, дѣйствовалъ съ обыкновенною силою. По вскрытіи шва, увѣрились однако, что сообщеніе было совершенно прервано въ грудномъ протокѣ. При другомъ опытѣ, *вурара* была приложена къ нижней оконечности и членъ перевязанъ былъ крѣпко, чтобы пресѣчь сообщеніе посредствомъ кровяныхъ сосудовъ; но животное не ощущало обыкновенныхъ дѣйствій сего яда и нечувствовало никакой боли. Это доказываетъ, что *вурара* вбирается въ вены и доходитъ до мозга, который по этой причинѣ, страдаетъ неспособнымъ сообщить попребную степень нервнаго вліянія на дыхательныя мышцы, отъ чего животное прежде испускаетъ духъ

въ сильномъ обморокъ. Но какъ сердце оспашаешя невредимымъ, если дѣйствіе легкихъ будешя поддерживаемо искусственными средствами, то и животное можешя бысть спасено. Опышя, сдѣланный Г. Орфилою (Orfila), и въ кошоромъ спасли животное опъ смерщи, вдунаніемъ лекарства въ легкія, подтвердилъ справедливостъ сего мнѣнія. Г. Вашершонъ, кажешя, зналъ о такомъ средствѣ, ибо полагаешя вдунаніе лекарства въ легкія, въ числѣ прошиводій; вообще всѣ его опышы и личныя наблюденія кадоняшся къ подкрѣпленію бывшихъ уже мнѣній о свойствѣ сего яда. Въ прешьемъ разрядѣ, Докшоръ Пари помѣщаешя шъ шолько яды, кои входяшя въ кровообращеніе, и кошорые дѣйшвующя исключительно на мозжечокъ въ позвонкахъ, не заражая прямо мозгового опправления. Живошное, оправденное шакимъ образомъ, погибло въ конвульсіяхъ судорожныхъ. Къ сему-шо опдѣленію принадлежшя шолько извѣштный ядъ, привошмый съ ошрова Лвы. Четвершый разрядъ ядовъ Докшора Пари содержшя всѣ эссенціи ядія, расшраивающія кишечную шрубу, и умерщвляющія, производа въ ней воспаленіе и аншоновъ огонь.

Но обратшмы къ *вуралн.* , Въ глуши лусшмыя Демерарскихъ и Эссеквебо, гово-

ришь Г. Вашершонъ, удаченныхъ опъ всѣхъ Европейскихъ поселеній, обитаешь одно племя Индійцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Макуши* (Macouchi). Хотя всѣ дикіе, живущіе между рѣками Амазонскою и Оrenoкомъ, дѣлають употребленіе изъ вурала, однако Макуши знають средство придавать ей особенную силу. А посему дикіе изъ Рио-Негро, коимъ довольно извѣстно искусство онаго племени по сей часши, приходящъ въ обитаемыя имъ пущыни, покупають означенное произведеніе. Много было говорено о чрезвычайныхъ его дѣйствіяхъ. Нѣкошорые утверждають, что они совершались почти въ мгновеніе ока, по впущеніи въ кровь самой малой часпицы того яда; другіе же опзываются, что они никакъ не могли умершвить живошнаго, шолциною въ челоуѣка. Первые однако ошибаються, довѣряя слишкомъ обманчивымъ расказамъ.“

Г. Вашершонъ присовокупляетъ, что не должно легко вѣришь всему, что Индійцы разглашають о вурала, и въ доказательство того, сколько они увеличивають его силу, сообщаетъ расказъ нѣкоего Макуши, кошорый будшо бы видѣлъ въ сраженіи челоуѣка, умерщвленнаго однимъ прикосновеніемъ спрѣлы, намазанной ядомъ; но по другимъ слухамъ извѣстно, что сердце

ного человека было пробито стрѣлою на пролетѣ. Равнымъ образомъ увѣренія, что сей ядъ найденъ недоспавочнымъ для умерщвленія живошныхъ, величиною съ человекъ, показывающъ, что слабо намазывали онымъ стрѣлы, или дѣлали опышы надъ ядомъ, гораздо низшаго достоинства. Кажется, что сыроспъ производитъ пафсенъ въ ядъ, который будучи подобнаго качества, оснавливается на шпѣль и не проникаетъ со стрѣлою.

Мы увидимъ теперь, какимъ образомъ изгошвляется *сурали*. Вѣроятно, что призмѣшиваемыя къ оному соспавныя части, не увеличивающъ его силы, а придающъ только ужасному сему соспаву видъ нѣкотораго волшебнаго очарованія.

„Индіецъ, приспуная къ соспавленію яда, сперва собираетъ въ своихъ пустыняхъ расшеніе, похожее на виноградъ и называемое *сурали*. Опъ его-то ягодъ, онъ заимствуешь свое имя и получаешь свою силу. Зашѣмъ, доспаетъ онъ весьма горькій корень; послѣ, два рода луковичныхъ расшеній, заключающихъ въ себѣ сокъ зеленешавый и клейкій. Наконецъ, опыскиваетъ въ лѣсу муравьевъ двухъ породъ: одни изъ нихъ бывающъ черные и очень шолстые, комхъ угрызене шоль ядовито, что

причинаешь лихорадку. Другіе красныя и небольшіе, жалашь, какъ иглоу и кладушь гнѣздо свое подъ кустомъ. Въ сей составъ примѣшиваешь онъ также извѣстное количество самаго крѣпкаго Индійскаго перцу, кошорый разводишь онъ для сего вокругъ своей хижины и попомъ прибавляешь шуда нѣсколько испершыхъ зубовъ змѣй *лабарри* и *кунакуши* (*labaggi et soupacouchi*), кой держишь онъ въ запасъ; ибо всякой разъ, когда убьешь змѣю, онъ испоргаетъ у нее зубы для сбереженія. Всю эту смѣсь онъ спавишь попомъ на огонь, и когда закипишь, Индіецъ вливаетъ шуда, сколько нужно, новаго настоя пѣхъ же ягодъ *сурали*, и снимаешь пѣну листкомъ. Сей взваръ оставяешь на огнѣ, пока онъ не превратится въ густую кашку темнокоричневаго цвѣта. Когда же наконецъ сгустится, то обмакиваетъ въ него спрѣлы, для испытанія силы онаго. Если имѣешь уже достаточную степень ядовитости, то сливаетъ ее въ небольшой Индійской работы сосудъ, кошорый покрываетъ двумя листками и кускомъ кожи дикой козы и завязываетъ веревкою. Сосудъ сей причесъ въ хижинѣ въ самомъ сухомъ мѣстѣ, и по временамъ спавишь на огонь, для уничтоженія сырости.“

Взглянемъ теперь на дѣйствіе сего яда. По словамъ нашего Сочинителя, онъ пошчасъ умерщвляетъ, но безъ всякой боли. Оправленное онымъ животное впадаетъ въ нѣкопорый родъ мертвеннаго сна. Урали дѣйствуешь такъ тихо, что больной, кажепся, не ощущаешь другаго мученія, кромѣ мгновенной боли, при пораженіи его спрѣлюю.

„Мы пробовали онаго силу, говоришь Г. Вапершонъ, на собакъ средняго росшу, сдѣлавъ ей на бедрѣ рану, чшобы не заразишь ни одной изъ жизненныхъ частей. Чрезъ три или чешыре минушы почувствовала она дѣйствіе яда; она обнюхивала все, что ни окружало ее на землѣ, и смотрѣла приспально на уязвленное мѣсто. Вскорѣ попомъ она закачалась, послѣ чего прилегла и уже не вспавала. Она залаяла одинъ шолько разъ, но, казалось, не чувствуя боли. Визги ея были слабы и глухи и вскорѣ совершенно пошеряла голосъ. Она положила голову между чешырмя лапами, попомъ приподнявъ ее немного, снова опустила на спору. Глаза ее сдѣлались неподвижны и, ошь времени до времени, въ оконечносшяхъ замѣшны были судорожныя движенія. Когда она слегла, шо біеніе сердца попеременно или ошпанавливалось, или дѣлалось сильнѣе

и скорѣе; но пульсы продолжали еще биться, хотя и слабо, между пѣвѣмъ, какъ всѣ прочіе органы, по видимому, находились въ оцѣпенѣніи.

„При упомянутомъ случаѣ, жизнь, казалось, хотя нѣсколько боролась съ смертію; но въ приводимомъ ниже сего, живошное околѣло безъ судорожныхъ движеній, безъ всякаго крику и спона. Сіе живошное было *Ай* или *Тихоходъ* о шрехъ пальцахъ, принадлежавшій одному любителю, кошорый собиравлялъ коллекцію для Естественной Истории. Онъ хотѣлъ его умершвишь, чшобы сняшь съ него кожу; и ему присовѣшовали употребить для сего ядъ *сурали*.

„Изъ всѣхъ живошныхъ, не исключая черепахи и лягушки, *Тихоходъ*, по видимому, споль худо сложенный, живуць болѣе прочихъ. Онъ сущеспируетъ долго по полученіи ранъ, смертоносныхъ для всякаго другаго живошнаго; и если случится видѣшь *Тихохода* весьма шяжедо проспѣленнаго, шо, кажешся, чшо жизнь оспориваетъ у смерши каждый дюймъ его шѣла.

„*Аю* сдѣлана была рана на ногъ и его положили на землю, недалеко опъ спода, однако онъ приползъ и прицѣпился къ его ногъ, какъ бы желая шуда взлѣсъ; но эшо было послѣднее его усиліе. Жизнь ис-

чезала быспро, хошя и безъ боли, и сіе живошное, одаренное ошъ природы способноспію переносишь разные смертноносные случаи, не могло ушояшь прошивъ дѣйшвія вурали.

„Сперва одна нога пошеряла силу и повисла безъ всякаго движенія. Вскорѣ и другая опуслилась такимъ же образомъ. Когда обѣ переднія ноги пошеряли крѣпость, все его шуловище согнулось, и онъ склонилъ голову къ заднимъ лапамъ, кои держались еще за споль. Но колъ скоро ядъ коснулся уже сихъ послѣднихъ, онъ скащился на землю, но шакъ шихо, что если бы вы не знали обѣ уязвленіи его ядовитою спрѣлою, то никогда не повѣрили бы, что онъ при послѣднемъ издыханіи. Ротъ его былъ закрышь и не было на немъ ни пѣны, ни слюны. Онъ не имѣлъ никакой *subsultus tenditum* и никакого разспройства въ своемъ дыханіи. Чрезъ десять минутъ по полученіи раны, онъ сдѣлалъ нѣкошорое движеніе, и вслѣдъ за шѣмъ послѣдняя искра жизни угасла.

„Когда ядъ началъ дѣйшвовашь, то подумали, что онъ впалъ въ безпробудный сонъ, и хотѣли было воскликнуть: *Pressitque*

jacentem dulcis et alta quies, placidaeque simillima morti (*).

„Вошь два неоспоримых доказательств дѣйствій сего страшнаго яда, смерть собаки и шихохода. Но какъ ни одно изъ сихъ живошныхъ не было значительнаго роста, по по сему можно бы было сомнѣваться въ его вліяніи на живошныхъ гораздо большей величины безъ опыта, нами здѣсь приводимаго.

„Огромный быкъ, въсомъ около тысячи фунтовъ, привязанъ былъ къ столбу на довольно длинной веревкѣ, дававшей ему свободу ходить взадъ и впередъ. Въ него пущены были при стрѣлы, изъ коихъ двѣ прошли сквозь его ноздри.

„Ядъ подѣйствовалъ чрезъ четыре минуты. Почувствовавъ какъ бы нѣкошорое безсиліе, быкъ спалъ держась на ногахъ крѣпче и оставался около четверти часа неподвиженъ. Онъ обнюхалъ попомъ землю и, сдѣлавъ шагъ или два, зашатался и повалился на бокъ. Глаза его, бывшіе за нѣсколько минутъ свѣтлыми, спали неподвижны и мутны, и хошіа махали надъ ними

(*) Лежащаго пріосвнилъ сладкій и глубокій покой, весьма похожій на шихую смерть.

близко рукою, какъ бы желая его ударить, однако рѣсницы его нисколько не мигали.

„Ноги его находились въ судорожномъ положеніи, и онъ времени до времени, голова его невольно подымалась къверху; дыханіе его сдѣлалось шруднѣе и ропъ наполнился пѣною. Судорожное сжиманіе нервовъ ослабѣвало мало по малу; заднія части шерсти свою силу, и чрезъ двѣ минушы голова его и переднія ноги уже не двигались. Ничто не показывало въ немъ жизни, кромѣ біенія сердца, поспешенно уменьшавшагося. Спусти двадцать пять минушь, послѣ нанесенія ранъ, исчезли въ немъ и послѣдніе признаки жизни. Мясо его было очень мягко и вкусно.“

Индійцы упошребляють *гурали* въ маломъ количествѣ, отправляясь на охошу; эшимъ-шо сосшавомъ намазываютъ они спрълы, пуцаемыя ими изъ *сарбакановъ* (*) Сіе простое, но страшное орудіе испребленія, описано нашимъ путешественникомъ весьма подробно; оно дѣлается изъ пущаго просшника, длиною около десяти фушовъ, въ кошорый вкладываютъ спрълу.

„Смошрише, говоритъ Г. Вапершонъ, на Индійца Макуши, съ колчаномъ на пле-

---

(*) Родъ пицали.

чь, наполненнымъ ядовитыми спрълами и съ сарбаканомъ въ рукахъ, идущаго въ лѣсъ для опысканія *маруди* (*maroudis*), *варакабо* (*waracabos*) и другихъ пшиць, употребляемыхъ имъ въ пищу.

„Сии пшиць садятся, вообще, на самыхъ густыхъ и высокихъ деревьяхъ, но шакъ, что Индеецъ можетъ досягать спрълою; ибо сарбаканъ бросаетъ оную на шриста фушовъ вверхъ. Молчаливъ, какъ полночь, онъ прокрадывается въ лѣсъ и подходитъ шакъ осторожно, что даже листья не шумятъ подъ его ногами. Онъ прислушивается къ малѣйшему шороху, и зоркіе глаза его, подобно рысьимъ, открываютъ добычу въ самой глубокой пѣни вѣшвей. Часто подражаетъ онъ голосу пшиць, и сею хитростию, заславляешъ ихъ перелезашъ съ одного дерева на другое, пока онъ не усядутся въ выгодномъ для него положеніи. Тогда, взявъ намазанную ядомъ спрълу, влагаетъ въ сарбаканъ, и собравшись съ духомъ, пускаешъ ее.

„Въ концѣ двухъфушоваго сввола утверждены два *Акуриныя* зуба (*) для цѣли. Спръла выскакиваетъ, лезишь безъ шума и весьма рѣдко даетъ промахъ. Иногда под-

---

(*) *Asougi* звѣробъ.

спрѣленная птица оспаешя на деревѣ около прехъ минушъ, и пошомъ надаешъ къ ногамъ охошника. Если же она и слепишъ, шо развѣ на небольшое проспраншво, и Индіецъ, слѣдя за нею, навѣрное найдешъ ее мершвою. Какъ бы ни была легка язва, но вурали очень скоро сообщается съ кровію и шѣлесною влагою. Хошя раненная птица оспаешя на мѣстѣ, вообще, при минушы, пока не почувствувешъ конвульсій, однако она впадаешъ немедленно въ нѣкошорый родъ онѣмвнія, кошорое обнаруживаешся нежеланіемъ сдѣлашъ какое-либо движеніе.

„Однажды dospали мы большую курицу, и чшобы не распроишъ ее раною, вонзили ей за кожу кончикъ спрѣлы, напоенной ядомъ. Въ продолженіе первой минушы она ходила, но шихо, и казалось ни сколько не шревожилась. Во вшорую же, оспановилась и начала клевашъ землю. Хвостъ и крылья ея повисли почти до земли. Въ концѣ прешей минушы, она легла, не въ силахъ будучи держашъ прямо голову, кошорую шо наклоняла, шо подымала вверхъ, шо опять болѣе опускала, подобно ушомившемуся пушешественнику, дремлющему споя. Глаза ея ошкрывались и смыкались попеременно. Она почувшвовала конвульсіи въ

четвертую минушу, и жизнь ея кончилась на пятой.“

Можетъ бышь сіи опышы покажущя несогласными съ чловѣколюбіемъ, приписываемымъ нашему путешественнику. Но повпоряемъ, не должно перяшь изъ виду, что Г. Вашершонъ ешь натуралистъ, и что благорасположеніе его къ живымъ произведеніямъ природы, уступаетъ иногда желанію проникнуть ея тайны.

Здѣсь мы остановимся. Если бы мы признали за нужное указать и недоспашки въ шакой книгѣ, въ коей заключается сполько хорошаго, то довольно привести одно мѣсто, гдѣ Г. Вашершонъ поздравляетъ себя: *„что успѣлъ безсловеснымъ тварямъ придать нѣчто чловѣческое.“* Сочинитель, говоря такимъ образомъ, разумѣетъ рисунокъ, помѣщенный въ началѣ его повѣствованія и представляющій голову, которую легко почестъ можно за спараго Греческаго разбойника или Турецкаго Пашу, но которая въ самомъ дѣлѣ ешь голова обезьяны, у коей носъ и подбородокъ вышпаны, а ротъ сжатъ. По нашему мнѣнію, шаковыя превращенія ни сколько не дѣлають чести ихъ виновнику. Г. Вашершонъ присовокупляетъ, что, пригошывая извѣстныхъ четвероногихъ для своего кабинета,

онъ успѣлъ дашь имъ, или образъ восмидесятидѣшннго спарца, или видъ молодаго человека въ цвѣшущемъ возрастѣ; или же удалось ему напечатать на лицѣ характеръ благородства, между шѣмъ, какъ вся нижняя часть онаго, сохраняла видъ коварной обезьяны. Всѣ сн превращенн вмѣстопого, чшобы содѣйствовать лучшему познанню Естественной Исторн, весьма для нея вредны. Сн плоды наснлн сущь того же рода, кои побудили Доктора *Шева* (Shaw) опвергнушь съ презрѣннмъ, какъ бы нѣкое дурачество, предспавленный ему *первый видъ* (specimen) спраннаго четвероногаго съ ушинымъ носомъ, которое названо: *Ornithorynchus paradoxus*. По чему и проснмъ Г. Вапертона, при впоромъ изданн *Прогулокъ своихъ*, выброснть означенный рисунокъ, какъ недосшойный шакого превосходнаго сочиненн, коего назидательность сшоль же велика, какъ и прншность.

Съ Франц. И. Бутовскнй.

Юня 1827.

Мыза Стрѣльна.

К Р И Т И К А

Взглядъ на Математическіе Курсы, употребительнѣйшіе въ Россійскихъ училищахъ.

Пифагоръ, Платонъ, Архимедъ, Эвклидъ, сія величайшія свѣтила языческой древности, считали Математику наукою, необходимою для человека-философа; и дѣйствительно они находили въ ней повѣрки своихъ умозаключеній. Не смотря однако на усиліе сихъ необыкновенныхъ мужей, Математика не достигла еще въ то время высшей степени своей зрѣлости. Развернуть науку сію въ полномъ блескѣ, дать ей новое и высшее направленіе, предоставлено въкамъ позднѣйшимъ. Родились знаменитые Декарты, Лейбницы и Ньютоны, и Математика, преобразованная ими, разрѣшаетъ законы движенія пльзъ небесныхъ. Наконецъ Эйлеры, Лагранжи, Лапласы и другіе великіе Геометры, постигнувъ опкрышія своихъ предшественниковъ, положили легчайшіе пути къ истинѣ, словомъ, совершили все, чего можно было ожидать отъ послѣдовавателей мужей великихъ. Но всѣ ихъ опкрышія, были опкрышія Гениевъ. Они постигая, шакъ сказать, вдругъ

самые результаты, применяли ихъ къ той или другой наукѣ, опредѣляли оными толь или другой законъ вселенной. Обыкновенный умъ не можешь идти ихъ путемъ; онъ пребуешь, чшобы цѣль послѣдствій приводила его къ истинѣ. Посему, должно было опредѣлить путь, ведущій къ Математическимъ истинамъ, указать отношенія ихъ, связь между собою, словомъ — представить Математику въ общемъ ея объемъ.

По важности сего предмета, занявшись изслѣдованіемъ различныхъ Математическихъ сочиненій и разсматривая оныя безпристрастно, я старался увѣриться: дойдеть ли большая часть оныхъ до истинной цѣли — и собственная опытность моя въ преподаваніи Математики, убѣдила меня въ той истинѣ, что слабые успѣхи, оказываемые многими учащимися, выпущеніе изъ памяти ихъ основныхъ истинъ, затрудненія, встрѣчаемыя ими въ приложеніяхъ Математики къ различнымъ случаямъ общешія, происходящія наиболѣе отъ несовершенствъ тѣхъ твореній, по коимъ они изучались.

Ободряемый мужами, глубоко постигшими сію важную отрасль наукъ, и побуждаемый усердіемъ доставить пользу желающимъ пріобрѣсть познанія въ Математикѣ, я осмѣливаюсь изложить нѣкоторыя

мысли свои о семь предметъ, и сдѣлать крашкѣй разборъ Курсовъ, находящихся на Россійскомъ языкѣ, обращая преимущественно вниманіе на Ариѳметику и Алгебру, — какъ на два главнѣйшіе столба, на коиъ все прочее основывается. Можешь быть, и не достигну вполне своей цѣли, но меня ободряетъ желаніе по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ общему благу; трудность моего предпріянія, да послужишь извиненіемъ въ глазахъ людей просвѣщенныхъ!...

Прежде, нежели приступлю я къ разбору Математическихъ Курсовъ, считаю за нужное сдѣлать вопросъ: чего долъ и ми претребовать отъ истинно классическаго сочиненія по части Математики? Вопросъ сей легко разрѣшится, когда вполне постигнемъ цѣль Математики и пользу отъ познанія оной происпекающую. Приведемъ о семь предметъ слова одного извѣстнаго Автора:

„Математика можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ средство къ усовершенствованію понятія, и какъ собраніе теорій, коиъ приложеніе для всѣхъ полезно, и даже необходимо нужно.“

„Математика болѣе, нежели всякая иная наука, обладаетъ средствами дѣлать до-

сходною нашу внимательность, въ поряд-
къ направляешь ее, укрѣпляешь силу сужденія,
развиваешь способность разсуждать, и от-
крываешь путь къ истинѣ. Съ точностію
опредѣляя предметъ изысканій, следуя за
происхожденіемъ нашихъ идей, переходя отъ
извѣснаго къ неизвѣстному, отъ простаго
къ сложному, руководствуясь всегда свѣ-
дѣніемъ очевидности, Математика поль-
зуется въ высшей степені драгоцѣнною
выгодою соединяешь ясность ея точностію.
Привыкнувъ къ сему ясному и спростому
пути, умъ нашъ пріучится усстремлять
сильно вниманіе свое къ тому предмету,
кошорый онъ познаеть желаетъ, учреждаетъ
порядокъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, извле-
каетъ изъ единого начала всѣ истины, изъ
него происпекающія, обнимаешь во множе-
ствѣ понятій связь, соединяющую ихъ меж-
ду собою, однимъ словомъ, видишь, чувствво-
вашь и находишь истину.“

„Если другія науки не представляють
намъ тѣхъ же средствъ къ развитію спо-
собности разсужденія, это отъ того, что
предметъ ихъ не столь простъ, и не под-
лежитъ такой спростой точности; отъ того,
что онъ заключаешь въ себѣ много началъ, въ
кошорыхъ не всѣ еще согласны; отъ того,
что мечши воображенія не рѣдко скрываютъ

въ нихъ истину; и наконецъ ошъ того, что способъ, коему, слѣдующъ, часно бываетъ недосповрѣнъ и не еспеспивень.“

„Но дабы извлечь изъ ученія Машемашики драгоцѣнную пользу образованія нашей мыслищельности, расироспраненія способности сужденія и познанія пупи, ведущаго нъ истинѣ, не надежищъ довольствовашься только доказательствами началъ науки, — должно посшигнушъ духъ ея, усмошрѣшъ связь всѣхъ идей, и порядокъ ихъ происхожденія; должно посшигнушъ причину всего, опличашъ основныя истины ошъ шѣхъ, кои супъ только опдаленныя слѣдствія оныхъ; должно проикнушъ духъ науки, а не довольствовашься познаніемъ упомишельныхъ и мелочныхъ подробностей оной; наконецъ, должно наблюдашъ ходъ человѣческаго ума въ изысканіи истины.“

„Доказывашъ начала Машемашики, упражняшъ въ дѣйствіяхъ вычисления, примѣняшъ оныя къ различнымъ употребленіямъ въ общежитіи, еспъ дѣло весьма полезное; но ограничишъ только симъ, не имѣя у себя въ виду усовершенствованія способности мышленія, приведенія Машемашическаго способа къ общимъ началамъ, кои можно бы было примѣняшъ къ другимъ изученіямъ; не наблюдашъ хода ума человѣческаго въ

изысканіи истины; значило бы лишать себя одной изъ величайшихъ выгодъ науки, которой приобрѣтеніе всего важнѣе для человѣка, а именно: *равсуждать правильно и умѣть находить истину.*“

„Къ сей-шо полезной цѣли должны стремишься всѣ наши усилія, шѣмъ болѣе, что усовершая такимъ образомъ орудія нашихъ изслѣдованій, мы спановимся болѣе способными проникать въ глубину наукъ, и дѣлать полезное приложеніе теорій къ пошребностямъ общежитія.“

Такъ излагаешь цѣль Математики Г. Сюзанъ, въ своей превосходной спашѣ о способѣ преподаванія оной, и не лзя не согласишься съ симъ почтеннымъ Писателемъ, что Математика, какъ дочь Философій, болѣе, нежели всякая иная наука, доставляетъ средствъ развивать и укрѣплять мыслящую способность, истина, въ коей не сомнѣвались всѣ великіе умы древности и новѣйшихъ временъ. Для достиженія сей цѣли пошребно, чтобы излагающій сію науку не опускалъ изъ вида главнѣйшаго, а именно: строгого порядка и точности въ доказательстввахъ. Въ прошивномъ случаѣ, преподающіе Математику бывають сами виновны, что большая часть юношества, по выходѣ изъ школъ, ослав-

двѣтъ оную навсегда, утверждаясь на какомъ-то странномъ мнѣніи, къ сожалѣнію, еще существующемъ между нами, что наша польза отъ сей сухой и шрудной науки. Они правы, называя Математику шрудною и безполезною наукою, правы, пощому, что имъ представляли оную въ видѣ собранія предложеній безъ всякой связи и доказанныхъ иногда весьма не шрого; пощому, что ихъ заставляли зашверживать одинъ порядокъ дѣйствій, учишь формулы, не побуждая никакъ въ изслѣдованіе началъ, находить истины, не обращая вниманія на связь ихъ съ другими, словомъ: они правы пощому, что отъ нихъ преобладали болѣе памяти, нежели разсужденія. После сего, можемъ ли удивляться, что нѣкоторые наши юноши, по выходѣ изъ школы, не занимаясь Математикою по обязанностямъ службы, забываютъ ее въ короткое время такъ, что дѣлающа не въ состояніи оную ни къ чему приспособлять.

Должны ли мы усматриваемые нами недосадки въ познаніяхъ Математики, можешь быть, большей части нашего юношества, относить нерадѣнію Гг. Преподавателей, и даже ихъ неумѣнью излагать истины оной въ пѣснѣйшей связи одинъ съ другими, какъ много потребуешь Сюзанъ. Не

часто ли по различнымъ общешельствамъ они бывають принуждены держаться сочиненій, не только не выполняющихъ цѣль сей науки, но представляющихъ одинъ только механизмъ дѣйствій, да и тошь споль недоспащочно, что учащійся, въ примененіяхъ онаго къ различнымъ задачамъ ии случаямъ жизни, запрудняется на каждомъ шагу. Дабы въ семъ удосповѣришься, разсмотримъ безприсрашно употребительнѣйшіе у насъ Курсы Математики, раздѣливъ оныя на два разряда; къ первому ошнесемъ тѣ, кошорые служатъ для пріобрѣшенія первоначальныхъ познаній, а посему должнствують бышь употребляемы въ пріуготовительныхъ классахъ; къ другому же тѣ, въ коихъ Математика излагается вполне, и кошорые составлены для молодыхъ людей, могущихъ разсуждать, слѣдовательно и разсмащривать истины Математики съ почки возвышеннѣйшей. Къ первому разряду принадлежатъ Курсы, составленные Г. *Войтяховскимъ*, *Фуссомъ* и *Осиповскимъ*; ко второму же: Г. *Безу*, нѣкошорыми Французскими Профессорами, подъ руководствомъ *Беллавена*, Г. *Лакроа* и наконецъ *Франкеромъ*.

Присхупимъ къ первому, а именно къ Курсу Математики *Войтяховскаго*. Сіе

твореніе издано въ первый разъ въ 1787; по-
томъ появилось съ нѣкоторыми прибавле-
ніями въ вторымъ изданіемъ въ 1789 году. Оно
состоитъ изъ чепырехъ частей: 1-я содер-
житъ *Арифметику*, 2-я *Геометрію*, 3-я *Три-
гонометрію* и 4-я *Алгебру*. — Не стану рас-
пространяться о семъ сочиненіи; ибо по-
лагаю, что въ нынѣшнее время мало нахо-
дятся защитниковъ творенія, вышедшаго
въ Россіи въ то время, когда самая Фран-
ція, имѣвшая уже Декаршовъ, Паскалей и
другихъ — не имѣла еще порядочнаго Кур-
са Математики. Однако не входя въ под-
робности, можно замѣтитъ слѣдующее: Ал-
гебра помѣщена въ 4 части (*), Тригоно-
метрія основана на однихъ началахъ Гео-
метріи, и только нѣкоторыя предложенія
оной рѣшены помощію Алгебры. Вообще,
все писано весьма пространно и неудовле-
творительно, опредѣленія темны, порядокъ
неправильнъ, всякое предложеніе разсмапри-
вается отдѣльно, а не въ связи съ другими.
Словомъ преподавашъ Математику по Кур-
су Войшяховскаго, есть самое вѣрное сред-

(*) Авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что
онъ сдѣлалъ сіе для того, что современники его
находясь въ столь большемъ *нездѣлнѣ*, что по-
читаютъ *Алгебру* за весьма трудную и бесполез-
ную науку!

ство принудились енособности учащагося, забили голову множествомъ предложеній, предспавляемыхъ въ видѣ задачъ, безъ всякой существенной пользы. Но оставимъ Войшяховскаго и приступимъ къ слѣдующему.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, Г. Ординарный Академикъ *Н. И. Фуссъ* составилъ *Начальныя основанія чистой Математики*. Сіе швореніе появилось въ шрехъ частяхъ: 1 содержитъ Алгебру, 2 Геометрію и 3 приложение Алгебры къ Геометріи, Тригонометрію, коническія сѣченія, Дифференціальное и Интегральное изчисленія. Я намѣренъ разсмотрѣть сіе сочиненіе подробно Курса Войшяховскаго, ибо осмѣливаюсь дѣлать разборъ книги, написанной человекомъ, прославившимся своими познаніями, и по собспвеннымъ его словамъ — составившимъ оное изъ швореній знаменитаго Эйлера. Правда, что у Г. Фусса порядокъ въ цѣломъ сочиненіи гораздо превосходнѣе, нежели у Войшяховскаго; посшавя прежде всего Алгебру и разсматривая дѣйствія Арифметическія, какъ частный случай дѣйствій Алгебраическихъ, онъ доставляетъ своему сочиненію еспешственный Математическій порядокъ, и съ перваго взгляда заспавляетъ уваженіе оное. Но разсматривая его съ бо-

шимъ вниманіемъ, видимъ, что въ подробно-спяхъ не находишь ни надлежащаго порядка, ни яснаго и строгого изложенія истины. Г. Фуссъ, послѣ введенія въ Математику, объясняетъ дѣйствія съ пресными количествами, при чемъ раздѣляетъ оныя на положительныя и отрицательныя, и говоритъ: что отрицательными количествами называются тѣ, которыя меньше нуля или ничего. Учащійся не можетъ ли спросить: что такое значаніе количества меньшаго ничего, когда извѣстно, что количество вообще означаетъ собраніе единицъ? Выше, почтенный Авторъ говоритъ, что отрицательныя количества, могутъ быть разсмаприваемы за долгъ какого нибудь чловѣка: учащійся не понимая значенія отрицательности, но основываясь на семъ дозвеніи, будетъ всегда принимать сіи количества за овлеченныя, и посему встрѣтитъ вездѣ загадки для себя неразрѣшимыя. На прим. увидѣвъ, что произведеніе отрицательныхъ количествъ, есть величина положительная, или что корень четной степени изъ отрицательнаго количества, есть величина именная, съ перваго раза, онъ не пойметъ сихъ истинъ; и ежели, дабы убѣдился въ оныхъ, вздумаетъ повторить сдѣланія свои въ выкладкѣ примѣненіемъ

къ денежному долгу; по переходу изъ одного ложнаго положенія къ другому, изъ одной несообразности въ другую, болѣе себя запущаешь, получишь недовѣрїя къ точности и ясности Машемашическаго метода и даже остановишься въ дальнѣйшихъ своихъ успѣхахъ. Но спашемъ продолжать далѣе свой разборъ: Спашья о простыхъ и десятичныхъ дробяхъ, хотя и довольно ясна, но не полна; порядокъ часпо перьяется, многія предложенія безъ доказательствъ; нѣкоторыя же предложенія можно доказать проще и яснѣе. Общій наибольшій дѣлитель разсматривается въ концѣ Алгебры, когда говорено о содержанїяхъ Геометрическихъ; кажешся приличнѣе было бы, помѣстивъ оный при изложенїи свойствъ дробей. О періодическихъ дробяхъ не сказано ни слова; разсматривая умноженіе и дѣленіе дробей; Авпоръ ничего не замѣчаешъ въ разсужденїи величины произведенїа и частнаго двухъ дробей меньшихъ единицы. Сверхъ того, вообще надлежитъ здѣсь замѣнить, что Г. Авпоръ изложивъ сіи спашья, не выполнилъ цѣли, для чего оны предпочель оную передашь не въ Ариеметикъ, но въ Алгебръ; ибо въ семь случаевъ ему надлежало бы вывести свойства числовыхъ дробей и дѣйствїа съ оными, какъ частный случай дробей Алгебраиче-

скихъ, а не расмапривающъ ихъ точно такъ, какъ излагаются они обыкновенно въ Арифметикѣ. Степени одночленныхъ количествъ, удобнѣе помѣстить прежде возвышенія въ квадрашь и кубъ числовыхъ величинъ; вообщемъ, надлежало бы объ сихъ степеняхъ помѣстить послѣ дѣйствія съ сложными количествами; попомучто при возвышеніи числовыхъ величинъ во 2 и 3 степень, можно бы замѣнить законъ возвышенія въ квадрашь и кубъ. Излагая мнимые корни, Г. Фуссъ сдѣлалъ важную ошибку, основывая произведеніе оныхъ, на произведеніи корней дѣйствительныхъ, отъ чего у него вышло, что $\sqrt{-a} \times \sqrt{-b} = \sqrt{ab}$, тогда, какъ результатъ долженъ равняться $-\sqrt{ab}$; кому неизвѣстны слѣдствія, происходящая отъ сей ошибки? Теорію помѣщенія и сочешанія буквъ, должно помѣстить прежде возвышенія двучленного количества въ высшую степень; отъ несоблюденія сего, возвышеніе изложено темно, и представлень одинъ только механизмъ дѣйствія. Въ шрешнемъ ондѣлѣ, показывая способъ рѣшанья уравненія, Авторъ не упоминаеть о рѣшеніи уравненій 1 степени со многими неизвѣстными, посредствомъ приравненія коэффициентовъ одного изъ неизвѣстныхъ — способа самаго простѣйшаго и употребительнѣйшаго въ Анализѣ. Рѣшеніе не-

опредѣленныхъ уравненій изложено крайне недоспашочно. Уравненія 3 и 4 введеней, удобѣе основашь на Теоріи высшихъ уравненій, чрезъ що будешь болѣе общности и ясности, въ чемъ мы удостоувѣримся, когда возьмемъ всякій изъ новѣйшихъ курсовъ. Почлавдній ошдѣвъ въ его Алгебрѣ о пропорціяхъ и прогрессіяхъ довольно хороши. Впрочемъ часть я не спашу разсмашривашь, а только сдѣлаю замѣчаніе, что въ преподаваніи держашься Геометріи Фусса не для чего, когда имѣемъ нѣсколько десятковъ сочиненій гораздо лучшихъ (*). О шрешней же части, можно сказаши, что приложение Алгебры къ Геометріи, предшавлено въ видѣ собранія задачъ безъ доспашочнаго разсужденія. Чшобъ увѣриши въ доспашствѣ Прямолинейной Тригонометріи, спашишь только прочишашь въ семь сочиненіи происхожденіе Тригонометрическихъ линий. Коническія сѣченія написаны шакъ, что прочишавъ оныя не лѣзя подумашь, чшобы Г. Ав-

---

(*) Сочинишелъ сей спашь за долъ себя пещавляешь сказаши, что онъ при разборѣ всѣхъ прочихъ Курсовъ, не станешь нигда разбираши Геометрію, по шой причинѣ, что изложеніе оной усовершенствовано болѣе всѣхъ прочихъ частей Машематики, в всякое сочиненіе по сей части болѣе или менѣ доводиши до цѣли.

шоръ, постигъ вполне изящный духъ Ана-
 лиза. Дифференціальное изчисленіе основано
 имъ на способъ бесконечно малыхъ коли-
 чествъ. Следуя Эйлеру, онъ принимаетъ
 дифференціалы за нули; но сей способъ, не
 взирая на глубокія познанія знаменишаго
 своего изобрѣшателя, никѣмъ не принявъ, и
 справедливо осуждается Лагранжемъ (см.
 Théorie des Fonctions Analytiques). Сверхъ того,
 Авторъ нашъ не помѣщаетъ въ Дифферен-
 ціалахъ Тайлоровой Теоремы, которая столь
 же важна въ сей части Математики, какъ
 Пифагорова въ Геометріи. Въсь самое краш-
 кое обозрѣніе недосматковъ сего сочиненія;
 въ заключеніе должно еще сказать, что
 разсматриваемъ оное здѣсь, какъ книгу, на-
 писанную для самыхъ первыхъ началъ — для
 народныхъ школъ. Если же разбирати его,
 какъ твореніе классическое, тогда рѣдкая
 страница выдержитъ строгую Критику.

(Продолженіе впродъ.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

№ 827.

Отзывъ творенія.

37. *Александрюда, современная Поэма.*
Сочин. Павла Свѣчина. Часть первая.
 М. въ ш. С. Селивановскаго, 1827. въ 8.
 XIV. 362. стр.

(Сочинитель, хотѣлъ описать въ этой Поэмѣ незабвенную войну 1812 года; но за чѣмъ писалъ онъ стихами? за чѣмъ, съ самими, можешь быть, благими намѣреніями, но безъ дара къ Поэзіи, вздумалъ онъ вдругъ наводнишь насъ огромною Поэмою, въ которой, если судишь по изданнымъ нынѣ шести пѣснямъ, нѣтъ ни вымысла Поэшическаго, ни стиховъ хорошихъ? Современники могутъ только въ Лирическихъ пѣсняхъ воспѣвать великія событія, случившіяся предъ ихъ глазами; но Поэма, какое хо-

тнше дайше ей имя: *Эпическая; Лиро-Эпическая* или всякая другая — шребуешъ шагнхъ условій, копорья недосшупны Поэшу современному, хоша бы онъ и обладалъ возвышеннымъ даромъ Поэзіи. Нашъ вѣкъ шребуешъ не вымысловъ, или покрайней мѣрѣ, не спихошворныхъ прикрасъ о войнѣ 1812 года, а шочнаго, Историческаго о ней повѣштованія. Сего мы ждемъ и шребуемъ ошъ нашихъ сошечешвенниковъ, копорымъ счастье дозволило бышъ очевидцами и учасшниками подвиговъ, ознаменовавшихъ брань сію, священную для сердца Русскаго.)

38. *Димитрій Донской, или начало Россійскаго величія. Героическая Поэма*, сочин. А. Орлова. М. въ Университетской ш. 1827. 99 стр. въ 8.

(Вошъ и еще Поэма о войнѣ ошечешвенной, и споль же мало сошвѣшшвующая высокому своему предмету, какъ и предъидущая. Если объ сіи Поэмы сушъ шолько пошыпки въ спихошворствѣ; шо для чего ихъ вышавляшъ на позоръ и посмѣшище чишающей Публики? Или Гг. наши спихошворцы забываютъ, что симъ они не воздаюшъ должной дани удивленія и благодарности подвигамъ своихъ сошечешвенниковъ, но шолько возбуждаюшъ невольный

смѣхъ читателей неудачными своими вос-
пѣрами, рассказывая о шакмѣ предмешахъ
и событіяхъ, предъ кончи попомство дол-
жно благоговѣть?)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XIX.

I.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРИИ.

Периодъ седьмой,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ВОЙНУ
ОТЪ 1790 ДО 1800 ГОДА.

Фридрихъ II производилъ въ прошедшемъ Периодѣ то, что казалось всему свѣту не возможнымъ — онъ со славою сопрошивлялся въ семилѣтней войнѣ сильнымъ своимъ непріятелямъ. Подобное сему находимъ мы въ слѣдующемъ Периодѣ; и здѣсь усматриваемъ Французскую Республику, опражающую всѣ удары соединенныхъ Державъ и потрясенную всѣми ужасами внутренней и внешней войны. Впрочемъ замѣшимъ, что мы чрезвычайно бы ошиблись, если бы сіе явленіе приписывали, подобно прочимъ республиканскимъ энтузіастамъ, превосходнымъ военнымъ талантамъ

и геніямъ Французскихъ Полководцевъ, а не богатымъ источникамъ сей Державы (*). Не опровергая прямо ни одного изъ сихъ мнѣній, разберемъ вкратцѣ: какими средствами могли Французы все сіе совершить, и какимъ образомъ произведены шъ великіе результаты революціонной войны.

Съ появленіемъ во Франціи новаго порядка вещей, разорвались вмѣстѣ съ симъ всѣ узы военной Конспишудіи. Солдаты начали шѣмъ, что ошказали прежнимъ Начальникамъ въ послушаніи, и образовали неправильныя шолны, гдѣ каждый дѣйство-

---

(*) Нѣкоторые Писатели, кажешся, полагають, что таланты стихошворца и полководца врожденныя; а изъ сего слѣдуешь, что познанія военныя излишни, и что всякой чувствующій себя, можетъ предводительствовать войсками и побѣждать непріятеля! Но опытность многихъ вѣковъ опровергаемъ совершенно сію гипотезу, которая могла бытъ вѣроашною, побуда цвѣшущая фантазія и высокія идеи образовали стихошворца, а пронырливость и мужество рождали полководца. Но дошолъ образованіе будетъ при-вуждашъ стихошворца къ ученію, а военное искусство принимашъ правила, дошолъ грубый сынъ природы недосиженелъ высшей степени славы, пока Полководецъ не заплашитъ долгу непріятелю, а стихошворецъ строгому рецензенту. Однако же я увѣренъ, что никакое искусство не замѣнитъ дарованій, необходимыхъ для двухъ вышеупомянутыхъ состояній.

валь, какъ ему вздумалось. Хоши съ образованіемъ національной гвардіи во Франціи, военная сила сего Государства (содержавшаго тогда до 24,000,000 жишелей) доснигла ужаснѣйшей величины, но однако жъ сія смѣсь людей, не имѣвшихъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ, съ солдатами, поше-равшими дисциплину, не могла ничего великаго произвести. По сему неудивительно, что Австрія и Пруссія, при 500,000 войска, за ничто полагали усмирить Французовъ; ибо знатнѣйшіе эмигранты увѣрили, что большая часть народа недовольна новою Конституціею и ожидаетъ только случая, чтобы избавишься отъ нея и приняшь прежній образъ правленія.

И въ самомъ дѣлѣ, начало войны согласовалось съ ожиданіями. Прусская армія съ успѣхомъ прошла чрезъ Шампанію, овладѣла двумя крѣпостями, и можешь бышь, не пащла бы препяшествовать въ позиціи Дюмурье въ Аргонскомъ лѣсу, если бы несчастныя обстоятельствова не принудили Прусскую армію къ отступленію. И начало слѣдующей войны, не менѣе было блистательно и было бы еще блистательнѣе, если бы Прусская армія не шакъ долго стояла подъ Майнцомъ, и непосредственно начала бы осадю Лауду; но сіи успѣхи союзниковъ

*

еще болѣе воспаменяли энтузіазмъ Французовъ и пригошовляли ихъ будущія побѣды. Лучшіе полководцы явились, узнавъ изъ разбишія предшественниковъ своихъ ошибки, кошорыя сихъ послѣднихъ подводили подъ гильошину. Записки славныхъ полководцевъ прежней Монархіи, служили имъ руководителями въ ихъ дѣйствіяхъ; онѣ показывали имъ мѣста въ Нидерландахъ, гдѣ войска ихъ не были подвергнушы нападеніямъ, и позиціи непріятеля, гдѣ онѣ болѣе всего были оборонены отъ ашаки. Тѣ, кошорымъ недоспашокъ способностей и прозорливости не позволяла найши мѣста, означенныхъ въ сихъ военныхъ запискахъ, были по большей части разбишы, ошсавлены и преданы смерти, какъ измѣнники ошечеству. Революція, возвышая съ одной стороны молодыхъ пламенныхъ людей до первыхъ степеней военной чести, сбрасывала ихъ съ другой стороны въ пропасть бѣдствія и ужаса. Терроризмъ давалъ имъ средство выполнишь дерзновеннѣйшіе планы, кошорые для величайшаго генія, при нѣсколькѣ ограниченной дѣятельности, можешь бышь, были бы неисполнимы. Со всѣхъ сторонъ Франціи собирались солдаты, убѣгавшіе отъ вѣрной смерти, и предпочитавшіе случайную въ кровавой бѣдствѣ.

Такъ удавалось Французамъ опшоргнуть непріятелей изъ земли своей, и завоеваніемъ чужихъ земель доспавить себѣ новые вспомо- гательные способы. Ежедневно пріобрѣпались новые успѣхи; республиканскій фанатизмъ воспламенялъ Французскаго создаша, не хотѣвшаго видѣть нигдѣ опасности, добыча обогащала его, а военная честь одушевляла его къ новымъ предпріятіямъ. Ему проши- восполя Германецъ, кошорый шерпѣлъ не- доспашокъ во всѣхъ жизненныхъ пошребно- спяхъ; кошорый мало имѣлъ надежды; беспрешанная рещирады разсѣвали въ вой- скѣ духъ неудовольствія. Между шѣмъ, какъ Французамъ ни что не мѣшало въ ихъ ашакѣ, споль свойспвенной народному характеру, Германцы не смѣли выдши изъ своей оборонительной позиціи, боясь попере- людей и Аршиллеріи.

Опытность временъ доказала, и еще болѣе послѣдній походъ сей войны, что Французъ чрезвычайно храбръ и ужасенъ при ашакѣ, но что не владѣеть необходимымъ хладнокровіемъ для оборонительной войны. По сему беспрешанная ашакъ, ешь един- спвенное средство побѣдши Французовъ; и сіе средство рѣдко могли упошребши Германскіе Генералы; когда же могли, шо являлись разная обстоятельствова, ко-

порья препяшспвовали продолжатъ начашые успѣхи, и были причиною новаго разбишя.

Безприспрасшно скажемъ, что Авспрйцы, Прусакы и прочіе Германцы храбры были не менѣ Французовъ, копорые часто великими своими силами и безпрерывными ашаками разбивали своихъ неприяшелей.

Каждый шагъ республиканцевъ, доспавлялъ имъ новые вспомогашельные способы, ошкрывалъ имъ новые испочники, чшобы продолжатъ войну съ большою дѣяшельношю; между шѣмъ, какъ Германцы, борясь съ безпреспанними препяшспвіями, все болѣе и болѣе удалялись отъ своихъ операціонныхъ линий. То терпѣли они недоспашокъ въ жизненныхъ припасахъ, то недоспашокъ въ аммуниціи. Окруженные всюду друзьями новаго порядка вещей, припринуждены были они ужасными усилиями республиканцевъ распянушь свои позиціи, копорыя Французы съ легкостію могли разшоргнушь.

Такъ Французы распроспраняли свои побѣды по шу спорону Рейна, вшоргнулись въ сердце Германіи, распроспраняя между шѣмъ ужась въ Голландіи и Ишаліи. Усиленное войсками новой Республики, могущешво ихъ возрасшало до ходосальной вели-

чины, и военнымъ ихъ поприщемъ было про-
спраншево между Нѣмецкимъ и Адриатиче-
скимъ морями.

При такихъ неблагопріятныхъ послѣд-
ствіяхъ и щещномъ ослабленіи Государствен-
ныхъ силъ, многіе сочлены ошсали ошъ
союза; другіе, спрашась быспраго при-
ближенія Французскихъ войскъ, и видя еже-
дневное возрастаніе опасности, принужде-
ны были обспояшельствами наблюдать ней-
спрашешь. Такимъ образомъ Французы не
вспрѣчали на своемъ поприщѣ инаго про-
тиводѣйствія, какъ только со спороны Ав-
спрійскаго Дома, копорого могущество въ
скоромъ времени было ослаблено быспрымъ
Бонапаршомъ. Послѣдовалъ миръ, но невы-
годный для Германіи; крѣпости Майнцъ и
Эренбрейшпштейнъ ошданы были Французамъ,
копорые симъ выиграли два пункта на
Рейнѣ, для лучшаго успѣха слѣдующей
войны.

Но выиграло ли военное искусство чрезъ
сіи войны? Не одобря шѣхъ, копорые все,
даже и чрезмѣрное распроспраненіе военнаго
поприща, считающъ великими успѣхами во-
енныхъ наукъ, (ибо эшо нешто иное еспь,
какъ злоупшребленіе предначертанныхъ пра-
вилъ) мы еще менѣ согласимся съ прошив-
ною споронною, копорая полагаешъ, что одна

тактика выиграла въ быспрошѣ и коснулась области Математическихъ наукъ. Каждый военный человекъ почтешъ безъ сомнѣнія, пространное употребленіе Артиллеріи, искусство съ быспрошою передвигать войска съ одного пункта на другой и производить ашпакъ шамъ, гдѣ непріятель ожидалъ найти оборону слабую, счастливое примѣненіе спръяковъ къ горной войнѣ, употребленіе воздушныхъ шаровъ для рекогносцировки, — за важныя и великія успѣхи военнаго искусства. Всѣ вѣшви военныхъ наукъ приближались къ своему совершенству и испекшее спользіе передало ихъ въ лучшемъ видѣ насупившему.

Мы замѣчаемъ въ семь Періодѣ, что Артиллерія во всѣхъ Гесударствахъ почти была въ исправномъ видѣ и совершенствѣ. Вездѣ удерживали длину орудія и толстоту металла, и только присовокупляли въ нѣкоторыхъ случаяхъ новыя изобрѣшенія, необходимыя для лучшаго употребленія Артиллеріи. Такъ въ Саксонской Артиллеріи, при чепырехъ-фуншовыхъ полевыхъ орудіяхъ, введены были новоизобрѣшенныя пушки, имѣвшія въ длину 24 діаметровъ ядра и предназначенныя для башарейной Артиллеріи.

Онѣ по сему и получили прицѣльную машину и были сзади не плоски, какъ башаціонныя орудія, но имѣли винградъ.

Данная *Грибовалемъ* легкоспѣ Французской Артиллеріи, не просширалась на башарейныя орудія; они удержали законную длину и полспѣшу, успановленную въ 1732 году. Революція, копорой всѣ дѣйствія имѣли видъ колоссальный, образовала и 24 фуншовыя пушки полевыми. Онѣ были въ 1794 году, по предложенію Инспектора Артиллеріи Генерала *Дорснера*, укорочены и облегчены, и были съ того времени нѣчто среднее между пушкою и гаубицею; изъ нихъ могли спрѣляшь гранашою и ядромъ. Чрезвычайно увеличенное упошребленіе гранашъ было, можно сказать, причиною преобразования пушекъ въ гаубицы.

Генераль *Темпельгофъ*, ввелъ въ Прусскую Артиллерію родъ малыхъ и легкихъ полевыхъ морширъ, лежавшихъ на удобно движимыхъ спанкахъ, и упошребленныхъ въ первой разъ при осадѣ *Лонгви*. Онѣ были упошреблены Пруссаками въ двухъ первыхъ походахъ Французской войны въ полевыхъ сраженіяхъ, ибо имѣли по преимуществу, что бомба осшавалась шамъ, гдѣ упадала; не шакъ, какъ гранаша, кошорая удаляешся ошъ мѣшпа паденія своего, и шѣмъ часшо не

причиняешь никакого вреда непріятелю. Замѣчательнѣйшую переѣмну претерпѣла липейная часшь во Франціи, состоявшая въ 1798 году подъ присмотромъ гражданъ *Монжа*, *Газенфратца* и *Перье*, изъ кошорыхъ первый славенъ своимъ превосходнымъ сочиненіемъ о липей. Для многочисленныхъ армій, долженствовавшихъ идти въ походъ для защиты Олечесства, требовалось чрезвычайное множество орудій; одному флоту необходимы были 6000 чугунныхъ орудій. Единственно революціонными мѣрами *Comité du Salut Public*, были они доставлены въ споль короткое время.

Употребленіе одного сверла для дѣланія каналовъ, не ешь собственно новое изобрѣшеніе: липейный масперъ *Кельнеръ* уже имѣлъ въ Кассель, въ началѣ XVIII спольшій, перпендикулярный сверлишельный спанокъ, посредствомъ котораго онъ вырѣзывалъ сердцевину изъ орудія въ видѣ массивнаго цилиндра. Сіе самое замѣшимъ также объ изобрѣшеніи *Фуркроа*, и о ввинчиваніи новыхъ заправокъ, не переливая орудія. Дѣйствіе сіе было уже прежде извѣсно, имъ пользовались давно уже во Французской и Испанской полевыхъ Арциллеріяхъ. *Фуркроа* сдѣлался извѣстнымъ въ новѣйшей Военной Исторіи шѣмъ, что онъ химическимъ про-

цессомъ доспавалъ въ большомъ количествѣ мѣдь изъ мепалла колоколовъ. Черезъ сіе дѣйствіе Французскіе линейные дворы, были приведены въ чрезвычайную дѣятельность, имѣя всѣ колокола Франціи.

Совершенно новое явленіе во Французской баллистикѣ суть *линейки* для легкой Артиллеріи (шакъ называемые *Wurstwagen*), введенныя въ употребленіе въ 1792 году. Онѣ состояли изъ длиннаго ящика въ 8 футовъ длины, $8\frac{1}{2}$ вершковъ ширины и 10 вершковъ высоты; ящикъ сей не покоился на осяхъ, но висѣлъ, и былъ сверху обитъ сукномъ для удобнѣйшаго сидѣнія Артиллерійскихъ служителей.

При первомъ заведеніи легкой Артиллеріи во Франціи въ 1792 году, военнымъ Министромъ *Дюпорталемъ*, предназначено было слѣдовать Артиллерійшамъ за орудіями на сихъ линейкахъ; но быстрота, съ кою возрасла конная Артиллерія въ 1792 году подъ вѣдѣніемъ военнаго Министра *Нарбонна* до 9 ротъ, не позволяла бригадному Генералу *Утурби*, (долженствовавшему образовати легкую Артиллерію въ городѣ *Дуэ*) давати каждой ротѣ болѣе двухъ линейекъ, а шакъ, какъ сего недовольно было для всѣхъ спроевыхъ людей роты, то прочимъ давали лошадей. Въ послѣдствіи вре-

мени совершенно были уничтожены линейки и сдѣлали всѣхъ Артиллерійсковъ конными. Даже самые Австрійцы при Эрцгерцогѣ Карлѣ, образовали вскорѣ подобную конную Артиллерію и уничтожили у себя линейки.

Въ началѣ для Французской конной Артиллеріи, назначаемы были 8 фуншова пушки и 6 вершкова гаубицы, не смотря на убѣжденія *Гассендіевы*, копорый хотѣлъ всѣ большіе калибры въ конной Артиллеріи уничтожити и снабдити ее единственно 4 фуншовыми пушками. Дивизионъ состоялъ изъ двухъ пушекъ и двухъ гаубицъ и при нихъ 74 человекъ служивыхъ. Въ послѣдствіе времени были увеличены роты, и тогда дивизионъ состоялъ изъ 4 пушекъ и двухъ гаубицъ; въ то же время были кѣнныя роты снабжены 12 фуншовыми пушками, для употребленія при ашакахъ укрѣпленныхъ постовъ.

Судя безприсраспно, скажемъ, что Французская Республика произвела много великихъ людей, кои изобрѣшеніями своими, по часпи военныхъ наукъ, заслуживаютъ уваженіе поздняго попомсва. Но вмѣстѣ съ шѣмъ, должны мы удивляться, какъ часпо самыя вздорныя идеи были приняты съ энтузіазмомъ и неимовѣрною жадностію.

Къ сему мы можем отнести родъ лафетовъ, названныхъ изобрѣшателемъ *affût far-dier*; здѣсь лафетъ осадной пушки не имѣлъ передка, подвигался съ мѣста, посредствомъ оси съ двумя чрезвычайно большими колесами, имѣвшей длинное и тяжелое дышло, долженствовавшее держашь равновѣсіе между лафетомъ и сею осью (*).

Опъ семи до осьми милліоновъ ливровъ, было употреблено на успроеніе сихъ лафетовъ, для того, чшобы въ скоромъ времени ихъ уничтожишь; ибо не бравъ въ разсужденіе, что они чрезвычайно были подвергнушы непріяшельскимъ выспрѣламъ, выказывая ужасныя свои колеса изъ за брусшера бапарей, они по своему сложному успроенію и самой тяжесши орудія (8000 фуншовъ), естествененно не могли бышь прочны.

Другое изобрѣшеніе былъ лафетъ, названный *affût à banquette*. Изобрѣшатель имѣлъ довольно власши, внесши новый свой лафетъ въ армію, и можешь бышь, исполнилось бы его намѣреніе, если бы онъ не встрѣшилъ со всѣхъ сторонъ сопротивленія. Сущность успроенія сего лафета состояла въ томъ, что не шребовалось передка,

---

(*) Нѣмцы называютъ сію ось *Triquetballe*.

и на орудіе накладывалась доска для помѣщенія на оной Аршиллерійсшцовъ; во время пальбы, доска сія ошбрасывалась назадъ.

Непомѣрное упошребленіе огнеспрѣльнаго пороха, въ первыхъ годахъ революціи, частію для снабженія имъ чешырнадцаши армій, частію для упошребленіи при народныхъ празднествахъ, исшоцили весь пороховой и селиспряной запасы во Франціи; въ шо же время Англія превосходствомъ своимъ на моряхъ, препяшшвовала всякому привозу селиспры. Должно было выдумашъ дѣйшвишельныя средства для ошвращенія недоспашка сей важной военной пошребности; Comité du Salut public приглашалъ декретомъ всѣхъ Французскихъ гражданъ: ошыскивашъ селиспряную землю въ своихъ погребяхъ и хлевахъ, и выщелачивашъ ее. Тотъ же декрешъ содержалъ въ себѣ обстоятельное свѣдѣніе о сихъ работахъ и о выборѣ селиспряной земли. Тогда Республика была раздѣлена на 8 округовъ; надъ каждымъ округомъ находилъ свѣдущій чловѣкъ по симъ работамъ, исправлявшій должность Инспектора. Подъ нимъ находилъ въ каждомъ Депершаментѣ одинъ приспавъ, кошорый ошашъ наставлялъ агеншовъ, имѣвшихъ надзоръ надъ селиспряными работами каждаго Округа.

Всѣ сіи надзирашели получили первоначально въ Парижѣ свѣдѣніе о выщелачиваніи селишры и пригошовленіи огнеспрѣльнаго пороха. Химики: *Фуркромъ*, *Плувиетъ* и *Дюфурни*, читали лекціи о выщелачиваніи селишры, а Химики: *Гюйтонъ*, *Карни* и *Бертолетъ* читали лекціи о пригошовленіи огнеспрѣльнаго пороха, нарочно для того призваннымъ въ Парижѣ канонерамъ національной гвардіи, въ амфишеспрѣ ботаническаго сада. Въ опношеніи листейной часши, читали лекціи ученые: *Монжъ*, *Перье* и *Газенфратцъ*. Осшальное время дня проводили сіи канонеры на селишряныхъ заводахъ и въ пороховыхъ мельницахъ. Вечеромъ приводили они шепради и записки свои въ порядокъ. По окончаніи курса, предлагали они національному Конвенту чистую и выщелачиваемую селишру, собственно ими пригошовленный порохъ, и ими же лишее и просверленное орудіе.

Съ заведенія сего новаго порядка, было въ продолженіе 9 мѣсяцевъ опшвезено въ магазины 12 милліоновъ фуншовъ селишры, между шѣмъ, какъ прѣжде въ продолженіе года дошпавляемо было лишь по одному милліону. Но такъ, какъ большее количество селишры, сашкомъ много времени шребовало бы для выщелачиванія; шо поступали въ опш-

ношеніи сего короче: получали прибавленіемъ угольнаго порошка къ селишпру, совершенно чистую селишпру, безъ всякаго выщелачиванія и кристаллированія. Уже съ 1788 года, *Ловицъ* упошреблялъ угольной порошокъ для очищенія селишпры при своихъ химическихъ опытахъ; однако жъ Профессоръ *Годолинъ*, первый сдѣлалъ сіе дѣйствіе общеупошребительнымъ. Точнѣйшіе и безпрестанные опыты дали ему наконецъ замѣнить, что двѣ часши квасцовъ съ пяшью часщами угольнаго порошка, прибавленныя къ 100 часщамъ селишпры, дѣлають смѣсь потчасъ прозрачную, какъ воду, такъ что не требовалось дальнѣйшаго выщелачиванія.

Симъ образомъ было выщелачиваемо чрезвычайно большое количество селишпры; въ бывшей церкви Монашья Св. Жерменія, для сего былъ устроенъ заводъ.

Не смотря на всѣ труды и напряженія ученыхъ *Машемашиковъ* и *Химиковъ*, что бы опредѣлять дѣйствіе и существо разпространительной матеріи, рождаемой при вспыхиваніи пороха; замѣшимъ, что все еще не имѣли истинной мѣры распространенія сей матеріи въ первое мгновеніе вспыхиванія. *Робинсъ* полагалъ, что распространеніе сіе въ 1000 разъ болѣе средняго дав-

ленія ашжосферы, напрошивъ того Г. Бернулли полагалъ во 1000 разъ болѣе послѣдняго. Посредствомъ точнѣйшихъ опытовъ, хотѣлъ Графъ Румфордъ (знаменитый многими экономическими изобрѣшеніями) доказать въ Лондонѣ, что распроспранительная матерія сія превышаетъ среднее давленіе воздуха въ 50,000 разъ. При сихъ опытахъ, сдѣланныхъ въ 1792 году, превосходнѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ приборомъ въ Мюнхенскомъ арсеналѣ, оказалось слѣдующее замѣчательное явленіе: что зажженный порохъ, въ чрезвычайно крѣпко закрытомъ пространствѣ, превращался въ швердое шѣло и послѣ нѣсколькихъ секундъ перялъ совершенно свое дѣйствіе. Изъ сихъ опытовъ и вывелъ Графъ Румфордъ результать, что чрезвычайная сила воспламененнаго пороха происходитъ отъ дѣйствія разгоряченныхъ водяныхъ паровъ и что воспламененіе не мгновенно происходитъ, но мало по малу.

На счетъ усовершенія снарядовъ, было въ семь періодъ также довольно много сдѣлано. Такъ какъ замѣтили, что цѣпныя ядра, никогда во всю длину цѣпи не распроспраняющяся; то нѣкто предложилъ въ Пёртсмутѣ, бросать ихъ изъ двухъ особенныхъ пушекъ, ставя ихъ одну отъ другой въ разстояніи три-

ядцати шаговъ. Опытъ сей въ самомъ дѣлѣ былъ произведенъ (не далеко отъ Портсмута; однако жъ замѣнимъ, что употребленіе цѣпныхъ ядеръ, по трудной пальбѣ, сопряжено съ большими препятствіями.

Употребленіе ракетъ не только для сигналовъ, но и противъ непріятеля, есть уже давно извѣстное изобрѣненіе. Особенно были онѣ извѣстны въ Остъ-Индіи, гдѣ *Гайдеръ - Али* нѣсколько тысячъ ракетчиковъ имѣлъ въ своемъ войскѣ. Ракеты сіи состояли изъ желѣзной гильзы, 12 фунтовъ вѣсомъ, наполненной горючимъ составомъ и прикрѣпленной къ хвосту, имѣвшему 8 футовъ длины. На ровномъ пространствѣ давали имъ горизонтальный полетъ, на болыпшомъ и гориспомъ навѣсный, и всегда распроспраняли онѣ въ кавалеріи ужасъ и безпорядокъ. Ракеты сіи довольно сходствовали съ *форсфорическими ракетами* гражданина *Шевалье*, надъ которыми были дѣланы опыты въ 1796 году.

Скажемъ теперь нѣчто объ легкой Аршиллеріи и силѣ ея во всѣхъ погдашнихъ Государствахъ.

Сія конная Аршиллерія состояла въ 1792 году изъ 9 ротъ; въ каждой ротѣ находилось 2 Капитана, 2 Поручика, 1 оберъ-

сержантъ, 3 сержанта, 1 фурьеръ, 3 капрала, 3 ефрейтора, 3 фейерверкера, 30 оберъ-канонеровъ, 30 канонеровъ и 2 шрубача. Издержки на успроеніе сего войска не превышали 496,926 ливровъ, ежегодное жалованье всѣмъ чинамъ онаго, 234,774 ливровъ. Въ продолженіе послѣдней войны, конная Артиллерія возрасла до 8 полковъ, состоявшихъ всѣ вмѣстѣ изъ 3728 служившихъ. Ей одолжены Республиканцы побѣдою надъ *Шарретономъ*; она шустрь перемѣняла часто и быстро свои позиціи, и всюду дѣйствовала съ пользою. Въ сраженіи при *Кастильоне*, Бонапартъ приказалъ *Даммартену*, собрать нѣсколько дивизионовъ конной Артиллеріи, кои быстрымъ огнемъ своимъ доставили ему побѣду. Эрцъ-Герцогъ Карлъ, которій, по примѣру Французовъ, также значительно умножилъ конную Артиллерію, одолженъ ей большею частію одной изъ славнѣйшихъ побѣдъ.

Пѣшая Артиллерія была въ семь періодъ также усилена. Въ 1789 году Франція имѣла 7 полковъ пѣшей Артиллеріи, вмѣстѣ состоявшихъ изъ 8204 служившихъ, не включая въ сіе число 6 ротъ минеровъ и 9 ротъ работниковъ. При заведеніи національной гвардіи въ 1790 году, находились при двухъ орудіяхъ каждаго баталіона 17

Аршиллерійство, но изъ которыхъ въ послѣдствіи по декрету 23 Марша 1792 года, построены были Аршиллерійскія роты. Тогда каждый баталіонъ получилъ одну роту, состоявшую изъ одного Капитана, 2 Поручиковъ, 1 Фельдфебеля, 2 сержантовъ, 4 капраловъ, 1 барабанщика, 36 канонеровъ, 2 фейерверкеровъ и 4 гандлангеровъ. Всѣ же прочія Аршиллерійскія роты національной гвардіи, не принадлежавшія ни къ какому баталіону, были уничтожены. Потомъ, когда въ послѣдствіи времени, національная гвардія была соединена съ линейными войсками, тогда по предложенному шшапу сошлася вся Аршиллерія, изъ 8 вышеупомянутыхъ полковъ конной Аршиллеріи, 8 полковъ пѣшей Аршиллеріи, въ каждомъ полку по 1888 человекъ, изъ 34 ротъ фейерверкеровъ и бомбандировъ, всѣ вмѣстѣ изъ 1920 человекъ, двухъ баталіоновъ поншонеровъ, (въ каждомъ по 599 человекъ) и наконецъ изъ 12 рабочихъ ротъ, составлявшихъ вмѣстѣ 1044 человека. Шшабъ состоялъ изъ 8 Дивизионныхъ Генераловъ, 12 Бригадныхъ Генераловъ, 29 Полковниковъ, 33 Подполковниковъ и 144 Капитановъ; годовыя издержки содержанія сей полевой Аршиллеріи простирались до 8,463,855 франковъ. И въ другихъ Государствахъ была Аршиллерія умно-

жена. Саксонская была усилена въ 1797 году, 12 фейерверкерами, 12 капралами и 276 канонерами, — чрезъ что вся Аршиллерія состояла изъ 1685 ч. Имперская Аршиллерія состояла въ 1799 году изъ 3 полковъ, въ каждомъ по 18 ротъ, одного Фузелернаго баталіона изъ 6 ротъ, 4 ротъ минеровъ, 3 ротъ саперовъ и 3 ротъ поншонеровъ. Прусская Аршиллерія состояла вначалѣ правленія Фридерика Вильгельма III изъ 9 баталіоновъ пѣшей Аршиллеріи, 1 баталіона конной Аршиллеріи, 3 ротъ поншонеровъ и 4 ротъ минеровъ.

Важнѣйшія заведенія для образованія Аршиллерійшсовъ были въ семь періодъ: *Артиллерійская Академія* въ Берлинѣ, и *Политехническое училище* въ Парижѣ. Заведеніе въ Берлинѣ одолжено существованіемъ своимъ Фридеріку Вильгельму III, а превосходнымъ своимъ успроеніемъ, незабвенному Генералу *Фонъ-Темпельгофу*. Оно состоитъ изъ *трехъ* отдѣленій, изъ коихъ въ первомъ обучающіяся уншерь-офицеры. Они получаютъ здѣсь свѣдѣнія въ письмѣ, Ариемшикѣ, и въ первоначальныхъ основаніяхъ Аршиллеріи; послѣ чего въ *Машемашикѣ*, въ *Межеваніи*, полевой *Форшификаціи* въ черченіи. Второе отдѣленіе вмѣщаетъ въ себѣ молодыхъ людей, предназна-

ченныхъ для офицерскаго званія, которые кромѣ сихъ первоначальныхъ свѣдѣній наславляюся въ Теоретической части Аршиллеріи, въ Фортификаціи, Исторіи и въ Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Въ третьемъ отдѣленіи преподаются офицерамъ военныя науки, во всемъ ихъ пространствѣ. Зима назначена единственно для занятія науками; лѣтомъ же производятся практическія ученія. Содержаніе сего заведенія стоить ежегодно 7500 талеровъ. Еще большій кругъ дѣйствія введенъ былъ въ политехническомъ училищѣ въ Парижѣ, содержащемъ въ себѣ 250 учениковъ (отъ 16 до 20 л. возраста). Спрогимъ испытаніемъ должны были ученики доказать, что имѣюшъ довольно первоначальныхъ свѣдѣній, чтобы слушать лекціи въ Аршиллерійскомъ искусствѣ, Инженерной наукѣ, о строеніи мостовъ, дорогъ, кораблей, въ горной наукѣ и прочихъ Физическихъ и Математическихъ наукахъ. Весь курсъ продолжался два года; ученики, предназначенные для Аршиллеріи, должны были прежде находиться въ приготовительномъ училищѣ въ Шалонѣ на Марнѣ, имѣвшемъ двухъ Канишановъ Аршиллеріи, одного учителя Физики и Химіи, двухъ учителей Математики, двухъ для Фортификаціи, одного для черченія, а знамени-

наго Лапласа экзаменапоромъ. Изъ политехническаго училища вышло много великихъ мужей, между прочими удивительный Наполеонъ Бонапарше.

Константинъ Рейсигъ.

II.

И С Т О Р І Я.

О С А Д А Т У Л О Н А.

Изъ жизни Наполеона.

Сог. Скра Валтера Скотта.

Осада Тулона была первымъ примѣчательнымъ происшествіемъ, подавшимъ Наполеону случай оплечься предъ глазами Французскаго Правительсва и цѣлаго свѣта. Уже мы говорили, что всеобщая недовѣрчивость и страхъ, возбужденные намѣреніями Якобинцевъ, вмѣстѣ съ просками Жирондцевъ, подвигли, по ниспроверженіи сей послѣдней паршіи, многіе Французскіе города къ возмущенію прошивъ Конвента, или лучше сказать, прошивъ Якобинцевъ, когорые сдѣлались въ ономъ полными вла-

спеллинами. Мы сказали также, что Тулонъ, принявъ болѣе рѣшишельныя мѣры, нежели Марсель и Лионъ, объявилъ себя за Короля и Конспишуцію 1789, домогаясь пособія отъ эскадръ Англо-Испанскихъ, крейсировавшихъ у береговъ. Совершилась высадка и на скоро сосшавившійся корпусъ изъ Испанцевъ, Сардинцевъ, Неаполишанцевъ и Англичанъ, вошелъ въ крѣпость.

Тогда-то было роковое время, въ которое требовалось шолько рѣзкихъ мѣръ со стороны союзниковъ, чшобъ имѣшь сильное вліяніе на послѣдствія войны. Тулонъ, арсеналь Франціи, содержаль въ себѣ множество морскихъ пошребностей и флотъ, состоящій изъ семнадцати линейныхъ кораблей, гошовыхъ въ море и шринадцати или чешырнадцати другихъ кораблей, въ починкѣ. И шакъ это пріобрѣшеніе было чрезвычайно важно; и съ досшашочнымъ гарнизономъ, или лучше, съ довольно сильною арміею для прикрышія всѣхъ опасныхъ пунктовъ снаружи города, Англичане могли бы въ немъ удержаться также удобно, какъ въ послѣдствіи въ Кадиксъ и Лиссабонъ. Море, содержа оборонительную линію, необходимую для прикрышія рейды, было бы совершенно во власши осажденныхъ, кошорые могли бы получать изъ Сициліи и Вар-

варійскихъ владѣній, все нужное для нихъ продовольствіе; между тѣмъ, какъ осаждающіе съ трудомъ поддерживали бы свою армию, ибо въ провинціи оказывалась большая скудость въ припасахъ. Но чтобы имѣть такія преимущества, требовалось не нѣсколькихъ баталіоновъ, а цѣлой арміи, съ опытнымъ Генераломъ для ея предводительства. Сіе тѣмъ болѣе было необходимо, что Тулонъ, по своему мѣстоположенію, долженствовалъ бытъ защищаемъ аванпостною войною, въ кошорой наиболѣе пребудешся дѣятельности, смѣливости и осторожности. Съ другой стороны были обстоятельства, благопріятствующія защитѣ города, если бы ею управляли искусно и рѣшительно. Чтобы обложить Тулонъ вдругъ съ правой и съ лѣвой стороны, было бы необходимо имѣть, для блокированія, двѣ отдѣльныя арміи, кошорыя съ трудомъ могли бы сообщаться между собою, по причинѣ раздѣленія ихъ грядою крутыхъ горъ Фаронскихъ. Тѣмъ удобнѣе было для осаждающихъ сосредоточивать силы ихъ и выбирать пункты, на кошорыхъ бы лучше расположить ашаку при вылазкѣ; между тѣмъ, какъ съ другой стороны, два отряда осаждающихъ не могли съ такою удобностію со-

глашашь свои дѣйствія, ни для напора, ни для защиты.

Лордъ Мюльгравъ командовалъ крѣпостью. Не взирая на смѣсь въ составѣ гарнизона и на другія неблагопріятствовавшія обстоятельства, онъ началъ защиту мужественно. Сиръ Георгъ Кейшъ Эльфинстонъ также поразилъ республиканцевъ въ ущелии Оліульскомъ; Англичане держались нѣсколько времени въ сей важной позиціи, но наконецъ были ошшуда прогнаны. Каршо, республиканскій Генераль, двинулся впередъ къ западу отъ Тулона, съ весьма значительною арміею, а между тѣмъ Генераль Лапойпъ блокировалъ городъ съ восточной стороны, часшію Италіанской арміи. Цѣль Французовъ была та, чтобы приблизиться къ Тулону съ обѣихъ сторонъ гряды Фаронскихъ горъ. Но съ восточной стороны городъ былъ прикрываемъ крѣпостцю Мальгъ, а съ западной стороны рейды, укрѣпленіемъ, не столь грознымъ, называемымъ Мальбоскешъ. Для поддержанія Мальбоскеша и для прикрытія входа въ рейду и въ гавань, Англійскіе Инженеры съ большимъ искусствомъ укрѣпили одно возвышеніе, названное высокою Грасскою. Сіе возвышеніе образуетъ двѣ оконечности, съ находящимся между ними залвомъ; обѣ защищены реду-

шами: Эгильешъ и Балагьеръ, состоящими въ сообщеніи съ новымъ укрѣпленіемъ, которому Англичане дали названіе Мюльгравъ.

Произошло много вылазокъ и сшибокъ: почти всегда республиканцы были бишы. Генераль-Лейтенантъ Огара (O'Hara) прибылъ изъ Гибралшара со вспомогательнымъ войскомъ и принялъ главное Начальство.

Нельзя сказать, чтобы оба начальствующие жили въ ладу между собою, однако ихъ распоряженія производились съ такимъ успѣхомъ, что Французы начали унывать ошъ продолжительнаго хода осады. Скудосшь въ припасахъ умножалась съ каждымъ днемъ; неудовольствіе жителей Прованса возрастало, Капюлики вооружились во многихъ округахъ Виваре и нижняго Лангедока; Баррасъ и сочленъ его Фреронъ писали изъ Марсели Конвеншу, что полагають за лучшее снятъ осаду Тулона (*) и дать повелѣніе осаждающей арміи переправиться за Дюрансъ. Но между тѣмъ, какъ сіи слабые умы опчаявались въ успѣхъ, первостепен-

---

(*) Это письмо появилась въ Монитерѣ 10 Августа 1793; но какъ черезъ нѣсколько дней Тулонъ былъ взятъ, то Конвеншь объявилъ, что оно подложное.

ный изъ нихъ геній пригосовлялъ все, что было нужно для завоеванія Тулона.

Бонапаршъ по удаленіи изъ Корсики, былъ кажешся, покровительствуемъ своимъ соотечественникомъ Саличешпи, единствен- нымъ изъ Корсиканскихъ Депушашовъ, ко- торый подалъ голосъ на смерть Короля. Онъ зналъ молодого Аршиллерійскаго Офи- цера, еще во время междоусобной войны на его родинѣ. Доказательствомъ, что Напо- леонъ сообразовалъ свое личное мнѣніе съ духомъ времени, служишь изданная имъ Яко- бинская шешрадка подъ заглавіемъ: *Ужинъ въ Бокертъ*; это политическій разговоръ между Марашомъ и однимъ Федералистомъ, высшавляющій сего послѣдняго смущеннымъ и принужденнымъ къ молчанію сильными до- водами и краснорѣчіемъ *Друга народа* (*). Въ послѣдствіи, Наполеонъ шакъ сшылся сего юношескаго произведенія, что съ боль- шею строгостію велѣлъ ошыскивать и ис- преблять всѣ экземпляры; почему шеперь почти не возможно досшашъ ни одного. Сшранно, что въ дикшованныхъ имъ на Сент-Эленѣ запискахъ упоминаешъ онъ о

(*) Извѣстно, что подъ симъ названіемъ издавал- ся Марашомъ Журналъ. *Пер.*

семь сочиненіи, какъ о шакомъ, въ кошп-ромъ хошълъ, подъ личиною Якобинства, доказашъ Жирондцамъ и Роялистамъ, что они избради во все неудобное время для своего возмущенія и не могушь ожидашь никакого успѣха. Онъ присококупаешъ, что убѣдилъ многихъ чипашедей.

Болѣе очевиднъ былъ тогда воинствен-ный духъ Бонапарша, нежели прочнось его полииическихъ правилъ; хошя однако былъ онъ и не дурнымъ папріошомъ. Въ дѣлан-ныхъ надзирашелями военной школы опмѣшкахъ о каждомъ воспитанникѣ, опзыва-лись о немъ, какъ о юношѣ съ необыкновен-ными дарованіями; и одному собспвенному доспоинству обязанъ онъ былъ повышени-емъ на сшепень башаліоннаго командира и начальспвомъ надъ Аршиллерією, во время осады Тулона.

Когда онъ прибылъ на театръ войны и осмошрѣлъ всѣ посты осаждающей арміи, шо нашель шакія несообразности, что не могъ скрышь своего удивленія. Башшарей, посшавленныя на разрушеніе Англійскаго флоса, были опдалены на при пушечныхъ выспрѣла опъ почки, на которой должно было оказывашься ихъ дѣйствіе; ядра были пригошовлены, но печи для каленія ихъ по-

мѣщены въ окрестныхъ *бастадахъ* (*) и на такомъ обширномъ пространніи, какъ будто бы каленные ядра могли бышь шакъ удобно перевозимы. Не безъ труда выпросилъ Бонапаршъ у Каршо позволеніе выстрѣлять разъ или два на пробу, и когда сей послѣдній увидѣлъ, что ядра не долетаютъ до половины пуши ошъ цѣли; то спашъ вопіашъ прошивъ Аришокрашовъ, испоршившихъ, по словамъ его, доброшу пороха.

Молодой Армилерійскій офицеръ, съ большимъ благоразуміемъ и вмѣсивъ съ жаромъ спашъ дѣлать свои предствавленія Гаспареню, члену Конвента, бывшему свидѣтелемъ опыта, и располковалъ ему о необходимости прінять другую систему, если желаютъ какого-либо успѣха.

Въ собранномъ военномъ Совѣшъ, подъ предсѣдательствомъ Гаспареня, спали читашъ Инструкцію Комиссета общественаго благосостоянія, въ которой сказано было, что надлежитъ начать осаду Тулона обыкновеннымъ образомъ, то есть; обложить главный валъ, или другими словами, самый городъ. Нельзя было безнаказанно оспаривать или перешаковывать приказа-

---

(*) Небольшіе сельскіе домики въ окрестностяхъ Тулона.

нія Комишета общественаго благосостоянія шѣмъ, кому надлежало ихъ исполняти; но Бонапарть отважился подати голосъ, что въ семь важномъ случаѣ необходимости потребуешь ошъ нихъ опешупитъ. Изобрѣшашельному его генію открылся новый планъ не споль прямой, но болѣе надежный къ овладѣнію крѣпостью. Мнѣніе его было таково, чтобъ оставя обложеніе города, осаждающіе обрашили все свое вниманіе на завладѣніе мыса, называемаго высокою Грасскою, для изгнанія осажденныхъ изъ опаснаго укрѣпленія Мюльгравь и изъ двухъ редутовъ, Эгильеша и Балагьера, гдѣ Англичане устроили оборонительную линію, необходимую для прикрытія флота и гавани. Онъ совѣшовалъ также обратишь ашаку наиболѣе на укрѣпленіе Мальбоскешъ, по шому же направленію. Онъ ушверждалъ, что если удасться осаждающимъ завладѣшь сими укрѣпленіями; шо они будутъ вполнѣ господствовать и надъ большою и малою рейдами, и стоящій въ нихъ Англинскій флотъ принужденъ будетъ оподвинуться въ море. Они могли бы такимъ же образомъ господствовать и надъ заливомъ, и заграждать входъ вспомогательнымъ силамъ или ввозу продовольствія въ городъ. Когда же гарнизонъ увидишь себя въ опасности лишиться вспо-

моженій ошъ флота, сдвинушаго съ его становья, по естественню, что Англійскія войска предпочтутъ лучше выбраться изъ Тулона, нежели въ крѣпости, блокируемой со всѣхъ сторонъ, оставаясь дошоль, пока голодь не принудитъ ихъ сдатьсья.

Не безъ затрудненій согласились утвердишь сей планъ, и дали юному офицеру полную власть привести его въ исполненіе. Тогда собралъ онъ вокругъ себя много отличныхъ Артиллерійскихъ офицеровъ и хорошихъ Артиллерійствова, подвинулъ ближе къ Тулону болѣе двухъ сотъ, хорошо управляемыхъ пушекъ, и размѣстивъ ихъ такъ удобно, что онъ причинили большой вредъ Англійскимъ кораблямъ на рейдѣ, даже прежде, нежели установлены были баштареи, которыми надѣялся онъ сгромаишь укрѣпленія Мюльгравъ и Мальбоскешъ, сославлявшія главнѣйшую охрану для флота.

Въ сіе время Генералъ Доппе, преждебывшій врачъ, смѣнилъ Каршо, котораго неспособность не могла бышь долго скрывается, не смотря на хвасовство его; и, вещь удивительная, не много не доставало, чшобъ Эксдокторъ не взялъ Тулонъ, когда онъ всего менѣе о томъ думалъ. Безпутная ашака, сдѣланная нѣсколькими удалцами, прошивъ корпуса Испанскихъ войскъ, зани-

жавшаго гарнизонъ въ укрѣпленіи Мюль-
гравъ, едва не оказала полнаго успѣха. Бо-
напаршъ двинулся на мѣстѣ сшибки съ Генера-
ломъ своимъ, не охотно за нимъ посѣдо-
вавшимъ, и приказалъ придвинуть войска
для поддержанія атаки; но вдругъ одинъ
Адьютантъ палъ убитый подъ Доппе.
Врачь-Генераль, считая се произшествіе дур-
нымъ предзнаменованіемъ, сказалъ, что это
дѣло ошчаянное и, къ великому негодованію
Бонапарта, приказалъ ошступитъ. По смѣнѣ
Доппе, также за неспособностію, мѣсто
его занялъ Дютомье, старый воинъ, покры-
тый ранами, служившій пятьдесятъ лѣтъ
и столь же храбрый, какъ его шпага.

Съ сей минушы начальникъ Артиллеріи,
впозднѣ сошвъшспивуемый своимъ Генераломъ,
не сомнѣвался болѣе въ успѣхѣ; однако, для
увѣренности въ шомъ, онъ усугубилъ свою
дѣятельность и заботливость, и подвер-
галъ себя всѣмъ опасностямъ.

Одна изъ нихъ была спраннаго рода: въ
то время, когда Наполеонъ осматривалъ
свою башарю, въ глазахъ его убило Ар-
тиллерійста на вѣренной ему пушкѣ; Бо-
напаршъ беретъ приборникъ изъ рукъ мерш-
ваго пушкаря и, для ободренія другихъ, за-
ряжаетъ нѣсколько разъ пушку собствен-
ными руками. Силь приборникомъ сообщитъ

дася ему заразная и кожная болѣзнь, копорую худо лечили, и которая, какъ говоришь, *вышла* изъ крови его, и предъ очень много его здоровью до самой Миланской компаніи, когда онъ былъ совершенно вылеченъ Докторомъ Коразаромъ. Уже послѣ сего по выздоровленіи началось его расположеніе къ доросству, и сію замѣчательное въ послѣднее время жизни его.

Въ другомъ случаѣ между нѣмъ, какъ Наполеонъ надзиралъ за устройствомъ башарен, копорую неприятели усиливались разрушить огнемъ своимъ, онъ спросилъ, нѣтъ ли гранознаго человѣка, копорому бы можно было продиктовать приказъ. Молодой солдатъ выходилъ изъ рядовъ и спандвишемъ гонимоснѣ идешъ; положивъ бумагу на край бруствера. Когда они дописали, пушечное ядро, брашенное изъ неприятельской башарен, покрыло землей написанное. „Спасибо, сказалъ солдатъ писмоводитель, эдакъ не нужно песку.“ Веселоснѣ и мушеснѣ вшой выходки обратилъ вниманіе начальника на молодого человѣка, который сдѣлался послѣ знаменитымъ Генераломъ Жюно, бывшимъ подпомъ Герцога Абраншескимъ. Во время сей же осады открылъ онъ и дарованія Дюрока, который былъ послѣ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его привержен-

цевъ. Въ семь случаевъ, какъ и въ многихъ другихъ, Бонапарть оказалъ глубокое знаніе людей, цюю прозорливостію, съ какою умѣлъ онъ находить и приазываемо себя щѣть, чьи дарованія заслуживали оданій, и кто на бордѣ быль преобелею соопившею вѣщаніе его подызамъ.

На смотря на вліаніе, пріобрѣтенное Начальникомъ Арміи леріи, его распоряженіямъ, часно иъшаимъ членамъ Конвента, при- сылаемые съ порученіями, къ осадяючимъ. Таковы были: Фреронъ, Рижоръ, Саллчешши и Робеспьеръ, младшій. Сидъ, предъавидеми народа, хорошо понималъ, иже дѣхъ званію даящъ имъ верховную власть надъ Генера- лами и армією, но, ни мадо, не думали, захо- дить въ изсѣдованіе, даны имъ иже, ирро- дою иже, воспитаніемъ, средсхва, умошреб- лящъ властѣ оію съ подызою для обществен- наго и собсшвеннаго иже блага. Посему, що- они хуали Бонапартьовъ планъ, ашаки, не будучи, въ соодвоніи, ионимали, какимъ об- разомъ дѣйшвіа, уцентриаенія на укрѣпле- нія опѣальныя и въ, ашоронѣ, опъ Тулона, могли бышь предварительнымъ средсшвомъ къ завладѣнію самаго города. Однако, Напо- леонъ оказалъ себя, весьма, шерцѣльнымъ, а съ помощію хорошаго мнѣніа о немъ Саллчешши и въсколько дружеской, свлзѣ, съ

владѣннѣ Робеспьеромъ; достигъ до того, что всѣ работы предославлено было успровалять по собственному его плану.

Високомаріе сихъ сановниковъ было причиною, что оны ускорилъ ашаку. Его намареніе состояло въ томъ, чтобы довершишь работы, предпринимаемыя противъ укрѣвленія Мюльграва, а потомъ уже открытъ, въ величайшей тайнѣ успроенную, весьма сильную батарею противъ Мальбоскеша, дабы неожиданнымъ напоромъ изумитъ непріятеля. Сіи скрытныя работы, зашѣненныя вѣтвями масличныхъ деревьевъ, были уже совершенно кончены, непримѣченныя Англичанами, которыхъ Бонапаршъ хотѣлъ атаковать вдругъ на всѣхъ пунктахъ оборонительной линіи; но Фреронъ и Робеспьеръ, осматривая посты, нечаянно попали на сію батарею, и не могли сообразить, для чего осматриваясь въ бездѣйствіи четыре мортиры и восемь 24 фунтовыхъ пушекъ, приказали начать немедленно огонь противъ укрѣвленія Мальбоскешъ.

Генераль Огара, испуганный успроеніемъ сподъ неожиданнаго и жестокаго огня на важнѣйшій свой постъ, рѣшился употребить всѣ средства, чтобы овладѣть Французскою батареею. Три тысячи чловкъ употреблены были на вылазку и самъ

Генералъ рѣшился предводительствоватьъ ими, не смотря на то, что се считался противнымъ обязанности крѣпостнаго начальника. Намысль его сперва удался, но между штыкъ, какъ Англичане гнали довольно далеко неприятеля, ввѣряясь тому, что казалось вѣрною побѣдою; Бонапарть воспользовался траншеею, устроенною поперекъ долины, чтобы приведа подкрѣпленіе, соединить значительный отрядъ войска и ударить нечаянно на фланги и въ тылъ разсѣявшимся Англичанамъ. Дѣло было весьма жаркое, и Наполеонъ получилъ рану штыкомъ въ ногу, но не смотря на значительность оной, не оставилъ сраженія. Англичане были приведены въ большое смятеніе и ударились въ бѣгство, оставя своего раненаго Генерала въ рукахъ неприятеля. Замѣчательно, что Наполеонъ во все время продолжительныхъ войнъ своихъ, только два раза сражался лично съ Англичанами, именно: въ сей первой битвѣ и въ долину Ватерлооской, въ послѣдній роковой день. Осада Сен-Жан-д'Акра не можетъ служить исключеніемъ относительно личнаго сраженія.

Защитники Тулона уже начали унывать, но ихъ уныніе возрасло еще болѣе отъ потери Главнначальствующаго, а жи-

востъ послѣдовавшей за шість атаки, казилось совершенно уронивъ духъ гарнизона. Пять башарей открылись предъ укрѣпленіемъ Мюльгравъ, на взятіи котораго Бонапарть основывалъ овладѣніе городомъ. Послѣ огня, продолжавшагося цѣлыя сутки, Дюгомье и Наполеонъ рѣшились оповѣщаться на всеобщую атаку, къ которой предсавители народа оказывали мало охоты. Передовая колонна двинулась на приступъ передъ разсвѣтомъ, во время сильнаго ливня; сперва осажденные, упорною защитою, открыли ее. Дюгомье, видя войска въ безпорядкѣ и зная послѣдствія худаго успѣха для Республиканскаго Генерала, закричалъ: „я погибъ!“ но употребя снова, всѣ усилія, имѣлъ онъ наконецъ успѣхъ; Испанскіе канонеры оставили одинъ пунктъ, и укрѣпленіе досталось во власть Французовъ, кошыры не дали пощады его защитникамъ.

Черезъ три часа по взятіи укрѣпленія, явились въ шраншеъ, по словамъ Бонапарта, предсавители народа и, съ оружіемъ въ рукъ, спали поздравлянь войска съ побѣдою и благодарить за ихъ усердіе, требуя въ то же время еще разъ увѣренія отъ Начальника Артиллеріи, что хотя еще далеко до Тулона, но съ сей минушы надлежитъ считашъ взятымъ и городъ. Въ донецъ

сани Конвенту; Денуанши съдѣлаъ самый
высокочинный расказъ о собственнѣхъ сво-
ихъ подвигахъ. Они выставили Рикора, Са-
личешти и младшаго Робенвера управляв-
шими; атакую съ оружіемъ въ рукахъ, и по-
казавшими войскамъ путь къ побѣдѣ (это
собственныя ихъ выраженія). О Бонапарть-
жѣ, кѣмъ для многихъ обвизаны были все по-
бѣдою, вовсе забыли упомянуть.

Проницательность Наполеона не обма-
нулась въ заключеніяхъ. Офицеры Союзныхъ
войскъ, послѣ усмирѣннаго наскоро воен-
наго совѣша, рѣшились выбраться изъ Ту-
лона; ибо забвѣнный Французами постъ,
принудилъ бы Англійскіе корабли оставитьъ
ихъ станове, и дѣлалъ бы ихъ возможно-
сти къ ошеступленію, если бы они пропу-
стили время. Лордъ Гудъ одинъ сдѣлалъ бо-
лье смѣлое предложеніе, именно: чѣмъ но-
вымъ покушеніемъ ошбить укрѣпленіе Мюль-
графъ съ всѣми высшми, надъ нимъ господ-
ствующими; но сіе отважное предпріятіе
было опвергнуто и положили выбраться
изъ крѣпости. Самое бѣгство сіе, при шомъ
паническомъ страхѣ; какой овладѣлъ чуже-
земными войсками и наиболее Неаполитан-
цами, было бы еще ужаснѣе безъ швердоси
Англійскихъ машрозовъ.

Но при всём замешательствѣ сего опустошенія, не было забыто иностранцами о безопасности несчастныхъ жителей Тулона, опдавшихъ подъ ихъ покровительствѣ. Многочисленные купеческіе корабли и другіе суда доставили средство къ вывозу тѣхъ, которые, боясь злости республиканцевъ, желали удалиться изъ Тулона. Таковъ былъ ужасъ, внушаемый жестокою побѣдителей, что четырнадцать тысячъ человекъ воспользовались симъ приближеніемъ. Между тѣмъ было еще о чемъ подумать.

Рѣшились разрушить арсеналъ, морскіе магазины и всѣ Французскіе корабли, неспособныя къ отплытію; для чего и подожгли огонь. Эта обязанность поручена была дознанной предприимчивости. Сира Сиднея Смита, который распорядился съ благоразуміемъ, считающимся по всѣмъ соображеніямъ, чудеснымъ. Пособіе Испанцевъ было предложено и принято, они взяли на себя заготовить два корабля, служившіе пороховыми магазинами, и разрушить нѣкоторые изъ негодившихся къ употребленію. Пожаръ, распространяясь болѣе и болѣе крутящимся багровымъ пламенемъ, подобился обширному вулкану, посреди котораго долго видѣлись мачты и реи пылающихъ ко-

раблей, и кошорый мрачными блескомъ освѣщала войска республиканскія, усиливающіяся съ разныхъ пункшовъ проникнуть въ крѣпость. Тулонскіе Якобинцы начали хвѣшашъ бѣгущихъ роялишовъ; раздались возмушительными богохульства и завыванія месми; звуки республиканскихъ пѣсень смѣшались съ жалобными криками и мольбами запоздамыхъ бѣглецовъ, неуспѣвшихъ воспользоваться средствами къ отплытію. Пушки Мальбоскеша были обращены противъ городской стѣны и еще болѣе увеличили смѣшеніе. Но вдругъ раздавшійся, подобно грохоту землетрясенія, прескъ опъ взрыва многихъ сошенъ пороховыхъ бочекъ, заглушилъ весь прежній шумъ. Пылающія головни пысячами взвились на воздухъ и угрожали разрушеніемъ всему, на что устремлялось ихъ паденіе. Второй взрывъ, еще одинъ магазинъ поднявшій на воздухъ, произвелъ тѣ же ужасныя дѣйствія.

Сии пагубные взрывы, дополнившіе ужасъ явленія, споль возмушительнаго въ самомъ себѣ, произведены были Испанцами, кошорые, вмѣсто затопленія кораблей съ порохомъ, какъ то было предположено, бросили въ нихъ огонь. По недостатку ли охоты, или по безопасности и прусости, имъ не удалось испребишь и тѣхъ обезмачшейныхъ

кораблей, коихъ разрушеніе было жь въ-
рено, и коихорые съ малымъ поспѣхомъ пере-
дженіемъ достигались въ руки Французовъ
Британскій флотъ, съ охраняемою имъ, жбца
шаю въ жучу флотиліею бвилецовъ, осшиа
видъ Тулонъ безъ потери, не смотря на
огонь, худо направляемый, жсь бапарей, ко-
шорыми завладѣли Французы.

Въ сію-шо страшную нонь, посреди ог-
ня, слезъ и крови, появилась на небоскланѣ
звѣзда Наполеонова; и хопя долго еще, на
многихъ поляхъ убійства блиопала она до
своего пошущенія, но сомнишельно, что бы
когда-либо лучи ея смѣшивались съ лучами,
зрѣлища, болѣе ужаснаго.

Взятіе Тулона разрушило возникавшую
на югъ Франціи, надежду на возможность
сопротивляться Якобинцамъ. Англичане
подверглись сильному подозрѣнію; ихъ ошца-
ли упрекашь въ намѣреніи воспользовашься
только возмущеніемъ несчастныхъ жителей
Тулона, для испребленія морской силы Фран-
ціи, безъ малѣйшаго желанія пошашъ суще-
ственную помощь роялистамъ. Такое мнѣ-
ніе было несправедливо; однако нельзя ош-
вергать, что были значительные доводы
въ пользу обвиненія. Дабы съ успѣхомъ
вспомоществовать городу, лежащему на ша-
кой мѣстности, какъ Тулонъ, въ случаѣ

дѣйствительнаго намѣренія сіе выполнить, шребовалось усилій, досшойныхъ народа, оцъ кошораго, дроели и дурман, вспоможеніе; но такиѣ усилія не было совершено, дѣйствительно же оказанныя пособія не были направлены дарованіемъ и вовсе уничтожились разгласіемъ начальниковъ. Войска сражались храбро; но предводителей, исключая морскихъ офицеровъ, обнаружили мало воинскихъ способностей, а еще менѣ видовъ вполне сорбраженной защиты. Одинъ изъ нашихъ соопенественниковъ, котораго въ сіе время случай завлекъ въ Тулонъ изъ частной жизни, ошличился водошеромъ въ сихъ обстоятельствахъ (*), а послѣ занявъ доспославное поприще въ Англійской арміи. Если бь оны, или кшо другой, ему подобный, командовалъ гарнизономъ; шо снѣны Тулона сдѣлались бы, мождѣ бышь, свидѣтелями такога же сраженія, какъ при Боросѣ, и вврояшно осада имѣла бы другія послѣдствія.

• (*) Грагамъ де Бельгуенъ (Graham de Belgowan), нынѣ Лордъ Липедокъ; оны следовалъ за войскомъ въ одной вылазкѣ. Когда сѣта разгорѣлась, оны схватилъ ружье и ядунку солдата, шолько что убишаго, и подаль шоль хорошій примѣръ для другихъ, что много способствовалъ успѣху дѣла.

Сподь великое число Тулонскихъ жителей, замѣшанныхъ въ недавнемъ возмущеніи, воспользовалось доставленными оныъ Англичанъ средствами бѣгства, что мессия республиканская не могла поразить шакъ много жертвъ, какъ обыкновенно. Однако большое число ихъ было разспрѣяно, и утверждають, что Бонапарть командовалъ Армиаерією, спрѣявшею по нихъ картечью, какъ въ Лионѣ. Прибавляють даже, что оныъ писалъ къ Фрерону и младшему Робеспьеру, поздравляя ихъ и себя съ казнью сихъ аристократовъ, и подписался: Брушь Бонапарть, Санкюлошь. Если бъ оныъ дѣйствительно предводительствовалъ при сей казни, ему бы оспалось только слабое извиненіе, что должно было исполнять это или погибнуть самому; но если дѣло сіе и письмо не суть только невѣрныя предположенія, то пропекло довольно времени послѣ его паденія: можно бы успѣшь доказать истину и вѣрно довольно бы нашлось писателей, расположенныхъ къ огласкѣ доказательствамъ. Но самъ оныъ подошительно опровергалъ сіе обвиненіе, увѣряя, что казнь приводилась въ дѣйство опрядомъ войскъ, называемыхъ революціонною армією, а не спроевымъ, что и кажется намъ очень дооспаврнытъ. Бонапарть утверждалъ сверхъ

того, что не только не спарался онъ возбуждать messi Якобинцевъ и не былъ ихъ агеншомъ, но еще навлекъ на себя неблаго-расположеніе шѣхъ, у кого наморщишь брови значило приговорить къ смерти, ходатайствомъ своимъ за несчастное семейство Шабрильянъ, эмигрантское и аристократское, которое было выброшено бурей на берега Франціи, вскорѣ послѣ осады Тулона, и могло попасть на гильошину; но спасено имъ и получило средства укрыться моремъ.

III.

К Р И Т И К А

Взглядъ на Математическіе Курсы, употребительнѣйшіе въ Россійскихъ училищахъ.

(*Окончаніе.*)

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Харьковскій Профессоръ Г. Осиповскій, издалъ курсъ чистой Математики въ 2 частяхъ. Сіе сочиненіе, по своей полнотѣ и связи, заслуживаетъ гораздо большее уваженіе, нежели курсы предъ симъ разсмотрѣнные. Не смотря однако же на сіе, почтенный Ав-

щоръ не избѣгнулъ и нѣкошорыхъ недоспашковъ, на прим. дѣлишели чиселъ и общій, наибольшій дѣлишелъ оспашюся безъ доказапшельствъ. Въ издоженіи простыхъ и десятичныхъ дробей, не взирая на ясность пера сочинителя, вкралась нѣкошорья изъ тѣхъ удущеній, кошорья находящяся и у Г. Фусса. Касательно Алгебры, должно сказашь, что самое начало *о простыхъ количествахъ*, хотя обработано съ гораздо большею тщательностью, нежели у послѣдняго, но не удовлетворительно; пошому что Авшоръ изьяенешь положишельныя и отрицательныя количества, не шакъ, какъ Алгебраическія выраженія, показывающія шокмо, ошъ какихъ дѣйствій оныя происходятъ, но какъ величины опвлеченныя, что неправильно, и крайне запруднительно для понятія учащагося; ошъ недоспашочнаго издоженія сей спашь, дѣйствіе съ сложными количествами дѣлаешь весьма темнымъ. Степени и корни простыхъ и сложныхъ количествъ, предспашлены весьма пространно, ясно и просто, шолько доказательства въ нѣкошорыхъ мѣспяхъ слабы и не могутъ служить общими. Свойства Логарифмовъ издожены также весьма хорошо. Уравненія 1 и 2 степени, хотя издожены и понятно, но если бь Авшоръ выразился короче, тогда учащійся

могъ бы скорѣе объять вѣдѣ еію проснужо
 спашью. Въ уравненіи 2 степени, напрасно
 Авторъ не сказалъ ни слова о свойствахъ
 корней. Не стану разсматривать уравне-
 нія высшихъ степеней, и Логарифмическіе
 ряды; ибо они не принадлежатъ къ началь-
 ной Алгебрѣ, но должны составлять пред-
 метъ высшей, о которой вообще будетъ
 сказано ниже. Геометрія довольно хороша,
 Тригонометрію же можно предсавить про-
 ще и легче. Коническія сѣченія изложены
 Авторомъ на основаніяхъ опросаго смн-
 щеза, что во видимому оны сдѣлали въ вод-
 ражаніе древнимъ Писателямъ. Но такое
 разсматриваніе криволинейной Геометріи,
 могло бытъ только употребляемо до появ-
 ленія Декарта, который своимъ анализомъ,
 доставилъ способъ отъ древнихъ, но об-
 щихъ началъ, переходить ко всемъ частно-
 стямъ, побѣждая всѣ трудности, приво-
 дить все къ единству, словомъ, даде ключъ
 ко всемъ новѣйшимъ открытіямъ, по нау-
 камъ Физико-Математическимъ. Наши Гг.
 Математики оказали бы большую услугу
 юноществу, если бы выкинувъ объ Триго-
 нометріи и Коническія сѣченія изъ сего
 курса, занялись исправленіемъ прочихъ его
 частей, а именно: дополнили бы 1 спашью,
 а во 2 спашью, ц. е. о дробяхъ, сдѣлали бы

во многихъ мѣстахъ перемежны въ разсужденіи свойствъ и умноженія оныхъ, равно какъ и изъяснили бы періодическія дроби; сверхъ того десятичныя, удобнѣе помѣстить предъ именованными и сосставными количествами. Непрерывныя дроби для первоначальнаго курса совсѣмъ не нужны. Для руководства въ сихъ перемежныхъ, можно съ великою пользою употреблять сочиненія Рейно, Бурдона и другихъ. Въ Алгебрѣ надлежишь перемежныи всю спашью о простыхъ и сложныхъ количествахъ, ж откинуть принадлежащее къ высшей. Прочія ж части сдѣлашь нѣсколько скрапѣе, ибо иногда Авшоръ, желая бытъ болѣе яснымъ, вовлекался въ многословіе и запутывалъ шѣмъ мысль.

Не смотря на все сіе, должно сказать въ похвалу курса Г. Осиповскаго, что для пріуготовительныхъ классовъ, мы не имѣемъ ни одного сочиненія лучшаго на Русскомъ языкѣ. Онъ написалъ его самымъ яснымъ языкомъ, и преподаватель по сему курсу не имѣеть нужды прибавлять ни одного лишняго слова, для объясненія мыслей Авшора.

Вотъ мое мнѣніе о семъ сочиненіи. Я не осмѣливаюсь высказывать сей Курсъ за такой, кошорый бы можно было употреб-

лять во всѣхъ заведеніяхъ; онъ полезенъ для пріобрѣтенія первыхъ познаній, и сверхъ того, пройдя съ учащимся Ариѳметику, Алгебру и первыя двѣ части Геометріи (*), по исправленному сему курсу, не надлежитъ браться за прочія части Математики; но должно засшавить учащагося слушать Математику съ самыхъ первыхъ ея началъ, представляя оную, какъ науку Философскую, гдѣ онъ сморѣлъ бы на знакомыя ему истины уже съ другой точки зрѣнія, какъ на звенья великой цѣпи, и гдѣ постигнулъ бы сущность и духъ сей науки. Разсмотримъ же теперь шворенія, способствующія къ до-

(*) Осмысливаюсь при семъ замѣтитъ о весьма важномъ упущеніи, существующемъ во многихъ нашихъ школахъ, именно, что на сіи начальныя части, въ особенности же на Ариѳметику и Алгебру, не обращаютъ надлежащаго вниманія. Весьма часто случается, что сіи части преподаются молодымъ людямъ, когда способности ихъ еще не раскрышы. Довольствуясь умѣньемъ ихъ механически дѣйствовать съ цѣлыми и съ дробями, а пошомъ разрѣшашъ кое-какъ уравненія, и пріискивашъ логарифмы, молодыхъ людей сихъ переводятъ въ высшіе классы; тамъ они, продолжая слушать прочія части Математики, оставляютъ навсегда первыя. Послѣ сего, можемъ ли удивляться, что прилежнѣйшіе въ нашихъ школахъ, прилагая все свое стараніе для уразумѣнія высшихъ частей, никогда сего надлежащимъ образомъ не достигаютъ?

спиженію шаковыхъ познаній, и присту-
пимъ къ разбору Курса Машемашики Г.
Лакроа.

Едва ли какое сочиненіе по Машемаши-
кѣ приобрѣло болѣе славы и болѣе послѣдо-
вателей, какъ Курсъ Машемашики сего зна-
менистаго Автора. Время появленія сего
курса, можно почестъ эпохою въ Испоріи
Машемашики, ибо онъ первый представилъ
сію науку вполне, со всѣми главнѣйшими
открытіями и съ усовершенствованіями
знаменитѣйшихъ Геометровъ XVIII столѣ-
тія. Разсмотримъ же безпристрастно и съ
большимъ вниманіемъ сіе швореніе, дабы
увѣрился, дѣйствительно ли оно имѣетъ
шѣ совершенства, которыя ему приписы-
вають, и можно ли приниматъ его за клас-
сическое въ полномъ смыслѣ сего слова,
т. е. за шаковое, гдѣ бы всѣ истины Маше-
машики, были изложены въ самомъ есте-
ственномъ систематическомъ порядкѣ, гдѣ
бы предложенія были доказаны съ возмож-
нѣйшею строгостію, гдѣ бы всѣ частности
были выведены изъ предложеній общихъ,
гдѣ бы всѣ приложенія общихъ правилъ къ
частнымъ случаямъ, были изъяснены со
всѣми измѣненіями и опущеніями, и на-
конецъ, гдѣ бы полноша была безъ ушоми-
тельныхъ подробностей.

Дѣлая общій взглядъ на курсъ Лакроа , легко замѣчаемъ, что всѣ части, его составляющія представлены въ видѣ отдѣльныхъ наукъ, а не какъ части одного цѣлаго (*); ибо между оными не находимъ надлежащей

(*) Много находишься отдѣльныхъ Математическихкихъ сочиненій, какъ напримъ : Ариѳметика и Алгебра соч. Бурдопа, Геометрія Гурьева, Геометрія и Тригонометрія Лежандра, Аналитическая Геометрія Біюша, и проч., о превосходствѣ которыхъ нѣтъ надобности говорить; но при всей изящности сихъ твореній, можно ли соединивъ ихъ, и назвавъ Курсомъ Чистой Математики, сказать, чтобы онъ былъ курсъ классическій? Сія сочиненія до тѣхъ поръ хороши, пока разсматриваются отдѣльно, но въ совокупности — не удовлетворительны. — Что же можемъ сказать о тѣхъ отдѣльныхъ Математическихкихъ сочиненіяхъ, которыя, не имѣя достоянствъ вышеупомянутыхъ, не представляютъ науки въ какомъ-либо новомъ видѣ, ни сообщаютъ новыхъ методовъ, облегчающихъ приложенія въ дѣйствіяхъ практическихъ, не имѣютъ ни системы, ни надлежащей связи, и которыя посему можемъ назвать произведеніями ученическими? Къ шабковому разряду книжекъ принадлежатъ между прочимъ Ариѳметика Вельдмана, Геометрія Аничкова, начальныя основанія теоретической и практической Геометріи Мих. Розина, прямолинейная и сферическая Тригонометрія *сочиненія* Навроцкаго. — Кромѣ набора изъ различныхъ сочиненій, наполненнаго безшолковыми опредѣленіями при множествѣ типографическихкихъ ошибокъ, — едва ли найдемъ что нибудь дѣльное въ сихъ компиляціяхъ.

связи. Даже въ самомъ подраздѣленіи Машемашики, было бы соблюдепо болѣе правильности, если бы Лакроа, не слѣдуя Гарнье, представилъ Алгебру во всей совокупности, какъ наприм. у Бурдона, или бы присоединилъ теорію высшихъ уравненій къ предметамъ, заключающимся въ его дополненіи къ Алгебрѣ. Но какъ изложеніе Алгебры во всей совокупности, не удобно для Курса Машемашики, ибо во многихъ мѣстахъ, какъ по: въ двучленныхъ и прехчленныхъ уравненіяхъ входяшь формулы тригонометрическія, и даже многія истины оной могутъ съ пользою бышь поясняемы началами Декаршова Анализа; по и удобіе раздѣлишь ее на начальную и высшую; „въ первой“ (какъ говоришь одинъ нашъ опеченный) „излагашь анализъ, пошребный для общности выводовъ Арифметическихъ и Геометрическихъ, а во второй, непосредственно ведущей къ Дифференціальному и Интегральному исчисленіямъ, имѣшь предметомъ, по словамъ Лагранжа, рѣшеніе слѣдующаго вопроса: во всякомъ уравненіи находишь точную или приближенную величину корней онаго.“ Такое раздѣленіе мы находимъ въ курсѣ Франкера, о коемъ будешь сказано ниже. — Далѣе, можно мимоходомъ замѣнить въ кур-

съ Лакроа опущеніе, что Тригонометрія предсхавлена въ видѣ опдѣльной науки: кажешся самый предметъ оной показываешъ, что она сосхавляешъ одинъ шокмо опдѣль приложенія Алгебры къ Геометрії, а система тригонометрическихъ линий, систему координатъ.

Что же касается до подробностей сего Курса, должно сказать во-первыхъ, въ сужденіи Ариеметики: что Авшоръ, изложивъ четыре дѣйствія съ цѣлыми числами, напрасно присупаешъ немедленно къ дробямъ. Опъ сего произошло, что онъ принужденъ былъ помѣспинъ въ сихъ послѣднихъ общій наибольшій дѣлитель, и говоря о сокращеніи дробей по признакамъ, разсхавривашъ, какія числа дѣляшся на-цѣло на 2, на 3 и ш. д.; а сіе опдалило его опъ предмета и нарушило связь. Сверхъ шого опхскиваніе общаго наибольшаго дѣлителя, изложено не совсѣмъ ясно. Предъ симъ въ чл. 57 доказавъ, что величина дроби не измѣняешся, если оба члена оной дѣляшся на какое нибудь число, онъ выводилъ опсюда (чл. 58) возможность сокращашъ дроби, и пошомъ изъ сего слѣдствіе (чл. 59), что если оба члена дроби не имѣюшъ общаго производителя, шогда не возможно оной выразитъ меньшими числами. Но сіе по-

сладнее неправильно; ибо несокращаемость дробей должна бытъ доказана независимо ошь изложеннаго въ чл. 57 и 58. — Въ дробяхъ, онь часто упоминаеть о разложеніи чисель на первоначальныя производимели, но самый способъ разложенія, онь уже помъшилъ въ концъ книги. Въ семь послѣднемъ, Авшоръ, показывая, какимъ образомъ находящяся оныя, береть для примъра 360, и выводиль, что сіе число равно $2^3 \times 3^2 \times 5$; но учащійся, не можеть ли на сіе возразить: почему же одинъ шолько рядъ первоначальныхъ производимелей, можеть составить данное число? — возраженіе, заслуживающее вниманія, и ведущее къ весьма важнымъ свѣдствіямъ. Говоря о приведеніи дробей къ одному знаменателю, онь слишкомъ коротко и неудовлетворительненьо излагаетъ способъ опыскиванія наименьшаго числа, которое раздѣлилось бы на данныя числа; ибо предлагаетъ такой способъ, который невозможно употребиль съ удобностію при большемъ числѣ и при болѣ сложныхъ дробяхъ, шогда, какъ приведеніе дробей къ одному знаменателю по сему способу, употребляеться, какъ самое легчайшее. Въ членѣ 97, Лакроа говоритъ: „что простая дробь, коей знаменатель состоитъ изъ производимелей 2-хъ или 5-ти, можеть бытъ

превращена въ почную десятичную, по той причинѣ, что произведеніе можешь раздѣлиться на какое нибудь число на-цѣло въ томъ случаѣ, если одинъ изъ производителей, есть число кратное дѣлителю, — предложеніе доказываемое въ Алгебрѣ.“ Но должно ли допускать въ началахъ тѣ предложенія, которыя разсмащриваются въ частяхъ послѣдующихъ? Алгебра должна основываться на Ариѳметикѣ, а не Ариѳметика на Алгебрѣ, если послѣдняя принята въ томъ смыслѣ, какъ принимаешь оную Лакроа, т. е. какъ часть послѣдующую первой. Вся статья о періодическихъ дробяхъ не совсѣмъ полна, ибо не упомянуто, отъ какихъ простыхъ дробей происходятъ періодическія, конхъ періодъ начинается отъ самой запятой, или опсупя отъ оной на нѣсколько знаковъ. Въ пропорціяхъ не изложены надлежащимъ образомъ свойства оныхъ, а представлены Авторомъ такъ, что бы только могли онѣ служить средствомъ для рѣшенія правилъ тройнаго, тройнаго сложнаго, поварищества и проч., сіе также кажется неправильно; ибо пропорціи геометрическія, не иное что суть, какъ равенство двухъ отношеній, слѣд. двухъ равныхъ дробей. Почему же не основать бы ихъ вполне на свойствахъ послѣднихъ, тѣмъ бо-

дѣ, что чрезъ се учащійся ни сколько не зашрудился, а болѣе доспавишся ему средство разсмапривашь сію спашью, не шакъ какъ отдѣльную, но какъ шолько слѣдствие извѣстныхъ уже ему истинъ; для достиженія же сего надлежало бы при изложеніи просныхъ дробей, упомянушь о весьма важномъ предложеніи, въ разсужденіи свойства суммы или разности числителей и знаменателей двухъ равныхъ дробей. — Присупимъ шеперь къ Алгебрѣ, и посмошримъ, не совершеннѣ ли она Ариѣметики.

Лакроа, для изьясненія цѣли Алгебры, разсмаприваешь соспавленіе уравненій 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ, — начало самое правильное для Алгебры, ибо учащійся дюшчасъ постигнешь цѣль и различіе оной опъ Ариѣметики. Но для разрѣшенія уравненій, кажешся, Авшору надлежало бы напередъ показашь необходимость умвшь дѣйствовашь съ просными и сложными количесвами, а не наподняшь нѣсколькихъ страницъ, рѣшеніемъ первой степени уравненій и многими примѣрами, кошорыя дѣлаюшся весьма темными для учащагося, незнающаго дѣйствій алгебраическихъ. За симъ слѣдуешь дѣйствие съ просными и сложными количесвами. Сія спашья обдѣлана Авшоромъ весьма удачно, кромѣ вычи-

шанія просшихъ количествъ , гдѣ онъ ни слова не упомянулъ о происхожденіи отрицательныхъ величинъ, тогда какъ происхожденіе оныхъ кажется всего правильнѣе и удобнѣе помѣстивъ въ семь мѣстѣ. Спашья объ опыскиваніи общаго наибольшаго алгебраическаго дѣлителя , написана Авторомъ слишкомъ расшянуто, что самое ее запомнимъ. За симъ слѣдуешь обширное изложеніе уравненій 1-й степени со многими неизвѣстными, на которое должно сдѣлать слѣдующія замѣчанія : во 1-хъ въ чл. 62, Авторъ распространяешь о томъ, какъ должно поступать со знаками при умноженіи алгебраическихъ величинъ, посредствомъ производителей; изъ коихъ одинъ принимаешь равнымъ нулю, и подтверждаетъ шѣмъ истины выше сего выведенныя; кажется, что вся сія спашья совершенно бесполезна. Во 2-хъ, занявшись на нѣсколькихъ страницахъ рѣшеніемъ извѣстной задачи двухъ курьеровъ, онъ разсмаприваешь, отъ чего происходитъ результать неопредѣленный, безконечный и равный нулю; изслѣдованія такого рода, полезно примѣнять къ задачамъ тогда, какъ они уже разсмотрѣны изъ общихъ видовъ; въ противномъ случаѣ неправильно переходить отъ частнаго къ общему, да и для самаго учащагося дѣлаешь сіе болѣе затруд-

ишельнымъ. О рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій 1-й степени, Авшоръ не упоминаеть ни слова, что составляетъ значительное опущеніе. Далѣе: если Авшоръ помѣспилъ въ Алгебрѣ извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней изъ числовыхъ величинъ, то надлежало бы ему изложивъ напередъ извлеченіе оныхъ изъ алгебраическихъ сложныхъ количествъ, служащее основаніемъ первому, и чрезъ то доставляющее бѣольшую легкость разсматривать оное не въ Арифметикѣ, но въ Алгебрѣ; сверхъ того Лакроа сдѣлалъ неправильно, изложивъ извлеченіе квадратныхъ корней изъ алгебраическихъ количествъ послѣ уравненій 2 степени; ибо учащійся, рѣшая квадратное уравненіе, наприм. $x^2 + px + q = 0$, и не умѣя извлекать квадратнаго корня изъ алгебраич. количествъ, можетъ подумать, что послѣдующими правилами можно изъ $x^2 + px$ извлечь въ точности квадр. корень, и чрезъ то не пойметъ причины, для чего къ обѣимъ частямъ уравненія придають $\frac{1}{4}p^2$; подобнымъ образомъ можетъ онъ усомниться въ невозможности сдѣлать просиѣе выраженіе результата $x = -\frac{1}{2}p + \sqrt{\frac{1}{4}p^2 - q}$. Излагая рѣшеніе квадратныхъ уравненій, надлежало бы ему сначала изслѣдовать оное, разсмотрѣвъ, какія величины выражають

предстоящій 2-го члена, и извѣстный членъ въ общемъ видѣ оныхъ, и сколько величинъ могутъ удовлетворять неизвѣстному, а потомъ уже приступись къ опысканію онаго: таковой порядокъ, какъ кажется, былъ бы естественнѣе. — Все послѣдующее за квадратами уравненіями въ Алгебрѣ Лакрота, расположено не совсѣмъ основательно, написано слогомъ плодовитымъ, и безъ надлежащей полноты. Наприм. говоря, что количества съ дробными показателями не суть степени, а только выраженія извлеченія корней, Авторъ не упоминаетъ, что съ таковыми выраженіями должно поступать, какъ съ имѣющими показатели положительные и цѣлые; безъ чего дѣлаешь не-

$$\frac{m}{n} \times \frac{k}{l} = \frac{m}{n} + \frac{k}{l}$$

понятнымъ, что $a \times a = a$; по же опущеніе при изложеніи отрицательныхъ показателей. Но чтобы исправить сіе, надлежало бы Автору, ошь сей спашь не ошдѣлять дѣйствія съ подкоренными величинами, которое онъ помѣспилъ послѣ возвышенія въ степень многочленного количества. Возвышеніе въ степень многочленного количества, хотя изложено съ великою ясностію, но можно сказать, некончено; ибо онъ ничего не говоритъ о томъ, что для опысканія всѣхъ предстоящихъ спроки Нью-

поновой, доспашочно найши ихъ для половины только числа членовъ, что сокращишь самое возвышеніе. Довольно также странно, что Авторъ, излагая биномъ Ньютона, не помѣспилъ случаевъ, когда показашель степени ешь дробный и отрицательный, а распространяешся объ оныхъ въ своемъ дополненіи къ Алгебрѣ. Онъ могъ бы сіе сдѣлать, ни сколько не затрудняя шѣмъ учащагося, и чрезъ шо доставилъ бы сей спашь большую пользу.

Выше замѣчено мною, что Лакроа, не опдѣливъ высшей Алгебры опъ начальной, поступилъ не совсѣмъ правильно; но если онъ имѣлъ какія-либо иныя причины на раздѣленіе Алгебры, шо и въ такомъ случаѣ, надлежало бы ему предспавить разрѣшеніе уравненій высшихъ степеней шакъ, чтообы учащійся, безъ затрудненія обнявъ сію спашью, могъ рѣшишь каждое уравненіе. Въ Курсѣ же Лакроа сія спашья весьма слаба и ни сколько не доводитъ до надлежащей цѣли. Ибо разбирая ее, видимъ что Авторъ, доказавъ невозможность существованія числа корней большаго степени уравненія, приспуаешъ немедля къ способу исключенія. Кажешся, было бы правильнѣе, если бы онъ показаль средство находить прежде одно неизвѣстное, а пошомъ уже рѣшалъ бы урав-

ненія съ двумя неизвѣстными, порядокъ самый естественный, которому слѣдуютъ даже въ уравненіяхъ 1-й степени. Далѣе, чтобы опыскать соизмѣримые корни, надлежало бы напередъ изслѣдовать уравненія, т. е. увѣриться въ существованіи корней, рассмотреть, какія уравненія имѣютъ дѣйствительные корни, и какія могутъ не имѣть оныхъ. Найдя же сіи законы, надо показать средства получать предѣлы корней; ибо самый обыкновенный способъ опыскиванія *a priori* соизмѣримыхъ корней, весьма сократился, когда будетъ извѣстно, между какими числами оныя заключаются (*); а для достиженія сего, надлежитъ напередъ показать способъ преобразования уравненій. По изложеніи сего, опыскиваніе соизмѣрныхъ, равныхъ и несоизмѣримыхъ корней, будетъ уже не затруднительно. Найдя послѣдніе, надлежитъ упомянуть, что остальные кор-

---

(*) Наприм. возьмемъ уравн. $y^4 - 19y^2 + 168y - 648 = 0$; исключили послѣдняго члена суть слѣдующіе: 2, 3, 4, 6, 8, 9, 12, 16, 18, 24, 27, 32, 36, 48, 54, 72, 96, 108, 144, 216, 288, 432, 864. Слѣдсо всеми сими числами, равно какъ и взявшими отрицательно, мы должны пробовать, не выполнятъли они условія; но найдя, что предѣлы корней суть 0 и 20, останется только испытать 2, 3, 4, 6, 8, 9, 16 и 18, чѣмъ дѣйствіе видимо облегчилось.

ни должны быть мнимые, и занявшись их опредѣленіемъ. Вошь, по моему мнѣнію, самый естественный порядокъ изложенія теоріи высшихъ уравненій, порядокъ, которому слѣдовали Франкеръ и Бурдонъ. Лакроа, показавъ способъ исключенія, занялся опыскиваніемъ соизмѣримыхъ и равныхъ корней, потомъ излагаетъ онъ средство составляящъ уравн. разностей, исключая 2 членъ, не говоря ни слова о томъ, какъ уничтожается вдругъ 2-й членъ и предстоящій 1-го члена, дѣйствіе, весьма часто употребляемое, особенно же при рѣшеніи уравненій 3й и 4й степеней, которыя всегда приводятся въ видъ $x^3 + px + q = 0$ и $x^4 + px^2 + qx + r = 0$. За симъ, Авторъ, для опредѣленія не соизмѣримыхъ корней, сообщаетъ способы Ньютона и Лагранжа; способъ послѣдняго написанъ у Лакроа весьма ясно. Симъ и оканчиваетъ онъ свою теорію уравненій въ начальной Алгебрѣ. При семъ должно еще замѣтить, что Авторъ сдѣлалъ неправильно, помѣстивъ о корняхъ единицы прежде теоріи уравненій; можешь ли учащійся понять причину, почему урав. $y + y^{n-1} + y^{n-2} + \dots + y + 1 = 0$, должно имѣть только мнимые корни? Оканчивается же сія часть Пропорціями, Прогрессіями и Логариѳмами, которыя изложены весьма хорошо.

Я распространился о сихъ недоспашкахъ, не съ шѣмъ намѣреніемъ, чѣобы осмѣлился посягнуть на славу почтеннаго Автора, образовавшаго множество глубокихъ Матемашиковъ. Познанія его поисшинъ обширны, и имя Лакроа никогда не изгладится изъ Исторіи Математики; но я желалъ только безпристрастно показашь, что сей Курсъ нынѣ не можешъ бытъ употребляемъ съ надлежащею пользою въ учебныхъ заведеніяхъ, ибо мы имѣемъ швореніе превосходнѣйшее, до появленія коего и Курсъ Лакроа могъ считашься первокласнымъ.

Мы должны равномерно ошдать справедливостъ знаменишому *Безу*. Сей писатель, можно сказашь, прокладывалъ дорогу; всѣ новѣйшіе писатели болѣе или менѣе заимшвовали изъ его шворенія. Но какъ онъ былъ изъ числа первыхъ, подарившихъ любителямъ Математики полнымъ курсомъ оной; шо и подвергся также не малымъ недоспашкамъ. Не спану исчислятъ ихъ, а скажу шолько, что планъ его сочиненія подобенъ сочиненію Войшяховскаго; опущенія же въ Ариѣметикъ и Алгебръ, касательнo точности Математической, находящіяся гораздо въ большемъ числѣ, нежели у Лакроа. Высшія часши весьма недоспашочны и неполны. Было время, когда и сей курсъ счи-

стался также первокласснымъ, но теперь можемъ сказать, что онъ ошдиль свой вѣкъ; ибо Машемашика со времени Безу обогащена весьма важными опкрышіями, и число швореній превосходнѣйшихъ увеличилось.

Многіе также уважають Курсь Машемашики, составленный Французскими Профессорами подъ руководствомъ *Беллавена* и переведенный на Русскій языкъ Гг. Кушакевичемъ и Киндеревымъ (*). Цель подлинника состояла въ доспавленіи крашкихъ и самыхъ шолько необходимѣйшихъ познаній, для шѣхъ военныхъ людей, которые не гоповяшся занимашся высшими часпями Машемашики. Наши же переводчики 2-го изданія, по видимому, желали своимъ переводомъ, доспавить Россійскому юношесшву — курсъ полный, для чего и включили въ составъ онаго Диффер. и Интегральное исчисленіе соч. Бушарля! Разбирая оный, мы встрѣчаемъ въ самомъ началѣ, что дѣйствіе съ десятичными часпями основано непосредственно на дѣйствіи съ простыми числами, шогда какъ причина, почему ош-

---

(*) Сей же Курсь напечатанъ первымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1818 году, перевод. Ордия Проф. Чумакова, съ большими измѣненіями и прибавленіями; а Геомешрія влючена сокращенно изъ Лакроа.

дѣляется въ произведеніи для десятичныхъ знаковъ сколько, сколько находишся оныхъ въ обоихъ производимыхъ, или причина правила дѣленія оныхъ изъясняется просшими дробями, которыя помѣщены послѣ сего. Сохраняя безприспращіе, можно ли сіе одобрить? Кто со мною не согласится, что не должно помѣщать въ началахъ науки того, что объясняется не предъидущимъ, но послѣдующимъ? Не могутъ ли учащіеся, проходя по сему Курсу и увидѣвъ такую неправильность въ порядкѣ, сдѣлашь ложное заключеніе, что въ Машемашикѣ обращаютъ болѣе вниманія на дѣйствія механическія, нежели на познаніе теорій? Въ изложеніи просшихъ дробей, находятся всѣ тѣ же недоспашки и опущенія противъ спрогоспи Машемашической, какъ и въ Ариемешикѣ Лакроа, почему и не нужно снова оныя повторять. Говоря объ умноженіи соспавныхъ количествъ, Гг. переводчики выпустили способъ умноженія посредспвомъ аликвопныхъ долей; не лзя сего одобрить; ибо способъ сей имѣетъ свое достоинство, пріучая учащагося дѣлать въ умѣ счисленія, сколько часто въ общеспіи встрѣчающіяся. Пропорціи въ семъ курсѣ гораздо полнѣе, нежели у Лакроа; но въ свою очередь имѣютъ тоже недоспашокъ, что Гео-

мешрическія не вполне основаны на свойствахъ дробей, что было бы правильнѣе и легче. Сверхъ того въ Арифметикѣ сего Курса, ни слова не сказано о разложеніи числа на первоначальныя произвоидители, и объ опысканіи всѣхъ дѣлителей даннаго числа. Гг. сочинители могли сіе сдѣлать покрашкостки Курса, но нашимъ переводчикамъ нельзя сего просить, ибо они включили теорію высшихъ уравненій; какимъ же образомъ можно безъ сей спашки, найти неизвѣримыя корни?

Взглянемъ теперь на Алгебру сего Курса. Я уже упомянулъ, что Лакроа, изложивъ вполне способъ рѣшенія уравненія 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ, и не объяснивъ дѣйствія съ простыми и сложными величинами, затрудняетъ имъ нѣсколько учащагося. Въ Курсѣ же Беллавины, находимъ опущеніе противоположное. Авторы начинаютъ Алгебру слѣдующимъ образомъ: „Алгебра, или Всеобщая Арифметика, есть наука о числахъ; она отличается отъ простой Арифметики, выраженіемъ чиселъ и исчисленіемъ, которое только что оначается.“ Учащійся вполне ли пойметъ различіе оной отъ Арифметики? можетъ ли онъ ясно увидѣть различіе Алгебраическихъ отъ Арифметическихъ результатовъ? уви-

дипшъ ли онъ необходимость ввести въ Алгебру, вмѣсто числа, буквы? Начало Алгебры должно необходимо объяснить примѣромъ, дабы чрезъ то яснѣе показашь различіе результатовъ сихъ двухъ наукъ. Говоря о вычисланіи, здѣсь также, какъ у Лакроа, ничего не упоминается о происхожденіи отрицательныхъ количествъ. Говоря о дѣленіи и доказывая, что количества, коихъ показатели суть нули, равны единицѣ, Гг. Авторы не объясняютъ, что таковыя количества не суть степени, но только условныя выраженія; то же надлежитъ замѣнить и въ разсужденіи дробныхъ и отрицательныхъ показателей. Въ дѣленіи сложныхъ количествъ, нѣтъ никакихъ показателствъ. Въ сущемъ объ Алгебраическомъ наибольшемъ дѣлителѣ, не довольно хорошо объяснено, что общій наибольшій дѣлитель не измѣняется, когда одно изъ предложенныхъ количествъ, умножится или раздѣлится на число первоначальное относительно другаго. Въ уравненіяхъ первой степени, не замѣчено, что отрицательный результатъ означаетъ невозможность удовлетворить задачѣ, и не сообщено средство исправлять предложенное уравненіе. Вся сущая о признакахъ неопредѣленныхъ и невозможныхъ вопросовъ и проч. обдѣлана крайнѣ недо-

*

спасшочно, здѣсь не находишься ничего общаго. Это собраніе частныхъ случаевъ и уравненій безъ всякой связи и порядка. Разсмащриваніе выраженія $\frac{a}{0}$, изложено неправильно; учащійся, пройдя сію спашью, можешь получишь ложное понятіе. Можно ли было сказать, что $\frac{a}{0} = b$, потому, что $0 = 0 \times b = 0$? Гг. Авшоры производящъ шѣ же дѣйствія съ величинами безконечными, какъ и съ величинами конечными; это споль же неправильно, какъ и у Г. Фусса дѣйствіе съ мнимыми величинами, основано на правилахъ, доказанныхъ для величинъ дѣйствительныхъ. Не можешь ли учащійся заключить изъ сего изложенія, что шакъ, какъ $\frac{a}{0} = \infty$, но $0 = 1 - 1$, слѣд. $\frac{a}{1-1} = \infty$, а изъ сего $a = \infty (1-1) = \infty - \infty = 0$; слѣд. 2, 3, 4 и проч. числа равны нулю.

За симъ слѣдуешь въ сей Алгебрѣ составленіе квадрата, извлеченіе корня 2-й степени изъ числовыхъ величинъ, рѣшеніе квадратныхъ уравненій, и наконецъ извлеченіе квадратныхъ корней изъ Алгебраическихъ сложныхъ величинъ; порядокъ шотъ же самый, какъ и у Лакроа, котораго неправильность замѣчена выше. Сверхъ сего должно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: при извлеченіи квадратныхъ и кубическихъ корней

изъ числовыхъ величинъ, не сказано, какимъ образомъ можно приблизиться до известной степени вѣрности къ истинному корню. Квадратныя уравненія наполнены множествомъ примѣровъ, безъ всякихъ изслѣдованій общаго вида оныхъ. Кажется, полезнѣе было бы изложить полнѣе извлеченіе корней и квадратныхъ уравненій, нежели распространяться (какъ то сдѣлано въ семь Курсъ) о правилахъ, основывающихся на пропорціяхъ, и дѣлающихся и безъ того довольно ясными въ Арифметикѣ. Что же касается до логарифмовъ, то надо замѣтить, что они въ семь Курсъ основаны на прогрессіяхъ: таковое изложеніе теоріи оныхъ, какъ кажется можетъ бытъ допущено по одной необходимости въ Арифметикѣ, а не въ Алгебрѣ; вообще вся сія сфера изложена въ семь курсъ весьма темно. За симъ слѣдуетъ: *прибавленіе* къ начальнымъ основаніямъ Алгебры, состоящіе изъ фигурныхъ чиселъ, съ примѣненіемъ къ изчисленію кучъ ядеръ, попомъ биномъ Ньютона, логарифмическіе ряды, неопредѣленные уравненія 1-й степени, дѣйствіе съ подкоренными величинами, рѣшеніе двучленныхъ уравненій, и теорія высшихъ уравненій. Касательно сего прибавленія можно замѣтить, что гораздо правильнѣе было бы помѣстить неопредѣ-

денныя уравненія, послѣ рѣшенія уравненій 1-й степени со многими неизвѣстными, равно какъ дѣйствіе съ подкоренными величинами, до квадратныхъ уравненій. Возвышеніе многочисленнаго количествѣ въ дробный и отрицательный показатель, можно объяснить проще и яснѣе. Неопредѣленныя уравненія, изъяснены крайне недоспашочно, ибо невозможно, руководствуясь симъ Курсомъ, получить ряда величинъ, удовлетворяющихъ неизвѣстному. Также не понятно, для чего Гг. переводчики помѣстили въ въ сихъ прибавленіяхъ случаи, когда величины, превращающіяся въ $\frac{0}{0}$, обращаются въ нуль, или безконечность; кажется, было бы правилнѣе, если бы о семъ сказали въ членѣ 65. Недоспашки въ двучленныхъ уравненіяхъ тѣ же самыя, какъ и въ Курсѣ Лакроа. Теорія высшихъ уравненій, составлена весьма хорошо самими Гг. переводчиками изъ Алгебры Лакроа и Бурдона, и для начального курса имѣетъ свою цѣну.

Вторая часть сего Курса, заключаетъ въ себя Геометрію, объ Тригонометріи, Аналитическую Геометрію и проч. Первая изъ сихъ наукъ составлена самими Гг. переводчиками, по той причинѣ, что въ подлинникѣ она уже слишкомъ сокращена. Не стану распространяться о достоинствѣхъ оной,

но только скажу, что она довольно выполняешь свою цель. Все же послѣдующее можно бы сдѣлать гораздо основательнѣе, проште и дашь болѣе ясности, общности вмѣстѣ съ познаною.

И такъ, что же можемъ мы сказать вообще о семь Курсѣ? Арифметика и Алгебра имѣешь болѣе опущеній и недоспашковъ противъ строгости Математической, нежели Курсѣ Лакроа, съ тою только разностию, что изложеніе испинь въ нѣкошорыхъ мѣстахъ у послѣдняго, ошъ обширности всего шворенія, представлено яснѣе. Касательно же 2-й части, то можно сказать, что она представлена не въ видѣ науки, но въ видѣ ремесла, ибо здѣсь найдушъ описание угломѣрныхъ орудій, крашкія помяшія о топографической съемкѣ, объ уменьшеніи и увеличиваніи плановъ, о нивелировкѣ, формулы для вычисленія подшошы бревень и пр. и пр.

Наконецъ, въ заключеніе сего разсужденія, должно сказать нѣсколько словъ о *полномъ Курсѣ Чистой Математики*, соч. Франкера, состоящемъ въ подлинникѣ въ 2 частяхъ. Сіе швореніе появилось первымъ изданіемъ въ 1809 году, и чрезъ десятильдышъ послѣ того, 1-я часть онаго переведена на Россійскій языкъ. Между шѣмъ, самъ Ав-

порь увидѣлъ нѣкошорые недоспашки своего сочиненія и „рѣшился, (какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи ко 2-му изданію онаго, вышедшему въ Парижѣ въ 1819 году) передѣлать его „во всѣхъ подробностяхъ, доставляя въ нѣкошорыхъ мѣстахъ болѣе ясности, строгости въ доказательствахъ, точности, и даже включивъ цѣлыя главы, прежде недоспавшія.“

Можно смѣло сказать, что всѣ недоспашки, исчисленные при разсмащиваніи употребляемыхъ у насъ Курсовъ, не находящіяся во второмъ изданіи его творенія. Глубокомысленный Авторь, очеркомъ пера своего, предспавилъ Машемашику, какъ неразрывную цѣпь истинъ, идущихъ отъ первыхъ началъ нумераціи и оканчивающихся сложнѣйшими выкладками Интегральнаго исчисления. „Сему писателю,“ говоритъ почтенный переводчикъ (*) его Высшей Алгебры, „мы обязаны Курсомъ числой Машемашики, какъ науки философской, имѣющей приложеніе ко всѣмъ знаніямъ естественнымъ, и долженствующей имѣть такое же приложеніе къ знаніямъ нравственнымъ. Было время, когда Чистую Маше-

---

(*) Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ И. И. Давидовъ.

„машику представляли ремесломъ, нужнымъ
 „будно шокмо для Наукъ Военныхъ, Земле-
 „мѣрія и шому подобнаго: посему и курсы
 „примѣняемы были къ шой или другой час-
 „ши въ особенноти. Франкеръ предположилъ
 „себѣ общую цѣль сего высокаго предмета
 „усилій ума, состоящую въ раскрышїи, изо-
 „щренїи и укрѣпленїи мыслящей способно-
 „сти, цѣль во всѣхъ наукахъ единственную
 „и главную. Онъ первый убѣдительно дока-
 „залъ, что при изученїи Машемашики, какъ
 „при изученїи философскомъ, должно имѣшь
 „въ виду не шолько зашверживанїе истины,
 „сколько изслѣдованїя начала оныхъ, связи
 „ихъ съ другими и послѣдствїя, дабы шѣ,
 „кои изучають сїи истины, пришли сами
 „въ состоянїе изобрѣшашелей. Таковое изу-
 „ченїе, не шолько занимается предметомъ,
 „сколько мыслию, оный предметъ пости-
 „гающею; пошому, что съ высокою тео-
 „рїею легко дѣлать всѣ возможныя прило-
 „женїя къ опытнымъ знанїямъ.“

О превосходствѣ сего Курса передъ
 прочими, не можешь судить шощь, кошо-
 рый дѣлаешь свои заключенїя, перебирая
 шолько листы, и просматривая слегка нѣ-
 кошорыя истины; для полученїя полнаго по-
 нанїя, должно со вниманїемъ прочесть все
 безъ исключенїя, и шогда шощь увидяшь

бездѣльный прудъ Авшора, и то, какую цѣнью связалъ онъ истины Математики, какая строгость и какое глубокомысліе заключается въ его доказательствахъ. Поспавъ послѣ чепырехъ дѣйствій Ариеменики, спашью о производителяхъ, онъ отдалилъ всѣ недоспаики, находящіяся въ Ариеменикахъ Лакроя и Беллавеня. Послѣ сей спашьи ему удобно было изложитъ свойства числа, опыскиваніе всѣхъ дѣлителей, общаго наибольшаго дѣлителя и даже самую повѣрку дѣйствій умноженія и дѣленія. Проспавъ и десятичныя дроби, и періодическія, представлены превосходнѣе, нежели гдѣ нибудь. Алгебра въ изящности своей не уступаетъ Ариеменикѣ. Не спаву распространяешь о порядкѣ частей, оную составляющихъ, равно какъ и о превосходствѣ подробностей; но шолько скажу, что мы находимъ въ оной полный и вмѣстѣ легкой способъ рѣшенія неопредѣленныхъ уравненій и свойство неравенствъ, двѣ спашьи, кошорыя мы не встрѣчали до сихъ поръ ни въ одномъ Курсѣ и споль нужныя для желающаго пріобрѣсть основательныя познанія въ Математикѣ. Ислѣдованіе уравненій 1-й степени, и квадратныя уравненія, въ избѣжаніе утомительныхъ подробностей, изложены хотя сжато, однако же гораздо удовлетворитель-

изе и съ большею ясностію, нежели во вѣхъ прочихъ Курсахъ.

Въ Геометрію свою Франкеръ ввелъ способъ предъловъ, основываясь на словахъ величайшаго изъ Машемашиковъ — Авшора Небесной Механики, которій говоритъ, что „Способъ предъловъ, служишь основа-
 „ніемъ вычисленію безконечно великихъ и
 „малыхъ количествъ. Дабы удобнѣе позна-
 „комишь учащихъ съ симъ вычисленіемъ,
 „полезно открьшь его начало въ самыхъ
 „коренныхъ истинахъ, которыя всегда дол-
 „жно предлагашь самыми общими способа-
 „ми. Такимъ образомъ учащіеся вмѣстѣ съ
 „получаемыми познаніями, приобрѣтушь спо-
 „собъ снискивашь новыя. Для дальнѣйшихъ
 „успѣховъ своихъ въ наукѣ, ошалося имъ
 „слѣдовашь прямо по проложенному пути;
 „они приобрѣли уже навыкъ неуклонно про-
 „должашь его: поприще ученія шановитися
 „для нихъ не столь шруднымъ. Пришомъ
 „систему познаній, объемлемыхъ единооб-
 „разнымъ способомъ, легче сохраняшь и
 „распространяшь. И шакъ предпочитайше
 „въ своемъ преподаваніи способы общіе;
 „шарайшесь излагашь ихъ съ возможною
 „простотою, и вы увидише, что они по-
 „чши во всякомъ случаѣ легчайшіе.“ „По-
 „корившись симъ мудрымъ совѣшамъ,“ го-

ворить Франкерь: „вездѣ употреблялъ я „способъ предѣловъ, который предложилъ „въ новомъ видѣ, и подчинилъ ему теорію „несоизмѣримыхъ. Я не столько спарался „(продолжаешь сей Авторъ), удерживаешь фор- „мы, принятыя въ Геометріи, сколько самый „способъ, составляющій ея характеръ: въ „сладшвіе сего я пользовался уравненіями, „гдѣ они казались мнѣ нужными. Впрочемъ „въ ихъ употребленіи наблюдаема была „умѣренность и ошорожность; все, что „требовало нѣсколько сложнаго анализа, „оставлено для приложенія Алгебры къ Гео- „метріи.“

Первая часть сего Курса Математики вшораго изданія (*), содержишь Ариметику, начальную Алгебру, Геометрію и Аналитическую Геометрію, заключающую: нѣкоторыя задачи о линіяхъ, Геометрическія построенія различныхъ выраженій Алгебраическихъ, разсужденіе о знакахъ количествъ въ приложеніи Алгебры къ Геометріи, — (спашья извлеченная изъ *Géométrie des positions* знаменитаго Карно, которую мы не встрѣчали до сихъ поръ ни въ одномъ Курсѣ), прямолинейную Тригонометрію, урав-

---

(*) Переведенная на Россійскій языкъ, и напечатанная по Высочайшему повелѣнію.

ненія прямої и кругової ліпій, коническія свченія, изслѣдованія уравненій 2-й степени, и различныя задачи Геометрическаго анализа. Вторая же часть высшую Алгебру, сферическую Тригонометрію, Геометрію о прехъ измѣреніяхъ. Дифференціальное, Интегральное и Варіаціонное исчисленія, и исчисленіе разностей (*). Намъ извѣстно много превосходныхъ твореній, гдѣ изложены различные способы, и различныя открытія Геометровъ послѣднихъ сподѣшій, относящіяся до разрѣшенія уравненій высшихъ степеней; но шолько высшей Алгебрѣ Франкера мы обязаны, что всѣ сіи многоразличные способы, изложены въ совокупности и порядкѣ. Преподающій Дифференціальное исчисленіе по сему курсу, легко увидишь, что его учащіеся не будутъ встрѣчать тѣхъ затрудненій, тѣхъ камней преткновенія, каковыя они находятъ, учась по инымъ курсамъ. Не видимъ ли мы часто, что они, вытвердивъ на память общія правила Дифференцірованія функцій, едва начинающъ постигать опредѣленіе дифференціала? Но

(*) Высшая Алгебра, Интегральное и Варіаціонное исчисленія, переведены Давыдовымъ; все же прочее Д. М. Перевощиковымъ, съ большими измѣненіями и прибавленіями.

не уже ли сіе происходитъ дѣйствительно отъ шрудности сей науки? Не бываетъ ли сіе отъ того, что по большей части, учащіяся напередъ не пригошовлены, и что науку сію представляють для ихъ мышленія, какъ ошрасль совершенно новую и неизвѣющую связи съ истинами, уже имъ извѣспными? Франкеръ постигъ причину зашрудненія въ успѣхахъ учащихся, и во избѣжаніе сего, представалель вышнюю Адагебру, какъ часть непосредственно ведущую къ Дифференціальному исчисленію, а самыя дифференціалы основываетъ на Теоріи функцій безсмершнаго Лагранжа. Изложивъ сначала общія правила дифференцированія функцій, а потомъ превосходнѣйшее приложеніе сего изчисленія къ вышнему анализу — приложеніе, каковаго, рѣшишельно осмѣливаюсь сказать, мы не встрѣчали до селѣ ни въ одномъ швореніи, присшупаетъ къ способу величинъ безконечно малыхъ, шполь необходимому и важному въ приложеніяхъ къ Физикѣ и Механикѣ. Здѣсь, показавъ истинный смыслъ знаковъ dy и dx , разсмашриваемыхъ какъ величины безконечно малыя, онъ имѣлъ право всѣ выведенныя дифференціальныя результаты, представивъ ихъ способу означенія Лейбница, и чрезъ сіе доставивъ удобство ишшегровашъ функцій,

и многія задачи въ интегральномъ изчисленіи рѣшишь по способу послѣдняго.

На сіе возразять: какимъ образомъ могъ онъ такую полную заключить въ столь шѣсныя предѣлы? На сіе ошвѣщивую словами самаго Авшора, что одна лишь краткосць слога въ помъ ему могла сподобствовашь. Могушь сказашь, что сія сжатосць и краткосць въ объясненіяхъ дѣлають сію книгу не удобною для всеобщаго преподаванія, и что пошому, Курсь сейбудеть шемень для молодыхъ людей, и они не въ состояніи будутъ понимать его. На сіе можно возразить словами самого Авшора, сказавшаго: „опышь убѣдилъ меня, что ничто столько не удаляетъ ошь цѣли, кошорой долженъ достигнуть всякой излагающій какую нибудь науку, какъ мелочныя и упомянешельныя разсмотрѣнія каждаго предмета. Сочинитель, передавая всѣ свои мысли, препятствуетъ разсужденію читателя; наставникъ дѣлается необходимымъ для учащатося, кошорый привыкаетъ такимъ образомъ къ недѣшельности разсудка и къ многословію, весьма вреднымъ для успѣха; наконецъ, занятія подробносціями не позволяютъ ему слѣдовать за связью существенныхъ понятій, и достигнуть главнѣйшее — совокупносць предложеній.“ Успѣхи мно-

гихъ учившихся по Курсу Франкера въ Московскомъ Университетѣ, доказываютъ всего лучше истину словъ почтеннаго Автора.

Нѣкошорые, можешь бышь, замѣшая также неудобство излагать прогрессіи и логарифмы въ Арифметикѣ. Сіе сдѣлалъ Авторъ, какъ кажется, для того, чшобы имѣть средство въ началахъ Алгебры помѣстить нѣкошорыя замѣчанія и примѣры, основывающіеся на оныхъ и дѣлающіеся весьма занимательными для успѣвшихъ въ Математикѣ. Преподавая Арифметику по сему Курсу, можно откидывать объ сіи спашы, не вредя нѣмъ цѣлому.

Оканчиваю сіе разсужденіе объ употребительнѣйшихъ у насъ Курсахъ, усерднымъ желаніемъ, чшобы наши опечесшвенные любители Математики, постигнувъ духъ ученія глубокомысленнаго Франкера, сравнили попомъ изложеніе Математики во всѣхъ прочихъ Курсахъ съ швореніемъ сего знаменитаго Автора: они согласяшся въ томъ, чшо Курсъ Франкера достоинъ бышь названъ *классическимъ* во всей обширности сего слова: „Уже время,“ говоритъ томъ же переводчикъ высшей Алгебры сего писателя; „уже время убѣдись въ шой истинѣ, въ кошорой древніе Платоны и Пиае-

„горы не сомнѣвались, и для которой нынѣ Лапласы и Шубершы служатъ примѣромъ въ истинѣ, что Машемашика, дочь Философѣи, есть одна наука ума, и что даръ слова, какъ явленіе ума, изъ ней долженъ почерпнуть свои законы. Исследованія Ньютоновы, Эйлеровы, Лагранжевы, являющія высренній умъ, всеобъемлющее соображеніе и сильное вниманіе, приличны болѣе нынѣшнему вѣку просвѣщенія, нежели лучшы запѣлываго воображенія, свойственныя юношескому возрасту человѣчества.“

Ал. Б — в.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

Хронологическое обозрѣніе достопамятныхъ происшествій новѣйшихъ временъ въ Испани.

(Изъ *Tabla chronologica por Don Francisco Martinez de Aguilar.*)

Небольшое сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ и писанное въ духъ нынѣ господствующей паршѣи,

по увѣренію Издашеля, имѣеть по достоинству, что оно выбрано изъ официальной вѣдомости Gaceta de Madrid и другихъ достовѣрныхъ докуменшовъ. Оно напечатано въ Малагѣ, а потому и преимущественно заключаетъ въ себя множество подробностей какъ о семь городѣ, такъ и о Гранадской и Андалузской обласяхъ.

Оно содержитъ въ себя слѣдующія известія о впаденіи Наполеона въ Испанію.

Вступленіе Французскихъ войскъ въ Испанію началось 19 Октября 1807 года, и въ концѣ сего года находилось въ семь Королевствъ 47,400 человекъ пѣхоты, 7,120 человекъ конницы, 100 пороховыхъ фуръ, 94 пушки, 18 мортиръ и 55 гаубиць.

Въ теченіе 1808 года вступило 203,300 человекъ пѣхоты, 36,200 человекъ конницы, 1300 пороховыхъ фуръ и 196 орудій. 11 Октября перешли чрезъ границу Испаніи первыя отдѣленія большой Французской арміи, шедшей изъ Германіи.

Въ 1809 году вступило 44,950 человекъ пѣхоты, 4320 человекъ конницы, 434 орудій и 305 пороховыхъ фуръ.

Въ 1810 году вступило 124,510 человекъ пѣхоты, 25,734 человека конницы, 96 пушекъ, 16 мортиръ и 3209 пороховыхъ фуръ.

И того въ 1807, 1808, 1809 и 1810 годахъ вступило 426,260 человекъ пѣхоты, 73,356 человекъ конницы, 7650 человекъ, состоящихъ по арміи, 753ѳ вожашихъ, всего 514,796 человекъ, 820 пушекъ, 3/4 мортиры, 55 гаубицъ и 5414, фуръ съ военными припасами.

Въ 1811 году до 28 Января вступило только 600 человекъ пѣхоты и 180 конницы.

Число плѣнныхъ Испанцевъ, Англичанъ и Португальцевъ, препровожденныхъ чрезъ Баіонну во Францію, простиралось до 22 Февраля 1811 года, всего на 48,288 человекъ.

Изъ всѣхъ вступившихъ въ Испанію Французскихъ войскъ, возвратились во Францію съ 1807 до 1811 года только 53,300 человекъ.

Къ общему числу войскъ причислишь должно 5000 человекъ Французовъ съ эскадры Адмирала Розильи. Она состояла изъ 5 линійныхъ кораблей и 1 фрегата съ 2000 человекъ высаднаго войска и была 13 Юня 1808 года въ Кадикскомъ заливѣ разбиша и взяша флосомъ Генерала Аподаки.

Къ сему же числу должны бышь присокуплены по крайней мѣрѣ 80,000 человекъ Французскаго войска, которые въ теченіе упомянутыхъ чешырехъ лѣтъ вступили

чрезъ Перпиньянъ въ Каталонію, подъ начальствомъ Генераловъ Дюгема и Сень-Сира и Маршаловъ Ожеро и Макдональда.

28 Мая 1813 года Французы выступили изъ Мадриша, а 29 вступили въ оный Испанскія войска подъ начальствомъ Эмпесинадо. 25 Сентября собрались въ Мадришъ настоящіе Кортесы.

24 Марша 1814 прибылъ Король Фердинандъ VII послѣ шестилѣтняго Французскаго плѣна въ Испанію.

4 Мая 1814, уничтожилъ Король предписаніемъ изъ Валенціи конспиріуцію Кортесовъ и 13, къ неописанной радости народа, имѣлъ торжественное вшествіе въ столицу.

15 Маія, Генералы О'Донель и Крузъ послали на рукахъ изображеніе Короля при громкомъ рукоплесканіи народа по улицамъ Малаги; пошомъ низвергнувъ былъ камень конспиріуціи и на его мѣстѣ воздвигнувъ камень Королевской площади Фердинанда VII.

29 Мая 1818, Королевскимъ предписаніемъ возобновленъ Орденъ Іезуитовъ.

19 Сентября 1819 года. Возмущеніе Корунскаго гарнизона подъ начальствомъ Генерала Портье (называемаго также Марквезито). Онь разбишь, взяшь въ плѣнь Гене-

радоць Давалосомъ и 30 Октябръ, разсърбяльнъ съ соучасниками своимъ.

1820. — 1 Января. Войска экспедици, расположенныя въ окрестностяхъ Кадикса, возстающъ и обнародывающъ конституцію Кортесовъ 19 Марта 1812 года.

11 Января спановишся Полковникъ Кви-рога на островъ Леонъ главою и орудіемъ мятежнаго войска, и шѣмъ начинаешся вщора революція.

11 Февраля всцѣхнуло возмущеніе въ Галиціи. Въ Саншь-Яго присягающъ конституціи, и прочія мѣста сей области сабду-ющъ сему примѣру.

14 Февраля. Возмущеніе въ Мурціи. Жцпшели Гешареса, въ разстояніи на милью ошь Мурціи, присягающъ конституціи, пошомъ идушъ къ главному городу области, и шамъ принуждающъ жителей сложить присягу.

Съ острова Леона, или Санъ-Фернандо, выпшупаешъ дивизія мятежнаго войска въ 2000 или 2500 человекъ, подъ начальствомъ Подполковника Дона Рафаеля Ріего, обнародываешъ конституцію въ Ласъ-Кабезасъ, ошшуда идешъ въ Алджезиру, Эшерону и Марреллу, 18 Февраля въ 8 часовъ вечера всшупаешъ въ Малагу, распространяешъ возмущительныя прокламаціи и стараешся

взбунітовать народъ, но не успѣваетеъ убѣ-
 дить къ тому ни одного благомыслящаго
 человека. Въ вечеру слѣдующаго дня, 19
 Февраля, Генераль Донъ Жозе О'Донель вы-
 спунилъ съ 5000 или 6000 человекъ Коро-
 левскаго войска на Малачскую равнину,
 начавъ съ Алхезиры преслѣдовать аррьер-
 гардъ инсургентовъ. Гарнизонъ сего мѣста
 подъ начальствомъ Генерала Донъ Жуана
 Каро занимаетъ Аншекверскую и Велезскую
 дорогу. Нѣкоторыя Гверильясы нападаютъ
 на инсургентскую дивизію въ самомъ горо-
 дѣ. Обѣ парши съ яростію сражаются на
 улицахъ Карретеріи, Аларкосъ, Вишторіи и
 на площади де ла Мерседъ, однако же на-
 родъ не принимаетъ участія въ сраженіи.
 Битва оканчивается только съ наступле-
 ніемъ ночи; съ обѣихъ сторонъ значительна
 потеря убитыми и ранеными. Инсургенты
 соединяются на площади де-ла-Мерседъ, гдѣ
 и остаются подъ ружьемъ во всю ночь, а
 Королевскія войска возвращающіяся на квар-
 тирны свои къ Театинцамъ, въ ла-Трини-
 дадъ, Апхелосъ и др. Въ 6 часовъ утра
 инсургентская дивизія отступаетъ по
 Колмерарской дорогѣ; а Королевская идетъ
 въ Аншекверу, а оттуда въ Кампилосъ и
 Ронду, гдѣ происходитъ сильное нападеніе
 съ большимъ урономъ для обѣихъ сторонъ.

Сія сраженія до того ослабляють инсургентскую дивизию, что она совершенно расходуется въ окрестностях Кордовы.

7 Марша, мятежники съ неслыханнымъ насиліемъ принуждаютъ Короля Фердинанда VII присягнутьъ Кадикской конституціи ошъ 19 Марша 1812 года.

9 Марша учреждается въ Мадридѣ временная Правительствующая Юнта, состоящая изъ слѣдующихъ лицъ: Президентъ Кардинала де Бурбона, Вице Президента Генераль-Лейтенантъ Донъ Франциска Баллеспероса, Епископа Валладолидъ-де-Мегакаускаго, Донъ Мануеля Абада, Квейпо, Донъ Мануеля Лардизабала, Донъ Машеа Вальдемороса, Инженеръ-Полковника Донъ Висентша Санхо, Графа Табоада, Донъ Франциска Креспо де Техада, Донъ Бернарда Тарриуса и Донъ Игнація Пезуеля.

Въ шопъ же день предписывается во всѣхъ спранахъ Государства избраніе Алкадодъ и Конституціонныхъ Аюшаторовъ. Въ шопъ же день уничтожается Инквизиціонное правленіе, и возвращается свобода всѣмъ заключеннымъ въ шемницу Инквизиціи за политическія мифнія.

Въ шопъ же день возмущается Королевство Севилла и въ столицѣ онаго присягаютъ конституціи.

Предписаніемъ ошъ 10 Марша введѣна свобода книгопечатанія. Въ тошъ же дець возгораешя въ Кадиксъ сраженіе между войсками Королевскаго гарнизона и мяшежнымъ народомъ. Первые дѣлаюшъ нѣсколько выстрѣловъ и шѣмъ причиняюшъ множество бѣдешвій.

11 Марша, послѣ многихъ безпокойствъ, происшедшихъ ошъ различія мнѣній между начальниками и войсками гарнизона въ Малагъ, присягаюшъ конспишущіи. Наконецъ они соединяюшя, и главные начальники мяшежа образуюшъ Юншу, кошорая управляетъ дѣлами цо ихъ произволу. Королевское Правленіе замѣняется конспишущіоннымъ.

14-го присягаешъ конспишущіи гарнизонъ при большомъ парада на Аламедъ (публичномъ гульбищѣ), въ присушствіи Конспишущіоннаго Аюншашора и начальниковъ Генеральнаго Цшаба.

Предписаніемъ ошъ 26 постановлено, чшобы всякъ, кшо ошкажешя присяганш конспишущіи, или слагая присягу спанешъ дѣлашъ возраженія, условія и ш. д., былъ изгнанъ изъ Королевства и, если ошъ принадлежишъ къ духовному званію, былъ лишешъ доходовъ съ своего иманія.

2 Апрѣля прибыли въ Малагу Депушашы Коршесовъ: Донъ Мануель Гарсія Герреросъ, Донъ Франциско Маршинесь де-ла-Роза, Донъ Жозе де Сорраквинъ и Донъ Жозе Маріа Калашрава, которые, какъ приверженцы конспиршупіонной системы, были сосланы въ Африканскія Президентства; приверженцы конспиршупіи ввозили ихъ на шріумфальной колесницѣ на конспиршупіонную площадь.

6 Юня учреждается въ Мадридѣ національный Конгрессъ, а 9 Его Величество Король даетъ присягу предъ Президентомъ онаго.

Предписаніемъ Коршесовъ ошъ 17 Августа уничтожается Іезуитскій орденъ и конфискуется его имущество.

7 Сеншября, возмущеніе въ Мадридѣ по поводу отрѣшенія ошъ начальствованія войскомъ Генерала Ріего, вопреки совѣшу Правленія.

11 Сеншября, Коршесы признають Голландскій долгъ въ 31,135,000 гульденовъ.

25 Окшября. Уничтоженіе монастырей и чешырехъ военныхъ орденовъ съ небольшими исключеніями.

16 Ноября. Возмущеніе въ Мадридѣ, по той причинѣ, что Король, вопреки конспиршупіи, наименовалъ Генераль-Лейшенан-

та Донъ Жозе Каргалья на мѣсто Генераль-Лейтенанта Вигодеша Генераль-Капитаномъ Мадридской области. Народъ успокоивается, по прибытіи Короля въ столицу и по удаленіи Духовника и главнаго Маіордома.

20 Февраля 1821. Возмущеніе приверженцевъ конспиріуціи въ Малагѣ, по разнесшемуся ложному слуху, о томъ, что въ Римѣ присягнули Испанской конспиріуціи. Весь городъ иллюминированъ при пушечныхъ залпахъ.

14 Апрѣля. Большое возмущеніе въ Малагѣ. 24 человека, большею частію духовныхъ лицъ, осуждены на изгнаніе, одни ночью взяты подъ стражу, другіе спасающся бѣгствомъ. Первые высылаются изъ города, и припомъ представляютъ Правительству необходимость удалить досвойнаго нашего Священнаго ошъ мѣста, имъ занимаемаго.

4 Маія. Толпа убійць въ 50 или 60 человекъ, соединяется въ Пуерта-дель-Соль въ Мадридѣ, овладѣваетъ ключами коронной шемницы и умерщвляетъ ударомъ молотка въ голову и двумя pistolными выстрѣлами Донъ Матіаса Винуэзу, Архидіакона Таранконскаго и почетнаго Капеллана Его Королевскаго Величества.

1 Сентября. Гражданскій начальникъ Сарагоссы арестуешь, по приказанію Правительства Генерала Ріего, за участіе, принятое имъ въ новой революціи, проекшированной во Франціи и Испаніи.

19 Января 1822 года. Нѣсколько областей признають верховную власшь Короля, а именно большая часть Каталоніи и Наварры и многія мѣста другихъ областей, гдѣ увеличожается конспишунція и снова вводится правленіе Его Величества. Во всемъ Королевствѣ показываются Королевскіе приверженцы. Священникъ Мерино, Траппистъ, Баронъ Эродесь и другіе знаменитые герои, разбиваютъ конспишунціонныя войска на всѣхъ пунктахъ.

Въ Январѣ 1822 года Франція устраиываетъ линію наблюдательнаго войска, которую она мало по малу усиливаетъ, и защищаетъ нашихъ паршизановъ. Въ Ургель учреждается Регентство и Юнша Правленія, которая управляетъ именемъ Короля и щемъ дѣлаетъ начало преобразованію.

10 Апрѣля 1822 года. Конспишунціонныя анархисты производятъ неслыханныя жестокости въ Каталоніи и другихъ областяхъ, сожигаютъ деревни, убиваютъ ихъ жителей и изливаютъ ярость свою на духовенство. Королевскія войска облегаютъ Бар-

целлону, и Баронъ Эрлесь назначается Глав-
накомандующимъ Королевскими войсками.

26 Июля. Нѣсколько деревень въ Сьерра-
де-Рондѣ возстають за Король; Генераль
Виллакампа опираясь въ Ронду для успо-
коенія оныхъ; къ нему присоединяются вой-
ска изъ Малаги, Алджелиры, Кадикса и дру-
гихъ мѣстъ, поражаютъ возмущившихся и
казнятъ многихъ.

4 Сентября. Мятежники въ Валенціи
жертвуютъ своей ярости безсмертнымъ
Генераломъ Эліо. По предписанію Е. В. ошъ
7 Июля 1823 года, празднуемы были съ боль-
шимъ великолѣціемъ его похороны. Сказы-
ваютъ, что шло его, по испеченіи года,
найдено еще невредимымъ, свѣжимъ и гиб-
кимъ, ибо изъ горла, носа и рта текла
кровь, каковое необыкновенное явленіе по-
трясло даже самихъ враговъ его.

18 Сентября. Досшойнѣйшій отецъ нашъ
и Архіерей Донъ Алонзо-Каньедо-и-Вигиль
осуждается на ссылку изъ Испаніи, и спа-
сается бѣгствомъ въ Гибралтаръ. Его иму-
щество конфисковано.

21 Сентября. Донъ Рафаель Ріего тор-
жественно вступаетъ въ Малагу (здесь слѣ-
дуетъ подробное описаніе празднествъ). На
тріумфальномъ сводѣ находилось изображе-
ніе Дона Ріего на доскушкѣ бумаги. Онъ

пробыль здѣсь 4 дни, въ продолженіе коихъ, онъ нѣсколько разъ говорилъ съ бакова къ народу. Одну рѣчь его прервалъ крикомъ своимъ осель, шакъ, что онъ не могъ продолжать ее. Другую онъ не окончилъ пошему, что физическія его силы, по словамъ его, ему того не позволяли. Утромъ 25 онъ отправился въ Кадиксъ.

16 Декабря, торжественно обнародованъ былъ Уголовный Уставъ.

19 Февраля 1823. — Въ вечеру сего дня мяшежники нарушаютъ свяность Королевскаго дворца, и лишаютъ Е. В. свободы по произволу избирашъ и увольняютъ Сшашь-Секретарей своихъ.

7 Марта. Авангардъ Французской арміи переходитъ чрезъ Пиренейскія горы на полуостровъ. Она состоитъ изъ шрехъ дивизій и всѣхъ Испанскихъ войскъ подъ главнымъ начальствомъ Е. К. Выс. Герцога Ангудемскаго. 5,000 роянсішовъ осаждаютъ Пампелуну.

14 Марта. Коршесы объявляютъ, что они съ И. В. и Королевскою Фамилією намѣрены 20 числа отправиться въ Севиллу. Ошъездъ И. В. совершается 20 числа съ большимъ насиліемъ со стороны Коршесовъ, а 23 отправляются туда же Депутаты Коршесовъ и Сшашь-Секретаря. Также да-

но предписаніе забрать все церковное серебро, дабы, какъ въ ономъ сказано, спасти оное отъ хищничества иноземцевъ.

20 Марша. Французская армія, въ 100,000 человекъ, проходишь чрезъ Ирунь, Аррагонію и Кашалонію, соблюдая строжайшую дисциплину.

9 Апрѣля. Въ Охарзунъ, что въ Гвипускоу, учреждаешся отъ имени Короля временная Правительствующая Юнша.

10 Апрѣля. И. В. и Королевская фамилія прибыли въ Севиллу.

1 Мая. Конспирціонное Аюншаторство въ Малагъ шоржесивенно объявляешъ войну Франціи и другимъ союзнымъ Державамъ.

6 Мая. Революціонная партія осуждаешъ на ссылку Епископа Леридскаго, двухъ Игуменовъ, нѣскольکو Канониковъ и Священниковъ, и 30 монаховъ различныхъ орденовъ, ешарцевъ, имѣвшихъ отъ 70 до 80 лѣтъ отъ роду. Сверхъ того, убиваюшъ Епископа Вихскаго.

9 Мая. Французскія войска вступаютъ при громкомъ изъявленіи радости въ Бургось. Графъ Абизбаль сдаешся съ своею дивизією на капитуляцію. Дивизія Генерала Баллеспероса уничтожена, а онъ самъ съ немногими приверженцами спасаетъ бѣг-

сшвомъ. Предписаніемъ Корщесовъ увольняющіяся Генералы Абизбаль, Баллесперосъ, Мина и Виллакампо.

23 Мая. Французскія войска, подъ начальствомъ Е. К. Выс. Герцога Ангулемскаго, вступающъ при громкомъ рукоплесканіи въ Мадридъ.

26 Мая. Въ Мадридъ учреждается Регеншсшво, состоящее изъ Герцога Инфантадо, Герцога Моншемара, Донъ Жуана Каби, Епископа Осунскаго, Донъ Антоніа Гомеса Калдерона, Барона Эролеса и Донъ Франциска Фаддея Каломарде-и-Репазуна, въ званіи Секретаря, а дѣйствіе Правительствующей Юншы въ Охарзунъ прекращаешся.

30 Мая. Дивизія, подъ главнымъ начальствомъ Е. К. В. Герцога Ангулемскаго, идеть къ Севильѣ для освобожденія И. В. и Выс., и въ то самое время приходить извѣстіе, что И. В. принуждены были опраться въ Кадиксъ.

11 Юни. Сверженіе съ престола Е. В. рѣшено большинствомъ голосовъ и обнаружено, и учреждено Регеншсшво. И. В. и Королевская Фамилія прибыли 14 Юня въ 4 часа утра въ Кадиксъ. Ни одинъ изъ Посланниковъ при лицѣ Короля не признаешъ Регеншства.

17 Юня. Севилла пребываетъ въ анархическомъ состояніи. Упрямъ является Лопесъ Баньосъ съ ошашками войска Абизбалевоу дивизиі предъ Трианскою засавою, послѣ него Каспелъдоній и наконецъ Генераль Зайасъ; народъ прошивишя ихъ вшепвию, палишя изъ пушекъ съ мосша, и наносишя великій вредъ конспиуціонному войску; однако же Баньосъ успѣваетъ овладѣшя мосшомъ и вступишя въ Севиллу. Онъ собираешя 3 милліона подаши, и къ ушру 18-го выходишя изъ города.

22 Юня. Въ Малагу спасающя многіе бѣглецы конспиуціонныхъ войскъ, а 27-го вступаетъ шуда Генераль Зайасъ съ 400 человекъ конницы и принимаешя главное начальство. Число бѣглицевъ, безпрерывно увеличиваяся наконецъ, составляетъ около 4000 человекъ пѣхоты и 500 человекъ конницы, ошашокъ всѣхъ конспиуціонныхъ войскъ. Генераль Зайасъ пребуешя значительной подаши, но получаешя только 200,000 реаловъ и ошправляетя въ Аншекверу.

23 Юня. Регеншество объявляетя виновными въ оскорбленіи Величества, всѣхъ членовъ собранія Коршесовъ, подавшихъ голосъ къ смѣненію Короля, всѣхъ лицъ, составлявшихъ инсургеншское Регеншество, и всѣхъ

начальниковъ, участвовавшихъ въ перевезеніи И. К. В. и Выс. въ Кадиксъ, и предписываетъ Цеушскому Губернатору воспретить спсвовашь всшупленію Коршесовъ и революціоннаго правленія въ сей городъ.

1 Іюля. Върноподданные жишелн Сіерраде-Ронды вторично принимають спорону Короля. Военачальники Юбрикского Капшона и другихъ мѣспъ, которые посреди сихъ скаль уничтожили ужасную военную силу Наполсонову, созываютъ приверженцевъ своихъ, разбиваютъ конспшпуціонное войско, и выгоняють оное изъ Сіерры. Они приглашаютъ Генераль-Лейтенанта Донъ-Жуана-Каро, бывшаго Губернатора Малагскаго, приняшь надъ ними главное начальство; онъ соглашается на ихъ приглашеніе, и возспановляетъ Королевское правленіе въ Рондѣ.

12 Іюля. Дивизія изъ 6,000 человекъ дѣлаешь вылазку изъ Кадикса, но прешерпываетъ совершенное пораженіе и значительный уронъ убишыми и ранеными.

25 Іюля. Французскія войска всшупаютъ въ Гренаду. Находящіеся въ Малагѣ бѣглецы и приверженцы конспшпуціи приходятъ опъ шого въ величайшее замѣшательство и спасаются въ Гибралтаръ, Мадорку, Англію и другія спраны.

11 Августа. Генераль Зайасъ возвращаеся съ 1000 человекъ пѣхоты и конницы изъ Алланіи и Велеза въ Малагу. Партизаны Донъ-Франциска Гомеза, называемаго также Паншиско, вмѣстѣ съ Сіерра-де-Рондскими, изрубивъ Малагскій гарнизонъ, приближающагося къ городу на полъ-мили.

17 Августа. Утромъ сего дня Генераль Донъ-Рафаэль Ріего въ крестьянской одеждѣ прибылъ на лодкѣ изъ Кадикса въ Малагу.

18 Августа. Въ вечеру большой смотръ конспиріуціоннаго войска въ Малагѣ, состоящаго изъ 16 полковъ пѣхоты, всего 4,000 человекъ, и 6 полковъ конницы, всего 600 человекъ. Генераль Зайасъ сдаетъ главное начальство Генералу Ріего.

21 Августа. Войска окружають монастыри, и многіе монахи отправляюцца на фрегатахъ Ла-Комунерасъ. Между прочими взяты подъ стражу Генераль Зайасъ и двое другихъ Генераловъ, и отправлены въ Кадиксъ.

23 Августа. Собирають все серебро изъ монастырей и приходскихъ церквей.

26 Августа. Никому не позволяеся ни входить въ Малагу, ни выходить изъ оной; собирають податъ въ 2 миліона. Пресвитера Донъ-Аншонія-де-ла-Торре и семерыхъ другихъ особъ выводятъ изъ шем-

ницы на мило ошь города, гдѣ ихъ съ величайшею жестокостию умерщвляють.

27 Августа. Рѣшено, снова построишь крѣпость Гибралѣоро. Нѣсколькихъ монаховъ отправляють въ Гаванну.

1 Сентября. Отправляютъ моремъ въ Каршагену, негодныхъ солдатъ, 18 сундуковъ съ деньгами и серебряною утварію и множество състныхъ припасовъ, за кощорые не могутъ заплашить.

2 Сентября. Конституціонное войско, состоящее изъ 4000 человекъ пѣхоты и 500 конницы, спрощся въ Аламедъ и подъ начальствомъ Генерала Ріего идетъ къ Велезу.

4 Сентября, въ 6½ часовъ утра, являешся Французскій парламентаръ, а 7 сдаешся на капитуляцію отрядъ, оставленный Генераломъ Ріего въ Аламедъ. Дивизія Французскихъ войскъ ошь 2500 и до 3000 человекъ, съ 10 пушками и 4 гаубицами, подъ начальствомъ Генерала Любердю, всшупаетъ въ городъ при громкихъ восклицаніяхъ народа. Спасую Короля спавяшь снова на прежнее мѣсто. Французская конница преслдуешъ дивизію Генерала Ріего, и беретъ множество пленныхъ. Въ 9½ часовъ вечера всшупаетъ дивизія Испанскихъ войскъ подъ начальствомъ Губернатора Донъ Жуана

Каро, и правленіе Е. К. В. возстановлено въ семь городъ. Пльннымъ возвращается свобода. Въ слѣдъ за нагруженными барками посылають вооруженныя лодки, кошорыя и возвращають 12 изъ нихъ, изъ коихъ одно съ серебромъ. Однако же не могли насигнуть суда съ пльнными Капуцинами.

6 Сеншября. Половина дивизіи Французской вышупаешь въ походъ къ Велезу, для преслѣдованія Ріего.

7 Сеншября. Торжественный церковный ходъ, въ возблагодареніе Свяшому Угоднику, покровителю города, за спасеніе изъ рукъ Якобинцевъ.

9 Сеншября. Вышупаешь впорая половина Французской дивизіи по направленію къ Аншекверъ, для соединенія съ корпусомъ, двѣислвующимъ прошивъ Ріего.

14 Сеншября. Ріего всшупаешь въ Яэнь, хочешь воспользоваться церковнымъ серебромъ и наложитъ значительную подашь, но не успѣваетъ ни въ шомъ, ни въ другомъ, съ шремя шоварищами спасается бѣгшвомъ въ деревню Аргвильось; вмѣстѣ съ ними захвачень 15 числа Алкадомъ и нѣсколькими крестьянами и въ 8 часовъ вечера опшведень въ Каролинскую шемницу.

16 Ссншября, возвращаешь Епископъ Доль Алонзо Коредо-и-Вигиль изъ зашоче-

нія, народъ принимаешь его съ громкимъ рукоплесканіемъ.

18 Сенсября, возвращаюцца въ Малагу Капуцины на шомъ же суднѣ, на кошоромъ Ріего опсправиль ихъ въ Каршагену.

20 Сенсября, по ушпру, занимають союзныя войска крѣпоспцу св. Пешра. Французы берушь Трокадеро, съ значительною пошерекю пушекъ, и шѣсьѣ осаждають Леонъ и Кадиксъ.

27 Сенсября. Коршесы расходящя въ Кадиксъ и предоспавляють подную верховную власшь Королю. Народъ возспаешь въ Кадиксъ, восклицая: да здравствуетъ Король! Смершь ширанамъ! (разумѣя подъ симъ Коршесовъ).

1 Оксября. Король и Королевская фамилія, освобожденные ошь власши инсургеншовъ, опсправляюцца въ Пуершо-де-Санша-Марія. Въ шомъ же день Е. В. издаешь предписаніе, въ силу коего уничтожаюцца всѣ акшы шакъ называвшагося Конспишущіонаго правленія, а подшверждаюцца всѣ шѣ, кошорые были совершены Охарзунскою Юншою и Мадришскимъ Регеншпшвомъ.

3 Оксября, въ 7 часовъ ушпра, занимають союзныя войска, подъ начальшвомъ Генераль-Лейшенанша Бордесу, Кадиксъ и Леонъ ошь имени Е. В. Короля.

6 Октября, Е. В. повелѣваетъ во всѣхъ церквахъ Королевства принести торжественную жертву умилосердія, по причинѣ неслыханныхъ оскорбленій, нанесенныхъ Господу Богу, во время революціи безбожниками и вольнодумцами (ateos, materialistas у libertinos.)

8 Октября, Е. В. и Королевская фамилія имѣють торжественный въездъ въ Севиллу.

9 Октября. Е. К. В. повелѣваетъ во всѣхъ церквахъ Королевства отслужить панихиду по усопшихъ, пожертвовавшихъ жизнью для защиты правъ Церкви и Престола.

7 Ноября, оповодяшъ мяшежника Донъ Рафаэля Ріего въ Мадридъ, гдѣ осуждаютъ его на висѣлицу и казнятъ его.

13 Ноября. Торжественный въездъ Е. В. и Королевской фамиліи въ Мадридъ, при громкихъ изъявленіяхъ всеобщей радости.

8 Января 1824 года, учреждается въ Мадридъ Судъ всеобщей Полиціи.

1 Маія, издаетъ Король актъ всепрощенія съ извѣстными исключеніями.

18 Юля, открываютъ въ Малагѣ сильныя признаки конспиріуціоннаго прошиводѣйствія, а именно, узнаютъ, что въ Гибралшарѣ готовишся новая экспедиція мя-

пешниковъ, и ловяшь двухъ шпионовъ съ возмущительными прокламаціями. Войска оспаются подъ ружьемъ, и Генераль Донъ Жозе Олавдонъ принимаешь всѣ нужныя мѣры предосторожности.

3 Августа. Утромъ сегодня опрядь-маше пешниковъ изъ 100 человекъ, подъ начальствомъ Франциска Вальдеза, опплывшій изъ Гибралтара, приспаше къ берегу въ Тарифъ, нападаешь на малочисленный гарнизонъ, овладѣваешь симъ городкомъ, мгновенно увеличиваешь число своихъ приверженцевъ, освобожденіемъ капоржниковъ и принятіемъ нѣсколькихъ бѣглецовъ, до 400 человекъ, и налагаешь подать во 100,000 реаловъ. 6го посылаешь Донъ Жозе Одонель изъ Алхезиры Полковника Донъ Жозе Баррадаса съ нѣсколькими войсками къ Тарифъ, куда 7-го приходишь еще нѣсколько Французскихъ войскъ подъ начальствомъ Графа д'Асторго, съ двумя Французскими фрегатами и гондешою; всѣ они вмѣстѣ блокируютъ Тарифу съ моря и съ суши. Сдѣлавши проломъ въ стѣнѣ, войска проникають 19 числа въ городъ и овладѣвають онымъ. Машеаники спасаються бѣгствомъ, одни на соседній островокъ, другіе въ крѣпостицу Саяна-Кашилину. Испанскія войска берутъ последнюю приступомъ, а 20 числа Французы

овладѣвають укрѣпленнымъ островомъ, гдѣ находясь 20 пушекъ и беруть въ плѣнъ 160 человекъ мяшежниковъ. Вальдезь, пользуясь ночьюю темнотою, спасается бѣгствомъ. Плѣнныхъ опводеши въ Алджезиру, гдѣ однихъ казнятъ, другихъ ссылають на кашорту. Въ Именѣ возстають также конспирюціонная партія подѣ начальствомъ Христо-баля Лопеса Герреры, но храбрый офицеръ съ 10 человекъ солдатъ, разбиваетъ ихъ и беретъ нѣсколько плѣнныхъ, изъ коихъ шестеро казнены 23 числа въ Алджезирѣ.

13 Августа, показывающа близъ Аль-меріи бригадина и фелука, и подають сигналы, на копорые отвѣчаютъ изъ города. Заботливый Губернашоръ приказываетъ занять важнѣйшіе пункты, и взять подѣ спражу нѣсколько подозрительныхъ особъ. 14 числа приближающа оба судна, прибывшія изъ Гибралтара съ 50 человекъ вооруженныхъ мяшежниковъ, при сильномъ огнѣ, копорому съ большимъ успѣхомъ отвѣчаютъ баштареи съ берегу. Инсургентны при-стають къ берегу на полъ-мили отъ Аль-меріи и идутъ къ Гвесіи, гдѣ они издають прокламацію, въ копорой называютъ себя вшорою дивизією освободительной арміи. Къ нимъ присоединяюща болѣе 450 человекъ пѣхоты и 80 человекъ конницы, и 16

числа они приступаютъ къ городу, но шамонній гарнизонъ отражаетъ ихъ на всѣхъ пунктахъ. Послѣ непрерывной пальбы, продолжавшейся 4 часа, они ошесупаютъ въ Бенагадукъ. Но шамъ, оставленные соединившимися съ ними конспрабандистами, они были совершенно разсѣяны нападшими на нихъ роялистами; въ числѣ 30 павниковъ, находились не только всѣ офицеры Гибралтарскихъ бѣглецовъ, но и Французскій Генералъ Мейшарло, называвшійся Президентомъ Французской либеральной Конфедерации; онъ былъ распрѣланъ 24 числа, объявивъ, что заговоръ сей распространяется на многіе пункты полуострова.

14 числа, взяты подъ стражу многія подозрительныя особы въ Пальмѣ, что на Малоркѣ, и найдены всѣ проекшы и бумаги масоновъ.

20 Августа, воспослѣдовалъ строгій актъ прошивъ мясешниковъ.

1 Октября, великоабно празднуемо было годовое шоржештво освобожденія Королевской фамилии.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И.

1 8 2 7.

39. *Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ.*
Сочин. Александра Пушкина. Глава
третья. С.п.б. въ тип. Депаршт. Нар.
Просв. 1827. въ 12 д. л. 51 с.

(Читатели вспомнишь, что въ первой главѣ сего романа, Поэщъ разсказывалъ намъ разсѣянную сподичную жизнь своего героя; во второй — произвольное его нуспыничесиво въ деревнѣ. Въ сей третьей главѣ, изобразилъ онъ любовь женой Ташьяны къ Онѣгину, и что-то похожее на сіе чувсиво, шолько не ясное и неопредѣленное, въ самомъ Онѣгинѣ. Здѣсь Поэщъ намъ еще лучше развернулъ характеръ своего героя. Онѣгинъ, упомясь и накучивъ видннюю жизнью, и не имѣя ни довольно силы, ни швердосши для внушренной, скользишь, шакъ сказашъ, на краю шой и другой. Онъ исчерналъ уже всѣ удовольсшвія жизни, и пошому новая любовь кажешся ему повшореніемъ скучной, давно знакомой драмы; но Ташьяна

шакъ мѣла, шакъ чиеша, съ шакою дѣй-
скою невинностію сама падаетъ въ его сѣ-
ни, что онъ не можешь вовсе избѣгнутьъ
ошъ нѣкопорыхъ впечатлѣній, хощя и ша-
ипшъ ихъ. Съ Ташьяною Поэшь шакже по-
знакомилъ насъ еще во 2-й главѣ. Она уви-
дѣла Евгенія — и всѣ романическіе герои
оживились въ романическомъ ея воображеніи:

Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малежь-Адель и де-Днаръ,
И Вертеръ, мученикъ мясежной,
И неподобный Грандиссонъ,
Который намъ наводишь сонъ,
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онъгнѣ слились.

Вся сія глава посвящена дѣйствію экой люб-
ви въ сердцѣ Ташьяны; но Поэшь нашъ лю-
бишь ошсшупленія: онъ любишь, въ проме-
жущкахъ расказа, разговорисья съ своимъ
чипашелемъ о шомъ и другомъ. Такъ и здѣсь,
сказавъ, что письмо Ташьяны къ Онъгину
было написано по-Французски, онъ весьма
оспроумно подшучиваетъ надъ шѣмъ, что
прекрасный полъ почши опучилъ насъ ошъ
природнаго нашего языка:

Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Руски;
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ погтовой прозѣ не привыкъ.

И что говорить онъ съ такою правдоподобною важностію, что можно подумать, будто бы онъ хотѣлъ выдать за починъ свои мнѣнія сію гдкую иронию:

Неправильный, небрежный лепетъ,
 Непочный выговоръ рѣчей,
 По предѣму сердечный шепетъ,
 Произведешь въ груди моей.
 Раскаяшся во мнѣ нѣшь силы:
 Мнѣ галицизмы будутъ шилы!...

Со всею его любовью къ галицизмамъ, пожелаемъ, чтобы онъ поскорѣ сдержалъ намъ свое слово, данное въ предувѣдомленіи, и подарилъ насъ новыми главами Онѣгина, въ кошорыхъ, по слрранному, свойственному Поэшамъ прошиворвчю, явншь галицизмовъ, за што много естѣ истинныхъ, неподражаемыхъ красотъ).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Посвѣтители Висваденскихъ теплицъ.

Повѣсть сочин. Г-жи Шопенгауеръ.

„Хорошо, что ты вотъ здѣсь попался!“ вскричалъ Баронъ Райнершгаузенъ, схвативъ за руку своего племянника, котораго только что хотѣлъ юркнуть въ одну изъ богатоубранныхъ лавокъ, помѣщенныхъ въ галлерей передъ сборною залою. „Скажи мнѣ пожалуста, Адельбертъ, что долженъ я о тебѣ подумать?“ продолжалъ онъ, и чѣмъ съ большимъ жаромъ говорилъ въ послѣдствіи, тѣмъ скорѣе расхаживалъ взадъ и впередъ по галлерей. „Полно, не оглядывайся на этакія хрусталь, успеешь закупить въ другой разъ, а теперь изволь мнѣ отвѣчать. Съ тѣхъ поръ, какъ ты ворошился изъ пунешествія, совсѣмъ не узнаю тебя; ты, правда, всегда былъ не веселаго десятка, однако былъ малый съ огнемъ, съ ду-

шею, съ чувствомъ, а шеперь спалъ совсѣмъ не шомъ.“

— „Любезный дядюшка,“ сказала Адельбершъ, „меня бы очень огорчило, если бь вы...“

„Э, милый, совсѣмъ не шо!“ прервалъ его Баронъ: „за чѣмъ бышь шакъ, ни шо ни сѣ. Я съ шакою радоспю, съ шакими надеждами, вхалъ сюда въ Висбаденъ шебъ на встрѣчу, и чшо жь я нашель? Предеспнвйшя дѣвицы — личики, какихъ, передь Богомъ, никакой живописецъ не нарисуетъ красивѣе, даряшъ молодца улыбкою, а онъ споишь, какъ исшуканъ, кланяешся не ловчѣе куклы на проводокъ, и бѣжипъ вошь при первомъ удобномъ случаѣ, какой предспавишся. Такъ ли живущъ люди въ свѣшъ? и шакихъ ли примѣровъ набрался шы въ пушеспивяхъ. Если шаковъ чужеземный обычай, шо я благодарю Бога, чшо проживши сорокъ восемь лѣшь, не знавалъ его, и поверни меня холь куда...“

— „Ахъ, любезный дядюшка, нечего и говоришь о шомъ: мы всѣ, молодые люди, давно знаемъ, какой вы намъ опасный соперникъ...“

„Молчи!“ вскричалъ Баронъ съ притворнымъ гнѣвомъ, не могли однако удержашься опъ самодовольной улыбки: „шы думаешь. поддѣшь меня на лѣспивыхъ сло-

вахъ — нѣтъ, брашъ, не проведешь! Ты знаешь, чего я пребую, знаешь, что мнѣ смертельно хочешь видѣшь тебя женатымъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — только не на чужестранкѣ — нѣтъ! онъ намъ не годящся. Какая нибудь Берлинка, Франкфуршка, Ганноверляка, все это намъ не подѣ спашъ, хоть какъ бы ни были онѣ любезны. А вошь, двѣ дѣвицы Амлергайнъ — я долженъ тебѣ признаюсь, что изъ опецъ, мой старинный пріятель, не совсемъ безъ моего содѣйствія пріѣхалъ сюда. мы вѣдь съ нимъ близкіе сосѣди! Посмотри же ты на эшихъ барышень — ну, право премиленькія, и между нами говоря, ужъ закидываютъ на тебя глазки. Бѣлокурая Тереза, брюнетка Берша — одна свѣжа, молодая, какъ майская роза, другая свѣпла, чиста, какъ небесная росинка — ну, что жъ ты скажешь, худъ мой выборъ, что ли? Да не стой же брашець, какъ пенъ?”

— „Любезный дядюшка, и майская роза и небесная росинка, обѣ не для меня!“ отвѣчала Адельбертъ споль же скромно, какъ и рѣшишельно.

„Обѣ не для себя!“ повторилъ съ сердцемъ Баронъ. И онъ вѣрно далъ бы полную волю своему гнѣву, если бъ не увидѣлъ издали нѣсколькихъ знакомыхъ дамъ, копорыя

*

медленно приближались по аллею. „Скажу же тебе разъ на всегда свое мнѣніе, а шамь дѣлай, что хочешь!“ продолжалъ онъ въ полголоса и съ едва удерживаемою вспыльчивостію. У меня совсѣмъ нѣтъ охоты, еще одну зиму просидѣшь одному въ усадьбѣ своей, или въ дурную погоду и по сивжнѣмъ дорогамъ пускаешься за нѣскольکو миль, искаешь какого нибудь скареднаго, скучнаго знакомства — нѣтъ, мнѣ ужъ не должно! Бывало прежде люди были и оставались молоды, и тогда еще, какъ наступалъ, такъ называемые зрѣлые годы, бывало, вездѣ найдешь веселое общество, — а теперь все только шарикъ, да прыжки, или удалцы, да опасные; шѣмъ и другимъ усердно кланяюсь! Мнѣ надобно, чтобы вокругъ меня была семья, съ кошорою могъ бы я вести жизнь веселую и оправдую, къ чему впрочемъ Господь Богъ послалъ мнѣ все нужное. И такъ, прежде нежели наступитъ зима, изволь найми себѣ молодую хорошенькую жену, да чтобы она была здѣшняя уроженка и мнѣ понравилась, а не что увидишь, что я сдѣлаю!“

— „Однако, дядюшка, чтобы послѣ такого скорого выбора намъ обоимъ не раскаяться: если молодая, прекрасная жена вздумаетъ окружить себя большимъ обществомъ

и заведешь шумную, суешную жизнь въ усадьбѣ вашей!“

„По мнѣ хошь собери около себя цѣлое стадо поддипаль, разумьешься добросовѣстныхъ — шѣмъ веселѣе мы заживемъ, шо ешь я, молодая швоя жена и ея почишашели, въ которые впишусь я первый; шо-шо будешь у насъ раздолье!“ вскричалъ Баронъ въ запальчивосши. „А ты изволь себѣ шогда играшь роль философа, сколько угодно. Если жѣ не здѣлаешь шого, что мнѣ угодно, шо ешь не женишься; шо я самъ жениюсь, шогда ты изъ наследниковъ моихъ въ опшпавку, и Богъ знаетъ, можешь быть пошеряешь и свое маіоратство. Тутъ ешь одна дѣвица Вальборнъ, краса здѣшнихъ дамъ и хошь иносшранка, но ко мнѣ кажешся, довольно благосклонна — что ты смѣешся, поспрѣшь?“

— „Извинише, дядюшка, я право не думалъ васъ обидѣшь своимъ смѣхомъ. Эша дѣвица Вальборнъ, кошорая шакъ часшомѣняешъ своихъ любимцевъ, какъ свои шляпки и косынки...“

„Молчи, пожалуйста,“ прервалъ Баронъ, знаю, что у тебя какая-шо шпранная аншпашія къ эшой дамѣ, и ты съ нею обращаешся иногда шакъ, что право мнѣ за себя сшудно. ~~Для~~ ~~тебя~~ ~~она~~ конечно не

пара, и ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ бы я видѣть ее публично женою; но развѣ изъ этого надобно бытъ невѣжливымъ и несправедливымъ? и къ кому жь? къ слабѣйшему подлу?“

Между тѣмъ довольно уже близко подошли къ аллее дамы. Шедшая впереди двѣица Вальборнъ прибавила шагу, чтобъ поскорѣе поклониться Барону, съ копорымъ ей нужно было переговоры о тысячѣ разныхъ мелочей для условленной на дняхъ загородной повѣздки. Дядя хотѣлъ прийтись къ совѣщанію племянника, но сей, въ самомъ еще началѣ, съ легкою уклонкою, промелькнулъ мимо дамъ и опошелъ ужъ такъ далеко, что нельзя было и кликнуть его.

„Вотъ, опять ушелъ! Это право несносно!“ вскричалъ Баронъ.

— „Почему жь“ — сказала Мальвина Вальборнъ: „почему не предоставишь вашему племяннику свободы убѣгашъ отъ общесства, въ копоромъ не находишь онъ удовольствія.“

„Вы всегда гошовы“ — замѣнилъ Баронъ, все еще сердитый, „скажашъ доброе слово объ Адельбертѣ, лишь только увернешся онъ, какъ шеперь, съ глазъ вашихъ.“

— „Попому, что я всегда охотно говорю о людях доброе за глаза“ — ошвѣчала Мальвина смѣючись; „а молодой Райнершгаузенъ конечно часто подаешь мнѣ къ шому случай.“

„Однако, признайшесь: вѣдь вы не замѣчаете, что это ужъ слишкомъ часто случается. Впрочемъ я радъ, лишь бы дядя выигрывалъ шамъ, гдѣ племянникъ шеряешъ по безразсудной заспѣчивости.“

Говоря такимъ образомъ, они со всѣмъ обществомъ ошшли по аллеѣ далеко отъ сборной залы.

„Кто таковы эти люди? спросилъ высокій, пожилой и загорѣлый офицеръ въ Англійскомъ мундирѣ, у человека, съ котормъ сидя на одной скамьѣ въ кустарникѣ, прислушался онъ къ разговору мимошедшей группы.“

Докторъ Браунъ, къ которому былъ обращенъ вопросъ, принадлежалъ къ числу шѣхъ людей, какихъ вездѣ бываетъ мноо, а особливо въ большихъ городахъ и въ сборныхъ мѣстахъ особъ высшаго званія. Они все знаютъ, во все мѣшаются, обо всѣмъ заботяшся, по недостатку собственнаго занятія; особливо же шрутся они около чужестранцевъ, спаряюшся сдѣлашся для нихъ необходимыми и были бы неушѣшны, ес-

ли бь какой нибудь позначишельнве завзжій провель сѹшки на одномь мѣспѣ, не насладясь ихъ лицезрѣнїемъ.

„Эшошь сшашный мужчина въ модномь сершукѣ, съ важною осанкою, и по лѣшамъ своимъ немного слишкомъ щеголеватый, — эшо Баронъ Райнершгаузенъ, богашый дворянинъ, кошораго помѣсье находится въ Мекленбургѣ.“ Такъ, ошвѣчалъ Докшоръ Браунъ, весьма обрадованный, чшо можешъ прислужишься чужеспранцу. „А вонъ шопъ“ — продолжалъ онъ: „блѣдный, суровый на взглядъ молодой человекъ, кошорый ошшелъ прочъ, какъ скоро приблизились дамы — эшо племянникъ Барона и какъ должно полагають наследникъ его.

„Тъмъ лучше для него!“ пробормошала Англїйскїй офицеръ кошораго, судя по выговору, скорѣе можно было счешъ за наспоящаго Нѣмца, но шакого, кошорый, по долгому пребыванїю въ Англїи, ошвыкъ ошъ сраго роднаго языка, и прїучился перешаскивать съ Англїйскаго слово въ слово всѣ употребительнѣйшія жїшейскїя рѣченїя, чшо весьма не рѣдко случается съ шѣми, кшѣ живучи долго въ чужомъ краю, имѣль обращенїе все шолько съ шужемцами.

„А вонъ еще двое молодыхъ людей, эши вчера шолько прїѣхали, и хошя не включе-

ны еще въ лиспки о прїѣзжихъ къ шепличамъ, но вписались уже въ число почтительней дѣвицы Вальборнъ.“ Эти послѣднія слова, Докшоръ Браунъ произнесъ съ лукавою миною и самодовольною улыбкою.

Офицеръ пробормоталъ что-то по Англійски и перевернулся на скамьѣ, шакъ, что къ сосѣду почши оборотился спиною.

„Да, да, въ свѣшѣ не безъ чудесъ, а особливо въ шакомъ шепличномъ свѣшѣ, какъ здѣсь; вошь я вамъ доложу...“ продолжалъ Браунъ, ни мало не счищая себѣ помѣхою, что его невнимательный слушатель явно обнаруживалъ скуку. „Маленькая, но подшовавшая женщина, кошорая шла возлѣ прекрасной дѣвицы — эшо жена одного Ганноверскаго дворянина; она больна модною бользнію, нервическою слабосью; но маленькая барышня, воспитанница ея мужа — она-то здѣсь собшвенно солнце, полярная звѣзда, ось, около кошорой все движешся. Въ Англии, какъ я слыхалъ, ешь люди, представляющіе на теплыхъ водахъ благочиніе въ лицахъ и наблюдающіе за порядкомъ въ обществѣ; но у насъ, у насъ ешь шепличные дамы, кошорыя, напрошивъ, на помъ спояшь, чтобъ кружишь людямъ головы и сердца. Теперь здѣсь въ Висбаденѣ, Мальвина Вальборнъ неограниченная владычица, и

ни одна соперница не смѣешь оспаривать у нея этого титула.“

— „Мальвина... какъ вы назвали?“ спросилъ Нѣмецкій Англичанинъ, сдѣлавшись внимательнѣе.

„Мальвина Вальборнъ“ — повторилъ Браунъ: „однако исключая имени, ни по чему не узнаешь, откуда она собственно родомъ. По-Англійски, и по-Французски, и какъ увѣряюшь, по Итальянски говоришь она также славно, какъ и по-Нѣмецки. Поешь — что швоя Капалани! шанцуешь не хуже какойнибудь Лемьеръ, и любишь подсмѣяться на счетъ ближняго, даже иногда и надо мною.“

— „Humgst!“ пробормоталъ офицеръ въ глубокомъ размышленіи.

„Что она прекрасна, вы г. Маіоръ, конечно сами замѣшивъ изволили, но ужъ наши молодые господчики черезъ чуръ околдованы ею. Сколько возни, хлопотни, спору и бѣгання, изъ того шолько, чтошобъ имѣшь честь на прогулкѣ нести шаль ея; и старый Баронъ Райнершгаузенъ шуда же гоняешся за нею, не хуже молодежи.“

„А ешь у нея особенный фаворитъ?“ спросилъ Маіоръ съ большимъ участіемъ, не жели какое оказывалъ до сихъ поръ.

— „Чрезъ каждыя три дни новый, и доложу вамъ, нѣтъ ничего горше въ свѣтѣ, какъ видѣшь эшихъ бѣдняковъ, послѣ ихъ опалы: бродяшь какъ швѣи, но за всѣмъ шѣмъ судьба предшественниковъ не вразумила ни одного. Вы вѣрно замѣшили молодого челоуѣка, кошорому шакъ приспало его охощичье плашье? Онъ шущъ же прошель въ свѣтѣ нашей новой Армиды. Уже пяшь дней, какъ онъ въ милосши, шо ешь, имѣешь позволеніе, неши за нею ридикюль, какъ вы видѣли; она принимаетъ ошь него цвѣтны, кошорые онъ подноситъ ей за объдомъ, вальсируешь съ нимъ, когда придетъ ей охоща шанцовашъ, и позволяешь ему стояшь въ сборной залѣ за своимъ спуломъ. Такъ долго никто еще не былъ счашливцемъ. Г-жа Эльрихъ, машь эщого молодца, ужъ и поговариваешь, что изъ того можешь выйши что - нибудь прочное, и всячески забъгаешь къ г-жѣ Шшейнфельсъ, у кошорой живешь красавица, чтобъ въ искреннемъ разговорѣ поразвѣдашь о денежныхъ и другихъ обстоятельствяхъ. Но, хопите ли объ закладѣ, что не далѣе какъ завшрашній день кончидься приволье молодого охощника? Вы вѣдь замѣшили молодого горнаго офицера, кошорый шо же прошель здѣсь за нею, и кошорого я даже еще не знаю имени. Чер-

ный горный мундиръ появляешся здѣсь рѣдко; въ немъ есть что-то романшическо-привлекательное; бьюсь объ закладъ, о чемъ хошите, что завтра же черная курпка съ прекраснымъ серебрянымъ позументомъ вышъснитъ зеленый охотничій кафшанъ.

— „Эшо не хочешъ опшвѣчашъ!“ сказала про себя Майоръ, кошорый, не слишкомъ обращая вниманіе на послѣднюю длинную рѣчь Докшора, былъ погруженъ въ думу и чершилъ на пескъ разныя изображенія пазкою.

„Что изволили сказашъ?“ спросилъ Докшоръ. Онъ не догадался, что сосѣдь его буквально перевелъ Англійскую фразу: *it will not answer*, кошорая на чиспомъ Нѣмецкомъ языкѣ значила: *es kommt nichts dabei heraus* (изъ шого ничего не выйдешъ). „Хошите ли бишся объ закладъ?“ спросилъ онъ еще, не получивъ опшвѣша на прежній свой вопросъ.

— „Съ незнакомыми я не бьюсь“ — опшвѣчалъ съ досадою офицеръ.

Докшоръ помолчалъ нѣсколько минушъ, но странное обращеніе сосѣда, все еще не опшолкнуло его. „Видите ли“ — началъ онъ снова: „молодой Райнершгаузенъ возвращается назадъ — шомъ самый, что давиче убѣжалъ опъ дамъ. Эшомъ молодой человекъ — фениксъ, феномень въ своемъ

родѣ. Онъ совсѣмъ не любишь прекраснаго пола, а къ дѣвицѣ Вальборнъ пишаешь какую-шо ненависть. Его, одного шолько его не опушала могущественная волшебница своими сѣшями. Когда шолько возможно, онъ убѣгаешь ея, а если ужъ надобно пробышь нѣскольکو времени съ нею; шо такъ мало обращаешь на нее вниманія, что даже выходишь изъ границъ приличія. Точно, будшо она совсѣмъ для него не существуешь; онъ, доложу вамъ, ни однимъ взглядомъ ее не удостоиваешь. Ага! подумалъ я сначала: Донъ Цезарь и Донна Діана *)! Молодецъ лукавишь: хочешь гордую красавицу побѣдишь упрямствомъ; спараясь преодолѣшь его, она сама попадешь въ сѣшь; однако я очень ошибался. Уже скоро при недѣли, какъ они видяшся здѣсь и очень равнодушны другъ къ другу; дѣвица Вальборнъ шакже мало занимается имъ, какъ и онъ ею: они взаимно оншалкиваюшся, какъ сѣверъ и югъ, и не смощря на всю нееспешвенность шого, у нихъ, какъ будшо бы шакъ должно быть. Посудице сами: она краса нашихъ дамъ, а онъ за шо краса нашихъ молодыхъ людей; собою молодець и, когда захочешъ,

---

(*) Дѣйствующія лица изъ Киндовой Комедіи.
Пр. Перев.

можетъ быть очень любезенъ. Посмотрите, Бонъ онъ идетъ опять назадъ — видно не далеко Мальвина — такъ и есть, вонъ вся компанія приближается сюда, и, не говоря ли я? горный офицеръ несетъ уже шаль, а охотникъ остался только при одномъ ридикюль.“

„Желаю вамъ добраго утра!“ сказалъ Англійскій офицеръ, вспавъ съ мѣсна и приподнявъ на головѣ шляпу.

Докторъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на него. „Развѣ не хошите дождаться здѣсь торжественнаго шествія прекрасной волшебницы?“ спросилъ онъ.

„Боюсь поймать здѣсь холоду на водѣ.“ отвѣчалъ Маіоръ и пошелъ прочь. Порывавшись въ аллеѣ съ обществомъ, онъ бросилъ пасмурный, пронизательный взглядъ на Мальвину, и прошелъ мимо, не поклонясь.

Покачивая головою, Докторъ отправился домой и разсуждалъ о странномъ чудеснранцѣ, а еще болѣе объ его послѣднихъ непонятныхъ словахъ, которыя значили только: боюсь получить насмерть: I fear to catch a cold.

Мальвина Вальборнъ не имѣла правильности въ чертахъ лица, но было дѣйствительно самое прелестное и привлекающее созданіе. Докторъ сдѣлалъ также довольно вѣрное описаніе того, какъ обращалась она съ мужчинами; но это скорее можно было назвать живостию, полною чувственныхъ и умственныхъ способностей или просто оригинальностію, нежели низкимъ кокетствомъ. Какая-то, ей одной свойственная прелесть сопровождала ея каждое движеніе; шла ли она, танцовала ли, занималась ли какою нибудь женскою работою, невозможно было отвести отъ нея взгляда, она имѣла гибкаго, стройнаго снана, красивенькой, опрятной ножки, или маленькихъ бѣлыхъ пальчиковъ. Лица ея, разбирая до черта, почти нельзя было назвать прекраснымъ; на щекахъ ея не цвѣли ни розы, ни лиліи; она принадлежала къ числу пѣхъ рѣдкихъ, почти прозрачно-свѣдлыхъ брюнетокъ, которыя невыразимо прелестны, когда покраснѣютъ, а она краснѣла часто, хотя и не была особенно смѣдлива. Ротъ ея былъ не самый маленькій, но когда говорила она, то два ряда драгоценныхъ перловъ блистали между немного выдучныхъ коралловыхъ устъ, а когда смѣялась, то по обѣ стороны дѣлались ямки, въ которыя

нѣжные пѣснопѣвцы первой половины прошедшаго столѣтія усадили бы цѣлый рой милыхъ амурчиковъ. При шомъ свѣщающіеся черныя глаза, спройный носикъ, кошорый любила она поднимать къверху, и густыя черно-блещающіе волосы, кошорые, по прелестному челу и бѣлоснѣжной шеѣ, падали сонными кудрей, не шребуя для шого искусства власочесаменя. Она казалась не старше двадцати двухъ лѣтъ, и въ самомъ дѣлѣ, едва ли было созданіе, привлекашельнѣе и заманчивѣе сей чернокудрой красавицы.

Въ обществѣ Мальвина умѣла держать себя ловко и свободно, любила смѣяться, но никогда не перешагнула за границу дѣвственнаго приличія; съ перваго взгляда показывала она, что привыкла жить въ большемъ свѣтѣ, но вмѣстѣ привыкла дѣйствовать по собственной волѣ, не останавливаясь отношеніями или мнѣніями постороннихъ людей. Машери своей лишилась она въ ребячествѣ, и росла подъ надзоромъ нѣсколько страннаго, но весьма образованнаго и умнаго отца, живучи большею частію въ иностранныхъ столицахъ, въ кошорыхъ Баронъ Вальборнъ, собственно для нея, останавливался на долгое время и не щадилъ ничего, чтобы счастливымъ способомъ своего единственнаго, любимаго

дѣйствіа дашь всевозможное развитіе. Внезапная смерть, за годъ передъ шѣмъ, похищала у Мальвины отца ея, и согласно послѣдней волѣ его, жила она съ шѣхъ поръ въ Ганноверѣ у своего опекуна, Барона Шшейнфельса, съ супругою котораго прѣѣхала къ Висбаденскимъ водамъ.

Расказывали много спранныхъ о духовной Барона Вальборна: будшо бы въ ней изъявилъ онъ желаніе, чшобъ Мальвина не выходила за-мужъ ранѣе двадцати чешырехъ лѣтъ; и будшо бы ещѣ еще секретныя предложенія къ сей духовной, которыхъ содержаніе должно бышъ объявлено въ шомъ день, когда она достигнешъ сказаннаго возраста; но никто не зналъ о шомъ ничего вѣрнаго. Всѣ эти слухи похожи были на сказки, какія легко распрощраняются о людяхъ, чѣмъ нибудь замѣтныхъ въ обществѣ. Впрочемъ шо было извѣстно, что Мальвина хотѣла досташочна, но не богата. Кромѣ небольшого капишала, наслѣдство ея отца состояло въ одномъ, довольно значительномъ помѣшѣ, смежномъ съ владѣніями г-на Шшейнфельса и находившемся доселѣ подъ его управленіемъ.

Какъ во всѣхъ обширныхъ минеральныхъ пещлицахъ, при сборищѣ людей, другъ другу чуждыхъ, съ различными отношеніа-

ми и образованіемъ; пакъ шочно и въ Висбаденѣ, общешво раздѣлялось на нѣсколько круговъ, кошорые, не безъ учаспія въ цѣломъ сосшавѣ, жили сами по себѣ, и въ особенноти эшо раздробленіе замѣшно было въ шо льшо, о кошоромъ мы расказываемъ. Не пакъ бываетъ у шѣхъ цѣлебныхъ испочниковъ, гдѣ нѣшъ многолюдства: шущъ посѣшители обыкновенно сближающа удобнѣе, и кто не имѣешъ охоты прослышъ спѣсивцемъ или чудакомъ, шощъ не можешъ жить по собшвенной волѣ, а долженъ весьма не рѣдко участвовашъ въ забавахъ, къ кошорымъ иногда совсѣмъ не чувшвуешъ склонности.

Г-жа Шшейфельсъ, самая добродушная, но впрочемъ ни чѣмъ болѣе незамѣшная женщина, сдѣлалась на сей разъ, можешъ бышъ къ собшвенному своему удивленію, ценшромъ круга, въ кошорый шѣснился всякой, кто почему-либо могъ причислишъ себя къ пакъ называемому высшему обществу. Сначала кругъ сей сосшоялъ изъ немногихъ особъ, между кошорыми Баронъ Райнершгаузенъ игралъ главную ролю, но мало по малу разширился онъ чрезвычайно, ибо Мальвина была магнитшъ, противъ кошораго не многіе могли ушояшъ. Тѣ, кошорымъ нельзя было присшашъ къ эшому кругу, нахо-

длин по крайней мѣрѣ удовольствіе, не всегда безгрѣшное, въ наблюденіи за нимъ, и довольно рѣзкія замѣчанія, дѣлаемыя обо всѣхъ его занятіяхъ, доспавляли занятіе имъ самимъ. Однако общество г-жи Шпейнфельсъ мало о томъ заботилось, ибо самая извѣстность, что спойшь на верхней ступени въ обществѣ, дѣлаетъ нечувствительнымъ ко всѣмъ подобнымъ нападкамъ. Когда вечера начали спановишься дминѣе, всѣ спшали сходишься въ сборную залу и съ шакою непринужденностію предавались всякаго рода общеспвеннымъ забавамъ, какъ будшо въ самомъ шѣсномъ кругу друзей и знакомыхъ.

Однажды вечеромъ, небольшой лѣпній дождикъ ранѣе обыкновеннаго прогналъ все общество съ площадки передъ залою; въ эту залу послѣдовала за нимъ и музыка, и когда заиграа она въ комнашѣ быспрый Ввискій маршь, шо многіе молодые люди никакъ не могли устояшь прошишь приманки волшебныхъ его поновъ. Уговорили панцовашъ и Мальвину. Горный офицеръ обхвашилъ рукою гибкій спанъ ея и она, какъ Грація, легко носилась по залѣ, а между шѣмъ, молодой олошмикъ насмурнымъ взоромъ слѣдовалъ за каждымъ ея движеніемъ. Адельбернъ, котораго рѣшищельный прикъкъ дѣ-

ди приковалъ шупъ на вѣшю вѣчеръ, сподялъ въ углу съ угрюмымъ лицомъ и далъ волю лепешашъ передъ собою двумъ дѣвицамъ Аллерсгайнъ, шолько изрѣдка принимая участіе въ ихъ разговоръ, и шо большю частію невпопадъ. Казалось, что онъ вовсе не понималъ или не хощѣлъ понять желанія, довольно ясно и нѣсколько разъ изъясненнаго и Майскою розой и небесною роснякою, что онъ шакже охотно дади бы себя повершѣшь въ залъ. Хорошо, что шаккой неучливости съ его стороны не замѣчала Баронъ Райнершгаузенъ, кошорый въ вѣшу минушу, глаза и слухъ и всѣ чувшва свои, имѣлъ шолько для одной Мальвины. Г-жа Шпейнфельсъ погружена была въ разсмашриванье одной шляпки, кошорая очень ей нравилась, и все ея вниманіе обращено было къ шому, чшобъ какъ нибудь у счастливой обладашельницы выпросить позволеніе, взяшь вѣшу шляпку себѣ для образца. Всѣ прочіе посѣшисли, спарались, каждый по своему, убишь время сколь возможно веселѣ.

Провальсировавъ нѣсколько круговъ, Мальвина съла подѣ Барона Райнершгаузена; къ ней приблизидся молодой охонникъ и хощѣлъ, какъ прежде ему удавалось, накинущъ ей шаль, кошорую, шже по прешне-

му праву, держала онъ ошорожно въ рукахъ своихъ; но на эшошь разъ она взяла шаль, даже не взглянувъ на принесшаго, и небрежно бросила ее на заспинокъ своего шула. Молодой человекъ, въ очевидномъ смущении, осмѣлился однако попросить ее на шанецъ, но когда и на это получилъ холодный отказъ, то пошелъ прочь съ поникшей головою и съ такимъ лицомъ, на которомъ ясно изображалась вся борьба досады и огорченія въ груди его.

„Какъ вы суровы и вмѣстѣ опасны, Мальвина!“ прошепшала ей Баронъ.

— „Опасна!“ отвѣчала Мальвина смѣясь: „ну, и шо еще позвоительно сказать; кто не охотно слышитъ про себя это слово, хотя и не всегда ему вѣряшь. А сурова? Эшо презешокой поклепъ! Хотя я и слышала, что въ старину употреблялось это въ числѣ нѣжностей, но для нашего времени ужъ оно не годится.“

„Благодарю, что напоминаете мнѣ о моихъ лѣшкахъ, которыя при васъ я часно забываю“ — отвѣчала Баронъ и краска выступила на лицѣ его. „Я легко и охотно забываю о томъ, не смотря на шо, что каждый день у меня передъ глазами суровость, какую получаете вы сердца мужчинъ. Да, сударыня, если бъ вы и еще разъ

назвали меня спаромоднымъ, повторю еще разъ, что вы суровы; да и какъ назвашь иначе вашу измѣнчивость: сегодня ласкаете вы юношу и своею увлекающею прелестью, спавите его на верхъ счастія и надеждъ, а за то завтра низвергаете въ преисподнюю скорби? Онь васъ ли, кошорая стоите выше всего своего пола, можно ожидать причудъ? Да и причуды дѣвушекъ, вещь слишкомъ непостоянная, а вы, крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ своимъ опшавленнымъ почипашеламъ, опшаетесь всегда равны: кто разъ пошерялъ вашу милость, шощъ уже не надѣйся приобрѣсти ее снова. Но что же сдѣлалъ вамъ, напимѣрь, эшошъ Эльрихъ, кошораго вы шакъ жешкоко, почши презришельно опшалкиваете, шогда, какъ нѣсколько дней вы принимали его угожденія по крайней мѣрѣ безъ досады?"

— „Онь мнѣ наскучилъ; развѣ эшо не стоишь наказанія?“ опшвѣчала Мальвина съ насмѣшливою важностью.

„Эшимъ разрѣшается едва ли и половина моего вопроса“ — сказала Баронь.

— „Такъ, вы въ самомъ дѣлѣ хошите опшояшельнаго опшвѣша? хошите сдѣлать родъ исповѣди? Ну, эшо много, однако вамъ я не могу опказашь ни въ чемъ. Скажите же мнѣ прежде, любезный Баронь, всѣмъ ли

дѣвочкикамъ оспалась въ вѣрны, къ копо-
рымъ ласкалась въ своей жизни, иногда дни
на два, не болѣе? Таковы-же вы мужчины!»,
прибавила она съ лукавою улыбкою. „Вы
присвоили себѣ право перемѣшанья оныхъ од-
ной къ другой, а сердитесь, когда мы васъ
предупреждаемъ, и даемъ вамъ ошсшавку,
прежде, нежели заблагоразсудите взять ее
сами.“

„Иной можешь бышь, ее и не возьмешь
оныхъ васъ“ — вскричала Баронъ смѣючись:
„если бь я передь вами пошрусилъ, то ска-
залъ бы; пошробуйше сдѣлашь эшо надо
мною.“

— „Ну, обь эшомъ, по крайней мѣрѣ,
спошшь подумашь“ — ошвѣчала Мальвина
обязательно. „Однако будьше справсдливь“
— продолжала она, принявъ болѣе спрогій
шонь: „моя ли вина, когда люди принима-
юшь за важное дѣло, чшо можно шолько на-
звашь забавой, ошъ бездѣлья на водахъ? особ-
ливо же, когда многіе изъ нихъ сами не
знаюшь, чего хошашь, и вѣрошнно пришли
бы въ большое смущеніе, если бь невзначай
изъ игры вышло чшо-нибудь дѣльное. Но
осшавимъ эшо! Скажише мнѣ пожалушна,
чшо эшо за фигура, вонъ шамъ, въ красномъ
жундирѣ, съ желтымъ лицомъ и пронзи-
шельнымъ взглядомъ? Уже нѣсколько дней,

какъ это явленіе сѣдуюешь за мною по пя-
пашь; на меня безпресшанно обращены, ме-
ня колющъ эти темнозеленые, впамяе гла-
за; мнѣ кажешся этошъ человекъ какимъ-
то опаснымъ волшебникомъ, родъ Шилле-
рова Армянина, а что меня онъ шакъ пре-
сѣдуюешь, это производишь во мнѣ тайный
ужась.“

„Я самъ замѣшилъ это страшное ли-
це, можешь бышь одно изъ новыхъ приобрѣ-
шеній прекрасной Мальвины“ — ошвѣчалъ
немного колко Баронъ: „вѣрно удалось ему
слышашъ о неудачахъ его предшешвенни-
ковъ и онъ хочешъ испышашъ новый пушъ,
чтобы приблизиться ко владычицѣ своего
сердца. Вошъ мы сей часъ о немъ узнаемъ,
если угодно, ошъ нашего подвижнаго реесп-
ра прѣзжихъ“ — примолвилъ онъ, помани-
къ себѣ докшора Брауна.

„Этошъ человекъ приводишь меня въ
ошчаяніе:“ сказалъ Браунъ на сдвланный ему
вопросъ. „Судя по его мундиру, надобно за-
ключашъ, что онъ Маіоръ Англійской служ-
бы; вѣрояшно сосшопишь на половинномъ
жалованѣ, какъ много подобныхъ ему ша-
пашь щеперь по Германіи, гдѣ имъ де-
шевле жишь. Впрочемъ же, не могу доло-
жишь, ни какъ его зовушь, ни ошкуда онъ
авилсъ; сѣловомъ ничего. Онъ здѣсь ни съ

къмъ не знаюмъ. На дняхъ мнѣ удалось было, по крайней мѣрѣ, ввести его въ рѣчь, но и шумъ не много я вышорговалъ. Говоришь онъ по-Нѣмецки изрядно, однако мнѣ онъ вѣчалъ все на корошкѣ, а иногда совсѣмъ наизворащъ, шакъ чшо я почини долженъ думать, въ полномъ ли онъ умѣ. Въ шепеличный лиснокъ имени его не внесушь, пошому, чшо онъ живешъ не въ Висбаденѣ. Всякое ушро прѣзжаешъ онъ сюда безъ провожашаго и поздно вечеромъ узжаешъ оняшь верхомъ. Богъ знаешъ, въ какомъ щемномъ углу основалъ онъ себѣ жилище; но я хочу, и сегодня же чшо сдѣлаю — обратишь на него вниманіе полиціи.“

— „Хорошо,“ сказала Мальвина: „если бѣ вамъ было возможно избавишь полицію ошъ шруда; при шпелъ извѣшномъ щаланпѣ доктора Брауна, мы скорѣ бы дошпигли своей цѣли.“

„Вы шумите, сударыни, съ вадишь всенижайшимъ слугою; но я радъ, чшо вижу васъ веселю: пошому чшо имѣю до васъ усердивѣйшую просьбу. Тенерь здѣсь, кажешъ ея всѣ корошкіе ваши знакомые: вдова, и семеро несчастныхъ сиротъ, черезъ меня, заклинаюшь всѣми досшойно чшимую дѣвицу Вальборнъ, бышь ихъ докровишельницею и ходашайницею. Я намѣренъ въ корошкихъ

словахъ изложиши предъ избраннѣишми крайнее похваление сего знакаго семейства, которое рекомендовамо мнѣ Его Превосходительствомъ; и Оберъ-шпалмейстеромъ; а васъ судариня всеусердѣише прошу, что окончаній крайшкѣ моея рвчи, собрать благіе дари, которыми всякой щедрѣише по силамъ; ибо для чувствительнаго сердца ничто не можетъ быть столь прогашельно, какъ если возмешоя красота...

— „Ходишь съ шарелкой кругомъ!“ прервала сухо Мальвина. „Но я не имѣю дара быть такою-нибудь belle-quéteuse и безъ-чтого должна сію же минушу итти.“

При сихъ словахъ Мальвина вспала и съ легкою уклонкою головы, премелькнула мимо изумленнаго Брауна, къ самому ошдаденному выходу изъ залы. „Мнѣ кажется, сегодня еоднечное зашмвнѣе на нашемъ общественномъ горизонтѣ“ — шепнулъ онъ въкошорымъ знакомымъ своимъ дамамъ, послѣ того, какъ проводилъ бѣглянку своими выпаращенными глазами. Дамы, которыя не упустили случая выказать, что совсѣмъ не принадлежать къ слѣпымъ почишашельямъ Мальвины, нашли эту осипроту чрезвычайно забавною, и шотчасъ распросшранили ее въ кругу подобномыслищихъ; кошорыхъ число было не маловажно. Тогда-шо

начали со всѣхъ сторонъ и громко изъясняя сожалѣнiя, что дѣвушка, исполненная столь блистательными способностями, которыхъ никто не могъ въ ней оспорить, была такъ нечувствительна, такъ безжалостна къ страдающему человечеству.

Между тѣмъ, Баронъ Райнершгаузенъ, съ очевидною досадою успѣвши выйти за Мальвиною и нацѣль ее въ галлереѣ передъ залою въ разговоръ съ горнымъ офицеромъ, который также осмѣялся уже сдѣлать легкій упрекъ за сдѣланный доктору отказъ.

„Я не могла поступить иначе“ — отвѣчала Мальвина: „многогрѣшная Браунова слезливость возбудила во мнѣ большое нещептiе; а при томъ, этого рода благошворительности не держусь я ни мало.“

— „Лучше это, нежели никакого,“ сказала Баронъ сквозь зубы.

„Всякій дѣлаешь, что можешь и какъ умѣешь, никому не отдавая въ томъ опчета, кромѣ самаго себя“ — отвѣчала Мальвина. „Но мнѣ пора идти домой: надобно сегодня же запечатать и послать на почту два письма.“

— „Счастливицы, кто ихъ получишь!“ воскликнулъ со вздохомъ горный офицеръ.

„Эти счастливицы“ подхватила Мальвина, смѣючись: „г-жа Моръ, моя модная

торговка во Франкфуртъ и мой башмачникъ въ Майнцъ. Я не веду почши никакой другой переписки.“

— „Какъ, Мальвина!“ вскричалъ Баронъ: „не уже ли у васъ нѣтъ никакой подруги, ни одного друга, кошорому вы повѣряли бы ваши чувства, мысли ваши!“

„Подругъ и друзей, слава Богу! у меня довольно, но всѣ они во мнѣ увѣрены и не имѣющъ нужды съ каждою почшою получать новыя увѣренія въ неколебимомъ дружествѣ. Еще ошъ башюшки наслѣдовала я оповращеніе къ шакимъ дружескимъ перепискамъ, — не пошому, чшобъ я боялась злоупотребленій, какія нерѣдко нынѣ изъ шого выходяшъ, нѣтъ! въ моей малозначительности, могла бы я бытъ ошъ шого безопасна; но башюшка мой утверждалъ, что молоденькая дѣвушка, пускаясь въ шакую переписку съ подобной себѣ, гошова нарочно напроказничашъ, или вообразить себѣ какія нибудь мнимыя спраданія, чшобы шолько сдѣлашъ интереснѣе свои письма. Ничего нѣтъ легче, какъ шакой дѣвущкѣ предешавить себя главнымъ лицомъ маленькаго романа и сдѣлашся вдругъ и героинею и повѣсшвовашельницею.“

— „Эшо замѣчаніе въ устахъ опышнаго знашока свѣша, каковъ былъ вашъ башюшка,“

сказалъ Баронъ необыкновенно угрожающе, „было почто на своемъ мѣстѣ; но признаюсь, ошъ васъ не желалъ бы я его слышать. Соспрананіе, участіе, склонность къ свободному изліянію чувствъ своихъ, свойственны юноши, и развѣ одна только горькая опышность въ продолженіе жизни можешь ошвратишь ошъ того. Я боюсь за васъ...“

„Вѣрно близкой кончины; пошому что умные дѣши не живутъ долго!“ вскричала смѣючись Мальвина и удалилась поспѣшно.

— „Есть ли въ свѣтѣ спраннѣ дѣвушка?“ вскричалъ Баронъ покачивая головою и смотря въ слѣдъ за нею.

„Ахъ, и прелестнѣ!“ вскричалъ со вздохомъ горный офицеръ. „Она перлъ, она неоцѣненный алмазь, кошораго блескъ освѣпшитъ и шемнѣйшую шахну человѣческой жизни!“

— „Берегитесь, молодой человекъ!“ сказалъ Баронъ, грозя дружески пальцемъ. „Берегитесь эшой драгоцѣности, кошораая для меня начинаешь принимать другой видъ. При шомъ же, вы вѣрояшно слышали, при дни продолжаешся ясная погода, а шамъ...“

„Три дни? шри вѣка неописаннаго счастья!“ ошвѣчалъ горный офицеръ, пожирая пламеннымъ взоромъ сверканіе бѣлой Мальвиной одежды, пока не скрылась она въ концѣ длинной аллеи.

Когда Баронъ возвратился назадъ въ залу, Адельберша уже шамъ не было, онъ воспользовался его опсущелвiемъ, чшобъ удалился; а небесная росинка и Майская роза сидѣли въ углу, повѣся головки; и едва удерживались опъ зъвоны. На лицахъ прочихъ собесѣдниковъ изображалась также спранныя борьба умиленiя и скуки — борьба, произведенная многорѣчiемъ докшора Брауна, кошорый все еще не докончилъ своего длиннаго разглагольствiя о вдовѣ и семерыхъ дѣшяхъ. Мужчины сидѣли, какъ приговоренныя жершвы, боясь бѣжашъ опъ скуки, чшобъ не назвали ихъ послѣ жестокосердыми и скупыми; а женщины одна другой нашепшывали, въ какое зашрудненiе бывающъ онѣ почши ежедневно приводимы съ шѣхъ поръ, какъ исчезли карманы изъ ихъ гардероба. Одна шолько г-жа Шшейнфельсъ была похвальнымъ изъ шого исключенiемъ. Съ непрерывно возрасшающимъ умиленiемъ, однимъ ухомъ прислушивалась она къ вскопарной рѣчи докшора Брауна, а другимъ выслушивала шепонъ сосѣдки обо всемъ, чшо касалось до ея новой шляпки.

„Ахъ, бѣдные, бѣдные люди!“ говорила, вздыхая, г-жа Шшейнфельсъ, когда наконецъ Майская роза, объ руку съ Брауномъ, спазя обходитъ всѣхъ кругомъ, поднося свой пре-

красный рабочий ящичекъ для вклада даровъ, выжимаемыхъ докшорскимъ краснорѣчіемъ изъ сердець слушателей. „Такъ, вы думаете, милая“ — продолжала г-жа Шпейнфельсъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, и шаря вокругъ себя, чшобы планкомъ осушить слезящіе глаза свои: „вы думаете, чшо у Ледерманши во Франкфуртѣ, можно найти такія перья? нѣтъ, право! эта бѣдная женщина раздираетъ мнѣ душу — однако, милая, не лзя ли хопь на одинъ день, сдѣлайте мнѣ одолженіе, — Боже мой, гдѣ мой ридикюль — шолько на одинъ день — семеро жалкихъ сиротъ — однако все лучше, прошу васъ шолько на минушу — вошь, слава Богу, нашла и ридикюль и кошелекъ — шолько на минушу сходимъ въ боковую комнашу — вошь, вошь вамъ, любезный докшоръ — посмотрише, въ шой, крайней комнашѣ нѣтъ никого — вошь, вошь моя миленькая!“

И добродушная женщина полною горешью сыпала Браншпекіе шалеры въ красивую кошомку, спѣша между тѣмъ увеспи услужливую сосѣдку въ боковую комнашу, чшобы шамъ предметъ желаній своихъ, новую шляпку, примѣришь передъ зеркаломъ, прежде нежели будешь заказана ей подобная.

„Ну, что?“ воскликнул на следующее утро Баронъ племяннику, кошорому велъкъ явился къ себѣ очень рано. „Поразмыслилъ ли ты о нашемъ послѣднемъ разговорѣ? Пришелъ ли въ себя, и хочешь ли наконецъ исполнишь желаніе своего дяди, любящаго тебя отъ всей души — желаніе, относительно двухъ дѣвицъ Аллерсгайнъ? Торопишь себя я не намѣрень ни мало, но желалъ бы знашь, и шеперь же, кошорую выбралъ ты изъ двухъ милыхъ дѣвушекъ. Не хочу и принуждашь тебя, если шолько одна изъ этихъ двухъ будешь моею племянницею. Вѣдь я не могу же, въ угодность швоему упрямству, обидѣшь своего спараго друга. Скажу тебѣ, милый Адельбершь, что онъ считаешь это ужъ дѣломъ рѣшеннымъ, да и я располагался не иначе. Могъ ли я вообразишь себѣ, чтошобъ мой племянникъ, кошорого самъ я воспитывалъ, такъ заупрямился въ выборъ изъ двухъ любезныхъ дѣвицъ?...“

— „Не сердись на меня, добрый дядюшка“ — отвѣчала Адельбершь: „я желалъ бы...“

„Желалъ бы времени на размышленіе“ — прервалъ Баронъ: „чтошобъ надумашься, кошорую предпочесть?“

— „Нѣтъ, мнѣ того не нужно“ — сказала Адельбершъ почтительно, но твердо.

„Такъ и надумываешь не нужно?“ вскричала Баронъ, разгораясь: „пу же, скажи мнѣ коротко и ясно: копорая изъ двухъ?“

— „Никоторая!“ отвѣчала Адельбершъ тихо.

„Никоторая? Въ самомъ дѣлѣ? Ну, по мнѣ пожалуй! Принуждаешь я себя не хочу и не могу. Спупай, шолько ужъ не пеняй! Я шебѣ говорилъ и повторяю: я женюсь самъ!“ Такъ говорилъ Баронъ, вставши въ большой досадѣ и расхаживая скорыми шагами по комнатамъ.

— „Желаю вамъ шакого же счастья, какимъ вѣрно будете наслаждаться супруга, копорую изберешь ваше благородное сердце!“ вскричала Адельбершъ съ непришворною искренностію. „Да, мой добрый, любезный дяюшка! я радуюсь, что вы рѣшились на шо. Мнѣ предшавляется случай доказать вамъ, что совсѣмъ не корыстолобивые виды привязываютъ меня ко вшорому ошцу моему неразрывными узами. Я не бесполезно провелъ время въ Университетѣ и въ чужихъ краяхъ; вамъ обязанъ я шѣмъ, что небольшое наслѣдство, доставшееся мнѣ ошъ ошца, увеличилось во время моего малолѣтства, знаю, что вы не откажете

ниъ и впередъ въ содѣльвашемъ и вспоможеніи — и шакъ я смѣло могу иди на пуши жизни, богашый всего бодрѣ вашею любовью. Да благословишь васъ Богъ, да благословишь онъ добраго, любезнаго моего дядю!“ прибавилъ Адельбертъ, увлеченный внутреннимъ движеніемъ. Онъ хотѣлъ схватить руку Барона, но сей заключилъ его опечески въ свои объятія и оба оспались нѣскопорое время безмолвны въ семь положеніи.

„Эхъ, ты негодный!“ вскричалъ наконецъ Баронъ, вырвавшись изъ объятій племянника и желая смѣхомъ скрыть блистающую на глазахъ его слезу. „Я зналъ, что ты предоброе создание; ну, да это общее въ нашемъ семействѣ, и мы съ тобою не выродки. Когда ужъ шакъ, мой милый, садись же и выслушай: я перескажу тебѣ все обстоятельно. Не подумай однако, чтобъ я, на старости лѣтъ, влюбился“ — продолжалъ онъ, смягча голосъ: „Избави Богъ! нѣтъ, мой выборъ обдуманъ долго и разсудительно. Дѣвушка, кошорая у меня на примѣшь, конечно — ну, какова она естъ, того перескажешь и не умѣю и не хочу, — но ясно и вразумительно, что она любитъ меня душею, что она, не смотря на мой сорокъ восемь лѣтъ, предпочитаетъ меня

всѣмъ молодымъ повѣсамъ, которые тѣбѣ ми падаютъ къ спонамъ ея; ну, вѣдь ты меня знаешь: я слава Богу, въ полномъ еще разумѣ; и шакъ нечего говоришь. Но надобно ковашь желѣзо, пока горячо; а какъ ты твердо стоишь въ своемъ упорствѣ на счешь дѣвицъ Аллерсгайнъ... Ты знаешь, сегодня условились мы сдѣлать поѣздки въ Эльфельдъ; шунь попышаюсь я дознашься — случай найдецца — я прямо спрошу у Мальвины, желаетъ ли она имѣть мужа, кошорый, правда годился бы ей въ батюшки, но будешь ее носишь на рукахъ.“

Адельбершь не отвѣчалъ ни слова: Баронъ шакже помолчалъ нѣсколько.

„Послушай, Адельбершь!“ началъ онъ опять: „какъ ты ни стараешься скрывать, но я все вижу не лицъ швоемъ эшу прокляшую ироническую улыбку, кошорой не могу я перпѣшь, когда рѣчь идетъ о Мальвинѣ. Говори лучше прямо: чѣмъ тебѣ не нравицца Мальвина? Ты едва знаешь ее, и сколько мнѣ извѣстно, не говорилъ съ нею ни слова.“

— „Однако, любезный дядюшка, иногда случалось“ — сказалъ Адельбершь сквозь зубы.

„Ну, вы вѣрно не заговаривались другъ съ другомъ!“ отвѣчалъ Баронъ, съ досадою

кивнувъ головою. „Будь увѣренъ, молодой человекъ, что Мальвину узнашь не такъ-то легко; я самъ чуть не ошибся въ ней вчера вечеромъ. Она мнѣ показалась неговорчивой и жестокосердой. Первое ненавижу я смертельно; а жестокосердіе, особенно въ женщинахъ, представляется мнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ. Онѣ должны быть сострадашельны. Отказъ Мальвины на предложеніе доктора Брауна сдѣлалъ сборъ на вспоможеніе бѣдному семейству, сстрахъ какъ мнѣ не понравился; а то, что она пошлась выбѣжала изъ залы, ужъ совершенно меня взбѣсило. Конечно, думалъ я про себя. Брауновы манеры не такъ-то привлекательны, да и большею частію въ обществѣ дають бѣднымъ только спыда ради; но какая жъ нужда? Бѣдные все таки получаютъ, чего бы иначе имъ недоспалось, и надобно же нападать на слабую сторону людей, чтобы принудить ихъ сдѣлать добро, если не возможно другимъ образомъ. Но послунай, что вышло. Какъ Мальвина не ворошилась въ залу, то я съ досадою пошелъ вечеромъ домой и направилъ свой путь, все равно для чего бы ни было, мимо квартиры того несчастнаго семейства. Было темно, однако еще не поздно; въ квартиру, о которой я прежде развѣдалъ, видѣнь былъ огонь. Бѣдную

женщину, какъ разжалобившую Брауна, нашелъ я въ кругу пшерыхъ ея дѣшей, опрятно и порядочно одѣтыхъ, которыхъ она въ эту минуточку укладывала спать; сама же она, хотя бѣдна и поща, но казалась такъ весела, что я подумалъ сначала, вѣроятно де Браунъ ужъ являлся къ ней и опдалъ складчину. Однако, онъ сидѣлъ еще у рулетки и не двигался съ мѣста. Бѣдная вдова покраснѣла, когда я упомянулъ о дѣлаемомъ для нея сборѣ, и опоздалась, что сочла бы за великій грѣхъ принять эти деньги; потому что еще на прошедшей недѣль Богъ послалъ ей ангела, который помогъ ей въ крайности. Расскажу на короткихъ“ прибавилъ Баронъ, едва скрывая внутреннее движеніе: „этихъ случай конечно маловаженъ, но онъ подкрѣпилъ во мнѣ рѣшимость мою и ускорилъ ея дѣйствіе. Вдова и дѣши ея получили новую, порядочную одежду, за наемъ квартиры заплачено на годъ впередъ, постельки дѣшей, которыхъ бѣдная женщина заложила по случаю продолжительной болѣзни ея мужа, выкуплены, старшій сынъ опдая въ ученіе къ одному башмачнику въ Майнцъ, а старшая дочь приспособлена у хорошихъ людей во Франкфуртѣ, и такимъ образомъ, эта добрая женщина получила возможность содержать впе-

редъ себя и дѣшей ческино, шрудати рукъ своихъ. И все это сдѣлано Мальвиною, прежде нежели дѣшь о бѣдныхъ дошла до ушей нашихъ. Два раза приходила она сама, въ шемногѣ, въ это бѣдное жилище, и совсѣмъ не хотѣла сказывать своего имени, но провожавшая ее дѣвка проговорила, и такимъ образомъ вдова узнала имя своей благодѣтельница и удержала его въ памяти. Но и безъ того я узналъ бы ее, изъ описанія вдовы. Она не могла наговориться о ней, рассказывала, какъ она была весела и ошъ души хохотала, когда бѣдная мать, выспавъ передъ нею пашерыхъ малюпокъ своихъ, сама видъ себя ошъ радости, должна была примѣривать имъ новое платьѣ, и все разбросала, все перемѣшала; на большенькихъ надѣла платьѣ меньшихъ, на этихъ большія, шакъ, что ни одно не приходилось въ мѣру. Будто бы ей помогая, Мальвина увеличила нарочно эту сумашоку и наконецъ вышла изъ этого совершенный маскарадъ. Сами дѣши начали хохотать другъ надъ другомъ и начался крикъ, смѣхъ, шумъ и кушерьма, во время кошпорой Мальвина вдругъ исчезла, шакъ что мать не успѣла настоящимъ образомъ поблагодарить ее. Ну, что ты на это скажешь, Адельбертъ?”

— „Эшо дѣлаешъ честь дѣвицѣ Вальборнъ!“ ошвѣчалъ Адельбершъ.

„Дѣлаешъ честь! дѣлаешъ честь!“ повпорялъ, разсердясь, Баронъ. „Тебѣ не дѣлаешъ чесши, что ты ничего умнѣе не могъ выдумашъ. Спунай же шеперь и будь гошовъ: ровне въ десяти часовъ мы вдемъ въ Эльфельдъ. Да, еще одно слово. Сдѣлай одолженіе, поразвѣдай ты о шомъ длинномъ, утрюмомъ мужчинѣ, что ходишь въ красномъ кафшанѣ и выдаетъ себя за Англійскаго Маіора. Эшотъ человекъ начинаешъ меня безпокоишь. Мальвина жаловалась мнѣ, что онъ гоняешся за нею по пятамъ, хотя не начиналъ еще говорить съ нею; шогда я смѣялся надъ ея спрахомъ, но съ эшой ночи мнѣ самому чудится шущъ что-шо не даромъ.“

— „Съ эшой ночи?“ спросилъ Адельбершъ съ примѣшною заботливостію.

„Да, съ эшой ночи!“ повпорялъ Баронъ. „Въ двѣнадцатомъ часу я стоялъ еще у окна, изъ котораго мнѣ виднѣя почти весь садъ. Ночь была прекрасная; всѣ огни пошухли уже въ окнахъ, но мнѣ, какъ ты можешъ себя предшавишь, было о чемъ подумать, и пошому я долго не ложился. Вдругъ вижу я, что Мальвина прохаживаетъ въ саду взадъ и впередъ по аллеѣ; хошь ночи

теперь не мѣсячныя, но звѣзды блистали ярко, а въ Мальвинной фигурѣ — по крайней мѣрѣ, съ эшимъ ты согласишься — не шакъ-то легко ошибиться. Въ ея походкѣ ешь что-то плавное и вмѣстѣ ведичавое! Ну, шакъ она прохаживалась съ нашимъ добрымъ хозяиномъ взадъ и впередъ....“

— „Съ нашимъ хозяиномъ?“ прервалъ Адельбершь,

„Да, съ нашимъ хозяиномъ — съ кѣмъ же другимъ? Цѣлый день мы шакъ шормошимъ эшого милаго челоуѣка, что ему шодько ночью доспаешся полюбоваться прекрасными его цвѣтами. Я часто, вижу его, поздно вечеромъ, въ саду.“

— „Но шочно ли вы увѣрены, что именно онъ ходилъ вчера съ дѣвицею Вальборнъ?“ — спросилъ Адельбершь съ жаромъ.

„Кому жъ другому?“ повшиорилъ дядя. „Надѣюсь, молодой челоуѣкъ, что швое глупое отвращеніе къ Мальвинѣ до того еще не дошло, чтобы шакими вопросами намекашь о чемъ нибудь, для нея предосудительномъ? Со мною берегись — я не изъ шѣхъ, кошорые бы легко шому повѣриди. Только вошь, между шѣми, какъ они ходяшь, выскочилъ изъ дому прокляшый красный кашанъ и непримѣшно прокравшисъ въ боко-

вую аллею, укрываясь за деревьями, спалъ ходишь почти рядомъ съ ними.“

— „И ходилъ все время?“ спросилъ Адельбертъ.

„И ходилъ все время вѣроятно подслушивая каждое слово. Но что съ тобою случилось? Ты блѣднѣешь и краснѣешь...“

— „Эта наглость бѣситъ меня; но сегодня же, сию же минушу я попребую у него опчеша...“

„И спанецъ съ нимъ драшься!“ перервалъ Баронъ. „Пошине, пошине, молодой человекъ! Миръ вчера бы можно было вступиться за Мальвину и говоря правду, я уже хотѣлъ; но къ счастью, тогда же размыслилъ, что ее напугаю и поврежу ей въ глазахъ свѣта. Но что жъ могли они важнаго говорить другъ съ другомъ, что сподобило бы подслушивать! Не правда ли?“

Адельбертъ не отвѣчалъ ни слова и стоялъ, какъ будто погруженъ въ размышленіе.

„Помилуй же, что съ тобою теперь дѣлается?“ продолжалъ Баронъ: „сначала вспылить, а теперь стоишь, какъ вкопанный? Ну, мой милый, пойдемъ же вмѣстѣ къ шеплому источнику; я не спущу тебя съ глазъ, пока не буду увѣренъ, что ты не надѣлаешь глупостей. Миръ право, презабав-

но кажется! я спалъ шебъ говоришь о красномъ кашанѣ, съ шѣмъ, чшобъ ты мнѣ нособилъ избавишь Мадъвину опъ навязчивости какого-шо върояшно пемъшаннаго; могъ ли же я предсавишь себѣ, что шебъ, давно уже вышедшему изъ студентскихъ лѣтъ, вздумается, здѣсь въ Висбаденѣ, играть удалца?

При сихъ словахъ схватилъ Баронъ племянника за руку, и не смотря на всѣ предсавленія послѣдняго, понятилъ его съ собою. Красный кашанъ, кошорато, оба, хрпя по различнымъ причинамъ, искали глазами, нигдѣ не появлялся.

У Бибериха пригошовлена была крышная лодка, довольно большая для помещенія общества, кошорое намѣревалось прокашиться въ ней по Рейну до самаго Эльфельда. Весьма немногіе, боящіеся воды, опправились шуда въ своихъ экипажахъ, а прочіе усѣлись въ лодкѣ. Прекрасная погода благопріятшвовала плаванію; ни одного облачка не появлялось на голубомъ небесномъ сводѣ и легкой въшерокъ прохлаждалъ воздухъ. Подняли парусъ и лодка запрыгала по скачущимъ, унизаннымъ перлами волнамъ, кошорыя, какъ будшо играя, перебрасывали ее другъ другу.

Все общество было расположено къ веселости; пѣніе, смѣхъ, забавныя шутки перешаляли изъ устъ въ уста; только Мальвина казалась пасмурнѣе обыкновеннаго, но это случалось нерѣдко съ нею, когда любовалась она опъ души привлекательными видами, какія и здѣсь предшавлялись ей въ изобиліи. Она выбрала себѣ мѣсто напередѣ лодки, подлѣ самыхъ гребцовъ, и въ раздумь, не принимая участія въ забавахъ бесѣды, погрузилась въ разсмащриваніе природы. Подлѣ нея удалось завладѣшь мѣстечкомъ Барону, и какъ вблизи не было опасныхъ прислужниковъ, то онъ опважился начать исполненіе своего плана. Сперва признался онъ ей въ своемъ несправедливомъ подозрѣніи на счетъ ея жестокосердія и съ раскаяніемъ просилъ прощенія, намекнувъ, какимъ образомъ свѣдалъ онъ послѣ объ ея скромномъ, чуждомъ щеславіи благодѣаніи.

Мальвина покраснѣла и показала въ глазахъ ея друга. Чтобы переменить разговоръ, она обратила его вниманіе на маленькую лодочку, весьма схожую съ байдаркою дикихъ: въ ней сидѣлъ одинъ только человекъ и управляя весломъ, держался очень близко къ большой лодкѣ, на кошорой вхало все веселое общество. Баронъ взглянулъ сперва очень бѣгло, но

попомъ невольный дуренья пробѣжалъ по членамъ его, когда онъ, не смотря на соломенную съ длинными полями щяпу и на синій плащъ одинокаго гребца, узналъ въ немъ Англійскаго офицера, кошорый весьма искусно правилъ лодкою близъ того края, гдѣ сидѣла Мальвина и не спускалъ съ нея глазъ. Забошливо посмошрѣвъ Баронъ на своего племянника, но сей ешоялъ покойна на самомъ носу лодки, и погруженный въ думу, казалось вовсе не видалъ и не замечалъ, что вокругъ него происходило. Успокоясь, Баронъ повернулся снова къ Мальвинѣ и посмошрѣвъ на нее попришальнѣе, замѣшилъ, что она вовсе не узнала своего преслѣдовашеля въ его измѣненной одеждѣ. Онъ вознамѣрился; шомчасъ по прѣвѣлъ къ берегу, предупредишь Адельберша, чшобъ онъ не вздумалъ зашѣяшь какой-нибудь ссоры, могущей распроишь все пиршество веселыхъ друзей, а между шѣмъ спарался онъ возобновишь прерванный разговоръ съ Мальвиною.

Съ юношескихъ лѣтъ любилъ Баронъ веселую жизнь, но врожденное благоправіе предохранило его отъ низкаго распушства, и онъ совсѣмъ не принадлежалъ къ числу шѣхъ молодыхъ шариковъ, кошорые, чущь достигнувъ зрѣлаго возраста, должны уже

кавшись въ грѣхахъ своей молодости. Рука времени, кошорая никого не щадить, на немъ досель почти не оставила слѣдовъ разрушенія: станъ его не былъ согбенъ, раповременный снѣгъ не покрывалъ густыхъ темныхъ волосъ его, благородное, прекрасное лице конечно уже не представляло ничего юношескаго, но на немъ и не отражалось послѣдствій какой нибудь, разрушительной стращи, ни одна морщина не напечатлѣлась на немъ преждевременно.

Въ смущеніи, кошорое очень къ нему приспало, началъ онъ, шихонько нашепывая, признаваться Мальвинѣ, что изъ всѣхъ женщинъ, какихъ видалъ въ свѣтѣ, она произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на его сердце. Не объясняя прямо, какого рода это впечатлѣніе, онъ весьма немного оставялъ на догадку. При томъ умѣлъ онъ избѣжать смѣшнаго вида стращыхъ влюбчивыхъ волокищъ: каждое слово его лилось изъ самаго чистаго источника, врожденнаго просшодущія и нелицемѣрной преданности, шакъ что Мальвина не могла слушать его безъ искренняго участія. Хошя она, сколь возможно скромнѣе и мягче, стращалась вразумить его, что не можешь соощвѣтствовать его желанію; но при всемъ томъ благосклонный видъ, внимательность ея, пока-

звали ясно, что предложеніе им мало не огорчило и не оскорбило ее, и Баронъ, видя на первый разъ неудачу, еще не опечался въ успѣхъ.

Особенно этого не могъ Баронъ не счесть для себя благопріятнымъ, что Мальвина, всегда рѣзвая и даже своевольная, въ эти минушы, какъ будто вовсе измѣнилась въ характеръ. Прежде, бывало, ей ничего не стоило прервать навязчивый или скучный для нея разговоръ, какою нибудь замысловатою шушкою; но шутъ, съ истинно дѣвственною робостію, кошорая придавала ей новую прелесть, старалась она только дать разговору другое направленіе. Въ этоиъ намѣреніи, вынула она небольшой красивый альбомъ, кошорый всегда носила съ собою, и взяла изъ него листочекъ, чинобы, какъ перѣдко дѣлала, когда предсказывался случай, немногими рѣзкими чертами опытной руки набросать очеркъ прекраснаго древняго замка при Эльфельдѣ, бывшаго уже въ виду и предсказавшагося въ эту минушу въ наилучшемъ свѣтѣ для рисовки. Лишь только открыла она альбомъ, какъ бросился Барону въ глаза поршрешъ, на кошорый, казалось, взглянулъ онъ съ большимъ любопытствомъ. Радужсь, чино можешъ чѣмъ нибудъ ошвѣчь его оиъ премныхъ объясненій, уже

начинавшихъ сдѣлываться ей въ нягость, она открыла книжку и показала ему вѣданный въ коробочку альбома прекрасный порфирешъ ошца ея, рисованный въ Парижѣ, на эмали, однимъ изъ лучшихъ тамошнихъ мастеровъ.

„Въ эпошѣ необыкновенно стоюшъ порфирешъ“ — сказала Мальвина: „заключается все, чшо мнѣ оспалось ошъ бабушки. Я берегу его, какъ самое неоцѣненное сокровище, и не знаю даже, была ли бы въ соспеленіи перенести когда нибудь его потерю.“ Въ эпо самое время, она брала альбомъ назадъ изъ рукъ Барона.

„Мальвина! Мальвина!“ закричала вдругъ пронзительнымъ голосомъ г-жа Шшейфельдъ, сидѣвшая у самой кормы: „Обернись, ради Бога! Посмотри, какое несчастье! швоя прекрасная, новая шаль купается однимъ концемъ въ Рейнѣ!“

Лишь только раздался эпошъ внезапный крикъ, Мальвина задрожала ошъ испуга, вдругъ обернулась къ водѣ, и въ шо самое мгновение альбомъ выпалъ изъ рукъ ея и поплылъ, развернутый, по волнамъ Рейна.

Съ громкимъ опчаяннымъ крикомъ вскочила Мальвина и высунулась далеко за боршъ, чшобъ схватить драгоценный порфирешъ; въ шошъ же мигъ Адеальбершъ вы-

рвалъ весло у одного изъ гребцовъ, бросилъ на борщъ и хопылъ подхвастилъ книжку, прежде нежели погрузился она тяжестію норшреша; но симъ двойнымъ перевѣсомъ лодка покачнулася на бокъ, Адельбертъ поскользнулся и оборвавшись въ воду, исчезъ предъ глазами всѣхъ вмѣстѣ съ книжкою. Все это было дѣломъ одной минушы.

Раздались дикіе, душу раздирающіе вопли Мальвины. Уже она была на перевѣсѣ къ разверзшему влажному гробу, въ который думала погрузиться въ слѣдъ Адельбертъу, но сильная рука гребца удержала ее, не смогля на сопровивденіе. „Адельбертъ!“ кричала она въ изступленіи: „мой Адельбертъ! ошь меня получаешь смертъ! О, спасише, спасише его, или пустише меня къ нему!“ Тушь въ безпамятствѣ, подобномъ смерти, упала она на руки Барона, кошорый самъ, ошолбенѣвъ ошь испуга, сподлъ недвижимъ.

(Окончаніе впрѣдъ).

ДРЕВНОСТИ.

ОТКРЫТИЕ ПРИЗНАКОВЪ ДРЕВНЕЙ КРѢПОСТИ ВЛИЗЬ СИМФЕРОПОЛЯ.

Живущій въ Симферополь Сушанъ Камше-Гирей-Крымъ-Гирей, извѣстясь случайно, что въ находящихся близъ того города остаткахъ основаній старыхъ укрѣпленій, (изъ коихъ, со времени покоренія Крыма подъ Россійскую Державу, извлекались камни для разныхъ казенныхъ и частныхъ зданій въ Симферополь) найдено было, въ прошломъ Маѣ, нѣсколько камней съ изображеніями и надписями, поспѣвши спасти отъ испребленія сіи обломки, признанные имъ за древніе Греческіе, и вмѣстѣ съ пѣмъ увѣдомилъ о находкѣ сей, Директора Одесскаго и Керченскаго Музеевъ древностей, Спашскаго Совѣтника Бларамберга.

Г. Бларамбергъ получилъ свидѣнія сіи передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Крымъ. Первымъ попеченіемъ его было, осмошрѣвъ въ Симферополь найденные памятники и мѣсто, въ коемъ оныя были отысканы. Съ перваго взгляда, онъ удостовѣрился въ справедливости заключенія Крымъ-Гирея и въ

важности сего открытія, и приказавъ при себѣ произвестцъ тѣмъ изысканіямъ въ древнемъ укрѣпленіи, былъ столько счастливъ, что приобрѣлъ для науки нѣсколько новыхъ памятниковъ, столько же любопытныхъ, какъ и первые.

Памятники сіи вообще суть слѣдующіе: 1-е, Греческая надпись на камнѣ, во многихъ мѣстахъ изглаженная, на коей начальныя слова „*Царь Скилуръ*“ и далѣе нѣкоторыя литеры еще ясно видны; почему и можно догадочно возстановить отчасти смыслъ надписи. 2-е, надпись на мраморномъ пьедесталѣ слѣдующаго содержанія: *Дію* (то есть, Юпитеру) *Атлвирійскому отъ Посидія, сына Посидіева, приношеніе*. 3-е, надпись на мраморѣ, упоминающая о приношеніи, сдѣланномъ тѣмъ же самымъ гражданиномъ Нимѣмъ Напѣмъ Акминѣ. 4-е, обломокъ верхней части барельефа, на твердомъ камнѣ высѣченнаго, работы изящной, на коемъ видны изображенія въ профиль, спарца съ длинною бородою и молодаго челоуѣка. Длиныя ихъ волосы распущены по плечамъ, а на головахъ имѣють они шапки, въ родѣ древнихъ мишрѣ, сходныхъ съ шѣми, кои на разныхъ Греческихъ вазахъ покрываютъ головы Амазонокъ-Савромашидъ, одѣтыхъ въ анаксириды (родъ Скиѣскаго исподняго

плащя). 5-е, барельефъ, представляющій, какъ кажешся, шого же самого молодого человека на конь, въ шакой же шапкѣ, одѣшаго въ анаксириду, и имвющаго на плечахъ родъ хаамиды, или корошкаго плаща, подобнаго шому, который, по сказанію Ригшора Діона, носилъ Ольвііополишянинъ *Каллистратъ*. По всѣмъ симъ признакамъ не возможно не узнать одѣяннаго Скиескаго. 6-е, кусокъ плоскаго кирпича, на коемъ изображено по-Гречески имя одного *астиннома*, сановника, званіе коего въ Греческихъ городахъ соотвѣшствовало нѣкоторымъ образомъ, званію Римскихъ вилей. Наконецъ 7-е, малый сосудъ, наполненный серебряными монешами Римскихъ Императоровъ; древнѣйшія принадлежатъ царствованію Нерона, а позднѣйшія владычеству Макрина.

Всѣ сіи остатки древности найдены въ землѣ, неподалеку одинъ отъ другаго, кромѣ сосуда съ монешами, который отысканъ около 200 шаговъ далѣе. Укрѣпленіе, въ коемъ всѣ сіи предметы шолько вѣковъ были скрышы, находится на высотѣ, въ одной вершѣ отъ Симферополя къ юго-западу. Оно представляешъ родъ равнобедреннаго шреугольника, длиною около 340 саженой. Съ двухъ сторонъ природа укрѣпила цитадель сію крупными, обрывисшыми скалами;

съ прешей, она была защищена стѣною, имѣвшею около 600 шаговъ въ длину, и слѣды коей еще очень замѣтны.

По обозрѣніи сего мѣста, принадлежащаго по всемъ признакамъ, ко временамъ отдаленной древности, и по сличеніи найденныхъ въ немъ памятниконъ съ таковыми же въ иныхъ мѣстахъ открытыми, Г. Благрамбергъ выводитъ слѣдующія заключенія :

1-е. Имя *Царя Скилура*, начертанное на камнѣ въ укрѣпленіи найденномъ, засматываетъ полагать, что оно принадлежало къ одному изъ трехъ замковъ, построенныхъ, по свидѣтельству Справона, Тавро-Скинскимъ Царемъ Скилуромъ и сыновьями его, и служившихъ имъ сборными мѣстами во время войны ихъ противъ полководцевъ Миерадаша-Эвпашора. Замки сіи назывались *Хавонъ*, *Палакюнъ* и *Неаполисъ*. Г. Благрамбергъ не беретъ на себя рѣшишь, которое именно изъ трехъ названій принадлежишь описанному мѣсту.

2-е. Надписи на Греческомъ языкѣ свидѣтельствуютъ, что мѣсто сіе было обитаемо Греками, подъ владычествомъ Скилура жившими; а приношеніе Посидія Юпитеру Ашавирійскому, показываешь, какъ кажешся, что Греческая колонія сія происходила отъ Роданъ; ибо извѣстно, что

Юпишерь получилъ прозваніе Ашавирійскаго ошь горы Ашавирія, на оспровъ Родось, на вершинѣ коей находился храмъ сего верховнаго бога язычества. Что принадлежишь до Нимѣ Напей, то извѣстно, что у Грековъ были посвящены имъ холмы и долины, покрытые лѣсомъ.

З-е. Лице спарца, на барельефъ высѣченное, имѣеть (разипельное сходство съ шаковымъ же лицомъ, изображеннымъ на одной рѣдкой, немного поврежденной монетѣ, найденной въ развалинахъ Ольвіи: тѣ же самыя чершы въ профиль, тѣ же распущенныя волосы, та же длинная борода; подобный головной уборъ, съ тою только разницею, что на монетѣ замѣшны слѣды лучеобразнаго вѣнца поверхъ мишры или скиекой шапки. На оборотѣ сей монеты начертано имя *Царя Скилура*. Сблизивши ж монету и барельефъ съ надписью, на коей видно имя сего самаго Царя, не возможно почти сомнѣваться, чтобы барельефъ не изображалъ сего знаменитаго Монарха Скиеовъ, простиравшаго владычество свое ошь горы Тавриды до береговъ Буга, гдѣ существовала Ольвія, и изъ жизни коего Спратонъ и Плутархъ передали намъ изкошорныя чершы.

4-е. Опъ неоспоримаго заключенія сего происпекаетъ другое. Нашъ археологъ полагаешъ, что лице молодого челоуька на барельефъ, вмѣстѣ съ лицемъ Скилура видное, изображаетъ черты сына его *Палака*, о коемъ упоминаешъ *Справонъ*, и кошорый, начальствуя войсками отца своего, былъ разбишъ, вмѣстѣ съ братьями, *Диофанномъ*, полководцемъ *Миерадаша*. По сему заключенію, и всадникъ, на другомъ барельефъ изображенный, долженъ представлять того же самаго *Палака*; ибо хотя черты лица всадника повреждены и мало примѣсны, но сходство одежды *естественно* приводитъ къ такому заключенію.

5-е. Кроме вышеупомянутой монеты Скилура, *Г. Бларамбергъ* приобрѣлъ разновременно еще два различные сорта такихъ монетъ, сего же самаго Царя, найденныхъ также въ *Ольвіи*, и хранящихся нынѣ въ *Одесскомъ Музее*. На одной, уже изданной, видно изображеніе *Меркурія*, а на оборотѣ имя *Царя Скилура* и жезлъ или *кадуцей* (эмблема, кошорая также находится на нѣкошорыхъ другихъ монетахъ *Ольвіи*, и относящая къ торговлѣ сего города). На второй, коей извѣстны два экземпляра, видно лице женщины. Черты лица сего оцнюдь не представляютъ того идеальнаго

характера, коимъ древніе обыкновенно отличали изображенія различныхъ богинь на монетахъ. На оборотѣ видна пароконная крышная колесница, о чепырехъ тяжельхъ колесахъ, довольно сходная съ упошребляемыми доннѣ въ Крыму *маджарали*, кои часто встрѣчающся шамъ наполненныя женщицами. Вокругъ начертано имя *Царя Скилура*, а на одной изъ сихъ двухъ монетъ видно также имя города *Ольви*. Всѣ сіи обстоятельствова заснаваляющъ полагають, что лице на сей монетѣ не изображаешь какую-либо богиню древности, но върояшнѣ Царицу, супругу Скилура.

И такъ, по заключенію и весьма правдоподобнымъ догадкамъ Г. Блаарамберга, мы ознакомимся съ чертами лица не только Царя Скилура, но и Царицы супруги его, и сына его Палака: пополненіе важное для древней иконографіи.

Наконецъ, 6-е. Найденныя Римскія монеты свидѣтельствуютъ въ кошорымъ образомъ, о пребываніи въ семь мѣстѣ Римлянъ. Должно ли счишашъ оныя сокрытымъ кладомъ какого-либо Римскаго воина, кошорый находился въ сей крѣпости около первой чепверти прешьяго столѣтія? Рѣшишь сіе шрудно. Что касается до позднѣйшихъ временъ, то Прокопій упоминаешь объ испра-

вленіи Императоромъ Іустиніаномъ, около половины 6-го вѣка, укрѣпленій Паншикапей, (именовавшейся тогда Восфоромъ) и Херсониса; равно о постройкѣ симъ же Императоромъ, на южномъ берегу Тавриды, крѣпости *Алусты* и *Горсувиты* (нынѣ Алуща и Юрсуфъ). Хотя Прокопій ничего не присовокупляетъ къ сему на счетъ вышеописанной цитадели; но по мнѣнію Г. Бларамберга, можно догадываться, что Іустиніанъ, укрѣпивши южный берегъ Тавриды, вѣроятно не оставилъ безъ вниманія, и снабдилъ гарнизономъ и цитадель сію, коей положеніе довольно было важно для предположенной имъ цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы обуздаць дерзость варварскихъ народовъ, нападавшихъ тогда на земли Имперіи Римской.

По окончаніи полезныхъ для науки изслѣдованій въ Симферополь, Г. Бларамбергъ объѣхалъ часть береговъ Керченскаго полуострова, дабы мѣстными изысканіями опредѣлить положеніе разныхъ Греческихъ поселеній, на Европейской сторонѣ древняго Восфора Киммерійскаго существовавшихъ. Мы надѣемся вскорѣ сообщить читателямъ извѣстіе о важныхъ для древней Географіи замѣчаніяхъ и открытіяхъ, имъ въ сей части Крыма сдѣланныхъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

I.

ПРЕБЫВАНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ВЪ СМОЛЕНСКѢ, НА ВОЗВРАТНОМЪ ПУТИ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ 1812 ГОДУ (*).

Смоленскъ, 30 Октября 1812.

Многіе изъ начальниковъ прѣзжаютъ изъ Москвы и расказываютъ, что непріятель умѣлъ задержать шамъ нашихъ, умышленными переговорами, и въ это время успѣлъ соединить свои войска и сдѣлать нужные переходы. Народъ Русскій возсталъ поголовно, и война сдѣлалась народною. Сражались при Мало-Ярославцѣ. Я не знаю ни цѣли, ни слѣдствія этого дѣла; но извѣстно, что потомъ наша армія обратилась къ Можайску - и пошла по прежней дорогѣ. Если не нашли средствъ взять для арміи провіаншу и фуража, покрайней мѣрѣ недѣли на двѣ, то я не думаю, чтобы она могла до-

---

(*) Переведено изъ книги: *Lettres sur la guerre de Russie en 1812: etc.* Par. L. V. de Puibusque. Paris 1817, seconde édition.

спягнувъ Смоленска, не сдѣлавши весьма большихъ поперь: прилежащія части этой дороги до того опустошены, что полкъ, проходящій по ней теперь, не можешь тамъ прокормиться, хотя и даюшь обыкновенно провіаншу на четьре дня всѣмъ корпусамъ, слѣдующимъ изъ Смоленска по сему направлению; такъ, что трудно было бы избрать путь убійственнѣе этого.

Артиллерію счишаюшь поперяною; она должна будетъ по необходимости оставишь на дорогѣ большую часть своихъ лошадей; ибо толпы козаковъ, слѣдующихъ за нашею арміею, вѣроятно, недопускашь ее добывать фуража. Селенія, лежащія не далѣе двухъ миль отъ дороги, выжжены или оплавлены жителями: чтобы найши какіе нибудь припасы, надлежало бы опдалаяшь отъ дороги миль на три и на четьре, а это значило бы идти въ руки непріятеля.

Здѣсь прудящся день и ночь надъ приготовленіемъ хлѣба; мнѣ хочешся заговившь съвшнаго поболье, ко времени прибышя нашихъ, несчастныхъ соотечественниковъ. Я понуждаю безпрестанно занимающихся эшимъ дѣломъ, чтобы поспѣшнѣе работали. Многіе изъ подчиненныхъ уже убѣжали; да и прочихъ удерживаемъ только штыками. Я велѣлъ было пригнать весьма

большое количество скоша къ здѣшнему мѣсту; но его надлежало поставишь въ другой городъ (*): непріятельскіе парпизаны и по угнали уже у насъ много скоша. Опряды, содержавшіе въ окрестныхъ селеніяхъ караулы, принуждены были убраться въ Смоленскъ. Обозовъ болѣе не подходитъ; два обоза наши, состоявшіе почти изъ двухъ сошь пятидесяти лошадей и шестидесяти пнши нагруженныхъ шелвгъ, взяли непріятелемъ.

Холодъ весьма чувствителенъ и увеличивается ежедневно. Это одна изъ главныхъ губительныхъ для насъ причинъ; но сколь она ни извѣсна, а, кажется, не была предумошрвна. Русскіе Генералы приказали

(*) Красной, отстоящій не далѣе двѣнадцати миль отъ Смоленска. Во время прибытія арміи изъ Москвы въ Смоленскъ, въ Красномъ находилось до восьми сошь быковъ. Когда же вздумали приказать пригнать ихъ опять въ Смоленскъ, тогда непріятельскіе парпизаны уже этого не допускали, шакъ, что только не большое количество могло пройти къ намъ; да и эшошь оштакъ скоша не попалъ въ городъ, а былъ расхваченъ войсками, споявшими на бивуакахъ внѣ города. Если войска, бывшіе въ городъ, лишлись сего драгоценнаго пособія, шо вину сего надобно приписать единственно дурнымъ соображеніямъ главнаго начальника.

(Прим. Издателя 2 изданія).

раздашь шубы своимъ солдатамъ, кои сверхъ того привыкли съ малолѣтства къ холоду. Наши же солдаты почти голые; они жгутъ дома, чшобы грѣться: мало ночей проходишь, чшобы у насъ не было пожара. Для сбереженія припасовъ отъ огня, я приказалъ всѣ ихъ убрать въ каменные дома; а эту переноску не лзя назвать небольшимъ предприятиемъ въ ненаселенномъ городѣ.

Посреди опасностей, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ, я рѣшился спокойно и безропотно ожидать будущей грозы; теперь сердце мое только и чувствуетъ одно глубокое негодованіе къ виновнику нашихъ бѣдствій.

Смоленскъ , 7 Ноября 1812.

Сюда привезено съ нарочнымъ повелѣніемъ, чшобы послать хлѣба, пшена, сухарей, водки и проч., на встрѣчу арміи, идущей во всемъ недостатокъ. Два значительныхъ обоза уже отправлены; а сколько еще наберу повозокъ, сполько и еще пошлю: я почту себя весьма счастливымъ, если успѣю спасти сколько нибудь жернвъ ужасовъ и голода. Въ Смоленскъ, какъ укрѣпленный городъ, набралось множество мародеровъ и бродягъ, чшобы избѣжать преслѣдованіи ме-

пріятельскихъ разъѣздовъ: въ самое это время, какъ по употреблеію съѣсшаго столь значительнаго увеличилось, я узнаю, что Русскіе взяли Климовичи (Clementina), гдѣ были у насъ магазины, столь же избыточные, какъ и Смоленскіе. Вотъ потеря большихъ запасовъ, и непріятель, всѣмъ избыточный, на десять миль отъ насъ. Этого пункта надлежало прикрывать корпусу Генерала Бараге-д'Иллиера. Но сіе распоряженіе было выполнено весьма поздно и съ малочисленными войсками; Русскіе же напали съ большими силами и прежде, чѣмъ оный Генераль успѣлъ соединить свои войска и обозначить мѣстность.

Кажется, будто остатки арміи потеряли вовсе нравственность; въ ней воруется безнаказанно: на бивуакахъ пашкаются у сонныхъ изъ подъ головъ ихъ имѣніе; у кавалеристовъ отрѣзываютъ съ лошадей чеподаны, во время марша.

Солдаты утоляютъ свой голодъ лошадинымъ мясомъ; и для сего убиваютъ лошадей, даже подъ своими офицерами.

Я опасуюсь большихъ затрудненій въ распредѣленіи и раздачѣ каждому его части, слѣдующей изъ запасовъ, сбереженныхъ въ Смоленскѣ; мародеры и грабители, присоединившіеся къ намъ, пышаются каждую

ночь ворваться въ магазины. Эти непокорные солдаты весьма насъ озабочивають, а сами не могутъ служишь къ нашей защитѣ; они давно побросали свои ружья. Все заставляешь опослать ихъ немедленно назадъ; но я не знаю, какъ ихъ къ тому принудишь, если они будутъ упорствовать, чшобы оспашься въ городъ. Мы ожидаемъ, къ 8-му, останковъ арміи. Прибывшіе сюда напередъ, увѣряють, чшо лошади въ конница и артиллеріи мрушь тысячами; холодъ, голодь, яросшь рядовыхъ солдатъ, потерявшихъ всякую подчиненность, непріятельское желъзо, безпорядокъ, уныніе, чшасемое на всѣхъ лицахъ: вотъ разрушительныя начала, находяціяся посреди и около насъ.

Сосѣдній съ моимъ домъ загорѣлся: сѣвшу поспашься сохранить нашъ.

Смоленскъ, 10 Ноября 1812.

Вчера прибылъ Наполеонъ съ своею гвардіею; онъ взошелъ пѣшкомъ опъ Московскихъ воровъ на гору, гдѣ пригошовлена ему квартира. Ледъ споль крѣпокъ, на всходѣ въ городъ, чшо весьма трудно поднимаешь студа съ повозками. Нышь ни желъза, ни угольевъ, ни кузнецовъ, чшобы подковашь лошадей

навошпро (*): эти животноя сподъ ослабѣли, что копорыя изъ нихъ упадушъ, шо не имѣюшъ уже силы опяшь подняшъся. Солданы, прибывше изъ Москвы, закушаны въ мужскихъ и женскихъ шубахъ и покрышы шерстяными или шелковыми машеріями всякихъ цвѣшовъ; голова и ноги обернушы лохмопьями, лице длинное и зачерненное бивуачнымъ дымомъ, глаза красные и блуждающіе: въ этомъ видѣ они похожи на невольниковъ, вырвавшихся изъ темницы. Тѣ изъ воиновъ, кои упадающъ опъ холода, опъ голода, или опъ усшалосши, умирающъ на мѣспѣ; но это не прогаешъ ихъ соговарищей: они проходяшъ мимо, не подавая имъ ни малѣйшей помощи. Бѣдешвія, недоспашки, непрерывный видъ разрушенія, сжали у всѣхъ сердца; солданы смопрішъ, не про-

---

(*) Недоспашокъ шиповъ у лошадиныхъ подковъ, также принадлежишъ къ причинамъ нашихъ бѣдствій. Смѣлясь и называли мѣлочными предоспорожносши цѣкоторыхъ иносранцевъ, изобрѣшшихъ шипы, кои всадникъ самъ могъ присшавляшъ къ подковамъ своей лошади всегда, когда захочешъ: но если бы наши всадники имѣли оныя, шо мы не были бы безъ конницы и артиллеріи въ пагубномъ дѣлѣ подъ Краснымъ, гдѣ Русскія пушки громили всѣ корпусы нашей арміи, а они не могли имъ опвѣчашъ шѣмъ же.

гаясь, на своего сошоварища, на друга, испускающаго послѣдній вздохъ: одно разсужденіе, шакъ сказашь, какъ бы приказъ арміи, заключаешся въ сихъ, немногихъ словахъ: *онъ весьма счастливъ — онъ не страдаетъ болѣе.*

Вчера два гренадера, близкіе родшвенники, слушаціе въ одномъ корпусѣ, взошли вмѣстѣ въ Смоленскъ; въ радости они поздравляли другъ друга съ избвжаніемъ опасностей, съ коими встрѣчались въ продолженіи всей этой войны: вдругъ одинъ изъ нихъ, взобравшись уже до половины показости горы, ведущей къ сборному мѣсту, уступая своей слабости, легъ на ледъ, увь! чшобъ не вставашь болѣе. Однако же, онъ сохранилъ еще сполько силъ, что могъ кликнушь своего родшвенника, опередившаго его нѣсколькими шагами: „на, сказаль онъ ему, возми мои часы и шубу; это можешь тебѣ пригодиться, а для меня уже все кончилось. Если ты успѣешь найши хлѣба и подкрѣпишья въ силахъ, шо я прошу тебя шолько о шомъ, чшобы ты пришель опять сюда и, взявши меня съ этой улицы, зарылъ въ землю. Прощай!“ — По окончаніи сихъ словъ, онъ прожилъ не болѣе пяши минушь. Его шоварищъ, принявши холодно эти печальные подарки, сказаль

онхода прочь: *онъ счастливъе меня.* Нѣкопорые изъ окружающихъ отвѣчали ему: *скоро это будетъ и нашею участію.* Каждый, по своимъ силамъ, разчитывалъ количество дней, остающихся ему еще прожить, если не получимъ онъ немедленно пищи и покоя. Я передаю шебъ сіи подробности для того только, чтобы ты могъ судить о нравственномъ состояніи нашей арміи.

Чтобы сохранить магазины отъ разграбленія, рѣшились поставить армію въ городскихъ валовъ. По близости этого мѣста находились конюшни военныхъ обозовъ. Два Начальника сихъ обозовъ прислали мнѣ донесеніе, что въ ту же самую ночь солдаты взяли у нихъ и убили для пищи двѣсти пятнадцать лошадей. Человѣкъ, несущій хлѣбъ или другое съѣстное, бываетъ не въ безопасности; или онъ уступитъ свою ношу, или будешь убитъ.

Мнѣ теперь вовсе нѣтъ покоя. Со времени прибытія Наполеона, на меня возложена должностъ сдѣлать раздачу припасовъ по армейскимъ корпусамъ. Сомнѣваюсь, чтобы я могъ избѣжать участи бытъ убитымъ голодными несчастливцами, кои приступаютъ ко мнѣ безпрестанно, чтобы достать кусокъ хлѣба; они получаютъ, не сердясь, шалчковъ по двадцати. Офицеры выломали

у меня окно и влезли въ него насильно; они узнали однако же, что Наполеонъ распредѣлилъ все находящееся въ магазинахъ, и что въ этомъ распредѣленіи и ихъ доля должна находиться. Но хотя я и не власпень уже былъ въ назначеніи съѣстныхъ припасовъ, не смотря на то, офицеры присупали ко мнѣ, одни съ крикомъ, другіе съ просьбою: мнѣ не возможно было имъ прошивиться. На всякій случай, я прекрапилъ эпощъ споръ шѣмъ, что подписаль имъ все, что они хотѣли; тогда они удалились опъ меня пою же дорогою, какъ и вошли, поблагодаря за оказанное имъ челоувколюбіе, за копорое, можешъ бышь современемъ, меня разсшрвляюшь.

Успалось удручаетъ всѣхъ чиновниковъ въ Смоленскѣ: многіе уѣхали безъ позвожденія; одни не повинующся, другіе повинующся, да худо.

Раздѣлъ съѣстнаго сдѣланъ совершенно въ пользу гвардіи; не соблюдали въ этомъ опношеніи никакой соразмѣрности, какъ будшо бы опсальная часть арміи, сподъ часшо сражавшаяся, была недосшойна жизни. Сомнишельно, чтобы Императорская гвардія могла унести все шо, что ей назначено, тогда, какъ прочія войска будущъ имѣшь недосшашокъ: но, короче, хоташъ

кончилишъ пакъ, какъ начали. Можно бы было раздавашъ небольшими долями каждому армейскому корпусу, и послѣ зачишашъ, ошъ чего всѣ избавились бы ошъ голода; но поелику приказали сдѣлашъ раздачу гвардіи вдругъ на двѣ недѣли, то 4 и 1 корпуса успѣли получишъ себѣ хлѣбъ не прежде, какъ чрезъ двои сушки.

Теперь около полуночи: какъ ни голоденъ, а надобно уснуть. Я воспользовался только нѣсколькими минушами, чшобы увѣдомишъ себя о нашихъ бѣдствіяхъ прошедшихъ и приготошовишъ къ извѣстію о будущихъ.

Осшашокъ ночи мнѣ необходимъ, чшобы придти въ состояніе сдѣлашъ счетъ и приготошовишъся къ исполненію завшрашнихъ приказаній.

Наполеонъ приказалъ взяшъ у меня сей часъ мѣшокъ зерноваго хлѣба, коимъ онъ хочешъ сдѣлашъ предъ собою, въ сію же ночь опышъ надъ ручными мѣльницами, присланными къ намъ изъ Парижа. Я знаю, чшо онъ скоро мѣлюшъ, но зеренъ однако же не дѣлаюшъ.

Смоленскъ, 12 Ноября 1812.

За нѣсколько дней до выхода изъ Москвы, изданъ дневный приказъ, конечно не имѣющій подобнаго себѣ въ льшописяхъ чело-вѣчества: каждый корпусный начальникъ долженъ былъ сославить въдомость, озна-чивъ въ ней: число раненыхъ, кои могутъ выздороветь,

1-е въ восемь дней,

2-е въ пятнадцать дней,

3-е въ мѣсяць;

4-е число людей, кои должны умереть въ теченіе пятнадцати дней;

5-е число людей, раненыхъ или боль-ныхъ, кои должны умереть въ теченіе восьми дней.

Наконецъ, число людей, кои находясь въ состояніи нести оружіе и сражаться.

Приказано беречь и перевозить только тѣхъ, кои показаны въ первомъ опредѣленіи, остальные должны быть оставлены.

Вошь тебѣ доле для размышленія. Въ тридцать три дня, проведенные въ Москвѣ, не нашли времени подумать о мужеспвен-ныхъ несчастливцахъ; а вздумали о нихъ тогда только, когда не могли уже другаго сдѣлать, какъ покинуть ихъ на произволь козаковъ и крестьянъ Русскихъ.

Смоленскъ намѣрены оставить. Двѣ-
юшь пригошювленія, чшобы взорвашь укрѣ-
пленія. Въ шо же время хошашь истребишь
большую часть артиллерійскихъ снарядовъ,
кои должно здѣсь бросишь по недоспашку
лошадей. Жгушь излишнія повозки, ящики
и множешшо разныхъ не очень нужныхъ ве-
щей: съ собою берутъ только съѣшное.
Осшавляюшь пшшь штысячъ больныхъ или
раченныхъ: главный распорядишель не назна-
чилъ имъ даже доль при раздѣлѣ съѣшнаго,
кошорый онъ шакъ неравно произвелъ ме-
жду всѣми осшашками своей арміи; шакъ
чшо съ шрудомъ шолько могли выпросишь
у него нѣсколько мѣшковъ муки для эшихъ
больныхъ. Врачи и чиновники, назначенные
имѣшь попеченіе о нихъ по ошбышій арміи,
уже скрылись, ошъ спраха, весьма основа-
шельнаго, сдѣлашьяся пѣвниками, или бышь
ограбленными или убишыми (*).

Въ прежнихъ войнахъ, сносились въ по-
добномъ случаѣ съ непріятелемъ: право на-

(*) Врачи служили весьма хорошо въ эту войну;
но какъ не сомнѣвались, чшобы наши больные не
были перебишты козаками, шо и пазначили въ самошь
дѣлѣ шолько для формы врачей и чиновниковъ, ко-
имъ надлежало осшашьясь въ Смоленскѣ послѣ наше-
го выхода.

родное и право человечества обезпечивали участь раненыхъ, коихъ принуждены были предоставить власни непріятеля, и никто не боялся оспаться съ ними; врачи и чиновники принимались съ уваженіемъ и были отсылаемы обратно въ ихъ опечество, когда миновалась надобность въ ихъ услугахъ. Но перешедшая война приняла такой свирѣпый видъ, что невозможно представить себѣ, гдѣ остановится справедливое мнѣніе непріятеля, коего ярость была возбуждаема хищеніемъ и истребленіемъ на пространствѣхъ сна миль слишкомъ. По выходѣ изъ Москвы, гдѣ взорвали на воздухъ Кремль и зажгли все, кои могли, публичныя зданія, нашъ обратный походъ освѣщался пламенемъ.

Въ ночь, въ кою оставили пребываніе въ окрестностяхъ Можайска, все горѣло на шесть миль въ окружности; земля и небо казались огненными: и это адское зрѣлище каждую ночь возобновлялось. *Русскіе, говорилъ одинъ бюллетень, отступая, жгли свои города и селенія: мы захотѣли услужить имъ въ этомъ ихъ желаніи.* Но положеніе Русскихъ, къ коимъ мы впоргнулись насильно, и права ихъ, какъ хозяевъ, располагавшихъ своими жилищами и своею собственностію, были весьма различны отъ

нашихъ. Прежде предпріяшя сего, сколько злобнаго, столько и бесполезнаго возмездія, развѣ не знали, что были принуждены оставить непріятелю пятьдесятъ тысячъ несчастныхъ, Французовъ и союзниковъ, находящихся въ больницахъ или на дорогѣ? Поелику, начальники непріятельской арміи не хошѣли уже имѣть сношенія съ нашими; но не было ли это сильнымъ побужденіемъ убѣгать всего, могущаго привлечь на нашихъ раненыхъ и пленныхъ ярость народа, съ коимъ обращаются по варварски и кошорый конечно этого не заслуживаетъ?

Опасности увеличиваются. Вчера, я избѣжалъ въ четвертый разъ, въ печеніи пяти дней, опасности быть убитымъ. Испанскіе и Нѣмецкіе офицеры, начальствовавшіе въ караулъ при водочномъ магазинѣ, выломали двери къ водкѣ и напились оной со многими изъ своихъ сошоварищей; пьянство произвело ссору, отъ которой они дошли до драки: ихъ солданы, воспользовавшись суматохою, также перепились. Тотчасъ, какъ скоро мнѣ донесли объ этомъ грабежѣ, я бросился шуда, но не иначе однакоже до нихъ добрался, какъ съ новымъ карауломъ (*):

(*). Генераль-Провіантмейстеръ (l'ordonnateur en chef) Жуберъ, изъ 4 корпуса арміи, прибылъ

буяны не узнавали никого и обратили свое оружіе противъ насъ. Надобно было оружіе у нихъ ошпашъ и ихъ развеспи; напоследокъ успѣли-таки ихъ прогнать. Кромѣ того, что эшошь безпорядокъ прекращень не безъ кровопролишя, пьяные сіи люди повалились спать около магазина и въ печеніе ночи всѣ замерзли.

Эши ужасы и другія еще печальнѣе явленія возобновляющя около насъ ошвсюду: одни люди грабашъ и воруюшъ безнаказанно; другіе, истощенные голодомъ, сѣдающъ въ одинъ день сѣвспной запасъ, данный имъ на недѣлю и пошомъ, если не погибающъ ошъ неваренія въ желудкѣ пищи, шо шакъ расхварывающя ошъ эшой неумѣренности, что бывающъ не въ состояніи двигашься.

Розданная водка, копорая могла бы бышъ весьма полезною въ продолженіи ошсшупленія, если бы упошребляема была по немногу, сѣвдалась весьма гибельною многимъ, упошребившимъ ее излишне.

Ншшъ ни порядка, ни благоразумія, ни расчепливости; большая часть эшого мно-

---

также къ водочному магазину, находщелуся на площади въ крѣпости, бросился въ средину мяшежниковъ и, поражая ихъ саблею, много способствоваль къ вребращенію грабежа.

жества людей поскупаешь ежедневно шакъ, какъ бы насюящій день былъ уже послѣднимъ днемъ ихъ жизни. Всякія безчинства, всякія бѣдствія обрушились вдругъ на ошашки великой арміи. Эши солдашы, бывшіе нѣкогда споль мужештвенными, споль покорными, кажуся какъ будшо помѣшанными въ умъ и бѣгущими на вспрѣчу своей гибели. Пожалемъ о сикъ несчастныхъ, приведенныхъ въ ошчальнѣ бѣдствіями, недосшашками и шрудями неслыханными; они считающъ себя пропавшими: всѣ умные люди предвидѣли эшо послѣдствіе; и горе шому, кшо не умѣлъ предузнашь уроковъ позднеи опытношши!

Наполеонъ скоро опиравшися ошсюда съ своею пѣшею гвардіею; а конницы уже нѣшь и я не знаю, кого опъ будешъ посшашъ въ разѣзды на своемъ походѣ. Немногія лошади, остающіяся въ артиллеріи, не проживушь болѣе шести дней; а чшобы доштигнушь Вильны, надобно идиши слышкомъ двѣнадцашъ дней.

Здѣсь, собрали всѣ сани, какія шолько могли найши: у меня были давно припасены для себя двои; но шеперь ихъ взяли, сказавъ, что нужны для Наполеона. Такимъ образомъ, я, больной и едва могущій спольяшь, долженъ буду вхашъ верхомъ. Съ боль-

шими просьбами и заплаши вдесятеро прошивъ обыкновенной цѣны, я добился, что мнѣ подковали одну лошадь навостро для льда. Я принужденъ ославить здѣсь мою довозку и имѣніе.

Мнѣ говорили о вознагражденіи за мои заслуги; но я счелъ бы лучшею себя наградою могилу: она освободила бы меня отъ весьма тяжелаго бремени, кошорое давишь меня уже съ шри мѣсяца.

Произведеннаго моими спараніями кажется досащачно было для того, чшобы 9 сего мѣсяца, въ день прибытія арміи, счищашь данное мнѣ порученіе выполненнымъ; шакъ, что можно бы было избавишь меня отъ новаго пяти супочнаго занятія безъ отдыха и сопровождаемаго всякаго рода опасностями, изъ коихъ малѣйшая была ша, что я уходиль съ мѣста послѣдній.

Если я шрудилься для Французовъ, для моихъ соопечешвенниковъ, то въ что же время я дѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, для сбереженія здѣшнихъ жителей; шакъ, нише моя совѣсьшъ подаешъ мнѣ мужество къ перенесенію моего жребія, каковъ бы онъ ни былъ. Почему я не одинъ, коего существованіе было бы споль сомнищельно!

Смоленскъ, 15 Ноября 1812.

Наконецъ, я получилъ вчера замедлив-
шійся приказъ объ отступленіи; при чети-
верши мѣхъ, коимъ я въ свою очередь до-
женъ бы былъ сообщить сей приказъ, уже
скрылись, недожидаясь его. Я окончилъ ско-
ро эту послѣднюю работу; и собравшись,
оставилъ мое жилище, въ которое уже нѣ-
сколько часовъ прилепающъ непріятельскія
ядра. Въ нынѣшнюю ночь, видя огни наши
и непріятельскіе, я не могъ не вздумать о
перемѣнѣ, произшедшей въ нашемъ положе-
ніи, считая ось 17 прошедшаго Августа
до сихъ поръ, въ этомъ самомъ городѣ, ко-
торога разрушеніе завтра довершится; въ
то время надобно было; посмотрѣвъ на
многочисленные бивуаки прекрасной и му-
жественной нашей арміи: съ тѣхъ поръ, хо-
тя мы не потеряли рѣшительно ни одного
сраженія и однако же въ эти три мѣсяца
пропало у насъ до трехъ четвершей силъ,
находившихся въ нашей арміи въ то время;
да и то, что теперь есть, не будетъ имѣть
ни пушекъ, ни конницы на возвратномъ сво-
емъ пути; да и нравственное состояніе
сихъ людей ослабло не менѣе физическаго.
Другую, весьма чувствительную перемѣну
представляетъ шемперашура: на мѣсто

удручающаго жара, шерерь у насъ холодъ въ двадцать пять градусовъ. Въ сію мину- ту, какъ я пишу къ шебъ, городъ горитъ во многихъ мѣстахъ. Слыша шумъ и опа- саясь, чшобъ не захватилъ огонь меня сон- наго, я оставилъ доску, служившую мнѣ изголовьемъ и пробѣжалъ нѣсколько улицъ съ моими сошоварищами въ бѣдствіи. Ка- кое печальное зрѣлище представилъ намъ видъ эшихъ бѣдныхъ солдатъ, бродящихъ около бивуачныхъ огней посреди ночи: ихъ сухощавыя лица, медленное движеніе, уны- лый взоръ, блескъ пламени, по временамъ ихъ освѣщавшій, лохмотья, коими они при- крышы, все это показывало ихъ какими-то привидѣніями. Но вошь, что еще болѣе рас- шерзало намъ сердце: поблизосни сего мѣ- сша, мы увидѣли многихъ солдатокъ, коимъ не могли воспрещашсвовашъ слѣдовашъ за армією; онѣ лежали на соломѣ съ маленьки- ми дѣшьями и старались ихъ согрѣвашъ, но коихъ онѣ не спасушь однако же онѣ преж- девременной смерти. Въ это время, когда душа была расшрогана видѣннымъ нами, а воображеніе представляло ожидающія насъ опасности и бѣдствія, повѣришь ли шы, что бы мы думали о Парижѣ? Да, любезный другъ, мы видѣли ошсюда членовъ Блюспи- шельнаго Сенаша, ком по вошь Наполеона

приказали набрать это цвѣтущее Французское юношество, которое пришло столь издалече, удобрить собою поля Россіи, мы видѣли Парижанъ, кушающихъ или опдыхающихъ при сладосныхъ звукахъ оперныхъ Сиренъ; будучи счастливы мыслию о благоденствіи и славѣ Французскаго народа, они получающъ опъ своей совѣсти въ награду тихій сонъ; Сенатское опредѣленіе о финансахъ и конскрипціи обнадеживаютъ ихъ золотыми днями!...

Вчера, во весь день, корпусъ Императорской гвардіи, которому назначено идти по дорогѣ къ Красному, выходилъ въ Виленскія ворота: въ нихъ такъ сильно шѣснились, что Наполеонъ, какъ говорятъ, едва шамъ не задохся; я не видалъ никогда подобной давки, даже въ Парижѣ. Солдаты содѣлали эти минушы весьма непріятными своему повелителю, заславя его выслушать всѣ роды упрековъ и прокляшій, не относя полько ихъ къ нему прямо; умѣреннѣйшіе изъ нихъ довольствовались пою язвительною иронією, которая столь знакома Французскому солдату; развлеченный видъ и припворная задумчивость послужили Наполеону извлечь себя пристойно изъ этого дурнаго положенія; но для ушей, приобыхшихъ къ ласкашельству, эта четверть часа должна

была показаться очень длиною. Многие раненые, ушедши изъ больницъ, дошацились до эшихъ ворошь; каждый разъ, какъ проѣзжали мимо лошадь, сани или повозка, эши раненые умоляли управлявщихъ ими, чтобы позволили къ нимъ съспь: ихъ жалобы и споны разшерзали бы швердѣйшее сердце; я во всю жизнь мою не бывалъ шакъ распроганъ.

Прощай, любезный другъ; я сомнѣваюсь, чтобы это письмо дошло до тебя. Чрезъ нѣсколько часовъ я выѣду изъ города съ главнымъ штабомъ перваго корпуса и увижу явленія другаго рода: непріятель ожидаетъ насъ на переходъ. Я весьма спокойенъ духомъ, и былъ бы еще спокойнѣе, если бы старшій мой сынъ, который мнѣ сошова-рицествуетъ и находишся здѣсь со мною, былъ въ безопасномъ мѣспѣ; но видно надобно, чтобы мое опасное положеніе было опягчаемо еще страхомъ видѣшь его возлѣ меня погибающимъ.

Перевелъ С. Усовъ.

Взглядъ на Турецкое Правленіе.

Ошрывокъ изъ книги: *Révolution de Constantinople en 1807 et 1808 par Juchereau de St. Denis.*

Всѣ Магометане, къ исповѣданію Суннишовъ принадлежащіе, почитаютъ Султана законнымъ наследникомъ Пророка и Калифовъ: подобно имъ владѣетъ онъ книгою и мечемъ, но есть, заключаешь въ себѣ духовную и свѣтскую власть; но Калифы, производившіе себя отъ Магомета, обязаны были верховною властію, единственно званію своему первыхъ Имановъ или начальниковъ духовенства; между тѣмъ, какъ Опоманскіе Императоры, поколѣнія Ташарскаго, только оружіемъ пріобрѣли владычество духовное и почести Калифашства. Общественно сіе необходимо требовало измененийъ въ управленіи обязанностей верховнаго жречества Калифовъ Опоманскихъ и было первымъ источникомъ важности и разныхъ преимуществъ сословія Улемовъ.

Калифашство, раздѣленное между многими искашелями, объявившими себя каждый истиннымъ наследникомъ Магомета, находилось въ междоусобныхъ распряхъ; пользуясь коими первые Султаны, основавъ

и увеличивъ свое Государство, приняли также доспоинство Калифовъ, дабы пользоваться безпрекословно неограниченною властію въ своей Имперіи. Но сіи воинственныя Государя, увлекшись побѣдами, пренебрегали дѣлами правосудія и вѣры, кошоры принадлежали имъ въ званіи Калифовъ или первыхъ Имановъ; они поручили Муфшіамъ исполкованіе законовъ, ввѣрили Кадіамъ и и Молламъ вѣсы Ѳемиды и оставила Иманамъ и Шейкамъ обыкновенные обряды религіи.

Слишкомъ продолжительная безпечность Турецкихъ Императоровъ къ исполненію дѣйствій званія своего, перваго судіи и главы религіи, мало по малу приучило народъ думать, что важныя обязанности сіи принадлежатъ Улемамъ, кошорые одни только имѣють на оныя право; время, ушвердивъ столь выгодныя преимущества, содѣлало оныя священнѣйшими. Черезъ сіе, Султанъ, кошорый бы долженъ бытъ первымъ и единственнымъ оракуломъ закона, сдѣлался принужденнымъ совѣщаваться съ Муфшіемъ и *фетфасы* (*) сего послѣдняго связывали правителя въ исполненіи высочайшей воли его.

(*) *Фетфасы* суть духовныя указы Муфши.

Столь сильное вліяніе Улемовъ могло ниспровергнути, можетъ быти, и самую власшь Ошпоманской Порты, если бы царствующіе Государи не имѣли предосторожности сохранять и часшо приводить въ дѣйствіе права, свойственные ихъ достоинству Кадифовъ, смѣняя по произволу главные пружины своего владычества духовнаго, гражданскаго или военнаго.

Одна изъ главныхъ причинъ, которыя наиболѣе способствовали къ возвышенію политическаго могущества Улемовъ, была неушомимое усердіе, строгость нравовъ и наружное униженіе, во время первыхъ прехъвѣковъ Монархіи. Добродѣтели сіи доставили имъ уваженіе Императоровъ и привязанность народа. Покорность Улемовъ продолжалась до шѣхъ поръ, покуда Султаны, сами предводительствуя войсками, одерживали победы; они не отказывались тогда находить совершенное согласіе между законами своего Пророка и волею Монарха; но когда оставивъ труды военные, Государи заключились въ гаремахъ и ввѣривъ начальство арміями Пашамъ и Визирямъ, испытали пораженія, тогда Улемы имѣя, большое вліяніе надъ народомъ фанатическимъ и недовольнымъ, начали свергать иго и показывать важность своего сословія.

Но замѣшивъ скоро, что могущество ихъ не твердо, основываясь на однихъ преимуществвахъ и привязанности непоспощной черни; они старались пріобрести къ выгодамъ своимъ корпусъ днычаръ, который владѣлъ многими правами, подобно Улемамъ, полученными отъ распоряженія и признательности прежнихъ Сушановъ. Сей корпусъ, важными услугами и многочисленными побѣдами, пріобрѣлъ уваженіе народа и пицалъ ненависть къ изнѣженнымъ Государямъ. Предупрежденія со стороны Улемовъ дѣспили самолюбію Днычаръ, которые въ заключеніи союза между двухъ сословій видѣли нѣ выгоды, что всѣ возмущительныя движенія свои могли оправдывать высокимъ произволеніемъ исполковашелей закона и начальниковъ правосудія; Улемы же, отъ шакого соединенія преклонивъ на свою сторону силу воинскую, положили прочное основаніе могуществу своему.

Вошь начало подишической связи двухъ сословій, связи, содѣлавшейся по неудачному сопрошивленію нѣкоторыхъ Императоровъ еще шверже и основательнѣе, и которую почищать должно, какъ совершенно измѣняющею древнія посшановленія Ошшоматовъ. Изъ сего порядка вещей произошло то, что Порша не можетъ издашь закона,

наложишь подаши, не пригошовивъ Улемовъ и Янычаръ къ одобренію новаго учрежденія и къ вспомошествованію приведенія его въ исполненіе. Въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, которыя были бы опягошительны для народа, деспотизмъ Султана былъ иногда умѣряемъ; но за то выгода и слава Имперіи жертвовались часто личнымъ видамъ Янычаръ и Улемовъ. Имперія Опшоманская, существенно основываясь на военныхъ и духовныхъ постановленіяхъ, можешь бышь сильна только могуществомъ главы своей. Ослабленіемъ высочайшей власни Султана, начался упадокъ Государства. Улемы и Янычары, иппезами и похищеніями положивъ начало непокорности, вмѣсто того, чтобы клониться къ ограниченію самовласнія и къ извлеченію изъ того выгодъ для народа и общественнаго благополучія, сопротивленіемъ своимъ полагають не только главную, и можешь бышь, единственную причину пеперешней слабости Государства; но суть также неоспоримо виновники варварства и невѣжества Турокъ.

Ибо воины и судіи, которые по свойству обязанности своихъ должны бышь только орудіями Султана, сдѣлавшись его соперниками, весьма часто лишаютъ правленіе нужной силы, а Государство защипы.

Что же касается до варварства и невежества Турокъ, по главную причину непросвѣщенія ихъ опыскивашь должно въ политическомъ могуществѣ Улемовъ и Янычарь.

Первые всегда опасались, чшобъ введеніе познаній и занятіе почными науками, не заславили презирашъ алкоранъ, шемныя, многочисленныя исполкованія онаго, огромное собраніе фешфасовъ, Муфши, часшо противоположныхъ одинъ другому, словомъ, все зданіе учености ихъ въ Богословіи. Янычары же, не слѣдующіе древнимъ усшавамъ дисциплины, привыкнувъ опправляшъ шолько службу легкую, полагаюшъ, что шого непобѣдимаго меча, кошорый покорила шолько Царствъ, досташочно будешъ и для защиты оныхъ: съ презрѣніемъ опшвергаюшъ они строгое воинское повиновеніе Франковъ, ихъ усовершенствованныя оружія и новыя спешемы шакшики.

Сии два сословія, препяшшвуя Турціи взойши на равную шепенъ съ другими Европейскими Государствами, переняшъ ихъ полезныя опкрышія и военныя учрежденія, увеличили шѣмъ ея слабость, бѣдность и зависимость, по мѣрѣ какъ сосѣдственныя народы возвысились своимъ могуществомъ,

богатствомъ, просвѣщеніемъ и быспрыми успѣхами во всѣхъ родахъ промышленности.

Многіе Писатели, шолько по наружноспи о Турецкомъ правленіи судившіе, думали, что владычество великаго Султана неограниченно, видя, какъ онъ располагаетъ по произволу жизнь Министровъ и служителей своихъ; но власть его надъ Министрами есть шакого же рода, какую начальникъ Негровъ имѣетъ надъ рабами своими. Всякій Турокъ, вступившій въ службу Поршы, отказывается отъ свободы, вручая имѣніе и жизнь власшелину, коего дѣлается онъ не подданнымъ, но невольникомъ во всемъ смыслѣ этого слова.

Совсѣмъ другія отношенія прочихъ Османлисовъ, также какъ и Райясовъ, то есть, жителей Турціи не Магомешанской религіи: они приговариваются судами по существующимъ законамъ и по доказательству двухъ или болѣе свидѣтелей. Янычары, Боспанжи, аршиллеристы и другіе военные имѣютъ каждыя въ своемъ сословіи особенныя суды, предъ коими они ошвѣчаютъ. Конечно случается иногда, что Султанъ, такъ какъ глава военнаго Государства, самъ приводитъ въ дѣйствіе власть, предосшавленную имъ великому Визирю и обласшнымъ Пашамъ: въ шакомъ случаѣ, онъ велишь наказывать

всякаго захваченнаго на мѣстѣ прешупленія, не слѣдуя никакимъ подробностямъ суда; но сіе дѣлается очень рѣдко и по съ намѣреніемъ привести въ ужасъ, посредствомъ строгаго наказанія, народъ, обыкновенно жестокій и безпокойный; виновный всегда бѣзвѣзешъ уличенъ и скорня расправы сіи, ошъ коихъ военные избавляюся ошсылкою въ полицію своего корпуса, падающъ вообще на нисній классъ народа и весьма часто на райасовъ.

Ф. Лугининъ.

*Крѣпость Хотинъ
Бессарабской области.
1827 г. Января 16.*

IV.

И С Т О Р І Я.

О С Л А В Н Ы Х Ъ К Р И В Ы Х Ъ,

(*Историческій отрывокъ.*)

Исторія доспавляетъ намъ множество примѣровъ, что въкошорые люди *однимъ глазомъ* лучше и ошдаленнѣ видящъ, чѣмъ другіе обоями. Это происходищъ ошъ шого,

что они приучили свой глаз твердо направлять на свое опечесиво.

Храбрѣйшіе и искуснѣйшіе Полководцы, — говорятъ Плушархъ въ жизнеописаніи Серторія — были *криоты*. Къ числу оныхъ приобщаетъ онъ Филиппа, Аннигона, Аннибала и Серторія. Смѣлый Римлянинъ *Горацій* защищалъ мостъ до самаго его разрушенія, доколѣ былъ позади его; сей Горацій, кошорый попомъ въ нѣжеломъ вооруженіи своемъ прыгнулъ въ волны Тибра и вплавъ достигнулъ отчизны своей, былъ прозванъ *Коклесъ* за потерю одного глаза въ селѣ важномъ сраженіи.

Мудрый *Ликургъ* установилъ законъ, непонравившійся богачамъ. Чернь ихъ преслѣдовала его каменьями. Онъ искалъ спасенія во храмъ; но Александръ, своевольный юноша, кошорому, какъ по большей части молодымъ людямъ, ничего не было священнаго, вышибъ ему у ошаря одинъ глазъ. Ликургъ перенесъ боль. Попомъ, обратившись къ народу, показалъ ему ужаснѣйшій кровавый испочникъ, спруившійся изъ глаза его на почтеннѣйшую браду великаго Законодателя. Народъ при видѣ сего содрогнулся и въ неистовствѣ вручилъ виновника оскорбленному. Ликургъ просилъ его, и продолжалъ однимъ глазомъ цещись о благъ народномъ

знакъ, что послѣ смерти его воздвигнули ему въ честь храмъ.

Храбрый Башавецъ *Клавдій Цивилій*, занимающій достопочтенное мѣсто въ Исторіи Тацита, былъ кривой. Рассказываютъ, что *Императора Албрехта*, одного изъ величайшихъ Австрійскихъ героев, врачи въ молодости повѣсили за ноги, чтобы пѣмъ извергнуть изъ него поглощенный имъ ядъ. Сія операція стоила ему одного глаза, но въ послѣдствіи времени не мѣшала ему лично выиграть двѣнадцать сраженій сряду. Онъ хорошо видѣлъ врага на чистомъ полѣ; но онъ домашняго не могъ спастись пошуму, что герои доврчивы. Въ 1308 году, онъ палъ подъ кинжалами убійць.

Зиска, побѣдоносный Полководецъ Гусмшовъ, былъ кривой.

Христіанъ IV, Король Датскій, пошеплялъ въ сраженіи глазъ, и часто покрывалъ сей недостатокъ лаврами побѣды (*).

(*) Кто, читая сіе, не вспомнитъ одного изъ безсмертныхъ Полководцевъ Россійскихъ *М. Д. Кутузова-Смоленскаго*, котораго пуля въ сраженіи лишила глаза, и при всемъ томъ не мѣшала ему въ вѣкъ *Благословеннаго* сдѣлаться Спасителемъ Отечества. *Прим. Перев.*

Храбрый Филиппъ Орлеанскій, уступившій только подъ однимъ Туриномъ поле сраженія Принцу Евгению, былъ кривой. Не смотря однако на сіе, онъ не только управлялъ подъ владычествомъ Людовика XV браздами Франціи, да и дѣлалъ миниатюрныя поршрешы.

Но зачѣмъ я именую однихъ героевъ и все героевъ? — не одинъ Марсъ, но и баснословный богъ любви не опказался благопріяшествовать кривымъ. Въ Шиллеровой Трагедіи Донъ-Карлосъ, представляешь обыкновенно лицо *Принцессы Эболи* прекрасная двуглазая Актриса; но это прошивъ костюма. Сія прекрасная, умная женщина, игравшая во времена Филиппа II споль значительную родю, и прелести коей заславляли вздыхашъ споль много двуглазыхъ мужчинъ, была кривая.

Кшо въ томъ сомнѣвается, или вовсе считаешъ невозможнымъ, что кривая женщина можешъ бытъ прелестною — *тотъ не зналъ Софію Брентано (*)*. — Сіе милое швореніе, кошорое *Виландъ* по-

---

(*) Внука друга юности Виланда, извѣстной *Г-жи де-ла-Рошъ*. Софія Брентано похоронена въ одной могилѣ съ Виландомъ и супругою его въ саду его въ *Османштадтѣ*. *Прим. Перев.*

хоронилъ въ саду своемъ, выколола себѣ въ
двѣнадцать ножницами одинъ глазъ. Ничего
не было милѣе лица ея, ничего проника-
тельнѣе для сердца, какъ взглядъ одного ея
глаза. Добродушная хипросотъ царствовала
въ немъ, и всегда готова была уступитьъ
мѣсто живѣйшимъ чувствамъ. Улыбка пош-
кая, какъ бы похищенная у *Ивона Музари-*
оны, носилась вокругъ устъ ея. Умъ ея
побѣждалъ умы, сердце покоряло всѣ сердца,
между тѣмъ, какъ юношеское изобиліе дѣв-
ственнаго прелестнаго шѣла, привлекало къ
ней и чувства. Не одинъ ондалъ бы глазъ
свой, чтобы обладать этою кривою. Она
того достойна была. Виландовы глаза про-
ливали слезы на гробъ ея, и шакъ, имѣешь
ли она нужду въ похвалѣ другихъ?

Съ Нѣмецъ. М. Мрѣ.

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сраженіе подъ Елисаветполемъ.

Взошла кровавая заря.
Ганга сповишь за Русскимъ спаномъ.
За шакимъ кроюща шуманомъ
Обругъ лежаща поля.
Въ гусныкъ рѣдахъ, съ далекихъ горъ.
Текушь Персидскія дружины.

Покрышы ими всѣ равнины,
Окинушь ихъ не можешь взоръ.

Аббасъ отважно мчишься въ бой,
Свирѣпый, пламенный, коварный.
Царевичъ съ нимъ неблагодарный
Несешь погибель въ край родной.
За ними тысяча вождей!
Всѣ суешной надежды полны,
Лешаешь впередъ, какъ бурны волны,
Носимы въпрокъ средь морей.

Едва замѣшенъ Русскихъ станъ
Передъ толпами ихъ гусыми.
Но Русскихъ Вождь, герой ихъ съ ними!
Не имъ спрашайся Персіанъ!
Взвились знойные пески;
Знамена бурно возшумѣли;
И вошь.... Перуны загремѣли,
И вошь.... Ударились полки!

Свисяшъ булашны мечи;
Сверкаюшъ острые кинжалы;
Горяшъ ужасны самопалы
Какъ звѣзды яркія въ ночи!
Волнами сѣрный дымъ бѣжишь.
Поля отъ грома душекъ стонуть;
Въ потокахъ крови Россы стонуть,
Но неподвижны, какъ гранишь.

И самъ Паскевичъ грануль въ бой!
„Впередъ, товарищи, я съ вами!“
За нимъ всѣ двинулись рядами,
И всякій Русскій спалъ герой.

Колонны грозныя идушь! —
 Уже мяшущся Персы въ страхъ;
 Уже и конь и всадникъ въ прахъ!
 Еще мгновенье..... и бѣгушь!

Бѣжишь надменный Аллаяръ!
 Бѣгушь несчешныя дружины;
 Такъ быстрымъ въспромъ чрезъ долины
 Клубясь, несешся легкой парь.
 Упавъ въ уныныя на коня,
 Аббасъ съ расшерзанной душою,
 Кинжаломъ машешь, и спрѣлою
 Лешишь чрезъ дикія поля!

Какъ гонишь Персовъ низкій страхъ!
 Вездѣ ихъ робкія саницы,
 Остави Русскія границы
 Бѣгушь, повернувъ мечъ свой въ прахъ.
 Ликуешь радостный Тифлисъ,
 Героя бышвы прославляя;
 И первые для Николая
 Вѣнки побѣдныя свились.

Наспала новая весна.
 Уже безспрашно ополченье
 Несешь въ предѣлы Персовъ мщенье!
 Спрашисъ, коварная страна!
 И мы ль враговъ не побѣдимъ?
 Нѣтъ, не напрасенъ жаръ геройской;
 Чего не можешь сдѣлать войско,
 Когда Паскевичъ передъ нимъ.

Иванъ Анненковъ.

Тифлисъ.
 1827 года.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И .

1 8 2 7 .

П о э з і я .

40. *Малороссійскія пѣсни, издавныя М. Максимовичемъ.* М. въ типогр. Ав. Семена, при Императорской Медико-Хирургич. Академіи, 1827. XXXVI—234 и 9 стр.

(Весьма важный и пріятный подарокъ для любителей ошечешвенной Поэзіи и мелодіи! въ отношеніи къ сей послѣдней, Малороссія давно и единогласно признана *Италією Россіи*. Г. Максимовичъ, въ предисловіи своемъ, говоришь о духъ и формъ Малороссійскихъ пѣсень, о стихосложеніи, о произношеніи Малороссійскихъ словъ и ш. п., и говоришь обо всемъ вшомъ, какъ чело-вѣкъ, совершенно знакомый съ языкомъ и Поэзією Малороссіи. Особливо замѣтили мы, что онъ собралъ всѣ ошпѣнки буквы и, въ кошерую, въ извѣстныхъ словахъ и случаяхъ, измѣняешся буква о словъ Русскихъ: ошпѣнки сіи означають различіе произношенія въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и Украины. Всѣхъ пѣсень, собранныхъ

Г. Максимовичем — 127; онъ заключены въ чешырехъ книгахъ, съ прибавленіями. Первая три книги заключающъ въ себѣ *сто* пѣсень повѣшвовашельныхъ, нѣжныхъ, шуточныхъ и пр.; четвертая часть заключаешъ въ себѣ пѣсни обрядныя, какъ по: *веснянки, троцкія, купаловыя, жнивные, свадебныя, колядки, щедровки* и пр. За симъ слѣдуешъ Словарь всѣхъ встрѣчающихся въ пѣсенникѣ словъ, кои опланы ошъ Русскихъ. Г. Максимовичъ весьма хорошо сдѣлалъ, что, кромѣ перевода, присокупилъ къ каждому почти слову его корень, взятый изъ Польскаго, Сербскаго, Чешскаго и другихъ языковъ Славянскаго произхожденія; иногда изъ Нѣмецкаго и пр. Наконецъ, въ прибавленіяхъ помѣщены 5 пѣсень, поемыхъ Украинцами, живущими въ разныхъ мѣстахъ Польши и Галиціи, и Баллада: *Твардовскій*, передоженная въ Малороссійскіе стихи Г. Аршемовскимъ-Гулакомъ. — Зная прекрасные голоса большей частью пѣсень, собранныхъ Г. Максимовичемъ, и видя изъ одного примѣчанія къ его книгѣ, что онъ намѣренъ, при второмъ ея изданіи, приложитъ музыку многихъ пѣсень, — напередъ поздравляю любитель и любительницу народной Русской музыки съ симъ богатымъ приобращеніемъ. Надѣюсь также,

чно многія, прекрасныя по слогу и голо-
самъ пѣсни, не вошедшія въ составъ сего
перваго изданія, будущъ Г. Собирашелемъ
помѣщены во вѣнцѣ.

II. Б—ій.)

Конецъ сто пятнадцатой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Записки о Франціи	3
2. Цосъшмеди Висбаденскихъ шеплицъ. . .	311
II. Восточная Литература.	
Изображеніе Санскритской Литературы (Прод.)	53
	(Оконч.) . 134
III. Естественная Исторія.	
Прогулка Ваштершона (Прод.)	92
	(Оконч.) . 170
IV. Исторія.	
1. Опрывки изъ жизнеописанія Наполеона .	108
2. Осада Тулона	225
3. О славныхъ бривыхъ	396
V. Биографія.	
Извѣстіе о жизни и службѣ Графа А. И. Васильева	152

VI. Военное Искусство.

Исторія Артиллеріи (Оконч) 203

VII. Древности.Ошкрытіе признаковъ древней крѣпости
близъ Симферополя . . . . . 359**VIII. Современная Политика.**

Обозрѣніе происшествій въ Испаніи , , , 283

IX. Современная Исторія.1. Пребываніе Французской арміи въ Смо-
ленскѣ 367

2. Взглядъ на Турецкое правленіе. . . . 389

X. Критика.1. Ошвѣщъ на замѣчанія о планѣ Русскаго
Словаря . . . . . 662. Взглядъ на Математическіе Курсы, упо-
требительнѣйшіе въ Россійскихъ Училищахъ 185
(Оконч.) . . 247**XI. Стихотворенія.**

1. Война въ Персіи, 1827 года 400

2. Сраженіе подъ Елисаветполемъ 404

XII. Современная Русская Библіографія 105

200

308

406

Къ сей части приложенъ поршрешъ Графа А.
И. Васильева.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ОЛЕГДЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

ЧАСТЬ СТО ШЕСТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Октября 27 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ и Кавалеръ
Иродіонъ Вятринскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XXI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

Посвятители Висбаденскихъ теплицъ.

(*Окантiе.*)

Смятенiе , происшедшее въ лодкѣ , неописанно. Всѣ кричали, плакали, перебѣгали; ни кто не слушалъ, ни кто не видѣлъ, что происходишь вокругъ него. Общiй испугъ оковалъ и пѣхъ немногихъ , которые еще имѣли сначала присутствiе духа , чшобы помышляшь о спасенiи.

„God damm, господа! помогите мнѣ , я не могу больше держашь его одинъ!“ закричалъ вдругъ громкiй голосъ посреди общей сумятицы.

Это былъ Англiйскiй офицеръ. Онъ стоялъ на колънахъ въ маленькой своей лодкѣ , одною рукою цѣплялся за борть большй ладьи , а другою схвативъ за воротъ безчувственнаго Адельберта , держалъ его , головою поверъ воды , почти съ нечеловѣческой силою.

Тогда бросились къ нему гребцы, не слишкомъ ошорожно распалкивая прочихъ, и черезъ минушу Адельбершъ, съ кошораго ручьями бѣжала вода, лежалъ распросшерпый вдоль лодки, со всѣми признаками смерши. Спасишель его, не ожидая приглашенія, вспрыгнулъ въ слѣдъ за нимъ. Между шѣмъ, какъ онъ его вышаскивалъ, выпало у него изъ рукъ весло и уже далеко прыгало по разыгравшимся волнамъ Рейна; почему Англійскому офицеру и невозможно было ошавашься долѣе въ своей маленькой лодчкѣ.

Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ въ Адельбершѣ спали ошкрывашь признаки возвращающейсѣ жизни, и восшоргъ, объявшій всѣми, былъ почти споль же сумашошень, какъ и прежній испугъ ошъ случившагосѣ бѣдснвіѣ. Громкіѣ восклицанія радости пробудили Мальвину изъ еѣ безчувсшвенности; еѣ первый взглядъ упалъ на блѣднаго, недвижимаго Альберша; она всшренулась, съ ошчаяннѣмъ, близкимъ къ сумасшесшвію, продралась между всѣхъ обшшупившихъ его для поданія помощи, бросилась подлѣ него на колѣна, положила на нихъ поникшую его голову, согрѣвала окоченѣвшія руки его у груди своей, умоляла его, въ самыхъ ошчаянныхъ, душу раздирающихъ

выраженіяхъ, какія лишь только нѣжнѣйшія чувства любящей женщины внушишь могушь, чшобъ онъ хоть однажды еще, только однажды взглянулъ на нее, называла его самыми спрашными именами, какія когда либо изобрѣпала любовь; и когда наконецъ открылъ онъ глаза, когда она увидѣла, что онъ узнаеть ее; шо съ радостнымъ, пронзительнымъ крикомъ бросилась на грудь его, и крѣпко прижавшись къ ней, близка была, ошъ чрезмѣрнаго восторга, во второй разъ упасшь въ обморокъ.

Между шѣмъ, какъ сіе происходило предъ глазами всего, почти оцѣпенѣлаго ошъ изумленія общесства, гребцы, усугубленными силами, съ невѣроятною скоростію домчались до берега и причалили къ небольшой Эльфельдской пристани.

„Какъ вы теперь себя чувствуете?“ спросилъ Англійскій офицеръ, кошорый во все время не спускалъ глазъ съ Мальвины и Адельбершта: „я думаю, что вамъ это купанье не сдѣлаеть большаго вреда, если сію же минушу перемѣните плашье“ — прибавилъ онъ, помогая спасенному имъ подняшься на ноги. Пошомъ обратился онъ съ необыкновенною усмѣшкою къ Мальвинѣ: „г-жа Райнершгаузенъ“ — сказалъ онъ, учшиво поклонившись: „вошь вашъ альбомъ; мнѣ

удалось и его спасти; онъ правда мокръ, какъ и почтенный вашъ сожигель, но впрочемъ невредимъ. Предоставяше молодого человека еще разъ моему попеченію, я живу вонъ въ эшомъ домъ, пойду съ нимъ шуда и посшараюсь, чшобъ онъ, обсушась, явился оняшь къ обществу.“ Тушь взялъ онъ Адельберша за руку, помогъ ему съ большою ошпорожностью выйдши изъ лады и повель его, какъ соннаго, въ показанный прежде домъ.

„Вошь шо-шо счастье въ сльдь за бвдою!“ начала г-жа Шшейнфельсъ, какъ скоро всѣ дамы собрались въ особой, фигурно и пышно убранной горницѣ шпракшира подъ вывѣскою розы, и ошались однѣ, чшобъ нѣсколько оправившя ошъ испуга. „Но эшомъ Англійскій офицеръ ввдь преславный малый! посмошри, Мальвина, шы сама на себя не похожа!“ проговорила она съ одного духу.“ Душа моя! шы шакъ мокра, какъ будшо сама купалась въ Рейнѣ, и какъ зябнешь, какъ дрбжишь! Да, эшо было очень мило со шпороны молодого Райнерпсгаузена, чшо онъ — посмошри, Боже мой! посмошри: швоя прелесшная новая блуза вся измяша и перепорчена, а шонкая Ишальянская шляпка — ее негодяи гребцы всю зашопшали ногами — нѣшь, нынѣшняго дня я въ цѣ-

мый въкъ не забуду! — ай, ай! прекрасные швои марабу, на чшо они спали похожи? — Ахъ, душа моя, сколько я слезъ пролила, когда шы передъ молодымъ чловѣкомъ спала на колѣни и благодарила его; ужъ правда, чшо было за чшо и поблагодаришь — но, Господи Боже мой! на чшо я сама похожа? весь подоль захлюспала у своего новаго плашья — ошчего бы эшо? Да, много бываешь горя на свѣтъ! Подумай, если бь Рейнершгаузенъ ушонулъ, погнавшись за швоимъ альбомомъ! Эшомъ Англійскій офицеръ явился будшо съ неба — я право и не знаю, ошкуда — какъ разъ былъ онъ шущь! Но, Мальвинушка, ошчего эшо назваль онъ себя г-жею Райнершгаузенъ, какъ будшо шакъ и должно бышь? И чшо онъ еще говорилъ о сожигель? Ты, я чаю, въ шоскъ пропустила мимо ушей!“

Всѣ дамы собрались въ кружокъ, чшо-бы послушашь ошвѣща на вопросъ, кошорый всѣхъ ихъ занималъ внушренно; но имъ не удалось ничего услышашь. Мрачная и погруженная въ глубокую задумчивость Мальвина, сидѣла безгласно и много прошло времени, пока она успѣла сколько нибудь придши въ себя. И шакъ дамамъ ничего не ошавалось болѣе, какъ приводить въ порядокъ, сколько позволяли обшояшельства,

свой шуалеть, боате или менее поспрадав-
 шій ошь сумяшицы въ лодкѣ. И о Мальви-
 нѣ, дѣйствившедно весьма промокшей, при-
 ложили всевозможное полеченіе, и она при-
 мѣшно спала оправляясь, какъ скоро по-
 чувствовала себя въ сухой одеждѣ; въ ней
 проявилась прежняя величавость, копорая
 невольню ошклоняла всякій неульспный во-
 прось. Хопя все еще въ примѣшномъ вол-
 неніи, но она первая пошла, нешвердыми
 шагами, въ объденную залу, гдѣ должно было
 собрашься все обществю.

Посреди сей залы уже споялъ Адель-
 бершт, наряженный порядочно въ спашской
 одеждѣ, заимствованной имъ у Англійскаго
 офицера, копорый находился шушь же, въ
 полномъ блестящемъ своемъ мундирѣ. Кро-
 мѣ шого, что на лицѣ перваго изъ нихъ
 еще замѣшна была блѣдность, казалось, что
 исчезли и слѣды приключившагося несча-
 стія. Нѣмъ и угрюмъ споялъ Баронъ у ок-
 на, особо ошь другихъ, и мрачнымъ испы-
 тующимъ взоромъ смощрѣлъ на племянника;
 между прочими мужчинами видна была шо-
 же какая-шо принужденность.

Увидя Адельбершта, Мальвина бросилась
 въ его объашія, въ копорыя и онъ заклю-
 чилъ ее съ умиленіемъ и любовью; шеперь
 щолько слезы облегли спѣсненное сердце

ея; она плакала на его груди, не обращая вниманія на то, что все общество ихъ обступило. Наконецъ ошерла она слезы и съ благородною осанкою, взявъ руку Адельберша, стала говорить громко и вразумительно:

„Теперь намъ невозможно, милый Адельбершъ, сохранять долѣе тайну, которая послана была для насъ условіемъ нашего счастья. Всѣ здѣсь присутствующіе засвидѣтельствуютъ, что мы, для исполненія своей обязанности, дѣлали все, что было въ нашихъ силахъ. Но коварный случай преждевременно поднялъ завѣсу, подъ которою мы скрывали себя; и можно ли думать о наружныхъ отношеніяхъ, когда едва не повергла я сама въ погибель того, кто мнѣ дороже всѣхъ въ мірѣ? Теперь однако надобно подумать и о другихъ; прошу же тебя, милый Адельбершъ, предспавай меня обществу, какъ супругу, уже почти цѣлый годъ тебѣ принадлежащую, и помоги выпросить у дядюшки прощеніе племянницѣ, которая, въ своемъ спрогомѣ инкогнито, могла надѣлать разныхъ глупостей, но теперь въ нихъ опъ души раскаиваешься.“

При сихъ словахъ, съ невыразимою прилжносношю, пропѣснилась она, обруку съ Адельбершомъ, сквозь обступившаго ихъ

кружка присушшвующихъ, кошорые шолько что начали было свои поздравленія, и поспѣшила къ Барону, кошорый все еще споялъ неподвижно у окна. „Дядюшка, милый дядюшка!“ говорила она ласкаясь къ нему: „не огорчайшесь шакою внезапностію! мы располагаги гораздо лучшимъ образомъ опшкрышь вамъ шайну, но эшого не случилось. Повѣрьте, что я посвящу всю жизнь свою на успокоеніе и упшшеніе ваше, взгляните ласковѣе на вашего Адельберша и его Мальвину.“

— „Гжа Райнершгаузенъ, я поздравляю васъ! вопъ все, что при шакой нечаянноспи могу вамъ сказашъ; дальнѣйшія объясненія, какія могушъ пошребовашься, побережемъ до минушы, болѣе покойной.“ Таковъ былъ опвѣшь Барона, говорившаго холодно, но съ досшюинспвомъ.“

„Дядюшка, любезнѣйшій дядюшка!“ воскликнулъ, умоляя, Адельбершь: „неужели не удосшюите меня благосклоннаго, взгляда!“ При сихъ словахъ онъ хошѣлъ взять руку Барона, но сей опдернулъ ее съ досадою. „Обманщикъ!“ пробормошалъ онъ шакъ, что могъ услышашъ шолько племянникъ его.

„Нѣшь, эшого имени я не заслуживаю!“ вскричалъ Адельбершь и багровая краска вышпуила на лицъ его: „Нѣшь, дядюшка,

никогда умышленно я васъ не обманывалъ, не смотря на то, что обстоятельство принуждали меня скрывать предъ вами на некоторое время союзъ съ женщиною, которая, по всемъ отношеніямъ, не недостойна называться племянницею вашею. Что я убѣгалъ отъ Мальвины въ обществѣ, къ тому принуждала меня любовь; могъ ли бы я иначе скрывать это чувство, столь сильно владѣющее мною? Что вы и многіе изъ этого круга, это умышленное отдаленіе отъ такого существа, которое было любимо всеми, считали доказательствомъ ангажмента моей, въ томъ я не виноватъ; но въ моихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, это было очень къспашу, и признаюсь, что я не старался разрушить такого общаго мнѣнія; однако не старался и подкрѣплять его чѣмъ-либо умышленно. Кто можетъ меня уличить, чтобы я когда-либо позволилъ себѣ какое нибудь точно дурное слово о Мальвинѣ?“ сказалъ онъ, возвыся голосъ и окинувъ быстрымъ взоромъ присутствующихъ. „Нѣтъ, никогда! я старался только избѣгать всякаго сближенія съ нею при свидѣтеляхъ, жилъ только для васъ, любезный дядюшка, а когда позволялъ случай, для моей скрѣпной, но Божескими и человеческими законами освященной любви. Та-

кимъ образомъ думали мы дождашься мгновенія, въ кошорое позволено бы намъ было, сбросить завѣсу шайны. Вы, г. Маіоръ,“ продолжалъ онъ, обращаясь къ Англійскому офицеру: „вы открыли и огласили ее, но вы спасишель моей жизни, и первымъ доказательствомъ своей благодарности спавляю я то, что не намѣренъ спрашивать васъ, какимъ образомъ вы сдѣлали эшо открытіе.“

— „Мало по малу — я говорю ко всякому ошвѣшу; но и мнѣ надобно кое въ чемъ объяснишься.“ Такъ ошвѣчалъ Маіоръ, съ вѣжливою уклонкою.

Адельбертъ обратился опять къ Барону. „Повѣрьте мнѣ, почтеннѣйшій и горячо любимый мною дядюшка, что при всей скрытности, относительно единственнѣйшей моей шайны, изліянія сердечной моей къ вамъ преданности были всегда искренни; источникомъ ихъ была душа моя, преисполненная глубочайшей къ вамъ благодарности. И если бѣ вы, съ эшого мгновенія, отвергли меня ошъ своего сердца, если бѣ взоръ вашъ, теперь ошъ меня ошвращенный, никогда, съ привычною вамъ доброшою, не обратился на сына вашего единственнаго брата, и тогда, пока я дышу, буду почищать васъ вшорымъ ошцемъ своимъ, благо-

пворипелемь беспомощной моей юности, кошорому я всѣмъ, всѣмъ обязанъ. Возьмите, ахъ, возьмите все назадъ, всѣмъ благодаренія ваши“ — вскричалъ Адельбертъ съ блистающими глазами, въ большомъ душевномъ движеніи: „только не лишайте меня пошій увѣренности, что я не могу казаться низкимъ въ глазахъ вашихъ; пусть ошвратишся навсегда опъ меня сердце ваше, но позвольте надѣяться, что эшо будетъ не изъ презрѣнія.“

Всѣ присутствующіе пришли въ удивленіе опъ словъ Адельберта, ни одинъ звукъ не перервалъ словъ его, и шеперь, когда онъ кончилъ, всѣ молчали и обрапили взоры свои на Барона, кошорый все еще сполялъ угрюмо и въ негодованіи, хошя и не могъ совершенно подавиць проявлявшагося смягченія на лицѣ своемъ.

„Вы удоспили по крайней мѣрѣ, выслушашъ моего Адельберта“ — сказала Мальвина: „надѣюсь, что не ошкажете въ шомъ и мнѣ.“

— „Только не здѣсь, изберише къ шому удобнѣйшее время, г-жа Райнершгаузенъ“ — опвѣчалъ Баронъ.

„Здѣсь, въ эшу минушу, самую для шого удобную; здѣсь предъ сими свидѣтелями, какъ моего поведенія во все проживаніе въ

Висбаденъ, шакъ и произшествій сего утра; я шребую шого, какъ должной справедливо-спи, какою обязаны вы мнѣ и самому себѣ. Молва о женщинѣ, кошорую вы сами признаете въ правѣ носить ваше имя, не должна переходить, искаженная, изъ ушей въ уша. И меня, какъ моего Адельберша, могли бы обвинить въ своекорысномъ предательствѣ. Мое сердце порывается высказать всю правду; что я желала и дѣлала, шо не должно быть прикрито робкою ложью — я къ шому не способна. Такъ, любезный дядюшка, признаюсь вамъ, мой мужъ сказалъ мнѣ, что вы не желаете называть племянницею вашею чужеземку: по сему-шо, не безъ умысла, спаралась я, при первомъ знакомствѣ нашемъ привлечь васъ ласкою и ошличить передъ всѣми; мнѣ хотѣлось васъ задобрить, хотѣлось испребить предубѣжденіе ваше къ иноземкамъ, я была гошова даже, прежде, нежели васъ узнала, приноровилась къ причудамъ предполагаемаго спраннаго шаричка, внушить ему заранѣе мысль, что я гошова дѣшски ему покорилась, епособна дѣлать и забавлять его шаросить. Я не нашла ни причудъ, ни спранности, я нашла въ васъ, любезнѣйшій дядюшка, чего никогда не ожидала, и сердце мое прилѣпилось къ вамъ несравненно

сильнѣе, нежели предполагала холодная разсудительность; съ тѣхъ поръ исчезъ умыселъ, я поступала, какъ не могла поступать иначе, уважая и любя васъ за самаго любезнѣйшаго изъ моихъ родственниковъ. Такова была, шакова шеперь, и шакова навсегда останешся моя къ вамъ преданность, хотя бъ вы насъ и опвергли; я, вмѣстѣ съ моимъ Адельбершомъ, буду дѣшски любить и уважать васъ, какъ бы ни огорчало меня то, что вы не хошите видѣшь доказательствъ шого на самомъ дѣлѣ. Теперь поидемъ, Адельбершъ, предоставимъ благородному сердцу дядюшки говорить за насъ даше. Опправимся назадъ въ Висбаденъ; исполнимъ шолько напередъ долгъ нашъ изъявленіемъ искреннѣйшей благодарности шому, кто спасъ себя опъ гибели.“

Съ сими словами обратилась она къ Маіору, но сей спалъ опспушась назадъ, по мѣрѣ шого, какъ она къ нему приближалась.

„Милосшивая государыня!“ сказалъ онъ: „и я долженъ кое въ чемъ объяснитьсь, какъ упомянулъ уже прежде. То, что я вышщилъ изъ воды супруга вашего, не заслуживаетъ благодарности; эшо вознаградишся само собою и шакимъ образомъ, что можешъ быть, и вамъ не совсѣмъ пріятно

будешь. Я попрошу васъ, г-на Райнершгаузена и Барона, на нѣсколько минушь для переговоров; но, если позволите, послѣ объѣда, понюму, что хозяйка уже два раза высывала сюда голову и я боюсь, что проспынешь кушанье.“

— „Такъ ты въ самомъ дѣлѣ за-мужемъ, Мальвинушка“ — проговорила шупъ г-жа Шшейнфельсъ, копорая только что опомнилась отъ изумленія, копорымъ до сихъ поръ была окована.

„Я точно за-мужемъ и прошу васъ, пожелаешь мнѣ добра!“ ошвѣчала Мальвина, обнимая ее.

— „Боже мой! Боже мой!“ вскричала г-жа Шшейнфельсъ: „и какъ нарочно при объявленіи о швоей свадьбѣ надобно было закушанъ себя въ эшотъ негодный ващный капотъ. Однако, душа моя, шеперь шодько пришло мнѣ въ голову, что скажешь мужъ мой, когда узнаешь?“

„Ничего не скажешь“ — возразилъ Адельбертъ, цѣлуя руку ея: „потому что онъ самъ былъ при нашей свадьбѣ.“

— „И все это сдѣлалось безъ моего вѣдома, не дали мнѣ и приданого справить, какъ водится, будто не было меня и на свѣшъ!“ воскликнула г-жа Шшейнфельсъ въ огорченіи.

„Я уже была за-мужемъ, когда вы, въ прошедшемъ году, такъ благосклонно приняли меня въ своемъ домъ“ — опивчала Мальвина и старалась успокоить ее своими ласками.“

— „Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!“ продолжала со слезами на глазахъ г-жа Шшейнфельсъ: „сыграешь со мною такую комедію! я бы никогда не ожидала отъ себя этого! — Конечно!“ примолвила, рыдая, добрая женщина и упала на шею къ Мальвинѣ: „и я можешь бышь, не хорошо дѣлаю, что браню тебя, душенька; шеперь вѣрно не такъ-то было весело, когда ты рѣшилась на такой важный шагъ — при этомъ, кто можешь норучишься за свое сердце?“

„Я нашелъ Мальвину въ Парижѣ“ — началъ опять Адельбертъ: „у отца ея, хотя во многомъ несходнаго съ обыкновенными людьми въ свѣтѣ, но всѣмъ сердцемъ къ ней привязаннаго. Я нашелъ ее, окруженную избраннымъ, самымъ образованнымъ обществомъ всѣхъ націй. Не мнѣ выхваляшь ее, пошому, что уже она моя, и всѣ здѣсь ее знаютъ. Что я не чувствовалъ къ ней сильную, непреодолимую страсть, это весьма естественно; но не умѣю сказать, какимъ образомъ удалось мнѣ привлечь къ себѣ это прелестное сердце. Мы стали оди-

маково чувствовашъ и при шѣхъ же чув-
ствахъ оспанемся на вѣкъ, чшобъ ни случ-
чилось съ нами“ — прибавилъ онъ съ бли-
спающими взоромъ. „Моя возлюбленная съ
большою швердосшію вопрошвилась на-
мѣренію моему проситъ благословенія на
союзъ нашъ у ея родителѣ: съ нѣкотораго
времени онъ очень прихварывалъ, она со-
сшавляла для него все, и ей не хотѣлось
огорчашъ больного спарца предположеніемъ
разлуки. Чашо изъяслялъ онъ желаніе,
чшобъ Мальвина, ранѣе двадцати чштырехъ
лѣтъ не выходила за мужъ, но никогда не
допускалъ онъ шой мысли, чшобъ она счи-
шала себя обязанною исполнитъ его жела-
ніе, зная, чшо было бы несправедливо сви-
зывать такимъ образомъ ея волю. Однако
Мальвина поклялась въ душѣ своей, не оп-
давать ни кому руки своей до срока, по-
ложеннаго опцемъ ея; она призналась мнѣ
въ шомъ со свойственною ей опкровенно-
сшію и осшавалась шверда въ своемъ намѣ-
реніи, не смопря на все, чшо ни говорилъ
я противъ шого. Ей было шогда двадцашъ
два года; и шакъ еще два года должно мнѣ
было прожитъ въ мучишельномъ ожиданіи,
прежде, нежели я могъ назвашъ ее своею; но
я имѣлъ опраду житъ близъ нея и забы-
валъ шоску свою.“

— „Г-жа Райнершгаузенъ, въ прошедшемъ году, по собственному признанію супруга ея, была двадцати двухъ лѣтъ; прощу всѣхъ прислушавъ это!“ воскликнулъ вдругъ сѣлыми громкими голосомъ Майоръ. Всѣхъ взоры съ изумленіемъ къ нему обратились, но какъ онъ ничего не присовокупилъ, то Адельбаршъ спалъ продолжая свой рассказъ.

„Болзвизъ Барона Вальборга внезапно устала. Онъ всегда былъ ко мнѣ благожелателенъ и позволялъ мнѣ раздѣлять заботы его дочери при болзвизномъ одрѣ его. Двѣ мучительныя ночи провели мы, не отходя отъ него; пошомъ положили его во гробъ. Отдавъ много взаимная горестъ собесѣдовала къ укрѣпленію союза нашего! Мальвина, не плачь! я не останавлиюсь долѣ на этихъ дняхъ печали. Мы послали эстаблѣшу въ Ганноверъ, къ Барону Шпейнфельсу, единственному другу юности усопшаго, который сдѣлалъ его опекуномъ оставшейся своей дочери и исполнилъ желаніе последней своей воли. Ранѣе, нежели мы ожидали, пріѣхалъ онъ за Мальвиною, которой, согласно желанію родителей ея, надлежало перейти въ его домъ. Съ перваго взгляда намъ много внушилъ онъ намъ довѣренности, что мы рѣшились опарышь ему свою

*

любовь. Распечатали духовную, и хоня въ ней шакже давалъ покойный свой ошече-скій совѣщъ, чшобъ Мальвина не заключала узъ брака до двадцати чешырехъ лѣтъ, однако шущъ не было ошюдъ ничего, ес-къ шому непременно обязывающаго. Спра-сшная любовь моя покорила наконецъ всю ея нервшимость въ этомъ отношеніи, шю шущъ вопрошившлся моимъ желніемъ г. Шпейнфельсъ. Но причинамъ, на кошорыхъ, какъ онъ увѣрялъ, основано наше же благо, но кошорыхъ до положеннаго срока не могъ онъ намъ онкрышъ, настаивающъ онъ дажъ, шщобъ мы соблюдали строго впайнъ са-мую любовь свою, пока наковещъ двадцать чешвершый годъ Мальвина неразрушишъ всъ преняшсшвія къ нашему соединенію.

„Мальвина согласилась ошодно на пред-ложеніе своего опекуна; пошомъ уговорили и меня; я ушщшался надеждою, что могу сошущешвовашъ ей въ Германію ю живущи близъ нея, или въ часшыхъ свиданіяхъ съ нею, сокращающъ время, сподъ пятосшное и сподъ въ глазахъ моихъ продолжштельное. Вдругъ получилъ я приказаніе дядюшки, шщобъ, объѣздивъ уже въ шо время Англію, Францію и Ишалію, посшрансшвовалъ я еще по Швеціи и Норвегіи, и занялся шочшш-шимъ изученіемъ шамошяго успройсшва

железныхъ заводовъ. Какъ возмушилось тогда мое воображеніе! цѣлый годъ проведши въ разлукѣ съ возлюбленною, въ такой опдавленности, можешь быть, не получа ни разу о ней извѣстія? Уже я видѣлъ Мальвину въ кругу людей незнакомыхъ, удивляющихся ей, любящихъ ее, разсипавляющихъ съ нѣю обольщенія, кошорыми я, жалкій, могъ бытъ совсѣмъ изгнать изъ ея памяти. Томишельныя мученія неизмѣримой любви, пламенная ревность, пагубныя заботы, все подавляло меня, все вело къ разрушенію жизни моею, приближало меня къ сумасшествію. Тогда наконецъ умилился надъ нами г. Шпейнфельсъ; по его распоряженіямъ устроилась свадьба наша: священникъ при одномъ чужестранномъ посольствѣ обвинчалъ насъ тайно. Мы должны были поклясться, никому не открывать своего брака, никому безъ исключенія, и по совершеніи двадцатишестилѣтняго возраста Мальвины, повторить снова вѣнчаніе. Прямо отъ алтара увезъ ее г. Шпейнфельсъ въ Ганноверъ, увѣривъ меня напередъ, что никакая власть на землѣ не похищитъ у меня моей новобрачной, и давъ мнѣ такимъ образомъ силы и мужество сносить разлуку. Здоровье мое незамедленно отъ того поправилось и спу-

оня короткое время, была уже я въ состо-
аніи исполнить волю моего дядюшки.“

— „Прошу всѣхъ присутствующихъ
прислушаться и быть свидѣтелями“ вскри-
чала опять Англійскій офицеръ — „что г.
Раймерсгаузенъ, какъ онъ самъ признался,
назадъ тому годъ женился, въ Парижѣ, на
двѣдцѣ Мальвинѣ Вальборнъ.“

„Государь мой!“ сказалъ шутъ Баронъ
довольно вспылчиво, вы выпавшимъ племян-
ника моего изъ Рейна, и вно конечно спо-
ишь благодарности, но за всѣмъ тѣмъ не
могу я не замѣнить, что вы слишкомъ уже
смыле пользуетесь принятымъ Англичанами
обычаемъ, здѣсь въ Германіи спраивичать.“

— „Ужъ я и прежде докладывалъ,“ —
сказалъ покойно Маіоръ: „что хозяйка сю-
да заглядывала; за пять минутъ передъ симъ
заглянула она снова. После обѣда готовъ я
ко всякому объеденію, а теперь пора къ
споду, — иначе не подадутъ намъ ни одно-
го порядочнаго блюда.“

„Желаешь ты еще говорить, что ни-
будь, Адельбертъ?“ спросилъ Баронъ, весь-
ма смягчивъ свой голосъ.

— „Ничего болѣе, любезнѣйшій дядюш-
ка!“ отвѣчала шутъ. „О томъ, что Маа-
вина уговорила нарочно для меня добрую
г-жу Шшейфельсъ прѣхать сюда въ Вис-

бадень, кажешся, не споишь и упоминашь. Теперь пойдём, Мальвина," прибавилъ онъ: „намъ обоимъ нуженъ покой и отдохновеніе.“

„Г-жа Райнершгаузенъ!“ сказала Баронъ съ какою-шо приличною важностію: „я желалъ бы, чшобъ ваши силы позволили вамъ и Адельбершу побыть съ нами еще часа два. Можешъ бышь, шо необыкновенное впечатлѣніе, какое сдѣлали на всѣхъ насъ приключенія сегодняшняго утра, смягчшся нѣсколько, если вы не пошчасъ насъ ошавише.“

Эши немногія слова, хоща довольно еще сухо произнесенныя, побудили молодую чешу ошашься. Къ великому удовольствію Англійскаго офицера, подали вскорѣ и обѣдашь, но за шоломъ бесѣда была самая скучная. Едва немногіе, и шо не сводя глазъ съ шарелки своей, рѣшались проговоришь нѣсколько словъ сосѣду, шакимъ голосомъ, какъ будшо бы въ ближней комнашѣ находился какой-нибудь шяжко больной. Несносная принужденность засшупала мѣсто веселости, всегда господшвовавшей въ эшомъ кругу, и пошому поднялись изъ за шбла часомъ ранѣе обыкновеннаго.

„Неугодно ли шеперь новобрачнымъ и г. Барону Райнершгаузену идти со мною въ особую комнашу?“ сказала швердо и

шоржеспвенно Маіоръ. „Г-жа Шшейнфельсъ можешъ намъ сопуштвовашъ, если изволишь.“

— „Г. Маіоръ!“ возразилъ Баронъ : „Случай хопъль, чтообъ наши семейственныя обшояшельства получили родъ огласки, кошорая въ другое время конечно все необыкновенна. Чшо вы предполагаешъ сказашъ, вѣрояшно шакже имѣешъ связь съ предыдущимъ, почему я желалъ бы выслушашъ шакъ названное вами объясненіе здѣсь же, въ кругу друзей нашихъ. Я большой врагъ всѣхъ околичностей, кошорыя шолько приводяшъ въ недоумѣніе и въ подозрѣнія. Поступай честно и не спрашисъ никого—шакowo было всегда присловье моего дома.“

„На это я согласенъ!“ вскричалъ Англичанинъ : „пусшь это общество будешъ сосшавляшъ родъ собранія присяжныхъ, въ кошоромъ всѣ присуштвующіе будущъ членами, кромѣ прикосновенныхъ лицъ. Надѣюсь, что найду справедливыхъ судей. Не угодно ли же садись въ кружокъ?“

— „Ахъ, Боже мой Господи! это что-то страшное — шочно будшо въ судейской Палатѣ въ Кобленцѣ!“ бормотала про себя г-жа Шшейнфельсъ и садась на показанное ей мѣсто, краснела и блѣднѣла въ шоскливомъ ожиданіи.

Между шѣмъ вынулъ Майоръ изъ бумажника запечатанный пакетъ и показывая его Мальвинѣ, спросилъ, узнаешь ли она печать и надпись.

„Эта печать съ нашимъ гербомъ, кошорую всегда упошреблялъ башюшка; ахъ, и рука его же!“ вскричала Мальвина и слезы навернулись на глазахъ ея.

Офицеръ, не обращая на шо вниманіе, взялъ у нея бумагу и спалъ показывать каждому въ кружкѣ, чшобъ видѣли цѣлосшь печати; пошомъ ошдалъ ее Барону и просилъ, распечатавъ, прочиташъ вслухъ.

Баронъ спалъ читашъ. Въ началѣ былъ присшупъ, какой дѣлаешся въ каждомъ особомъ приложеніи къ духовной. Далѣе прочиташъ онъ слѣдующее:

„Въ полномъ разумѣ и по здоровомъ размышленіи, нахожу я нужнымъ распорядишься, чшобъ содержаніе сего особаго присовокупленія къ моей духовной, и даже существованіе онаго, оспавались неизвѣсшными моей возлюбленной единспвенной дочери, Мальвинѣ Окшави Вальборнъ, до шого дня, въ кошорый совершишся ей двадцашъ чешыре года ошъ роду. Если же, вопреки чашшо изъявленному передъ нею моему родительскому совѣшу, еще предъ испеченіемъ сего времени вшшупишь она въ бракъ, шо

необходимость объявить ей сіе завѣщаніе откровенно сама собою.

„Буде дочь моя непреодолимо увлечется сердцемъ своимъ ко вступленію въ бракъ прежде помянутаго срока, то надѣюсь, что счастье любви замѣнитъ ей съ избыткомъ ту потерю, кою надлежитъ мнѣ подвергнуть ее въ семъ случаѣ, по долгу благодарности. Но дабы она ни съ какой стороны не имѣла корыслолюбивыхъ видовъ при выборѣ себѣ супруга, то да покроетъ печаль неизвѣстности сіе послѣднее мое распоряженіе.

„Годъ спустя по рожденіи моей дочери, въ тогдашнемъ жилищѣ моемъ въ Лондонѣ случился ночью сильный пожаръ, который привелъ въ опасность жизнь, нынѣ въ Бозѣ почивающей, возлюбленнѣйшей супруги моей Антоніи, урожденной Майнбергъ, съ кою имѣлъ я некошорое время пребываніе въ Англіи. Дитя спасено было нянькою, но мать его навѣрное погибла бы самою мучительною смертію, если бы не вырвалъ ее изъ пламени, съ большимъ присуществіемъ духа и очевидною собственною опасностію, молодой Англійскій офицеръ, мнѣ въ то время вовсе неизвѣстный. Уже черезъ день узналъ я въ немъ сына моего дальняго родственника, кошораго роди-

шам давно скончались; но какъ я объ его существованіи, шакъ и онъ обо мнѣ вовсе дошоль не вѣдали. Онъ назывался Эдмундъ Вальборнъ. Священною клятвою покаялся я шогда въ самомъ себѣ, его со временемъ, сколько въ силахъ моихъ состояшь будешь, за благородный сей поступокъ, вознаградишь, и именно, буде позволяшь обстоятельство, рукою моею дочери, кошорой спасъ онъ мать. Я считаю несправедливо-сшію препящснвовашъ кому либо идши жмзненнымъ пушемъ, имъ самимъ для себя избраннымъ; почему и не ошановилъ его ошправленія, чрезъ нѣсколько дней послѣ пожара, въ Остъ-Индію, куда назначенъ былъ его полкъ, въ службѣ Остъ-Индской компаніи состоявшій. Съ той поры никогда не писалъ онъ ко мнѣ, вопреки своему общаію, и я вовсе пошерялъ его изъ виду, но сіе не снимаешъ съ меня обязанности, бышь ему благодарнымъ и полезнымъ.

„Буде Эдмундъ Вальборнъ, въ печеніе двадцати шрехъ лѣшъ, шо есть со времени ошѣзда его въ Остъ-Индію до двадцатишестырехлѣшняго возраста моею дочери, не возвращишся назадъ въ Англію, шо я долженъ считашь его умершимъ или гдѣ-либо основавшимъ свое пребываніе; почему на сей случай, сіе мое послѣднее завѣщаніе не

моженъ бытъ исполнено. Но на шомъ случаѣ, буде онъ прежде испеченія того времени возвратится; кладу я запечатанный списокъ съ сего завѣщанія, вмѣстѣ съ ошкрышою онаго копією, въ архивъ Остш-Индской компаніи, кошорая и вручитъ ему по и другое при его возвращеніи въ Англію. Другая, съ сею совершенно сходная копія, находится въ рукахъ Барона Эрнеста Шшейнфельса въ Ганноверѣ, кошорому извѣстно содержаніе оной, и кошорый обѣщаль мнѣ, объ ономъ объявить моей дочери не ранѣе мною назначеннаго къ шому срока.

„И шакъ я желаю, чшобы Эдмундъ Вальборнъ, въ случаѣ возвращенія его въ Европу, прежде совершившихся двадцати чешырехъ лѣтъ моей дочери, явился къ ней и просиль руки ея.

„Буде Мальвина Окшавія Вальборнъ не согласишся на предложеніе Эдмунда Вальборна, шо съ того самаго дня вступаешь онъ въ полное владѣніе моего помѣстья Вальншешъ, въ Ганноверскомъ Государствѣ лежащаго, со всѣми къ оному принадлежащими правами и доходами.

„Буде же Эдмундъ Вальборнъ не найдешъ въ моей дочери качествъ, какихъ желаешь для своей супруги, шо симъ обяжется Мальвина Окшавія Вальборнъ, запла-

пиши ему десять тысяч пиастровъ, а сама останешься владѣлицею помѣстья Вальштейль. Таковую же сумму можешь Эдмундъ Вальборнъ и еще нежко требовать, буде онъ возвратишеся въ Европу женатый, однако предъ истеченіемъ назначеннаго мною срока. „Если противъ моего ожиданія, дочь моя прежде помянутаго срока выйдешь замужъ, то Эдмундъ явившися къ ней неженатый, и съ этого же дня равнымъ образомъ вснупавшій оны во владѣніе помѣстья Вальштейль, которое и принадлежишь передать ему тогда же, какъ по праву ему слѣдующую собственность.“

Въ заключеніи сего страннаго документа находилась подпись самаго Барона Вальборна и узаконеннаго числа свидѣтелей. Глубокая тишина царствовала въ залѣ, когда Баронъ дочиталъ. Терзаемая тысячею горесинныхъ воспоминаній, сидѣла блѣдая, какъ смерть, Мальвина, съ авось головою на грудь Адаэльберша, кошорый, для ея поддержанія, сидѣлъ предъ нею на колымажѣ, заключа ея крѣпко въ своихъ объятіяхъ. Одинъ Майоръ, при общемъ смущеніи, выдерживалъ свой характеръ, и въ это время разбиралъ и показывалъ Барону, одну за другою, множество бумагъ и документовъ, въ доказательство того, что онъ еще не

женать, и что онъ пошл самъ, за кого себя выдавалъ.

„Что жъ изъ всего этого должно выйти, г. Маіоръ?“ спросилъ Баронъ.

— „Какой вопросъ?“ возразилъ потъ: „кажется я предшавилъ вамъ все доказательство правъ своихъ. Помилуйте принадлежишь мнѣ.“

„Возможно ли? неужли вы рѣшились?“ воскликнула потъ, увлеченная своимъ проследуемъ г-жа Шпейнвальсъ. „Вы были Ангеломъ хранителемъ моей милой Маалвины, такъ вѣрно не вздумаете лишить ее большой части ея имѣнія? Вы жьрно будете великодушны?“

— „Будь прежде справедливъ, а потомъ великодушенъ, говорятъ у насъ въ Англіи — сказалъ ничѣмъ неколебимый Маіоръ. „Къ своему ближнему всего больше должно быть справедливымъ, а я самъ къ себѣ всего ближе, почему и беру смѣлость спросить у васъ, не угодно ли сдѣлать мнѣ порученій къ г. Шпейнвальсу. Въ виду же ночь отправаюсь я въ Ганноверъ; мнѣ хочется скорѣе привезти въ перадокъ свои дѣла.“

Вся присущивующіе посмотриль съ дивнымъ негодованіемъ на сего спраннаго человека, кошораго, безъ шого мрачное лице,

сдѣлалось еще отвращительнѣе при семь замѣчаніи.

„У васъ въ Германіи много комедій“ — прибавилъ онъ и непріятною улыбкою ослабилось при томъ лице его: „я прочиталъ ихъ нѣсколько помовъ для упражненія въ языкъ. Обыкновенно въ пятомъ дѣйствіи является Англичанинъ, который бросаетъ много денегъ людямъ, чѣмъ сдѣлать ихъ счастливыми; но шакъ у васъ на неапрѣ; а въ Англіи всякій беретъ, что ему сдѣлаетъ.“

Между шѣмъ Баронъ перелисывалъ поданные ему докуменшы. „Вы уже годъ и чешыре мѣсяца въ Англіи, г. Маіоръ“ вскричалъ онъ вдругъ.

„Точно шакъ“ — было отвѣтомъ.

— „Сшадобышь, не выполнили вы условія, посвашались за дѣвицу Вальборнъ?“ сказала Баронъ съ возрастающимъ жаромъ.

„Служба и нѣкоторыя другія обстоятельства принудили меня промѣшкаться въ Англіи.“

— „Но вы могли писашь.“

„Я желалъ прежде видѣшь даму, о которой идешь рѣчь.“

— „Вы не исполнили условій, предписанныхъ вамъ волею Барона Вальборна“ — говорилъ Баронъ сердшнымъ голосомъ и со

сверкающими глазами: „по этому должны вы довольствоваться десятью тысячами палеровъ.“

„Еще цѣлый годъ былъ у меня вперѣдѣ; что эта дама за-мужемъ, узналъ я только вчера вечеромъ, когда прохаживалась она въ саду со своимъ мужемъ. Сoudaшы не любящъ долго увиваться за молодою дамою. Одного года слишкомъ довольно, чтобы пріобрѣсти любовь — шакъ я думалъ, и въ этомъ намѣреніи пріѣхалъ сюда.“

— „За всѣмъ шѣмъ ваши права подвержены большому сомнѣнію“ — возразилъ Баронъ, строго смошря на него; вы совсѣмъ не шакъ легко дойдете до цѣли своей, какъ вѣрояшно предполагали; возьмите деньги — можно нѣсколько прибавить.“

„О, не дѣлайте условій, не дѣлайте привязокъ и напязекъ, когда рѣчь идетъ объ исполненіи воли моего бащюшки!“ воскликнула Мальвина, собравъ все свои силы. „Уже я и шакъ послушила вопреки желанію, изъявленному имъ при жизни. Хотя я не раскаяваюсь въ томъ, но не пошерплю, чтобы не исполнили буквально по смерти оица моего, того, что было ему угодно приказашъ. Возьмите“ — продолжала она, вснавъ, и съ большимъ достоинствомъ обращаясь къ Маіору: „возьмите, что вамъ

принадлежитъ, что принадлежало бы вамъ вполнѣ и тогда, если бы вы ранѣе сюда пріѣхали. Боже, несравненно больше того, что могу дань, получила я отъ васъ въ это утро. Этого я никогда не забуду. Извольте вѣшать къ моему почтенному опекуну; завтра же пошлю ему согласіе на всѣ ваши требованія.“

Маіоръ поклонился и поспѣшно ушелъ.

„Мальвина, вы очень пошоропились и напрасно такъ много пожертвовали,“ сказалъ Баронъ довольно сдержаннымъ голосомъ.

„Пусть такъ!“ отвѣчала Мальвина: „я не могла бы пользоваться непринадлежащимъ мнѣ, и увѣрена, что Адельбертъ шѣмъ не менѣе любишь меня будешь. Мы шеперь бѣдны, милый Адельбертъ, или по крайней мѣрѣ близки къ совершенной бѣдности. Признаюсь, что я уже не въ нѣхъ лѣнахъ и не имѣю такихъ романическихъ мыслей, что бы шому радовалась, и любовь въ жизни никогда не принадлежала къ моимъ идеаламъ. Но думаю“ — продолжала она, положивъ руку на плечо своего супруга и съ умилениемъ смотря на него: „думаю, что до крайности, мы никогда не доведемъ себя; ты будешь работаешь, а я постараюсь сдѣлаться бережливою и хорошею хозяйкою. Тратишь много денегъ ешь одна шолько

дурная привычка, ошъ кошорой я постараюсь ошспашь. Говоряшь шакже, чшо бѣдныя люди имѣють свои удовольствія, кошорыхъ богашые не знають. Посмопримъ же, чшо шущь ешь справедливаго: не шерай шолько бодрости, и ко мнѣ имѣй довѣріе.“

— „Нышь, ужь эшо слишкомъ! Развѣ думаете вы, чшо я камень?“ вскричала Баронь. — Всѣ присущившующіе спали дышашь свободнѣе, когда онъ при эшомъ заключилъ Мальвину въ свои объятія и началъ называшь ее доброю, милою, прекрасною племянницею, радостью и ушѣщеніемъ его близкой спарости.

„По крайней мѣрѣ два мѣсяца хошѣлъ я переждать: не хошѣлось мнѣ бышь однимъ изъ шѣхъ шарыхъ дураковъ, кошорыхъ высшавляють при концѣ каждой пошлой Французской комедіи!“ сказала Баронь съ особеннымъ, ему свойшвеннымъ просшодушіемъ, послѣ шого, какъ ушшла первая буря чувствъ и перемежились поздравленія, кошорыми со всѣхъ споронъ ошпали его и молодую чешу. „Ну чшо жь? я все шакіи довольно времени выдерживалъ свой характеръ. Однако пора домой, завпра прошу всѣхъ ко мнѣ на балъ, кошорый даю въ честь своей племянницы, а послѣ завпра ошправляемся всѣ въ Мекденбургъ, гдѣ моя

миленькая племянница должна все поспавить вверхъ дномъ.“

„Ну, Мальвинушка, душа моя!“ лепешала г-жа Шшейфельсъ, когда собрались къ опъвзду: „какъ я рада, какъ я рада, что все шакъ хорошо кончилось; завшра я дамъ шебъ надъшь мою новую шляпку; сего дня шолько миъ прислала ее Моро; вѣдь надобно же шебъ показашься въ чемъ нибудь порядочномъ.“

„Еще одного объясненія, какъ называетъ вашъ почтенный родшвенникъ, желалъ бы я опъ васъ“ — сказала Баронъ, когда онъ сълъ съ Мальвиною и Адельбертомъ въ карешу: „Вы уже были за-мужемъ: „что-жь значила эта шроншивость съ мнимо-ласкаемыми поклонниками вашими и безпреспанная ихъ мѣна?“

— „Любезный дядюшка!“ опъвчала Мальвина. „Миъ нужна была маска, чтообъ лучше скрыть мою шайну; можешъ бышь, я избрала не самую лучшую, но другой не пришло миъ въ голову. А что касается до безпреспанной мѣны моихъ, шакъ называемыхъ любимцевъ, по неужли миъ должно было до пѣхъ поръ держашъ одного, пока не вздумалось бы моему ревнивому супругу вызвашъ его на дуэль?...“

СТЕПЕНИ ВОЗРАСТА ЖЕНЩИНЫ.

Повѣсть Гейнриха Цшокке.

Покойный отецъ мой учился въ * * * *
скомъ Университетѣ. Тамъ узы нѣжнѣйша-
го дружества соединили его съ молодымъ,
оплечнымъ достоинствомъ человекомъ, по
имени Вальдерномъ. По окончаніи курса,
оставляя сіе святилище наукъ, въ мину-
ту разлуки, съ полными спаканами пуншу
въ рукахъ, и съ полными слезъ глазами, они
клялись взаимною вѣчною вѣрностію и дали
другъ другу обѣщаніе, какова бы ни была
будущая судьба ихъ, всякой годъ — если
только совершенная невозможность не вос-
препятствуетъ шому, видѣться хошя од-
нажды.

Много дается подобныхъ обѣщаній,
много заключаешь между молодыми людьми
союзовъ дружбы, любви и вѣрности въ ча-
сы веселія, за спаканомъ пунша или вина;
но первое упоеніе исчезаетъ, люди прихо-
дятъ въ себя, зрѣютъ съ лѣтами, увлекающі-
ся тысячами новыхъ обстоятельствъ, съ
улыбкою помышляютъ о мечтахъ юности
и скоро вовсе забываютъ объ нихъ. време-
на перемѣняются, а съ ними и люди.

Не шакъ однако же мыслили и поступали онецъ мой и молодой Вальдернъ. Они сохранили обѣщаніе, сдержали данное другъ другу слово. Первое упоеніе прошло, но сердца ихъ билісь шакже горячо, какъ и прежде. Пуши, избранные ими на поприщѣ жизни, были совершенно различны, но души ихъ всегда были въ согласіи, всегда стремились одна къ другой. Оба они женились, но любовь супружеская не испрѣбила изъ памяти ихъ нѣжной любви братской. Каждый годъ однажды видѣлись они непременно, хотя и жили другъ ошъ друга въ разстояніи шрехъ суюнокъ вѣды. И даже въ поздніа лѣша, когда занятіа по службѣ и заботы семейныа занимали все ихъ время, всегда находили они возможность удѣлять двѣ, шри недѣли для посѣщенія оиднѣ другаго.

Посѣщенія сіа, въ первые годы дѣлали они почти всегда попеременно, но въ послѣдствіа ввелось въ обыкновеніе, чшоби онецъ мой ѣздилъ ежегодно къ Вальдерну и гостилъ у своего друга. Ошъ чего это произошло, я не знаю. Но Вальдернъ сдѣлался богатымъ, и ошъ полученнаго наследства и по женитвѣ, жилъ всегда въ столицѣ, имѣлъ, какъ Дирекшоръ Каммеръ-Коллегіа, много дѣла — можешъ бышь, это его удер-

живало. Напрошивъ, отецъ мой былъ не больше, какъ лѣсничій, жилъ въ деревнѣ; домъ его не имѣлъ довольно помѣщенія для гостей, привыкшихъ къ удобствамъ жизни. Можешь бышь, также и для отца моего пріятнѣе было однажды въ годъ взглянуть на пестроту и разнообразіе столичной жизни, нежели Директору Каммеръ-Коллегіи на наши лѣсосѣки и разсадники. Но какъ бы то ни было, подъ конецъ, какъ я уже сказалъ, отецъ мой каждое лѣто посѣщалъ своего друга.

Мнѣ было лѣтъ десять, какъ однажды мать моя нарядила меня съ ногъ до головы въ новое платье, а отецъ примолвилъ: „Ну, Гусавъ! на эшошъ разъ я возьму тебя съ собою въ столицу. Братъ Вальдеръ давно уже хотѣлъ тебя видѣть.“

Можно представишь себѣ мое удовольствіе! И мапушка собиралась ѣхать съ нами. Цѣлые три мѣсяца радовались мы своей поѣздкѣ и пригошовлялись къ ней. Я былъ только одинъ сынъ, оставшійся въ живыхъ у моихъ родителей. Дѣтскія ожиданія мои чудесъ столицы, забавляли ихъ какъ нельзя болѣе.

И въ самомъ дѣлѣ мнѣ много было кое чего посмотришь и послушаешь въ сполитцѣ. Каждый день что нибудь новое и все казалось мнѣ какимъ-то волшебствомъ. Директоръ Вальдернъ былъ весьма пріятный человекъ, но у него была единственная дочь, моихъ же лѣтъ, по имени Августина, которая казалась мнѣ еще гораздо пріятнѣе, нежели онъ. Она безпрестанно прыгала и вилась вокругъ меня, какъ легкое привидѣніе, и первый вопросъ, который она мнѣ сдѣлала, былъ: „*Густавъ, видѣлъ ли ты новую мою куклу?*“ Съ симъ словомъ схватила она меня за рукавъ и пошатила съ собою: я долженъ былъ удивляться куклѣ, ея платьямъ, кошорыхъ было по крайней мѣрѣ до дюжины, чтобы меняшь каждый день, ея постели, сполу и спудьямъ. Но уже на другой день Августина забыла о своей куклѣ, и мѣсто ея въ маденькомъ сердечкѣ своемъ очистила мнѣ. И признаюсь, Августина сдѣлалась и моею куклою. Ей нравились мои свѣшлые курчавые волосы, мои голубые глаза, мнѣ она нравилась вся. Она учила меня шанцовашь, я училъ ее воевашь въ саду и сирѣляшь изъ палокъ, какъ будшо изъ ружья. Однимъ словомъ, съ ушра до ночи мы были неразлучны, всегда въ разговорахъ или въ игрѣ между собою.

„Не правда ли, брашъ!“ — сказала однажды за ужиномъ Вальдернъ ошцу моему: — „у насъ съ шобой препригожія дѣшки!“ — При эпомъ словѣ я бросилъ быспрый взглядъ на Августину, попому, что мнѣ никогда еще не приходило въ голову посюшрѣшь, пригожа ли она. И въ самомъ дѣлѣ, ея шемнокашшановые локоны, между кошорыми извивалась просшая розовая леншочка, нѣжный окладъ лица ея, черные быспрые, лукавые глазки, огненные губки, привлекашельная живоспъ всѣхъ движеній, — все показалось мнѣ шеперь весьма пригожимъ.

„Папенька!“ вскричала Августина, сдѣлавъ какое-шо спрание, какъ бы недовольное личико: „кабы у меня были шакія прекрасныя золошныя кудри и голубыя глаза, какъ у Гусшава, шо и конечно была бы гораздо пригожѣ!“

„Послушай, брашъ!“ продолжалъ Вальдернъ, не обращая вниманія на маленькое шщеславіе своей дочери. „Дружбу нашу должны наслѣдовашъ и наши дѣши и внуки! Изъ эшихъ выйдешъ славная пара. Кто не скажешъ, что они рождены другъ для друга?“

Ошець мой улыбаясь кивнулъ головою и поднялъ свой спаканъ. Вальдернъ сдѣлалъ шо же: они спукнулись и выпили. Я не понималъ хорошенько, что разумѣлъ Дирекшоръ

подъ своимъ наследствомъ, но Августина объявила мнѣ вно своимъ вопросомъ вѣнцу:

„Не правда ли, паненька! ты хочешь, чшобъ Гушавъ былъ моимъ мужемъ? О! какъ эшо славно! Какъ же я буду любить его! О, сдѣлай вно, паненька, сдѣлай поскорѣ! Гушавъ! ты шакже радуешься эшому?“

По всему шолу раздался хохотъ, кошорый доаго не прекращался.

На другой день играли мы вмѣстѣ. Въ саду находилась небольшая бесѣдка, обросшая виноградомъ; передъ входомъ въ нее стояли двѣ молодыя акаціи — въ шогданнее время еще рѣдкость въ Германіи. Тутъ же стояла простая, зеленою краскою покрашенная скамейка. Купленные Августининою два оловянные колючка, одно съ краснымъ, а другое съ зеленымъ стеклышкомъ, мы размѣняли другъ другу; а чшобъ они по величинѣ своей, не свалились у насъ съ пальцевъ, обвила она ихъ внизу черною ленточкою.

Но къ чему описывать всѣ дѣтскія забавы? Довольно okazaшь, что при недѣли въ столицѣ пролешъли для меня какъ сонъ. И когда дѣло дошло до разлуки, шо плачу и жалобамъ, между мною и Августининою, не было конца. Мы бросились другъ къ другу на

шею, крѣпко обнялись рученками, заливались слезами, вопили и просили, чшобъ насъ не разлучали. Родители наши смѣялись, ушѣшили насъ, и наконецъ должны были разнять насъ безъ усилій, давъ слово, что вскорѣ доспавяшь намъ случай снова увидѣться.

Не шакъ-шо скоро однако жъ удалось мнѣ опять побывашъ въ сполитцѣ: Между шѣмъ дома было для меня все пусто и мертво. Я бродилъ повѣся голову, скучный и грустный, какъ бы оставленный людьми, и часто плакалъ пошохоньку объ Августинѣ. И даже, когда я переспалъ уже печалишься, и опять мало по малу привыкъ къ мирному родителъскому дому, къ мирной деревнѣ нашей, къ мирнымъ полямъ и лѣсамъ — на что впрочемъ не много нужно было времени — мнѣ все казалось, какъ будто мнѣ чего-то не доспаетъ, какъ будто я не на своемъ мѣстѣ.

Тѣмъ пріятнѣе была для меня послѣдовавшая въ скоромъ времени перемѣна. Опець мой ошдалъ меня въ одномъ изъ сосѣдственныхъ городковъ въ училище: я былъ поручень сгарому его знакомому, Рекшору училища умному, честному, глубокой учено-

спи чловѣку, у кошораго я и жилъ въ домѣ. Добрая мапушка моя горько плакала, отпраля меня. Собственными руками своими уложила она мой чемоданъ, и наполнила его до нельзя бѣльемъ и плашьемъ. При всемъ шомъ я нашель мѣсечко, чшобъ засунушь между рубашками оловянное обручальное кольцо Августины. Мапушка замѣшила эшо и обернула его изъ предоспорожностни въ доскущокъ бумажки.

Ученая жизнь у Рекшора сначала не совсѣмъ понравилась мнѣ; но вскорѣ я привыкъ, и шѣмъ болѣе полюбилъ шумное сообщество школьных моихъ сошоварищей. Бодро принялся я за сложеніе, умноженіе, склоненіе, спряженіе, изложеніе и пр. и время мое дешвло. Городъ, въ кошоромъ я жилъ, находился шолько въ шрехъ миляхъ ошъ моей родины, и пошому я довольно часшо имѣлъ случай посѣщать ошеческій домъ свой. И всякій разъ было для меня шоржешвеннѣйшимъ праздникомъ, когда я могъ хопя одинъ день провесши въ кругу своихъ родителей.

Рекшоръ мой, какъ я уже сказалъ, былъ чловѣкъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ правилъ. Я любилъ его, какъ вшораго ошца. Онъ съ своею ученостію казался мнѣ сущешвомъ высшаго рода. Съ гражданами город-

ка нашего, онъ не имѣлъ большаго знакомства и жилъ всегда или въ сообществѣ великихъ мужей древности, или съ юными своими питомцами. „Пошому что“ — говорилъ онъ: „въ шѣхъ нахожу я совершеннѣйшее, вы носите въ сердцахъ своихъ зародышъ совершенства. Знаю, что многіе изъ васъ обманушь меня въ моихъ ожиданіяхъ: но чрезъ нѣкоторыхъ надѣюсь еще двѣснвовашъ на міръ сей и тогда, когда кровь моя заспынеть и дыханіе прекратишь.“

Наконецъ прошелъ я чрезъ преддверіе Грамматики и всступилъ въ святилище мудрой древности. Какъ восхищали меня *Гомеръ* и *Курцій*, и болѣе всѣхъ еще *Плутархъ*! Сердце мое сжималось грустію, когда я сравнивалъ великихъ мужей вѣковъ прошедшихъ, съ своими современниками. Я читалъ, переводилъ, сочинялъ и былъ счастливъ, какъ и всякой юноша, посвятившій себя наукамъ.

О повѣздѣ въ столицу некогда было и думать. Хотя отецъ мой по старой привычкѣ продолжалъ вѣзтишъ шуда ежегодно, но мнѣ и въ мысль не приходило просить его, взятьшъ меня съ собою. Маленькую подругу свою забылъ я чисто на чисто, и оловянное кольцо ея навѣрное бы пошерялъ, если бы не положилъ его въ коробку вмѣ-

спѣ съ другими бездѣлюшками, до копорыхъ иногда по нѣскольку лѣтъ не допрогивался. Ваканшныя дни проводилъ я обыкновенно съ нѣсколькими изъ добрыхъ шоварицей у моихъ родителей или дѣлалъ небольшія повздки къ ихъ родственникамъ.

Такъ проходилъ одинъ годъ за другимъ. Когда мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, Рекшеръ призналъ меня гошовымъ для Университета, и отецъ мой отправилъ меня туда. Это былъ горькій для меня день. Грустно было мнѣ оставивъ почтеннаго спарца, копорый образованіемъ ума моего положилъ основаніе внушреннему моему благополучію; но еще грустнѣе удалишься отъ дражайшихъ родителей, отъ копорыхъ долженъ былъ жить въ разспояніи четырнадцати миль. Теперь все, что я, какъ дитя, имѣлъ и любилъ, сдѣлалось для меня несравненно драгоценнѣе. Я посѣтилъ еще разъ всѣ мѣста, свидѣтели дѣтскихъ забавъ моихъ, и укладываясь въ день отъѣзда, не оставилъ пересмотрѣвъ давно уже забытую мною коробочку съ разными бездѣлицами. Я выбралъ все изъ нее и многое, какъ памятникъ минувшаго дѣтства моего, положилъ въ чемоданъ вмѣстѣ съ Гомеромъ и Горациемъ. Оловянное кольцо Августины было въ шомъ числѣ.

Хотя я и сама уже писала стихи, въ кошорыхъ *стыдливая луна* и *пламенная любовь до гроба* играли всегда главную роль, и въ кошорыхъ *блаженство* и *совершенство*, *сердечный* и *великослезный* и *любезный*, встрѣчались почти на каждой строчкѣ, но кольцо маленькой сподичной неввспы моей не сдѣлало на меня большаго впечатлѣнія. Я совсѣмъ не вспоминала объ ней и искала лучше какихъ нибудь прелестныхъ глазокъ молодой дѣвушки изъ моихъ знакомыхъ, къ кошорымъ бы можно было по справедливости примѣнить пару Пешарарковыхъ сонетовъ; впрочемъ и это дѣлала всегда со страхомъ и шрепѣтомъ. И скажу откровенно, что изъ нѣсколькихъ десятковъ глазокъ, встрѣпившихся мнѣ въ это время, то быстрыхъ и пламенныхъ, то спрасныхъ и шомныхъ, ни одинъ не произвели во мнѣ насоящаго впечатлѣнія. И при всемъ томъ роясь по волѣ отца моего въ Пандекшахъ и Инструкціяхъ, въ системахъ Физиокраповъ и Экономисповъ, я всегда шомился желаніемъ чего-то другаго; знала, что это шакое, но не находила ни гдѣ. Иногда приходило мнѣ на мысль зашпавить себя насильно влюбиться въ шу или въ другую красавицу. Я пробовала это,

но пламень сердца моего пламя обыкновенно не долже двухъ недѣль.

Въ три года пребыванія моего въ Университетѣ, получилъ я достоинство Доктора Правъ. Мнѣ совѣщовали искашь мѣста Профессора и читашъ частныя лекціи; но отецъ мой, какъ Лѣсничій, не зналъ другой почешивѣйшей службы въ Государствѣ, какъ по лѣсной части, и пошому просилъ уже о мѣстѣ для меня и чрезъ вліаніе Директора Вальтерна, я былъ сдѣланъ помощникомъ лѣсничаго въ одномъ Провинціальномъ городѣ.

Прежде, нежели отправился я къ мѣсту своего назначенія, хошѣлось мнѣ посѣщить своихъ родителей, съ копорыми впрочемъ и во время пребыванія моего въ Университетѣ видался я покрайней мѣрѣ дважды въ годъ. Отецъ мой писалъ ко мнѣ, чшобъ я посѣщилъ въ столицу, гдѣ онъ съ машушкою буденъ ожидашъ меня у спараго друга своего Вальтерна, копораго мнѣ должно было поблагодарить за мѣсто и рекомендо-вашся въ дальнѣйшее егѣ покровительствѣ.

Я посѣщилъ шуда. Дорогою думалъ я иногда объ Августинѣ, но всегда какъ-то не охотно; какъ будшо бы спыдился дѣшскихъ своихъ шалостей. Правда, мнѣ прихо-

дило въ голову и но, что она конечно уже выросла велика и вѣроятно весьма пригожа, но мысль, что родилели не забыли прежнихъ намѣреній своихъ, и не спросясь нашего согласія, непременно хошащъ свесни насъ, была для меня несшерпима. Самое свиданіе наше у Вальдерна казалось мнѣ не безъ умысла, и я далъ себѣ кляшву, что изъ этого не выйдещъ ничего.

И я не прешупилъ кляшвы своей, хоша и совершенно прошивъ воли.

Послѣ первыхъ дружескихъ объашій со сшариками въ домъ Вальдерна, осмошрѣвшисъ въ комнашъ, я увидѣлъ, что шущъ была еще одна особа, кошорой надобно было поклонишся — дѣвушка въ полномъ цвѣшъ красошы своей, милая, съ черными пламенными глазами, на кошорые, какъ на полуденное солнце, не лъзя было смошрѣшъ, не подвергаясь опасности ослѣпнушъ. Ахъ! я и шакъ уже былъ слѣпъ! Я могъ замѣшишъ шолько, что прелесшное личико красавицы покрылось нѣжнымъ румянцемъ въ шо мгновеніе, когда она привѣшешвовала меня поклономъ. Какъ я ошвѣчалъ на это, испинно не знаю. Мнѣ казалось все какимъ-шо очарованіемъ; я бы желалъ бышъ за шысячу миль ошъ этого мѣсна, чтошбъ спокойно размыслишъ, шюю ли я шого, чтошбъ

находишься вблизи этого созданія и при всемъ шомъ ни за какое блаженство въ свѣтѣ не хотѣлъ бы оставить его ни на минушу.

Къ счастью новыя объятія и распросы родителей моихъ и ихъ друзей, извлекли меня изъ мучительнаго моего положенія. Мнѣ надобно было опвѣчать и я мало по малу пришелъ въ себя. Между пѣмъ г. Вальдернъ обратился къ прелестной незнакомкѣ и сказалъ: Посмотри, Августина, гошовъ ли ужинъ? — Боже мой! думалъ я самъ въ себя, шакъ это Августина? Я не имѣлъ духа предсавить себя, что эта прелестная была нѣкогда маленькою подругою моею. Такая мысль казалась мнѣ свяшопашствомъ.

Мы пошли къ ужину. Вальдернъ взялъ подъ руку мою машушку, отецъ мой г-жу Вальдернъ; мнѣ осшалась Августина. Трещца какъ листъ, предложилъ я ей руку; скорѣе она могла бы предложить мнѣ свою: по истинѣ я имѣлъ нужду въ хорошей подпорѣ.

„Боже мой! какъ вы выросли! Я бы ни какъ не узнала васъ!“ сказала она.

— „И я... и я...“ — пробормошалъ я запинаясь. — „Ахъ! зачѣмъ мы не шакже малы, какъ прежде!“ — присовокупилъ я какимъ-шо плачевнымъ голосомъ, и въ шу

же минушу опомнился, что не могъ сказать ничего глупе этого. Какая девятнадцатилетняя дѣвушка захочетъ быть опять ребенкомъ!

„Вы бы этого желали? для чего же?“ спросила она у меня какъ бы съ удивленіемъ.

— „Тогда я былъ шакъ щасливъ, ахъ! шакъ щасливъ, что никогда не смѣю и помыслишь быть опять шакъ щасливымъ!“ — Это прошепсала я какъ бы однимъ вздохомъ, и положилъ лѣвую свою руку на ея руку, лежавшую на моей правой. Августина не ошвѣчала мнѣ ничего. Вѣроятно сказала я опять какую нибудь глупость. Мнѣ спѣдно было спать.

За ужиномъ было довольно весело: разговоръ живъ и занимателенъ. Мало по малу я привыкъ смолчать на Августину; могъ даже давать ей довольно разсудительные ошвѣщны. Но всѣхъ не могъ я ничего, сколько ни пригуждалъ себя.

Чѣмъ долѣе смолчалъ я на Августину, тѣмъ прекраснѣе она для меня казалась. На другой день она была еще прелестнѣе, на третій еще прелестнѣе. Это очевидно было колдовство. Я раскаявался въ кланьи, слишкомъ поспѣшно данной себѣ дорогою въ дилижансѣ, и рѣшился, безъ дальнихъ

размышлений, сдѣлавшись однажды клятвопреступникомъ.

На претій день къ вечеру, не знаю какимъ образомъ случилось, что мы оба очутились въ саду на едѣнѣ. Я давно уже искалъ случая переговорить съ нею, хотя самъ не зналъ хорошенько, о чемъ. Гуляя, подошли мы къ виноградной бесѣдкѣ, которую я очень хорошо помнилъ. „Ахъ! какъ высоки выросли обѣ акаціи!“ вскричалъ я. „Теперь онѣ сплетаются уже ввышями.“

„А вы не забыли этихъ деревьевъ?“ спросила Августина робко.

— „Могули забыть о своемъ счастьи!“ возразилъ я: „О если бы вы знали, какъ часто мысли мои стремились сюда! Вы впрямь нерѣдко бывали въ этой бесѣдкѣ, вовсе не думая о маленькомъ Густавѣ, который шакъ безумственно плакалъ, раставаясь съ вами.“

„Эшо вы шакъ думаете!“ сказала она тихимъ, почти умиравшимъ голосомъ.

Мы вошли въ бесѣдку, освѣщенную вѣтвистыми акаціями. Я осматриваясь вокругъ, и весь забавы дѣйствія оживились въ душѣ моей. Молча смотрѣлъ я на Августину. Ахъ! какъ все перемѣнилось. Она потупила главу въ землю. Я взялъ ее за руку и ска-

заль: „Здѣсь некогда мы давали обѣща-
друзь другу въ вѣчной любви.“

Она показала на зеленую скамейку и
прошептала едва слышнымъ голосомъ: „Я
все очень хорошо помню.“

— „Все? право, все? о Августина! Точно
ли, все?“ спросилъ я.

„О Гусавъ!“ былъ ея отвѣтъ.

Съ эшимъ прекрацились всѣ вопросы
и отвѣты, потому что губы наши сли-
лись въ пламенномъ поцѣлуѣ. И когда мы
опть перваго упоенія пришли, опать въ се-
бя, то были опать прежнїя дѣши и гово-
рили другъ другу *ты*, и называли другъ
друга прежними именами: Августина, Гу-
савъ; и при всемъ томъ, все это было не
такъ, какъ тогда, и я конечно уже не цощь
неопесанной женихъ.

Я вынулъ изъ кармана оловянное коль-
цо мое. „Узнаешь ли ты его, Августина?“
При взглядѣ на него, лице ея оживилось.
Она взяла кольцо въ руки, разсматривала
долго: на глазахъ ея показались слезы.
„Такъ! это оно!“ сказала она, и опать
долго смощрѣла на него, съ видимымъ удо-
вольствиемъ. Потомъ заключила меня въ
объятїя, придала къ груди своей, зарыдала
и сквозь слезы проговорила: „Гусавъ! ты
лучше меда!“ Успокоясь немного, сняла она

съ руки своей золотое кольцо, надела мнѣ на палецъ, а себѣ оловянное. „Это кольцо оставлю я у себя!“ сказала она. „Я швоя на вѣки! Хочешь ли быть моимъ, Гусшавъ?“

Само собою разумѣешь, что ошвѣшь мой былъ шаковъ, какъ и всякаго другаго двадцатишлѣшняго стихошворца. Мы клялись солнцемъ, луною и звѣздами, небомъ и землею, любилъ другъ друга поспоянно и вѣчно, и принадлежалъ одинъ другому по сю и по ту сторону гроба. Но нужно ли рассказывать все это подробно? Кому не извѣсны кляцвы и мечшы любящихся? Довольно присовокупишь, что упоенные чистѣйшею любовью, мы забыли весь миръ и помнили только другъ друга. Три недѣли пропекло для насъ, какъ всхитишельное свидѣнїе корошкой дѣшней ночи. Тогда заговорили объ ошвѣздѣ. Боже мой! Мнѣ казалось, что я едва успѣлъ прѣвхашъ!

Непоняшно было мнѣ равнодушїе нашихъ родителей. Для нихъ не могло быть шайною шо, что въ насъ происходило. Глаза наши, которые безпрешанно другъ къ другу обращались, другъ друга искали; руки наши, которыя при всякомъ случаѣ, какъ бы магнитною силою одна къ другой прѣвлекались; наши разговоры, исполненные шайншвенности — все довольно ясно пока-

ывадо, что мы теперь въ самомъ дѣлѣ по, чимъ за десять лѣтъ предъ шѣмъ мечтали бытъ въ дѣшскихъ нашихъ играхъ. И при всемъ томъ, Директору Вальдерну ни за од- нимъ ужиномъ не приходило въ голову, какъ тогда, поднавъ стаканъ съ виномъ, скажашь: „Братъ! дружбу нашу должны наследовать и наши дѣти и внуки. Изъ этихъ выйдешъ славная пара!“

Съ Августинной никогда не имѣлъ я ду- ха говорить о формальномъ сватовствѣ у родителей, о обрученіи, свашьбѣ и прочихъ принадлежностяхъ. Мы предполагали, что родители наши безъ насъ заботящся окон- чить между собою эти условія.

Между шѣмъ настала часъ разлуки, о которомъ мы уже цѣлые три дня напередъ вздыхали и плакали. Башюшка мой никакъ не соглашался ошашься долѣе.

Едва солнце показалось на горизонтѣ въ день нашего отъѣзда, какъ мы обое бы- ли уже въ виноградной бесѣдкѣ, чтобы еще разъ поговорить наединѣ и переличь другъ другу чувствованія сердець нашихъ. Между слезами и поцѣлуями, былъ возобновленъ со- юзь сердець нашихъ. Въ душевной шокѣ упали мы на колѣни, съ молишвою воздѣмъ руки свои къ небу, и предъ лицомъ Всемогу- щаго дѣлали торжественнѣйшіе другъ другу

объшны. Я далъ слово Августинѣ, какъ скоро возвращусь домой, переговоришь съ отцемъ своимъ, попомъ возвратишься въ столицу, что бы просишь руки ея у ея родителей. Лице Августины покрылось пурпуровымъ румянцемъ, когда я назвалъ ее моею невѣстою, моею будущею женою. О какъ прелестна была она! Спѣшнѣе скрыла она лице свое на груди моей и пролепетала только: „единственный Гусавъ!“

Такъ распались мы, и еще спокойнѣе, шверже, нежели я ожидалъ.

(*Продолженіе въ слѣд.*)

II.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

О СОСТОЯНІИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРТИЛЛЕРІИ, ИНЖЕНЕРОВЪ И ГЛАВНАГО ШТАБА ВЪ 1807 ГОДУ. (Изъ Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, par le Général Foy 1827.)

Артиллерія.

Французская Артиллерія при Короляхъ считалась первою въ Европѣ. Наполеонъ началъ свое военное поприще въ полку Ла-Феръ, коцорый въ то время считался луч.

шимъ во всей Аршиллеріи. Канонеры съ жаромъ предались революціоннымъ правиламъ, но военный порядокъ между ими остался ненарушимымъ, ибо все сословіе исполнено было благоразумія. Аршиллерія принимала сильное участіе въ защитѣ предѣловъ Франціи и пошомъ въ наступательныхъ войнахъ 1792 и 1793 годовъ. Въ то время при войскахъ возили весьма много орудій. Чешырехъ фуншовыя пушки числились при башаціонахъ. Гаубицы и пушки восьми, двѣнадцати и даже шестнадцати фуншовыя, употребляемыя обыкновенно при осадахъ, составляли мѣстные башарей, заключавшія въ себя отъ шести до двѣнадцати орудій. Въ недавнемъ времени, переняно было у Пруссаковъ, для полевыхъ сраженій усовершенствованіе, приличное быспрошъ характера Французовъ. Оно состояло въ томъ, что бысажашъ верхомъ нѣкошорое число канонеровъ, которые симъ способомъ посвявали за орудіями наилучшимъ образомъ запряженными, и будучи въ состояніи уйти скорве отъ нападеній непріятеля, спрѣляли долге и на ближайшее разпомяніе. Конная Аршиллерія при учрежденіи своемъ составлена была изъ самыхъ проворныхъ канонеровъ и пополнялась пошомъ ошборнѣйшими гренадерами. Подвиги ея были блистательны. Во

время войны въ Германіи, прусскіе Капипшаны пріобрѣтали славу, дѣлавшуюся извѣстною цѣлой арміи. Вскорѣ Генералы не захопѣли имѣть другой Артиллеріи, кромѣ конной, которая быстрыми своими движеніями и отличными дѣйствіемъ замѣняла большое число орудій, и имѣла весьма облегчало слаждение колонъ во время похода.

Приспращеніе къ хорошимъ вещамъ не всегда ведетъ къ добру. Пѣшая Артиллерія, лишившаяся своей важности ошъ учрежденія и умноженія конной, начала перять военный духъ, и канонеры вновь поспулавшіе, ограниченные работами въ арсеналахъ и паркахъ, не пріобрѣли распорочности, необходимой для солдата. Особенно замѣтили сіе, при оборонѣ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Ипаліи, во время несчастной войны 1799 года (*). Образованные офицеры, коихъ оставалось еще довольно много, въ сословіи, пошерпѣвшемъ менѣе прочихъ ошъ эмиграцій, добровольно перешли въ заведенія (établissements.) Молодые люди пошеряли духъ,

---

(*) Послѣ отшущупленія Реймско-Мозельской арміи въ 1796 году, Генераль Моро упошребилъ прислугу конно-артиллерійскихъ рошъ для защиты передовыхъ пошпоекъ, мостовыхъ укрѣпленій Гюннингена и Келя.

видя службу свою въ пренебреженіи. Высшимъ чинамъ пѣшей Артиллеріи не отдавалось другаго дѣла, какъ бышь распорядителями при снабженіи арміи оружіемъ и военными припасами; должность конечно существенная, но не видная.

Наполеонъ преобразовалъ Артиллерію, соображаясь съ переменами, коихъ продолжительныя войны не могли не произвести въ нравственныхъ качествахъ его войска. Коль скоро оправдность однихъ, противоположенная робости другихъ, сдѣлалась недостаточною для выигрыванія сраженій, то надобно было другими способами разрушать прошивающіяся линіи. Самое вѣрное для сего средство состояло въ томъ, чтобы направить въ атакуемое мѣсто болѣе выстрѣловъ, нежели сколько можешь употребить для защиты онаго непріятель. Сіе большое число выстрѣловъ получается чрезъ хорошее распоряженіе и употребленіе въ одно время многочисленной Артиллеріи. Императоръ умножилъ полевую Артиллерію до того, что въ войскахъ за Рейномъ, имѣлъ по пяти орудій на 1000 человекъ; прислуга сей Артиллеріи простиралась до 100,536 человекъ. Вся армія прежнихъ Французскихъ

Королей, мало чѣмъ превышала сіе число (*).

При шаковомъ безчисленномъ множествѣ орудій, конная Аршиллерія упошреблялась только соотвѣтственно своему назначенію. Она являлась на смотрахъ, но особенно дѣйствовала съ кавалеріею, копорая не имѣя собственныхъ выстрѣловъ, должна, по крайней мѣрѣ, для своей обороны заниматьсь оными отъ другой части войска. Обыкновеніе располагать Аршиллерію сильными батареями, возвратило ее опять подъ зависимость своихъ собственныхъ начальниковъ.

Слѣдствиемъ сихъ распоряженій было то, что армія снова наполнилась образованными артиллеристами, какъ старыми, возвратившимися изъ заводовъ и арсеналовъ, такъ и вновь вышедшими изъ училищъ, въ коихъ преподаваніе усовершенствовалось. При семъ не была оставлена безъ вниманія

(*) Во время войны 1809 года, Императоръ отдавалъ пѣхотнымъ полкамъ четырехъ-фушовыя орудія, коихъ прислуга составлена была изъ солдатъ, взятыхъ изъ сихъ же полковъ: это сдѣлано было для того, что бы возить съ собою многочисленную артиллерію, съ меньшими неудобствами, нежели если бы она соединена была въ дивизіяхъ или партияхъ.

служба швахъ, кои пройдя всѣ подробности Артиллерійскаго искусства, въ званіи простаго канонера, замѣняли малыя свѣдѣнія въ теоріи, опытностію, приобретенною долговременнымъ упражненіемъ. Можно ли было забыть, что въ самое трудное время, они одни поддерживали славу всего корпуса Артиллеріи. Эбле, лучший Артиллерійскій офицеръ въ революціонной войнѣ, принадлежалъ къ сему классу людей. Уншерь-офицерамъ присвоено было право на производство въ офицеры; но право сіе было ограничено такъ, чтобы не помѣшать успѣхамъ службы, для коей необходимы познанія. Артиллеристы вообще показали мало рвенія къ достиженію обширныхъ свѣдѣній въ наукахъ. Довольствуясь приобретеніемъ познаній, необходимыхъ для ихъ искусства, они старались всѣ порученія исполнять лучше, нежели какъ оныя имъ могли требоваться. Полки Артиллеріи, выбирая рекруты прежде прочихъ войскъ, сохранили характеръ сильныхъ людей, кои нанося смерть издали, не преславились показывать себя мужественнѣйшими при встрѣчѣ съ нею вблизи.

Артиллерійская упряжь (le train d'artillerie) есть безъ сомнѣнія одно изъ полезнѣйшихъ военныхъ учрежденій Императора На-

полеона. Прежде его, упряжка и перевозка орудій и ящиковъ поручаемы были ибдрядчикамъ, кои не имѣли ни ошечесства, ни неспиди. Новое досщановленіе, можешъ бышь, влекло за собою немного болѣе издержекъ; но симъ ничего не было пошерано, ибо задовые въ дисциплинѣ и мужешае: ничѣмъ не уступали канонерамъ.

Война, продолжавшаяся двадцать пять лѣшь и сравненія, дѣлаемыя съ арсеналами и машинами, завоеванными нами на швердой землѣ Европы, не произвели значительной перемѣны во Французской Аршиллеріи. Дунали, ввешши въ упошребленіе другіе калибры орудій и новые зарядные ящики, но предположенія сіи не сосшоялись, и всѣ частши Аршиллерійскаго вѣдомства, оставлены быди въ шомъ видѣ, въ какомъ онѣ ушвержены Грибовадемъ. Управленіе сею важною оцраслію Государственимъ расходомъ вѣрено было Аршиллерійскимъ офицерамъ, кои ищодняли сію должность съ шпрогою бережливешію и по правиламъ, сущешвуюшцимъ болѣе спа лѣшь. Между ими и въ корпусѣ Миженеровъ, скрылось шшаринное праводушніе, изгнанное изъ прочихъ сословій, упрадваршихъ Государшвомъ.

И н ж е н е р ы .

Наполеону часто предлагали соединить Артиллерию съ корпусомъ Инженеровъ. Говоря вообще, раздѣленіе работъ способствуешь усовершенствованію искусствъ. Если же брать въ одномъ случаѣ, то для чего соединяшь два рода войскъ, столь полезные въ ихъ шеперешнемъ образованіи? Императоръ былъ столь благоразумень, что удержался отъ такого рода опытовъ; но воспитанниковъ обвухъ частей войска соединилъ въ одно заведеніе, которое пополнялось изъ Политехнической школы. Сіе послѣднее училище, бывшее прежде сего центромъ просвѣщенія для Франціи и для Европы, получило новое образованіе, и воспитаніе заключено въ тѣснѣйшіе предѣлы. Въ умъ Наполеона, военное ремесло имѣло шать передъ всѣми прочими. Онъ превратилъ разсадникъ ученыхъ въ училище для военныхъ людей.

Со времени второй войны за свободу ошечества, палашки вышли изъ употребленія во Французскихъ войскахъ; солдаты наши строили палашы съ такою ловкостію и проворствомъ, что можно было легко замѣнить способностъ ихъ ко всякаго рода работамъ. Императоръ заставлялъ ихъ рыть гавани на берегахъ Булонскихъ, и часто

занималъ построєніемъ укрѣпленій. Не смотря на шо, они всегда показывали отвращеніе ошъ употребленія лопашки и заспуна иначе, какъ подъ огнемъ непріятели.

Вобанъ неосшупно просилъ Министра Лувуа въ 1688 году, учредишь особенное войско для исполненія осадныхъ работъ, подъ руководствомъ Инженеровъ. Таковое войско не существовало ещѣ спустя сто лѣтъ послѣ шого. До революціи называли саперами, нѣкоторыя роты Аршиллеріи, кои, кромѣ управленія орудіемъ, были приучаемы къ дѣйствію сапою; въ случаѣ нужды, сіи роты поступали подъ команду Инженеровъ. Заставляшь солдатъ нести двѣ службы и имѣть двухъ родовъ начальниковъ, есть неумѣстная бережливость. Настоящіе саперы обязаны своимъ существованіемъ Національному собранію; они съ самаго начала сформированы были въ роты, а потомъ въ баталіоны и вскорѣ приобрѣли себѣ славу, соопвѣшствєнную расторопности и смѣлости, необходимымъ въ ихъ ремеслѣ.

Минеры снова причислены были къ корпусу инженеровъ, ошъ коєго ихъ никогда отдѣлять не слѣдовало. Инженеры перебувають также присоединенія къ себѣ понтоновъ. Не смотря на явную справедливость сєго шребованія, Аршиллерія удержала ихъ

при себѣ. Полагали, что сія послѣдняя, имѣя въ рукахъ своихъ арсеналы, парки, упряжь (le train), многочисленную прислугу (le personnel), владѣешь сполькими средствами для построения и перевозки пошпновъ, что оныхъ нельзя замѣнишь никакими другими учрежденіями.

Инженеры воздвигаютъ укрѣпленія догвременныя и полевыя. Они атакуютъ и обороняютъ крѣпости. Они участвуютъ въ войнѣ на равнѣ съ прочими. Можно рѣшишельно сказать, что въ сихъ прехъ ошношеніяхъ, ни въ одномъ военномъ сословіи въ свѣтѣ, не существуетъ болѣе распорочности и любви къ ошечеству, какъ въ нашемъ корпусѣ Инженеровъ. Александрія, Аншверпенъ, Юлихъ, нашъ сошь другихъ укрѣпленій, построенныхъ, исправленныхъ или увеличенныхъ, ясно говорятъ, что наука Вобана не пришла въ упадокъ въ рукахъ Мареско, Шасселу и Гаско. Европа была усыана нашими редушами и репраншаменшами. Во время осады, Инженерные офицеры были душою при нападеніи, и составляли главнѣйшую силу при оборонѣ. Безпресщаннымъ упражненіемъ, они познали многія усовершенствованія, коихъ распространение увеличишь предѣлы науки. Они также занимались во время войны рекогносциров-

ками, и были нашими лучшими, чтобы не сказать единственными офицерами Шшаба. Гдѣ могли бы мы найти офицеровъ, кои при столь щщательномъ образованіи, были всегда готовы жертвовать собою.

Главный Штабъ.

Главный Шшабъ собственно называемый, не существовалъ въ нашихъ арміяхъ и не составлялъ отдѣльной части. Офицерами Главнаго Шшаба почитались Генералы, ихъ Адьюшаншы, Коменданшы, Плаць-Адьюшаншы, Адьюшаншы - Коменданшы (Adjutants-Commandans) (*) и ихъ помощники (adjoints (**)).

Сыновья людей, занимавшихъ важныя мѣста въ Государствѣ, дворяне старые, дворяне новые и вообще всѣ тѣ, кои хотѣли вести войну покойно и при томъ скоро достигать чести и власти, старались быть Адьюшаншами. Наполеонъ хотѣлъ ослабить ихъ жажду къ чинамъ; онъ постановилъ правиломъ, чтобы Адьюшаншы, жела-

---

(*) Сей чинъ равняется нашимъ дежурнымъ Шшабъ-офицерамъ.

(**) Должно думать, что Adjoints исполняли должности, старшаго Адьюшанша и вмѣстѣ свѣдѣющаго офицера.

ющіе получились высшій чинъ , служили непремѣнно въ пѣхошныхъ или кавалерійскихъ полкахъ , гдѣ живя вмѣстѣ съ солдатами , они научающся ими командовать . Вліяніе приближенныхъ Государя , часто прешаствовало исполненію полезныхъ учрежденій Главнокомандующаго ; ошъ чего и вновь постановленное правило не рѣдко нарушалось . Дворъ всегда вмѣщаль въ себя заразу для арміи .

Мѣста Комменданшовъ и Плаць-Адьюпаншовъ внушри Государства , сохраняемы были для успокоенія офицеровъ изувѣченыхъ или сбсмарѣвшихся въ военной службѣ ; внѣ Государства , сіи же самыя мѣста , болѣе полипическія , нежели военныя , были добычею людей , кои не принадлежа ни къ кошорой части войска , не пользовались довѣренностію правительсва . Многіе офицеры , служившіе Коменданшами крѣпосшей , не задолго до сего времени , лишились своихъ мѣстъ , и всшупили снова въ службу , въ надеждѣ сосшавишъ себѣ небольшое имѣніе или увеличишъ уже имѣющееся ; они обыкновенно были посредниками между войскошъ и жшшелями завоеванныхъ земель . Неблагородное и самовольное поведеніе нѣкошорыхъ изъ нихъ , способствовало къ содѣланію

Французскаго имени ненависнымъ въ чужихъ краяхъ.

Генераль-Адьюшанпы (adjudants généraux) и ихъ помощники (adjoints) были учреждены національнымъ собраніемъ, для умноженія должностей въ Главномъ Штабѣ арміи и въ Штабахъ пѣхоты и кавалеріи. Сіе учрежденіе едва существовало при года, какъ дурные выборы комитетна народнаго благоденствія (comité du salut public) и предсавишелей народа, находившихся при войскахъ, сдѣлали оное презрительнымъ. Между пѣмъ въ Рейнской арміи, пошрясенной менѣе прочихъ революціоннымъ духомъ, офицеры, имѣвшіе охоту къ занятіямъ, посвятили себя изученію службы Главнаго Штаба. Дессе, Сень-Сиръ (*) Абашуччи, Декаенъ и другіе имъ надобные, были Генераль-Адьюшанпами. Такимъ образомъ, должности недосмашочно опредѣленныя, дѣлались важнѣе, ошъ личнаго достоинства исправлявшихъ оныя; въ Италіи было иначе. Генераль Бонапарть мало уважалъ людей, кои не управляли ни смертоносными орудіями, ни солдатами; онъ не считалъ службу Главнаго Штаба

(*) Моро говаривалъ о Дессе и Сень-Сиръ: „съ однимъ можно бышь увѣрену, что выиграешъ сраженіе, а съ другимъ, что онаго не проиграешъ.“

за насюющую военную. Генераль-Адьюшаншы, сходшвомъ названія и мундира, равнялись Генераламъ, командовавшимъ войсками; первый Консулъ лишилъ ихъ сихъ правъ, и соединивъ два слова, кои, казалось, удивлены были, вспрѣшившись вмѣстѣ, далъ имъ названіе Адьюшаншо-Коменданшомъ. Путь къ чинамъ, былъ для нихъ совершенно прегражденъ, не смотря на то, что оный оспивался свободнымъ для всѣхъ; и если кого изъ полковыхъ Командировъ хотѣли наказати за нерадѣніе или просшупокъ, того дѣлали Адьюшаншо-Коменданшомъ. Лишая должнаго уваженія офицеровъ, кои въ военномъ чинположеніи спояли довольно высоко, нельзя было ожидать ошъ нихъ ревности къ службѣ.

Письменная часть, незначительная въ нашихъ прежнихъ войнахъ, съ увеличеніемъ арміи и съ введеніемъ строгой ошвѣтспивенности, дѣлалась чрезъ мѣру сложною. Императоръ хотѣлъ имѣти передъ собою вездѣ и во всякой часъ, самыя обшояшельныя свѣдѣнія о силѣ и помѣщеніи своихъ войскъ, о гошпишалахъ, объ арсеналахъ и о магазинахъ; шаковое шребованіе дѣлало обязанность составляти ошчеты о сосшояніи войскъ, одною изъ важнѣйшихъ Главнаго Шшаба. Въ прежнія времена, искусство раз-

мѣщашь войска и открывашь дорогу для ихъ слѣдованія, считалось важнымъ знаніемъ; нынѣ оно упало въ общемъ мнѣніи, какъ по причинѣ перемѣнившася образа весни войну, шакъ и пошому, что пріобрѣтенная всѣми опытносшь показала всю незначительность онаго. Полки, познакомившись съ съемками, дѣлали рекогносцировки лучше офицеровъ Шшаба, произведенныхъ безъ испытанія и выбора. Генералы не уступали никому своей должносши избирашь позиціи и располагашь на оныхъ войска. Слѣдовательно, въ чемъ могло состояшь заняшіе Адьюшаншо-Коменданшовъ, исправлявшихъ должносши Начальниковъ Шшабовъ въ дивизіяхъ? Ни въ чемъ другомъ, какъ въ передачѣ приказаній, въ обязанносши помогашь Генералу, и въ отправленіи рапоршовъ и ежедневныхъ свѣдѣній о состояніи войскъ къ Начальнику Главнаго Шшаба въ арміи. Власшь ихъ надъ войскомъ и учасшіе въ управленіи, были опредѣляемы различнымъ образомъ; хошя они пользовались Полковничьими чинами, но вліаніе ихъ еще болѣе уменьшилось, когда съ уничтоженіемъ системы дивизій, установлены были корпуса, и каждый родъ войска началъ сославляшь особенную часшь.

29 Сенш. 1827 года.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И СТАТИСТИКА.

Лондонъ, въ отношеніи къ нравственности и въ роисповданію.

Столица Британскаго Королевства заключаетъ въ обширныхъ предѣлахъ своихъ два древніе города, мѣстечко и 50 деревень, копорые нынѣ вмѣстѣ простираются болѣе чѣмъ на 7 миль въ длину, а въ ширину въ самомъ узкомъ мѣстѣ болѣе чѣмъ на 2 мили. Посему-то духовное, гражданское и приходское раздѣленіе оной безпорядочно и сбивчиво, такъ, что не легко опредѣлишь границы или положеніе частей, составляющихъ оную въ семь отношеніи. — Весьма трудно также получить подробный списокъ различныхъ Богослужебныхъ мѣстъ въ семь необъятномъ городѣ; однако же слѣдующее исчисленіе, кажешся, весьма близко подходитъ къ истинѣ:

Епископскихъ церквей	206.
Индепенденскихъ	66.
Веслеевскихъ Методистовъ	36.
Баптистскихъ	32.
Калвино-Методистскихъ]	30.

Презбишеріанскихъ (Шотландскихъ и Унишарскихъ)	16.
Римско-Католическихъ	14.
Квакерскихъ собраній	6.
	<hr/>
	Всего . 406.

Если на каждое изъ сихъ мѣстъ положишь по 500 человекъ, безъ сомнѣнія самое большее число, которое предположишь можно; и къ тому прибавишь еще 250 прихожанъ, которые непостоянно посѣщаютъ по Воскресеньямъ всѣ сіи разныя Богослужбныя собранія: то сумма ихъ составишь около 300,000 человекъ. И шакъ, если изъ всего народонаселенія Лондона, въ которомъ по послѣднему счисленію полагалось до 1,274,800 душъ, вычешъ вышеупомянутую небольшую сумму, то разность составишь около 974,800 человекъ, которые не участвуютъ въ общеслвенномъ Богослуженіи. Хотя изъ сего числа и слѣдуетъ исключишь множество малолѣтнихъ дѣтей, больныхъ, дряхлыхъ и старыхъ людей; однакоже и послѣ сего вычета остается шакъ много лицъ, не слѣдующихъ общему образу богослуженія, что нельзя на сей предметъ взиращъ съ равнодушіемъ. — Каждое воскресенье выходишь нынѣ въ Лондонъ, по крайней мѣрѣ 45,000 экземпляровъ публич-

ныхъ листковъ, копорые по меньшей мѣрѣ занимають, ошь 2 до 300,000 чинашедей, не считая множества пилографичковъ, разсыльщиковъ, продавцевъ, опдающихъ на прочшеніе и подвѣдомственныхъ имъ лицъ обоого пола и всякаго возраста, копорые дня Господня не почитають днемъ успокоенія и молишвы. — При шаковыхъ обстояельствахъ, мы не можемъ удивляться опчешу почшеннаго Ньюгешскаго Губернашора, Г. Вопшнера, изъ коего явствуешь, что въ шеченіе 1826 года въ сію шемницу посшущило :

Преступниковъ мужеск. пола до 21 года	1227
———— женскаго пола	442
———— муж. пола сшарѣ 21 года	1096
———— женскаго пола	166
<hr/>	
Есего	2931

что составляетъ 547 преступниковъ болѣе прошлагодняго. Справедливо замѣчаешь одинъ священникъ господствующей церкви: „Такое умноженіе языческа и происекающаго изъ шого развраша и общешвенной опаснoshi подъ истиннымъ меридіаномъ Хришціанскаго просвѣщенія и въ средошочіи и сердцѣ благоденствія, свободы и образованнoshi Великобританіи, должно возбудить ужасъ въ душѣ всякаго искренняго и благо-

разумнаго друга образа правленія нашего и прivesши въ препенъ каждаго испиннаго папріюша, каждаго просвѣщеннаго, Государшвеннаго мужа, каждаго чистосердечнаго друга спраждующаго человѣчешва, и каждаго разумнаго и благочешиваго Христіанина.“

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газешы: *Evangelical magazine* ушверждають, что не смонря на многія улущенія по часши воспишанія, оспаешся еще покрайней мѣрѣ 40,000 дѣшей, къ образованію коихъ еще не приняшо средствъ, и кощорые не могушь бышь приняшы въ наши Воскресныя училища. Досшопочшенный Г. Проповѣдникъ Спуаршъ, говоришь, что изъ числа 300,000 человѣкъ живушихъ къ западу ошь Темпль-Бара, не болѣе 6,000 чел. бывають у Свяшаго Причаштія; а Г. Блекборнъ прибавляешъ къ сему, что положеніе Евангелическихъ Диссенперовъ еще хуже, пошому, что между ими, по его мнѣнію, не болѣе 600 бывають на исповѣди и у Причаштія.

Между шѣмъ, *Мищіонеры Папизма* не прешають дѣяшельно занимашся распрошраненіемъ онаго въ столицѣ. Слѣдующія извѣстія конечно удивяшь многихъ нашихъ читашпелей.

Очевидно, что успленная дѣяшельность и умножающешся число, ошличають Кашо-

ликовъ дѣшней столицы. Не спанемъ упоминашь о ревностномъ ихъ распространеніи прапашовъ и книгъ, совершенно новымъ способъ ихъ дѣйствія, не будемъ говорить о числѣ и величинѣ нынѣшнихъ церквей ихъ въ Лондонѣ, въ сравненіи съ шѣми, копорыя были у нихъ здѣсь за 30 лѣтъ предъ симъ, ограничимся обращеніемъ вниманія читашелей на слѣдующее обозрѣніе: сколько дѣшей крещено въ главныхъ церквахъ ихъ, въ продолженіе пяти послѣднихъ лѣтъ. Извлекаемъ изъ Маршовской шепради журнала: *Catholic miscellany* 1827 года.

Званія мѣспъ.	Годы 1822.	1823.	1824.	1825.	1826.
Moorfield	570	684	698	765	820
Virginia street . .	410	424	453	509	591
Lincolns-Inn-field .	331	338	465	445	465
Warwick-street . .	141	172	218	208	243
Manchester square .	261	236	278	313	398
South-street Grosve-					
nor square	75	152	101	134	172
Romney terrace ,					
Westminster . . .	93	127	134	120	206
Cadogan-street, Slo-					
ane-street	50	59	67	55	75
St. George's-field .	367	396	456	566	504
Wade-street, Poplar	78	98	121	110	138
	2376	2686	2991	3225	3612

Здѣсь не упоминается о ихъ церквахъ въ Спрашфордъ, Бермондзеѣ, Гринвичѣ, Соммершопвѣ, Гампсшидѣ, Кензингшонѣ, Гаммерсмишѣ и Вульвичѣ.

Различные Писатели по Политической Экономіи приняли за правило, что отношеніе рожденій къ народонаселенію въ различныхъ странахъ измѣняется, какъ 1 къ 17 и до 49. — Принявъ сіе отношеніе круглымъ числомъ, отъ 1 до 30, мы можемъ приблизиться къ истинѣ. И шакъ

въ 1822 году крещено младенцевъ	2376.
	30.

71,280.

въ 1826 году	3,612.
	30.

108,360.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ пять лѣтъ число Кашоликовъ въ Лондонѣ, увеличилось числомъ въ 37,080 человекъ.

Изъ Лондонскаго Журнала: *Eclectic Review*.
Пер. М.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Повѣсти: Изгнанникъ.

По бору вихри бушевали ;
 Шумѣли волны на рѣбѣ ;
 Грядями шучи набѣгали ;
 Скоплялась буря вдалекѣ ;
 Луна лишь изрѣдка являлась,
 Сверкнувъ межъ темныхъ облаковъ...
 На мѣсто сборное примчалась
 Вашага буйныхъ удалцовъ.
 „Спой здѣсь; поварищи, слѣзайше !
 „Туда опрядь спорожевой ;
 „Кормише коней, отдыхайше,“
 Сказалъ Изгнанникъ молодой.

Подъ многолѣшними соснами
 Зажглись прескучіе огни ;
 Близъ оныхъ мясо палашами
 Рубили къ ужину одни,
 Другіе коней убирали
 И лица буйныхъ удалцовъ
 Сквозь дымъ на заревѣ мелькали,
 Какъ привидѣнья злыхъ духовъ.
 Они въ бругу — и наполнялся
 Виномъ спаканъ чередовой ;
 Гроза шумѣла; въшра вой
 Съ ихъ громкимъ хохомъ сливался.
 Угрюмъ, безмолвенъ Ашаманъ

Лежалъ подъ деревомъ въщвисшымъ,
 Предъ нимъ стоялъ виномъ пѣнисшымъ
 Давно наполненный шапанъ.
 Блуждая окрестъ дикимъ взоромъ,
 Изгнанникъ въ думу погруженъ,
 Не пилъ вина, и разговоромъ
 Не оживлялъ бесѣды онъ
 Казалось въ мрачномъ неперпѣнѣ
 Кого-то въ сумракъ искалъ,
 И взоръ огнистый выражалъ —
 Борьбу спрасшей, души волненье...
 Пируюшъ всѣ, лишь онъ одинъ,
 То чуткимъ ухомъ припадаетъ
 Къ землѣ сырой, то придвигаетъ
 Къ себѣ тяжелый карабинъ...

Вдругъ слышенъ окликъ часовова,
 Ошвѣща не было. Припалъ
 Къ сырой землѣ Изгнанникъ снова,
 „Чу! конской поношъ!“ закричалъ:
 „Всшавайше, други!“ и привсшалъ,
 Взводя курокъ, онъ на колѣни.
 Всѣ удалцы за нимъ, какъ пѣни, —
 Оставя пиръ свой, поднялись
 И за оружіе взялись.
 Изгнанникъ юный на поляну
 Взоръ неподвижный успрешилъ...
 Онъ жаждалъ бишвѣ подобно врану,
 Какъ буря въ нихъ ужасенъ былъ.
 Но шрое всадниковъ кричали:
 „Свои!“ на окликъ часовымъ,
 И въ два мгновенья ужъ стояли
 Съ молодой казачкой передъ нимъ.

Онъ ихъ не видишь... на дѣвницѣ,
 Остановилъ свои глаза;
 Она безъ чувствъ, и на рѣсницѣ
 Дрожишь холодная слеза...

В. Астафьевъ.

23 Юня.

Лукино.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
 БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И.

1 8 2 7.

П о э з і я.

41. *Стихотворенія Евгенія Баратынскаго.*

М. въ типогр. Авг. Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи, 1827. — 178 стр. въ 8.

(Въ Словесности нашей, какъ и въ обществѣ, бывающъ разныя встрѣчи. Какъ въ послѣднемъ встрѣчаешься, между шолопою людей скучныхъ и ничтожныхъ, съ такими, которые умомъ, дарованіями и пріятностію

своего обхожденія приобрѣтающъ полное право на уваженіе и привязывающъ насъ къ себѣ какимъ-шо очарованіемъ; шакъ и въ липерашурѣ, между извѣстнымъ числомъ книгъ пусшыхъ, незанимашельныхъ и дурно написанныхъ, радуешься, если встрѣишь какое-либо сочиненіе, занимашельное по содержанию, пѣвншельное по воображенію сочинштеля, изящное по слогу! Такихъ пріятныхъ, липерашурныхъ встрѣчъ имѣли мы нѣсколько въ нынѣшнемъ году и къ нимъ же принадлежишь книга, о кошорой нынѣ объявляемъ. Спихошворенія Барашынского удовлетворяющъ всѣмъ шребованіямъ самыхъ разборчивыхъ любштелей и судей Поэзіи; въ нихъ найдешъ всѣ совершеншва, доспашющіяся въ удѣлъ немногимъ, испиннымъ Поэтамъ: и пламенное воображеніе, и опчешливосшь въ созданіи, и чшшошу языка, и прелешсную гармонію спшховъ. — Книга сія раздѣляешся на пашь опдѣлений; первыя шри содержатъ въ себѣ Элегіи, чешвертое смѣсь, въ концѣ кошорой помѣщено прекрасное подражаніе аллегорической Вольперовой сказкѣ: Телема и Макаръ, пашое — посланія. Всѣхъ спшхошвореній помѣщено въ ней 84: почши всѣ они поправлены, а нѣкошорыя и вновь передѣланы Сочинштелемъ. Мы замѣтили, что во многихъ мѣспяхъ онъ

былъ чрезвычайно сурогъ къ самому себѣ: въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ выпустилъ по нѣскольку истинно-прекрасныхъ стиховъ, другихъ же и вовсе не помѣстилъ. Рышительно можно сказать, что въ семь отношеніи, онъ былъ гораздо привязчивѣе и неуступчивѣе читающей нашей публики, и даже попомства; но симъ самимъ показалъ онъ новое доказательство, сколько истинный талантъ заботливъ о своей славѣ, чувствительнъ и предупредителенъ къ суду своихъ читателей настоящихъ и будущихъ. — Стихотворенія Барашинскаго изданы прекрасно, напечатаны чешкимъ и красивымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ. С—67.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XXII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТЕПНИ ВОЗРАСТА ЖЕНЩИНЫ.

(*Окончаніе.*)

Едва прибылъ я съ родителями въ нашу деревню, какъ воспользовался первымъ случаемъ, чѣшобъ переговорить съ ошцемъ своимъ наединѣ, и ошкрышь ему свои желанія и намѣренія. И онъ и машушка, дорогою, видя задумчивость мою, часшо шупили надъ побѣдою, кошорую одержала надо мною Августина. Эшо-дало мнѣ поводъ къ объясненію.

Родитель мой, умный, благородный человекъ и нѣжный ошець, выслушалъ меня спокойно и шерпѣливо. А шерпѣніе нужно было ему, потому чшо я говорилъ цѣлый часъ, желая объяснить ему мою и Августинину вѣчную любовь и наши ненарушимые обѣщанія.

„Сынъ мой!“ — сказала онъ наконецъ.
„Я не имѣю ничего прошивъ любви вашей ;

напротпвъ ошдаю полную справедливосшь вашимъ чувствованіямъ. Мнѣ весьма пріятно, что ты любишь Августину. Память о ней охранишь себя, можешь бышь, не ошь одной неблагородной мысли или чувспвова- нія. Но совѣшую тебѣ въ наспоющемъ слу- чаѣ не бышь слишкомъ поспѣшнымъ. Ты еще слишкомъ молодъ — едва двадцати лѣтъ; у тебѣ нѣтъ мѣсца, кошорое бы мо- гло прокормить тебѣ, а это необходимо при женишьбѣ. Правда, что Августаина бо- гата, но неужели ты захочешь жить на сченъ будущей жены своей? Нѣтъ ничего предосудительнѣе для мужчины, какъ сдѣ- латься зависимымъ ошь имѣнія жены и бышь ей обязаннымъ своимъ счасшіемъ. Муж- чина долженъ бышь мужчиною, и шрудами и доспоаніемъ своимъ кормить жену и дѣшей. Я, какъ Лѣсничій, не могу ни много давать тебѣ, ни много послѣ себя оставишь. Ты долженъ прежде пріобрѣсти для себя, какъ я для себя пріобрѣлъ. И это обшояшель- ство весьма легко можешь бышь причиною шому, что другъ мой Вальдернъ опкажеть тебѣ покуда въ рукъ своей дочери. Авгу- стина, воспитанная въ довольствѣ, привы- кла ко многимъ, можешь бышь, и излишнимъ пошребностямямъ, но кошорыя сдѣлались для нее необходимостію; а ты не въ соспоаніи

удовлетворяешь симъ потребностямъ. Ко всему тому долженъ я прибавить еще одно обстоятельство. Ваши дѣла негодятся для постоянно счастливаго супружества. Ты и Августина почти ровесники: это не хорошо. Женщина всегда скорѣе созрѣваетъ, нежели мужчина, но и скорѣе опивѣшаетъ. Ты будешь находиться въ непріятномъ положеніи имѣя уже старую жену въ то время, когда придешь только въ полный возрастъ и мужескую силу. Между женщиною и мужчиною одного возраста есть всегда разницы около десяти лѣтъ!“

Такъ, или почти такъ говорилъ отецъ мой. Всякой легко догадается, что онъ былъ, по моему мнѣнію, совершенно неправъ. Я доказывалъ ему это наясвѣйшими доводами и крайне удивлялся, что убѣдительнѣйшія причины мои ни сколько не убѣждали его. Я взялъ дѣло на апелляцію и перенесъ на судъ моей мащери.

„Гусшавъ! ты правъ!“ сказала она. „Не могу не отдать тебѣ полной справедливости: лучшей невѣстки я не желала бы себѣ. Но и отецъ твой совершенно правъ. Для собственнаго твоего пользы я не могу сказать ничего другаго, какъ и онъ. Да увидишь себя Всемогущій!“ присовокупила она сквозь слезы и поцѣловала меня.

Съ вѣщихъ поръ у насъ только и было разговоровъ и совѣщаній, что о любви моей. Но мы никогда не могли окончить и согласиться. Я спрадалъ въ полчаніи, какъ нельзя болѣе.

Недѣли черезъ двѣ, когда я собирався уже отправиться въ столицу, а општуда въ городокъ къ своей должности, получила опецъ мой письмо опъ Вальдерна. Оно наполнено было изліянїями горести и жалобъ на Августину, кошорая по опъѣздѣ моему была совершенно безумѣшна и даже получивъ припадокъ горячки, слегла въ постелю. Теперь — писалъ Вальдернъ — она нѣсколько спокойнѣе; но онъ заклинаетъ меня по крайней мѣрѣ въ настоящее время, покуда не имѣю еще мѣста, при кошоромъ бы могъ, не подвергая себя насмѣшкамъ, думать о союзѣ съ его дочерью, не прїѣзжать въ столицу; ибо чрезъ шо я расправилъ бы только безъ пользы раны, и можешь быть, расстроилъ бы здоровье Августины. Но онъ повшоряетъ мнѣ, какъ обѣщалъ уже и своей дочери, что опнюдь не имѣешь ничего противъ нашего соединенія, коль скоро я получу приличное мѣсто, и надѣется, что при моемъ образованіи и способностяхъ, шо никакъ замедлишься не можешь. Еще болѣе: онъ нѣсколько не противился тому,

чтобы я въ услажденіе разлуки нашей, велъ постоянную переписку съ Августиною.

Этотъ письмо вывело меня сначала изъ себя. Я былъ совершенно помѣщенный, пока онъ успалоспи наконецъ не успокоился. Туть размысливъ хорошенько, я нашелъ, что письмо Вальдерна весьма благоразумно, и что онъ даже больше общалъ мнѣ, нежели сколько я по первымъ словамъ родителей моихъ могъ надѣяться. Письмо это доспавило мнѣ даже шріумѣ надъ моимъ опцемъ. Я благословляя Вальдерна, рѣшился быть мужесшвеннымъ и пріобрѣсти руку Августины заслугами. Дозволеніемъ переписки, я шощъ же часъ воспользовался и написалъ къ Августинѣ письмо на цѣлыхъ шрехъ лиспахъ, и къ Г. Вальдерну не короче съ изъявленіемъ искреннѣйшей моей благодарности.

Г. Вальдернъ былъ умный, тонкій свѣшскій человекъ. Онъ зналъ человеческое сердце, и быспрому пошоку юношескихъ склонностей не хотѣлъ прошивопосшавлять ошлоша. Иначе пошокъ сдѣался бы шолько бурнѣ, сильнѣ, разрушительнѣ: шеперь полнлся оный спокойнѣ.

Такимъ образомъ я не повхалъ въ шпощлицу, но прямо шуда, куда призывала меня должность, кошорою надлежало мнѣ начашъ

поприще своей службы. Разлука съ родителями, развлечения на пуши, первыя заботы объ успройствѣ новаго моего жилища и обзаведеніи себя всѣмъ нужнымъ, не мало способствовали къ тому, чшобъ укрѣпить нѣсколько внутреннее мое волненіе.

Я принядся за работу съ неупоминимымъ прилежаніемъ : мнѣ хѣшлось сдѣлаться совершеннѣйшимъ челоѡкомъ въ кругу моихъ обязанностей. Это вскорѣ было замѣчено, какъ начальствомъ, такъ и моими сослуживцами. Всѣ любили меня и уважали мои познанія. Одинъ шолько недоснашокъ находили во мнѣ: я былъ еще сляникомъ молодъ. Мнѣ надобно было прежде доснитъ, такъ называемаго *apsum sapientum*. О съ какимъ нешерпѣніемъ ожидалъ я совершенія себя 25 лѣшь!

Наконецъ я дожилъ до этого. И до чего не доживешь, если шолько Богъ продлишь жизнь! Между прочимъ и мною горькаго. Въ продолженіе этого времени скончалась добрая моя манушка; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нея и башюшка. Но ошець мой передъ смертію, своею имѣлъ еще удовольствіе видѣшь меня Ассессоромъ въ Окружномъ дѣсномъ Управленіи съ небольшимъ жалованьемъ. И такъ я сдѣлалъ уже

большой шагъ къ цѣли всѣхъ моихъ желаній — рукъ Августининой.

Между шѣмъ переписка съ моею любезною шла своимъ чередомъ. Правда, что въ первый годъ разлуки нашей я не писалъ и не получалъ никогда письма, кошорое было бы короче шрехъ листовъ кругомъ; во второмъ году письма наши сокращались уже до полупшора, а въ шрешьемъ даже до одного листа. Кто не согласится, что время дѣлаешъ чудеса? При всемъ шомъ любовь наша не угасала. Августина въ продолженіе вшого времени ошказала многимъ женихамъ, за нее свашавшимся. Мои письма вѣчно наполнены были жалобами, что я не имѣю еще мѣсна, при кошоромъ могъ бы просить руки ея: Ассессорскаго моего жалованья едва досшавало мнѣ на кварширу, дрова и свѣчи: прочее долженъ я былъ заимсшвовашъ изъ небольшого ошеческаго наследсшва. Она съ своей спороны безпрешанно писала ко мнѣ, какъ при каждомъ новомъ свашовсшвѣ родители ея спановяшся насшойчивѣе, пошому, что уже не далеко ей до шного возраста, когда всѣ свашовсшва прекращающся и она цѣлымъ вѣкъ свой дѣлашна будешъ осшашься пожилою дѣвушкою.

Я чувствовалъ, что родители ея правы, и въ согласіи съ Августиною забывъ прежнія свои намѣренія, рѣшился опять написать къ Г. Вальдерну и просить руки его дочери. Хотя я и не могъ еще содержать жены своей, но упѣшалъ лучшими видами въ будущемъ. Однако жъ Вальдернъ плохо вѣрилъ симъ упѣшеніямъ и опять отказалъ мнѣ въ рукѣ Августины... *покуда*, присовокупивъ къ тому, что удерживая бесполезно дочь его отъ замужства, я дѣлаю ее несчастною; пошому что она скоро уже перескучитъ за половину между двадцатью и тридцатью годами — роковой возрастъ для незамужнихъ дѣвушекъ.

Получивъ это письмо, я очень призадумался. Какъ ни досаденъ былъ мнѣ отказъ Вальдерна, но я не могъ не признаться, что онъ дѣйствовалъ совершенно основательно. „Онъ правъ! шочно правъ!“ думалъ я самъ въ себѣ и былъ столь великодушень, что откровенно признался въ томъ Августинѣ. Я даже написалъ къ ней, что не зная совершенно времени, когда я буду наконецъ въ состояніи предложить ей, не стыдясь, свою руку, я не хочу, чтобы она жертвовала для меня лучшими лѣтами своей жизни, что я не менѣе буду любить ее, если она сдѣлается и супругою другаго,

и что счастье мое будешь несомненно, если только я буду знать, что она счастлива.

Эпо подадо оная поводъ къ перепискѣ, которая почти около года вершѣлась около одного предмета, размашпривая его съ разныхъ почекъ зрѣнія. Мы хотѣли превзойти другъ друга въ любви и великодушїи. Наконецъ побѣда оспалась на моей сторонѣ, или лучше сказать на споронѣ времени: Августинъ исполнилось двадцать шесть лѣтъ.

Какъ бы шо ни было, только однажды вовсе неожиданно принесли мнѣ съ почтны конвертъ, съ адресомъ незнакомаго мнѣ почерка. Распечатываю: Совѣтникъ Юстиціи фонъ Виншеръ въ нѣжнѣйшихъ и шрогашельнѣйшихъ выраженїяхъ благодариль меня за мое великодушїе и извѣщаль, что Августина, въ свидѣствїе того, рѣшилась дать ему свою руку и шеперь уже съ нимъ обвѣчана. Въ заключенїе просиль онъ весьма благосклонно о моей къ нему дружбѣ. Августина присовокупила только нѣсколько спрочекъ комплиментовъ въ письмѣ *любезнаго ея супруга*, какъ она его называла.

Ударъ грома не могъ бы сильнѣе поразишь меня: — я проклиналъ свое безвременное великодушїе, проклиналъ невѣрность

Августины. Но что было дѣлать? Августинъ минуло уже двадцать шесть, и ее нельзя было обвинять, что она поступила такимъ образомъ. Не смотря на то я былъ сильно раздраженъ противъ нея, и гнѣвъ мой еще болѣе усилился, когда мѣсяце, нежели черезъ годъ послѣ того умеръ отецъ ея, и со смертію его она сдѣлалась полною властительницею руки своей и своего имѣнія. Что бы подождать ей еще одинъ только годъ? Теперь все уже было поздно. Я не писалъ къ ней больше ни спрочки. Она ко мнѣ такъ же. Мы разстались, какъ будто и никогда не бывали знакомы.

Частію изъ какого-то внутренняго желанія ошмстивъ за невѣрность Августины, частію чтобы развлечь себя, обратилъ я больше вниманія на прелестный полъ нашего околотка, и нашелъ между нимъ много цвѣтущихъ розъ. Охотно выбралъ бы я ту или другую изъ нихъ, но... деньги, проклятыя деньги! Мнѣ оставалось для прпровожденія времени играть только небольшіе романы. Однако изъ одного такого романа чуть было не вышло серьезнаго дѣла, если бы въ то самое время не перевели меня въ другой городъ, къ другому мѣсту.

Теперь казалось, счастье начало мнѣ улыбаться. Многіе изъ шрудовъ моихъ обра-

щил на себя вниманіе Министра. Мнѣ сдѣлано было нѣсколько важныхъ порученій и успѣшное окончаніе оныхъ имѣло послѣдствіемъ то, что съ испеченіемъ тридцатаго года моей жизни, я получилъ почетное мѣсто Предсѣдателя Уголовной Палаты той провинціи, въ которой до сихъ поръ служилъ. Кромѣ ошличія, жалованье мое было таково, что я могъ жить хорошимъ домомъ. Многія изъ знашнѣйшихъ семей того города, въ особенності пѣ, въ числѣ коихъ находились взрослые незамужнія дочери, приняли меня въ семейственныи свой кругъ. — Въсѣхъ съ опредѣленіемъ своимъ получилъ я отъ Министра Юстиниуса письмо, которымъ приглашалъ меня, какъ скоро поѣду въ мои позволяшъ, пріѣхать въ столицу, какъ для того, чтообы о многомъ объясниться изуспно, такъ и для того, чтообы бышь предсавленнымъ Его Величеству Королю.

Мысль о столицѣ всякой разъ возобла кровь мою, хотя мнѣ и казалось уже, что я совершенно забылъ Августину или лучше сказамъ Г-жу фонъ Винпѣръ. Сколько удалось мнѣ слышашъ отъ проѣзжихъ, то любезный супругъ ея былъ довольно пожилой, пресытившійся жазію сшаринной фамиліи дворянинъ, и почтенная его супруга жила, какъ говорили въ столицѣ, на при-

дворной ногъ, окруженная почишашелами, всякой день въ блестящихъ собраніяхъ, на пикникахъ, серкляхъ, вечеринкахъ, редушахъ, концерсахъ, и проч. и проч. и проч. Сшаринная просшоца чешнаго и благороднаго, хошя и не дворянскаго дома Вальдерна совершенно изчезла. Эшо бѣсило меня всякій разъ, когда я о шомъ слышала. Мнѣ шрудно было предшавишь себѣ въ шакомъ вихрѣ удовольшвей скромную, шихую, Августшину. Иногда приходило мнѣ даже на мысль: Слава Богу! чшо она не сдѣлалась моею женою.

Вшоричное письмо-Минисшра Юсшиции ускорило поѣздку мою въ шполицу; ашопорой не видалъ я ровно десяшь лѣшь. Какъ начальники мои, шакъ и Монархъ удосшои-ли меня самаго дешнаго и исполненнаго особеннаго благоволенія приема. Я находил-ся въ шполицѣ уже около шрехъ дней, не успѣвъ выбрашь свободной минушы, чшобъ посѣшишь Августшину, хошя и предположилъ себѣ непременно сіе сдѣлашь. Вдругъ однимъ ушромъ получаю слѣдующую записку:

„Прекрасно, Г. Предсѣдатель! Какъ нельзя лучше! И шакъ прежняя ваша приашельница шолько изъ газешъ должна узна-вашь о вашемъ сюда пріѣздѣ? Подъ опасе-

ніємъ величайшей моею немилости, приказываю вамъ, нынѣшній же вечеръ опужинашь у меня съ нѣсколькими добрыми моими пріятелями и не заспавишь себя дожидаться.

Покорная къ услугамъ

А. фонъ Винперъ.“

Само собою разумѣется, кто бы въ такомъ случаѣ заспавилъ себя ждешь? Но мнѣ опнюдь не понравилса понѣ письма, кошорымъ она приглашала меня: иначе предспавлялъ я себя первую нашу встрѣчу; ибо все еще какая-то снранная шоска и снрахъ овладѣвали много, когда по пріѣздѣ въ столицу иногда думалъ я: шебѣ надобно же наконецъ поспышишь ее! — Десятипильшняя разлука, различныя происшесшвія въ печеніи сего времени, прежняя любовь, разрывъ нашъ — все это наполняло душу мою какимъ-то необыкновеннымъ, и могу сказашь, весьма непріятнымъ чувствомъ, кошорое вселяло въ меня родъ боязни прошивъ первого свиданія съ прежнею любезною.

Съ сильнымъ біеніемъ сердца сълъ я вечеромъ въ карешу, еще съ сильнѣйшимъ оспановилса предѣ бывшимъ Вальдерновымъ, нынѣ фонъ Винперовымъ домомъ. Надъ воротами фигурировалъ высѣченный на камнѣ дворянскій гербъ. Во внутренности дома

было все шакъ роскошно и съ шакимъ вкусомъ ошдѣлано, и все шакъ переиначено, что я едва могъ найшиться; но два быспроногихъ лакея въ свѣшлозеленой шипшой золшомъ ливреѣ, вывели меня шшшчасъ на настоящую дорогу, взвели на широкую лѣшницу и ошворили дверь въ обширную свѣшлую залу, наполненную блесшцимъ общешшвомъ.

Хозяйка дома приняла меня при входѣ моемъ въ залу. Эшо была Августина. Такъ! шшо была она, и при всемъ шомъ эшо была уже не совсѣмъ она. Она не имѣла уже свѣшести красшсы девашнацашилѣшней дѣвшушки, но была еще прелесшная шридцашилѣшняя женщина и при шомъ полнѣе, величавѣе, ловче, развизнѣе. Едва могъ я пролепешашъ нѣскольшко обыкновенныхъ словъ: шшшкъ я былъ пораженъ, шшшкъ смѣшался. И въ ея глазахъ, въ краскѣ пробѣжавшей по ея лицу, замѣшилъ я быспрое внутрешнее движешіе; но она шшшчасъ овладѣла собою и съ совершенною непринужденношсію вспрѣшшила и шривѣшшшвовала меня благосклоннѣйшимъ образомъ предѣ лицомъ всего общешшва, осыпала шушшчными упреками за шшо, что я шшшкъ долго медлилъ къ ней явшшсь, и взявъ за руку предшшавила всему собранію, какъ шшшраго, добраго шрідшшеля, съ

кошорымъ уже цѣлыя десяты дѣшъ не выда-
лась. — Это и меня вывело изъ моего за-
мѣшательства.

Въ шумѣ всеобщихъ веселыхъ разгово-
ровъ, я скоро опдохнулъ совершенно. Хо-
зяйка дома должна была заниматься госпя-
ми. Она успѣвала всюду и была со всеми
равно благосклонна, равно мила, равно обя-
зательна. Обходя залу и находясь вблизи
меня, она обратилась ко мнѣ и первое сло-
во ея было: Долго ли будемъ мы имѣть сча-
стие, видѣть васъ у насъ въ столицѣ? —
Второе: „Прекрасно! Какъ нельзя лучше!
И такъ, позвольте мнѣ однажды навсегда
сказать вамъ, что я ожидаю васъ у себя
каждый день, и объявляю васъ на все время
вашего здѣсь пребыванія, моимъ *Cavalier de ser-
vice*.“ Я подошелъ къ ней и просилъ пред-
ставить меня ея супругу. „*Mon Dieu!*“ —
вскричала она: „кто знаешь, гдѣ онъ те-
перь? Вѣроятно поскакалъ съ Оберъ-Егер-
мейстеромъ куда нибудь на охоту. А провозъ“
— присовокупила она: — „вы ужь женаты?“

Вечеръ прошелъ непримѣтно, мнѣ не
возможно было найти минушу переговорить
съ Августиною безъ свидѣтелей. Танцова-
ли, ужинали. Веселость и оспроша цар-
ствовали; пышность и вкусъ ослѣпляли.

На другой день я имѣлъ счастье видѣть и супруга Августины. Г. фонъ Виншеръ былъ человекъ лѣтъ за пятьдесятъ, весьма ловкій, шонкій, во всемъ смыслѣ свѣтскій; но нездороваго вида, худъ, блѣденъ, со всеми признаками того, что онъ уже опжилъ свое время. „Не правда ли, мой ошсравной любезный!“ сказала Авгуспина проходя мимо меня: „вы съ намѣреніемъ споише такъ гордо передъ моимъ чахлымъ супругомъ, чтобы сдѣлать шонкій упрекъ мнѣ и моему вкусу. Но честно увѣряю васъ, что при всемъ томъ, онъ право добрая душа.“

Сколько хозяева меня ни ласкали, но шонъ, господшвовавшій въ ихъ домъ, былъ вовсе не согласенъ съ моимъ образомъ мыслей, и одной шолько Августинѣ возможно было засшавишь меня принимашъ участие во всѣхъ ея увеселеніяхъ, сколько позволяли мнѣ по дѣла мои. Сшранное дѣло! Она не правилась мнѣ, и при всемъ томъ я находилъ ее такъ любви достойною: ея непринужденная веселость, ея умъ, ловкость, ошпроша, оковывали меня снова всякій разъ, когда воспоминаніе о прошедшемъ и сравненіе съ настоящимъ силились ошдалишь меня ошъ нее. Я чувшвовалъ даже, что при всемъ ея легкомыслии и въшренности она можешъ сдѣлаться для меня опасною.

„Но дѣйствительно ли вы счастливы, милосшивая государыня?“ спросилъ я у ней однажды вечеромъ, когда мнѣ удалось наконецъ бытъ съ нею безъ близкихъ свидѣтелей въ оперѣ въ одной ложѣ.

— „А что вы называете счастьемъ?“ возразила она.

Я схватила ея руку, пожалъ ее съ горячностью и сказала: „Я называю счастьемъ то, что взаимная любовь ваша доставляла нѣкогда моему сердцу. И такъ спрашиваю еще разъ: счастливы ли вы?“

— „Развѣ вы въ этомъ сомнѣваетесь?“

„Тогда и я счастлива, если вы говорите правду.“

— „Если я говорю правду? Ай, ай, Г. Предсѣдатель! Вы все еще старый мечтатель? Ну! да оно вамъ и къ лицу. Однако жъ не забудьте, что оперная ложа не мѣсто для тайныхъ объясненій. Чшобъ сказать вамъ, что вы знаете желаете, надобно бытъ намъ наединѣ. Завтра поуспру прѣзжайте ко мнѣ на завтракъ.“ Я пожалъ ей въ знакъ благодарности руку. Съ этого мгновенія, руки наши какъ бы магнитною силою такъ крѣпко сѣпились одна съ другою, что не разлучались больше во все продолженіе оперы, изъ кошорой я ничего не слышалъ и не видалъ. Мы повхали вмѣстѣ на ужинъ къ

одной из ея пріятельницъ, придворной дамъ.

На другой день уже въ 8 часовъ утра, былъ я у ея дома; она еще почивала. Наконецъ въдесять меня впустили. Августина была въ простомъ упренномъ платьѣ и шѣмъ еще прелестнѣе. Дошло до объясненій. Я узналъ, что женщина, вышедши изъ времени чувствительныхъ романовъ дѣтскихъ лѣтъ, ищетъ шакъ называемаго счастья своего въ вещахъ болѣе прочныхъ; что она мужемъ своимъ совершенно довольна, именно потому, что онъ сколько снисходителенъ и даетъ ей свободу жить, какъ ей хочется; что устарѣлыя мысли о счастьи, всасываемыя нами въ ребяческѣ, сами собою испаряющіяся въ лѣтахъ разума. „Конечно“ — присовокупила она — „я не хочу прикваторствовашь: я никогда не любила мужа моего шакъ, какъ любила васъ; а старая любовь“ — примолвила она съ плутовскою улыбкою — „говоришь Нѣмецкая половица, не ржавѣешь, и я все еще хорошо расположена къ вамъ, но, скажешь вамъ откровенно, вы лучше годитесь бытъ любовникомъ, нежели мужемъ.“

Напрасно старался я выразить по и другое, она отпѣчала на все смѣхомъ. Между шѣмъ одна изъ служанокъ пришла ска-

запѣ, что завтракъ гоповѣ. Августина подала мнѣ руку и мы пошли въ знакомый мнѣ садъ.

Знакомый? Ни за что въ свѣщѣ не узналъ бы я его: такъ все въ немъ перемѣнилось. Прежніе богашые, разнообразные двѣщники исчезли; вмѣсто нихъ кой-гдѣ видны были группы иноспанныхъ деревьевъ и кустарниковъ между полями зеленого дерна, въ такъ называемомъ Англійскомъ вкусѣ. Мѣстами извивались между ними усыпанная пескомъ дорожки. Виноградная бесѣдка превратилась въ закрытый Кипайскій храмъ, освящаемый двумя высокими акаціями. Мы вошли въ него: внутри былъ прелестнѣйшій въ свѣщѣ будуаръ. Вмѣсто зеленой деревянной скамейки, спяла покрытая богашою тканью софа изъ красного дерева, предъ нею прекрасный Японскій столикъ, на кошоромъ ожидали насъ кофе, шоколадъ, и бисквиты.

Гдѣ ны прелестная, священная виноградная бесѣдка, наше дѣшское блаженство? куда все это дѣвалось?" сказала я со вздохомъ и бросила на Августину взглядъ, въ кошоромъ ввроятно изображался горестный упрекъ.

„Развѣ блаженство зависишь ошь виноградной бесѣдки?" возразила она, захохо-

*

павъ. „Право, я думаю, вы въ соспояннїи совсѣмъ разлюбилъ меня за то, что я теперь не ношу больше шапихъ плашьевъ, какъ за десяшь лѣшь?“

„Однако жъ, Августина — простите мнѣ, что я еще разъ осмѣлился шакъ назвашъ васъ: эшо мѣспо даетъ мнѣ на шо право — неуже ли для васъ не оспался священнымъ ни одинъ памятникъ, напоминающій блаженнѣйшія минушы вашего дѣшсшва? Можно ли шакимъ образомъ забышь все? Видите ли вы эшо кольцо, которое вы за десяшь лѣшь предъ симъ надѣли мнѣ на палець на эшомъ самомъ мѣспѣ? Съ шѣхъ поръ я ногу его, какъ драгоценность, безпреспанно на руку моей.“

— „А я въ чешъ вашу, по крайней мѣрѣ, за нынѣшнимъ завшракомъ, извѣстное одовянное кольцо!“ сказала Августина и пропшянула мнѣ руку свою. „Видите ли вы: оно совсѣмъ почернѣло, и при всемъ шомъ я храню его вмѣстѣ съ моими брилліаншами, какъ бы какую драгоценность.“

При взглядѣ на кольцо, овладѣло мною какое-шо горешшно-сладосшное чувшво. Я взялъ прелесшную руку, которую кольцо дѣлало еще прелесшнѣе, и покрывалъ ее изъ благодарносши горячими поцѣлуями. Августина ошнала у меня дрожащую руку и

сказала: „Гуспавь! ты все еще пошь же неукрошимый мечпашель! Мнѣ не годишься бышь съ побою наединѣ!“ Она хопъла вспашь, но наклонилась опяшь ко мнѣ, заключила меня въ свои объяшя, напечаталъла на пылающей щекѣ моей жаркій поцѣлуй и сказала со вздохомъ: „Ахъ, Гуспавь! Съ побою почно была бы я счастливѣе.“ — Августининѣ поцѣлуй, ея нѣжностъ ко мнѣ, ея чиспосердечное признаніе сильно меня пронули. Я прижалъ все еще любимую мною, сполькихъ слезъ спойвшую мнѣ Августину, крѣпко къ моему слишкомъ вѣрному сердцу.

Она вывела меня, смѣясь, изъ Кишайскаго храма, и сказала, погрозя мнѣ пальцемъ: „Нѣпъ, Г. Предсѣдашель, съ вами не хорошо объясняшья!“

Мы пошли. Я былъ внѣ себя ошъ досады. Она шупила и назначала мнѣ часъ, когда я долженъ явишья къ ней, чшобъ ѣхашь вмѣспѣ съ нею на сегодняшний балъ.

Я прожилъ еще окодо двухъ недѣлъ въ сподиць; но не имѣлъ уже больше случая бышь съ Августиною наединѣ: можешъ бышь цошому, чшо я самъ избѣгалъ всякаго къ шому повода. Не могу не признашья, чшо

хотя съ 'шой минушы, какъ я вышелъ изъ Кишайскаго храма, и послѣдняя искра прежней любви и почтенія къ Августинъ погасла въ груди моей, но я хорошо видѣлъ, что она все еще можеть быть для меня весьма опасною.

Наконецъ наступило время моего отъѣзда. О! какъ прощанье наше было отлич-но отъ того, какъ за двадцать, какъ за десять лѣтъ. Мы расшались при звукѣ бубни и липавровъ въ редушѣ, съ котораго я съ намѣреніемъ раньше уѣхалъ, чтобы имѣть возможность выѣхать на другой день съ зарею. Мы еще провершѣлись вмѣстѣ вальсъ и прощепшались другъ другу множество учтивостей и нѣжностей. Она проводила меня до дверей и закричала мнѣ еще въ слѣдъ: „Adieu, mon ami!“ подавая въ то же время руку другому танцору, чтобы возвратиться съ нимъ вмѣстѣ въ блестящій кругъ вер-тящихся.

Я былъ душевно радъ, убѣжавъ упоминательнаго шума такъ называемаго большаго свѣша, и будучи, такъ сказать, предослав-ленъ самому себѣ. Сидя покойно въ коляскѣ своей и смотря на мелькающія мимо меня поля, лѣса, города и деревни, я мыслить о будущемъ; пошому что прошедшее опрощи-

вѣло мнѣ вмѣстѣ съ Августинною. О, какъ перемѣняешь все всемогущее время! —

Путешествіе мое — я долженъ былъ ѣхать четверо сутокъ до мѣста моего пребыванія — шло довольно скучно, потому что не встрѣчалось мнѣ ничего необыкновеннаго. Только въ послѣдній день случилось со мною происшествіе, и къ тому довольно пріятное.

Извозчикъ мой остановился упрямь предъ пракириомъ въ одной деревнѣ, чтобы покормить немного лошадей. Я вошелъ въ домъ и услышалъ шумъ. Хозяинъ и грубый, полупьяный извозчикъ, кошораго повозка стояла также передъ домомъ, спорили между собою. Молодая, весьма опрятно одѣтая дѣвушка сидѣла на скамейкѣ у стола и горько плакала. Дѣло состояло въ томъ, что извозчикъ, привезшій дѣвушку, не хотѣлъ ѣхать съ нею туда, куда, какъ увѣряла она, долженъ былъ доездить ее по договору, но въ другой, въ сторонѣ отъ большой дороги лежащій небольшой городокъ, гдѣ онъ былъ подряженъ какими-то господами, и куда надобно было ему въ томъ же день явиться. Онъ утверждалъ, что при договорѣ именно объявилъ, что поѣдетъ туда, а не въ другое мѣсто. Хозяинъ вспулился за молодую, робкую красавицу. Услышавъ,

что она дочь Священника одной деревни, въ разспояннѣ часа ѣзды опъ мѣста моего пребыванія, и что мнѣ споншь сдѣлашь весьма небольшой кругъ, чшобъ завести ее шуда, я скоро уладилъ все дѣло. Дѣвушка, послѣ нѣсколькихъ ошговорокъ — я сказалъ ей, кшо я и куда ѣду — согласилась на мое предложеніе и сдѣлалась моею сопушницею.

Дорогою мы много разговаривали о шомъ и о другомъ. У ней былъ пріятный, нѣжный голосъ и образъ чистѣйшей невипности во всѣхъ черпахъ. Въ жизнь мою не случалось мнѣ еще видѣшь такую прелесшную, бѣлокурую головку, съ крошкими, милыми, довѣренность внушающими глазками. Я узналъ, что ее зовушь Адель, что брашь ее за двѣ недѣли передъ шѣмъ ошвезъ ее въ ближайшій городокъ, гдѣ родной дядя ея Бургомисшромъ, у кошораго она и провела все время. Безъ сомнѣнія шамъ при договорѣ съ кучеромъ произошло какое нибудь недоразумѣніе, кошорому я обязанъ былъ самымъ пріятнымъ для меня днемъ. Адель при всемъ просшодушнѣ своемъ имѣла, казалось, много природной оспрошы; однако жъ во всю дорогу она была слишкомъ робка. И шолько шогда, когда мы пріѣхали въ ихъ деревню и я сдалъ ее съ рукъ на руки ея ошцу — почтенному шарцу еще въ под-

ныхъ силахъ лѣшь своихъ — тогда только увидѣлъ я ее въ ея истинномъ свѣтѣ. Съ какою горячностію руки ея обвивались около шеи родителя! Какъ охотно желалъ бы я бытъ на его мѣстѣ и какъ сожалѣлъ, что не могъ оспашься у нихъ долѣе, не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія доспочтеннаго спарца. Я общалъ посѣшпихъ ихъ опяць въ скоромъ времени, но не сдержалъ своего слова: въ непрерывныхъ дѣлахъ и развлеченіяхъ я забылъ о помъ.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ того, на одномъ балѣ, замѣнилъ я между панцующими молодую дѣвушку — скажу мимоходомъ, что для холосыхъ мужчинъ, копорымъ спшукнешъ уже за прищашъ лѣшь, всѣ незамужнія дѣвушки получають особенную важность, и при помъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе — и шакъ замѣнилъ я одну дѣвушку, копорую, говоря безъ увеличенія, безспорно можно было назвашъ царицею всѣхъ бывшихъ на лице красавиць — прелеспную розу въ полномъ блескѣ ея развишя. Молодые господчики наши порхали и вились вокругъ нея, какъ мошылки. Сердце мое начинало сильно бишься, когда глаза обворожпшельной Сильфиды время опъ времени на меня обращались, а эшо къ крайнему моему удивленію случалось не рѣдко.

Тутъ пришло мнѣ на мысль, что и я видалъ уже эту прелестную гдѣ нибудь въ обществѣ — можешь быть въ столицѣ у Августины. Освѣдомляюсь у одного знакомаго: кто она? Великій Боже! это была Адель. Конечно въ базномъ нарядѣ совсѣмъ другая, нежели въ дорожномъ платьѣ. Тутъ не могъ я больше удержатъ себя. Едва только окончила она послѣдній панецъ, какъ и я, почти тридцати двухъ лѣтній мошелекъ, присоединился къ младшимъ, и она была такъ благосклонна, что спараго своего спутника оплечила ошь прочихъ. Я шанцовалъ съ нею, освѣдомлялся о здоровьѣ опца ея, жаловался, что множество дѣлъ воспрепятствовало мнѣ до сихъ поръ посѣпить его — это была конечно ложь; но передъ эшимъ прелестнымъ созданиемъ надобно же было мнѣ оправдать себя — и общалъ въ самомъ непродолжительномъ времени исполнить это. Съ дружескимъ участіемъ увѣряла она меня, что мое посѣщение будетъ весьма пріятно для опца ея.

Этотъ балъ произвелъ сильную во мнѣ революцію. Предсѣдатель Уголовной Палаты сдѣлался опять молодымъ мечшашелемъ. Цѣлую ночь не могъ я заснуть.

Для меня удивительно было, ошь чего такая прелестная, такая милая, такая

крошкая дѣвушка, какъ Адель, до сихъ поръ не нашла себѣ жениха. И отецъ ея — говорили мнѣ — также добръ и чеспень, какъ она прекрасна, но у него нѣтъ никакого имѣнія. О глупцы! — Черезъ нѣсколько дней уже былъ я въ деревушкѣ у Священника; повторилъ свѣе посѣщеніе недѣли черезъ двѣ, попомъ черезъ недѣлю, попомъ чаіце и чаще, и вскорѣ счипался уже другомъ дома. Адель начинала уже дѣлать мнѣ наспоаяціе выговоры, когда я не являлся въ назначенное время. Въ одинъ день показались у ней даже слезы на глазахъ, когда я сказала, что можешь бышь для нея пріяшнѣе было бы, если бы я не такъ часто прівзжалъ къ нимъ. Иногда и ссорились мы, чтообъ имѣшь удовольствіе опянь мириться; и однажды при заключеніи перемирія, былъ я столько дерзокъ, что далъ ей поцѣлуй и при всемъ томъ ссора наша не возобновилась. Она столько вдругъ умолкла и щеки ея запылали пурпуровымъ румянцемъ. Короче — я любилъ и былъ любимъ. Почтенный спарець — отецъ ея — пожалъ плечами и сказалъ: „Она не принесеть съ собою никакихъ сокровищъ, кромѣ любви, добродѣтели и хозяйшвенности; но кшо ихъ цѣнишь умѣешь, тому они дороже, нежели бочка золота.“ Изъ первыхъ вещей ихъ цѣшвовъ свилъ я брачный вѣнокъ моей

Адели; отецъ ея самъ благословилъ союзъ нашъ предъ алтаремъ сельской своей церкви. Теперь только, въ объятіяхъ доброй жены моей, сдѣлался я счастливѣйшимъ изъ счастливѣйшихъ.

Вскорѣ окружила насъ полна цвѣтущихъ малютокъ, кошорыя болѣе и болѣе соединяли меня съ Аделью. Жена моя день ото дня спановилась любезнѣе: молодая мать безъ всякаго сомнѣнія несравненно любезнѣе, нежели самая любезнѣйшая изъ дѣвушекъ. Чистая душа Адели сдѣлала меня самого благороднѣе, нежели какъ я былъ прежде. Тогда только можно быть совершенно счастливымъ, когда имѣешь довольно духа, чтобы быть совершенно добродѣтельнымъ. До женитьбы моей, я только и думалъ о томъ, какъ бы что скопиться и сдѣлаться богатымъ. Проживъ нѣсколько лѣтъ съ Аделью, чувствовалъ я, что съ нею и съ дѣтьми моими, потеря всего моего имущества не сдѣлала бы меня несчастнымъ.

Тутъ только понялъ я, какъ правъ былъ покойный отецъ мой, желая оплодотворить соединеніе мое съ Августиною, правъ во всемъ, даже и въ отношеніи разности между лѣтами мужчины и женщины. Когда мнѣ исполнилось сорокъ, а Адели тридцать

лѣтъ, когда вокругъ насъ играли и порхали
восьми и шести лѣшніе дѣши, она была еще
прекрасная молодая женщина, кошорая мо-
гла бы дѣлать побѣды; Августина напо-
ривъ была уже пожилая женщина.

О сей послѣдней рѣдко доходило что
нибудъ до моего слуха. О перепискѣ между
нами нечего было и думать. Пріѣзжіе увѣ-
ряли меня, что она очень ошцвѣла, что
вокругъ нея всегда шолпа молодыхъ людей,
въ особенносши же спихошворцевъ и уче-
ныхъ, кошорымъ очень нравилсѣ ошкрышій
ей споль. Другіе сказывали мнѣ, что мужъ
ей умеръ, что Позшы, сосшавляющіе глав-
нѣйшій кругъ ея посѣшшителей, какого-шо
особаго, новѣйшаго рода, спранные мечшаш-
тели и Мисшики, что Августина сама пу-
спиласъ въ романшику и написала нѣсколь-
ко спшшкочъ, напечашанныхъ въ Альмана-
хахъ.

Въ слѣдъ за шѣмъ почши въ одно и шо
же время получилъ я ошъ Министерсшва
предписаніе опяшъ явшшсѣ въ спшлицу,
чтобы присушспшвовашъ при сужденіи од-
ного важнаго дѣла, и ошъ Августинны длин-
ное письмо съ цѣлымъ шюкомъ шяжебныхъ
акшочъ. Она завлечена была въ процесъ о
наслѣдсшвѣ съ однимъ дальнимъ родсшвенни-
комъ ея мужа, и просила у меня по спа-

рой дружбѣ нашей совѣта и помощи. Я уложилъ акшы въ дорожную свою коляску, и радовался, что могу изуспшно объясниться съ нею о дѣлѣ.

Мнѣ было сорокъ, Августинъ также. Слѣдовательно она не могла уже быть для меня такъ опасна, какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ переобразованной виноградной бесѣдкѣ. Эпошъ разъ отправился я къ ней на другой же день по прибытіи въ столицу и безъ малѣйшаго біенія сердечнаго. Я послалъ прежде спросить, могу ли ее видѣть, желая заспать навѣрное дома, ибо меня увѣряли, что она рѣдко принимаетъ, сидя по большей части запершись съ модными Поэтами и слушая, или кропая сама романшическія бездѣлушки; или съ пожилыми господами и госпожами за каршочнымъ споломъ: игра сдѣлалась ея господствующею спрасшью. Всѣ прежніе ея пріятели и пріятельницы, копорыхъ я за десять лѣтъ предъ тѣмъ видалъ у ней, опсшали опъ ея дома, пошому что съ нею нельзя было ужиться. Языкъ ея во всей столицѣ славился, какъ самый ядовитый; съ цѣлымъ городомъ была она въ ссорѣ, и ежели кому хотѣлось узнатьъ всѣ городскія новости,

шо сполно полько съѣздишь къ г-жѣ фонъ-Виншеръ. Эшо рассказывали мнѣ двѣ изъ прежнихъ корешкихъ подругъ ея, съ копорыми познакомился я въ послѣдній прїѣздъ мой у ней. Но эши добрыя подруги, думаль я, сами пошаръли съ шѣхъ поръ цѣлыми десяпью годами, и можешь бышь, шакже спраждушь нѣсколько недугомъ клеветы, или какъ въ сполницѣ нѣсколько учшивѣе называюшь, злословія.

Вспупивъ въ домъ Августины — шогда былъ прелестный лѣшній вечеръ — услышалъ я ошь слуги, чшо госпожа въ саду. Я пошелъ шуда, въ эшопъ садъ, споль памяшный мнѣ съ юныхъ лѣшъ. Изъ одной шалости, чшобъ имѣшь случай пошупишь надъ Августиною, надѣлъ я золотое кольцо, кошорое за двадцашъ лѣшъ передъ шѣмъ обмѣняла она мнѣ на оловянное. Садъ, кольцо — передо мною Кишайскій храмъ — какое-шо спранное чувствво овладѣло мною.

„Госпожа швоя одна дома?“ спросилъ я дорогою у слуги.

— „Нѣшь-сь, у ней госши. Нѣсколько чедовѣкъ...“

Я вошелъ въ Кишайскій храмъ. За двума небольшими споликами сидѣли за каршами двѣ партіи, съ шакимъ вниманіемъ, чшо меня никшо и не замѣшилъ. Я узналъ

Августину. Боже мой! какъ она увяла! О всемогущее время! Нынь! опасною шеперь она для меня не была болѣе. Съ шайнымъ восхищеніемъ думалъ я объ Адели.

Августина была шакъ углублена въ каршы, что поклонясь мнѣ, просила меня садиться и повременить минушу, пока кончится шалія. Только тогда всшала она, осыпала меня учтивѣйшими словами и вопросами, и предложила мнѣ каршы. Я ошказался, пошому что не играю ни въ какую игру. „Возможно ли эшо?“ \вскричала она съ удивленіемъ. „Чѣмъ же вы убиваете время свое, когда не играете? Вы, человекъ съ шакимъ умомъ! Эшо мнѣ совершенно не понятно.“ Она продолжала игру свою. Банкирь былъ чрезвычайно счастливъ; скоро все золошо игроковъ перешло къ нему. На лицахъ послѣднихъ, на ихъ пылающихъ щекахъ, неподвижныхъ глазахъ, судорогою сведенныхъ губахъ, можно было чшшать всѣ шрасши. Лице банкира сіяло удовольствіемъ.

„Ну, порядочно же я васъ обобралъ!“ сказалъ онъ. „Вамъ нравилса передъ эшимъ мой солитеръ“ — онъ показалъ блестящее бриліаншовое кольцо — „хошите, я розыграю его въ лощперею? Сшавьте прошивъ него всѣ ваши кольца. Съ жадностію и

желаніемъ мщенія смопрѣли всѣ на сверкающій алмазь. Предложеніе было принято всеми, но г-жа фонъ Винперъ сказала: „за игрою мѣшаюшь мнѣ кольца, я не взяла ни одного съ собою.“ Пошомъ бросивъ на меня взглядъ присовокупила: „à propos, любезный другъ, сдѣлайше милосшь, одолжише мнѣ на минушу вашего!“ — Пораженный сею нечаянносшію, я снялъ съ руки Августинино кольцо и подавая ей сказала: „Посмоприше, сударыня, на него хорошенько! Узнаеше ли вы его? Эшо ваше!“

Взглянувъ на него бѣгло, она сказала: „Тѣмъ лучше!“ и бросивъ на блюдечко къ другимъ, смопрѣла только на солиперъ. Но и здѣсь побѣда оспалась на споронѣ банкира: онъ выигралъ всѣ кольца. И мое кольцо, драгоценный залогъ первой любви, было проиграно, на самомъ шомъ мѣсшѣ, гдѣ я получилъ его, обливаясь слезами сладчайшаго чувства. О всемогущее время! какъ ты измѣняешь все.

Нась позвали ужинашь. Только весьма немногіе изъ гостей были въ хорошемъ расположеніи духа. Августина принуждала себя казашься веселою. Эшо придавало ушарьлымъ чершамъ ея чшо-шо не-напуральное, непріятное, даже опшврашительное. За сподомъ пили много вина, вѣроятно, чшобъ

разсѣявъ себя, но ошъ вшого спали не веселѣе, шолько болшливѣе. Начали перебирашь сполничныя новосли; разбирашь добрыя и худыя качесшва знакомыхъ; выводилъ наружу шайныя ихъ испоріи. Въ оспрошъ припомъ недоспашка не было, но человѣколюбіа недоспавало совершенно. И къ крайнему сокрушенію моему, Августина была богаче всѣхъ на самыя злыя вымыслы. Она не ошанавливалась даже, подшрунивалашь иногда и на счешъ гостей своихъ. Ахъ! могъ ли я когда подумашъ, что прелеспная, крошкая Августина, на сороковомъ году сдѣлаешся совершенною прошивоположношцію шого, что была прежде? — Мнѣ спало скучно и несносно. Видя, что послѣ спола, всѣ ошашъ ушлись за каршы, я уѣхалъ пошпихоньку.

Мнѣ было очень больно, что я пріѣхалъ въ споллицу, или лучше сказашь, что я нашелъ въ шакоемъ положеніи Августину. Для объясненій по дѣлу ея, я былъ у нея еще нѣсколькo разъ, но всегда оставлялъ ее недовольнѣе, какъ и при первомъ посѣщеніи. Не смошря на морщины лица своего, еѣ не хотѣлось казашься спарою и она начала румянишься; но я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю шого. Казалось, какъ будшо иногда хотѣла она возобновить прежнюю нашу связь; вшо совсѣмъ ошвращило меня ошъ

ней. Однажды въ разговорахъ упомянулъ я по какому-то случаю о ея сороковомъ годѣ: она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и досадою и сказала: „что это вы? шушите или въ самомъ дѣлѣ? Видно пѣмъ ваша ранѣ начала спарѣшься. Когда мы познакомились, вамъ было десять лѣтъ, а мнѣ едва ли пять. Я очень хорошо помню, что я еще играла въ куклы, а десятилѣтняя дѣвушка вѣрно думаетъ о другомъ чемъ, а не о куклахъ. Спало бышь, мнѣ шеперь по послѣдней мѣрѣ шридцать пять лѣтъ. Между нами будь сказано: весьма легко спанешся, что я еще разъ рѣшусь всшупишь въ бракъ. Уже давно свашаешся за меня прекрасный человекъ, одинъ изъ первѣйшихъ нашихъ Поэшовъ. Всѣ произведенія его дышатъ сладкимъ огнемъ чистѣйшей любви ко мнѣ.“

Со всею скромностію пожелалъ я ей и пипающему къ ней сладкѣй огню чистѣйшей любви счастья, и былъ внѣ себя отъ радости, выѣхавъ изъ ворошь сполиты и поскакавъ на всшрѣчу моей Адели и моимъ дѣшамъ.

Мы замѣчаемъ, что спарѣмся, полько по рѣзкимъ чершамъ, кошорыя рука времени осщавляетъ на знакомыхъ намъ съ юно-

*

спи лицахъ. Такъ въ столицѣ казалось мнѣ, что я гораздо сгарѣе, но когда я опять прижималъ къ груди своей мою добрую, вѣрную Адель, когда дѣши мои карабкались ко мнѣ на руки, обнимали меня своими рученками, когда я всякому и всякой отдавалъ то, что привезъ въ гостинецъ изъ столицы — тогда я опять помолодѣлъ. Гдѣ въ семейственномъ кругу живешь невинность и любовь, тамъ вѣчная юность.

Правда, что съ теченіемъ времени, многіе предходящъ намъ въ лучшія, продолжительнѣйшія и высшія отношенія міра духовнаго, и сердце наше обливаешь кровію. Но именно сія-то разлука даешь жизни нашей и міру сему большую для насъ значительность, пѣснѣ связываетъ въ душѣ нашей здѣсь и тамъ, и сообщаетъ нашимъ помысленіямъ, нашимъ желаніямъ и дѣйствіямъ что-то духовное, возвышеннѣйшее. Дѣтя довольствуешь цвѣшкомъ, разноцвѣшнымъ камешкомъ, небольшимъ мѣстомъ для игры, и мало заботишься о томъ, что дѣлають большіе люди. Юноша и дѣвушка лепящъ мечтами своими уже въ дальнѣйшее, обширнѣйшее. Дѣшская комната спановишь для нихъ пѣсна. Они хопащъ большаго. Они выигрываютъ, теряють, прибрѣшаютъ и никогда не довольствуются. Всѣ

блага земли хопяшь они имѣшь въ своей власши. Наконецъ и эшо не удовлешворяешь больше ихъ желаніямъ. Съ лѣшами разширяешь жизнь и поняшіе жизни. Дишяши спановяшся наконецъ цвѣшокъ и разноцвѣшный камень недоспапочными; мужчинѣ и женщинѣ въ зрѣломъ возрастѣ, наслажденіе всѣми почешями и всѣми богашешвами равнодушнымъ; для спарца земля имѣешь мало привлекашельнаго: онъ просшираешь руки свои далѣе, къ Творцу міровъ, и пребуетъ и получаешь вѣчнось.

Эшо были слова dospoпoчшeннaгo oшцa Адели, произнесенныя имъ на одрѣ смерши. Мы плакали объ немъ; но любили предшешвовавшаго намъ шѣмъ сильнѣйшею, священнѣйшею любовію, кошорая и насъ самихъ какъ - будшо освяшила. Жизнь Адели и моя получила высшее направленіе съ шѣхъ поръ, какъ между нами и вѣчносью не было уже раздѣленія, съ шѣхъ поръ, какъ мы и шамъ, какъ и здѣсь, имѣли особъ, кошорыхъ любили.

Но наилучшія, первѣйшія радости dospавляли намъ дѣши наши. Спаршаго сына своего я самъ ошвезъ въ Универсшешъ, и кшо предшавишь себѣ мое и Адели моей восхищеніе, когда въ пшшдешашый день моего рожденія получили я вовсе неожиданно

увѣдомленіе, что Государю благоугодно было дать мнѣ спокойное и почешное мѣсто, кошорое и шеперь занимаю: принявъ оноє я долженъ былъ жить въ сподлицѣ, а опшуда до города, гдѣ обучался сынъ мой, не больше одного дня ѣзды. И шакъ мы могли бышь вмѣстѣ, когда хошѣли.

Правда, что жена моя неохотно оспавляла свою родину; но сподлица, о кошорой она шакъ много слыхала, имѣла шакже для нея привлекашельность, а еще болѣе для нѣжнаго сердца машери близость первороднаго. Адель на сороковомъ году своемъ не была уже та прелестная блондинка, какъ при первомъ нашемъ знакомствѣ со мною въ коляскѣ; но наружность ея приобрѣла еще болѣе благородства; во всемъ существѣ ея къ прелести присоединилось достоинство. Сердце Адели оспалось шакже добродѣшельно, какъ и въ юности. Я любилъ ее еще первую мою любовью. Ея милоє лице, не искаженное въ прелестныхъ чертахъ своихъ никакою спрасшю, не имѣло нужды въ румянахъ, чтошобъ все еще бышь привлекашельнымъ.

Она знала прежнюю связь мою съ Августиною. По прибышій въ сподлицу, ей любопышно было познакомишься съ прежнею моею любезною.

Прошло болѣе шрехъ мѣсяцевъ прежде, нежели я собрался посѣтить г-жу фонъ Виншеръ: у меня какъ-то недоспавало къ тому охоты. Я уже слышала, что она не даетъ больше у себя собраній, живешь крайне уединенно и подѣ старость сдѣлалась также скупа, какъ прежде была расшочительна; что эта переменна мыслей есть плодъ прежней непоколебимой страсти ея къ игрѣ, которой предалась она совершенно, уславивъ для кокешства; что нигдѣ чаще нельзя найти ее, какъ въ церкви; пошому что за нѣсколько лѣтъ предѣ шѣмъ, одушевленная модными Поэтами, рѣшилась она перейти въ нѣдра Католической религіи.

При первомъ посѣщеніи моемъ, случилось опять, что она была въ саду. Уже въ сѣняхъ замѣнилъ я нѣсколько образовъ, висѣщихъ на покрытыхъ пылію сѣняхъ. Сады походила больше на оставленный въ совершенномъ небреженіи лѣсъ. Мѣсто, гдѣ мы въ дѣтствѣ играли, заросло шерніемъ. Акаціи были срублены; вѣроятно изъ экономіи пошла на дрова. Китайскій храмъ потерялъ все свои наружныя украшенія: онъ былъ покрытъ просшими Нѣмецкими черепицами. Небольшія остроконечныя гошическія окна изъ разноцвѣтныхъ стеклъ, какъ въ старинныхъ Германскихъ церквахъ, и

крестъ на крышѣ, дѣлали эпошъ домикъ подобнымъ домашней часовнѣ.

Я и не ошибся въ шомъ. При входѣ моемъ увидѣлъ я алтарь, съ распятіемъ и шеплющеюся предъ онымъ лампадою. Пяшидесятилѣтняя г-жа фонъ Виншеръ, весьма просто по спарушичьему одѣшая, шолько чшо вспала ошъ молишвы и шла ко мнѣ на вспрѣчу съ чешками въ рукахъ, нашепшывая губами.

Я стоялъ предъ нею, не говоря ни слова. Она узнала меня и казалось была довольна. Горешное чувство объяло мною, слезы показались на глазахъ моихъ: я не могъ удержаться, взялъ ее за руку, и показавъ на часовню, сказалъ: „Ахъ, Августина! Когда еще на семь мѣсѣ стояла легкая виноградная бесѣдка, въ кошорой мы въ счастливомъ дѣшсшвѣ нашемъ размѣнялись оловянными кольцами; — когда спуся десятильшъ послѣ шого, мы въ возрастѣ юности, размѣнялись здѣсь первыми поцѣлуями невинной любви и предъ лицемъ Неба дали другъ другу обѣщаніе — —“

„Прошу васъ покорнѣйше не думашъ больше о суешныхъ ребячештвахъ нашихъ!“ прервала она меня.

„Ахъ! Августина,“ — продолжалъ я: не хорошо уже было, когда виноградная бе-

сѣдка превратилась въ роскошный будуаръ въ кишайскомъ храмѣ; еще хуже, когда здѣсь въ глазахъ моихъ проиграно было въ каршы золотое кольцо — залогъ первой любви нашей — шеперь пусть часовня!“

„Милоспивый государь!“ — отвѣчала мнѣ г-жа фонъ Виншеръ. „Упоеніе свѣша наконецъ проходишь, душа выздоравливаетъ и ошвергаетъ всѣ желанія суешныхъ грѣховныхъ удовольствій. Вы оскорбляете сердце мое такими воспоминаніями. Развѣ вы пришли сюда расправлять раны мои, еще не зажившія? Если вамъ дорого блаженство ваше, то послѣдуйте лучше моему примѣру: научись отъказываться отъ ложнаго свѣша сего и призовите въ помощь силы Небесныя къ вашему спасенію.“

Возвратясь домой, я сказалъ Адели: „Нѣтъ! добрая, милая жена моя, мы не поѣдемъ къ ней. Я не узнаю ее болѣе. О всемогущее время!“

II.

К Р И Т И К А

РАЗСМОТРѢНІЕ СТАТЬИ: ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРІИ.

Въ нумерахъ 2, 3, 4, 5 и 19 Сына Отечества сего года, помѣщена спашья подъ заглавіемъ: *Исторія Артиллеріи*, и съ подписью: *Константиъ Рейссигъ*. Спашья сія, не смолря на обманчивую ея наружность, и долгій промежушокъ между 5 и 19 нумерами, естъ механическое и припомъ искаженное извлеченіе изъ опличной книги: I. G. Hoyer Geschichte der Kriegskunst seit der ersten Anwendung des Schiesspulvers zum Kriegsgebrauch bis an das Ende des 18 Jahrhunderts. Göttingen. 1797 — 1800. in 8. in 2 Bänden.

Не говоря уже объ ея слогу и несвойственныхъ военныхъ выраженіяхъ, мы приведемъ шолько, на выдержку, нѣсколько обращиковъ шому, какъ г. Гойеръ говоритъ, и какъ г. К. Рейссигъ его по своему переговариваетъ:

Т. 1. с. 35. *Гойеръ*. Первый періодъ. Ошъ перваго военнаго уношребленія пороха, до похода Карла VIII въ Ишалію.

Но 2. с. 173. *Рейссигъ*. Періодъ первый: со времяъ изобрѣшенія пороха, до Ишали-

янскихъ войнъ Короля Французскаго, Карла VIII.

Рецензентъ. Гойеръ кончилъ свою Исторію Аршиллеріи седьмымъ періодомъ, а именно: Революціонною войною, ошъ 1790, до 1800 года. Г. же Рейссигъ, хошя и прибавилъ въ началъ своей спашьи еще 8-й періодъ, ошъ конца 18 столѣтія до нашихъ временъ; но рѣшилса подписатсья въ концѣ 7-го періода.

Т. 2. с. 48. *Гойеръ.* Хошя уже въ началѣ 17 столѣтія, Галилей опкрылъ законы свободно падающихъ шѣлъ, и объяснилъ пушь бросаемыхъ, когда на нихъ дѣйствуюшь пошько силы сообщеннаго имъ удара и собшвенной ихъ шяжѣспи, доказавъ, что пушь сей образуешъ параболу; но Аршиллеристамъ оспались неизвѣспными усилія сего исполненнаго заслугъ Машемашика, равно какъ и ученика его Торичелли, кошорый Галилееву теорію приложилъ и къ шому случаю, въ кошоромъ верженія совершающса не на горизонтальныхъ, но на возвышающихся или понижающихся плоскостяхъ, и кошорый сверхъ шого изобрѣлъ полукругъ для сообщенія орудіямъ желаемаго угла возвышенія. Но въ самомъ дѣлѣ, предположенія Торичелли не могли принести Аршиллеристамъ большой пользы; пошому что они

занимались только разрѣшеніемъ вопроса: какой почки вертикальной вышины, или какого разстоянія по нисходящей плоскости достигнешь шѣло, выспрѣленное подъ даннымъ угломъ возвышенія. Иезуитъ де Шалль обо-рошилъ сіи предложенія, и показалъ въ своей Пиротехніи, какъ находишь уголь воз-вышенія, подъ которымъ выспрѣленное шѣ-ло достигаетъ желаемой почки, находящейся значительна выше или ниже орудія. Де Шалль былъ также первый, который въ 1674 году, принялъ Архиллерію въ число Маше-матическихъ Наукъ, и ей вмѣстѣ съ Спро-ишельнымъ Искусствомъ, и съ нимъ тѣсно связаннымъ ученіемъ о шескѣ камней (*coure des pierres*), далъ мѣсто въ своемъ Учебникѣ Машематики: въ чемъ ему у Нѣмцевъ 26 лѣтъ спустя, послѣдовалъ Баронъ фонъ Вольфъ.

Но 4. с. 372. *Рейссигъ*. Хотя въ нача-лѣ 17-го столѣтія, Галилей и открылъ за-коны движенія свободно падающихъ шѣлъ, на которыхъ дѣйствуютъ сила удара и си-ла тяжести, хотя онъ и доказалъ, что по-леть ихъ есть параболическая линія, хотя Галилей и применилъ сіе къ наклонной и возвышенной плоскости, но всѣ сіи драго-цѣнныя мысли остались чуждыми для Ар-хиллерисховъ. Де Шалль былъ первый, ко-

порый въ 1674 году Аршиллерію ввелъ въ область систематическихъ наукъ.

Т. 2. с. 49. *Гойеръ*. Андерсонъ былъ убѣжденъ, что при столь чрезвычайно различной плотности и тяжести желѣза и воздуха, сопротивленіе сего послѣдняго не можешь быть принято во вниманіе.

Но 4. с. 372. *Рейссигъ*. Андерсонъ думалъ, что чрезвычайная плотность и тяжесть чугуна уничтожаетъ проводимыя свѣта воздуха.

Т. 2. с. 50. *Гойеръ*. Іоаннъ Бернулли сдѣлалъ нѣкоторыя усовершенствованія въ рѣшеніи сей проблемы, былъ приглашенъ въ 1718 году Англичаниномъ Кейлемъ къ опредѣленію линіи верженія шѣла по извѣстному проводимостию воздуха.

Но 4. с. 372. *Рейссигъ*. Иванъ Бернулли сдѣлалъ нѣкоторыя поправки и облегчилъ рѣшеніе сей проблемы. Англичанинъ Кейль воссталъ прошивъ него за сіе въ 1718 году, и предложилъ ему рѣшить слѣдующую задачу: изъ извѣстнаго сопротивленія воздуха найди полеть шѣла.

Т. 2. с. 412. *Гойеръ*. Но поелику большее число орудій весьма затруднило марши и движенія арміи, по великій Король (Фридрихъ II) старался пособить сему неудобству облегченіемъ самыхъ орудій.

№ 5. с. 62. *Рейссигъ*. Но какъ великая Аршиллерія могла бы затрудняшь быспрыя движенія его (Фридриха II) войска, шо онъ облегчилъ ее и далъ ей лучшей и сообразнѣйшей видъ.

Т. 2. с. 443. *Гойеръ*. Онъ (Робинсъ) и другіе ему послѣдовавшіе Машемашики: Маффей, Ванделль, Графъ Салюсъ, Кавалеръ д'Арси, Ламбертъ, Аббанъ Ноллешъ и Аншони занимались однако жъ опредѣленіемъ количествъ и расширительной силы упругаго воздухообразнаго веществъ, ошдвляющагося изъ пороху.

№ 5. с. 66. *Рейссигъ*. Онъ (Робинсъ) и многіе другіе Машемашики: Маффей, Вандель, Графъ Салюсъ, Ламбертъ, Ноллешъ и Аншони занимались опредѣленіемъ количествъ силъ, происходящихъ ошъ упругой пороховой жидкости.

Т. 2. с. 444. *Гойеръ*. Великіе успѣхи, кошорые Химія сдѣлала въ шестомъ періодѣ (1740 — 1792) озарили новымъ свѣшомъ ешество онаго упругаго веществъ.

№ 5. с. 66. *Рейссигъ*. Большіе успѣхи Химіи въ XVI столѣшій распространили другой свѣшъ на сію важную часть Аршиллеріи.

Т. 2. с. 445. *Гойеръ*. Ингенгусъ объяснялъ вспыхиваніе пороха, горючимъ газомъ, ошдвляющимся изъ горящихъ угольевъ. При

внезапномъ соединеніи сего горючаго газа, съ ошдѣляющимся изъ селишры дефлогисши-ческимъ газомъ (кислошворомъ), раждаешся шрескъ, кошорый должно принимашъ за ошдичительное свойство пороха.

Но 5. с. 67. *Рейссигъ*. Ингенгузь выводишь дѣйствіе пороха изъ горючаго углешворнаго газа, и говоришь, что изъ мгновеннаго смѣшенія горючаго воздуха съ воздухомъ, разряженнымъ изъ селишряной кислошы, производишся взрывъ и шрескъ.

Рецензентъ. Есть углекислый газъ, газъ угольной окиси, а не углешворный газъ.

Т. 2. с. 447. *Гойеръ*. Лавуазіеръ приведешь былъ опытами своими къ заключенію, что шеплошворъ и свѣшошворъ, ошдѣляющіеся при егараніи горючихъ веществъ, происходишь не ошь нихъ, а ошь окружающаго ихъ воздуха.

Но 5. с. 67. *Рейссигъ*. (Лавуазье) доказалъ несомнѣнными опытами, что свѣшошворъ и шеплошворъ не ошь существенныхъ частей пороха происходишь, но окружающаго ихъ воздуха.

Т. 2. с. 883. *Гойеръ*. Однако жъ весьма бы ошиблись, если бы не взирая на великіе и сильные способы сего Государшва (Франціи), вздумали, подобно многимъ восшоржен-

нымъ новою республикою, Писателямъ, приписываешь счастливые ея успѣхи въ войнѣ, исключительно военнымъ талантамъ и тактическимъ свѣдѣніямъ ея полководцевъ и чрезвычайной храбрости ея воиновъ.

Но 19: с. 203. *Рейссигъ*. Впрочемъ замѣшимъ, что мы чрезвычайно бы ошиблись, если бы сіе явленіе приписывали, подобно прочимъ республиканскимъ энтузіасмамъ, превосходнымъ военнымъ талантамъ и гениямъ Французскихъ полководцевъ, а не богатымъ источникамъ сей Державы.

Т. 2. с. 884. *Гойеръ*. Но съ тѣхъ поръ, какъ впередъ спремающееся образованіе вшлось въ правила и Военное Искусство и Стихословство; грубый сынъ природы — хощя бы онъ былъ и ея щедро одаренный любимецъ, безъ всякаго образованія соотвѣтственнаго его назначенію, вѣрно долженъ будешь заплашишь за ученіе — полководецъ непріятелю, а стихосворецъ рецензенту — прежде, нежели достигнешъ той высоты, на которой непосвященная толпа будешь съ удивленіемъ на него взирать.

Но 19. с. 204. *Рейссигъ*. Но дошолъ образованіе будешь принуждаешь стихосворца къ ученію, а Военное Искусство принимая правила, дошолъ грубый сынъ природы не достигнешъ высшей степени славы, пока

полководецъ не заплашишь долгъ непріателю, а спихошворецъ строгому рецензенту.

Т. 2. с. 886. *Гойеръ*. Явились лучшіе полководцы, и изъ пораженій своихъ предшественниковъ научились избѣгать ошибокъ, кошорыя опчасши предали ихъ гильошинѣ. Записки искусныхъ полководцевъ прежнихъ лучшихъ эпохъ Монархіи, хранящіяся въ военномъ Депо, указывали имъ шѣ позиціи, въ кошорыхъ они доколѣ дрались въ Нидерландахъ, по шу сторону Рейна и въ верхней Италіи — были неприсупны, или могли съ выгодою всшупишь въ сраженіе.

Но 19. с. 206. *Рейссигъ*. Лучшіе полководцы явились, узнавъ изъ разбишія предшественниковъ своихъ ошибки, кошорыя сихъ послѣднихъ подводили подъ гильошину. Записки славныхъ полководцевъ прежней Монархіи служили имъ руководшелями въ ихъ дѣйствіяхъ; онѣ показывали имъ мѣста въ Нидерландахъ, гдѣ войска ихъ не были подвергнушы нападеніямъ, и позиціи непріателя, гдѣ онъ болѣе всего былъ обороненъ ошъ ашаки.

Т. 2. с. 891. *Гойеръ*. Намъ шруднѣ еще согласишься съ прошивною спороною, кошорая ничего шого не признаешъ за усовершеншвованіе пакшическаго искусствва, чшо не происшекаешъ посредшвенно или

непосредственно изъ Прусской школы, и не вѣдѣнъ въ точную форму математическихъ вычисленій.

№ 19. с. 210. *Рейссигъ*. Мы еще менѣе согласимся съ противною стороною, кошорая полатаешъ, что одна шакшика выиграла въ быспрошъ и коснулась области Математическихъ Наукъ.

Т. 2. с. 901. *Гойеръ*. Совершенно новымъ явленіемъ во Французской Артиллеріи, были линѣйки для употребленія въ легкой Артиллеріи, введенныя въ оную въ 1792 году. Онѣ состояли, подобно заряднымъ ящикамъ, изъ ящика, въ 8 фушовъ длиною, $8\frac{1}{2}$ дюймовъ шириною и 10 дюймовъ вышиною и проч.

№ 19. с. 213. *Рейссигъ*. Совершенно новое явленіе во Французской Баллистикѣ суть линѣйки для легкой Артиллеріи, введенныя въ употребленіе въ 1792 году. Онѣ состояли изъ длиннаго ящика въ 8 фушовъ длины, $8\frac{1}{2}$ вершковъ ширины и 10 вершковъ высоты и проч.

Рейссигъ (одинъ). Изъ Политехническаго Училища вышло много великихъ людей, между прочими удивительный Наполеонъ Бонапарше.

Рецензентъ. Наполеонъ былъ выпущенъ подвручникомъ въ Артиллерію въ 1785 го-

ду изъ Парижской Военной Школы; а Политехническая школа учреждена была во время революціи.

Р. Н.

III.

Н Е К Р О Л О Г І Я.

А Н Д Р Е Й М И Х А Й Л О В И Ч Ъ Т В Р Я Е В Ъ.

Въ Санктпетербургѣ, 12 Октября сего 1827 года, послѣ продолжительной болѣзни, скончался на 60-мъ году отъ рожденія Спашскій Совѣтникъ *Андрей Михайловичъ Терлевиъ*, заслуженный Профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго Университетскаго Академикъ Императорской Медико-Хирургической Академіи и Членъ Экспедиціи о снабженіи Училищъ по части Естественной Исторіи; орденовъ Св. Анны 2 й и Св. Владимира 4-й степени Кавалеръ.

По окончаніи курса ученія въ бывшей С. Петербургской Учительской Семинаріи, переименованной попомъ въ Педагогическій Институтъ, что нынѣ Императорскій Санктпетербургскій Университетъ, по отличному своимъ успѣхамъ въ наукахъ и при-

*

роднымъ способностямъ, Теряевъ предназначень былъ Училищнымъ Начальствомъ въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія его по части Естественной Исторіи; но по случаю открывшейся въ то время войны, сіе предположеніе начальства ошлось безъ исполненія, а вмѣсто того Теряевъ, для большаго усовершенія въ Естественныхъ Наукахъ и пригошовленія себя къ заняшю мѣста преподавателя сихъ Наукъ, былъ оставленъ еще на одинъ курсъ въ той же Гимназіи, а по окончаніи онаго въ 1789 году Апрѣля 1 дня, будучи 22 лѣтъ отъ роду, опредѣленъ въ должность Профессора Естественной Исторіи въ ^{то же} учебномъ заведеніи, и вмѣстѣ съ ^{темъ же} былъ назначень для преподаванія ^{въ} ^{своихъ} ^{наукъ} въ Воспитательное Общество Благородныхъ дѣвицъ и въ Пажескій Корпусъ. Но въ послѣднемъ изъ сихъ учебныхъ заведеній оставался не долго; ибо онъ безпрерывнаго чтенія и неутомимыхъ заняшій въ Наукахъ почувствовалъ слабость въ зрѣніи и принужденъ былъ, какъ для облегченія себя отъ трудовъ, такъ и для излеченія болѣзни, оставивъ Пажескій Корпусъ, изъ котораго уволенъ 7 Юля 1797 года; въ Воспитательномъ же Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ продолжалъ служеніе свое до 17 Юня

1809 года, изъ кошораго за двадцатишлѣшнюю усердную службу уволенъ съ награжденіемъ по смершь пансіономъ полного жалованья. Между шѣмъ продолжая службу по главному мѣстну опредѣленія своего, шо естѣ Учительской Семинаріи, былъ произведенъ въ чинъ 12 класса 31 Декабря 1794, въ Титулярные Совѣшники 22 Февраля 1798, въ Коллежскіе Ассессоры 16 Апрѣля 1800; а по переименованіи Учительской Гимназіи и опшкрышіи С. Пешербургскаго Педагогическаго Инспишупша, 25 Декабря 1805, получили чинъ Надворнаго Совѣшника и ушвержень въ званіи Экспраординарнаго Профессора Минералогіи, Бошаники и Зоологіи. Съ поправленіемъ ослабѣвшаго зрѣнія его и разспрошйнаго здоровья, Теряевъ опредѣленъ Адьюнкшомъ Минералогіи и Зоологіи въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію 6 Сенпября 1808 года, а въ 1809 году ушвержень Ординарнымъ Профессоромъ въ Педагогическомъ Инспишупшѣ, 4-го Іюня въ Медико-Хирургической Академіи, 2 Сенпября 1810 года пожалованъ Кавалеромъ Ордѣна Св. Владимира 4-й шпепени, 25 Декабря 1811 г. чиномъ Коллежскаго Совѣшника, 25 Декабря 1815 произведенъ въ Спашскіе Совѣшники, а 16 Февраля 1818 награжденъ Орденомъ Св. Анны 2-й шпепени.

20 Января 1819 года, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго Г. Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, уволенъ ошъ Санкшпшербургскаго Университета и за шридцати - лѣтнюю службу при семь заведеніи, Высочайше утверждень въ званіи заслуженнаго Профессора, съ обращеніемъ ему по смершь въ пенсіонъ полного жалованья. Того же 1819 г. 4 Юня Всемилоспивѣйше произведень въ Академики Императорской Медико-Хирургической Академіи; а наконецъ по приключившейся ему неизлѣчимой боѣзни ошъ сильнаго паралича, по Имянному Высочайшему Указу 4 Января 1827 года уволенъ изъ Академіи съ производеніемъ ему по смершь въ пансіонѣи половины получаемаго имъ оклада.

Теряевъ, кромѣ ученыхъ занятій и преподаванія лекцій въ сихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по распоряженію Начальства былъ Членомъ Хозяйственнаго Комитета при Педагогическомъ Институтѣ; примѣрнымъ безкорыстіемъ и честностію содѣйствовалъ къ сбереженію значительныхъ экономическихъ суммъ. Любя спрасно Еспешвенныя Науки, посвящиль онымъ всю жизнь свою и чувствуя совершенную необходимость при преподаваніи и изученіи сихъ Наукъ, имѣлъ въ пособіе Кабинетныхъ

или коллекціи минералловъ и раковинъ, гербаріи, рисунки и проч. и что безъ сихъ пособій, всѣ старанія учителей оспла-нухся щещными, составилъ провкъ о снабженіи всѣхъ учебныхъ въ Россіи заведеній шаковыми пособиями, и представилъ оный на разсмотрѣніе Высшему Начальству, которое нашло оный уважительнымъ, и въ слѣдствіе того, при образованіи Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія въ 1818 г. учреждена при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія особая Экспедиція о снабженіи Училищъ пособиями въ части Естественной Исторіи, а Теряевъ тогда же назначенъ Членомъ сей Экспедиціи, каковой должности состоялъ по смерть свою. Теряевъ, по опыту знавшій необходимость для полезнаго преподаванія Естественныхъ Наукъ въ практическихъ по онымъ пособияхъ, съ величайшимъ удовольствіемъ и неутомимымъ раченіемъ занимался въ сей Экспедиціи и заботился о скорѣйшемъ снабженіи учебныхъ заведеній пособиями по части Естественной Исторіи, каковыми дѣйствительно снабжены уже многія учебныя заведения.

Сверхъ того Теряевъ сочинилъ и издалъ полезныя по части Естественной Исторіи книги :

1) Разсужденіе о новѣйшихъ перемѣнахъ въ Минералогіи, съ присовокупленіемъ крапш-кой системы сей Науки, 1796 г.

2) Размышленіе о природѣ или разсужденіе о Естесшвенныхъ шѣлахъ вообще, 1802.

3) Начальныя основанія Бошанической Философіи, 1810.

4) Систематическое расположеніе ископаемыхъ и живошныхъ шѣлъ, 1810.

5) Исторію Минералогіи, съ присовокупленіемъ главнаго основанія новѣйшихъ системъ по всемъ частямъ всеобщей Минералогіи, 1819 г.

6) Главныя основанія системы царства живошныхъ, 1824, и

Переводы:

3ъ

1) Руководство къ Естесшвенной Историіи Блуменбаха, 1794.

2) Экономическую Бошанику Сукова. 1801.

Теряевъ, во уваженіе ученыхъ занятій его, и изданныхъ имъ сочиненій и переводовъ по Естесшвенной Историіи, былъ Членомъ слѣдующихъ ученыхъ обществъ: Императорскаго Санктпешербургскаго Экономическаго; Эрлангенскаго Физико-Медицинскаго; Императорскаго Московскаго Испышателей Природы, Генскаго Минералогическаго; Любиселей Россійской Словесно-

спи; Санкшпешербургскихъ: Минералогическаго и Фармацевшическаго.

Теряевъ, не смошря на многошрудныя заняшя по службъ, удвляя время для образованія юношешва извъспныхъ особъ въ Государствъ. Таковыя шруды принималъ на себя, какъ попечишельный и благодъшельный ошець семейшва, желая чрезъ шо дошавишь себя способъ для приличнаго воспишанія своихъ дъшей, изъ коихъ нъкошорыя воспишаны на собшвенномъ, неушомимыми шрудами приобръшенномъ, иждивеніи его; другія же, по уваженію долговременной и усердной службы его при Общешвъ Благородныхъ дъвиць, получили воспишаніе на иждивеніи Милосердой Монархини Императрицы Маріи Феодоровны, Кошорая, по сродной Ея Величеству Высокой и благошворишельной душъ, по случаю выпуска дъвиць изъ помянушаго Общешва, Всемилоштивъшше награждала Теряева или подарками, или денежными пособіями. Подобныя награжденія получалъ онъ и ошь вышепомянушыхъ учебныхъ заведеній.

Часшная или домашняя жизнь его совершенно была посвящена благу семейшва его; искренношть, гощепрімштво, гощовношть къ благошворенію, признашельношть къ одоженіямъ и любезношть характера были ош-

личительными свойствами добродѣтельной души его. Каждый слышалъ онь него добрый совѣщъ.

По благоговѣнію къ вѣрѣ, церкви и повиновенію Начальству, Теряевъ оставилъ по себѣ въ родственикахъ, пріятеляхъ и знакомыхъ незабвенный памятникъ. Не смотря на свое ограниченное состояніе и многочисленное семейство, покойный А. М. удѣлялъ изъ достоянія своего на вспоможеніе бѣдной своей матери и многимъ родственикамъ.

Во время тяжкой болѣзни своей, продолжавшейся чешыре года, нимало не ропшалъ онь на свою участь, но всегда благоговѣя къ Богу, благодарилъ Его за благоспи, оказанныя милосердымъ Его Провидѣніемъ, во все продолженіе его жизни, съ умиленіемъ гошова себя въ неисповѣдимую Его обитель.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Война въ Перси, 1827 года.

Спрямлюсь предать вѣкамъ Персидскую войну.
 Въ груди пылаешь огнь свяшаго вдохновенья!
 Внемлише: я пою кровавыя сраженья,
 И покоренную Арменскую страну.
 Возсхаль безумный врагъ!— Спрямительно разбишь,
 Онъ шумною шолпой изъ Грузіи бѣжалъ.
 И въ слѣдъ ему грядешь Вождь Россовъ знаменитый;
 И гордый Фарсисханъ предъ нимъ воспрепешалъ.

31.

При бранныхъ лирахъ, въ ратномъ спровъ,
 Опважнымъ мужествомъ горя,
 Идушъ полночные герои,
 Идушъ въ Арменскія поля.
 Орлы паряшъ надъ ихъ главами,
 Округъ хребшовъ лѣсиспыхъ горъ;
 И прищупляется снѣгами
 Лешащій къ Персамъ быстрыйъ взоръ.

Но сколько имъ препонъ, въ ихъ подвигъ геройскомъ!
 Опершись на хребшы окрешъ лежащихъ скалъ,
 Какъ грозный исполинъ предъ удивленнымъ войскомъ
 Возсхаль изъ вѣдръ земли огромный Безабдаль.
 Округъ съдой главы яряшся непогоды;
 Нависли на чело дремучіе лѣса;

У швердыхъ ногъ бѣгушь спремисельныя воды,
 И духомъ бурныхъ уснь зашмились небеса.
 Но можно ль положишь Паскевичу преграды? —
 Блещящій къ славъ пушь онъ войскамъ указаль,
 Раздвинуль смѣлый Россъ гранишныя громады;
 И проложилъ стѣни черезъ вершины скаль.

И вопшь.... предъ нашими очами
 Равнины дикія лежашъ,
 Нигдѣ привѣшными спруями
 Ручьи въ пустыняхъ не шумяшъ.
 Грудь нашу давишь воздухъ знойный,
 Пылаюшь каменны поля;
 Но крѣпкій Россъ идетъ спокойно
 И зной, и жажду побѣдя.
 Трясушся стѣны Эривана,
 Увидя Сѣвера сыновъ;
 И ополченье Гассанъ-Хана
 Несешся позади холмовъ.

Но далѣ влечешъ порывъ души геройской!
 И мимо насъ мелькнуль высокій Арарашъ.
 Аббасъ, соединивъ разсѣянное войско,
 Спремияшся за Араксъ, какъ вихрь лешишь назадъ.
 Безъ боя Россъ всшупилъ въ чершогги Нахчивана.
 Дрожишь Аббасъ-Абадь ошъ пушечныхъ громовъ;
 Но укрьиясь душей безшрепешнаго Хана
 Ждешъ помощи Мирзы, ждешъ Персіи сыновъ.

Блещяшъ шшыки межъ дальними горами,
 Спремияшся въ бой дружины Персіанъ.
 Шумишь Араксъ подъ борзыми конями,
 Уже за нимъ героевъ Русскихъ спанъ.

Гремятъ съ холмовъ перуны боевые!
 Спруишся кровь по каменнымъ грядамъ;
 И швердою спопой сыны Россіи
 Идушь впередъ къ смушившимся врагамъ.

Но робкій Персъ узрѣлъ полночнаго героя,
 И спрашный день Ганжи уму его предсаль.
 Не смѣя ожидашь рѣшительнаго боя,
 Предъ грознымъ именемъ, сынъ Шаха вспяшь бѣжалъ.
 За нимъ бѣгушь войска съ равнины испребленья,
 Спрѣлою молніи скрывающа въ горахъ;
 И быспро мчаша вслѣдъ брылапы ополченья,
 И рыщешъ алчна смершь въ разсѣянныхъ рядахъ.
 Въ добычу Русскому повержены знамена!
 Исчезли передъ нимъ несчешные полки,
 И воины, и Ханъ, познавши узы плѣна
 Влекушся чрезъ валы буншующей рѣки.
 И съ шысячми враговъ, героемъ усшрашенныхъ,
 Уже Аббасъ-Абадъ упалъ къ его ногамъ.
 Се... вѣешъ нашъ Орель, въ спѣнахъ имъ покорен-
 ныхъ,

И громы Персіянъ, молчашъ послушны намъ!
 И побѣжденный Шахъ, намъ Царшво устуная,
 Позналъ высокую власшь Монарха Россіянъ;
 Смирилъ надменный духъ, и молишь Николая,
 Да миръ ему подасшь, взявъ брынкій Эриванъ!

Паскевичъ! Сколь швоя огромна слава!
 Какъ ярко въ небесахъ горишь швоя звѣзда!
 Великая Россійская держава
 Тебя въ скрижалъ вѣковъ вписала навсегда.
 Орломъ шы пролешѣлъ чрезъ горы и пущыни,
 Огнемъ своей души полки одушевилъ,

Въ мгновеиье сокрушилъ высокія швердыни,
 И Царство новое Монарху покорилъ!
 Позднѣйшее сыновъ Россіи поколѣнье
 Подъ Скипшромъ нашимъ зрѣвъ Арменскія поля,
 Прочтешъ свои дѣла, и скажешъ въ восхищеньи:
 Великій Царь избралъ достойнаго Вождя.

Иванъ Акменковъ. (*)

Іюль 1827 года.

Лагерь при крепости Аббасъ-Абадъ.

2.

С Е М И К Ъ

ИЛИ МАРЬИНА РОЩА.

Народное стихотвореніе.

Въ роцѣ тихой и густой,
 На долинь луговой,
 Гдѣ росли цвѣточки,
 Собирался каждый годъ
 Красныхъ дѣвиць хороводъ,
 Завивашъ вѣночки.

Подъ березой пѣсни, шумъ,
 Ни кому неидешъ на умъ
 Горе и забоша.
 Все лишь пляшешъ и поешъ,
 Изъ Москвы народъ идешъ,
 Всѣмъ играшъ охоша.

(*) Сочинишель самъ участвоваль въ походѣ.

Но и въ самый ясный день
 Облако наносишь шѣнь,
     Солнышко скрывая;
 Ходишь нехотя вокругъ
 Маша посреди подругъ,
     Въ сердцѣ грустишь пишая.

Томень, смущенъ нѣжный взглядъ,
 Хошь блестящъ ея нарядъ
     Жемчугомъ и златомъ;
 Коль тому любовь вина,
 Будешь милая грушна
     Въ плащѣ и богашомъ.

Всѣ подруги, межъ собой,
 Надъ дѣвичью шоской
     Шопошомъ смѣются;
 Никому ея не жаль,
 Всѣ ль чрезъ слезы и печаль
     Въ спрасни сознаются?...

Что жъ такъ милая грушна,
 Что встрѣчаешь дни она
     Горькими слезами?
 Друга сердца нѣтъ въ Москвѣ:
 Онъ далеко, на Липѣ,
     Бьется со врагами.

Вошь красавица порой,
 Опъ забавы со слезой
     Въ чашу уходила;
 Тамъ не милаго слѣды,
 Камней гробовыхъ ряды
     Въ мракъ находила.

Тамъ спраданій былъ предѣлъ,
 Всѣхъ найденныхъ, мершвыхъ шѣлъ
 Сънъ успокоенья.

Предки — въ правилахъ свяшыхъ,
 Не лишали и чужихъ
 Чесши погребенья.

Испуская тяжкій вздохъ,
 На могильный дернъ и мохъ
 Грушная садилась;
 И казалось ей: шайкомъ
 Съ перелешнымъ въшеркомъ
 Смерши шѣнь носилась.

О предчувствіе! оно
 Сердцу гѣшникомъ дано!
 Жребій совершился!
 Другъ, блаженства на краю,
 Въ грозномъ, пламенномъ бою
 Съ жизнію просшился.

Кшо любимъ былъ и любилъ
 И всю радость схоронилъ,
 Топъ лишъ, въ скорби хладной,
 Чувство сердца то поймешь,
 Какъ все милое возмешь
 Смерть рукою жадной.

Годъ проходишь — и съ весной
 На долину луговой
 Вновь распушь цвѣпочки,
 Изъ Москвы слышишь народъ,
 Красныхъ дѣвиць хороводъ,
 Завивашъ вѣночки.

Но подруги, межъ собой
 Надъ дѣвичьею тоской
     Болѣ не смѣются.
 Рожи шихой въ глубинѣ
 Слезы горькія однѣ
     О погибшей льются !

На разшопленныхъ снѣгахъ
 Отыскали Маши прахъ
     Вошъ въ семьѣ могила
 Скрыла оставъ сироты, —
 И названье красоты
     Рожа сохранила.

Дмитрій Глѣбовъ.

Примѣчаніе. Марьиной роцею называется одна изъ окрестностей Московскихъ. Тамъ, въ старину, въ день *Семки* предавали землѣ шѣла неизвѣстныхъ людей, найденныхъ убитыми или умершими, для чего и учрежденъ былъ Убогій Домъ. Тамъ же, по странной противоположности, учредилось гулянье, куда простонародные, слѣдуя древнему обыкновению, собирались заивать вѣнки. Нынѣ сіе гулянье обратилось въ карешное, которое однако жъ посѣщаютъ и просолоудины.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

А Л Ж И Р Ъ.

(*Изъ North American Review.*)

Въ числѣ справъ, посѣщаемыхъ образованными народами, мало есть такихъ, о которыхъ бы мы имѣли столь несовершенныя понятія, какъ о сѣверной части Африки, хотя въ послѣднія три столѣтія Алжирское Правительство имѣло на Европейскія дѣла гораздо болѣе вліянія, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Свѣдѣнія о семъ предметѣ можно почерпнуть почти только изъ одного ученаго сочиненія Доктора Шау (Shaw), который лишь сто назадъ долго жилъ въ эпоху Регентствъ, въ качествѣ милосерднаго правителя Англійской Факторіи. Но книга его, весьма драгоцѣнная въ отношеніи къ Исторіи и древностямъ сей страны, не разливаетъ большаго свѣта на происхожденіе, успѣхи и состояніе Алжирскаго Правительства; на его правила, цѣль и средства. Авторъ также мало занимается общественымъ и политическимъ состоя-

ніемъ народа, земледѣіемъ, искусствами и торговлею. При томъ съ шого времени, когда писалъ Докторъ Шау, произошло множество перемѣнъ, почти незамѣченныхъ Историками, но копорыя имѣли весьма большое вліяніе на народонаселеніе и форму шамошняго Правительсва. Можно смѣло сказать, что внутреннее состояніе Алжира было едва извѣстно во все время прошедшее съ похищенія престола Барбаросою и безразсудной и пагубной экспедиціи Карла V до нашихъ дней. Между тѣмъ Алжирцы играли весьма важную роль въ Европейской политикѣ, и недоспапокъ свѣдѣній объ ихъ Исторіи придаетъ высокую цѣну тѣмъ, копорыя недавно сообщилъ намъ Г. Шалеръ и копорыя суть плодъ долговременныхъ и многотрудныхъ изысканій. Онъ уже десять лѣтъ Генеральнымъ Консуломъ Соединенныхъ Штатовъ въ Алжирѣ, и слѣдственно имѣетъ по мѣсту своему тѣсныя сношенія съ Правительствомъ. Сочиненіе его (*) пи-

---

(*) *Sketches of Algiers, political, historical and civil; containing an account of the geography, population, government, revenues, commerce, agriculture, arts, manufactures, tribes, manners, languages and recent political events of that contry.* By Billians Shaler, american consul general at Algiers. Boston. Cummings, Hilliards and Co. 1866.

*

сано на мѣстѣ. Онъ размашривалъ изблизи связи образованныхъ Государствъ съ владѣніями Варварійскими и могъ узнать побудишельныя причины, столь необыкновеннаго и рѣдко прерываемаго союза Христіанскихъ народовъ съ варварскими ордами.

Знашныя морскія Державы Европы во всѣ времена имѣли возможность одолѣшь вшо сборище морскихъ разбойниковъ въ ихъ убѣжищѣ, опшолкнушь ихъ въ степи или совершенно спереть съ лица земли, какъ непримиримыхъ враговъ челоувѣчества. Но напрошивъ, сущесшвованіе и права ихъ признаны; имъ дозволено пользоваться привилегіями образованныхъ Государствъ, заключашь союзы и нарушашь ихъ по прихоти, разоряшь торговлю всѣхъ народовъ, брашь людей въ неволю, собирашь дани, назначашь постыдныя условія, однимъ словомъ, совершашь всѣ неправыя и позорныя дѣла, какія шолько могутъ внушитъ имъ ихъ жестокость и скупость.

Сущесшвованіе варварійскихъ владѣній въ видѣ правительствъ, признанныхъ народами образованными, ешь аномалія въ исторіи свѣша. По спраннымъ правиламъ ихъ полишики, они соешоятъ въ войнѣ со всѣми Христіанскими народами, кошорые не покупають мира цѣною золота и не сна-

рающа сохранитъ его, плаща ежегодную дань. Такимъ образомъ купили миръ сначала Соединенные Штаты, и надобно сказать къ стыду нашему, что еще за двѣнадцать лѣтъ передъ симъ, мы были данниками этого народа разбойниковъ.

Г. Шалеръ, ограничивая свое сочиненіе однимъ тѣмъ, что касается собственно до Алжира, занимаешься другими варварійскими владѣніями только тогда, когда они имѣють прямое соотношеніе съ его предметомъ. Онъ сообщаетъ намъ сначала географическое описаніе сей страны, показываешь почву земли, ея произведенія и народонаселеніе. Переходя потомъ къ ея политической исторіи и образу правленія, онъ обзрѣваетъ гражданскія постановленія, состояніе Финансовъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ, обличаетъ духъ разбойничества, отличительный характеръ сего Правительства и показываешь сношенія его съ иностранными державами. Излагая топографію города Алжира, онъ тщательнѣе описываетъ его частныя и публичныя зданія, шорговлю, нравы и искусства туземцевъ, и положеніе Христіанъ и Жидовъ, живущихъ въ сей странѣ. Онъ сообщаетъ чрезвычайно любопытныя подробности о различныхъ племенахъ, разсыянныхъ по сему государству.

и неизвѣстные до сего времени особенностями ихъ обычаевъ и нарѣчій. Сочинение заключается весьма справедливыми сужденіями о вѣроятной будущности сего народа, споль же облагодѣтельствованнаго природою, какъ униженнаго и испорченнаго его Правительствомъ. Въ добавочной идеѣ, содержащей въ себѣ извлеченія изъ Журнала, веденнаго Консуломъ Соединенныхъ Штатовъ, заключаются рядъ документовъ величайшей важности и въ первый разъ изданныхъ въ свѣтъ. Множество свѣдѣній, споль же любопытныхъ и малоизвѣстныхъ находится въ примѣчаніяхъ, коимъ оканчивается сія книга.

Алжирское Государство, граничащее къ сѣверу съ Средиземнымъ моремъ, занимаетъ почти пять сотъ миль въ длину отъ предѣловъ Триполи на воспокъ до Марока на западъ. Протяженіе его въ ширину отъ моря до степи не довольно извѣстно, но полагають, съ нѣкоторою вѣроятностію, что оно измѣняется отъ сорока до ста миль. По симъ даннымъ, Г. Шалеръ думаетъ, что поверхность составляетъ около тридцати тысячъ квадратныхъ миль. Въ этой землѣ не имѣють понятія о томъ, что такое поголовная перепись, и пошому народонаселеніе оной въ точности узнать невозможно;

Авторъ нашъ полагаетъ, что оно должно сослѣдовать немного побольше милліона; по сему на квадратную милю придется по шриццати три души. Спрана сія заключаесть въ себѣ древнюю Нумидію и часть Тингитанской Мавританіи, которая по завоеваніи оной Августомъ названа была Цезаріанскою. Она славилась пышностію своихъ городовъ, храбростію жителей, коихъ мужество было соединено съ хитростію и коварствомъ; земля ея была театромъ дѣяній героическихъ и управлялась могущественными владѣтелями. Наконецъ она попала въ зависимость Римлянъ и сдѣлалась одною изъ ихъ провинцій. Тамъ сражались владѣтели міра и покорили, по выраженію одного изъ нашихъ Поэтовъ, *народовъ волнуемыхъ, которыхъ кони, легчайшіе вѣтра, не знали ни узды ни шпоры.*

Саллюстій былъ однимъ изъ Правителей сей области, и вѣроятно этому обстоятельству одолжены мы его Исторіею войнъ Африканскихъ. Св. Августинъ родился въ тѣхъ же мѣстахъ и былъ Епископомъ въ Иппонѣ, на востокъ отъ Алжира, недалеко отсюда, гдѣ теперь стоить городъ Боннъ.

Природа щедро надѣляла эту страну своими благодѣяніями; климатъ шамонній

здоровь и пріямень. Почва, чрезвычайно плодородная, богатая произведеніями самыми разнообразными, предшавляетъ попеременно холмы и прелестныя долины. Вѣвщія торговля, освобожденная ошъ оковъ монополіи, содѣлала бы землю, заключающуюся между горою Ашласомъ и Средиземнымъ моремъ, одною изъ самыхъ производительныхъ и богатыхъ странъ во всемъ свѣтѣ. Ячмень и овесъ произрастають здѣсь успешно. Финики и оливки собираются во множествѣ и самага лучшаго качества. Есть также и всѣ произведенія климатовъ умеренныхъ, какъ шо: орѣхи, кашшаны, фиги, гранаты, виноградъ и проч. Одни отккрышы здѣсь донынѣ мепаллы сушь желѣзо и свинець. Въ горахъ есть соленыя копи. Хотя въ этой странѣ мало большихъ рѣкъ, но за шо она орошается множесшвомъ ручьевъ, и превосходныя ея пажити доставляють возможность выкармливать верблюдовъ и спада всякаго рода; посему шерсть составляетъ здѣсь весьма значительный предметъ торговли. Всѣ роды дичи водятся здѣсь также во множествѣ. Впрочемъ излишне было бы и говорить объ этомъ. древніе Историки всегда изображали намъ Нумидію одними и шѣми же чертами; и природа, неизмѣнная въ своемъ ходѣ, всегда раз-

ливаа на нее одинакии благодаренія: и въ минуты мира и благополучія, и тогда, когда землю ея орошали кровію десношы, оспоривавшіе ее одинъ у другаго.

Алжирская исторія не представляеть никакихъ примѣчательныхъ происшествій по завоеваніи сей земли Римлянами. Гордые сіи власшелины были лишены своихъ Африканскихъ владній Вандалами, кошорые въ свою очередь изгнаны были около половины шестаго столѣтія знаменитымъ Велисаріемъ, полководцемъ Юстиніана. Чрезъ сто лѣтъ послѣ того, произвели новый переворотъ Сарацины. Съ сей эпохи до начала шестнадцатаго столѣтія, Исторія сѣверной части Африки являеть хаосъ, посреди коего Арабы, Заяшы, Марабу и проч. волнуются и дерущся одни съ другими и съ Сарацинами за обладаніе сею странюю. Испанцы послѣ нѣсколькихъ нападеній, овладѣли наконецъ Ораномъ и многими сосѣдственными городами. Это одно изъ важныхъ происшествій въ Алжирской Исторіи.

Въ числѣ людей въ то время ошлщившихся надобно упомянуть о Горунѣ и Гейрединѣ, сыновьяхъ Лезбосскаго горшечника, кошорыхъ беспокойный характеръ заставилъ приняться за ремесло пиратовъ. Они скоро прославили свое имя и собрали знач-

ныя сокровища. Они соединили значительныя морскія силы, разбойничали по морямъ и разлазили страхъ и шрепешъ по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря. Эншеми, Король Алжирскій, вступилъ въ союзъ съ Горуномъ старшимъ, прозваннымъ Барбароссою, чшобы выгнать Испанцевъ изъ Орана, Барбаросса съ радостію принялъ это предложеніе, высадилъ въ Алжиръ пять тысячъ челоувѣкъ, принявъ былъ съ энтузіазмомъ, щедростію и хипросшями составилъ себѣ паршію, наконецъ умершвилъ Эншеми и провозгласилъ себя Королемъ. Чрезъ два года послѣ того, онъ погибъ въ войнѣ съ Испанцами.

Брашъ его Гейрединъ, одаренный шѣми же талантами и столь же честполюбивый, взошелъ послѣ него на шронъ Алжирскій и также принялъ имя Барбароссы. На него въ одно время напали Арабы, Мавры и Испанцы, а онъ опдался подъ покровишельство Турецкаго Сулшана и содѣлался данникомъ Поршты Опшоманской; что съ разными измѣненіями продолжается и до сихъ поръ. Скоро пришелъ онъ въ состояніе не только избавишься опъ неприяшелей, но и попышашься на новыя завоеванія. Между произшешвіями, случившимися въ его царшвованіе и досшойными того, чшобы Ис-

сторія ихъ сохранила, надобно упомянуть о занятіи Туниса, изъ кошораго выгнать его въ послѣдствіи Карль V, и особенно о дерзкомъ предпріятіи сего послѣдняго противъ Алжира, окончившемся почти совершенною попереею его арміи и флота.

Барбароссу возвысили въ достоинство Паши, а въ Алжиръ назначили новаго Вице-Короля. Порша сохранила право давати это званіе до начала семнадцатаго столѣтія; въ это время Алжирцы получили привилегію сами выбирать своего Правителя, кошораго Европейцы называли Деємъ. Они платили дань Султану и зависѣли отъ присылаемыхъ имъ Пашей. Но въ 1710 году они отъ этого освободились; отъ власти соединились въ особъ Дея и учредился образъ правленія, который продолжается и до нашихъ дней. Вотъ какимъ образомъ опредѣляется его Г. Шалеръ:

„Алжиръ,“ говоритъ онъ, „въ сущности не что иное, какъ военная республика съ избираемымъ начальникомъ, назначаемымъ по жизни его; составъ оной сходствуетъ въ маломъ видѣ съ Римскою Имперіею при наслѣдникахъ Коммода. Правленіе состоитъ изъ главнаго начальника и Дивана или великаго Совѣща, изъ воинскихъ чиновниковъ, которые начальствуютъ или

начальствовали надъ корпусами, и которыхъ число неограничено. Диванъ избираетъ Девъ и разсуждаетъ о предмѣсахъ, которые они ему предлагають.“

Такова по крайней мѣрѣ теорія Алжирскаго правительсва. Очевидно, что важность и сила Дивана должны измѣняться, смотря по дарованіямъ и характеру царствующаго Государя. Диванъ, какъ Государственное сословіе, имѣлъ прежде власть существенную и обширную; онъ постоянно собирался; на содержаніе его назначались особенныя суммы, и опредѣленія его имѣли вліяніе на мѣры Правительсва. Но теперь Диванъ одинъ тщетный призракъ и можно было бы сомнѣваться въ его существованіи, если бы въ 1816 году Омеръ Паша не собралъ его для того, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о переговорахъ съ Великобританіею. Съ тѣхъ поръ, какъ Дей переселился изъ Алжира въ цитадель, Диванъ существуетъ только по имени. Дей назначаетъ Министровъ, которые завѣдываютъ Финансами и внутренними дѣлами; жалуетъ въ Аги или главные начальники, занимающіе мѣсто военнаго Министра, въ *Вакиль-Арже* или Министры Морскихъ силъ и Иностранныхъ Дѣлъ, въ *Коджія де Каваласы* или управители общественныхъ имѣ-

ній и *Бетъ-эль-мели* или судьи наследства, званіе, кошорому придаетъ большую важность то, что въ немъ располагають значными суммами. Чиновники сіи соспавляютъ совѣшь Государя и собственно образують съ нимъ Алжирское Правительство, нисколько не состоящее, на самомъ дѣлѣ, подъ надзоромъ Дивана. Избраніе Дея должно бытъ предоставлено Порть, которая всегда его утверждаетъ и обыкновенно прибавляетъ къ тому званіе трехъ-бунчужнаго Паши, обыкновенное шипло сего Государя. Въ Алжирѣ почти совсѣмъ не знаютъ шипла Дея, употребляемаго иностранцами. Вероятно, что это было въ началѣ прозвище, ибо на Турецкомъ языкѣ оно собственно значить *дядя*.

Дея Алжирскій вступаетъ въ права своя пошчасъ по избраніи. Но его шорже-спвенно вводятъ въ должность тогда уже, когда онъ получитъ Султанскій фирманъ объ его утверженіи, кафшанъ и начальственную саблю, кошорыя обыкновенно привозитъ Каянджи-Баши или Государствен-ный посланный. За сіе посылаетъ онъ Султану подарокъ иногда въ полумилліона долларовъ (около 2,450 франковъ (?)). Это одинъ знакъ покорности, кошорый Алжирцы оказываютъ Опшоманской Порть, ко-

шорой даже флага они не уважають. Въ замѣнъ эсихъ подарковъ, Порша обыкновенно посылаетъ корабль нагруженный съвѣсными и боевыми припасами и даетъ позволеніе набирать рекрутъ въ ея владѣніяхъ. Почему сія, шакъ называемая дань, въ сущности есть не что иное, какъ мѣна.

„Избраніе Дея, которое по конституціи Государства должно производиться Диваномъ, всегда почти становится, по интригамъ Янычаръ, кровавою трагедіею. Едва достигнувъ верховной власти, онъ часто бываетъ умерщвленъ и на его мѣсто сажаютъ другаго, болѣе счастливаго, или онъ котораго болѣе ожидають; убиваютъ всѣхъ его родственниковъ, всѣхъ приверженцевъ и посреди сихъ переворошъ, общественное спокойствіе нарушается развѣ шолько на сушки. Подобныя возмущенія слѣдуютъ одни за другими съ такою быспрошою, которая покажется едва вѣроятною, шѣмъ, кто не знакомъ съ духомъ и характеромъ Турокъ. Во время своего владычества, Алжирскій Дей есть самый самовластный деспотъ во всемъ мірѣ, но жизнь его всегда въ опасности и они рѣдко умирають своею смертію. Всякій Турокъ, законнымъ образомъ записанный въ Янычары, исключая шолько Кандіошъ и Босняковъ, можетъ

бышь выбранъ въ Ден. Только и нужно одно
 это качество и приходи счастья: часто
 возводили на престоль людей изъ самаго
 низкаго состоянія; еще и шеперь показы-
 ваюшь мѣсто на большой дорогѣ, гдѣ, въ
 знакъ презрѣнія, похоронены семь удалцовъ,
 копорые были поспешенно выбраны и умер-
 щвлены въ одинъ день. Опказашься опъ
 чесши править Алжиромъ невозможно. На-
 добно царшвовать или погибнуть.“

(Окончаніе впрѣдъ).

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И .

1 8 2 7 .

Я з ы к о з н а н і е .

42. *Практическая Русская Грамматика* ⁶
 изданная Николаемъ Гречемъ. С. П. б.
 1827. въ тип. Императорскаго С. Пе-
 тербургск. Воспитательнаго Дома VIII
 578 стр. въ 8.
43. *Пространная Русская Грамматика*,
 изданная Николаемъ Гречемъ. Томъ

первый. С. П. б. 1827. въ шип. Изда-
теля. XVI—386 стр. въ 8.

(Въ сихъ двухъ книгахъ, Издашель Сына
Опечесшва какъ бы опдалъ опчешъ публи-
кѣ въ долгодѣшнихъ шрудахъ своихъ на
пользу языка и Словесности Россійской.
Въ предисловіи сказано, что Г. Гречъ за-
нимался 20 лѣтъ составленіемъ своихъ
Граммашикъ. Тѣмъ лучше: онъ болѣе имѣлъ
времени обдумашъ систему ихъ, видѣшь на
опытѣ частыя примѣненія изложенныхъ имъ
правилъ и подѣряшь оныя. Мы видѣли уже
многіе десяшки Русскихъ Граммашикъ-ско-
роспѣлокъ, въ пользу которыхъ Сочинише-
ли развѣ только могутъ сказашь то, что
онѣ написаны были на-скоро, какъ списки
на заданныя рѣшмы. За то въ нихъ безпре-
спанно вспрѣчали мы повшореніе однихъ
и шѣхъ же закоснѣлыхъ ошибокъ, необду-
манныхъ положеній и недовершенныхъ пра-
вилъ, или примѣненія чужезычныхъ Грам-
машическихъ системъ къ Граммашикъ Рус-
ской. Въ какой спепенѣ все это неправиль-
но и недоспашочно, опкрываешся уже шѣмъ,
что преподавашели частно не находили въ
Русскихъ Граммашикахъ правилъ самыхъ
необходимыхъ, или находили ихъ сбивчивы-
ми и недосказанными. Г. Гречъ желалъ ис-
правишь сей недоспашокъ, желалъ изъ мно-

гихъ и непрерывныхъ наблюдений вывести правила непреложныя. Не здѣсь мѣсто судить о достоинствѣ его Грамматики; но по крайней мѣрѣ можно здѣсь сказать, что теперь есть надежное руководство къ познанію нашего природнаго языка, какъ для насъ Русскихъ, такъ и для иностранцевъ. Осмѣялся пожелаешь, чтобы умная, разсудительная и безпристрастная Кришика оценила труды его. С—въ.)

О П Е Ч А Т К И

въ 20-й книжкѣ Сына Отечества.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
311	7	вошь	инѣ хошь
314	11 и 12	недолжно!	надобло!
—	17	опасные	повѣсы
318	11	вошь	вонь
319	22	люди	шепличные короли
—	26	дамы	королевы
331	16	и по	эпо
333	13	пошрусилъ	не шрусилъ
—	14	сказалъ бы;	сказалъ бы;
346	14	про себя.	про себя:
357	3	коробочку	корочку

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XXIII и XXIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ИМПРОВИЗАТОРЫ (*).

Способность излагать, не приговорясь, каждый предметъ языкомъ Поэзии и со всеми узами стихотворства, — сія, только въ Италіи до высокой степени совершенства доведенная способность, у насъ, по сую сторону Альповъ, есть самое необыкновенное явленіе. Не говоря о томъ высокомъ наслажденіи, какое мастерство въ семъ искусствѣ доставляетъ въ житейскомъ быту, мы едва имѣемъ понятіе объ образѣ сего стихотворства. Удачное *impromptu* въ нѣсколько строчекъ; — вошь все, что могутъ произвести въ семъ родѣ наши Поэты и остроумцы; но по сему едва ли можно и догадываться о томъ возвышенномъ удовольствіи, какое, въ обществѣ образо-

---

(* *Admische Studien*, von C. F. Fernow.

ванныхъ людей, доставляешь хорошо предложенное *improviso*. Кажется даже, что никогда Поэзія не можешь споль сильно, споль могущественно двигаешь умами, какъ въ семь родѣ стихотворства, заставляющемъ Поэта, въ самую минушу его творческаго вдохновенія, передивать пѣнь его непосредственно въ распроганную душу слушателей.

Сильное дѣйствіе, неминуемо производимое пѣснопѣіемъ восторженнаго импровизатора, не можешь бышь въ той же степени произведено и самымъ совершеннымъ стихотвореніемъ, съ какимъ бы искусствомъ ни было оно декламировано. Сила души, усмремленная на одинъ пунктъ и въ высокой степени напряженная; безпрестанная борьба съ трудностями языка и искусства, нечаянности, которыми пѣснопѣвецъ удачно выплываешься изъ лабиринта, въ какой завлеченъ былъ пламеннымъ чувствомъ; живой восторгъ, который сообщается оупѣвца слушателямъ и разнообразясь въ кругу ихъ, вновь дѣйствуетъ на геній пѣвца и еще сильнѣе раздуваетъ пылъ его вдохновенія, — все это непременно должно производить впечатлѣнія, недостижимыя для самыхъ высреннихъ, съ самою мастерскою декламаціею произносимыхъ стихотвореній

Поэты, которые, в спокойной обдуманности составленные, только спокойному обсуждению приносят полное удовольствие. И если когда-либо являясь очевидным, в действии искусства, перевьсь вдохновения надъ степеннымъ разсудкомъ и холодными ударами остроумия; то сіе конечно въ такомъ изустномъ (extemporanen) стихотворствѣ, когда вся сугубость (intensität) дѣйствующей силы находится въ обратномъ отношеніи со временемъ, въ которое надлежитъ ей производить дѣйствіе. Но пусть лучше изобразишь намъ Итальянецъ всѣ проявленія, какія представляются наблюдашело въ семь искусствъ. Умный Писатель сей нации, Аббать Башинелли, въ сочиненіи своемъ: *Dell entusiasmo delle belle arti*, дѣлаешь разительное и справедливое того изображеніе. Сообщаемъ здѣсь оное въ переводѣ.

„Часто имѣлъ я случай — говоришь Сочинитель — слышалъ одного изъ превосходнѣйшихъ импровизаторовъ, и старался наблюдать его съ величайшимъ вниманіемъ. Сначала споллъ пѣвецъ нѣсколько времени въ безмолвіи и нерѣшимости; попомъ началъ свое пѣснопѣніе медленно и робко, запинаясь по на риѣмъ, по на мысли — доказательство, что не пришло еще вдохно-

•
*

веніе, и что Поэшь былъ на одной чертѣ со слушателями. Но вдругъ, не успѣвъ спохватиться, какъ видишь его оживленнымъ и воспламененнымъ; воспоргъ взмахиваетъ крылами и увлекаетъ его въ полетъ выпрениій. Оппечашокъ сего воспаренія видѣнь изъ всей его наружности. Съ радостнымъ лицомъ, не обращая взора на присутствующихъ, взираетъ онъ къ Небу, въ положеніи неподвижномъ, какъ бы забывая самого себя; уже онъ не шамъ, гдѣ былъ передъ тѣмъ, уже онъ не шакъ смопритъ, какъ прежде. Завѣса упала; новое зрѣлище, новая перспектива, новый свѣтъ, предстались, въ блистательномъ видѣ, его очарованнымъ взорамъ. Изъ устъ его льются разговоры, воззванія; всѣ предметы изображаетъ онъ споль видимо, всѣ вещи споль подробно и въ шакомъ заманчивомъ свѣтѣ, какъ надлежало бы шолько ожидать отъ существенности. Сіи чудныя изображенныя призраки, разжигаютъ еще сильнѣе спрасши его; все живѣе воспоргъ его, все болѣе, все наслажденнѣе погружаешь онъ въ ихъ созерцаніе. Возрасшающій пылъ сверкаетъ изъ каждой черты: глаза блестятъ; живой румянецъ покрываетъ щеки, одушевленнѣя улыбка держитъ на устахъ; онъ дрожитъ

опъ нѣги; во всемъ сославъ его жизнь и движеніе!

„Такъ, воспламененный испиннымъ воспоргомъ, онъ возвышаетъ свой голосъ, усиливаетъ шлодвиженія. Рѣка идей, образъ, риѣмъ, внезапнымъ приливомъ, зашопляетъ его, преодолеваетъ; шакъ чшо недоспаетъ словъ — все схватишь и выразишь; онъ чувствуешь себя загруженнымъ, запущаннымъ. Спшхи шпремяшся и погоняють другъ друга, вырываюшся, быспро нахлынувъ, какъ валъ на валъ, шакъ чшо арѣисшь, сопровождающій его пѣніе, едва успѣваетъ за нимъ слѣдовать, часто бываетъ принужденъ брашь сильныя, неправильныя аккорды и сбиваетъ ся съ шакша. Но иногда вдругъ пѣвецъ сподбенѣетъ въ самомъ быспромъ изліяніи пѣнія; пошому ли, чшо упадаетъ вдругъ завѣса внушрняго зрѣлища, или пошому, чшо нервы ослабѣвають опъ сильнаго напряженія. Въ другое же время пѣвецъ можешь по цѣлымъ часамъ, и безъ запрудненія, ошавашся въ семъ расположеніи духа.

„Въ шакомъ состояніи Поэшь, не зная шого и самъ, говоришь прелестнѣйшія и вовсе необыкновенныя вещи; риѣмы сами собою приклеиваюшся къ мѣсту; самыя опборныя, благородныя, разительныя выраженія подхощь подъ мысль добровольно; слад-

гозвучіе удачно присоединяешь къ плавному размѣру стиховъ. Кажется, будто душа Поэта, наспроя подь одинъ ладъ всѣ свои силы, выступаетъ сама на позорище, являешь всю выпренность свою независимость, говоришь языкомъ, какъ бы свыше человеческого и господствуешь надъ всѣми другими.

„Между тѣмъ въ кругу слушателей распространяется живѣйшее наслаждение, трепень восторга, кошорый время отъ времени вырывается въ громкихъ восклицаніяхъ. Слушатель чувствуетъ себя воспрянувшимъ и слѣдуетъ за полещомъ пѣвца. Какъ мячъ, оббиваемый шуда и сюда, перелешаешь вдохновеніе отъ Поэта къ слушателяю и отъ сего снова къ Поэту, и все возрастая въ семь круговращеніи, возвышаешь съ обѣихъ сторонъ наслаждение, восторгъ, упоеніе.

„И конецъ шакой сцены представляешь много любдышнаго для наблюдений надъ пѣвцемъ и слушателями. Въ первомъ, весьма замѣчашельно упомленіе послѣ шакого насильственнаго напряженія, кошорое какъ бы превышаетъ естественныя силы органовъ и духа; а въ послѣднихъ, — молчаніе и торжешвенная тишина, какъ будто душа слушателя, шераясь въ изумленіи, все

еще подсперегаешь внутри себя опголосокъ пѣнія; какъ будто ей нуженъ опдыхъ, что бы войши въ самое себя, возвратишься на землю изъ высокой, чуждой сферы, куда она возносилась за Поэтомъ. По сему-то замѣчающъ, что менѣ чувствительные и попяшливые между ними, всегда первые прерывающъ безмолвіе и начинающъ осыпашъ пѣвца обыкновенными комплименшами; а напрошивъ тѣ, которые глубже чувствующъ, всего позже приходящъ въ себя и пробуждающъ опъ своего восшорга.

„Всѣ сіи проявленія бывающъ конечно не всегда при шакихъ сценахъ, а тогда шолько, когда Поэщъ чувствуешь себя расположеннымъ одушевишься и одушевишь своихъ слушателей. Опборный кругъ можешъ весьма много къ шому способствовать, особливо, когда онъ сосшавленъ изъ друзей Поэта или изъ особъ, имъ уважаемыхъ. Одобрение, удѣляемое опъ нихъ лучшимъ мѣстамъ его пѣснопѣнія, возвышаешъ самоувѣренность и расположение Поэта — подспрекаешъ его сдѣлашся достойнымъ новой хвалы. Красоты усугубляющъ безпрешанно; съ ними умножаешся одобрение, и сіе взаимное соревнованіе естъ для Поэта самая лучшая втора; оно всего болѣе удерживаешъ на-лепу восшоргъ его.“

Послѣ сего, весьма вѣрнаго описанія дѣйствій, производимыхъ искусствомъ импровизатора, конечно не будешь непріятно чиншашелю узнать, въ дополненіе къ симъ главнымъ чершамъ, нѣкоторыя подробности подобныхъ сценъ.

Когда общество собралось, импровизаторъ проситъ, чшобъ ему задали предметъ для перваго пѣснопѣнія. Обыкновенно предославляющъ эпо дамъ, или Ученому, или иностранцу, или какой нибудь особѣ, кощору хощашъ почшить такимъ преимуществомъ. Тогда музыкантъ, который долженъ сопровождать пѣніе свое, игрою, занимающъ общество какою нибудь симфонією или собственною фаншазією. Въ продолженіе сихъ немногихъ минушь импровизаторъ пригошавляется, не удаляясь для того изъ общества. Надъясь на большой, многообразный навыкъ въ своемъ искусствѣ, онъ дѣлающъ видъ, будшо умъ его ни чѣмъ особеннo не занимающъ. Между пѣмъ собраніе умножающъ и усаживающъ. Тогда оканчивающъ симфонія; Поэщъ споитъ уже на своемъ мѣстѣ, предъ лицомъ всего собранія: спашканъ лимонаду или воды, подлѣ него на столѣ, ещъ Ипокрена, изъ кощорой прихлебывающъ онъ по немногу во время пѣнія. Музыкантъ прелюдирующъ; Поэщъ объяв-

ляешь обществу о заданной пемѣ, и начинаешь обыкновенно какимъ нибудь соотвѣтственнымъ оной воззваніемъ къ Музѣ или божеству; иногда же не дѣлаешь вовсе никакого всшупленія. Все вокругъ исполнено безмолвнаго ожиданія, глаза всѣхъ обращены на пѣвца, всѣ прислушиваются, прищавивъ даже дыханіе. Но первая удачная черта приводитъ умы въ движеніе, восторгъ Поэта сообщается слушателямъ; и тогда слѣдующіе, болѣе или менѣе разительныя явленія, какія описаны выше. Всякой принимаетъ живѣйшее участіе въ слышимомъ. Какъ скоро въ спрощѣ началась мысль и къ сказанной рѣмѣ готовилась другая, воображеніе слушателя работаетъ вмѣстѣ съ Поэтомъ, и если сей попадаетъ на мысль перваго или какимъ нибудь новымъ оборотомъ неожиданно его изумляетъ, тогда вдругъ раздаются восклицанія радости и одобренія, которое становится все сильнѣе и шумливѣе по мѣрѣ того, какъ пѣвецъ и слушатель взаимно приводятъ въ восторгъ другъ друга, пока напоследокъ, при удачномъ достиженіи конца, все оглашается веселіемъ. Такъ совершается первый опдѣлъ. Пѣвецъ опдыхаетъ, опираетъ пошъ съ разгорѣвшимся лица, и развлекается на минушу разговорами съ окру-

жающею его полною. Послѣ небольшого промежутка времени, музыкантъ снова налаживаешь симфонію, импровизаторъ пребуешь новой пемы; общество усаживаешь въ прежній порядокъ, и та же сцена возобновляешь, и возобновляешь иногда въ шрепій, чепвертый и пятый разъ. Иногда же, чшобъ заслужишь еще болѣе блестящій вънокъ своему таланту, импровизаторъ изумляешь общество повпореніемъ на-короткѣ въ немногихъ шансахъ содержанія всѣхъ прежнихъ пѣснопѣній, умѣя, какъ бы ни были они разнообразны, совокупишь ихъ въ одно цѣлое.

Импровизаторы поюшь нынѣ всякимъ размѣромъ Испальянскаго стихосложенія. Прежде упошребляли они только *ottave rime*, но въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, Кавалеръ Перфешпи Сиена, знаменишѣйшій импровизаторъ своего времени, ввелъ пакъ называемые Анакреоншическіе размѣры, и какъ ими пѣшь гораздо легче, по они почти вышѣснили риемованную октаву. Однако и понынѣ считающъ маспера сообразнѣ съ достоинствомъ ихъ искусва пѣшь симъ послѣднимъ размѣромъ, которъ можешь бышь спорученъ шолько весьма навкшему и плодовитому таланту; Анакреоншическіе же размѣры упошребляющъ они

только для забавныхъ и шушливыхъ стихотвореній. Сонеты *all'improvviso* считающа только за *impromptus* и рѣдко употребляюща импровизаторомъ; потому что малый объемъ такого сонета не позволяетъ выразишь болѣе одной мысли и показанъ въ настоящемъ свѣтѣ всебогатство сего искусства, развивающееся только при возрастающемъ вдохновеніи.

Для каждаго размѣра имѣешь пѣвецъ особенную мелодію, и ошчаси поешъ свои стихи, ошчаси же просио высказываетъ. Эта мелодія обыкновенно весьма просна и пріятна, и шѣмъ удобнѣе соотвѣтствуетъ каждому предмету стихотворенія, что музыка здѣсь, какъ бывало въ древнѣйшія времена, совершенно подчиняется поэзіи, и служишь единственною прикрасою пѣнія или наполненіемъ промежутковъ между шансами и отдѣльными стихами.

Какъ ни шрудно само по себѣ сіе искусство, но изъ оспорожности, чтобы не вкрался обманъ, налагаешъ еще множество разныхъ оковъ, нимаю не служащихъ къ усовершенствованію или украшенію онаго, а только самыми шрудностями своими, возбуждающихъ еще болѣе удивленія. Талантъ, спремиющийся заслужить похвалу и заранѣе увѣренный въ побѣду, охотно налагаешъ на

себя оковы сіи, или въ горделивой самонадѣянности изобрѣшаешь еще новыя, чтобы сдѣлать блистательнѣе свое пошество. Такимъ образомъ предписывающа поѣту размѣры, рѣмы, извѣстное число спансовъ, кошорыми шема должна бытъ расшянуша или сжапа; ршурнели или присшишьа, повшоряемыя послѣ каждаго спанса и сосшоща съ нимъ въ связи мыслью и ршемою, и ш. п. Когда, какъ не рѣдко случается, два импровизатора поющъ попеременно ршемованными окшавами; шо положено правиломъ, чшобъ каждый въ первомъ спшхѣ повшорилъ шу ршему, какою другой пѣвецъ заключилъ свой спансъ.

Искусство сіе столь же древнее, какъ и спшхшворство, и бывшее у всѣхъ народовъ, въ дѣшствѣ ихъ образованности, первымъ ешесшвеннымъ обнаруженіемъ пробудившейся способности спшхшворческой — въ одной шолько Ишадіи, по возрожденіи Искусствъ и Наукъ, сохранило свою значительность. Тамъ составляетъ оно особую опрасль Поѣзіи, кошорой многіе посвящаютъ себя исключительно, и въ кошорой успѣхъ зависштъ опъ особенныхъ къ шому дарованій и своего рода ученія. Кто, при спшхшворческомъ шаданшѣ, не обладаетъ шшою чрезвычайно изворшдливою фаншазією,

шою высокою разсудительностію и теплою чувствва, при коихъ легко возбуждаешся описанное выше вдохновеніе, и шою удивительною всеобъемлемостію памяти, кошорая неограниченно пользуется своимъ богатшымъ запасомъ идей, образовъ, выраженій; шошъ можешъ за письменнымъ споломъ сдѣлашья пворцемъ превосходнѣйшихъ стихопвореній; но не будешъ годенъ для искушва импровизашорскаго. И дѣйствительнo ешть множество отличнѣйшихъ стихопворцевъ (и въ самой Италіи много было такихъ), кошорымъ вовсе чуждъ паланшъ импровизашора; какъ равнымъ образомъ и одаренные въ превосходной степени симъ паланшомъ, бывающъ весьма посредственными стихопворцами за письменнымъ споломъ; ибо самая обычная имъ легкостъ сошпавляшъ стихи, мѣшаешъ рачительной опрабожкѣ оныхъ. Величайшему изъ Италіянскихъ Поэшовъ, Торквашу Тассу, природа ошказала въ семь паланшъ. Современникъ и жизнеописатель его Манзо, въ письмѣ къ Неаполишанскому Великому Адмиралу, Принцу Конкѣ, писанномъ въ шо время, когда Тассо жилъ у него въ Бизачію, говоршъ слѣдующее: „Въ дурную погоду и каждый вечеръ забавляемся мы по цѣлымъ часамъ музыкою и пѣнемъ, особенно же им-

провизашоры доставляютъ ему много удовольствія, и онъ завидуетъ имъ въ ихъ необыкновенной легкости составлять стихи, какую, по его словамъ, природа надѣлила его весьма скупю.“ Въ другомъ мѣстѣ, въ Манзовомъ жизнеописаніи Тасса находишся, относительно Апулійскихъ импровизаторовъ и самого Тасса, слѣдующее: „Тамъ, въ Бизаччію, забавлялся Торквашо правлею и шанцами, а еще болѣе импровизаціею людей, копорыхъ въ томъ краю называютъ *Arropitori*, въ другихъ же мѣстахъ *Improvvisatori*, и копорые на всякій заданный имъ предметъ, при звукахъ лиры или другаго инструмента, сочиняютъ безъ приговора стихи, и часто выступаютъ на состязаніе для полученія награды, копорая, по приговору избранныхъ судей, достается тому, кто составитъ лучшіе стихи. Такими импровизаторами Апулія изобилуетъ“ и пр.

Какъ во всѣхъ Изыщныхъ Искусствахъ, такъ и въ этомъ, нерѣдко пробиваются въ избранный кругъ незваные госпи. Но какъ въ семъ искусствѣ все зависитъ отъ мгновеннаго успѣха; какъ въ одно и то же время дѣйствіе совершается и цѣнишся по достоинству, а образованный Итальянецъ, имѣющій вѣрное чувство къ хорошему въ семъ искусствѣ, не такъ-то легко вознагра-

ждаешь похваляю что-нибудь дурное или пошлое, то стихотворческая зараза в нем званомъ гостѣ обыкновенно продолжается недолго; онъ скоро отказывается отъ искусства, которое съ каждымъ новымъ опытомъ явственнѣе выспавляетъ его неспособность, и въ которомъ никакимъ предлогомъ нельзя отвратить личного присужденія, какому онъ подвергается. Сочинитель сей спашь имѣлъ случай нѣсколько разъ испытывать на дѣлѣ, какъ нестерпимо и мучительно для слушателя видѣшь напрасныя усилія въ семъ искусствѣ чело-вѣка неопесаннаго. Тяжкое чувство щепотнаго напряженія сообщается симпатически всему собранію, и внутренняя досада несчастнаго Поэта выжимаетъ потъ на челѣ его слушателей. Но какъ Италіанскій языкъ чрезвычайно гибокъ и съ большею легкостью поддается поэтическимъ формамъ; по въ Италіи весьма значительно число дилеттантовъ сего искусства, которые, будучи одарены изрядными способностями, и обыкновенно большою поэтическою образованностію памяти, посвящаютъ свой талантъ единственно обществу удовольствію; и въ большихъ городахъ Италіи, едва ли найдешь какой-нибудь кругъ образованныхъ людей, въ которомъ бы потъ или другой

изъ членовъ не умѣлъ порадовать общество наслажденіемъ сего рода; бывають дилетанты, не уступающіе нимаю и виршуозамъ по ремеслу. Не рѣдко случается, что нѣсколько человѣкъ, одаренныхъ такимъ талантомъ, сходясь въ обществѣ, а иногда и нарочно собирающся, съ шѣмъ, чшобы соспязались въ пѣніи стиховъ наобумъ. Благодарный кругъ друзей равно увѣнчиваетъ своими похвалами и побѣдителя и побѣжденнаго. Всякій человѣкъ съ умомъ и съ нѣкоторою склонностію къ Поэзіи навѣрное въ молодыхъ лѣтахъ упражнялъ силы свои въ импровизаціи.

Такимъ образомъ многочисленная школа сего искусства переходить непрерывно изъ рода въ родъ; и не только въ образованномъ классѣ людей, но и въ самомъ низкомъ сословіи занимающся симъ, какъ бы врожденнымъ Испаніянцу, искусствомъ, съ бѣльшимъ или меньшимъ умомъ и вкусомъ, смотря по степени образованія. Праздная чернь на улицахъ и на площадяхъ имѣетъ также записныхъ импровизаторовъ, какъ и общества людей высшаго званія. Сии площадные импровизаторы опправляютъ свое искусство на рынкахъ и другихъ сходбищахъ; въ нѣсколько мгновеній собираются около шакаго странствующаго Омера шѣсный кру-

жокъ слушашелей, и онъ въ одинъ часъ на-
поешь себѣ сполько денегъ, что цѣлые два
дня можешь оставашся, съ Музою своею,
безопасень ошъ голода и жажды. Эти пѣ-
сенники пѣмъ беззабошнѣ на счешъ своей
будущности, что они увѣрены найши на
ближайшей площади, новую публику, какъ
скоро имъ шолько вздумаешся. Одинъ изъ
лучшихъ импровизаторовъ въ семь родъ
былъ пошъ, кошораго изобразилъ Морицъ
въ своемъ *Путешествіи въ Италію*, и ко-
шораго сочинилъ сей спашьи имѣлъ шак-
же случай, въ первые годы своего пребыва-
нія въ Римѣ, слышашъ однажды на Испан-
ской площади.

Между ремесленниками и поселянами
ешъ шакже дилепаншы въ семь искусствѣ.
Въ шинкахъ, подгоряченные виномъ, нерѣдко
поднимаюшся двое соспязашелей въ пѣніи
и спараюшся принудитъ къ молчанію другъ
друга. Содержаніе пѣсенъ ихъ обыкновенно
бываешъ саширическое, и шакія явленія
сущъ живое изображеніе древнихъ Саширо-
выхъ игрищъ и поперемѣннаго пѣнія Сици-
лійскихъ пастуховъ Теокриша; а народные
импровизаторы на улицахъ и площадяхъ
переселяюшъ иноземца во времева Орфея и
Омера. Обыкновенно подобное пѣніе заклю-
чаешъ въ себѣ мало искусвеннаго досто-

днства, но оно изобилуетъ простодушными выходками и оспроумными шушками, а нерѣдко проблескиваютъ въ нихъ истинно-поэтическія искры. Природный талантъ Ишаланца и его здравый, одушевленный разумъ, являющіеся здѣсь въ отличномъ свѣтѣ; а какъ и самый простой Ишаланецъ, чиня великихъ Поэтовъ своей націи и зашверживая наизустъ лучшія изъ нихъ мѣста, пріобрѣтаетъ чрезъ то нѣкоторую степень поэтической образованности, по слѣды оной оказывающіяся и въ его безыскусственномъ пѣніи на обумъ.

Хотя площадныхъ импровизаторовъ спавашъ почти на одну доску съ шакъ называемыми *Ciarlatano*, которыя на тѣхъ же сходбищахъ занимають подобную публику, но за то импровизаторы высшаго разбора, упражняющіеся въ своемъ искусствѣ съ большимъ совершенствомъ предъ образованною публикою, уважаются, какъ истинные артисты. И дѣйствительно, надобно слышать виртуозовъ сего рода, или отличнѣйшихъ дилетантовъ образованнаго круга людей, чтобъ составить себѣ надлежащее понятіе о семъ искусствѣ, которое, какъ и всякое другое, распознается по степенямъ гениальности и образованности. Такой импровизаторъ ничѣмъ, кромѣ образа сочине-

нія, не различеспвуеть ошь Спихошворца, гошовящаго свои пворенія за письменнымъ споломъ конечно съ большимъ размышленіемъ и почностію, но вѣрно не съ такимъ вдохновеніемъ.

Сему роду Спихошворства дѣлають упрекъ, что оно ничего не можеть произвести выше посредственнаго; что хоша на минушу и приводить въ изумленіе, обольщаешь и ослѣпляешь, но при чшеніи не выдерживаетъ кришки. Справедливостъ сего обвиненія подшверждается и большею частію напечатанныхъ Improvisi. Посему то весьма остерегають въ Италіи молодыхъ Поэшовъ съ опличными способностями ошь импровизованія, и полагають, что если склонностъ къ шому усилился, то она весьма вредитъ образованію таланта, и сколько приобрѣтешся ею въ искусственомъ навукѣ, столько же ушрашится во внушренной зрѣлости.

Причина шого заключается опчасши въ самой сущности высказыванія на обумъ; ибо и въ опличнѣйшихъ произведеніяхъ сего рода замѣчаются небрежности, вшавки, повшоренія, слабыя мѣста, пропуски, словомъ неизбѣжные слѣды поспѣшности, съ какою они сосшавляются; но съ шѣмъ вмѣстѣ найдутся въ нихъ всегда явные слѣды

поэтического гения и настоящего вдохновения, чего нередко недоспашь и въ самыхъ ошрабощаннѣйшихъ спихахъ.

Если разсудишь, какъ шрудно, по собственному признанію великихъ Спихошворцевъ, напишашь, при всей обдуманности и ошрабощкѣ, какое-либо ошличное спихошвореніе; если прошивупоспашившъ небольшое число хорошихъ спиховъ необьяшной массѣ посредственныхъ и дурныхъ; если наконецъ предспашившъ себѣ, что импровизаторскія шворенія никогда не предназначаются для читающей публики, а еще менѣе для попомощва; но единшвенно для минушнаго удовольствія, шакъ что развѣ изъ одного шолько особеннаго угожденія (или по собственному шщеславію) позволишъ импровизаторъ записывашъ свое пѣснопѣніе: шо надобно бышъ слишкомъ закоренѣлымъ приверженцемъ надменнаго *nil admirare*, что бы считаешъ искусство сіе менѣе достойнымъ удивленія, нежели другія геніальныя искусства, изъ коихъ весьма немногія передающъ споль живо ошблескъ своего высокаго происхожденія — вдохновение истинное. Было бы несправедливо измѣряешъ изустную Поэзію несвойшвеннымъ ей мѣриломъ, и не принимаешъ съ шѣмъ вмѣшшъ въ разсужденіе

того преимуществва, какое имѣеть она передъ письменною — сугубости ея дѣйствія на умы слушателей.

Впрочемъ, судя почитѣе, неспособность произвести что-либо превосходное, могущее нравиться и въ чшеніи, заключается собственно совсѣмъ не въ границахъ сего искусства, а только въ чрезмѣрныхъ зашрудненіяхъ, какія предположь желающему довести его до высшей степени совершенства, а также въ недоспашочномъ дарованіи и образованности пѣхъ, кто обыкновенно симъ занимается. Нынѣ есть примѣры въ Италіи, что импровизаторы, соединяющіе въ себѣ неспинный талантъ съ высокою степенью образованности ума и вкуса, и пріобрѣвшіе удивительный навыкъ большимъ упражненіемъ, приготавлиють all'improvviso такія Стихотворенія, копорыя не только при чшеніи выдерживають крипику, но во всѣхъ отношеніяхъ превосходны. Таковъ былъ между прочимъ въ Веронѣ Аббашъ Лоренци, копорого искусство подало поводъ Бешинелли къ начертанію вышеприведенной каршины, и о копоромъ Денина говоритъ въ первомъ письмѣ своего *Viaggio Germanico*: „Онъ теперь единственныи импровизаторъ, умѣющій и пишашъ хорошіе стихи.“ Таковъ и Франческо Жіанни,

родомъ изъ Рима, нынѣ лучшей импровизаторъ, славящійся во всей Италіи и доведшій сіе искусство до такой степени совершенства, какой прежде можешь быть никогда не достигало оно, что и доказывається сравненіемъ напечатанныхъ имъ *Versi estemporani* съ другими подобными.

Въ предисловіи Издашеля къ Спихотвореніямъ Жіанини находятся слѣдующія правила, какія сей Спихотворецъ предписалъ себѣ при упражненіи въ своемъ искусствѣ:

1. Импровизуй часто и ежедневно; ибо симъ избѣгаюшся повтора и однообразіе.

2. Избѣгай продолжительныхъ промежутковъ, при переходѣ ошъ одной части заданнаго предмета къ другой. Мешкотность происходишъ ошъ размышленія, а при размышленіи удешаетъ вдохновеніе.

3. Принимай всякую уважительную задачу ошъ каждаго Члена общества; симъ избѣжишъ подозрѣнія въ предварительномъ уговорѣ.

4. Если содержаніе заданной темы Спихотворцу неизвѣстно, то пусть онъ заставитъ рассказать себѣ. Область знанія необъяснима; а ошъ импровизатора нельзя требовать, чтобы онъ все зналъ, но чтобы умѣлъ всякій предметъ предсавить въ поэтическомъ видѣ.

5. Общество назначаетъ размѣръ. Такимъ образомъ, съ пресѣченіемъ возможности напередъ приготоуовишься, избѣгнешь и водозрѣнія въ шомъ; а между шѣмъ, симъ обнаруживаешся вся способность или неспособность артиста.

6. Избѣгай напрасныхъ воззваній необыкновенныхъ эпизодовъ, общихъ мѣсѣ; они выказываютъ поэтическую скудость Стихотворца.

7. Пусть записываютъ стихи въ продолженіе импровизованія. Глазъ есть не столь пристрастный судья поэтическаго достоинства, какъ слухъ.

Последнее правило показываетъ, что сей стихотворецъ дѣлаетъ болѣе приязнаго къ своему искусству, нежели всѣ прочіе его сошварищи. И дѣйствительно Жюани болѣе, нежели всѣ другіе импровизаторы, можешь служить къ опроверженію того предубѣжденія, будто сей родъ Стихотворства не способенъ произвести что-либо выше посредственнаго и шагое, что бы могло бытъ прочтено съ удовольствіемъ.

С Т К Л Я Н И Ц А.

Ирландское преданіе (*).

Въ тѣ дни, когда лѣсные духи чаще являлись людямъ, нежели въ нынѣшнія просвѣщенные времена, жилъ - былъ поселянинъ, по имени Михаилъ Пурцель, кошораго все имущество состояло въ нѣсколькихъ десятинахъ дурной, бесплодной земли, да и шубралъ онъ въ аренду, близъ Мурискаго прихода, споль нѣкогда знаменишаго, въ полупорѣ мили ошъ Маллова и въ семи миляхъ ошъ Корка. У Михаила была жена и дѣши; они работали, сколько доставало у нихъ силъ; правда, что это немного; изъ дѣшей не было ни одного взрослого, никто изъ нихъ не могъ пособлять бѣдняку ошцу въ шрудахъ его, а у машери безъ того было много хлопотъ: нянчить ребяшишекъ, доить корову, варить похлебку и носить яйца въ Малловъ. Какъ ни бились бѣдные люди, но едва доставали сполько, чтобы выплачивать за аренду.

(*) Изъ Fairy legends traditions of the South of Ireland. London. 1825.

Кое-как перебивались они однако, пока не напустили разные невзгоды: овесъ не уродился, боровъ исхудалъ и почши за ничто проданъ былъ въ Малловъ. Бѣдному Михаилу нечѣмъ было заплашишь и половины арендныхъ денегъ, а онъ ужъ и по задолжалъ за два срока.

„Что намъ теперъ дѣлать, Марья?“ спросилъ онъ у жены.

— „Что дѣлать!“ отвѣчала она: „го-ни корову въ Коркъ на рынокъ и продай ее. Завтра же рыночный день; только ступай раньше, чшобъ моя бурка успѣла опдохнуть, когда придешь на рынокъ.“

„А что же будемъ дѣлать послѣ?“ спросилъ Михаилъ, пригорюнясь.

— „Почему я знаю, Михаилъ! Только вѣрно Господь Богъ насъ не покинешь. Помнишь, какъ намъ, неожиданно и невѣдомо, послана была свяшая благодать, когда занемогъ маленькій Вильгельмъ, и мы не знали чѣмъ пособить ему. Баллидагинскій Докторъ, добрый и милый человекъ, вхаль мимо насъ верхомъ и попросилъ напишьяся молочка; онъ далъ намъ два шиллинга, прислалъ лекарства для ребенка и все, что было ему нужно; всегда, бывало, накормишь меня, когда я приду посовѣшовашьяся, да и самъ не разъ завждакъ посмошрѣшь дитя,

и пока оно не выздоровѣло, не переставала осыпашъ насъ благодѣніями.“

„У себя всегда на умѣ шакія мысли, Марья, и мнѣ кажешся, шы права. Я шочно завтра же погоню Бурку въ городъ; шолько возьми иглу да нипку, и почини мнѣ рукавъ — на немъ большая прорѣха.“

Марья взялась обо всемъ позабошиться. На другой день собрался онъ въ городъ и получилъ строгій наказъ отъ жены, штобы продашь корову не иначе, какъ за самую высокую цѣну. Михаилъ далъ слово помнишь о шомъ и пусшился въ пушь. Онъ гналъ по шихоньку корову въ бродъ черезъ рѣчку, шоторая пересѣкаетъ дорогу, спруясь подъ древними шѣнами Мурна. Когда проходилъ онъ мимо сихъ шѣнь, глаза его обратились на башни и на одно изъ шѣхъ старыхъ деревъ, шоторыя шогда были еще небольшими прушиками.

„Да!“ вскричалъ онъ: „если бъ у меня была хоть половина денегъ, шоторыя погребены подъ вами, шю не гнашь бы мнѣ здѣсь бѣдной моей бурки! Ну, не жалось ли право, што деньги лежашъ зарышыя въ земля, а между шѣмъ нуждаешся въ нихъ шолько бѣдняковъ, какъ и я, грѣшный. Ну, дастъ Богъ, и я ворочусъ домой не безъ денегъ.“

Тупь погналь онь дальше свою корову. День былъ прекрасный и солнце блистало надъ башнями спараго Аббашшва, когда онь проходилъ мимо его. Дорога вела все въ гору, пока мили черезъ три не взобрадся онь на вершину возвишенія (кошорое шеперь называется Спкляночною горою, а шогда еще не имѣло имени). Тупь кто-шо его нагналь и сказалъ: „здравствуй!“ — „Здравствуй!“ отвѣчалъ Михайль привѣшливо и оглянулся на незнакомца. То былъ маленькій мужичишка — почти карликъ, однако все не шакъ малъ. Лице его было старо, въ морщинахъ и желшо, какъ поблекшая капуста; къ шому имѣль онь крошечный носъ, красные глаза и сѣдые волосы. Губы его не были красны, а шакого же цвѣша, какъ и все лице; глаза не ошавались ни на минушу въ покоѣ, а все прыгали и крушились. Такое шоварищество въ пупи не слишкомъ нравилось Михайлу; однако онь на него посмашривалъ и дивилъся, чшо не видишь у него ни рукъ, ни ногъ: все шѣло закушано было въ длинный, широкій плащъ, не смошря на шо, чшо солнце сильно уже пекло.

Михайль погналь корову поскорѣе, но малюшка нисколько не ошсшавалъ ошъ него, а какимъ образомъ онь шедъ, шого Мц-

хаиль не могъ разгадать; пошому чшо боялся оглядываться часшо, а при шомъ не хотѣлъ и перекреститься, чшобъ спаричекъ не разсердился. Однако ему казалось, чшо поварищъ его ходищъ не какъ другой человекъ и не переступаешъ нога за ногу, а скользищъ, какъ шѣнь по дорогѣ, безъ шуму и безъ напряженія. У бѣднаго Михаила невесело было на душѣ; онъ швориль про себя молишву, жалѣль, чшо вышель въ эшошъ день, желалъ поскорѣ быщъ на рынокъ, и если бѣ можно было покинущъ корову, шо давно бы далъ шагъ.

Въ такой шоскъ слышищъ онъ вдругъ, чшо поварищъ съ нимъ заговариваешъ. „Куда шы, любезный, съ коровою?“ спросиль шощъ рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ.

— „Иду въ Коркъ на рынокъ“ — опшвѣчалъ, задрожавъ, Михаилъ.

„Хочешъ продащъ корову?“

— „Конечно, для шого и гоню, чшобы продащъ.“

„А не хочешъ ли мнѣ продащъ?“

Михаиль вздрогнулъ опш испуга; онъ боялся имѣщъ дѣло съ малюшкой, но боялся еще болѣе сказащъ нѣшъ. Наконецъ спросиль онъ: „а чшо шы мнѣ дащъ за нее?“

„Послушай!“ опшвѣчалъ шощъ: „я дамъ

шебѣ вошь эшу сшкляницу“ — и онѣ вынулъ сшкляницу изъ подъ плаща.

Михаилъ взглянулъ на него, взглянулъ на сшкляницу, и какъ ни пошно ему было, захохоталъ во все горло.

„Смѣйся, смѣйся!“ сказалъ сшаричекъ: но увѣрю шебя, что эша сшкляница для шебя дороже, и въ тысячу разъ дороже всѣхъ денегъ, какія получишь ты на рынкѣ за свою корову.“

Михаилъ захохоталъ опять. „Не ужли ты думаешь“ сказалъ онѣ: „что я въ самомъ дѣлѣ такъ глупъ, что обшдалъ добрую корову свою за шакую сшкляницу, да еще и пущую? нѣтъ, эшо вздоръ!“

— „А хорошо бы обшдалъ, если бѣ обшдалъ мнѣ корову и взялъ сшкляницу. Повѣрь, что каяшься не будешь.“

„Что жѣ мнѣ скажешь Марья? да шушь брани и крику не оберешься! И чѣмъ я заплачу за аренду? И что мы будемъ дѣлать безъ денегъ?“

— „Повѣрь же мнѣ, что сшкляница лучше, чѣмъ всѣ швои деньги. Возьми ее и обшдай мнѣ корову. Говорю шебѣ въ послѣдній разъ, Михаилъ Пурцель!“

Михаилъ изумился. „Какъ онѣ провѣдалъ мое имя?“ думалъ онѣ.

Незнакомецъ продолжалъ: „Михаиль Пурцель, я знаю себя и уважаю себя — пошому-шо и хочу, чшобъ ты послѣдовалъ моему совѣшу; иначе будешь жалѣшь. Послушай, вѣдь ты не доведешь коровы до Корка — она падешь на дорогѣ.“

Михаиль хопѣлъ было сказать: „избави Богъ!“ но удержался, видя, что спаришекъ хочешь продолжашь рѣчь, кошорую нехсташа было бы перебивашь, а особливо чѣмъ нибудь шакимъ, что не могло поправиться. „Къ шому же надобно тебѣ знашь“ — продолжалъ незнакомецъ: „что на рынокъ нагнали сегодня множѣштво коровъ и тебѣ пришлось бы опдашь корову за самую малую цѣну, а можешь бышь, идучи назадъ, попадешь ты въ руки разбойниковъ. Но что объ этомъ и говорить человѣку, кошорый самъ опшалкиваетъ опъ себя свое счастье!“

— „О нѣшь, сударь! счастья своего опшалкивашь я не желаю“ — сказала Михаилъ: „хощь, правда, пущая спкляница никогда не веселишь меня, если бь даже я и самъ ее опорожниль, но коли она шакова, какъ ты сказываешь, шо пожалуй, я опдалъ бы свою корову...“

„Неправды не говорю я никогда. Опдай мнѣ корову, возми шкляницу и когда при-

дешь домой, шо сдѣлай, что я шебѣ скажу.“

Михаиль все еще не рѣшался.

„Ну“ — сказала незнакомецъ: „прощай же, Михаиль Пурцель, я не могу долѣе ждашь. Еще разъ говорю: возми и будешь богаты; а если не возмешь, шо все будешь нищимъ, жена швоя умреть съ голоду, дѣши пойдуть по міру — вошь какова будешь швоя учасшь, Михаиль Пурцель!“ При сихъ словахъ старичекъ злобно усмѣхнулся, и лице его сдѣлалось еще страшнѣе.

„Можешь бышь! легко бышь можешь!“ бормошаль про себя Михаиль все еще въ нерѣшимости и не зная, что дѣлать. Однако слова старичка глубоко заронились въ его душу, онъ думаль и думаль, и наконецъ, въ припадкѣ опшчаянія, схватилъ спкляницу и сказалъ: „возми корову, и если шы меня обмануль, шо не уйдешь отъ проклятія бѣдняка.“

— „Кляни или славь, мнѣ все равно, Михаиль Пурцель; но я сказалъ шебѣ правду; въ эшомъ увѣришься шы сегодня же вечеромъ, если сдѣлаешь, что я шебѣ скажу.“

„Что жь сдѣлать?“ спросилъ Михаиль.

— „Когда придешь домой, шо не шревожься, какъ бы ни досадовала жена швоя, а будь покоень и веди ей чистенько выме-

спи горницу, поспавишь споль и накрывъ чистую скапершь — тогда поспавъ спкляницу на поль и скажи: спкляница, дѣлай свое дѣло! — ты увидишь, чмѣ будешь.“

„Тутъ и все?“ спросилъ Михайль.

— „Все“ — отвѣчалъ спаричекъ. „Прощай, Михайль Пурцель! Ты шеперь богашый человекъ.“

„Дай-шо Богъ!“ говорилъ Михайль, когда спаричекъ погналъ корову его, а онъ побрель опянь во свояси; однако не могъ онъ удержашься, чпобъ не оглядывашься на покупщика своей коровы, пока шопъ вовсе не скрылся.“

„Боже помилуй и спаси!“ вскричалъ тогда Михайль: „эшопъ не принадлежишь къ нашему свѣшу. Гдѣ-шо моя коровушка?“ Ея не спало, а Михайль шель домой, шворя молитвы и крѣпко держа въ рукахъ спкляницу.

„Что со мною будешь — думаль онъ — если она разобьешся; но надобно умѣшь поберечь“ — и онъ положилъ ее за-пазуху, все въ раздумь о шомъ, что будешь, и о шомъ, что скажешь ему жена. Между шѣмъ, какъ мысли его колобродили опъ заботъ и ожиданій, опъ спраха и надежды, добрель онъ подъ вечеръ до своей хижины и удивилъ

жену, кошорая сидѣла у очага и поворачи-
вала горящій шорфъ.

„Ты ужъ и пришелъ, Михаилъ! Вѣрно ты не былъ въ Коркѣ! скажи, что съ шорбою случилось? гдѣ корова? продана или нѣтъ? сколько ты получилъ за нее? что новаго? Рассказывай мнѣ.“

— „Дай мнѣ шолько время, Марья, все расскажу тебѣ подробно. Гдѣ корова, спрашиваешь ты — вошь эшого-шо и немогу я сказать, попому что и самъ не знаю.“

„Что тебѣ за нее дали? давай сюда деньги.“

— „Пошерпи жъ немного, Марья, я все перескажу тебѣ.“

„Что это за спкляница у тебѣ за-пазухой?“ спросила Марья, увидя высунувшееся горлышко.

„Ну, будь повеселѣ!“ сказалъ Михаилъ. — „Но надобно тебѣ напередъ все рассказать!“ и онъ пошавилъ спкляницу на сподъ. „Вошь все, что я получилъ за корову.“

Бѣдная женщина осполбенѣла отъ испуга. „Все, что получилъ! да начпожь это, Михаилъ? въ жизнь свою не думала я, что ты былъ шакой глупецъ. Какъ же ты заплашишь за аренду?“

„Если ты сама будешь по-умнѣ“ — сказалъ Михаилъ: „шо я расскажу, какъ спа-

ричекъ, или кшобъ онъ ни былъ, вспрѣшил-ся мнѣ, или нѣшъ, не вспрѣшился, а очу-тился подлѣ меня на горѣ, и какъ онъ уго-ворилъ меня продашъ ему корову, увѣряя, что эта сшкляница сдѣлаешъ мнѣ добро.“

— „Тебѣ добро! вхъ, ты глупецъ!“ за-кричала Марья и схватила было за сшкля-ницу, чшобъ разбить ее объ голову бѣднаго мужа. Но Михаилъ предупредилъ бѣду, ош-нялъ у жены сшкляницу очень покойно (ибо онъ вспомнилъ приказаніе сшаричка) и спря-шалъ ее опяшъ за-пазуху.

Бѣдная Марья сидѣла и плакала, пока Михаилъ рассказывалъ свою испорію, не переставая крещишъся и ошбаживашъся. Однако шѣмъ кончилось, что она всему по-вѣрила. Не говоря ни слова, вскочила она и начала месши полъ. Потомъ прибрала она все къ мѣсшу, поставила длинный сшоль и накрыла его скапершью, единшвенною, ка-кая у нихъ была. Тупъ Михаилъ поставилъ сшкляницу на полъ и сказалъ: „Сшкляница, дѣлай свое дѣло!“

„Смошри, смошри, маменька!“ закри-чалъ сшаршій сынокъ, здоровенькой пяти-лѣшній мальчикъ, и крѣпко прижался къ матери. Между шѣмъ двѣ маленькія фигур-ки вылѣзли, какъ солнечные лучи, изъ сшкля-ницы и вмигъ насшавили на сшоль разной

серебряной и золошой посуды, съ самыми вкусными кушаньями, и какъ скоро привели все въ порядокъ, шо ушли опяшь въ сшкляницу. Михаилъ и жена его смошрѣли на все въ изумленіи; шакой посуды въ жизнь свою не видали они и сполько любовались ею, чшо забыли и о своемъ голодѣ. Наконецъ сказала Марья: „Садись, Михаилъ, да поѣшь: шы, я чаю, проголодался послѣ шакого пуши и шакого добраго дѣла.“

— „Вошь видишь ли? вѣдь спаричекъ правду говорилъ о сшкляницѣ.“

Михаилъ сълъ, посадилъ за споль и дѣшей; они славно поѣли, но всего съѣшь не могли: шакъ много было насшавлено.

„Посмошримъ, сказала Марья, возьмушь ли маленькіе господчики эши драгоцѣнныя вещи!“ Они ждали, но никшо не явился. Тогда Марья собрала всю посуду, и сказала: „Точно, эшо совершенная правда; шы теперь человекъ богашый, Михаилъ Пурцель.“

Вмѣсто спанья, сшали они разсуждашь, какъ бы изъ эшихъ дорогихъ вещей, кошорыя не были имъ нужны, добышь денегъ, чшобъ наняшь больше земли. Михаилъ пошелъ въ Коркъ, продалъ свою золошую посуду, купилъ себѣ повозку и лошадей, и спалъ жишь, да богашѣшь. Всячески спарались они, чшобъ сшкляница ихъ осшалась

въ шайнѣ, но напрасно; помѣщикъ свѣдалъ о ней. Однажды прїѣхалъ онъ къ Михаилу и спросилъ, ошкуда взялось у него сполько денегъ. Онъ мучилъ его до шѣхъ поръ, пока Михаилъ не сказалъ о сшкляницѣ. Помѣщикъ давалъ ему за нее много денегъ, но Михаилъ ни о чемъ и слышашъ не кошѣлъ, пока пошъ не предложилъ ему въ собшвенность всю землю, кошорую онъ нанималъ. Михаилъ, уже порядочно разбогашѣвши, думалъ, что денегъ ему болѣе не нужно, и ошдалъ сшкляницу.

Михаилъ совсѣмъ не расчелся: онъ и его домашніе спали кошашъ деньги; думая, что имъ не будетъ конца, и, говоря короче, они дѣлались бѣднѣе и бѣднѣе, такъ что наконецъ у нихъ опашъ ничего не ошалось, кромѣ коровы. Пришлось и ее гнашъ, по прежнему въ Коркъ на рынокъ. Михаилъ дѣйствительнѣе погналъ, но у него было на умѣ, что можешъ бышъ опашъ встрѣшишъ спаричка и получишъ другую сшкляницу. Едва разсвѣшало, когда ошправился онъ изъ дому, и довольно скоро добрался онъ до горы. Туманы лежали еще въ долинахъ, и въ разнovidныхъ кудрявыхъ формахъ кружились около него. По лѣвую спорону величешвенно поднималось солнце, а передъ шѣмъ, вдругъ выпрыгнулъ изъ шравы жаворонокъ и налада

радоснную ушрениую пѣснь, вскрушился къ голубому небу.

Михаиль перекрестился и слушалъ съ удовольствіемъ сладоснную пѣсню жаворонка; но всѣ мысли его невольно обращались къ сшаренькому мужичку. И вдругъ, лишь только доспигъ вершины горы и окинулъ взоромъ обширныя виды предъ собою и позадь себя, какъ былъ испуганъ и обрадованъ давно знакомымъ голосомъ: „Что, Михаилъ Пурцель? не правду ли я сказала, что ты будешь богашъ?“

„Правду, сударь, правду! благодарспвую. Только не могу сказашь, чшобъ я шеперь былъ богашъ. Нѣтъ ли у тебя другой спкляницы? она была бы мнѣ очень кспаша. Нѣтъ ли у тебя? вощъ тебѣ за нее корова!“

— „А вощъ тебѣ и спкляница!“ сказала малюшка, усмѣхаясь; „вѣдь ты знаешь, что съ нею дѣлашь?“

„О, знаю!“ ошвѣчала шощъ: „ужъ я не дамъ шеперь маху! — прощай!“ закричала Михаилъ, поворошя домой: „прощай и ты, славная гора, спкляничная гора — шакъ буду величашъ тебя! Прощайше!“ и онъ пуспился бѣжашъ во всю прышь, шакъ что ни разу не оглянулся, ни на сшаричка желшопицаго, ни на корову свою. Наконецъ благошолучно пришелъ онъ домой со спкляни-

цею, кошорую снарался беречь, и лишь шолько завидѣлъ жену, какъ закричалъ ей: „ну, Марья, у меня еще ешь сшкляница!“

„Нѣшъ, право!“ воскликнула жена: „ну, сшасшливъ же шы, Михаилъ Пурцель, сшасшавъ!“

Тощчасъ привела она все въ порядокъ и Михаилъ, смошря на свою сшкляницу, закричалъ въ радости!, сшкляница! дѣлай свое дѣла!“ вмигъ выскочили изъ сшкляницы два широкоплечіе, могучіе великана, съ шолсшыми плешками въ рукахъ, и давай хлесшашъ всѣхъ: бѣднаго Михаила, жену его, всю семью, до шѣхъ поръ, пока всѣ повалились, чушь живы, на полъ — шогда и великаны скрылись въ сшкляницу. Лишь шолько Михаилъ не много опомнился, всшалъ и началъ думать крѣпкую думу. Наконецъ поднялъ желу и дѣшей и сказавъ: „оправляйшесь, какъ можеше“ — схвашилъ сшкляницу подъ мышку и пушился къ помѣщику.

Тамъ было много гостей. Михаилъ попросилъ слугу вызвать хозяина на пару словъ. Хозяинъ вышелъ и спросилъ: „чшо новаго, Михаилъ?“

„А шолько шо, сударь, чшо я досшалъ другую сшкляницу.“

— „Право? и она шакже хороша, какъ и прежняя?“

„Еще лучше, сударь. Коли угодно, я покажу ее вамъ и всѣмъ господамъ и господамъ, которыя у васъ въ гостяхъ.“

— „Войди!“ сказалъ хозяинъ, и Михаилъ ввели въ залу, гдѣ пошчасъ увидѣлъ онъ споящую на каминѣ прежнюю свою сшкляницу. „Посшой!“ пробормоталъ онъ прѣ себя: „можешь бышь скоро ны опашь доспанешся въ мои руки!“

„Ну же — „сказалъ помѣщикъ: „покажи намъ свою сшкляницу.“ Михаилъ посшавилъ ее на полъ и проговорилъ колдовскія слова. Вмигъ повалились хозяинъ и госши, госпони и господа, слуги и всѣ, кшо шущъ ни быль: поднялся крикъ, визгъ, шумъ и вопли; кшо кобенился, кшо баракшался, и всѣ завыли. Сшаканы и шарелки посшакали долой со спшала. Наконецъ закричалъ помѣщикъ: „выгони эшихъ дьяволовъ, Михаилъ Пурцель, или я велю повѣсиль шебя!“

„Не перештанушь“ сказалъ Михаилъ: „пока вы не ошдадите мнѣ прежнюю мою сшклянку, которая спшощъ вонъ на каминѣ.“

— „Ошдайте ему“ — закричалъ хозяинъ: „пока мы еще живы.“

Михаилъ схватилъ прежнюю сшкляницу; между шѣмъ великаны убрались въ новую, и онъ взялъ съ собою шу и другую.

Нужно ли еще рассказывать, что Михайла сдѣлался богаче, нежели прежде, что сынъ его женился на дочери помѣщика, что онъ и жена его умерли спариками и на похоронахъ ихъ слуги подрались между собою и разбили объ спкляницы? Но гора все еще сохраняетъ свое имя, и вѣрно будешь называться Спклячною до скончанія міра.

3.

ВОЛШЕБНЫЙ ГВОЗДЬ.

Восточная Повесть.

Въ бытность мою въ Римъ, посѣщала меня парикмахеръ, по имени Амбрузъ, человекъ съ чувствомъ и чрезвычайно веселымъ характеромъ. Лице его было умное, съ одинакимъ искусствомъ владелъ онъ гребешкомъ, щипцами и бритвою, а рассказы свои приправлялъ острими шутками и философскими сужденіями. Умъ и Философія у парикмахера? Да, я долго самъ пому не вѣрилъ, и сомнѣвался, видя своими глазами. Но дѣйствительно такъ: Амбрузъ былъ человекъ необыкновенный, и я увѣрился, что прежнія его занятія были гораздо важнѣе настоящаго ремесла, имъ осправляемаго.

Нечувствительнымъ образомъ приобрѣлъ и его довѣренность и просилъ, чшобъ онъ познакомилъ меня со своею исторію; наконецъ онъ склонился на мои усиленные просьбы, и началъ сими словами:

Наспоящее имя мое Ахмешъ-Селимъ-Дадгеръ. Я сынъ Бедредень-Абдалы, кошорый, изъ низкаго соспоянїа кузнеца, возвысился на блиспашельное достоинство Паши Родійскаго. Три бунчука развѣвались предъ нимъ; богатства его были несмѣшны, а Гаремъ наполненъ прелеснѣйшими женщинами. Весь оспровъ работѣсповалъ предъ Пашею и его шремя бунчуками, какъ принадлежностями сего высокаго сана.

Но шакое благополучіе было непродолжительно: едва прошло шри года, какъ счастье соскучилось благопрїятспвошъ Бедредень - Абдалъ. Двое нѣмьхъ, прибывшихъ изъ Конспаншинополя, посѣшили его въ сопровожденїи великой свиты. Съ почшеніемъ надѣли ему на шею великолѣпную шелковую веревку, и, знаками прося извиненїа, начали давшъ. Скоро несчастный Бедредень-Абдала испуспилъ духъ; сокровища его были конфискованы, жены перешли въ другїе гаремы, а шри бунчука спали развѣвашъ предъ новымъ Пашею. Подобные случаи нерѣдки въ Имперїи Опшоманской.

Я имѣлъ тогда осьмь роду шестнадцашь лѣшъ; меня выгнали изъ владѣній великаго Султана; ибо върояшно въ Турціи считалось непрощительнымъ пресудженіемъ бышь сыномъ удушеннаго Паши. По счастию въ карманѣ у меня было немного денегъ и я отправился въ Испагань, сполитный городъ Персіи. Скоро я совершенно обѣдѣлъ: съ пощимъ желудкомъ и пущымъ кошелькомъ переходилъ изъ улицы въ улицу, незная, гдѣ найши пристанище, и какъ удовлетворить главнѣйшей нуждѣ человека — голоду, кошорый меня мучилъ. Проходя мимо одной кузницы, я вспомнилъ, что нѣкогда помогаль ошцу своему въ трудахъ его, когда еще не былъ онъ Пашею. Тотчасъ предложилъ мои услуги кузнецу, а сей, по обыкновенію, подвергнуль меня испытанію. Хошя долго не упражнялся я въ семь ремеслъ, но будучи осьмъ природы ловокъ и проворень, удовлетворилъ ожиданію хозяина. „Ну, брашь, сказалъ онъ, ударивши меня по плечу, я думаю, что во всемъ городѣ не найдешъ молодца, кошорый бы могъ лучше раздувашъ мѣхъ и управляшъ молошомъ. Судьба швоя рѣшена; я шебя беру къ себѣ въ услуженіе, а между шѣмъ пора обѣдашь. Великій пророкъ, продолжалъ онъ, благодарю шебя, что ты послалъ мнѣ шакого славна-

го шоварища.“ — Великій пророкъ! вскричалъ я въ свою очередь, благодарю тебя, что ты далъ мнѣ хлѣбъ насущный!

Около года занимался я кованіемъ жельза. Въ одинъ вечеръ хозяинъ приказалъ мнѣ непременно къ утру кончить одну важную работу; чтобы исполнишь его волю, я рѣшился во всю ночь не ложиться. Работа приходила къ концу: вдругъ понадобился мнѣ гвоздь, я шарилъ по всѣмъ угламъ кузницы, но ни одинъ для меня не годился. Наконецъ, нечаянно поднявши глаза, увидѣлъ я на стѣнѣ вбитый гвоздь; я схватилъ щипцы и вытащилъ его. Но, о ужасъ! о чудо! земля въ минушу зашаталась; шумъ, подобный грому, пошрясь кузницу, густой сѣрный паръ выходилъ изъ отверстія, которое занималъ прежде гвоздь. Паръ сгущался поспешенно, изъ него образовалась человѣческая фигура.

Послѣ долгаго молчанія, шемноша уснула яркому свѣту, произведенному тысячами лампъ, которыя вдругъ освѣтили всю кузницу. Я увидѣлъ женщину, и какую женщину!

Пораженный величественнымъ спаномъ, я бы почелъ ее гордою Черкешанкою, ежели бъ она не имѣла прекрасныхъ формъ и пріятношей Гречанки. Фидій избралъ бы

ее образцемъ своимъ, . когда бы захошѣлъ предшавишь спашую Венеры.

Ея черные блестящіе глаза, исполненные нѣжності и чувства, заспавили бы меня думашь, что она родилась въ Мадридѣ; ежели бы живость оныхъ не умѣрялась нѣжнымъ спыдливымъ румянцемъ, кошорый пакъ явспвенно опшичаетъ робкихъ красавиць Альбіона. Пріятное движеніе губъ, ея обворожительная улыбка, неизобразимая прелесть, замѣтная во всемъ существѣ ея, запмѣвали все, что прелестная Парижанка имѣетъ привлекабельнѣйшаго; ея обязательное вниманіе и значительные взоры показывали Испальянку, самую опышную въ искусствѣ кокешспвовашь. Увидя ее, я сдѣлался неподвиженъ и не говорилъ ни слова; красавица сама открыла кораловыя уста свои и начала говорить :

„Ахметъ-Селимъ-Дагеръ, сынъ Бедренъ-Абдалы, прех-бунчужнаго Паши, прими искреннѣйшую мою благодарность за освобожденіе меня отъ пятоспной неволи, въ кошорой злой духъ Монизанъ содержалъ меня долгое время по зависпи и мщенію. Всякое съ моей спороны покушеніе освобождишь, было щещно; печашъ великаго пророка Сулеймана лежала на головкѣ гвоз-

дя. Схващивши ее своими щипцами, ты уничтожил печаль и мое очарованіе.“

„Слушай: я волшебница Оѣира и счастьемъ своимъ полагаю видѣшь благополучіе смертныхъ. И такъ, ежели могу наградить важную услугу, шобою мнѣ оказанную; то проси о всемъ, о чемъ шолько вздумаешь: доколѣ гвоздь будешь въ швоихъ рукахъ, я обещаю тебѣ, что всѣ желанія твои будутъ шось же часъ исполняемы.“ При сихъ словахъ я повергся къ ногамъ ея и воскликнулъ: „всемогущая Оѣира! я увѣренъ, что сіи прекрасныя уста не могутъ обманывать; но чшобы всѣ желанія могли бытъ исполнены — эшому шрудно повѣришь, особенно, когда у меня ихъ шьма!“

„Какія бь они ни были, опшвѣчала волшебница, ни одно не будешь напрасно произнесено. Однако жь не совѣшую желать безразсуднаго. Всякій мѣсяць можешь мѣнять свои желанія. Когда же захочешь меня видѣшь, попри шолько головку въ гвоздь, и я шопчасъ къ тебѣ явлюсь.“ Послѣ сихъ словъ, волшебница исчезла. Оспавшись одинъ, я шопчасъ подвергнулъ испытанію заржавленный гвоздь, и горя нешерпѣніемъ узнашь, правду ли говорила Оѣира, пожелаъ, чшобы работа моя шу же минушу была кончена. Вдругъ все пришло въ движеніе: мѣхъ,

наковальня сами дѣйствовали и въ мгновение ока все было гошово.

Какъ изобразишь радость мою, когда я собсвенными глазами увидѣлъ шакое чудо! Въ воспоргѣ я не завидовалъ безсмертнымъ; но мнѣ досадно было ожидать мѣсяць, чшо бы гвоздь снова мнѣ былъ полезенъ. Какъ эшо время показалось мнѣ скучнымъ и продолжительнымъ. Едва оно кончилось, какъ я пожелалъ имѣть великолѣпныя палаты, и пятьдесятъ невольниковъ бѣлыхъ, да сполько же евнуховъ, копорые были бы гошове исполнять мои приказанія.

Въ шу же минушу увидѣлъ я огромнѣйшій домъ, копорого великолѣпе выше всякаго описанія; крыша была вызолочена, колонны съ низу до верху осыпаны драгоценными каменьями; безчисленное множество комнашь изумили меня своею огромностию и роскошью; мебели сошвѣшствовали палатамъ. Спо невольниковъ замѣчали мои взгляды и малѣйшее желаніе шотчасъ было ошгадываемо. Нѣсколько дней я почиалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ; но не прошло двухъ недѣль, какъ сіи же невольники сдѣлались мнѣ въ тягость. Къ чему мнѣ служили безчисленные ряды огромныхъ комнашь? Больше ли я занимаю въ нихъ мѣста, чѣмъ въ кузницѣ, гдѣ я шакже за-

щищенъ былъ ошъ непогоды? А што невольниковъ, какую пользу мнѣ приносили? Одного бы доспашочно было для моихъ нуждъ; а прочіе девяносто девашъ шолько безпокоюшъ своею услужливостію. Точно надобно бышъ глуцымъ, чшобы желашъ великолѣпныхъ палашъ съ такимъ множествомъ невольниковъ; въ слѣдующій разъ, говорилъ я самъ себя, поправлю мою ошибку и пожелаю чего нибудь полезнѣйшаго. Мѣсяць прошель — я пожелалъ бышъ человекомъ просвѣщеннѣйшимъ во всей вселенной, и чшобы имя мое превозносимо было похва-лами до небесъ. Немедленно пронесся слухъ о моихъ доспоинсвахъ; говорили шолько объ Ахмешъ-Селимъ-Дагеръ; всеобъемлющій мой умъ и мои глубокія знанія соспавляли предметъ всеобщихъ разговоровъ. Журналисты называли меня величайшимъ человекомъ ихъ вѣка; славнѣйшіе Писатели посвящали мнѣ свои сочиненія; Тапарскій Ханъ собшвенно-ручно писалъ ко мнѣ письмо, которое напечашали во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ Европы и Азіи.

Въ продолженіе осьми дней, я не помнилъ себя ошъ безпреспаннаго упоенія радости; наслаждался еиміамомъ, которій лѣсшецы и прихлебашели курили въ честь мою; но сіи похвалы скоро опрошивѣли мнѣ

и причинили смертельную скуку. Къ тому жь извѣстность моя и почести, мнѣ воздаваемые, возбудили противъ меня ненависть шѣхъ, кошорые слѣдовали по одному со мною пуши и добивались славы. Начали нападать на меня, со всѣхъ сторонъ; появлялись безчисленные книжечки, въ кошорыхъ нравственность моя представляема была подозрительною; безъ пощады смѣялись надъ моимъ щеславіемъ и причудами. Словомъ: нападенія Журналистовъ и ученыхъ причинили мнѣ гораздо болѣе печали нежели сколько прежде всеобщая слава приносила мнѣ удовольствіе. Получивъ оповращеніе къ Липерашурѣ, я захошѣлъ сдѣлаться прекраснымъ, любезнымъ, угодникомъ и любимцемъ женскаго пола. Первыя женщины, кошорыхъ увидѣлъ, вышедши на улицу, бросились ко мнѣ на шею и начали съ нѣжностію обнимать. Одна молодая дѣвушка замѣшила меня съ балкона; но едва хошѣлъ я взойти на лѣсшницу, какъ схватила меня за руку прелестная вдовушка и понуждала за нею слѣдовать.

Наконецъ нашелъ я средство быть счастливымъ, вскричалъ я внѣ себя ошъ восхищенія. Какое удовольствіе можешь сравниться съ ласками прелестной женщины? Но вышло не шакъ: ласкаемый: любимый,

обожаемый женщинами, я нашел общество ихъ несноснымъ, а за наслажденіями всегда слѣдовала усалосшь. Однажды когда я предавался симъ печальнымъ мыслямъ, вдругъ получилъ ударъ кинжаломъ, нанесенный мнѣ любовникомъ одной любезной дѣвушки, кошорая была ко мнѣ спрасшна; я оборотился, чшобъ увидѣшь убійцу, какъ ударъ изъ пистолеша повергъ меня на землю. Оскорбленный брань вздумалъ опмешить за честь сеспры своей. Меня перенесли на носилкахъ, и оспашокъ мѣсяца прошель въ лѣченіи рань. Я рѣшился опказашься ошъ обожанія прекраснаго пола: ласки его слишкомъ опасны и часшо наградою за нихъ бываешь пшшолешъ или кинжалъ; а эша благодарносшь мнѣ издавна не нравилась.

Когда богашсшво, знанія и любовь не доспавили мнѣ счасшя, я вздумалъ вкучить предесши чесшолубія и пожелалъ бышь Королемъ, но не шакой обласши, гдѣ есть уже свой Государь, а какой нибудь неизвѣсшной спраны южнаго полушарія. Въ минушу мои желанія исполнились; я увидѣль себя среди всликолѣпія и величавосши, какія когда-ли бо доспавались въ удѣль Государю. Видимая любовь новыхъ моихъ подданныхъ, радосшные крики, кошорые раздавались при моемъ шесшвіи; многочисленны пѣлохранишели,

дѣлавшіе мнѣ почести военныя; посольства подвластныхъ мнѣ Государей, унижавшіяся предъ моимъ прономъ; покорность Министровъ, кошорые внимашельно слушали каждое мое слово и удивлялись малѣйшему движенію, все льспило моему щеславію и увѣряло, что я первый человекъ на свѣтѣ. Но въ то время, когда блескъ величія занималъ всю дѣяшельность мою, Секретарь мой, кошорому я во всемъ довѣрялъ, и кошорого извлекъ изъ грязи и осыпалъ милосшями, сосшавилъ противъ меня заговоръ; лучшіе друзья и подданные присоединились къ нему и сдѣлались его сообщниками. По счастію заговоръ открылся; я принужденъ былъ однако жъ пожертвовашъ любезнѣйшими мнѣ особами, негодованію народа и строгости законовъ. Ахъ! вскричалъ я съ горестію, самое низкое сосшояніе гораздо предпочтительнѣе тяжкому бремени сильнаго Государя; онъ никогда не слышитъ испины; первые его любимцы, раздѣляющіе съ нимъ власть, наперсники его удовольсшвій, забывая чувство обязанности и пренебрегая священнымъ долгомъ признательности и узами пѣсной дружбы, измѣняютъ своему благодѣтелю. Чесшлюбіе или подлая корысть бывають главнѣйшими ихъ побужденіями. Дождавшись времени, въ кошорое

позволено мнѣ было снова желать, я вздумала... но я не кончила бы, ежели бы мнѣ должно было вычислять всѣ сосноянїя, мною пройденныя. Я принимала на себя роль лекаря и шарашмы церковнаго, солдата и монаха, живописца и лакея, поселенина и разбойника, перваго Министра и разнощика, Директора большой оперы и служителя при лубочномъ театрѣ. Словомъ, я испытала всѣ сосноянїя, копорыя съ перваго раза мнѣ нравились, и копорыя наскучали прежде, нежели проходилъ мѣсяць.

Я пробѣжала чешыре часни земнаго шара и во всякой странѣ, во всякомъ городѣ и деревнѣ находила одни пороки и глупости людскія. Весьма рѣдко замѣчала плывущія искры добродѣтели, мудрости, любви и вѣры. Наконецъ увѣряясь, что палисманъ недоспашочень сдѣлаетъ меня счастливымъ и довольнымъ — я пошеръ головку гвоздя; немедленно раздастся громъ, молнія раздвоила облака и волшебница Офра явилась предо мною.

„Благодѣтельница моя,“ сказала я ей, „тебѣ безъ сомнѣнїя извѣстно, что я не пропустилъ ни одного случая, употребить въ свою пользу подарокъ, копорымъ шы меня наградила, за освобожденіе себя отъ власши злобнаго Монизана. Но счастье не-

*

соопвѣшспвовало моимъ ожиданіямъ. Разрушилась надежда моя на шалисманъ и я прошу себя взять его назадъ. Когда уже въ природѣ шакъ заведено, чѣмобы желашь безпрестанно и никогда не бышь довольну; шо лучше предоспавишь себя на произволь судьбы, нежели прибѣгашь къ свѣрхъестественнымъ средствамъ.

Волшебница спросила, не можешъ ли мнѣ сдѣлашь какой нибудь другой большой услуги; я благодарилъ ее и опвѣчалъ, что не имѣю ни въ чемъ нужды. Тогда она въ дребезги разбила гвоздь и подавши мнѣ свою руку, просшила на вѣки.

Я перемѣнилъ имя Ахмеша-Селимъ-Датгера на Амбруаза цырульника. Эшо состояніе мнѣ очень нравилсъ и шеперь доспавляешъ чешь причесывашъ вашу голову.

Завшра, можешъ бышь, я перемѣню имя и ремесло; примусь за другое, а пошомъ опять за другое и приходи свои буду разнообразишь до самаго гроба; — шамъ-шо масшоящій покой.

Съ Франц. Д—гій.

МОЦАРТОВО ПИСЬМО.

Вы желаете знать, какимъ образомъ я сочиняю и пишу проспранныя музыкальныя пьесы. Въ нижеслѣдующемъ заключаешся все, что я могу сказать о томъ; болѣе самъ я ничего не знаю и не въ состояніи объяснить. Когда случается мнѣ быть на свободѣ, совершенно одному и въ хорошемъ расположеніи духа, напримѣръ въ повозкѣ, во время путешествія, или на прогулкѣ послѣ порядочнаго обѣда, или ночью, когда не спишь — шупь всего лучше и всего изобильнѣе собираются и спремются ко мнѣ идеи. Откуда, и какъ приходятъ онѣ, того я не знаю, но я производить ихъ не могу. Тѣ идеи, которыя мнѣ нравятся, распредѣляю я по порядку (*classificire*) въ моей памяти, и какъ мнѣ сказывающіе, имѣю привычку, напѣвать (*trällern*) ихъ тихимъ голосомъ. Пошомъ стараюсь я шу или другую шшукъ наладить такъ, чтобы сдѣлать изъ нея чтонибудь порядочное, то есть, по правиламъ контрапункта, особаго звука различныхъ инструментовъ и ш. д. Все это меня одушевляетъ, и если не помѣшають мнѣ, то предметъ мой увеличивается, становится правильнымъ, получаетъ опредѣли-

шельную форму, и даже, хотя бы онъ былъ и очень пространенъ, почти совсѣмъ оканчивается и усовершеншается у меня на умѣ, такъ, что я однимъ взглядомъ могу обозрѣть его, какъ прелестную картину или спашую; а при томъ въ своемъ воображеніи слышу я части, не одну за другою, но какъ будто все вдругъ. Какое восхищеніе доставляетъ это, я не могу пересказать. Все изобрѣшеніе и швореніе производится какъ будто въ пріятномъ, явственномъ свидѣніи. Но самое лучшее при томъ именно то, что слухъ объемлетъ все цѣлое вдругъ. Уже я никакъ не забываю того, что совершилось такимъ образомъ, и можешь быть, это самый драгоценный даръ, за который долженъ я благодарить Творца своего. Когда сажусь писать свои идеи, то уже только вынимаю изъ своего, если смѣю такъ выразиться, памятнаго мѣшка все то, что собралъ шамъ, какъ было сказано. По сей-то причинѣ записываніе идетъ у меня очень скоро, ибо, какъ я упомянулъ, я кладу на бумагу почти все гошовое и рѣдко опшшунаю при томъ онъ того, что заложено въ моемъ воображеніи. Посему-то при этой работѣ, я могу сносить всякую помѣху; что бы вокругъ меня ни происходило, я продолжаю писать, и даже говорю въ это

время, но только о курахъ, да объ яцахъ, о Машинькѣ, да о Парашинькѣ, и о подобныхъ вещахъ. Но что мои шворенія получаюшь осьь моей руки особую форму и особенный сшилъ, которые называюшся Моцаршовскими, и что они ошличаюшся осьь произведеній другихъ композишеровъ — эшому вѣрояшно та же причина, по кошорой носъ мой имѣеть шакую толщину и шакую орлино-кривую форму, короче, что эшо Моцаршовъ носъ, а вовсе не шакой, какъ у другихъ людей. Я шочно не дѣлаю никакого напряженія и не шпараюсь бышь оригинальнымъ, да и не умѣлъ бы въ самомъ дѣлѣ выразишь, въ чемъ состоишь моя оригинальность, хоша миѣ и кажеться весьма ешественнымъ, что люди, имѣющіе свою собшвенную наружность, конечно иначе организованы, нежели другіе люди, какъ снаружи, такъ и внутри. Знаю по крайней мѣрѣ шо, что я не самъ себя создалъ, ни въ шомъ, ни въ другомъ ошношеніи.

5.

КИНГСБЕНЧЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Если у несосшояшельнаго должника ешь еще 3 гинеи, шо онъ идеть въ Кингсбенчъ, ибо шолько стоишь привлііе въ сію шем-

ницу. — Это не шемница, въ спрогомъ смыслѣ сего слова, но родъ республики, и споль спранной, что она заслуживаетъ подробнѣйшаго описанія. — Жителей въ Кингсбенчѣ болѣе, нежели во многихъ Испанскихъ монашыхъ; и самое мѣсто сіе не естъ сборище всѣхъ пороковъ, какъ обыкновенныя шемницы. — Въ числѣйшей части города огорожено стѣною значительное проспранство, въ кошоромъ находяща многіе дома, каждый для жительства 20 и болѣе особъ, и нѣсколько улицъ. Нѣтъ недоспашка ни въ садахъ, ни въ кофейномъ домѣ, ни въ лавкахъ. Нигдѣ не видно рѣшекъ, замковъ, шюремщиковъ, цѣпей; ни большихъ собакъ, кошорыхъ Англійскіе шюремщики обыкновенно при себѣ имѣють. Только наружношью Кингсбенчѣ походишь на шемницу: такъ напр. всякаго входящаго и выходящаго допрашиваешь спража, поспавленная при входѣ. Заключенные, кошхъ ремесло не много мѣста шребуешь, могутъ заниматьсѣ онымъ въ своей комнашѣ, даже вывѣску имѣшь. Они не только работають для богашѣйшихъ жителей Кингсбенча, но и для горожанъ, и всѣми силами спараются заработать сполько, сколько нужно для уплаты долговъ, за кошорые они содержатсѣ. Ремесленники такога рода обыкновенно

берушь къ себѣ жену и дѣшей, живушь съ ними спокойно и прилежно работаюшь, и случается, что число свободныхъ людей превышаетъ заключенныхъ. — Всего шамъ 3000 жипелей, между коими ешь и шакія лица, копорыя опасаюшь бышь взятыми подъ спражу за долги; а пошому ищущъ себѣ убѣжища у заключенныхъ припелей своихъ. — Въ шакомъ случаѣ они не прежде оспавляюшь Кингсбенчъ, какъ по учиненной сдѣлкѣ съ заимодавцами своими. Въ эшомъ приюшь и Полиція проникнушь не можешъ; большая зала при входѣ ешь предѣль ея дѣшельности. Однажды покусился переодѣшый полицейскій чиновникъ пройши шуда, чшобы взять подъ спражу молодую вдову, кошорую онъ никакъ не могъ заманишь въ общую залу; но заключеннымъ показался онъ подозрительнымъ: они окружили его, спшали допрашивашъ, онъ запираешся, но найденное въ карманѣ его повелѣніе о задержаніи вдовы измѣняетъ ему. На колѣнахъ онъ долженъ былъ просишь помилованія, кошорое ему и даровано, съ шѣмъ однако жъ, чшобы онъ съѣлъ означенное повелѣніе. Заключенные, при всеобщихъ восклицаніяхъ, клали ему въ рошъ одинъ лоскушокъ пергамина за другимъ. Часшо находяшь въ Кингсбенчѣ людей изъ высшихъ со-

словій, кошорыхъ привели шуда непредвидимныя обстоятельства, потери, упрямые заимодавцы и перемѣна счастья. Они занимають великолѣпныя покои, имѣють всё удобство; и такъ какъ всё заключенныя въ Кингсбенчъ, имѣють право ходишь шамъ, куда имъ угодно, шо они ищуть разсѣянiя въ дружескихъ обществыхъ и пиршествахъ, гдѣ царшвуетъ непринужденность и веселіе.

Маршалъ въ Кингсбенчъ заботишся только о томъ, чшобы никто изъ заключенныхъ не скрылся; ибо каждый на опытшвенности его. Кроме сего, онъ ничѣмъ не завѣдываетъ: полицейскій надзоръ ешь дѣло самихъ заключенныхъ, коихъ шочность по сему предмету превосходитъ върошіе. Они избирають Предсѣдателя и нѣкоторое число Совѣтниковъ, кошорые, образуя родъ судилица, собираютьсѣ разъ въ недѣлю, слушають жалобы, разбирають споры и — наказываютъ виновныхъ. — Въ засѣданiяхъ сего судилица всякій заключенный имѣеть доступъ и голосъ: умень ли онъ, или глупъ, хорошо ли, худо ли онъ говоритъ — его выслушиваютъ шерпѣливо, пользуясь его совѣтомъ или предложенiемъ. Приказанiя Предсѣдателя и Совѣтниковъ его весьма строго выполняются.

Особенное вниманіе обращаетъ сіе судилище на долги, сдѣланные заключенными въ Кингсбенчъ; заимодавецъ докладываетъ о своемъ дѣлѣ, а должника приводящъ силою къ Предсѣдателю, если не явится добровольно. Двѣнадцать присяжныхъ разсматриваютъ и утверждаютъ обвиненіе, приказываютъ должнику расплатиться, назначая однако же срокъ, когда онъ того истребуешь. Если, по прошествіи назначеннаго времени, заимодавецъ еще не удовлетворенъ: продаютъ домашнюю утварь, платье, постель должника, и вырученными деньгами уплачиваютъ долгъ. То же судилище производитъ слѣдствіе, въ случаѣ покражи или безпорядковъ и произноситъ приговоръ, съ наблюденіемъ спрожайшей справедливости, на основаніи особаго Уложенія, составленнаго для Кингсбенча. Признанный виновнымъ подвергается слѣдующему наказанію: его водятъ по всѣмъ домамъ въ Кингсбенчъ съ повѣшенною на груди дощечкою, на кошорой означается пресшупленіе. Передъ нимъ идешь крикунъ, возвѣщающій жителямъ, чшобы они осшерегались сего челоуѣка и взирали на него, какъ на пресшупника, лишь презрѣнія досшойнаго. Всѣ избѣгаютъ его; говоришь съ нимъ почищаешь за безчестіе. Заимодавцы, посадившіе должниковъ своихъ

въ шемницу, обязаны по закону, плащись каждому изъ нихъ по чешыре пенса въ день на содержаніе, если онъ находился подъ спражею 3 мѣсяца. Плашежь эшихъ денегъ производихся по суббошамъ, и если еженедѣльная плаша — два шиллинга, чешыре пенса — въ 10 часовъ ушра еще не внесена заимодавцемъ; по оппускающъ должника, въ присутствіи свидѣтелей, объявляя его свободнымъ. Заимодавцу шакже не позволено плащись эшихъ денегъ за мѣсяць впередъ. И шакъ, если у него нѣсколько шакихъ должниковъ, и если онъ позабудешъ за одного изъ нихъ заплащись 4 пенса, по должникъ освобождается, а заимодавецъ долженъ снова подашъ челобитную. Должникамъ, сдѣлавшимся несосшоятельными, по причинѣ неудачъ или несчастій, остаешся еще надежда сдѣлашся свободными, посредшвомъ милосшиваго акта (the act of grace), копорый обнародуешся чрезъ каждыя семь лѣшь, и копорый освобождаетъ шѣхъ, коихъ долгъ не превышаетъ 500 фуншовъ, шперлинговъ. Имена лицъ, воспользовавшихся симъ акшомъ, припечатывающся въ Вѣдомосшяхъ; но прежде обязаны они показашъ подъ присягою, чшо дѣйшвишельно не въ сосшояніи удовлетворить заимодавцевъ своихъ. Англичане, не почитающіе безчестіемъ заключе-

нія въ шемницѣ, презирающъ сей способъ освобожденія, и говорящъ: „онъ расплашился милоспивымъ акшомъ,“ — чшо имѣешь одинаковое значеніе съ Французскою поговоркою: „онъ былъ на галерахъ!“

Съ Нѣмецк. *Оттонъ Бертофъ.*

1 Окшября 1827.

II.

Б І О Г Р А Ф І Я (*).

Николай Ѳедоровичъ Грамматинъ.

Сего 1827 года, Января 17 числа, скончался въ Коспромѣ *Николай Ѳедоровичъ Грамматинъ*, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Св. Владиміра 4 степени, на 41 году ошъ рожденія; шѣло его предано земля Нерехошскаго уѣзда, въ селѣ Свѣшочевой горѣ, на сельскомъ кладбищѣ, подлѣ новой, камен-

(*). Получено при письмѣ слѣдующаго содержанія: „Промыслу угодно было, поставивъ меня преемникомъ служенія, кошорымъ Н. Ѳ. Грамматинъ заключилъ гражданское свое поприще; и пошому Біографія покойнаго, кошорую сообщилъ мнѣ почтенный братель его А. Ѳ. Грамматинъ, для меня имѣешь преимуще-

ной церкви у ошаря, гдѣ многіе изъ предковъ его погребены.

Онъ былъ извѣстнѣе на литературномъ поприщѣ, и пошому я долгомъ поставляю сообщить нѣкоторое свѣдѣніе о жизни, службѣ и трудахъ его. Николай Федоровичъ ро-

---

сшвенную цѣну; можешь быть и другіе, особенно любители Литературы, пожелають ближе узнать почившаго ихъ сотрудника, и шѣмъ принести нѣкоторую дань его памяти; съ сею цѣлю покорнѣе прошу васъ, М. Г. помѣстить сію Біографію въ издаваемомъ вами Журналѣ. Я не имѣлъ права, что нибудь перемѣнить въ оной; шакъ какъ она писана роднымъ брашомъ покойнаго, безъ сомнѣнія, вѣрнѣе всякаго другаго знавшимъ обстоятельшва его жизни; присоединю шолько въ крашкѣхъ словахъ шо, что мнѣ извѣстно о Н. Ф., какъ преемнику его по службѣ. При богашыхъ свѣдѣніяхъ во всѣхъ отрасляхъ классическаго образованія, съ особенною честію занимаая мѣсто Директора Училищъ, Н. Ф. вель жизнь прошую и уединенную; свѣшскія общешва, гдѣ съ разсѣянностію нерѣдко являешся на сцену и шщеславіе. были чужды для него, и онъ былъ чуждъ ихъ. Имѣвши возможность и по званію своему, и по сосшоянію, жишъ съ соблюденіемъ, шакъ называемыхъ, приличій, онъ скромно номѣщался въ бѣдныхъ комнашахъ Гимназическаго дома, кошорый въ его время находился въ совершенной вешходшн; и здѣсь, сколько мнѣ извѣстно, Литература была постояннымъ его занятіемъ. Библіютека Костромской Губернской Гимназіи обязана Н. Ф. собраніемъ всѣхъ

дился 13 Ноября, 1786 года; первое образование, хотя недоспешное, получил онъ въ домъ своихъ родителей; но и тогда уже видна была въ немъ особенная склонность къ наукамъ; книги въ дѣтствѣ были его игрушками, и охота къ чтенію въ послѣдствіи превратилась въ страсть. Въ началѣ 1802 года вступилъ онъ въ Московскій Университетскій Пансіонъ; тамъ обучался: Закону Божію, Арифметикѣ, Геометріи, Гражданской Архитектурѣ, Физикѣ, Статистикѣ, Исторіи, Географіи, Россійскому Практическому Законоискусству, Римскимъ Правамъ, Поэзій, Краснорѣчію; языкамъ: Россійскому, Латинскому, Французскому, Нѣмецкому, Англійскому и Италіанскому; за особенное прилежаніе и успѣхи, на публичныхъ актахъ въ томъ Пансіонѣ полу-

---

почти лучшихъ произведеній его времени, особенно по части Словесности. Почтенный братъ его А. Ф. желая, чтобы Гимназія и Училища сохранили навсегда воспоминаніе о бывшемъ ихъ начальникѣ, по кончинѣ его принесъ въ даръ онымъ въкопирья его сочиненія и другія книги.

Имѣю честь и пр.

Юрій Бартеневъ.

Дирекш. Училищъ Костромской Губерніи.
Ноября 29. 1827.

С. П. 6.

чилъ въ награжденіе: въ первый годъ его образованія, книгу, во второй серебряную медаль безъ имени, въ третій серебряную же медаль съ именемъ, въ четвертый золотую съ именемъ; въ пятый Дипломъ на Кандидашское достоинство; (Студентомъ онъ былъ произведенъ еще въ исходъ 1803 года). Въ началъ 1807 года, выбылъ изъ пансіона, оставивши тамъ имя свое на доскѣ, написанное золотыми лиферами (честь предоставляемая самымъ отличнымъ воспитанникамъ; или говоря словами П. П. Свиньина: награжденіе самое лучшее того учебнаго заведенія, гдѣ со времени основанія онаго, изъ нѣсколькихъ тысячъ воспитанниковъ, не съ большимъ 30 шаковыхъ именъ избрано). Лучшие переводы и стихотворенія, коими онъ занимался, будучи въ пансіонѣ, помещаемы были въ періодическихъ изданіяхъ онаго, подъ названіемъ: *Утренняя заря* и *Отдыхъ въ ползу*; нѣкоторыя стихи его были чипаны на публичныхъ акшахъ. —

По окончаніи ученія въ пансіонѣ, Н. Θ. уже, можно сказать, совершенно посвятилъ себя наукамъ; между прочимъ онъ занялся составленіемъ Англійско-Россійскаго словаря по Робинешову Французско-Англійскому Лексикону, котораго первая часть 1808 года и напечатана отъ буквы А до І, посѣ-

щаль припомъ Профессорскія лекціи въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ въ 1809 году, Апрѣля 21 и самъ читаль въ первый разъ публичную лекцію: *О пользѣ и пріятности Словесныхъ Наукъ*, въ присутствіи отличнѣйшихъ Профессоровъ того времени; какъ то: Гг. Гейма, Прокоповича-Аншонскаго, Спрахова, Брянцова, Буле, Гаврилова и другихъ почтенныхъ слушателей; попомъ вскорѣ публично защищаль свое разсужденіе: *О древней Русской Словесности*, написанное имъ по назначенію ошдѣленія Словесныхъ Наукъ для полученія степени Магистра, которое въ то же время было напечатано; и того же 1809 года, Мая 17-го, произведенъ Магистромъ Словесныхъ Наукъ; симъ окончилось классическое его образованіе.

Послѣ того Н. О. вступилъ на службу въ Экспедицію Государственныхъ доходовъ, съ переименованіемъ изъ Магистра въ Тишударные Совѣшники; но какъ служба сего рода ему не нравилась, то ошъ по прошенію и уволенъ ошъ оной 1810 года Апрѣля 28; удалившись въ деревню, на свободѣ предадся ошъ любимому своему упражненію въ Словесности; нѣкоторыя его произведенія того времени, помѣщены въ періодическомъ изданіи А. Е. Измайлова и П. А. Никольскаго, *Цвѣтникъ*; (изъ сихъ произведеній особенное заслуживаешь

вниманіе, по чистотѣ и легкости слога, переведенное съ Италіянскаго языка письмо Папы Ганганелли къ Аббашу Фергону). Вступившій тогда въ Министерство И. И. Дмшривъ, какъ Литераторъ и Поэтъ, любя и другихъ, которые посвящали себя занятіямъ сего рода, извлекъ Н. Ѳ. изъ сельскаго уединенія, предложивъ ему мѣсто въ Департаментѣ Министерства Юстиціи. (Н. Ѳ. будучи еще въ Пансіонѣ, своими способностями обратилъ на себя вниманіе Его В. П. И. И. Д.). Такимъ образомъ 1811 года, Февраля 1-го, Н. Ѳ. снова вступилъ на служебное поприще; здѣсь свободные часы отъ службы проводилъ онъ съ Министромъ-поэтомъ, живя у него въ домѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала страсть его къ Словесности; тогда-то собралъ онъ разбросанныя свои стихотворенія прежняго времени, и издалъ въ свѣтъ подъ названіемъ: *Мои досуги*, посвятивъ оныя высокому своему Покровителю.

Въ томъ же 1811 году, Августа 13, за усердную службу произведенъ въ Коллежскіе Ассессоры; а 1812 года, Іюня 12, будучи по прошенію уволенъ изъ Департамента Министерства Юстиціи, Іюля 3 дня, того же года, опредѣленъ Директоромъ Училищъ Костромской Губерніи; въ семъ званіи за рѣвностное служеніе 1818 года, Февраля 16

пожалованъ въ Надворные Совѣтники; 1819 года, Февраля 22, получилъ орденъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра 4 степени, и того же года, Марта 17 по прошенію уволенъ ошъ должности Директора Училищъ съ причисленіемъ, по Высочайшему повелѣнію, Мая 7 дня къ Герольдіи, впредь до опредѣленія. Въ продолженіе училищной службы Н. О. также не осшавлялъ своихъ липературныхъ занятій. Сіе доказываютъ нѣкоторыя его стихотворенія, помѣщенные въ Журналахъ шѣхъ лшь: *Вѣстникъ Европы* и *Сынъ Отечества*.

Находясь въ опшавкѣ, до самой своей кончины жилъ онъ въ сельцѣ своемъ *Гулелевѣ*, въ совершенномъ уединеніи; книги были единственными его собесѣдниками; самое короткое время удѣлялъ онъ для свиданія съ родными и шѣснаго круга знакомыхъ; какъ бы предчувствуя скорую разлуку съ мирными своими занятіями, онъ жертвовалъ имъ каждою минутою, а въ послѣдній годъ жизни почти вовсе не выходилъ изъ своего уединенія. Въ 1823 году, издано имъ въ свѣтъ *Слово о полку Игоревѣ*, передоженное стихами древнѣйшаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго, буквальнаго предложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, также критическимъ разсужденіемъ.

*

емъ о немъ, и посвящено Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Александровнѣ. Императрица, удостоивъ оное Всемилоштивѣйшаго принятія, пожаловала Переводчику бриліантовый перстень. Сія Историческая Поэма XIII вѣка, 'многими была перелагаема на нынѣшній языкъ съ древняго, вышедшаго изъ употребленія и во многихъ мѣстахъ не всякому удобопонятнаго; но переложеніе Н. О., смѣло можно сказать, есть лучшее какъ по близости къ подлиннику, такъ особенно по крипическимъ примѣчаніямъ и поясненіямъ, кои показываютъ глубокія свѣдѣнія Переводчика въ Русскихъ древностяхъ. Въ одной книгѣ съ Словомъ о полку Игоревѣ издано древнее Чешское стихотвореніе *Судъ Любуши*, съ приложеніемъ оригинала, переведенное такимъ же древнимъ размѣромъ, бѣлыми стихами, съ буквальнымъ переводомъ на нынѣшній языкъ и примѣчаніями. Послѣ сего изданія Н. О. занялся собираніемъ всѣхъ прежнихъ своихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, продолжая и вновь писать; два тома, незадолго передъ кончиною его собранные и исправленные, заключающія въ рукописи, которую покойный, будучи отчаянно боленъ, завѣщаль напечатать пользовавшему его Инспектору Косшромской Врачебной Упра-

вы П. Р. Д., оставивъ ему на сей предметъ досматривающую сумму. Я исчисляю здѣсь важнѣйшія изъ послѣднихъ либерашурныхъ его произведеній: *въ стихахъ*: Пѣснь воинству Александрову, или спихотворное описаніе войны 1812 года, Русскимъ древнимъ размѣромъ; *Повмы изъ Оссіана*: Темира въ шести пѣсняхъ, Карлонъ, Конлатъ, Кюшона и Беррашонъ; *изъ Библии*: преложеніе нѣкоторыхъ Псалмовъ Давида, нѣкоторыхъ Пророчесствъ Исаи и Иереміи, разныя спихотворенія, досель еще ненапечатанныя; и народныя, можно сказать, прекрасныя пѣсни и проч.; *въ прозѣ*: о торговлѣ и мореплаваніи до открытія Новаго Свѣта; (первая книга Робертсоновой Американской Исторіи) переводъ съ подлинника; размышленіе объ Одѣ изъ Дебрюна; о Религіи и Философіи изъ Фререша; чего больше, добра или зла физическаго, изъ Беля и проч. Оставалось бы теперь присовокупить нѣкоторое сужденіе о произведеніяхъ пера его; но публика, не видя цѣлаго, не могла бы повѣрить сего сужденія самымъ предметомъ онаго. Впрочемъ, какъ образчикъ, который уже не войдетъ въ составъ сочиненій Н. О., неизлишнимъ почишаю помѣстить здѣсь посвященіе блаженной памяти Государю Императору Александру I, ко-

порце Авшерь приготоуилъ еще при жизни
 Благословеннаго Монарха, желая повергнушь
 труды свои къ сѣнамъ Его,

Монархъ!

Что вѣчною младостью
 Цвѣшущая, смѣлая
 Писала фантазія,
 По свѣтлой поднебеси
 Порхая брыластая,
 Сбирая, какъ сошь пчела,
 Невинные вымыслы,
 Къ престолу священному
 Дерзаю, Монархъ, принесть,
 Повергнушь къ сѣнамъ Твоимъ!
 Какъ жертву, возжснную
 Душой недорочно
 Для Вышняго, благосши;
 Прими приношеніе
 Души восхищенныя
 Твоимъ милосердіемъ,
 Когда ты Лютедіи,
 Пресшущной, шренещущей,
 Конца олдающей,
 Спасенье и жизнь изрекъ,
 Подобно Всевышнему,
 Кошорый хаосъ дѣлилъ
 На сферы прекрасныя,
 И словомъ зиждительнымъ
 Громаду вселенныя
 Воззвалъ изъ небышій.
 О! образъ Божественный
 Небесный благосши!

Монархъ! прими мой шрудъ
 Съ улыбкой небесною,
 Вдыхающей пѣсней духъ,
 Творящей пѣнцами,
 Съ улыбкою, свойственной
 Царю лишь Великому,
 Кошорый наполнилъ свѣтъ,
 Всю сферу подлунную
 Геройскихъ дѣлъ звуками,
 Кошорый, при помощи
 Всезрящаго Промысла,
 Сразилъ кровожадное
 Вселенной чудовище,
 Подобною славою
 Сіявшій, и варварамъ
 Опидсшившій за горькій пѣлъ,
 За слезы всей Греціи,
 (Знашь было суждено ей
 Лишь слезы горючія),
 Тебѣ сомнительный Царь,
 Омра любилъ чашать,
 Ахиллу завидовалъ,
 Ишо сей былъ воозитъ цѣвномъ,
 Безсмертнымъ, бодешвеннымъ,
 Премудростью славная,
 Фелица Державная,
 Кошорья память намъ
 Пребудешь священнойю,
 И кой спезими Ты
 Поялся намъ шешивовашъ,
 Фелица досуга въ часъ,
 И отдыха сладбаго
 Ошь дѣлъ Государшвенныхъ,

Отъ бремени тяжкаго,
 Плылася Державинымъ,
 Была его Музою.
 Счастливымъ, безсмертнымъ Бардъ!
 Ты ею вдыхаешь былъ,
 Ты гласу вопиалъ ея,
 Улыбку ты зрѣлъ ея,
 Такъ дивно ль, что пѣсни Ты
 Оставилъ безсмертныя,
 Въ которыхъ Славяновъ родъ
 И градъ преживешь Петровъ,
 Какъ перелетъ Грецію
 И пышный Минервинъ градъ
 Царь пѣсней Омиръ слышитъ.
 Но имъ, Монархъ, Твое
 Гласъ развѣ невзвучный мой
 Спасенъ отъ забвенія;
 И въ нашихъ отъ правнукахъ,
 Какъ арфы звукъ сладостный,
 Раздастся хвалою Твоею
 Нельсшавой и праведной.

Скажу несколько словъ о кончинѣ Н. О.
 Причиною преждевременной смерти его была
 геморроидальная болѣзнь, которою онъ давно
 уже спрдавалъ, подъ конецъ усилившаяся до
 крайней степени; а склонность его къ уеди-
 ненію, которую болѣзнь усугубляла, въ по-
 слѣдніе годы жизни, можно сказать, превра-
 щилась въ опшельничество; наконецъ ему
 наскучили люди, наскучила самая жизнь,
 и мрачныя мысли всегда, какъ осенніе шу-

жаны , распустились на челѣ его ; вѣпоща
опнечашокъ уныніа и скорби видѣвъ въ по-
сѣднихъ его сочиненіяхъ , изъ коихъ для
примѣра поману : *Преложеніе Псалмовъ*
Давидовыхъ ; изліяніе горестнаго сердца :
Боже, Боже мой сонми, вскую оставилъ
мя еси ; молитва нищаго : *Господи услыши*
молитву мою и вопль мой къ тебѣ да
приндетъ ; Плачь Іереміи и другія подобныя.
Въ послѣдніе его годы знакомые замѣчали ,
что онъ , какъ бы упомянутый здѣшней
жизнію ; желалъ чего-то не земнаго . И такъ
вошъ еще печальный опытъ къ числу мно-
гихъ , подтверждающихъ шу истину , что
человѣкъ созданъ для общества ; что для не-
го и радости погда шолько имѣюшъ цѣну ,
когда онъ не одинъ ими наслаждается , и горе
сносѣе , когда можешъ дваншъ его по по-
ламъ ; а одиночество естъ удѣлъ гроба ! Поль-
зовавшись въ Коспромѣ , и не видя себѣ об-
легченія , Н. Ѳ. не сшалъ наконецъ принимашъ
лекарствъ и на убѣжденія докшоровъ , на со-
вѣшъ друзей опивчалъ : *оставте! я лучше*
знаю; я уже не земной, а небесной ; и двѣ-
ствишельно , онъ занялся единшвенно Хри-
стіанскимъ приготошвеніемъ къ вѣчности ;
сподобился всѣхъ шаинствъ , кошорыми Свя-
шая Церковь напушсшвенъ чадъ своихъ
въ горнее отечество . Извѣщенъ будучи объ

опасности его положенія, поспѣшилъ я къ нему изъ деревни, и къ несчастью, заспалъ только послѣдній день его жизни. Передъ вечеромъ онъ попросилъ меня, позвать Духовнаго Ошца, чшобъ въ роковую минушу разлученія съ жизнью, соединишься съ Искушелемъ чрезъ Свяшѣйшее его таинство; вскорѣ послѣ приобщенія, пишо скончался на рукахъ моихъ. Родные и знакомые, почтили память его присущствіемъ своимъ при выносъ и оппѣваніи шѣла его, равно и Учительи здѣшней Гимназіи, ошдали ему послѣдній долгъ, какъ преждебывшему ихъ начальнику.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

А. М. Р — и у.

Въ объшахъ сердца постоянный,
Ты любишь двѣхъ, — счастливы пи,
Когда прочтешь ошвѣтъ желанный
Во взортъ юной красомы!....
Она невинная, какъ радость
Безпечныхъ юношескихъ дней.

Тебѣ вливаешь въ душу сладость
 Огнемъ пльнишельныхъ очей!...
 Ты знаешь, юноша счастливый!
 Однѣ лишь радости любви —
 И дни весны швоей игривой
 Текутъ, какъ свѣшмая струя!
 И я, мой другъ! когда-то нѣжно
 Любилъ неопытной душой;
 Но былъ печаленъ жребій мой
 Въ порывахъ спрасши безнадежной!...
 Я шайной ласки не встрѣчалъ
 Въ очахъ красавицы безпечной
 И вмѣсто радости сердечной
 Одно волценье испышалъ!...
 Судьбой угрюмой недовольный,
 Забывъ спраданія мои,
 Я промѣнялъ на хмѣль зашпольный
 Похмѣлье сладкое любви!...
 Теперь покоенъ — не шоскую,
 Въ пирахъ гублю мою весну;
 Но иногда красу младую,
 Наполнивъ чашу круговую,
 Невольно сердцежъ вспомяну!...

В. Астафьевъ.

8 Февр. 1827.

Н о ч ь.

(*Отрывокъ изъ Повѣсти: Изгнанникъ.*)

Спрунхся Донъ въ своихъ брегахъ ;
 Зашихло бури волнованье ; —
 И отражается въ волнахъ
 Луны безцвѣтное мерцанье ;
 Вдали за рощей въковой
 Мельбаешъ быстрая зарница ;
 Уже покоишся саница
 И лаешъ песь сшорожевой ;
 Вошь полночь... шишина глухая ;
 Едва порхаюшь въшерки....
 На берегу полна шоски
 Сидишь Казачка молодая.
 Все спишь... Но сонъ ея очей
 Ошяжелъвшихъ не смыкаетъ!...
 Давно, давно во шьмѣ ночей
 Она груспишь, она вздыхаешъ!...
 Ахъ! ни кому ея ушпа
 Тоску души не довѣряли,
 И увидаешъ ошь печали
 Дъвицы юной красота!...
 Увы! какъ шяжко безъ признанья,
 Печали въ сердць подавишь —
 И не имъшь, кто бь могъ шраданья
 Поняшь душой и раздѣлишь!...

„Лешишь въ борьбѣ съ судьбою гнѣвной
 Моя унылая весна!...

Ахъ! не для радости душевной,

Я для печали рождена!...
 Увы! шоска лежишь глубоко
 Въ душѣ младенческой моей!...
 И на зарѣ прекрасныхъ дней,
 Я увядаю одиноко,
 Какъ цвѣшь весенній средь полей!...
 О, дайше мнѣ, еще мгновенье
 Извѣдашь жизни наслажденье,
 Узнашь отраду бышя!...
 И пустьъ возьметъ меня могила ..
 Мнѣ горько жить!...“ Такъ говорила
 Рыдая дѣвица моя...

В. Астафьевъ.

1826.

Москва.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

I.

А Л Ж И Р Ъ.

(*Окончаніе.*)

Алжирское Государство раздѣляется на три провинціи, на западѣ Оранъ, въ срединахъ Тимшерія, на востокъ Константина. Каждую изъ нихъ управляетъ Бей, называе-

мый Деемъ. Эти чиновники также самовластные въ своихъ провинціяхъ, какъ Государь ихъ во всемъ Королевствѣ. Имъ предписано собирать налоги, являться каждыя три года въ мѣстопробываніе Правительсва, гдѣ они должны дѣлать значительные подарки всемъ знаннымъ чиновникамъ, если хотяшь сохранить мѣста свои. „Я слышала ошъ вѣрныхъ людей, говоришь нашъ авторъ, что эна повѣзка спосишь Беймъ Оранскому и Конспаншинскому не менѣе трехъ сошь тысячъ долларовъ. Въ эсихъ случаяхъ они должны дѣлать всемъ чиновникамъ подарки, соотвѣтственные ихъ званію и важности. Не меньшая часть сихъ огромныхъ контрибуцій входитъ также въ Государственную казну.“ Эшо объясняетъ, ошъ чего Бей принуждены шакъ грабить народъ, которымъ управляютъ; ошъ эшого зависитъ продолжительность ихъ власши, и на эшомъ основывающа правила сего Правительсва, начиная съ Дея и до самаго послѣдняго чиновника.

То, какимъ образомъ власшь передается и продолжается въ Алжиръ, представляетъ весьма замѣчательную особенность. По постоянному и рѣдко нарушаемому обыкновенію, въ Дея выбираютъ важнѣйшихъ чиновниковъ изъ иностранцевъ, записанныхъ

въ Янычары. Желаніе передать власть своимъ наследникамъ и возвысить свою фамилію, желаніе споль сильное во всѣ вѣки и эпохи, и кошорое можно почипашь соединеннымъ съ природою челоувѣка, для нихъ совершенно чуждо. Власть, коєю пользовался отецъ, ни сколько не имѣеть вліянія на судьбу дѣшей его. Милліонъ пуземныхъ жителей уже приспа льшь спокойно покоряется нѣсколькимъ чужеземцамъ, Туркамъ или Ренегатамъ, обору Восточныхъ народовъ. Число сихъ иностранцевъ проспирается нынѣ въ Алжирь до чепырехъ шысячъ челоувѣкъ.

„Правительсшво содержашь въ Констаншинополѣ и Смирнѣ Агеншвы, копорые набираюшъ рекрушъ и нанимаюшъ ко-рабли, на коихъ перевозяшъ ихъ въ Алжирь. По прибышій своемъ, эши рекрушы по праву спановяшся солдатами и получаюшъ названіе Янычарь; имъ назначаюшъ для жительства одну изъ казармъ гарнизона, къ кошорому они и принадлежашъ, какова бы ни была въ послѣдствіи судьба ихъ. Если они не получаютъ по какимъ нибудь счастливымъ обспоятельствамъ власти въ Правительсшвѣ, то поступаюшъ по старшинству на самый большій Янычарскій окладъ, и наконецъ спановяшся Членами Дивана и

получающъ выгодную должность, какъ бы ни были они глупы.

Жалованье Янычаръ пошчасъ по прибытїи ихъ съ Востока составляетъ не болѣе доллара въ мѣсяць, но оно увеличивается по мѣрѣ ихъ служенїа и доходитъ до осьми долларовъ, что составляетъ высшїй окладъ; однако же въ послѣднее время Деи еще увеличили оный, желая приобрѣсть любовь Янычаръ. Корпусъ, такимъ образомъ составленный, всегда бываетъ орудїемъ переворошовъ. Сверхъ того получающъ они по два фунта хлѣба на день. Холодные Янычары живутъ въ обширныхъ и покойныхъ казармахъ. Они обязаны одѣваться сами и Правительствомъ доставляеть имъ за довольно умеренную цѣну оружіе и аммуницію. У всякаго Янычара, по крайней мѣрѣ пара пистолетовъ, сабля, кинжалъ и ружье, столь богатыя, сколько что позволяеть его состояніе: въ этомъ костюмѣ онъ довольно похожъ на бубноваго ходопа.“

Изъ сего класса выбираютъ Деи и всѣхъ главныхъ Государственныхъ чиновниковъ.

Оспальная часть войска, состоящая изъ пуземцевъ и Турокъ, простирается до пятнадцати тысячъ, распределена по всему Государству и особенно занимается сбо-

ромъ налоговъ. Образованіе сего войска, со-
всѣмъ различное отъ образованія Янычаръ,
весьма несовершенно. Морскія силы состо-
яшъ изъ трехъ фрегатовъ, двухъ корветовъ,
двухъ бриговъ, пяти галей, одной пола-
кры и одной шебеки; всего четырнадцать
судовъ.

Г. Шалеръ рассказываетъ слѣдующій
анекдотъ, какъ примѣръ переменъ счастья,
кошорья по образу сего правленія происхо-
дяшъ часто:

„Черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ мо-
емъ въ сію страну, явился ко мнѣ старый
Турокъ, выдававшій себя за Райса или мор-
скаго Кашишана. Онъ говорилъ, что ѣздилъ
съ Коммодоромъ Бренбриджемъ изъ Алжира
въ Константинополь, и принадлежалъ къ
Посольству, кошорое сей офицеръ отпра-
вилъ въ столицу Опшманской Порты.
Онъ показывалъ величайшую привязанность
къ нашему соотечественнику, и я подумалъ
было, что онъ пришелъ только за тѣмъ,
чтобы узнать объ его здоровьи. Но уходя
отъ меня, онъ сказалъ, что теперь очень
несчастливъ, живетъ безъ должности и про-
силъ у меня взаймы доллара, кошорый я
сей часъ и далъ ему, говоря, что я всегда
готовъ къ его услугамъ, какъ скоро онъ бу-
дешъ имѣть во мнѣ нужду. Я послѣ часно

вспрѣчалъ его у людей, у кошорыхъ бывалъ по должности, и онъ съ большимъ уваженіемъ иногда подходилъ ко мнѣ и подчивалъ меня шабакомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, его сдѣлали *кезанегіемъ* или первымъ Миниспромъ, мѣсто, кошорое приносишь ему по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ долларовъ дохода. Ему теперь девяносто лѣтъ.

„Торговля Соединенныхъ Штатовъ, почти при самомъ своемъ рожденіи, много терпѣла уже отъ Алжирцевъ. Вѣрные правила своему бытъ въ непрерывной войнѣ со всѣми Государствами, кошорыя не покупающъ мира, пираты сѣи объявили намъ войну пошчасъ по признаніи Европейскими Державами нашей независимости. Въ Іюль 1785 года, корсары взяли и опвели въ Алжиръ два Американскія купеческія судна, одно подъ начальствомъ Капитана Спевенса, а другое Капитана О'Брина; офицеры и экипажъ, въ числѣ двадцаши одного человека, были проданы, какъ невольники. Въ послѣдующія десять лѣтъ, торговля наша не терпѣла болѣе отъ Алжирцевъ: они были тогда въ войнѣ съ Португальцами, коихъ корабли крейсировали въ Дарданеллахъ и не позволяли имъ выходить въ Атлантическій Океанъ. Тогда Правительство Соеди-

ненных Шпашовъ нѣсколько разъ старалось освободить несчастныхъ нашихъ соотечественниковъ, но тщетно; потому что Алжирцы требовали за двадцать одного человека не менѣе 59,400 долларовъ. Пытались возобновить переговоры посредствомъ Общества, составившагося въ Парижѣ для выкупа невольниковъ. Это также не помогло, и восемь лѣтъ дѣло сіе обшавалось неоконченнымъ.

„Въ 1793 году положеніе дѣлъ перемѣнилось; перемиріе, заключенное между Португалією и Алжиромъ, дозволило корсарамъ вышши въ Атлантическое море, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они взяли одиннадцать Американскихъ кораблей со сорока девятью людьми офицеровъ и матросовъ, которые отданы были въ рабство. Весь народъ оказывалъ живѣйшее участіе въ судьбѣ сихъ несчастныхъ, почему начали дѣятельно стараться заключить съ Алжирцами миръ. Но обстоятельство не могли быть благоприятныя тогдашняго. Прекращеніе войны съ Португалією, и миръ со многими другими Державами, заслабляли корсаровъ пребывавъ въ бездѣйствіи. Братъ Шведскаго Консула въ Алжирѣ писалъ къ одному изъ нашихъ агентовъ, который спрашивалъ его по сему предмету, слѣдую-

щее : „Дей объявилъ мнѣ, что выгода его никакъ не позволишь ему принять вашихъ предложеній, если бы могли дать ему милліоны. Что же мнѣ дѣлать съ моими корсарами, если я буду въ мирѣ со всеми Государствами? Имъ нечего будешь брать, такъ они возьмутъ мою голову; имъ надобно же чѣмъ нибудь жить, а дохода у нихъ мало.“ Однако же въ Сенсѣбрѣ 1795 года заключили договоръ, который по обстоятельству былъ необходимъ, но не менѣе того для насъ постыденъ. Соединенные Штаты обязались уплатить Регенсшву за миръ и за выкупъ плѣнныхъ семь сотъ тысячъ долларовъ, и ежегодно платить дань морскими и боевыми припасами, цѣною въ 70,000 долларовъ.

Трудность достать денегъ не позволила исполнить договоръ такъ скоро, какъ Дей ожидалъ. Онъ думалъ, что мы нарочно медлимъ, показывая чрезвычайное неперпѣнне и грозилъ снова начать войну. Въ этой крайности агенты наши принуждены были предложить ему, отъ имени Правительсва, въ подарокъ фрегатъ, ежели онъ отсрочить уплату долга еще на три мѣсяца. Онъ на это согласился, и до истеченія срока деньги были привезены. Такимъ образомъ заключенъ былъ сей миръ, который сполна

намъ всего слишкомъ милліонъ долларовъ, и на долгое время сдѣлалъ насъ данниками орды морскихъ разбойниковъ.

Миръ сей существовалъ до 1812 года. Въ это время Дей, по полиптикъ своей, нашелъ нужнымъ его нарушить и началъ непріязненные дѣйствія, кошорья, говоритъ Г. Шалеръ, навлекли на Алжиръ несчастія, какихъ онъ никогда не видывалъ, и коихъ послѣдствіемъ будетъ испребленіе морскаго разбойничества.

Время, выбранное Деємъ для нарушенія мира, придавало этому поступку видъ давно обдуманнаго нападенія. Въ Іюль 1812 году Американское судно *Аллениджъ*, привезшее ежегодную дань, прибыло въ Алжиръ; его приняли съ изъявленіемъ большаго удовольствія, и припасы начали уже выгружать, когда Дей вздумалъ осмошрѣшь грузъ. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не нашелъ того количества пороха и канашовъ, кошораго будшо бы пребовалъ, и чрезвычайно сердился, когда узналъ, что этошо же корабль ошвозилъ назначенныя въ Марокъ пушки, и выгрузилъ ихъ въ Гибралтаръ вмѣстѣ съ другими вещами, принадлежащими частнымъ людямъ. Онъ говорилъ, что это оскорбленіе его особѣ.

„Посему онъ приказалъ Консулу упла-
 шить дань деньгами или выхашъ изъ Ре-
 геншства къ 15 Юля со своимъ семействомъ
 и всѣми Американцами, которые тогда тамъ
 находились, угрожая, въ случаѣ замедленія,
 опдашь ихъ въ неволю и конфисковашъ суд-
 но. Напрасно Консуль прошесповалъ про-
 шивъ сиѣхъ несправедливыхъ поступковъ,
 какъ шого шребовали честь и выгоды его
 ошечества; онъ принужденъ былъ выхашъ
 въ назначенный день. Въ Септябрѣ шого же
 года, корсары взяли и опвели въ Алжирѣ
 небольшой Американскій бригъ, на кошо-
 ромъ было экипажа шолько одиннадцать
 человекъ. Эшотъ призъ, ничего незначащій
 для Регеншства, былъ единшвеннымъ пло-
 домъ войны, объявленной съ шакимъ высо-
 комѣриемъ, и опъ которой оно ожидало са-
 мыхъ блишпашельныхъ успѣховъ. Въ слѣдую-
 щемъ году Американское Правительштво
 спаралось выкупить плѣнниковъ, но пред-
 ложенія его были опвергнушы: Регеншство
 объявило, что невольники нашей нащии вы-
 ше всякаго денежнаго выкупа.

„Въ продолженіе войны съ Англичанами,
 Конгрессъ не могъ обращашъ большаго вни-
 манія на оскорбленія Алжирцевъ; но какъ
 скоро рашификація Геншскаго договора воз-
 врашила намъ миръ, шощасъ приняшы бы-

ли самыя дѣйствительныя мѣры для начатія съ ними войны рѣшительной. Нельзя было согласишься плашше еще долѣе дань поспыдную; въ Средиземное Море послали эскадру подъ начальствомъ Капишановъ Бенбриджа и Декашора, кошорые, вмѣстѣ съ Г. Шалеромъ, назначены были Коммисарами для заключенія новаго договора. Первое опдѣленіе сей эскадры, на кошоромъ находилась и Г. Шалеръ, вышло изъ Нью-Йорка въ Маѣ 1815 года. Едва прибывъ въ Средиземное море, оно взяло фрегатъ и бригъ, чрезъ нѣсколько дней явилось предъ Алжиромъ, и оба Коммисара послали шуда условія, на кошорыхъ имъ дозволено было вступитъ въ переговоры. Корсары были тогда въ морѣ; видъ нашей эскадры и спрахъ, внушенный недавними нашими успѣхами, произвели такое впечатлѣніе, что условія приняты были безъ малѣйшаго затрудненія. Съ этого времени дань была уничтожена, и Американское Правительство находится теперь въ такомъ же отношеніи къ Регенспиву, какъ Государства самыя благопріятствуемыя. Фрегатъ и бригъ, кошорые прежде взяли, были возвращены Дею.

По заключеніи сего договора, Г. Шалеръ пріѣхалъ въ Алжиръ въ качествѣ Американскаго Генеральнаго Консула; мѣсто,

которое занимаетъ онъ и понынѣ. Вскорѣ послѣ того Дей, вѣроятно, по внушенію какой нибудь Европейской Державы, былъ, кажешся, расположенъ снова начать непризнанныя дѣйствія; но благоразуміе Консула предупредило эпошъ разрывъ, и миръ съ шѣхъ поръ никогда нарушаемъ не былъ. Между шѣхъ нынѣшня полишика Европейскихъ Государствъ заславляешъ Американцевъ безпрестанно содержащъ въ Средиземномъ Морѣ эскадру, которая бы могла напоминать Алжирцамъ, что если они снова примущя за разбойничество, то будутъ примѣрнымъ образомъ наказаны.

Въ 1816 году Алжиръ былъ бомбардированъ соединенною Англо-Голландскою эскадрою подъ начальствомъ Лорда Эксмута, и миръ заключенъ былъ на условіяхъ, назначенныхъ симъ Адмираломъ; одною изъ первыхъ кондицій было уничтоженіе навсегда рабства для всѣхъ Христіанскихъ народовъ. Каковы бы ни были послѣдствія сего договора, но по нынѣшнему состоянію просвѣщенія должно думать, что морское разбойничество долго не возобновится.

Третья глава сочиненія Г. Шалера посвящена топографіи Алжира, и почностію и занимательностію подробностей вполне соотвѣтствуетъ ожиданію, которое еше-

свенно должно возбуждать долговременное пребываніе Автора на мѣспѣ, и наблюдашелей духъ, кошорымъ одаренъ онъ.

Алжиръ построень на склонѣ холма, кошорый ошъ берега посшепенно возвышается; дома его, выкрашенныя однообразно бѣлою краскою, предшавляющъ въ морѣ видъ величественный и живописный. Городъ окруженъ высокою стѣною, улицы узки и дома съ перассаами по восшочному обыкновенію. Поршъ шакъ хорошо укрѣпленъ, чшо неблагоразумно было бы ашаковать его шолько съ моря, и онъ еще болѣе укрѣпленъ, со времени нападенія Лорда Эксмуса. Крѣпкая цитадель, называемая Казанбою, владычествуетъ надъ моремъ и башшарейми.

Докторъ Шау полагаешъ народонаселеніе Алжира во шшо тысячъ душъ; другіе Писатели говорятъ, чшо оно нѣсколько больше, но нашъ Авторъ ушверждаетъ, чшо оно не превышаетъ пятидесяти тысячъ. Публичныя зданія состояшъ изъ десяти мечетей, прехъ школъ, пяти мѣспѣ для заключенія преступниковъ, осужденныхъ на галеры; казармъ, базаровъ и дворца, въ кошоромъ прежде жили Деи. Городомъ управляющъ не шѣ чиновники, кошорые составляютъ Правительство. Они всегда избира-

юпся изъ туземцевъ. Авторъ чрезвычайно хвалишь это муниципальное управление. Эти похвалы, кажешся, прошиворъчаютъ общепринятымъ идеямъ о ширании Турокъ; но Г. Шалеръ тщательнo ошличаетъ сихъ послѣднихъ отъ Алжирцевъ собственно такъ называемыхъ, у которыхъ онъ нашелъ столько же учтивости, какъ умѣнья жить и чело-вѣколюбія. Онъ особенно хвалишь ихъ върошериность: хотя они суевѣрны и весьма привязаны къ своему въроисповѣданію, но никогда не пришвсняютъ людей другой религіи.

Нѣкоторыя особенныя обстоятельство, вмѣстѣ съ образомъ правленія, производяшь безопасность собственности въ Алжирѣ.

„Непрерывное благоденствіе сей страны и брачныя связи между Турками и туземцами, должны были имѣть послѣдствіемъ накопленіе огромныхъ богатствъ въ рукахъ нѣкоторыхъ семействъ. Такимъ образомъ власть исключительно поручается Туркамъ, а богашства, ими накапливаемые, нечувствительнo переходяшь къ туземцамъ, которые не могутъ достигать важныхъ должностей; не подвержены вліянію политическихъ переворошовъ, и пошому наслаждаюпся своею собственностію столько же спокойно, какъ жили всѣхъ другихъ Государствъ; по это-

му Алжиръ, можешь бышь, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ наличными деньгами. Недавно умерла вдова Ахмеша Паши, и говоряшь, что она оставила нѣскольکو милліоновъ долларовъ наслѣдства. Наслѣдники Мусшафы Паши владѣють въ городѣ и въ окрестностяхъ имѣніями, кошорыя стояють болѣе полумилліона долларовъ. Оба сїи Дея были публично казнены.“

Изъ описанія тамошнихъ обычаевъ, мы приведемъ то, что говоришь Г. Шалеръ о бракахъ:

„Женщины высшихъ классовъ выходятъ рѣдко, или лучше сказашь не выходятъ никогда. Хотя прелести ихъ сїюшь только въ уединеніи, но жалобы мужей подають понятіе о ихъ склонности къ роскоши и нарядамъ, и заставляють думашъ, что онѣ пихими и непримѣнными средсвами пригошовляють переворотъ, который долженъ возвратишь имъ всѣ права ихъ.“

„Не многіе Алжирцы пользуютя закономъ, кошорый дозволяетъ имъ имѣшь по нѣскольку женъ; почти всѣ довольствуються одною, но при томъ держашъ нѣскольکو черныхъ невольницъ, смотря по своему состоянію и богатству. Условія брака въ Алжирѣ почти такія же, какъ и въ другихъ Мусульманскихъ земляхъ; но образъ правде-

нія и положеніе высшихъ классовъ народа улучшили сословіе женщинъ. Разумѣется, что богатая наследница, какихъ въ Алжирѣ много, не покорится безъ ограниченія приходамъ варвара, за котораго выходишь замужъ. Обыкновенно поспановляюшь условія, которыя дѣлаюшь ее почти равною съ мужемъ, или по крайней мѣрѣ защищаюшь ее отъ супружескаго тиранства. Нужно ли присовокуплять, что прекрасный полъ имѣеть счастливый даръ нечувствительно увеличивають свои выгоды? Посему Мавришанскія дамы бываюшь болѣе невольницами обычая и приличій, нежели мужей своихъ.

Браки обыкновенно пригошовляюцца и заключаюцца маферами будущихъ супруговъ, которыя въ Алжирѣ имѣюшь случай часто видѣться между собою или дома, или въ публичныхъ баняхъ, которыя по полудни посвящены однѣмъ имъ. Въ высшихъ классахъ, свадьбу празднують однѣ женщины; родственницы и пріятельницы обоихъ семействъ собираюцца, нѣсколько дней сряду предаюцца веселостямъ, и наконецъ выгоняюшь мужчинъ изъ дому, или заспавляюшь ихъ спрашався въ какой нибудь уголь, откуда они не могушь ни показывався, ни видѣть веселящейся шопы.

Мы говорили, что въ Алжирѣ есть школы. Это родъ Семинарій, назначенныхъ для обученія Имановъ въ мечетяхъ и Учительскихъ, которые проповѣдуютъ народу. Въ похвалу Алжирцевъ надобно прибавить, что одна изъ сихъ школъ посвящена единственно кабиямъ, или жителямъ внутреннихъ земель, которые составляютъ здѣсь классъ земледѣльцевъ и слугъ. Впрочемъ, такъ какъ познаніе Корана составляетъ въ Алжирѣ всю ученость, и шипографія вещь чрезвычайно рѣдкая вездѣ, гдѣ поклоняются Магомету; то разумѣется, что успѣхи воспитанія не слишкомъ велики.

Есть, однако же, множество публичныхъ школъ, въ которыхъ дѣтей пяши и шести лѣтъ и старѣе учатъ читать и писать. Метода, неизмѣнно употребляемая въ сей странѣ, заставляетъ меня думать, что отъ нее происходитъ наше взаимное обученіе. У каждаго ребенка по доскѣ, на которой онъ пишетъ мѣломъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ стихъ изъ Корана, а другіе его списываютъ и подкупаютъ другъ другу смыслъ текста и образованіе лихеръ. Пошомъ эти уроки повторяютъ учитель, который сидитъ поджавъ ноги въ углу съ длинною палочкою въ рукахъ, для сохраненія порядка и подчиненности. Когда уче-

никъ хорошо уже умѣешь чинать и писать Коранъ, профессоръ оканчиваетъ курсъ, научая его молиться. Плата за ученье въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно умѣренна. Для дѣвушекъ есть особая училища сего рода, содержимыя женщинами.“

Въ Алжирѣ живущъ около пяти тысячъ Жидовъ, кошорыхъ судьба совсѣмъ не завидна.

Въ отношеніи гражданскомъ, они управляются по своимъ собственнымъ законамъ, а начальствуешь надъ ними чиновникъ, избираемый изъ ихъ же народа Пашею. Какъ подданнымъ Алжирскаго Правительсва, имъ дозволяется ѣздить куда хошь, жить гдѣ угодно и занимать всякими промыслами, непрошивнымъ закону. Они не могутъ быть обращены въ рабство, но платятъ поголовную подать и двойную пошлину за привозимые изъ чужихъ краевъ товары. Большая часть золотыхъ дѣлъ мастеровъ, всѣ маклера, всѣ мѣнялы и работники, употребляемые на монетномъ дворѣ, принадлежатъ къ сему классу народа.

Но они, какъ Жиды, не могутъ быть назначаемы въ публичныя должности, а сверхъ того подвержены множеству притѣсненій. Напримѣръ, имъ не позволено защищаться отъ нападений и насилія Му-

судьманина; запрещено ѳздишь верхомъ и носишь всякаго рода оружіе, даже и просшь. Плашье ихъ должно бышь всегда черное или шемное. Изъ городскихъ воротъ могутъ они выходишь безъ особеннаго позволенія шолько по Средамъ и Субботамъ, а ежели надобно произвешъ какую нибудь шрудную и насильшвенную работу, шо для эшого упошребляюшь ихъ. Въ 1815 году саранча опушшила землю и пошла расшенія; во все время, пока она лешъла, многія сошни Жидовъ принуждены были день и ночь предохраняшь опъ нея сады Паши.

Нъсколько разъ при возмушеніяхъ Янычаръ, Жидовъ безнаказанно грабили, и они безпрерывно спрашашся возобновленія подобныхъ явленій. Все существованіе ихъ ешьцьль безпрерывныхъ обидъ и униженій. Но они съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносять жалкую свою участь. Привыкнувъ съ дѣшства къ повиновенію, они, подвергаясь оскорбленіямъ, не дозволяюшь себѣ ни малѣйшаго ропота. Они одни изъ жишелей Алжира, ведя иноспранную переписку, имѣюшь нъкошорое поняпіе о внѣшнихъ происшествіяхъ; и не смотря на жалкое положеніе, подвергая опасности жизнь свою, которой Алжирцы совѣмъ не щадяшь, вмѣшиваюшся во всякаго рода иншриги. Начальникъ ихъ получаешъ

и сохраняешь свое мѣсто не иначе, какъ посредствомъ подарковъ и низкихъ происковъ, и пользуешься своею властію съ пиранствомъ, соотвѣтственнымъ тому, чего стоило ему приобрѣщеніе оной. Во время благоденствія Регенства, многіе Жидовскіе торговые дома скопили большія богатства; но ихъ каждый годъ болѣе и болѣе угнетаютъ, и пошому многіе зашочные купцы совершенно разорились; другіе нашли средства убѣжать въ чужіе края, а Арабы, которые чрезвычайно склонны къ торговлѣ, овладѣваютъ оною во вредъ Жидовъ. Посему судьба ихъ ежеминутно становится будущеннѣе и даже число ихъ каждый день уменьшается.“

Въ Алжирскомъ Государствѣ обитаютъ поколѣнія, когорыя, во многихъ отношеніяхъ, существенно одни отъ другихъ различаются. Значительная часть народонаселенія состоитъ изъ Мавровъ, племени смѣшаннаго, происшедшаго отъ Нумидянъ или Мавританцевъ, отъ Арабовъ, Испанцевъ и Турокъ, когорыя одни за другими занимали эту землю. Не трудно впрочемъ замѣтить, что черты ихъ, совсѣмъ неимѣющія однообразія, сходствуютъ съ чертами сихъ разныхъ народовъ, смотря пошому, какъ прямо отъ нихъ человекъ происхо-

дишь. Другія племена, живущія во внутреннихъ земляхъ, имѣють особенный очеркъ, который они сохранили до нашего времени: таковы Арабы Бедуины, Биспари, Мозаби и Кабили.

Бедуины народъ кочующій; они живутъ въ палаткахъ, пасутъ стада, повинаясь однимъ своимъ Шехамъ, а если правитель волости шягопитъ ихъ своею властію, то они покидаютъ занимаемую ими землю и идутъ искать независимости въ Сахару (*). Биспари, болѣе мирные, живутъ на предѣлахъ степи, признають владычество Регеншства, и говорятъ испорченнымъ Арабскимъ языкомъ. Мозаби, занимающіе землю, лежащую далеко къ югу и внѣ границъ Алжирскихъ владѣній, не признають владычества Регеншства, но ведутъ съ вѣрой спраною обширную торговлю. Нѣсколько человекъ изъ сего поколѣнія поселились въ самомъ Королевствѣ и имѣють привилегію особеннаго торгова. Чиновникъ изъ ихъ народа служитъ имъ Консуломъ. Но самое примѣчательное изъ всѣхъ племенъ, живущихъ на сѣверѣ Африки, есть безъ сомнѣнія Кабили или Верберы. Они не

(*) Пространная степь, занимающая весьма значительную часть Африки.

зависяшь ошь Алжирскаго Правительства, живушь въ горахъ и шакъ многочисленны, что могли бы бышь опасными для Регеншсва, если бы не раздѣлялись не множество мелкихъ поколѣній, копорья ведушь между собою непрерывную войну.

Кабилы говорашъ языкомъ, копорый не имѣешъ никакого соотношенія съ нарѣчьемъ другихъ племенъ, и копорому, не безъ причины, приписываютъ весьма древнее происхождение. Его почитаютъ шожесшвеннымъ съ языкомъ Туариновъ, копорые живушь во внушреннихъ частяхъ Ливіи. Ежели эшо, какъ должно думать, справедливо, то изъ сего должно было бы заключишь, что Туарины и Кабилы имѣюшь одно общее происхождение. Г. Шалеръ замѣчаетъ, что эшо нарѣчіе не имѣешъ совершенно никакой аналогіи съ языками Пуническимъ и Арабскимъ, и заключаешъ изъ сего, что сіи жипели говорили онымъ до прибытія эшихъ народовъ въ Африку, и что оно, слѣдшвенно, одно изъ древнѣйшихъ во всемъ мірѣ.

Разсмотрѣніе мнѣній Г. Шалера о будущности сѣверной части Африки, завлекло бы насъ далѣе границъ, копорья мы себѣ предположили. Мы шакже не спанемъ говоришь о выгодахъ, копорья бы могли получишь сіи страны, если бы ихъ заняли и на-

селла Великобританія. Несомнѣнно то, что этой несчастной/ землѣ трудно было бы попастьъ въ руки правителей неискusstвѣ и жаднѣ нынѣшнихъ.

Послѣдняя глава сего сочиненія, какъ мы уже сказали, извлечена изъ Дневника Консула Соединенныхъ Штатовъ въ Алжирѣ, и содержишь въ себѣ весьма важные документы, касающіеся до политическихъ сношеній Регенства въ послѣдніе годы.

— нѣ.

2.

Новѣйшее состояніе Южной Америки.

Извлечено изъ иностраннаго Журнала 1826 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ прежнія Испанскія провинціи въ Южной Америкѣ: Мексика, Колумбія, Ла Плата и Гвашикала, первою морскою и торговою Державою признаны независимыми Государствами, и съ того времени, когда онѣ вступили съ Великобританією и прежде еще съ Соединенными Штатами, такъ какъ и между собою, во взаимныя дружелюбныя и торговыя сношенія; съ тѣхъ поръ политическое и меркантильное состояніе оныхъ сшановишся для Европы

*

съ каждымъ днемъ важнѣе. Южная Америка состоитъ нынѣ изъ 9 независимыхъ Государствъ: 1. Мексики, 2. Гватималы, 3. Колумбіи, 4. Перу, 5. Верхняго Перу, 6. Хили, 7. Ла-Платы, 8. Парагвая и 9. Бразиліи, которыхъ нынѣшнее состояніе до 1827 года здѣсь сѣдуюешь.

Существующія теперь еще Европейскія колоніи: Анжиллы, Британская, Голландская и Французская Гвіана, находятся въ опаснѣйшемъ положеніи, ибо Негры убѣжавшіе изъ плантацій во внутренніе дѣла и горы, составили тамъ независимыя партіи (какъ-то особенно на Гаити) и нерѣдко бываютъ опасны своими нападеніями для сихъ колоній. — Жестокое сопротивленіе помѣщиковъ противъ всѣхъ мѣръ, предлагаемыхъ Англіею для законнаго улучшенія бѣдственнаго состоянія Негровъ-невольниковъ, показываетъ, сколь велика опасность, которую помѣщикъ предполагаетъ, ежели хотя немного освободишь ихъ отъ сего ига; ибо одно сіе можешь только предохранять и дѣйствительно предохраняешь сіи колоніи отъ пожаровъ, разбоевъ и убійства. — Въ 1823 году происходили возмущенія на Гавань, Мариникъ, Ямаикъ и въ Демерари (*); —

(*) Колонія въ Британской Гвіанѣ.

между ими болѣе другихъ были угрожаемы Испанскія Аншиллы, и по сему Испанское Правительство, принявъ въ уваженіе сіе обстоятельство, отправило шуда въ 1825 году вспомогательное войско, а въ 1826 году, корпусъ въ 6000 ч. для защищенія Кубы, ибо въ Колумбіи дѣлали приговоренія для нападенія на Кубу. — Въ Британскихъ колоніяхъ ревностные Миссіонеры, какъ то, священникъ Смишъ въ Демерари, прошивъ воли возмутиль Негровъ своими проповѣдями; ибо сіи думали, что господа ихъ прошивашся Парламентскимъ и Королевскимъ повелѣніямъ, въ которыхъ будто бы объявляется имъ свобода. — Смишна приговорили къ смертной казни, но онъ умеръ въ шемницѣ. Король помиловалъ его. — Признаніе независимости Республики Гаишской, въ разсужденіи Французскаго участка на С. Доминго, послѣдовавшее со стороны Франціи, въ силу Королевскаго повелѣнія отъ 17 Апрѣля 1825 года, даровало вольнымъ Неграмъ и Мулатамъ всѣ права просвѣщеннаго народа. — При семъ Президентъ Бойе повелѣлъ выплащивъ 150,000,000 франковъ, занятыхъ имъ во Франціи, для удовлетворенія убытковъ бывшихъ хозяевъ плантацій на С. Доминго. Торговыми и дипломатическими сношеніями располагають Генеральный Консулъ

и Повѣренный въ дѣлахъ. Французскіе корабли, при приходѣ и отходѣ въ здѣшнихъ гаваняхъ, плащяшь половинную пошлину прошивъ той, какую должны плащяшь другіе народы.

1) *Мексика* съ 1824 года. Республика сія состоить нынѣ изъ 20 провинцій съ Меридою или Юкатаномъ (46,604 кв. м. безъ Indios barbaros, а съ ними 63,000 кв. м. съ 7,000,000 жителями). Къ союзу съ Мексикою приступила и большая часть провинцій Чіаны въ Іюль мѣсяць 1825 года. — Мексиканское союзное Государство, котораго Конгрессъ въ 1826 опять собирався, получило только по казни Ишурбида швердое внутреннее основаніе. — Законъ о конституціи былъ принятъ всеми Правителями провинцій 16 Декабря 1823 года, а съ 4 Октября 1824 года, получила законную силу. — Конгрессъ присягнулъ въ вѣрности Генералу Гваделупу Викторіа, и избралъ его Президентомъ Республики. 5 Октября, Исполнительный Совѣтъ опдалъ опчешъ народу въ своемъ управленіи, а 29 Октября 1824 года объявилъ Конгрессъ свое засѣданіе заключеннымъ, по совершенному и законному уничтоженію постыднаго шорга Неграми. — Съ того дня началось новое правленіе Республикою, сообразное съ новою Конституциею.

цією. — Независимість оной торжественно признана 1-го Января 1825 года Великобританією, по случаю чего и открышы торговля и дипломатическія сношенія между Англією и Мексикою. — Португалія, Королевство Нидерландское, Швеція и Данія также признали Мексику. Даже Франція рѣшилась вступишь въ торговля сношенія съ Мексикою. Въ Мексикѣ опредѣлены были важнѣйшіе торговые агенты (*). — И въ день Св. Карла, въ первый разъ развились Мексиканскій и Колумбійскій флаги въ гаваняхъ Франціи. Папа въ 1825 году, 25 Іюля, написалъ письмо, Главѣ правленія сего независимаго Государства, Президенту Викшорин, въ кошоромъ онъ, какъ Глава Римской Церкви, даетъ ему свое Апостольское благословеніе, и не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, принялъ подъ свое покровительство одни шолько дѣла церковныя сего новаго союзнаго Государства (**). — Испанія одна

(*) Чшо произведено и въ отношеніи къ Колумбію.

(**) Левъ XII написалъ прежде письмо (грамату) Мексиканскому народу, дабы возбудишь его опять поддаться скипетру Фердинанда VII, однако жъ шакое дѣйствіе сдѣлало прошивное вліяніе на народъ; въ слѣдшвіе чего Конгрессъ и объявилъ всенародно,

полько прошивилась досель (Марта 1826 года) представлениямъ Англїи (смотри Каннинговы замѣчанія 25 Марта 1825 года) и совѣту Франціи, признашь независимость Мексики безъ выгодныхъ для нея условій. — Съ того времени лишилась она и послѣдняго пункта, который еще имѣла въ семь Государствъ — крѣпости Санъ-Жуанъ-де-Уладо: храбрый Комендантъ оной Кӧппингеръ, родомъ Ирланецъ, по причинѣ недостатка во всемъ и безъ всякой помощи, со стороны Кубы, принужденъ былъ 18 Ноября 1825 года сдаться на капитуляцію. — Гавань Вера-Круцъ сдѣлалась черезъ то свободною. — О новѣйшемъ состояніи Мексики извѣстно слѣдующее. Войско въ 1825 году простиралось до 62,000, изъ коего 22,000 считалось линійнаго а 40,000 провинціальной милиціи; содержаніе онаго стоило слишкомъ 16,000,000 піасровъ (*). — Морская сила (29 кораблей) умножилась взятіемъ Испанскаго линійнаго корабля Азіи и фрегата Констанца, и также прикупкою новыхъ Шведскихъ кораблей. — Національный долгъ про-

---

что Папа не имѣеть права вмешиваться въ гражданскія дѣла.

(*) Піасръ равняется двумъ гульденамъ, а гульденъ (1827 года) рав. 2½ рубля.

спирался до 44.714,563; неутвержденный до 35,560,917; а недостаюкъ доходовъ прошивъ расходовъ (дефицитъ) до 7,295,994 піаспровъ. По новѣйшимъ опчешамъ Коммисіи Финансовъ, возвысилися доходы до 12,377,371 піаспровъ, а расходы уменьшилися до 10,292,637. Мексика платишь Англіи 6,400,000 фуншовъ стерлинговъ (*). — Ежели существуетъ недоимка по каждое отдѣльное Государство платишь соразмѣрно, для уравненія оной. — Общій доходъ съ горнаго промысла, копорый до революціи состоялъ изъ 12,000,000 долларовъ (**) серебра и 1,000,000 долларовъ золота, въ 1822 году уменьшился въ цѣнѣ до 5,543,284 долларовъ. — Для споспѣшествованія сухопутной торговль, между Мексикою и Соединенными Штатами учреждены иждивеніемъ обоихъ Правительствъ повсюду большія дороги. —

2) *Гватимала* избрала также Сѣверо-Американскій Союзъ образцемъ для своего управленія. — Союзное сіе Государство заключаетъ въ себя со включеніемъ нѣкоторыхъ округовъ Чіапы 6 большихъ провин-

---

(*) Фунтъ стерлинговъ равенъ 10 гульденамъ или 25 рублямъ асс.

(**) Долларъ равенъ піаспру.

цій, изъ коихъ каждая ошдѣльно управляетс-
ся; онѣ суть: Гватимала, Никарагуа, Коста-
рика, Гондурасъ, С. Салвадоръ и Квесаалше-
налго. — 5-го Марша 1825 года откры-
тый Конгресъ Союза, (состоящій изъ Сена-
та съ 12 членами и предшавишельной
Камеры изъ 42 членовъ), имѣеть законо-
дательную власшь, а Президентъ, (Don
Manoel José de Arce) избираемый на три го-
да, заключаешь въ своей особѣ исполнитель-
ную власшь. — Онъ избираешь себя шрехъ
Миниспровъ и сверхъ того имѣешь при се-
бѣ одного народомъ избираемаго, управляю-
щаго Совѣтника. — Капюлическая вѣра
есшь господствующая. — У Капешоновъ (*)
опняшы всѣ преимущества и права. — До-
ходы простираюшся не свыше 3,500,000
гульденовъ, но не смюшря на шо, Гватимала
сдѣлала въ Англии ссуду на 1,428,571 фун-
шовъ стерлинговъ. По бюджету простира-
лись расходы за 1825 годъ до 879,568 пи-
спровъ. — Постояннаго войска съ земскою
милиціею считаешся шолько 15,000. По Ко-
лоніальному закону, Января 1824 года, по-
лучаюшъ иносшранные поселенцы по просъ-

(*) Капешоны, въ Испаніи родившіеся бѣлые, имѣ-
ли исключительный доступъ ко всѣмъ важнѣйшимъ
чинамъ и должностямъ.

бъ полное право гражданства. — Всякому дается 1000 кв. рушенъ (*) земли, и на 20 лѣтъ освобождается отъ всякихъ податей и налоговъ. — Невольникъ, по вспусленіи на землю Республики, дѣлается свободнымъ. — По новѣйшимъ извѣстіямъ, разведеніе кошенниа (прежде только въ Мексиканской провинціи Оаксакъ находившейся) здѣсь чрезвычайное. — Индига (какъ извѣстно, въ Гвасималѣ лучшаго на Земномъ шарѣ) получено въ одной провинціи С. Салвадоръ на 4,000,000 гульденовъ. Изъ золотыхъ рудниковъ получено 1000 марокъ (***) золота. — Правительство совѣнуется нынѣ съ Англичанами и Сѣверо-Американцами о прорытіи канала черезъ озеро Никарагуа, для соединенія Атлантическаго Океана съ Тихимъ Моремъ. — Исполинское намѣреніе! —

3.) *Коломбія.* — Утвержденіе сего независимаго Государства, котораго Правленіе (по Уставу отъ 30 Августа 1821) какъ извѣстно, есть центральное, а не федеративное, не было потрясено ни войною въ Перу, съ великимъ напряженіемъ производимую, ни прехлѣшнимъ ошущствіемъ Президента (въ

(*) Рушенъ рав. 12 фушамъ.

(**) Маркъ рав. 68 червонцамъ.

1825 году, въ шрешій разъ прошивъ воли своей, единогласно избраннаго) Либерташора Боливара. — Вице-Президентъ Саншандеръ отправлялъ его должность. 5-го Апрѣля открылъ Коломбійскій Конгрессъ вторичное свое засѣданіе. — Онъ повелѣлъ сдѣлать новый наборъ войска, дабы съ бдльшимъ напряженіемъ можно было вести войну прошивъ Испаніи, и объявилъ, что беретъ Москисось (*) естъ составная часть Республки. — 20-го Октября 1824 года, заключенъ былъ Конгрессомъ, съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки, дружелюбный навигаціонный и торговый пракшашъ, на взаимномъ равенствѣ основанный, которымъ вмѣстѣ утверждена и свобода мореплаванія. — По закону отъ 25 Іюня 1824 года, Республка раздѣлена на 12 департаментовъ, заключающихъ 37 провинцій и 230 каптоновъ. — Интендантовъ департаментовъ и Губернашоровъ провинцій избираетъ и назначаетъ Президентъ. Засѣданіе Правительсшва, шакъ какъ и собраніе Конгреса, бываетъ въ Боготѣ, доколѣ для сей цѣли не выстроится городъ (***) (который будетъ

(*) Къ югу отъ города Трухило: здѣсь Ангшчашамъ позволено рубить красильныя дѣреша.

(**) Начало оному уже положено.

называвшся Боливарь); впрочемъ въ 1826 году засѣданіе Правительсва было въ Окани. — Поелику Папа, по требованію Испаніи, въ 1823 году не принялъ въ Римъ Коломбійскаго Посланника, и позволилъ ему только въ Чивиль-Веккіи (*) имѣть съ нимъ свиданіе; но посему Республика въ 1824 году и объявила Папу лишеннымъ высшей власти и обнародовала инерпимосшь всѣхъ вѣронсоуданій. — Инквизицію также уничтожили, и судебная власть Еписконовъ ограничивается теперь одними только духовными дѣлами. — Въ ошвѣщъ на Папскую грамоту, Правительсво обнародовало ко всѣмъ Инпенданшамъ циркуляръ, въ которомъ объявлено было, что Члены Коломбійскаго Духовенства, поступающіе по сей Папской грамотѣ, будутъ преданы суду и строго наказаны. — Въ Январь 1826 года собирався снова опять Конгрессъ. — По согласію Великобританіи, находився въ Лондонѣ Коломбійскій Посланникъ М. У. Гуршадо и въ Богошъ Британскій С. Алекс. Кокборнъ. — Первымъ

(*) Уже въ Февраль 1826 года позволилъ Папа сему Коломбійскому Агеншу Г. Тебадо, имѣть у него аудіенцію въ Римѣ.

заклученъ въ 1825 году 18 Апрѣля, торговый трактатъ между Колумбією и Великобританією, по кошорому Колумбійскій Конгрессъ, подъ смершною казнію, запрешилъ торговлю Неграми. — Въ сіе же время, 2 Февраля 1825, послѣдовало изъ Боготы ошъ Президентша Боливара объявленіе ко всѣмъ Американскимъ Государствамъ и къ Бразиліи, чшобы въ концъ сего года 1826, собралъ на общій Конгрессъ въ Панамъ, на кошоромъ Республики, въ войнѣ съ Испанією находящіяся, хотѣли ушвердиль постоянный охраняющій союзъ прошивъ Испаніи, и установиль общее морское и торговое право, основанное на общемъ навигаціонномъ и торговомъ трактатѣ, по правиламъ народнаго права. Доходы Колумбіи просширались въ 1824 году, до 10,611,000, а расходы Государственныя до 11,430,872 гульденовъ. — Колумбія плашиль ежегодно Англіи 405,000 фуншовъ шерлинговъ проценшовъ съ заняшой ею суммы 6,750,000 ф. шерл. Постояннаго войска счишаешся до 35,154. Милиціи до 60,000. — Морская сила сосшояла въ 1825 году изъ 22 военныхъ кораблей, (изъ одного линейнаго корабля, въ Швеціи купленнаго, 2 кораблей 64 пушечныхъ, 3 фрегатовъ и 16 малыхъ кораблей) и 60 пушечныхъ бошовъ. Все впро-

чемъ основывается еще на будущемъ; — но положеніе Государства при двухъ моряхъ съ превосходными гаванями и великими устьями рѣкъ, поддерживаешь такъ счастливо единство и силу центральнаго правленія, что Колумбія вскорѣ содѣлается такою же могущественною сухопутною, какъ и морскою Державою. Уже ея корсары спановящся страшными для Испанскихъ береговъ. Повсюду проводятся большія дороги для способствованія хлѣбопашеству и рудоконству. Англійско-Колумбійское Общество для хлѣбопашества и другихъ общепользныхъ предпріяній, подъ предѣдательствомъ Г. Гуршадо и Члена Парламентскаго Сиръ-Джемса Мекиншоша, привлекаетъ большое число переселенцевъ въ сію прекрасную и плодоносную страну. Съ 1825 года, Англичане болѣе другихъ здѣсь уважаемы. Они недавно дѣлали опыты, вычерпавъ такъ называемое золотое озеро Гуатавиша, въ 4 миляхъ къ сѣверу отъ Богошы, въ которое Индѣйцы (*) при вшорженіи Испанцевъ, бросали все свое золото и драгоценные кам-

---

(*) Собственные природные Американцы, несправедливо такъ называемые.

ни; однако жъ предпріятіе ихъ не было увѣнчано успѣхомъ.

4) *Перу* съ 1823 года. Съ того времени, какъ Генераль Санъ-Маршпнъ изъ шумнаго свѣта сего удалился въ мирную Мендозу, вслѣдствіе въ званіе частнаго человека, Перуанское правленіе было въ водненіи. Независимые удерживали за собою Лиму и берегъ; а Испанскій Вице-Король Лазерна защищалъ Верхній Перу и Куско, помощію Генераловъ Валдеза, Каншерака и Оланешы. Судьба Перу зависѣла оцъ политическаго характера сихъ четырехъ мужей: согласно между собою, могли бы они удержашъ Перу за Испанією, и посему Исторія должна обратиться на нихъ свое вниманіе. Лазерна, Валдезь и Каншеракъ съ примѣрною храбростію оспорились въ войнѣ Испаніи за независимость и свободу, но по возвращеніи Короля, всѣ прое были подозрѣваемы въ вольнодумствѣ; а посему рѣшились въ 1816 году, для избѣжанія большихъ гоненій, удалиться въ Америку. Лазерна находился при осадѣ Сарагосской, подъ начальствомъ Палаfoxа, Подполковникомъ Аршиллеріи, и долгое время былъ въ плѣну во Франціи, гдѣ онъ усовершенствовалъ свое образованіе и перемѣнился въ мысляхъ. Онъ добровольно предложилъ свои

услуги Генералу Абизбалъ въ Американской экспедиціи, и къ удивленію всѣхъ, въ короткое время сдѣланъ былъ полнымъ Генераломъ. Будучи Вице-Королемъ, имѣлъ онъ лучшую волю и неусыпную дѣятельность, но показывалъ нерѣшимость и часто даже боязливость, что самое причиняло большой вредъ Испанскимъ дѣламъ. Валдезъ и послѣ него Каншеракъ имъ совершенно управляли. Но что Лазерна былъ храбрый, неустрашимый и справедливый воинъ, сего никто оспаривать не можешь. Каншеракъ былъ бѣдный дворянинъ, изъ города Бордо, и съ малолѣтства находился въ Испанской службѣ. Его дарованія, глубокія познанія и предприимчивый духъ были всѣми уважаемы, но его честолюбія и непримиримости всѣ спрашилися. Валдезъ, ученикъ Балласпероса, блисталъ своимъ умомъ, мужествомъ и дѣятельностію, но, при многихъ превосходныхъ качествахъ, былъ обладаемъ честолюбіемъ и спрастію къ золоту. Оланза, Бискайскій дворянинъ, уже младенцемъ находился въ Америкѣ, въ Тупизѣ, гдѣ занимался рудокопствомъ и долгое время щепно стремился къ славѣ и золоту. Онъ объявилъ себя прошивъ Индепендентовъ, за Испанію, чтобы сдѣлать что нибудь необыкновенное. Хотя онъ безпрестанно былъ разбиваемъ и

побѣждаемъ, но не смотря на то, Мадридской Дворъ пожаловалъ его Полковникомъ, вскорѣ послѣ сего и полнымъ Генераломъ. Онъ командовалъ однимъ авангардомъ Перуанско-Испанскаго корпуса, и въ 1824 году одержалъ блистательную побѣду надъ Генераломъ Санша-Крузъ. Вмѣстѣ съ нѣмъ собиралъ онъ и несмѣшныя богатства. Конституціонный образъ правленія, введенный Испанію во всѣ колоніи, послужилъ ему только предлогомъ освободиться отъ Вице-Короля Лазерны, отъ Каншерака и Валдеза, и назвать себя истиннымъ защитникомъ Испаніи—распря, подававшая великій успѣхъ дѣламъ Юго-Американскихъ Республикъ. Принужденный на капитуляцію Лазерною, убѣжалъ онъ въ Верхній Перу, собралъ новыя шайки и ими рѣшился воевать противъ Испанскихъ Генераловъ, и, что примѣчательно, все еще во имя Фердинанда VII и даже тогда, когда Лазерна уже возстановилъ опять неограниченную власть Короля! Боливаръ извлекъ изъ сего великую пользу. Наконецъ, когда дѣла Испаніи въ Южной Америкѣ были имъ совершенно испорчены, пуля поразила его въ послѣдней свѣтъ за независимость и свободу съ Королевскою партіею, подъ знаменами Колумбійскаго Генерала Сукре.

Сія послѣдняя брань за независимость и свободу Перу, угрожавшая даже политическому бышю Колумбїи и Буэнос-Айреса, опличалася многими опдѣльными происшествїями, о которыхъ необходимо должно здѣсь упомянуть. Генералы Каншеракъ и Валдезь совершенно разбили Инсургентовъ, подъ предводительствомъ Алворадо, 19 Января 1823 года, въ сбранъ близъ Аррики, а 21 Января близъ Мокуэгка. По извѣстїю о семъ пораженїи въ Лимъ, бывшїй Миниспръ Полициї Д.-Хосе-де-ла-Рива-Агверо овладѣлъ Президентскимъ мѣстомъ Исполнительной власти. Онъ вскорѣ увидѣлъ себя въ необходимости просить вспоможенїя у Республики Колумбїйской, которая и опправила Генерала Сукре съ 3000 корпусомъ тогда, когда уже Королевское войско въ 7000 ч. опправлялось противъ Лимы. По сему Рива-Агверо повелѣлъ Генералу Санша-Крузу опправиться водою въ Арекипо, дабы дѣйствовать въ шель Королевско-Испанской арміи, и перевелъ собранїе Конгреса 18 Юля изъ Лимы въ Каллао. Но когда Генераль Каншеракъ занялъ Лиму, тогда Перуанскїй Конгресъ, прошивъ воли Президента, опправился въ Трухильо и рѣшилъ, что для спасенїя Республики надобно предоставить Генералу

*

Сукре родъ Дикшашуры. Но Президентъ Рива-Агверо сопрошивлялся исполнять шаковой декрешъ, и посему 23 Юня Конгресъ лишилъ его Президентскаго мѣста и осудилъ на изгнаніе. Колумбійскій Генераль, отклоняясь отъ шаковой власти, рѣшился на попышку возстановишь согласіе между враждовавшими парціями, и угрожалъ оставишь Перу, если откроеся междоусобная война, ибо часть Перуанскаго войска находилась на споронѣ Президента, копорый не шолько не повиновался сему декрешу, но и разрушилъ Конгресъ и изъ младшихъ его чиновъ, сославилъ Сенашъ изъ 12 членовъ, объявивъ себя главою онаго. Въмѣстѣ съ шѣмъ повелѣлъ онъ схватишь Министровъ и нѣкошорыхъ Депушашовъ, и заключишь въ шемницу. — Прочіе возвратились въ Каллао, гдѣ они себя объявили неограниченнымъ Конгресомъ, и Маркиза Торресагле (D. José Bernardo Tagle) провозгласили Президентомъ Республики.

Въ сіе время Генераль Каншеракъ принужденъ былъ оставишь Лиму 16 Юля, будучи угрожаемъ съ обонхъ своихъ фланговъ Генералами Санша-Крузъ и Сукре. Конгресъ возвратился оцашъ шуда 6 Августя, между шѣмъ, какъ Рива-Агверо продолжалъ въ Трухильо высшую власть приводишь въ

дѣйствіе. Генераль Сукре двинулся прошивъ Куско, а Санша-Крузъ разбилъ 25 Августа при Тамбульо Генерала Оланешу, въ Верхнемъ Перу, между шѣмъ, какъ Боливаръ самъ, 1-го Сеншября, съ 3000 свѣжаго войска вспунилъ въ Каллао. — Лима встрѣшила Боливара, какъ Государя. — Конгресъ вручилъ ему власшъ пошущишъ гражданскую вражду съ Рива-Агверою, при чемъ Боливаръ написалъ слѣдующее примѣчательное письмо къ Экспрезиденту: „Бонапарше въ Европѣ, Ишурбиде въ Америкѣ, всякой въ своей сферѣ, принадлежащъ къ необыкновеннѣйшимъ явленіямъ новой Исторіи; но не смотря на шо, не избѣгли паденія — слѣдствіе коварной полишки, кошорою они осквернили храмъ Законовъ и свяшосшь правъ общесства. — Вы, Милосшивый Государь, ко всему шому присовокупили еще гнуснѣйшую несправедливосшь прошивъ лица Миниспровъ. Невозможно, чшобы вы могли оспашься равнодушнымъ при всеобщемъ негодованіи, возбужденномъ вашимъ насиліемъ въ Трухильо — это чернѣйшее пашно, на Юго-Американской революціи, и оскорбленіе всѣмъ классамъ правдолюбивыхъ гражданъ.“ — Съ симъ вмѣспіъ предложилъ онъ ему свое примиреніе на благопріятнѣйшихъ условіяхъ, однако жъ безъ права вспунилъ ошашъ въ прежнее досшо-

инспво. — Поелику Рива-Агверо далъ уклонительный отвѣтъ, по Конгрессъ и вручилъ Боливару, въ Октябрѣ 1823 года, высшую военную власть и неограниченное право пещись о потребностяхъ войска и Государства, — онъ наименовалъ его Генераль-Капитаномъ, защитникомъ Республики и Главнымъ Директоромъ войны, съ шипломъ Libertador. — Сіе чрезмѣрное опличіе возбудило честолюбіе нѣкоторыхъ Перуанскихъ офицеровъ, и Рива-Агверо приобрѣлъ многихъ на свою сторону; также приглашалъ онъ къ себѣ изъ Мендозы Генерала Санъ-Маршина, чшобы съ нимъ раздѣлишь верховную власть; но сей, подобно Боливару, отвергнулъ его предложеніе. — Вскорѣ послѣ сего, премьеръ-пѣль Санша-Крузъ нѣсколько пораженій отъ Валдеса и Оланешы при Десагвадеро, особенно 13 и 15 Сентября, ибо онъ слишкомъ далеко проникъ въ шель Лазерны, и слишкомъ раздѣлилъ свое войско; припомъ многіе и лучшіе офицеры его измѣнили ему, и онъ едва только спасся съ небольшимъ отрядомъ конницы. — Теперь Боливаръ соединилъ свое войско, къ коему присоединились въ Октябрѣ еще 1800 ч. Хиліошовъ при Арикъ и между Лимою и Пискою, и отправился съ Колумбійскимъ войскомъ въ Трухильо, гдѣ Рива-Агве-

Гвамангвиллы или Аякухо, гдѣ онъ съ войскомъ своимъ, проспирившимся не болѣе, какъ до 5700 ч. ожидалъ непріятеля, кошорый 9 Декабря съ 9310 ч. и напалъ на Колумбійско-Перуанское войско. Сіе сраженіе при Аякухо (3 Декабря 1824) рѣшило судьбу Южной Америки. Колумбійцы, предводительствуемые Генералами Сукре, 24 лѣтнимъ Генераломъ Кордобою и Генераломъ Ларою, одержали блистательную побѣду. Вице-Король Лазерна и Валдезь оба были ранены и взяты въ плѣнь, 6 Испанскихъ Генераловъ и 2600 в. были ранены и убиты, и Канперакъ еще на бранномъ полѣ подписалъ капитуляцію, по кошорой онъ съ остаткомъ войска слагаетъ оружіе и сдаетъ весь Перу до самаго Десагвадеро (слѣд. и Каллао) Республиканцамъ. Побѣдители лишились одного Генерала, 8 офицеровъ и 300 солдатъ. Впрочемъ Родиль сопротивлялся въ Каллао, и защищалъ сію крѣпость и гавань еще въ началѣ 1826 года. Лазерна, Валдезь и Канперакъ отправились на корабль въ Испанію. По повелѣнію Боливара, сооруженъ на полѣ сраженія, въ воспоминаніе сего незабвеннаго, всею Южною Америкою празднуемаго дня битвы при Аякухо — Юго-Американской Сарашогъ — монументъ

съ именами корпусовъ въ ней сражавшихся, и съ бюшомъ Генерала Антоніо Сукре. Оланема собралъ ошашки Королевскаго войска, около 7000 ч., и защищался еще нѣсколько времени въ Верхнемъ Перу близъ Пошози и Оруро; но въ 1825 году былъ совершенно побѣжденъ Генераломъ Сукре, и Верхній Перу сдѣлался черезъ шо независимымъ. Конгрессъ Перуанскій собрался 10 Февраля 1825 года. Боливаръ сложилъ съ себя дикшапуру и великодушно опказался опъ всѣхъ подарковъ, поднесенныхъ ему Конгрессомъ; однако жъ, по предшавленіямъ Конгреса, что Правленіе еще не ушверждено, принялъ онъ на себя дикшапуру 12 Февраля еще на одинъ годъ; впрочемъ верховную власть раздѣлялъ онъ вмѣстѣ съ управляющимъ Совѣшомъ, подъ предсѣдательствомъ Генерала Сукре. Въ случаѣ войны, грозившей возгорѣться между Бразилією и Ла-Плашою, посшавилъ онъ въ Верхнемъ Перу на границахъ обоихъ Государствъ, охранительное войско подъ начальствомъ Генерала Сукре. Какъ скоро Кадлао, кошораго гавань заперша Перуанскими и Хиліопскими военными кораблями, подъ предводительствомъ Адмирала Гвиза (Guise) будешъ взята, и правленіе Перу, собравшимся 10 Февр. Конгрессомъ будешъ преобразовано, тогда Боливаръ возвратишся опашъ въ Ко-

ро, разбишый Боливаромъ и всѣми оставленный, ошдался 25 Ноября на волю побѣдителя. Боливаръ ошиправиль его въ Гваквилъ на започеніе. — Въ продолженіе сего времени, начершаль Перуанскій Конгресъ въ Лимъ 20 Ноября, сходный съ Северо-Американскимъ и съ Коломбійскимъ, образъ правленія, кошорый однако жъ не имѣлъ еще законнаго дѣйствія, доколь продолжалась Дикшатура Боливара. — Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ничего рѣшишельнаго не предпринимали, ибо Либершаторъ съ 10—12,000 войскомъ, принуждепъ былъ защищать страну (ошь 4 до 300 м. пр.), коей жишели ошступили ошь Коломбійцевъ. — Лазерна, напрошивъ шого, имѣлъ въ Верхнемъ Перу болѣе 20,000 войска, и пришомъ все Перуанцовъ; но и онь не могъ предприняшь ничего важнаго прошивъ Лимы, ибо Генераль Оланеша, по извѣспію о вшорженіи Французскаго войска въ Испанію прошивъ Кадикса, гордясь побѣдою своею надъ Инсургеншами при Орурь, объявилъ себя главою Абсолушисшовъ, и явился прошивникомъ Лазерны. — Лазерна въ 1821 году свергнулъ Вице-Короля Пецуелу, кошораго другъ былъ Оланеша, и провозгласиль въ Перу Констишущію Коршессовъ; съ шѣхъ поръ Оланеша былъ непримиримымъ врагомъ

Лазерны. Сверхъ того оспанавливали продолженіе войны въ 1824 году, договоры Боливара съ Вице-Королемъ, по которымъ независимость Перу должна бысть признана; шакъ какъ и намѣреніе нѣкоторыхъ Роялистскихъ Генераловъ удержашъ венарушимо Конституціонное правленіе въ Перу. — Наконецъ Испанско-Перуанская армія совершенно раздѣлилась. Сѣверное войско, подъ предводительствомъ Каншерака, ошправилось прошивъ Лимы; южное, подъ начальствомъ Валдеза, заняло провинцію Арекипу, а Бригадиръ Д. Антонио Петро Оланеша Пошозу. — Боливаръ же ожидалъ въ Лимѣ подкрѣпленія изъ Коломбіи, ибо одна парсія и самый Президентъ Торрешагле скрышно ему прошиводѣйствовали; вдругъ, 5-го Февраля 1824 года, гарнизонъ Калаоскій, подъ предлогомъ невыдачи жалованья, взбуншовался и 9-го подъ предводительствомъ Полковника Д. Касо-Ирухо, шамъ водрузилъ Испанское знамя и Испанскимъ кораблямъ, запершымъ въ гавани, ошкрыли оную. Въ сей опасносши, Конгресъ, 10 Февраля передалъ неограниченную Дикшашуру Боливару, а Маркизь Торрешагле пересшаль бышь Президентомъ. — Конгресъ закрылъ свое засѣданіе, и 27 Февраля Боливаръ ошавилъ Лиму, которую Каншеракъ

29 Опяшь занялъ. — Торрентаге перешель къ Королевскому знамени и содѣлался Вице-Губернашоромъ. Въ сіе же время, 21 Февраля, Оланеша, во имя самодержавнаго Короля Фердинанда VII, объявилъ себя публично прошивъ Лазерны, Валдеза и Каншерака; напалъ на Генерала Ласъ-Гераса, Губернашора Пошозскаго, и силою овладѣлъ его мѣстомъ. — Съ своей стороны и Лазерна въ Куско и Марша, уничтожилъ Конспишущіонную систему, получивъ извѣстіе о сдачѣ города Кадикса, сложилъ съ себя, въ слѣдствіе Королевскаго декрета изъ Пуершо-Санто-Маріи, должность Вице-Короля, потому что она ему дана во время Правленія Коршесовъ, и провозгласилъ Каншерака, какъ старшаго Генерала, Главнoкомандующимъ Королевскаго войска. — Друзья и приверженцы его согласились на сіе, — непріатели же его шѣмъ болѣе ободрились. Прежде сего еще, 9 Марша, Валдезь опчасши возстановилъ согласіе съ Оланешою, кошорому Лазерна позволилъ ему бышь главнымъ Начальникомъ въ провинціяхъ Харкасъ и Пошози. — Но честолюбивый Оланеша 20 Іюня снова объявилъ себя прошивникомъ Лазерны и его сообщниковъ, кошорыхъ называлъ онъ пресшупниками прошивъ Бога и Короля. — Опъ сего, произошла между родлистами междоусобная война,

въ кошорой Оланепа нѣсколько разъ былъ разбиваемъ, но не покорялся. — Такимъ образомъ Оланепа оказалъ двѣмъ Боливара величайшія услуги, не находясь никогда, какъ думали въ Европѣ, съ нимъ въ пайной связи. Между тѣмъ возвратился Боливаръ въ Трухильо, гдѣ онъ провозгласилъ Д.-Хозе-Санхесъ-Каррiona Министромъ, и опять возстановилъ войско; пѣхоту отдалъ подъ начальство Генералу Сукре; конницу Генералу Никохсъ, а Генерала Санпа-Круза сдѣлалъ Начальникомъ своего Генеральнаго Шшаба. Послѣ сего завлекъ онъ искусственными маршами Генерала Канперака въ равнину Юинь, гдѣ 6 Августа совершенно опразилъ нападеніе главной Испанской конницы. Пошомъ принудилъ онъ непріятеля 26 Августа оставить Лиму; но Генераль Родиль бросился въ крѣпость Каллао. Послѣ многихъ маршей и небольшихъ сшибокъ удалось наконецъ Генералу Канпераку соединиться съ приближавшимся Валдезомъ близъ Лимакуске, въ 25 миляхъ отъ Куско. Сіе вдругъ дало другое направленіе войнѣ. Лазерна (между тѣмъ, какъ Боливаръ въ Лимѣ изъ Панамы собиралъ новыя подкрѣпленія) съ 12 000 войскомъ напалъ на Инсургентовъ 3 Декабря близъ Матары, а Сукре съ пошеркою отступилъ въ выгоднѣйшее положеніе близъ

ломбію. Его постоянный соупшникъ ешь его Генераль-Адьюшанпъ, сынъ Сиръ Роберта Вильсона. Въ память Боливару, Конгресъ велъль выбишь медаль, и конная его спашуя будешъ воздвигнуша въ главномъ городъ. Внутреннее сосшояніе Перуанской Республики мало по малу преобразовываешся. Въ Англии сдълала она заемъ въ 1,816,000 фуншовъ стерлинговъ. Перу для новыхъ Американскихъ Государствъ ешь сердце политическаго шъла; симъ объясняющся шъ напряженія и усилія, которыя Коломбія, Буэносъ-Айресъ и Хили употребляли для свободы и независимости Перу, какъ на сухомъ пуши, шакъ и на моръ. Золоша, по извѣспію Гумбольдта, въ началъ 19 спольшія получалося шамъ ежегодно 3,400 марокъ, а серебра 611,000.

5) *Верхній Перу* (Peru alta), нынъ *Боливія*. Послъ опустошенія Оланешою, возсшановленное Колумбійскимъ Генераломъ Сукре независимое Государшво (15—22° южной широты) во внутрешней Америкъ, при восточномъ склоненіи Андскаго хребта. Съ сѣвера и запада окружено Нижнимъ Перу, съ востока Бразилією и на югъ Ла-Плашою. Дикпашоръ Боливаръ предоспавиль симъ провинціямъ на произволь, присшашъ къ Ла-Плашъ, или сосшавиль

особенное независимое Государство. Онъ избрали послѣднее, и 6 Августа 1825 года объявили себя независимыми. 11 Августа, приняло новое независимое Государство названіе Боливіи и главный городъ наименовали Сукре, въ честь побѣдителя при Аякухо. Оно заключаешъ въ себѣ провинціи Ла-Пацъ, Кохакамбу, Санша-Крузъ, Попози и Харкасъ, съ главнымъ городомъ Попози, нынѣ Сукре (мѣсто правленія съ 30,000 ж.). Верхній Перу находится въ соединеніи съ Нижнимъ Перу посредствомъ рѣкъ Бени, впадающей въ Мараньонъ (Амазонскую рѣку), Пилкомая и Вермехо въ Ла-Плашу, и черезъ Десагвадеро, впадающей въ озеро Титикака. — Пространство сего Государства сославляетъ отъ 10 до 12,000 кв. м.

6) *Хили*. Безпреспанные внутренніе раздоры и возмущенія препяшствуютъ сей Республикѣ въ политическихъ ея успѣхахъ. Триумвиратъ Пуерредона, С. Маршина, и Огиггинса, утвердилъ за симъ послѣднимъ, мѣсто главнаго Правителя Республики. Въ 1822 году возстало противъ него новое возмущеніе. Обвиняли Огиггинса и его Министровъ въ томъ, что они всѣ власи въ Государствѣ присвояютъ себѣ, замедляютъ собраніе Конгреса, поддерживаютъ и шересъ торговли на счетъ земледѣ-

лія, возвышающъ прямыя подати, уменьшающъ пошлыны и наконецъ слабый, но добродушный Огиггинсь, принужденъ былъ жипедями и присущствственными мѣстами главнаго города Санъ-Яго 28 Января 1823, сложишь съ себя свое достоинство, и вручишь верховное управленіе временной Юнть, состоящей изъ прехъ Государственныхъ правителей. Онъ возвратился въ Валпарайсо, гдѣ онъ домогался опять овладѣшь верховною властію, по Генераль Фрейеръ, бывшій начальникъ противной партіи, 28 Января, повелѣлъ его схватить. Генераль Фрейеръ отправился съ своими войсками 22 Февраля въ Санъ-Яго, и созвалъ избирательное собраніе для избранія депутатовъ Конгреса, копорый въ 1823 году въ Августъ мѣсяць, собрался и провозгласилъ Генерала Фрейера верховнымъ Правителемъ. Фрейеръ пошчасъ отправилъ опрядъ Хиліошовъ на помощь Перуанцамъ и съ Республикою Колумбійскою заключилъ 21 Октябрю 1823 года, союзный пракшапъ. Опиправленная прошивъ Испанскаго острова Хилео, экспедиція не была увѣчана успѣхомъ: Испанскій Генераль Гваншанилла принудилъ Хиліошское войско, въ Апрель 1824 года, по великой потерѣ, съсѣшь на свои корабли и возвратишься. Бо-

диварь жаловался на то, что ему не дали знать о сѣмъ въ Перу. — Вскорѣ внутреннѣе раздоры сполько причинили непріятности Генералу Фрейеру, что онъ объявилъ Сенату, что оставляетъ должность Верховнаго Директора, и принимаетъ на себя сполько начальство надъ войскомъ. Однако жъ Сенатъ не принялъ его предложенія, и вызвался перемѣнить несовершенныя статьи Конспишущіи; но Министры нашли всю Конспишущію несовершенною. Поелику Сенатъ не могъ отвѣчать на сіе ничего рѣшительнаго, то одна часть народа избрала временнаго Губернатора, Фуеншаквиллу, который немедленно созвалъ народное собраніе. Оно объявило, 19 Іюля 1824 года, Генерала Фрейера снова Директоромъ Республики и опредѣлило уничтожить Конспишущію 1823 года, также и Сенатъ. Пошомъ учреждена Коммисія для поправленія и дополненія Конспишущіи 1818 года. — Генераль Фрейеръ, какъ сильный и некорысполубивый мужъ, всѣми уважаемый, пользовался между шѣмъ своею неограниченною властью, не смотря на всѣ безпорядки и возмущенія, кои онъ неоднократно (въ послѣдній разъ въ 1825 году, въ Октябрѣ, въ Санъ-Яго и Валпарайсо) счастливо

во умѣль ушушишь; преимущественно дѣйствовало Духовенство, управляемое Папскимъ Викаріемъ Жуаномъ Мушци, въ разрушеніяхъ республиканскихъ учреждений, такъ, что Правленія Соединенныхъ Штатовъ и Великобританіи жаловались на духъ гоненія Духовныхъ. Принявъ въ уваженіе сіи обстоятельство, Правленіе Хилійское въ разсужденія Духовенства уснаноувило слѣдующія постановленія: собственность Церкви поступила въ пользу казны; Духовенство за то получаетъ опредѣленное жалованье; монахамъ позволено оставишь свои монастыри, и покуда не сыщущъ себѣ духовнаго мѣста, получающъ она денежное вспоможеніе; ни въ какой части Республики, не должно бышь болѣе одного монастыря ордена. Папскій Викарій (нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, изъ Буэносъ-Айреса высланный) изгнанъ изъ Республики. Въ 1824 году, 29 Октября, землетрясеніе опустошило часть сей земли, и также городъ Коплопо совершенно разрушенъ. Финансы Республики въ весьма худомъ состояніи; въ Англии заняла она 1,000,000 ф. сш. съ копшой суммы платишь 60,000 проценшовъ. Войска счищается 8,400, милиціи 28,000. Морская сила состоишь изъ 2 большихъ кораблей и 22 малыхъ. Въ концѣ 1825 года

предпринята прошивъ острова Хилое новая экспедиція, кошорой успѣхъ еще неизвѣстенъ. — Между жипелами Хили опличающіяся особенно Индѣйцы; они находящяся, за исключеніемъ нѣкошорыхъ горныхъ поколѣній, на шакой высокой степени образованія, что скоро займутъ свое мѣсто между Государственными гражданами; даже Негры - невольники (40,000), гораздо образованнѣе невольниковъ Бразиліи; съ ними посшупають гораздо лучше прежняго, и они служатъ въ войскѣ. По извѣстію Гумбольда, добываешяся ежегодно золота 22,212 марокъ, и серебра 29,700 марокъ, цѣною на 2,600,000 піаспровъ. — Впрочемъ горный промыслъ въ новѣйшія времена пришелъ въ упадокъ, и почти весь находящяся въ рукахъ Бришанскихъ купцовъ.
(*Продолженіе впередъ.*)

3.

Путешествіе и пребываніе въ Греціи Джемса Эмерсона въ 1825 году.
(*Окончаніе.*)

По прибышій нашемъ въ Наполи, ди Романію, мы не мало были обрадованы извѣстіемъ, что въ семь городѣ находящяся нѣсколько превосходныхъ геспинницъ; не смотря на шо, къ величайшему удивленію на-

шему, мы были введены въ комнашу, въ кошорой кромѣ чешырехъ спѣвнъ ничего не было: не нашедъ въ ней ни поспели, ни сшюла, ни спула, мы должны были довольсшвоваться шѣмъ, что привезли съ собою. Въ по время не было другихъ Физеллиновъ въ Навплии, кромѣ двухъ Икаліянскихъ Графовъ Порро и Санша-Роза; первый намѣренъ былъ оспашься въ городѣ, въ качествѣ Члена Совѣша; другой хотѣлъ отправишья въ лагерь: вошъ единсшвенный способъ, коимъ иноземець въ нынѣшнее время можешъ сдѣлашья полезнымъ, если онъ съ помощію богатсшва и дарованій не можешъ овладѣшья кормиломъ Государсшвенныхъ дѣлъ; въ шаковомъ мужѣ насшюишъ величайшая нужда (*). Всякъ же, кшо въ качествѣ проспаго солдаша всшупишъ въ ряды необразованныхъ войскъ, (кошорыя привыкли повиновашья однимъ своимъ Полководцамъ), можешъ принесши полько пользу личною службою, въ чемъ онъ шакке долженъ усшупишъ первенсшво шамошнимъ уроженцамъ, кошорые легче могушъ сносишъ недоспашки и опаснши, сопряженныя съ междоусобною войною. Всѣ его спаранія спосшвшесшвовашья успѣхамъ правленія, были бы приняшы съ

(*). Нынѣ сей мужъ найденъ. *Изд.*

неудовольствіемъ и оспалися бы щещными, а онъ самъ подвергся бы всѣмъ малодушнымъ кознямъ своихъ сошваріщей. Всеобщее безпокойство въ нынѣшнемъ кришическомъ положеніи, служишь естественнымъ препяшствіемъ для усилій шѣхъ, копорые имѣють цѣлю облагородишь образъ мыслей и правленія въ Греціи, и сколь эпо предпріяшіе само по себѣ ни важно, однако же оно на время должно бышь опложено, пока не ушвердишь колеблющееся бышіе ея. Теперь же оказашь существенную услугу Грекамъ можешь только шощь, кшо богашствомъ своимъ въ сосшояніи купишь привязанность войска, умѣешь начальшвовашь онымъ, соединишь враждующія паршіи, и званіемъ, характерсмъ и вліяніемъ своимъ приобратишь содѣйствие Правительсшва. Кшо не соединиешь въ себѣ всѣхъ сихъ качесшвъ, шощь обманешь въ предположеніяхъ своихъ на счешь пребыванія въ Греціи, и безъ нужды подвергнешься опасностямъ.

Однажды, при выходѣ изъ Паламидскихъ ворошъ, предшавилось взору моему зрѣлище, кошораго я никакъ не ожидалъ въ землѣ Христіанской. Я увидѣлъ мершвые шруны двухъ Арабовъ, кошорые гнили во сшѣ шагахъ отъ обитаемой часши города, ибо предразсудки не позволяютъ Грекамъ бро-

сипшь горсшь земли на шѣла невѣрныхъ враговъ.

Я посѣщилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ намѣреніи вручить ему письма, и уже въ 12 часовъ нашель его за обѣденнымъ столомъ. Я долженъ былъ ждаль въ другой комнашѣ, пока онъ ошобѣдаешъ; множесшво дорогихъ кушаньевъ, кошорыя носили шуда и сюда, подали мнѣ хорошее поняшіе о вкусѣ сего Министра. Однако же я не долго дожидался; меня ввели въ другую комнашу, великолѣпно убранную шелковыми подушками и драгоцѣнными коврами, куда шопчасъ пришелъ и хозяинъ дома; онъ сѣлъ на софу по - Турецки; намъ подали кофе и мы занялись нашими дѣлами. Ныга и слашлюбіе выражались на лицѣ его, а взглядъ его показываль большую недовѣрчивосшь. Весьма жаль, что обшояшельсшва принуждають Грецію ввѣряшь важнѣйшія Государсшвенныя должносши шакимъ людямъ.

Между шѣмъ пришло извѣсшіе изъ Наварина, что неприятель 28 Марша сдѣлаль на городъ нападеніе, кошорое было опражено усиліями Карашассо и Иванно, младшаго сына Пешро-Бей. Однако же первый едва спасенъ былъ изъ рукъ окружившихъ его неприяшелей, а послѣдній получилъ рану, кошорая, бывъ дурно лечена, сдѣлалась для не-

го смертельной; въ то же время уведомлялъ Гура, что онъ имѣешь надежду схватить Одиссея, совершенно оставленнаго своими войсками. 10 Апрѣля, въ день Пасхи, Навплия облеклась въ новую блистательную одежду. Сей важнѣйшій въ Греческой Церкви праздникъ, торжествующъ здѣсь съ величайшими знаками радости. Поелику симъ днемъ оканчивается постъ, то наканунѣ было заколото множество овецъ и козъ, и изъ всѣхъ домовъ несся запахъ жаркаго и пирожнаго. Всѣ женщины одѣты были въ праздничныя платья, и встрѣчаясь съ знакомыми, привѣтствовали другъ друга поцѣлуями, повторяя слова: Христосъ воскрес!

Со всѣхъ баатарей палили изъ пушекъ, и грому ихъ непрерывно отвѣчали ружейными и пистолетными выстрѣлами. Въ такихъ случаяхъ Греки обыкновенно стрѣляютъ дулями, и сіе легко можешь имѣть несчастныя слѣдствія. Одинъ человекъ былъ застрѣленъ въ окнѣ своего дома, другой тяжело раненъ. Вечеромъ была большая церемонія на площади, гдѣ собрались и всѣ Члены Правленія, ослушавъ обѣдню въ церкви св. Георгія. Законодательная Палата, какъ многочисленнѣйшая, поспроилась въ ряды; между тѣмъ, какъ Члены Исполнительной Палаты, проходя мимо оной, рас-

почали поцѣлуи, которые большею частію, были принужденные, по причинѣ царствующей между паршіями ненависти.

Спусти нѣсколько времени послѣ того, прибылъ изъ Миссолонги курьеръ съ довольно маловажнымъ извѣстіемъ. Макриновскіе проходы, чрезъ которые, какъ предполагали, Румели-Валиси проникнешь въ Западную Грецію, были ввѣрены защитѣ храбрѣйшихъ Генераловъ Ношо-Боццари, Кароассури и Зонги; но ни одинъ изъ сихъ посшовъ не былъ защищенъ, какъ слѣдуетъ; непріятель всею силою своею ворвался въ Западную Грецію; вся спрана къ сѣверу ошъ Ахелоя была ошкрыта его опустошеніямъ. Жинпели многихъ деревень искали убѣжища въ Каламосѣ, гдѣ Англійскій Резиденшъ челоувколюбиво принялъ ихъ; а Сенашъ Западной Греціи старался занять прочіе многочисленныя пущи, дабы какъ возможно долѣе воспрепятствовашъ непріятелю, приблизизься къ Миссолонги.

На второй день Пасхи, въ прелестнѣйшую погоду, представилось на полѣ, лежащемъ къ востоку ошъ города, живое, пріятное и торжественное зрѣлище. Здѣсь сидѣли на правѣ женщины въ убранствѣ и внимали звукамъ гитаръ и флейшъ; шамъ

всадники показывали искусство свое на красивыхъ Арабскихъ коняхъ; хоры музыкантовъ вездѣ были окружены танцующими, между шѣмъ, какъ идеально одѣшья и увѣчаннныя цвѣшями дѣши прыгали и играли около веселыхъ родипелей своихъ. При видѣ сего всеобщаго удовольствія, кто бы могъ подумашь, что спрана сія изнемогаешъ подъ бременемъ войны, или, что въ семействахъ, насъ окружавшихъ, едва ли было одно, которое не оплакивало бы потерю любимаго брата или родственника. Впрочемъ хорошо и то, что люди могушъ иногда предавашъ забвенію своихъ несчастій.

Полицическія происшествія, о коихъ извѣщаемо было въ печеніе нѣсколькихъ недѣль послѣ того, были незначительны. Президентъ и Князь Маврокордашо прибыли въ Наваринскій лагерь, и заняли позицію вблизи онаго. Войска въ распоряженіи Правительства считалось до 25,000 чедовѣкъ, однако же сего числа никогда точно опредѣлить нельзя; пошому что многіе воины уходяшъ на родину повидашъ съ своими семействами, и возвращающся, какъ и когда имъ заблагоразсудитъ; шакже нельзя полагашъся и на слова Капитановъ, которые не спышяшъ въ донесеніяхъ своихъ преувеличивашъ число паходящихся у нихъ солдатъ, чтобы

получашъ болѣе раціоновъ и жалованья. Гре-
 ческій флотъ раздѣлялся въ то время на
 двѣ эскадры. Первая состояла изъ Инсаріоп-
 скихъ и нѣсколькихъ Идріопскихъ кораблей,
 всего изъ 22 военныхъ судовъ и 8 бранде-
 ровъ, и крейсировала около мелкихъ оспро-
 вовъ и Мишилены для наблюденія за Турец-
 кимъ флотомъ, споявшимъ близъ Галлипо-
 ли и ожидавшимъ прибытія Капудана-Паши.
 Другая состояла изъ 26 большихъ кораблей
 и 6 брандеровъ подъ начальствомъ Міаули,
 и развѣзжала у мыса Мамапана и оспрова
 Церіго, наблюдая за движеніями Египет-
 ской эскадры, кою ожидали со вспомо-
 гательнымъ войскомъ. Ежедневно приводили
 въ Навплійскую гавань Австрійскіе, Іонійскіе,
 даже Англійскіе корабли, нагруженные Ту-
 рецкимъ хлѣбомъ и запасами, въ видѣ призовъ.
 По бумагамъ ихъ, подписаннымъ Консулами,
 они всѣ назначены были на Іонійскіе оспро-
 ва; однако же или признаніе Капишановъ, или
 иное обстоятельство всегда измѣняло имъ.
 Нѣкоторыя изъ нихъ были потребованы на-
 задъ, и не смотря на то, что на нихъ безъ
 сомнѣнія была Турецкая собственность, они
 были возвращены потому, что ихъ бумаги
 найдены въ порядкѣ. Когда распространи-
 лись слухи, что Наваринъ взятъ, Триполи-
 ца въ рукахъ Египтянъ, а Навплія осаждающ-

ся съ земли и съ моря, 3 Австрійскіе корабли, нагруженные припасами для непріятелей, вошли 13 Апрѣля въ Наваринскую гавань; чшо-бы обмануть ихъ, Комендантъ приказалъ поднять красный флагъ, и попомъ объявилъ ихъ призами и велѣлъ выгрузить въ пользу гарнизона.

21 Апрѣля прибылъ въ Навплию корабль изъ Лондона съ 20,000 ф. ст. въ число первого и 40,000 ф. ст. въ счетъ второго займа, въ сопровожденіи Графовъ Прикіо и Гамбы, агеншовъ Г. Риккарда. Такія посылки распрощраляютъ всегда живѣйшую радость между Греками, которые не имѣютъ яснаго понятія о томъ, что есть заемъ и полагаютъ, что это только Европейскій образъ дѣлать подарки. Немедленно по прибытіи сего корабля, началась обыкновенная стрельба изъ пистолетовъ; на слѣдующій вечеръ перенесли деньги въ городъ, причемъ на площади играла полковая музыка и народъ восклицалъ: Благослови Господи Англійскаго Короля! Да здравствуетъ Король Георгій!

Вскорѣ по прибытіи Графа Гамбы, повѣшилъ его старый Румелионецъ, Капитанъ Демпрій, принадлежавшій къ числу приверженцевъ Лорда Бейрона. Онъ нѣжно обнялъ Гамбу и прослезился, когда упомянулъ о Бей-

ронъ, увѣряя, что въ немъ онъ потерялъ оп-
ца, а Греки лучшаго друга. Онъ рассказы-
валъ о немъ съ чувствомъ и языкомъ поэ-
зіи. Говоря о надеждахъ, пробужденныхъ въ
сердцахъ Грековъ славою Бейрона, онъ ска-
залъ: когда мы услышали, что великій Ан-
глійскій вельможа прибылъ къ намъ на по-
мощь, то ожидали его, какъ юныя ласпочки
ждущъ машери. Онъ явился, далъ намъ совѣ-
ты, пожертвовалъ имуществомъ, а наконецъ
и жизнию, и когда онъ скончался, то мы
какъ бы внезапно ослѣпли, и одно только
что можешь сравниться съ нашею горестію
о его потерѣ, есть забота о будущей судь-
бѣ нашей. Вошь, какъ Греки обыкновенно
выражаются о Бейронѣ; это служило дока-
зательствомъ, что они признавались къ
своему благодѣтелю, хотя враги ихъ и у-
тверждаютъ, что они оплакиваютъ его бо-
лѣе съ печали, что ихъ надежды не сбылись,
чѣмъ изъ благодарности къ усопшему.

Подъ конецъ Апрѣля и въ началѣ Мая
ежедневно приходили важныя извѣстія съ
той и съ другой стороны. Гура увѣдомилъ
Правительство, что Одиссей сдался и какъ
пѣвникъ опведенъ въ Аѣинскую крѣпость.
Впрочемъ я не думаю, что бы сей несчаст-
ный Капшанъ имѣлъ намѣреніе перейти на
сторону Турокъ, ибо въ шакомъ случаѣ онъ

вступилъ бы въ переговоры съ лицами важнѣе Паши Негропонскаго; я полагаю, что онъ хотѣлъ распространить власть свою, и сдѣлаться независимымъ отъ Греческаго Правительства; пошому что онъ съ Пашею договаривался только, о сдачѣ ему острова Негропонса. Изъ Миссолонги пришло извѣстіе, что Генераль Сшурнари принялъ главное начальство, и сдѣлалъ распоряженія для защиты крѣпости, а изъ Наварина, что 19-го числа происходило весьма важное дѣло: Египтяне расположились лагеремъ съ восточной стороны города и къ югу отъ укрѣпленій построили баштарею; съ которой производили непрерывный огонь. 18 числа вечеромъ узнали въ крѣпости, что Египтяне готовятся къ приступу, и пошому приготовились къ оборонѣ; однако же Сшурдза замедлилъ построить необходимые шанцы и линіи, за коими Греки могли бы держаться; и пошому, хотя Константинъ Боццари, братъ Марка, и послѣшилъ къ нему на помощь, но линія, за которою онъ командовалъ, была разбиша отрядомъ Мамедюковъ, при чемъ Греки лишились 200 человекъ и 6 Капшановъ, изъ коихъ 2 взяты были въ плѣнъ. На другой день счастье было Грекамъ благосклоннѣе: Турки приступили къ сѣвнамъ; но гарнизонъ, съ по-

мощію опрядъ Аркадійцевъ, напавшихъ на нихъ съ пылу, опразилъ ихъ съ пошереею 100 убишыхъ и 20 плѣнныхъ, овладѣлъ поспроенною вновь башпареею и заколошилъ находившіяся на оной пушки. Осада продолжалась обыкновеннымъ порядкомъ; непріятель поставилъ новыя пушки на башпареею и производилъ безпрестанную пальбу по городу, однако же это ни къ чему не послужило. Къ несчастію несогласіе все еще царствовало въ Греческихъ войскахъ, и Румелиюшы, проходя чрезъ Морею, поступали весьма насильственно съ крестьянами; со времени ихъ прибытія въ лагерь не произведено было ни одного дѣйствія совокупными силами, а разбитіе опрядъ Боццари, 19 числа, которое приписывали нераднью и прусосши Морейцевъ, еще усилило междоусобную вражду. Вліяніе самого Президентна не могло укротить оной, и когда Морейцы узнали о прибытіи Турокъ къ Миссолонги, то они удалились для защиты собственной родины и предоставили защиту Наварина гарнизону и войскамъ полуострова. Между швѣмъ Морейцы съ жаромъ спѣшили къ оружію и оба мятежника Займи и Лондо, которыхъ Англійскій Резидентъ изгналъ изъ убѣжища ихъ Каламоса, возвратились въ Морею, покорились Правительству и наби-

рали войска въ Калавришскомъ округъ своемъ для вспомошествованія опечеству.

23 Апрѣля, Турки перешли чрезъ Ахелой и снази лагеремъ предъ Миссолонги; опъ двухъ перемешчиковъ, Греки узнали что войско ихъ состоишь изъ 25,000 человекъ, однако же нуждается въ жизненныхъ припасахъ и имѣеть при себѣ шолько двѣ маленькія пушки, прочую же артиллерію ожидаетъ изъ Пасраса.

На Идрѣ шакже слышали между 28 и 29 Апрѣля непрерывную пальбу, происходившую къ югу опъ Мореи и наконецъ узнали, что между эскадрою Міаули, состоявшею изъ 22 кораблей, и Египетскимъ флотомъ завязалось сраженіе. Перепалка была весьма сильна, но безъ успѣха; пошому что Греки, по недостатку въпра, не могли пуспипъ своихъ брандеровъ, и не смотря на всѣ ихъ старанія, Египтяне успѣли присташъ къ Морейскому берегу.

8 Мая, я опплылъ къ острову Идрѣ. Хошя сей островъ съ Навплиею находишся въ важныхъ шорговыхъ сношеніяхъ, однако же нѣшь между ими никакого порядочнаго сообщенія, и единственное средство къ переправѣ состоишь въ опкрытыхъ лодкахъ, изъ коихъ опъ 40 до 50 находяшся въ ходу. Сии лодки обыкновенно содержатъ опъ 15

до 20 понновъ, имѣющъ одинъ большой и одинъ передній парусъ, управляюща 2 или 3 взрослыми людьми и однимъ мальчикомъ, и безъ большаго неудобства могутъ помѣстить въ себѣ отъ 20 до 30 пассажировъ. Онѣ болѣею частію отъѣзжаютъ вечеромъ изъ Навплии, чтобы воспользоваться вѣтромъ, котораго всегда по ночамъ дуетъ изъ Аргосскаго залива, и обыкновенно доѣзжаютъ Идры только на слѣдующее утро, хотя разстояніе между сими двумя мѣстами не превышаетъ 36 Англійскихъ миль. Прямо предъ нами лежалъ маленькій островъ Спеція, мимо котораго мы проѣхали около полудня. Отъ состоянія изъ скалы, покрытой тонкою пластинкою земли, на коей изрѣдка растутъ масличная фиспашка и еиміамъ. Городъ, лежащій на восточномъ берегу, содержишь въ себѣ около 700 домовъ на покатоши горы, которае, будучи весьма численны и выбѣлены, съ многочисленными мельницами, представляющъ весьма пріятный видъ.

На морѣ былъ совершенный штиль. Медленно плывя мимо Урзирискаго мыса, защищаемаго баштарею, мы яено увидѣли городъ Идру, котораго, какъ будто бѣлыми крылами объемлетъ бесплодную груду скалъ, на коихъ построены. Однако же мы не

могли прямо къ нему подъѣхать, но должны были поворошить къ сѣверу и объѣхать островъ Ооко, который лежитъ между Идрюю и открытымъ моремъ. Къ 6 часамъ мы приспали къ острову Ооко, чтобы дать отдохнуть мажросамъ и наслаждались прекрасными видами. По всему вѣроянію мы находились на томъ мѣстѣ, гдѣ Бейронъ написалъ несравненное вступленіе ко второй пѣсни своего Корсара. Прямо предъ нами лежали Аргонидскія горы, вправо шемнѣлся Колонскій мысъ и видѣнь былъ заливъ Эгинскій. Къ 9 часамъ, проѣхавъ около двухъ миль вдоль берега, мы оляшь вошли въ небольшую бухту, въ которой мажросы хопѣли переночевать, и вышли на берегъ, чтобы достать молока и хлѣба. Сей островокъ, почти на 6 Англійскихъ миль отдаленный отъ Идры и совершенно отъ нея зависящій, имѣетъ нѣсколько пастбищъ для овецъ, и производитъ нѣкоторыя огородныя овощи. Вся удобная къ воздѣлыванію земля принадлежитъ Идріотамъ; и потому природныя жители сего острова находяща въ крайней бѣдности. Въ 10 часовъ утра мы спали на якорь въ Идрійской бухтѣ. Городъ съ морской стороны представляеть восхищительное зрѣлище, большіе бѣлые дома внезапно подни-

маются изъ моря и соеавляютъ какъ бы продолженіе крутыхъ отвѣсисныхъ скалъ, образующихъ гавань. Почти на каждой изъ нихъ бѣлѣлись крылья безчисленнаго множества выпряныхъ мельницъ, на каждой выдавшейся вершинѣ стояла грозная башшаря. Вдали видны были бесплодныя и пустыя скалы, на которыхъ однако же построено множество монашшрей. Внизу острова поставлена сшража, для извѣщенія о приближеніи кораблей; а шакъ, какъ съ сего мѣста видно на весьма далекое пространство, то Идріюшы обыкновенно первые получаютъ извѣстія о каждомъ значительномъ морскомъ движеніи. Улицы здѣсь крупы и ровны, однако же числопоку своею представляють пріятное зрѣлище для путешественника, ѣдущаго изъ Пелопонеса. Набережная около гавани усѣяна шаможенными шстроеніями и лавками, кошорыя соеавляютъ какъ бы продолженіе нынѣ существующей гавани, и множествомъ своимъ ясно показываютъ, сколь она въ свое время была значительна.

Всѣ дома построены весьма прочно, и (если исключишь плоскія кровли) на образецъ Европейской; комнаты обширны, залы пространны, и потому воздухъ въ нихъ всегда чистъ, полы же всѣ выложены мраморомъ. Снѣны шакъ полсны, что рѣшеш-

жи, вставленные въ оконныя углубленія, почти нимаю не нужны. Всего удивительнѣе чрезвычайная опрятность, служащая къ чести Идріюшкѣ, которая впрочемъ, по восточному обыкновению, въ домашнемъ быту весьма застѣнчивы. Хотя полу-Турецкая и полу-Европейская домашняя утварь соединяетъ въ себѣ роскошь съ удобствомъ, однако же грубая прочность оной доказываетъ, что она болѣе сдѣлана для удобства, чѣмъ для великолѣпія.

Наружность жителей весьма привлекательна. Женщины по большей части прелестны; однако же всеобщее обыкновение носить около шеи кусокъ матеріи, который онѣ подвязываютъ подъ самымъ подбородкомъ, вредитъ нѣжному очерку лица ихъ, такъ, что всѣ онѣ кажутся круглолицыми. Короткая шелковая вышитая тѣлогрѣйка и широкое обыкновенно зеленого цвѣта съ пестрою обшивкою; платье составляютъ ихъ одежду. Идріюшки носятъ красивыя туфли, употребляемыя въ сѣверной Испаніи. Черные волосы, пламенные глаза, пріятное лице и прекраснѣйшія руки, суть отличительныя ихъ прелести, увеличиваемыя еще опрятною Европейскихъ нравовъ; сіе даетъ имъ право стоять на ряду, если не первыкъ красавицъ, то по крайней мѣрѣ

пріятнѣйшихъ женщинъ, копорыхъ мнѣ случилось видѣть на Воспокъ.

Мужчины всѣ безъ исключенія сильнаго сложенія и спройны. Плашье ихъ соединяешъ въ себѣ легкость восточной и красосу Европейской одежды. Короткія куртки ихъ покршы шишьемъ. Вся роскошь одѣянія ихъ состоишъ въ рукояшкѣ кинжала ихъ, единственнаго оружія, копорое Идріоты носяшъ на острову своемъ. Волосы, свишые въ длинныя плешки, увеличиваюшъ красосу лица ихъ.

Хошя гавань всегда наполнена кораблями, однако они находяшся шущъ шолько для починки, исключая двухъ или шрехъ маленькихъ Іонійскихъ или Малшійскихъ судовъ, копорыя ведутъ незначительный торгъ хлѣбомъ. Доспохвальное участіе, копорое сей небольшой оспровъ принялъ въ возстановленіи независимости Греціи, обрапило на оный всеобщее вниманіе. Въ древнія времена нѣсколько рыбаковъ и другихъ Грековъ, изгнанныхъ съ швердой земли шягоспнымъ игомъ Турецкаго владычества, положили основаніе сему городу, въ копоромъ въ послѣдшви нашли убѣжище многіе подобно имъ гонимые жишелі Албаніи и Ашшики. Помомки ихъ и бѣглецы, спасшіеся на сей оспровъ послѣ войны семи-

*

десятихъ годовъ въ Морей, составляющъ нынѣшнее народонаселеніе онаго. До Французской революціи торговля ихъ была весьма незначительна и ограничивалась только берегами сосѣднихъ острововъ. Но когда Балтійское море было заперто для Французовъ, тогда Идріоты начали снабжать ихъ хлѣбомъ изъ Архипелага и спали строили большіе корабли, на которыхъ нѣсколько позже они вели даже торговлю съ Англіею и Америкою. Въ 1816 году, по словамъ Пужевиля, они имѣли 120 судовъ, между которыми было до 40, о 400 — 600 тоннахъ; нынѣ число сіе значительно умножилось, и всѣ они занимающъ освобожденіемъ своего отечества. Услуги, оказываемыя ими въ сей борьбѣ, тѣмъ похвальнѣе, что онѣ происходятъ единственно отъ любви къ отечеству, и не суть слѣдствіе претерпѣнныхъ ими приписаний. Уже за нѣсколько лѣтъ они купили у Порты свою свободу; ни одинъ Турокъ не жилъ на острову, и не дерзалъ переступить черезъ набережную и входить въ городъ. Денежная подать ихъ составляла бездѣлицу, единственная тягость, ихъ обременявшая состояла, въ обязанности славить ежегодно 150 мапросовъ во флотъ Опшоманскій, къ чему многіе добровольно посвящали себя; нѣкоторые изъ нихъ до-

служивались до званія Капуданъ-Паши (?). Нынѣ торговля на Идрѣ совершенно прекратилась и вѣроятно никогда болѣе не возстановится, по крайней мѣрѣ на семь островъ; ибо если бы Идриотамъ и посчастливилось возвратить себѣ свою свободу, то конечно они опышутъ мѣсто удобнѣйшее для торговли, чѣмъ то, которос они избрали изъ нужды.

Мы посѣтили здѣсь Г. Гику Гиури, одного изъ младшихъ Идрійскихъ Примасовъ. Домъ его весьма просторенъ и можетъ послужить образцомъ опрятности и хорошаго вкуса. Частое сообщеніе съ Европейцами придало его обращенію нѣкоторую утонченность, а хорошее воспитаніе, вмѣстѣ съ природными дарованіями и швердыми правилами, ошличаетъ его отъ многихъ его соотечественниковъ. Впрочемъ я называю его не только потому, что онъ того заслуживаетъ, но болѣе потому, что большая часть сыновей Идрійскихъ Примасовъ, подобно ему, ошличаются познаніями и сильно чувствуютъ необходимость смыть позрамленіе съ Греческаго имени. Словесность конечно не сдѣлала еще большихъ успѣховъ на Идрѣ; однако же познанія мало по малу начинаютъ оживать. Здѣсь много училищъ для высшихъ званій, и въ томъ числѣ одно

подъ вѣдѣніемъ воспитанника Хіосской школы, въ конхъ дѣши зажиточныхъ оспровивши обучаящя древнему и новому Греческому языку. Многіе изъ сихъ Примасовъ, имѣющъ драгоцѣнныя книги; онъ, какъ горяшь, собраны для основанія публичной библіотеки, по предложенію Г. Эдуарда Массона, любезнаго Шотландца, который учрежденіемъ школь и подобныхъ пому заведеній спарается облагородить нравы Грековъ. На семь оспровъ издаешся дважды въ недѣлю, подъ надзоромъ Г. Кіаншы, въ числѣ 500 экземпляровъ газета подъ названіемъ: *Другъ Законовъ*. Типографія и сшаны, кошорыми однако могутъ только бышь оппечатываемы кнрги въ малый листъ, подарены Французскимъ Компешомъ Филеллиновъ.

Нигдѣ не замѣчалъ я такой охоты учитьсся, какъ между юношами сего оспрова; и хотя торговый горизонтъ Идры покрытъ шуманомъ, но, судя по ихъ спремленію къ образованію себя, нельзя сомнѣваться, что они всегда сохраняють въ рукахъ своихъ управленіе общественныхъ дѣлъ своего отечества; и вѣроятно, что сіе *пятишко* на картѣ Греціи, бывшее нѣкогда мѣшпопробываніемъ нѣсколькихъ бѣдныхъ рыбаковъ, будетъ просвѣщеннѣйшею, образо-

важнейшею и знаменитѣйшею частію освобожденной Элады.

Прибытіе двухъ кораблей изъ Наварина съ печальнымъ извѣстіемъ о взятіи острова Сѣакперіи, кошорый командуешъ гаванью сего города и заняшъ былъ 6 Мая Египтянами, распространило уныніе по всему острову; шѣмъ болѣе, что сіи корабли съ шрудомъ могли спастися и знали шолько то, что на томъ острову находилось множество Идріоповъ, кошорые, защищаясь, не могли избѣгнушь смерти, что всѣхъ заснавило опасаться объ участи своихъ друзей и родшвенниковъ. Пошера сего острова должна была имѣшь несчастныя послѣдствія, ибо владѣя онымъ, Египтяне могутъ осаждать Наваринскій гарнизонъ съ моря и съ суши. Это легко можно было предвидѣть; пошому что, если бы самыя укрѣпленія и шрудно было взять присшупомъ, то голодъ принудилъ бы наконецъ сихъ защитниковъ сдатьсь. Въ числѣ павшихъ на островъ Сѣакперіи находился и Графъ Санша-Роза, изгнанный изъ своего отечества; прибывъ въ Грецію, онъ былъ принужденъ кознями членовъ Законодательнаго Сословія опкаться ошъ всѣхъ прежнихъ намѣреній и надеждъ своихъ, и сташъ на ряду съ прочими Греческими воинами. Вскорѣ пошомъ

пришло сюда извѣстіе и о взятіи Наварина. Гарнизонъ, состоявшій изъ 1070 человекъ, сдался на капитуляцію. Однако же горестъ, въ кошорую всѣ были повергнуты сею потерей, векоръ превратилась въ радость, когда узнали о морской побѣдѣ, одержанной Греческимъ флотомъ подъ начальствомъ Миаули. Вся Египетская эскадра, состоявшая вмѣстѣ съ нѣсколькими Австрійскими и другими судами изъ 25 кораблей, сдѣлалась добычею пламени.

20 Мая я переправился на маленькій островъ Спецію: это Идра въ уменьшенномъ видѣ. Городъ лежитъ на восточномъ берегу и имѣетъ около 3000 жителей. Сей островъ спавишь 16 кораблей и два брандера къ Греческому флоту. Машросы столь же искусны и опытны, какъ и Идрійскіе; одни брандеры ихъ еще не имѣли случая оплечься. Въ Спеціи я былъ у знаменитой Бобелины, кошорая весьма радушно и ласково приняла насъ. Она довольно дородна и чертами лица слишкомъ сближена съ мужескимъ поломъ. Дочь ея въ замужствѣ за сыномъ Колокошрони; она обнаруживала сильную радость при мысли о возможности его скораго освобожденія, и увѣряла, что если онъ опять будетъ начальствовать войскомъ, она присоединится къ нему съ

пятерыми братьями своими. — Вскорѣ по-
помь она была заспрълена во время мяше-
жа. Одинъ изъ ея братьевъ обезчестилъ дѣ-
вушку на семь островъ; ея родственники
окружили домъ Бобелины, шребул, чшобы
онъ на ней женился. Бобелина съ горячно-
спію говорила съ ними изъ окна; вдругъ
внезапный выспрълъ изъ ружья брата оби-
женной дѣвицы, прервалъ шокъ красно-
рѣчія вмѣспъ съ жизнью ея. Убійца не былъ
пошребованъ къ суду, и жишели принудили
брата Бобелины на другой день женишья
на жершвѣ своего легкомысля. — Передъ
ошъздомъ монмъ, получилъ я ошъ Прави-
шельсшва въ Идрѣ позволеніе увидѣшъ плѣн-
ныхъ мяшежныхъ полководцевъ. Наружносшъ
большей части изъ нихъ не имѣла въ себѣ
ничего примѣчательнаго. Одинъ Колокошро-
ни легко могъ бышъ опличенъ ошъ другихъ
по нѣкошорому выраженію необыкновенной
дикосши. Онъ не великъ ростомъ, но силь-
наго сложенія; голова его, возвышающаяся
надъ весьма корошкою шеєю, весьма велика.
Сверхъ шого, густыя брови, шемная, кос-
машая борода и черные какъ смоль волосы,
низпадающіе въ длинныхъ кудряхъ, дѣлающъ
его достойнымъ вниманія живописца.

Гибельная ревность ошановила успѣхи
шюша, сверхъ шого зависшъ и чесшюлюбіе

производящъ шакія же вражды, какъ и на сушь, между Капишанами каждаго острова въ особенности. Обыкновеннѣйшая причина несогласій есть тщеславіе. Никогда не встрѣчалъ я людей, копорые бы были столь славолюбивы, какъ Идріюшы: надежда быть воспѣанными въ Одѣ или Элегіи, получишь похвалу въ Идрійской или быть упомянутыми въ какой нибудь Англійской газетѣ, можешь одушевить ихъ къ дерзновеннѣйшимъ предпріятіямъ. Слѣдовательно счастье или повышение одного изъ нихъ, въ такой же степени возбуждаетъ въ шоварцахъ его духъ распри и неудовольствія, въ какой доблести его зашмѣваютъ славу ихъ.

Чишашели, слышавъ объ удивительныхъ подвигахъ и о заслуженной славѣ Эллинской флотиліи, можешь быть, не повѣряшь мнѣ, что всѣ сіи подвиги совершены одними только брандерами съ помощію 12 или 14 кораблей, и что остальные 45 или 50 судовъ не оказали доселѣ опечеству своему другой услуги, кромѣ того, что множествомъ своимъ придавали большую значительность своему флоту и шѣмъ распространяли болѣе ужаса между непріятельскими кораблями; но это было въ самомъ дѣлѣ, и слабое Правительство доселѣ не могло поправить сихъ недосшатковъ. Сіе

происходишь ошь того, что всъ корабля
 'составляють собственность частныхъ лицъ,
 и что только весьма немного между ими
 такихъ храбрыхъ людей, которымъ ничего
 не кажется труднымъ, если они видяшь
 возможность къ достиженію своей цѣли и
 смѣло прошивуборствуютъ значительнѣй-
 шей силъ непріятельской; другіе напрошивъ
 того, будучи гораздо честолюбивѣе и ос-
 шорожнѣе первыхъ, довольствуются нѣ-
 сколькими залпами изъ пушекъ, утверждая,
 что безразсудно было бы вдаваться въ боль-
 шую опасность, нежели сколько пошребно
 для защиты брандеровъ или, если усильно
 шребуяшь дѣятельнѣйшей съ ихъ стороны
 помощи, не спыдяшся говоришь, что они
 не могутъ подвергать маленькія суда свои
 сильному огню Турецкихъ фрегатшвъ; по-
 шому что, какъ собственные средства, такъ
 и маловажная помощь, получаемая ими со
 стороны Правительствъ, не позволяющъ
 имъ исправляшь могущаго случиться по-
 шреждения. Такъ-шо Міаули, который ошь
 шщеславія и корышполюбія другихъ лиши-
 ся большей части своего флота, съ дюжи-
 ною вѣрныхъ и послушныхъ приверженцевъ
 подкрѣпляя благородныхъ мужей, управ-
 шнихъ брандерами, которые никогда не оп-
 шупали ошь своихъ обязанностей и пред-

принимали все, что могло послужить къ освобожденію Греціи и къ рѣшишельному окончанію войны.

Сей духъ распри и несогласія оказываешь бѣдсвѣнное вліяніе свое не на однихъ Капишановъ, но и на машросовъ, кошорые; подражая начальникамъ, и будучи увѣрены, что слабое Правительство не въ силахъ наказывать непослушанія, постоянно отличаются буйствомъ и непокорностію. Гордась новообрѣтенною своею свободою, они не хошашъ и слышашъ о дисциплинѣ и о повиновеніи начальству, сверхъ того большая часть экипажа состоишъ изъ родсвѣнниковъ и пошомковъ одного семейства, и ими командуешъ Капишанъ, кошорый по браку или по рожденію находишъ въ родствѣ почти съ каждымъ машросомъ на корабль своемъ; и пошому неохотно рѣшаешъ употребить строгія мѣры, кошорыя могушъ возбудишъ противъ него недоброжелательство цѣлаго семейства, шѣмъ болѣе, что безсильное Правительство не предсхавляетъ ему надежной опоры. Весьма естесвѣнно, что для приведенія въ дѣйство какого-либо, нѣскольکو важнаго намѣренія, пошребна не воля Адмирала и не желаніе Капишановъ, но согласіе машросовъ. Если предпріятіе сіе совѣтсш-

но съ ихъ выгодами, по оно безъ шруда можешъ бышь исполнено; однако же ничто не въ силахъ ихъ къ тому принудить. Такъ какъ всѣ партіи знаютъ, какъ далеко простирается ихъ могущество, то и никогда не слышно явнаго спора. Если приказанія Адмирала пріяпцы Капитану и получаютъ одобреніе мапросовъ, то нѣтъ сомнѣнія въ успѣхъ; въ прошивномъ же случаѣ пребыванія его опровергаются и оспашаюся безъ дѣйствія.

Изъ сего слѣдуешь, что во внупренности корабля всегда царствуетъ безпорядокъ и суматоха; никому не назначено постоянной должности. Когда Капитанъ даетъ повелѣніе, то всѣ повшоряють оно съ одного конца корабля до другаго, и всѣ бросаюся наперерывъ для выполненія самой незначущей бездѣлицы. Это подаешь поводъ къ шуму и замѣшательству, которые преимущественно иноземцу кажутся весьма странными. Сидя въ каютѣ, часно находился я въ немаломъ безпокойствѣ, думая, что крикъ и шопощъ надъ моею головою, служишь вѣрнымъ знакомъ какой-либо опасности, которой подверглось наше судно. Когда же я выходилъ на палубу, то всегда удосновѣрялся, что весь сей шумъ и споръ причинень былъ какою-нибудь бездѣлицею.

Единственное, порядочное и постоянное учреждение на корабляхъ есть *обѣда* экипажа. Пища магросовъ не самая лучшая и большею частію состоитъ изъ соленой и сушеной рыбы, какъ шо; сарделей и прески; однако же за шо у нихъ превосходные сухари и лучшее Греческое вино. Въ 12 часовъ они обѣдаютъ, при захожденіи солнца ужинаютъ; для каждаго отдѣленія, состоящаго изъ шести человекъ, накрывается особенный столъ между двумя лутками. По данному знаку, эконокъ снабжаетъ каждый столъ надлежащимъ количествомъ рыбы, хлѣба, масла, вина и уксусу, послѣ чего, старшій у стола раздаетъ кушанье, а младшій вино. Такимъ образомъ эконокъ опъ одного стола переходитъ къ другому, и въ продолженіе всей пранезы царствуетъ глубокая тишина и благоприсойность. Капитанскіе столы, а особливо Адмиральскій, лучше прочихъ: жители каждой Греческой гасани, въ которую они завязаютъ, одинъ предъ другимъ стараются отличиться доставленіемъ флоту пріятныхъ даровъ: свѣжихъ припасовъ, зелени, плодовъ, вина, сыру и пирожнаго, сверхъ того, они имѣютъ Европейскіе припасы и Французскія вина; и шакъ не мудрено, что они могутъ жить въ довольствѣ.

Между морскими Капитанами отличался еще недавно Анастасій Танкадо, коего мужество и духъ неустрашимости прославлены во многихъ Идрійскихъ пѣсняхъ; онъ палъ въ битвѣ, какъ герой. Изъ живущихъ еще понынѣ Капитановъ славнѣе всѣхъ Георгій Сокини, коего имя извѣстно всѣмъ Европейскимъ кораблямъ, расположеннымъ на водахъ Архипелага; пошому что они ежегодно избирали его Агеншомъ своимъ, для переговоровъ съ Греческимъ флотомъ. Имъ сочинена нынѣшняя сигнальная книга, употребляемая Идріошами и Ипсаріошами. Его корабль опряшиѣ и порядочнѣе всѣхъ прочихъ, и онъ оказалъ величайшую храбрость при Спеціи, Мипиленѣ и близъ береговъ Занпа. За нимъ слѣдуетъ Антоній Крейзи, одинъ изъ благоразумнѣйшихъ и способнѣйшихъ Капитановъ Греческаго флота; его непоколебимое мужество съначала войны въ каждомъ сраженіи оказывало важнѣйшія услуги сподвижникамъ. Капитанъ Панаіоти также почитается большимъ смѣльчакомъ, по необузданной дерзости, съ которою онъ вдается въ опасности. Въ рекогносцировкѣ ли или въ сраженіи, онъ всегда первый; и если Міаули замыслишь совершить какое-нибудь предпріятіе, не обращая вниманіе на сопряженную съ онымъ опасность,

по можно бытъ увѣрплымъ, что онъ къ тому избереть Капшана Манаюши. Адмиральскій корабль естъ построенный на Идръ бригъ въ 300 тоннъ. Онъ вооружень 14 двѣнадцати-фуншовыми и 4 длинными осмнадцати-фуншовыми пушками. Экипажъ простирается до 90 человекъ, которые всѣ почти въ опдаленномъ родствѣ съ семействомъ Миаули. Сынъ его Апшоній молодой человекъ пріятнаго обращенія и опличнаго мужества, второй по немъ въ начальствѣ. Секретарь его Лапри, воспитанникъ Хиосской Гимназіи, происходитъ изъ весьма почтеннаго Смирнскаго дома. Каюша весьма хорошо меблирована, украшена карпинами, изображающими достопамятнѣйшія сраженія Грековъ, и вокругъ спѣнь обведена диваномъ для большаго удобства Капшановъ, собирающихся къ нему во множествѣ на совѣщаніе. За нею наодится небольшая часовня, въ кошорой висящъ нѣсколько образовъ Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца, предъ коими безпрестанно шеплися блестящая лампада. Впрочемъ Аресь (такъ называется корабль Миаули) симъ не опличается отъ другихъ Греческихъ кораблей: каждое судно имѣетъ свои образа и лампы, предъ коими Капшанъ и офицеры молящся утромъ и вечеромъ.

По опраженіи Египетской эскадры при Модонѣ, Греческій флотъ долженъ былъ войти въ Колокинескій заливъ для починки кораблей, и снабженія ихъ свѣжею водою и съвспными припасами. Исполнивъ сіе, Греки замышляли пошчасъ выйти въ море съ новыми брандерами, кошорыхъ ожидали съ оспрова Идры, и попышашься заечъ оспальные Египетскіе корабли, кошорые лежали на якорь при Модонѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Греческій флотъ 25 Мая на разсвѣтѣ снялся съ якоря. Мѣаули занялъ обыкновенное свое мѣсто возлѣ руля; здѣсь онъ находилсь почти непрерывно, спитъ въ каюшкѣ, построенной надъ рулемъ, а днемъ сидя на оной наблюдаетъ за всѣми движеніями флота. Невозможно оказывашь бѣльшей и неусыпной бдѣшельности, особливо, если приняшь въ разсужденіе безпрестанная препяшствія, кошорыя возникаюшъ для него изъ междоусобныхъ раздорѣвъ, и кои гораздо мучительнѣе, чѣмъ непряшельскіе маневры.

Къ вечеру, когда флотъ находился въ нѣкошоромъ разсояніи ошъ мыса Машапана, шкуна, высланная для крейсировки изъ Спеціи, прибыла въ Модонѣ съ печальнымъ извѣстіемъ о взятіи новой Наваринской крѣпости. Со времени паденія старой крѣ-

пости, соединенныя силы Египтянъ обратились на новую, и между тѣмъ, какъ флотъ въ гавани ожидалъ прибытія подкрѣпленій войскомъ и припасами, сухопутное войско заняло всѣ проходы; такъ, что гарнизонъ, незапасшійся довольномъ количествомъ воды и съѣстныхъ припасовъ, утомленный непрерывною бомбардировкою, причинившею въ стѣнѣ проломъ, и опрѣзанный огнѣмъ своихъ, какъ съ моря, такъ и съ сухаго пуши, принужденъ былъ принять предложенную капитуляцію, тѣмъ болѣе, что за исполненіе оной поручились два прибывшіе къ тому времени Европейскіе корабли. Такимъ образомъ гарнизонъ сдался 23 Мая, и былъ переведенъ въ Кадамашу, за исключеніемъ Яшрако и Петро-Бей, оставшихся въ плѣну, и молодого Англійскаго врача, который не могъ прошивостать искушенію, и поступилъ въ службу подъ знамена Паши для того, чтобы у Египтянъ получалъ по 50 піаспровъ въ мѣсяць болѣе, чѣмъ у Грековъ. Сіе событіе конечно должно было уничтожить всю надежду на сей походъ; оно не только весьма ослабило мужество Морейцевъ, но и опдало въ руки враговъ какъ то ко всему западному берегу Мореи, гдѣ не было болѣе ни одной крѣпости, которая бы могла остановить его стремленіе, и гдѣ

проспранная равнина облегчала всѣ движенія конницы. Самымъ же дурнымъ слѣдствіемъ онаго была пошеря гавани, копорая и посреди зимы даещь непріятелямъ ихъ вѣрное убѣжище.

Не взирая на шо, Міаули рѣшился продолжать свое плаваніе къ Наварину, гдѣ онъ надѣялся еще застать Египетскіе корабли; но онъ уже встрѣшилъ ихъ на пути въ Кандію, гдѣ они вѣроятно хотѣли запаслись свѣжими войсками, и принужденъ былъ слѣдовать за ними, изыскивая случай привести въ дѣйство свое намѣреніе. Въ шо же время Міаули получилъ изъ Миссолонги извѣстіе съ просьбою о посылкѣ въ Лепаншскій заливъ нѣсколькихъ кораблей, частію для сохраненія сообщенія, частію же для воспрепятствованія движеніямъ Турецкихъ мелкихъ, торговыхъ судовъ, крейсировавшихъ около Миссолонги и Пашраса. Въ семъ извѣстіи сообщались ему слѣдующія происшествія. Греческій отрядъ въ 200 человекъ атаковалъ 6 Мая укрѣпленную позицію, защищаемую 2000 Турокъ, занялъ оную и обратился въ бѣгство непріятеля съ пошерюю 60 человекъ убитыми и множества плѣнными. При Анатоликѣ шаковой же успѣхъ увѣнчалъ оружіе Грековъ. Присупль къ Миссолонги начался уже 10 числа, однако же еже-

*

дневно являлись Греческіе перемешчики изъ Турецкаго сшана, подшверждавшіе слухи о недоспашкѣ въ съѣспныхъ припасахъ; они разсказывали, что Турки, обращенные въ бѣгство и преслѣдуемые при Калакадіи, наконецъ принуждены были пишашься мясомъ лошадей своихъ, пока по сильнымъ просьбамъ не получили подкрѣпленія и съѣспныхъ припасовъ изъ лагеря. Впрочемъ Миссолонги, не смощря на бомбардировку, находился еще въ лучшемъ сосшояніи. Міаули не могъ шощчасъ исполнить шребованій гарнизона, однако же обѣщаль послать шуда нѣсколько кораблей, по прибышій шѣхъ, кошорыхъ ежедневно ожидали изъ Идры. Между шѣмъ непріательскіе флоты шакъ одинъ къ другому приблизились, что послѣдовала непрерывная пальба, кошорая однако же не спощла Грекамъ ни одного человека; Турки же находились въ большей боязни. При захожденіи солнца обѣ эскадры находились въ разстояніи 4 миль одна ошъ другой. Турки вышянулись въ одну линію, и по наступившему безвѣшрью, беспреспанною пальбою спарались удержашь непріателя въ нѣкошоромъ ошъ себя ошдаленіи; Греки же съ своей спороны пребывали въ совершенномъ спокойствіи и не ошвѣчали ни однимъ вышрѣломъ. Захожденіе солнца и слѣдующая

ночь представляла глазамъ моимъ восхищительнѣйшую картину, кошорую мнѣ когда-либо случалось видѣшь; небесная лазурь являла сильную противоположность съ безпокойнымъ движеніемъ вокругъ насъ. Не было ни одной шучи, кромѣ гусшаго облака дыму, кошорый почти неподвижно держался надъ моремъ, и коего края позлащаемы были послѣдними лучами вечерней зари. Чѣмъ болѣе ночь приближалась, тѣмъ живѣе спаповилось сіе зрѣлище; мракъ ночи освѣщаемъ былъ молніею, сверкавшею изъ пушекъ, и величественная пишина моря прерываема была громомъ вдоль Турецкой линіи.

На слѣдующій день оба флота находились почти въ шакомъ же положеніи. Турки обнаруживали шакую же прусосшь при малѣйшей перемѣнѣ вѣтра, и по же невѣжештво въ упошребленіи пушекъ. Ни одно ядро не попадало въ Греческое судно, сколь ни постоянно продолжалась пальба. Если бы столь часто предпринимаемое намѣреніе Грековъ, снарядивъ нѣсколько фрегатовъ, могло когда нибудь бышь исполнено, и если бы на корабляхъ было болѣе дисциплины, то никакой Турецкой флотъ не могъ бы имъ воспрощивишься; доказательствомъ сему служишь то, что 34 небольшихъ бриговъ, изъ коихъ самыя большіе были только о 24 пуш-

кахъ, при сшоль слабомъ вѣспрѣ могли шакъ сильно усшрашить непріательскій флотъ, въ кошоромъ находились II фрегатовъ, множество корветъ и большихъ хорошо снаряженныхъ бриговъ, всего болѣе 50 кораблей. Еще должно желать, чтобы Греческій флотъ пополненъ былъ нѣсколькими пароходами; если бы вѣщечіе сихъ дней, когда оба флота плыли одинъ подлѣ другаго, и когда часные шшли осшанавливали ихъ въ разстояніи другъ отъ друга на выспрѣль, у Грековъ былъ шолько одинъ пароходъ для того, чтобы буксировать брандеръ къ Турецкимъ фрегатамъ, сіи шяжелыя суда, коими Турки ошнюдъ не умѣють управлять, неминуемо сдѣлались бы жершвою пламени. Въ вечеру 30 Мая подулъ благопріятный вѣшеръ, и Міаули рѣшился сдѣлать опышъ брандерами. Они были посланы впередъ, а шощасъ за ними бриги для снятія съ первыхъ находящихся на нихъ экипажей. Уже они досшигли непріательской линіи; внезапно брандеры обрашались назадъ, не сдѣлавши малѣйшаго опыша, и осшавили флотъ на жершву сдѣльнаго огня, опкрышаго съ непріательскихъ кораблей. Въ послѣдствіи они извинялись шѣмъ, что они непредвидѣли вѣрныхъ выгодъ если бы въ шо время сдѣлали нападеніе, и что для того они хо-

шъли сберечь бранеры на удобнѣйшее время. Недоспашокъ въ съѣсненныхъ припасахъ принудилъ Міаули возвратиться въ одну изъ Морейскихъ гаваней и лишилъ его возможности воспретяшствовашъ плаванію неприятельскаго флота, кошорый 1 Іюля пустился въ дальнѣйшій путь по направленію къ Кандіи.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И .

1 8 2 7 .

44. *Съверные Цвѣты на 1828 годъ.* С.п.б. въ типогр. Департам. Народн. Просв. 1827. въ 16 д. л. Въ отдѣленіи прозы 314, въ отдѣленіи Поззіи 107 стр. съ заглавною виньешкою и портретомъ А. С. Пушкина.

(Съверные Цвѣты издаются уже четвертый годъ. Содержаніе нынѣшней книжки есть слѣдующес: *Проза.* 1) Обзоръ Россійской Словесности за 1827 годъ, *О. М. Сомова* — 2) Паденіе Велдека, Историческая

повѣсть, *Θ. В. Булгарина* — Двѣ сесстры или кошорой ошдашь преимущество? (аллегорія) *Θ. Н. Глинки* — 4) Бедуинка, восточная повѣсть, перев. съ Арабскаго, *О. И. Сенковскаго* — 5) О жизни и сочиненіяхъ Карамзина, *Н. И. Греча* — 6) Восхожденіе солнца въ бурное осеннее утро, *Θ. Н. Глинки* — 7) Опрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія (извлечено изъ неизданныхъ записокъ) — 8) Гайдамакъ, опрывокъ изъ Мало-россійской повѣсти, *П. Б. Байскаго* — 9) О сочиненіяхъ Барашынскаго, *П. А. Плетнева. Поэзія: 1) Графъ Нулинъ, соч. А. С. Пушкина — 2) Море, Кн. П. А. Вяземскаго — 3) Элегія, К. Н. Батюшкова — 4) На смерть В...ва, Барона А. А. Дельвига — 5) Опрывокъ изъ Бориса Годунова, А. С. Пушкина — 6) Безвѣстность, П. А. Плетнева — 7) Вечерній звонъ, И. И. Козлова — 8) Фирдоуси, А. И. Подолинскаго — 9) Учанъ-Су, Е. П. Зайцевскаго — 10) Три Сонета (изъ Мицкевича), А. Д. Илличевскаго — 11) Пчела и мошылекъ, М. — 12) Къ поршрешу Ломоносова, А. Д. Илличевскаго — 13) Къ часамъ, при ошсылкѣ ихъ сесстрѣ, его же — 14) Къ нянь, Н. М. Языкова — 15) Характерисшика, ** — 16) Псаломъ LXII, *Θ. Н. Глинки* — 17) Къ П. А. П — ву, ошвѣсть на его посланіе, *Н. И.**

- Гндича — 18) Элегія, *А. С. Пушкина* — 19) Двѣ Оды изъ Горация, *В. Е. Вердеревскаго* — 20) Парпизаны (оспровоокъ) — 21) Съшованіе (Израильская пѣснь), *В. Н. Григорьева* — 22) Опроверженная пословица, *А. Д. Илличевскаго* — 23) Соловей, *П. А. Плетнева* — 24) Ангель, *А. С. Пушкина* 25) Кончина благошворителя, *П. Г. Ободовскаго* — 26) Пророчество о Мессіи, его же — 27) Конь и жеребенокъ, басня (изъ Флоріана), *В. В. Измайлова* — 28) Жалоба на счастье, *А. Д. Илличевскаго* — 29) На смерть собачки Амики, *Б. А. А. Дельвига* — 30) Сила надежды, *А. Д. Илличевскаго* — 31) Посланіе къ Н. Ф—ву, *В. Н. Григорьева* — 32) Шансы, *А. И. Подолнскаго* — 33) Надписи къ изображеніямъ нѣкошорыхъ Ишанскихъ Поэщовъ, * * — 34) Сочинишелю посланій, *А. Д. Илличевскаго* — 35) Прекраснымъ глазамъ, *В. И. Туманскаго* — 36) Алексію Николаевичу Оленину, при доставленіи послѣдняго изданія басенъ, *И. А. Крылова* — 37) Заспольная пѣсня, *Б. А. А. Дельвига* — 38) Цвѣшокъ и шерновникъ, басня, *М. Суханова* — 39) Русской Романшикъ Русскому Классику — 40) Переговоры въ Бѣлой Церкви (черша изъ жизни Богдана Хмельницкаго), *Ө. Н. Глинки* — 41) Ошрывоокъ изъ Поэмы: Бальный вечеръ, *Е. А.*

Баратынскаго — 42) Ошвъпъ, Б. А. А. Дельвига — 43) Надежды, * * — 44) Последняя смерть, Е. А. Баратынскаго — 45) Ушвъшеніе, Б. А. А. Дельвига — 46) Идиллія, его же — 47) Эпиграмма, его же — 48) Смерть, его же — 49) Падающія звѣзды (подражаніе Беранжеру) — 50) Черепъ (посланіе къ Д.), Я. — Приложенный къ сей книжкѣ портретъ А. С. Пушкина, ошлично выгравированъ Н. И. Уткинымъ съ превосходнаго портрета, писаннаго О. А. Кипренскимъ. Заглавная виньетка, прекрасная по изобрѣшенію и рисунку, нарисована В. П. Лангеромъ и весьма хорошо выгравирована И. В. Ческимъ.

С М Ъ С Ъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издаваемые нами Журналы будутъ продолжаться и въ наступающемъ 1828 году, на нынѣшнемъ основаніи, по прежнему плану, а именно:

I. СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, Журналь Литерашуры, Полишики и Современной Исторіи, будетъ заключаешь въ себя слѣдующія сшашья :

1) *Русская Словесность*. Краснорѣчіе духовное и свѣтское. Разсужденія о Русскомъ языкѣ и Русской Литерашурѣ.

2) *Иностранная Словесность*. Извѣстія объ успѣхахъ Словесности въ чужихъ краяхъ и новыхъ книгахъ. Переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній.

3) *Изящная Словесность*. Повѣсти, Сказки, Разговоры, ошрывки изъ лучшихъ новыхъ Романовъ и ш. п.; легкія живописныя Путешествія.

4) *Критика*. Разборъ новыхъ, достойныхъ вниманія произведеній Русской и иностранной Словесности.

5) *Поэзія*. Спихотворенія отдѣльныя, и отрывки изъ большихъ Поэмъ, Трагедій, Комедій и пр.

6) *Науки и Изыщныя Искусства*. Подробныя свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ Наукъ и Изыщныхъ Искусствъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Спашыи, относящіяся къ теоріи Наукъ и Художествъ,

7) *Современная Исторія и Политика Европы*. Разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ и прежнихъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ; выписки изъ иностранныхъ историческихъ и политическихъ Журналовъ; важнѣйшіе Государственныя акты, рѣчи, договоры и пр. отрывки изъ записокъ знаменитыхъ мужей, характеры современниковъ; новѣйшіе историческіе анекдоты.

Сей Журналь будетъ выходить по два раза въ мѣсяць, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

II. СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ, Журналь Древностей и Новостей, по части Исторіи, Спашиспики, Путешествій и нравовъ, будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій:

1) *Всеобщая Исторія*. Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ Писателей. Біографіи сихъ Писателей. Разсужденія о предметахъ Всеобщей Исторіи; изысканія и ш. п.

2) *Россійская Исторія*. Достопамятноспи древней, средней и новой Исторіи Россіянъ и прочихъ Славянскихъ народовъ; важнѣйшіе историческіе акты; крипическія изысканія; разборъ важнѣйшихъ историческихъ сочиненій. Древности; монеты.

3) *Статистика и Политическая Экономія*. Свѣдѣнія статистическія о Россіи и смежныхъ съ нею Государствахъ. Теоретическія изысканія и описанія практическихъ способовъ, клонящихся къ усовершенію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, шорговли, домоводства и пр.

4) *Путешествія*. Путешествія Россіянъ по чужимъ краямъ, еще ненапечатанныя; Россіянъ и иностранцевъ по Россіи; важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ Свѣта. Извѣстія объ экспедиціяхъ полярныхъ.

5) *Правовѣдніе*. Теорія Судопроизводства. Юридическія изслѣдованія. Знаменитые процессы.

6) *Нравы*. Спашьи о нравахъ и обычаяхъ, въ родѣ Адиссонова Зришеля, Джонсонова Побродяги, Пустынника Жуи и ш. п.

7) *Перечень новыхъ извѣстій и открытій*, по часши Исторіи, Статистики и Географіи.

8) *Смтьсь*. Крипическое разсмотрѣніе

историческихъ , спашиспическихъ и географическихъ сочиненій, картъ, плановъ и пр. Извѣстія о новыхъ книгахъ, картахъ, планахъ и пр. Къ сему Журналу прилагаемы будутъ карты, виды и планы, также поршпрешы Россійскихъ Писателей, преимущественно современныхъ.

Сей Журналь будетъ выходитьъ дважды въ мѣсяць, книжками въ шесть и болѣе печашныхъ листовъ.

III. СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА, Журналь новостей по части Истории, Полишики, Липерашуры и нравовъ, или новая полишическая и липерашурная Газета, въ коей помѣщаемы будутъ всѣ крашкія и легкія спашьи, по вышенсчисленнымъ предметамъ, получающія цѣну свою ошъ скорого и незамедлительнаго выхода ихъ въ свѣтъ. Въ сей Газетѣ будутъ содержашся:

1) *Новости политическія заграничныя*, полученныя съ послѣднею почшою.

2) *Новости внутреннія*. О необыкновенныхъ случаяхъ и явленія въ природѣ и общешіин; о благотворительныхъ подвигахъ; о новыхъ общепользныхъ заведеніяхъ, и ш. д.

3) *Новости не политическія*. О новыхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ; о произведеніяхъ Наукъ, Художествъ и ремесль.

4) Извѣстія обо всѣхъ выходящихъ въ

свѣтъ *Русскихъ книгъ*, съ крашкми о содержаніи и достоинствѣ ихъ замѣчаніями.

5) *Нравы*. Небольшія сшашьи о нравахъ, кришическія и нравоучительныя замѣчанія.

6) *Словесность*. Легкія стихотворенія и разныя сшашьи въ прозѣ. Переписка. Пешербургскія записки.

7) *Смѣсь*. Небольшія сшашьи, неподходящія подъ вышеисчисленные разряды. Выписки изъ иностранныхъ Журналовъ и пр.

8) Извѣстія о новѣйшихъ модахъ.

Сія Газета будетъ выходить листами, прижды въ недѣлю, по Вшорникамъ, Чешвершкамъ и Суббошамъ.

IV. ДѢТСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ, будетъ состояшь изъ чешырехъ часшей въ годъ, и раздавашься *безденежно* особамъ, подписавшимся на при помянушыя Журнала. Въ сосшавъ онаго входяшь:

1) *Отечественная Исторія*, въ видѣ уроковъ или въ особенномъ повѣсшвованіи о важныхъ происшешвіяхъ и подвигахъ, досшойныхъ удивленія и подражанія.

2) *Отечественная Географія*, также въ видѣ уроковъ или рассказовъ о малоизвѣсшныхъ спранахъ обширной Россіи.

3) *Русскій языкъ*. Граммашическіе уроки. Примѣры чистоты и правильности языка, кошорымъ должно подражашь, и не-

правильностей, коихъ должно избѣгать; трудности грамматическія и ш. п., изложенныя легкимъ и удобопонятнымъ для дѣшей образомъ.

4) *Науки*. Уроки Физики, Химіи, Естественной Исторіи, Технологіи, въ видѣ писемъ, бесѣдъ и проч., вообще изложенныя легко и понятно.

5) *Словесность*: нравоучительныя Повѣсти и любопытныя анекдоты. Стихотворенія, приуроченныя къ понятію дѣшей.

Въ сихъ изданіяхъ принимающъ постоянное участіе многіе извѣстные Литераторы и Ученые. Сверхъ того приглашаемъ всѣхъ любителей Наукъ и Словесности доставлять въ наши Журналы свои произведенія, но обязуемся печатать только то, что сообразно съ цѣлю изданія, что содержаніемъ и слогомъ достойно вниманія просвѣщенной публики. Въ семъ случаѣ принимаемъ на себя обязанность оппечатавать на свой счетъ до двухъ сотъ экземпляровъ, доставленной намъ спашьи особо, въ пользу Автора; но въ случаѣ невозможности помѣстивъ какую-либо спашью, отказываемся отъ всякой по сему предмету переписки, и отъ обязанности доставлять руко-

пись обращно. Изъ сего исключаются историческіе акты и ш. п., кои, по снятіи съ нихъ копій, возвращаются доставившимъ съ благодарностію.

Цѣна сихъ Журналовъ естъ слѣдующая:

	Въ Санкт-пешербургѣ.	Съ пересылкою и съ доставленіемъ на домъ.
1. За годовое изданіе или 24 книжки <i>Сына Отечества</i>	40 р.	45 р.
2. За годовое изданіе или 24 книжки <i>Съвернаго Архива</i>	40 р.	45 р.
3. За годовое изданіе или 156 лисшовъ <i>Съверной Пчелы</i>	40 р.	50 р.

За всѣ при изданія вмѣстѣ здѣсь въ С. Пешербургѣ 120 р., съ доставленіемъ на домъ 130 р., съ пересылкою въ другіе города 140 р. Подписавшіеся на всѣ при изданія получаютъ безденежно въ годъ чепыре части *Дѣтскаго Собесѣдника*, на кошорый особо подписки не принимается.

Подписываться можно, въ С. Пешербургѣ: въ шипографіи Коллежскаго Совѣтника Греча, на Исакіевской площади, въ домъ Бремера, подъ No 180; у Издашеля, Ѳ.

В. Булгарина, въ большой Офицерской улицѣ, въ домѣ Спруговщикова, подь No 156; въ книжныхъ лавкахъ Гг. Смирдина, Сленина, Глазунова, Свѣшникова и Заикина; въ Москвѣ: у Гг. Ширяева и Свѣшникова. Иногородные благоволяшъ адресовашься прямо въ Газетную Экспедицію С. Пешербургскаго Почтамша.

Н. Гречь. О. Булгаринъ.

Санктпешербургъ.

21 Декабря 1827.

КОНЕЦЪ СТО ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

СТО ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. Изящная Словесность.

1. Посъщипели Висбаденскихъ шепалицъ
(Оконч) 3
2. Степени возраста женщины 36
(Оконч.) 81
3. ИмпрОВИзапоры 163
4. Спшляница, Ирландское преданіе 186
5. Волшебный гвоздь, Восшочная Повѣспь 202
6. Моцаршова письмо 215
7. Книгсбенчь въ Лондонѣ 217

II. Военное Искусство.

- О сосшопіи Французской аршиллеріи 55

III. Некрология.

1. Андрей Михайловичъ Терьевъ 131
2. Николай Федоровичъ Граммашинъ 223

IV. Стихотворенія.

1. Ошрывки изъ Повѣспи: Изгнаннигь 56
2. Война въ Персіи, 1827 года 139
3. Семгь, или Марыина роцца 142
4. А. М. Р—ну 236

V. КРИТИКА.

Разсмотрѣніе статьи: Исторія Артиллеріи 122

VI. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

1. Лондонъ 70

2. Алжиръ 146

(Оконч.) . 239

3. Новѣйшее состояніе Южной Америки . 261

4. Путешествіе по Греціи Джамса Эмерсона (Оконч.) 292

VII. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ 781.
329

112
113
114
115
116

